S 78
590

БИБЛІОТЕКА
ГОСУДАРСТВЕННАГО
УНИВЕРСИТЕТА М.У

5 78/590
11033
Б/Б Ф/5 9
3в-413
БИБЛІОТЕКА 1-го СТУДЕНЧЕСК. ОБЩЕЖИТІЯ МОСКОВСКАГО УНИВЕРСИТЕТА.
292

ОСНОВАНІЯ КЛАССИФИКАЦІИ ГОСУДАРСТВЪ

ВЪ СВЯЗИ

СЪ ОБЩИМЪ УЧЕНІЕМЪ О КЛАССИФИКАЦІИ.

ХАМОВНИЧЕСКАЯ РАЙОННАЯ БИБЛІОТЕКА-ЧИТАЛЬНЯ
И. М.
КАРЛА МАРКСА

МЕТОДОЛОГИЧЕСКОЕ ИЗСЛѢДОВАНІЕ

Н. Звѣрева.

ИЗ
Ф85
ПОЛУЧЕНО

МОСКВА.
ВЪ УНИВЕРСИТЕТСКОЙ ТИПОГРАФІИ (М. КАТКОВЪ),
на Страстномъ бульварѣ.
1883.

11055

8

2

Библиотека имени В. И. Ленина

Ф-40306-37.

ПОГАШЕНО

11033
ХАМОВНИЧЕСКИЙ РАЙОН
КАРЛА МАРКСА
БИБЛИОТЕКА-ЧИТАЛЬНЯ
292

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Сравнительно-историческое изученіе общественныхъ явленій, рекомендуемое современною методологіею, ставитъ на первое мѣсто вопросъ о классификаціи изучаемаго матеріала. Для политическихъ и юридическихъ наукъ это—начальный и вмѣстѣ роковой шагъ изслѣдованія, какъ мы надѣемся показать далѣе. Поэтому, выборъ темы нашей монографіи, посвященной классификаціи государствъ, достаточно оправдывается глубокою методологическою важностію задачи.

Состояніе научной разработки избраннаго вопроса, оставляющее желать многаго, побудило насъ обратиться къ логикѣ, чтобы въ ней поискать данныхъ для прочной постановки дѣла. Это, въ свою очередь, увело насъ далѣе первоначальныхъ предположеній.

Подобно наблюденію, описанію и отвлеченію, классификація, какъ пріемъ, предшествующей индукціи, принадлежитъ къ тѣмъ вопросамъ логики, которые лежатъ на границѣ между нею и психологіею и представляются наименѣе разработанными. Поэтому, для рѣшенія затрудненій, встрѣченныхъ въ нашей спеціальной темѣ, мы должны были предпринять логическое изслѣдованіе, переступившее само собою въ область психологіи. Результатомъ этихъ занятій является первый отдѣлъ книги, излагающій общее ученіе о классификаціи.

Второй отдѣлъ посвященъ собственно классификаціи государствъ. По существу своему, онъ является приложеніемъ общихъ логическихъ началъ къ рѣшенію частной, но въ высокой

степени важной задачи государственной науки. Съ этой точки зрѣнія, онъ служитъ практическою повѣркою выводовъ, полученныхъ предыдущимъ изслѣдованіемъ, и потому необходимо требуетъ предварительнаго ознакомленія съ первымъ отдѣломъ, который, наоборотъ, можетъ разсматриваться, какъ особое цѣлое.

И. Звѣревъ.

26 октября 1883,
Москва.

P. S. Просимъ читателя исправить двѣ вкравшіяся опечатки, нарушающія смыслъ текста. На стр. 19 (43 строка св.) напечатано: *надобны*, вмѣсто: *подобны*, а на стр. 40 (16 строка св.)— *сближеніе съ ихъ цѣлью*, вмѣсто: *сближеніе съ цѣлью ихъ*.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

ОТДѢЛЪ ПЕРВЫЙ.

Общее ученіе о классификаціи.

ГЛАВА I. стр.

Психологическія данныя логики.

Основныя способности разума,—различеніе и уподобленіе,—и ихъ роль въ отправленіяхъ сознанія.—Индивидуальныя воспріятія и родовыя понятія отдѣльныхъ ощущеній.—Индивидуальныя воспріятія и родовыя понятія предметовъ. — Законъ относительности.—Выводы..... 3

ГЛАВА II.

Сопоставленіе и сравненіе, ихъ природа и условія.

Сопоставленіе, какъ психологическій актъ, и его границы.—Предметы несоизмѣримые и тожественные. — Подобіе, какъ условіе сопоставленія.—Обособляющія и обобщающія опредѣленія.—Психологическая природа подобія и вліяніе его силы на наши опредѣленія. — Способы измѣренія подобія.—Сравненіе, какъ логическая операція, и его границы.—Нѣсколько словъ о родовыхъ понятіяхъ.—Выводы..... 35

ГЛАВА III.

Значеніе классификаціи, какъ пріема изученія.

Поясните́льный примѣръ.—Классификація, какъ первый пріемъ;—какъ пріемъ, предрѣшающій судьбу изученія.—Науки абстрактныя и конкретныя.—Значеніе классификаціи для тѣхъ и другихъ наукъ.—Вліяніе цѣли изученія на классификацію: спеціальныя и общія классификаціи.—Различіе классификаціи отъ систематики. — Выводы..... 73

ГЛАВА IV. стр.

Характеръ группъ и обособленіе ихъ.

Характеръ правильно обособленныхъ группъ.—Естественныя группы и естественная классификація.—Необходимость обособляющихъ признаковъ; ихъ характеръ.—Взаимное отношеніе общихъ признаковъ группы съ точки зрѣнія ученія о предикабиліяхъ: признаки отличительные или основные (differentiae), особенные или производные (propria) и случайные (accidentia).—Обособляющій признакъ долженъ быть основнымъ и наглядныхъ.—Признаки-показатели.—Два слова объ явленіяхъ сопослѣдованія и сосуществованія и пріемахъ ихъ изученія. — Взаимныя отношенія признаковъ, какъ явленія сосуществованія, изучаются при помощи метода черезъ простое перечисленіе.—Статическое и динамическое приложеніе этого метода.—Выводы..... 98

ГЛАВА V.

Взаимное отношеніе группъ.

А) Параллельныя группы, производимыя дѣленіемъ.—Соотвѣтствіе обособляющихъ признаковъ, какъ основное начало дѣленія.—Два вытекающихъ отсюда дополнительныхъ правила.—Раздвояющаяся классификація. — Переходныя явленія и группы.—Б) Высшія и низшія группы, роды и виды.—Ихъ взаимная зависимость въ обособляющихъ признакахъ и составѣ. — Отношеніе обособляющихъ признаковъ къ своимъ группамъ и къ обособляемымъ предметамъ. — Особенности крайнихъ группъ.—а) Крайнія высшія группы или роды въ частныхъ и всеобщей классификаціяхъ. — Связь частныхъ классификацій со всеобщею.—Порядокъ построенія.—б) Крайнія низшія группы или виды.—Фактическія и методологическія границы классификаціи.—Выводы..... 126

ГЛАВА VI.

Взаимное расположеніе предметовъ и группъ.

Расположеніе предметовъ и группъ рядами, какъ наиболѣе отвѣчающее цѣлямъ классификаціи.—Іерархическіе ряды спеціальныхъ классификацій, какъ условіе примѣненія метода сопутствующихъ измѣненій.—Случаи іерархическаго расположенія въ общихъ классификаціяхъ.—Выводы..... 167

ГЛАВА VII. стр.

Трудность построенія и относительность классификаціи.

Высота требованій, какъ одна изъ причинъ трудности построенія классификаціи.—Другая причина—несовершенство метода, прилагаемаго къ выполненію этихъ требованій.—Относительность классификаціи.—Классификація, какъ показатель уровня знаній..... 178

ОТДѢЛЪ ВТОРОЙ.

Основанія классификаціи государствъ.

ГЛАВА VIII.

Общія замѣчанія къ вопросу о классификаціи государствъ.

Нѣсколько словъ о классификаціяхъ въ общественныхъ наукахъ. — Особенности явленій общежитія, вліяющія на ихъ размѣщеніе. — Классификаціи государствъ. — Исторія вопроса. — Современное его состояніе. — Планъ дальнѣйшаго изслѣдованія..... 189

ГЛАВА IX.

Классификаціи государствъ по количественному составу верховной власти.

Классификація Аристотеля. — Ея историческая судьба.— I) Возраженія противъ древняго дѣленія Шлейермахера и другихъ писателей.—II) Поправки древняго дѣленія.—А) Измѣненіе основаній классификаціи: Блюнчли, Рошеръ. — Б) Сокращеніе группъ: Халлеръ, Тренделенбургъ.—В) Увеличеніе группъ: Полибій, его послѣдователи и противники; Монтескьё, Блюнчли 204

ГЛАВА X.

Классификаціи государствъ по количественному составу верховной власти.

(Продолженіе).

Классификація Шлейермахера.—Основаніе дѣленія.—Группы государствъ низшаго, средняго и высшаго порядковъ.—Критика классификаціи Шлейермахера. — Ея отношеніе къ классификаціи Аристотеля..... 239

ГЛАВА XI. стр.

Классификаціи государствъ по дѣленію верховной власти.

Классификаціи Канта, Хэрена и Бера. — Критика ихъ.— Отношеніе къ нимъ германской политической литературы.— Дѣленія французскихъ писателей: Де-Траси, Ланжюинэ и Пасси.— Критика ихъ..... 259

ГЛАВА XII.

Классификаціи государствъ по возрастамъ народа.

Классификаціи государствъ, опирающіяся на различія состояній народа.—Общее критическое замѣчаніе.—Дѣленіе политическихъ союзовъ по возрастамъ народа. — Классификаціи Велькера и Ромера.—Критическая оцѣнка ихъ. — Попытка Фолльграффа..... 282

ГЛАВА XIII.

Классификаціи государствъ по ступенямъ культуры народа.

Дѣленіе политическихъ союзовъ по ступенямъ народнаго развитія.—Классификаціи Дудена, Моля и Форлендера.—Критика ихъ.—Общія заключительныя замѣчанія о размѣщеніяхъ, основанныхъ на различіяхъ состояній народа..... 314

ГЛАВА XIV.

Частныя параллельныя классификаціи государствъ.

Разнородныя и совмѣстныя дѣленія.—Дѣленія Роттека, Цахаріэ, Лео и Вайтца.—Бѣглыя замѣчанія объ этихъ дѣленіяхъ. 358

ГЛАВА XV.

Проэктируемая классификація государствъ.

Опредѣленіе размѣщаемаго матеріала.—Обособленіе и организація родовыхъ группъ.—Сравнительная оцѣнка обособляющихъ признаковъ Аристотеля и Канта.—Обособленіе и организація видовыхъ группъ.—Терминологія классификаціи.— Расположеніе явленій и группъ іерархическими рядами.... 371

КАРЛА МАРКСА
БИБЛИОТЕКА-ЧИТАЛЬНЯ

ОТДѢЛЪ ПЕРВЫЙ.

ОБЩЕЕ УЧЕНІЕ О КЛАССИФИКАЦІИ.

...НИЧЕСК... РАЙОН... И М. ...АРЛА МАРКС... ...ОТЕКА-ЧИТА...

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

Психологическія данныя логики.

Основныя способности разума,—*различенія* и *уподобленія*, — и ихъ роль въ отправленіяхъ сознанія —Индивидуальныя воспріятія и родовыя понятія отдѣльныхъ ощущеній.—Индивидуальныя воспріятія и родовыя понятія предметовъ.—Законъ относительности.—Выводы.

Самые видные и авторитетные представители современной опытной психологіи согласно утверждаютъ, что послѣднимъ основаніемъ всѣхъ операцій человѣческой мысли служатъ два неразложимыхъ состоянія сознанія: чувство *различія* и чувство *сходства*, необходимымъ пополненіемъ которыхъ является память [1]). Оба названныя чувства представляютъ собою непосредственныя, интуитивныя воспріятія разума, не поддающіяся дальнѣйшему анализу [2]).

---

[1]) *A. Bain.* Les sens et l'intelligence, trad. par Cazelles. Paris, 1874; p. 4—5, 279—283.—*Герб. Спенсеръ.* Основанія психологіи; рус. пер., Спб., 1876; т. III, ч. VI, гл. XXIV. См. также: *К. Ушинскій.* Человѣкъ, какъ предметъ воспитанія, 2-е изд., 1871; т. I, с. 297.—*Ст. Джевонсъ.* Основы науки. Трактатъ о логикѣ и научномъ методѣ. Рус. пер. М. Антоновича, 1881, с. 4.—*М. Троицкій.* Нѣмецкая психологія въ текущемъ столѣтіи. М., 1867; с. 163—164.—*Ribot.* La psychologie anglaise contemporaine. 2-e éd., Paris, 1875; p. 423—424.—Ср.: *H. Ulrici.* Compendium der Logik. 2-te Aufl., 1872; S. 33 sq.—*A. Horwicz.* Psichologische Analysen auf physiologischer Grundlage. 2-ter Th., 1-te Hälfte: Analyse des Denkens. 1875; S. 92, 107—115.

[2]) *Д. С. Милль.* Система логики; рус. пер. Резенера, Спб, 1865; т. I, с. 85—86, 165; т. II, с. 137.—*Спенсеръ.* Основанія психологіи; т. III, ч. VI, с.

Другими словами, они составляютъ двѣ основныя способности познающаго духа, которыя уже не могутъ быть сведены на элементы болѣе простые. Одна изъ этихъ способностей заключается въ томъ свойствѣ разума, которое позволяетъ ему усматривать различіе между несходными ощущеніями, другая—обнаруживать сходство между ощущеніями подобными. Какъ основныя и первоначальныя, способности *различенія* и *уподобленія* служатъ единственными орудіями мышленія, которое, отъ самыхъ сложныхъ и трудныхъ разсужденій до самыхъ простыхъ и непосредственныхъ заключеній, сводится на установленіе отношеній различія и сходства [1]). Отсюда ясно само собою, что результаты психологическаго анализа должны играть видную роль въ области логическихъ изслѣдованій. И, дѣйствительно, фундаментальные по значенію и положенію въ своей наукѣ, они уже и теперь далеко переступаютъ за ея рубежъ и находятъ обширное примѣненіе въ логикѣ. Въ этомъ отношеніи достаточно указать на превосходные анализы Бэна и блестящія теоріи Спенсера, встрѣчающія горячихъ сторонниковъ въ ученомъ мірѣ [2]). Первый прилагаетъ выводы психологіи ближайшимъ образомъ къ ученію объ именахъ, предложеніяхъ и опредѣленіяхъ [3]), второй опираетъ на нихъ почти все обширное зданіе современной логики [4]). Но и тотъ, и другой дѣлаютъ только

295.—*Bain.* Les sens et l'intelligence, p. 2.—*Его-же.* Душа и тѣло. Рус. пер., Кіевъ, 1880; с. 103.—*Ушинскій.* Человѣкъ, какъ предметъ воспитанія; т. II, с. 164.—Ср. *Horwicz.* Analyse des Denkens; S. 113—114.

[1]) *Спенсеръ.* Основанія психологіи, т. III, ч. VI, с. 293, 310, 312 и мн. др.—Ср. *Bain.* Logique déductive et inductive, trad. par. Compayré. Paris, 1875; t. I, p. 11—13.—*Его-же.* Les sens et l'intelligence, p. 283: „Ce qu'on appelle jugement se compose d'une part de distinction et d'autre part du sens de la ressemblance: nous décidons si deux ou plusieurs choses diffèrent ou se ressemblent. Il n'y a pas de jugement qui en dernière analyse ne se résolve en l'une ou l'autre de ces deux fonctions de l'intelligence".—*Horwicz.* Analyse des Denkens; S. 108: „Unser Denken richtet sich entschieden nach Gleichheit und Verschiedenheit. Vergleichen und Unterscheiden sind die Grundelemente des Denkens".

[2]) *Ribot.* Psychologie anglaise; p. 420. Косвенное признаніе теорій Спенсера встрѣчается, между прочимъ, у Милля: Система логики, т. I, с. 216. Джевонсъ кладетъ ихъ въ основаніе своей „Системы науки".

[3]) *Bain.* Logique, t. I, p. 4.

[4]) *Спенсеръ.* Основанія психологіи, т. III, ч. VI, въ особенности гл. VIII и IX.

первые, правда, смѣлые и значительные шаги въ новомъ направленіи, которому принадлежитъ, повидимому, завидное будущее [1]).

Бросая яркій свѣтъ на процессы нашей мысли вообще, способности различенія и уподобленія имѣютъ особливое значеніе для классификаціи, какъ логической операціи. Поэтому, останавливая на нихъ вниманіе читателя, мы должны сдѣлать здѣсь отступленіе въ сторону отъ своей непосредственной темы. Надѣемся, — это отступленіе найдетъ полное оправданіе въ дальнѣйшемъ изложеніи.

Ежедневное наблюденіе можетъ удостовѣрить каждаго, что продолжительное, непрерывное и однообразное ощущеніе [2]) не достигаетъ обыкновенно сознанія. Не замѣчаемое нами, оно остается въ скрытомъ состояніи и проходитъ безслѣдно, ничѣмъ не обнаруживая своего присутствія. Для того чтобы ощущеніе коснулось сознанія и приняло опредѣленный умственный образъ, т.-е. перешло въ *индивидуальное воспріятіе*, необходимо какое-либо *измѣненіе* въ ощущающемъ «я»;—выражаясь точнѣе, необходимо, чтобы одно ощущеніе смѣнилось другимъ, отличнымъ отъ перваго въ какомъ-либо отношеніи. Точно также ощущеніе, уже перешедшее въ сознаніе, неудержимо стремится исчезнуть изъ него, если пріобрѣтаетъ неподвижный характеръ. Слѣдовательно, *перемѣна* есть непремѣнное условіе для появленія и бытія мысли. И, въ большинствѣ случаевъ, чѣмъ сильнѣе и рѣзче эта перемѣна, тѣмъ живѣе и дѣятельнѣе наша мысль [3]). Я сижу, напр., въ комнатѣ въ продолженіи нѣсколькихъ часовъ и не обращаю никакого вниманія на температуру; но врывается струя морознаго воздуха и тотчасъ же останавливаетъ на себѣ

---

[1]) *Bain.* Logique, t. I, p. 318.

[2]) Мы употребляемъ здѣсь это слово, разумѣя подъ нимъ какъ тѣ состоянія нашего чувства, которыя мы считаемъ своими внутренними состояніями (ощущенія собственно), такъ и тѣ, которыя мы относимъ къ состояніямъ внѣшняго міра (впечатлѣнія). См. *Спенсеръ.* Основанія психологіи, т. I, ч. I, с. 127 sq.; т. III, ч. VI, с. 258.

[3]) *Bain.* Logique, t. I, p. 2.—*Его-же.* Душа и тѣло, с. 55—56; 106.—*Спенсеръ.* Основанія психологіи; т. III, ч. VI, с. 157 sq., 303 sq., – *Троицкій.* Нѣмецкая психологія, с. 140.—*М. Владиславлевъ.* Психологія. Изслѣдованіе основныхъ явленій душевной жизни. 1881, т. II, с. 271 sq..

мое вниманіе. Я работаю цѣлое утро у себя, за столомъ, при ровномъ солнечномъ освѣщеніи, которое однако ни на минуту не привлекаетъ къ себѣ моей мысли; но вотъ набѣжало мимолетное облачко, бросило тѣнь на мой столъ, и перемѣна въ освѣщеніи невольно коснулась моего сознанія. Когда, раннею весною, я выхожу въ поле, я съ удовольствіемъ прислушиваюсь къ однообразной мелодіи «звонко-бѣгущихъ» ручейковъ; но проходитъ нѣсколько минутъ, ухо мое прислушивается къ этому несмолкающему звуку и мысли мои уже бродятъ гдѣ-то вдали. По той же причинѣ человѣкъ не чувствуетъ давленія атмосферы, часовщикъ не слышитъ стука часовъ въ своей мастерской, мельникъ—шума колесъ своей мельницы [1]).

Но мало того, что ощущенія достигаютъ сознанія только подъ условіемъ взаимной смѣны и исчезаютъ вновь, какъ скоро становятся неподвижными;—они всегда понимаются нами какъ два, или болѣе, различныя состоянія нашего сознанія, оттѣняющія и опредѣляющія другъ друга. Мы *воспринимаемъ* ихъ, т.-е. составляемъ представленіе о каждомъ изъ нихъ, только сопоставляя и различая ихъ между собою [2]). Поэтому тамъ, гдѣ невозможно такое сопоставленіе, условливаемое различіемъ, нѣтъ и быть не можетъ никакого воспріятія или представленія. Еслибы, напр., ощущенія свѣта никогда не измѣнялись ни въ родѣ, ни въ степени, мы не имѣли бы самой идеи о свѣтѣ. Еслибы, полагаетъ Бэнъ, всѣ тѣла были окрашены въ однообразный красный цвѣтъ, мы не имѣли бы никакого представленія о краскахъ вообще [3]). «Предположимъ себѣ,—говоритъ Ушинскій,—что предсказаніе современной физи-

---

[1]) *Владиславлевъ.* Психологія; т. I, с. 129.—*Бэнъ* Душа и тѣло, с. 56.—Ср. *Ulrici.* Compendium der Logik; S. 23, 42 sq.

[2]) *Bain.* Logique, t. I, p. 3, 83.—*Его-же.* Les sens et l'intelligence, p. 522—523. Ср. *Спенсеръ.* Основанія психологіи; т. III, ч. VI, с. 263—266.—*Дж. Льюисъ.* Вопросы о жизни и духѣ. Рус. пер., 1876; т. II, с. 206.

[3]) *Bain.* Les sens et l'intelligence, p. 7.—*Ульрици* идетъ далѣе, утверждая, что въ этомъ случаѣ мы не имѣли-бы вообще никакого представленія о предметахъ: „Hätten alle Dinge völlig identische Farbe, so würden wir zwar sehen und doch nicht sehen: unsre Augen würden uns nichts helfen; wir würden weder das Daseyn von Dingen noch ihre Form, Grösze etc. wahrnehmen". Compendium der Logik; S. 43.

ки сбылось и что температура всѣхъ тѣлъ уравновѣсилась, такъ что всѣ тѣла, не исключая и нашего, имѣли бы одну и ту же высокую или низкую температуру, и положимъ, что мы продолжали-бы жить и чувствовать. Тогда, безъ сомнѣнія, мы потеряли бы ощущеніе температуры: *не имѣя случая различать тепло отъ холода, мы не ощущали бы ни тепла, ни холода.* Могло бы даже случиться, что мы сильно *страдали* бы отъ *постояннаго неизмѣняющагося* жара или отъ *постояннаго неизмѣняющагося* холода, но не знали бы, отчего страдаемъ, не различали бы жара отъ холода; эти ощущенія, эти акты сознанія были бы для насъ невозможны» [1]). Съ этой точки зрѣнія нѣтъ ничего невѣроятнаго въ предположеніи, что предметы могутъ имѣть и такія свойства, которыя, неразличимо повторяясь во всѣхъ явленіяхъ, остаются недоступными нашему наблюденію. Поэтическая фантазія древнихъ пиѳагорейцевъ о гармоніи небесныхъ сферъ, ускользающей отъ нашего слуха, нашла бы нынѣ нѣкоторое подтвержденіе въ выводахъ психологіи [2]).

Наоборотъ, только тамъ, гдѣ мы усматриваемъ различіе въ сопоставленныхъ ощущеніяхъ, мы можемъ получить болѣе или менѣе отчетливое ихъ воспріятіе. Я представляю себѣ легкое, только противополагая его тяжелому,—звукъ, только сравнивая его съ тишиной,—свѣтъ, только наблюдая его различіе съ тьмою, и т. п. «Мы никогда не составили бы себѣ идеи движенія, если-бы не имѣли понятія о покоѣ. Какъ можно представить себѣ прямую линію, никогда не видѣвъ ни кривой, ни ломаной»? [3]).

---

[1]) *Ушинскій.* Человѣкъ, какъ предметъ воспитанія; т. I, с. 191. Курсивъ принадлежитъ автору.—Ср. *В. Вундтъ.* Сповапія физіологической психологіи. Рус. пер. В. Кандинскаго, 1881; с. 521.

[2]) Ср. *Льюисъ.* Вопросы о жизни и духѣ; т. II, с. 221: „Не вѣроятно ли въ высшей степени, что и по сіе время дѣйствуетъ много силъ, не отличенныхъ еще нами въ хаосѣ чувственныхъ впечатлѣній, которымъ поэтому „усилія ума“ не могутъ приписать еще *качественнаго* существованія“.

[3]) *Bain.* Logique, t. I, p. 3. – *Его-же.* Les sens et l'intelligence; p. 523: „Montrez à un enfant une baguette, et dites-lui qu' elle est droite, vous n'offrirez probablement aucune notion à son esprit; mais présentez-lui en même temps une baguette courbée, et dites-lui qu'elle *n*'est *pas* droite, mais courbée, et vous lui donnez une connaissance véritable“.

«Сомнительно, можетъ ли гдѣ-нибудь представиться намъ совершенно изолированное явленіе, такъ какъ всегда должны быть нѣкоторые пункты сходства между однимъ и другимъ предметомъ. Но во всякомъ случаѣ изученіе изолированнаго явленія не можетъ повести ни къ чему» [1]). «Всякій уединенный феноменъ есть въ дѣйствительности тайна» [2]). Каждый актъ нашей мысли заключается въ отношеніи по крайней мѣрѣ двухъ сопоставленныхъ состояній сознанія, измѣряющихъ другъ друга [3]).

Ради полноты слѣдуетъ замѣтить, что, въ этомъ сопоставленіи состояній сознанія, одно изъ нихъ всегда привлекаетъ къ себѣ наше вниманіе болѣе, нежели другое. Первое представляется предметомъ, на который непосредственно направленъ нашъ умственный взоръ, тогда какъ второе занимаетъ при этомъ какъ бы служебное положеніе: являясь неразлучнымъ спутникомъ и становясь на второй планъ, оно служитъ фономъ своему освѣщенному товарищу, который заслоняетъ его собою. «Мы можемъ сосредоточивать нашу мысль на теплѣ болѣе, чѣмъ на холодѣ, на прямой линіи болѣе, чѣмъ на кривой. Изъ этихъ двухъ идей одна можетъ быть *яснымъ* предметомъ нашей мысли, тогда какъ другая только предметомъ *скрытымъ*. И подобно тому какъ измѣненія въ нашихъ ощущеніяхъ могутъ происходить въ двоякомъ направленіи,—отъ тепла къ холоду и отъ холода къ теплу,—такъ точно и наше сознаніе въ обоихъ случаяхъ подвергается различнымъ измѣненіямъ. Самое живое сознаніе тепла возникаетъ въ насъ тогда, когда мы переходимъ къ температурѣ болѣе высокой, и самое живое сознаніе холода,—когда мы переходимъ къ температурѣ болѣе низкой. Умственное состояніе, *въ которое* мы *вступаемъ*, есть наше *ясное* сознаніе

---

[1]) *Дневницъ*. Основы науки; с. 1; ср. с. 678.—*Ulrici*. Compendium der Logik; s. 68: „Einem Dinge fur sich allein, einem schlechthin *isolirten* Dinge kann überhaupt keine Bestimmtheit zukommen; von Bestimmtheiten, von Merkmalen kann überhaupt nur die Rede seyn, wenn und weil es eine *Mehrheit* von Dingen giebt".

[2]) *Bain*. Logique; t. II, p. 187.—Ср. *Ушинскій*. Человѣкъ, какъ предметъ воспитанія; т. II, с. 164—165.

[3]) Ср. *Вундтъ*. Основанія физіологической психологіи; с. 521, 739.—*Bain*. Les sens et l'intelligence, p. 522—523; а также: Logique, t. I, p. 83 sq.—*Ribot*. La psychologie anglaise, p. 276.

(explicite); умственное состояніе, *изъ котораго* мы *выходимъ*, есть наше *скрытое* сознаніе (implicite)»[1]).

Въ описанной смѣнѣ состояній сознанія, сопровождаемой интуитивнымъ усмотрѣніемъ ихъ несходства, и заключается *способность различенія*, которая служитъ могучимъ орудіемъ нашей мысли[2]). Сущность ея состоитъ, стало-быть, въ томъ, что, наблюдая различіе между двумя ощущеніями, она опредѣляетъ каждое изъ нихъ именно этимъ различіемъ. Отсюда слѣдуетъ, между прочимъ, что наши воспріятія ощущеній относительны. Въ самомъ дѣлѣ, если каждое изъ нихъ опредѣляется по различію съ другими ощущеніями, то наше представленіе о немъ должно неизбѣжно измѣняться вмѣстѣ съ измѣненіемъ опредѣляющаго различія; а это должно происходить всякій разъ съ перемѣною условій сопоставленія. Другими словами, наши воспріятія, по скольку они устанавливаются способностью различенія, стоятъ въ непосредственной зависимости отъ взаимнаго отношенія различаемыхъ ощущеній, а потому носятъ измѣнчивый и условный характеръ.

Рядомъ со способностью различенія стоитъ другая основная способность нашего разума, которую, въ отличіе отъ первой, слѣдуетъ назвать *способностью уподобленія*. Если та первая заключалась въ интуитивномъ усмотрѣніи различій между ощущеніями, то эта вторая, наоборотъ, состоитъ въ интуитивномъ усмотрѣніи сходства между ними, какого бы рода и степени оно ни было[3]). Когда я послѣдовательно, чрезъ малые промежутки времени, ударяю съ одинаковой силою по одному и тому же клавишу рояля, сознаніе подсказываетъ мнѣ, что съ каждымъ новымъ ударомъ полу-

---

[1]) *Bain.* Logique, t. I, p. 4. Ср.: *Его-же.* Les sens et l'entelligence; p. 522. — *Horwicz.* Analyse des Denkens; S. 166—167.—*W. Wundt.* Logik; 1880, Bd. I, S. 11, 18—19.—*Его-же.* Основанія физіологической психологіи; с. 806—807.

[2]) *Спенсеръ.* Основанія психологіи, т. III, ч. VI, с. 295—297.—*Bain.* Logique, t. I, p. 2—4.—*Его-же.* Les sens et l'intelligence, p. 279—281.—*Ulrici.* Compendium der Logik; S. 35 sq.

[3]) *Bain.* Les sens et l'intelligence, p. 282—283, 416—421.—*Его-же.* Logique, t. I, p. 4—5.—*Его-же.* Душа и тѣло, с. 107.—*Спенсеръ.* Основанія психологіи, т. III, ч. VI, с. 295—297.—*Троицкій.* Нѣмецкая психологія, с. 192.—*Ribot.* La psychologie anglaise, p. 275—276.—*Horwicz.* Analyse des Denkens; S. 107 sq.

чается звукъ, тождественный со звуками отъ прежнихъ ударовъ. Когда я бросаю взглядъ на голубое небо, я нахожу, что между его цвѣтомъ и всѣми другими оттѣнками голубаго цвѣта, которые я наблюдалъ ранѣе, существуетъ большое сходство. Когда я беру на языкъ что-либо съ примѣсью мяты, я испытываю чувство, представляющее нѣкоторое подобіе тому, какое возникаетъ во мнѣ, когда я касаюсь чего-либо холоднаго. Во всѣхъ этихъ случаяхъ я непосредственно усматриваю большее или меньшее сходство моего настоящаго ощущенія съ тѣми, которыя я испытывалъ прежде. И это усмотрѣніе составляетъ такой же неразложимый актъ сознанія, какъ и усмотрѣніе различій, и, подобно послѣднему, сопутствуетъ нашей мысли во всѣхъ ея отправленіяхъ. Намѣренно или безотчетно, въ той или въ другой формѣ, мы безпрерывно испытываемъ чувство сходства между текущими и прошедшими ощущеніями, сопоставляя ихъ между собою. Какъ упомянуто выше, сходство можетъ быть различнаго рода и степени—отъ полнаго тождества до отдаленнаго подобія, «отъ обычнаго ощущенія, которое позволяетъ намъ распознавать начала новаго дня, до геніальнаго прозрѣнія, производящаго великое открытіе, уподобляя, какъ это сдѣлалъ Ньютонъ, паденіе камня силѣ, которая влечетъ луну къ земному шару» [1]).

Сопутствуя мысли во всѣхъ ея проявленіяхъ, способность уподобленія играетъ въ нихъ роль ничуть не меньшую, чѣмъ способность различенія. Мы видѣли выше, что эта послѣдняя, являясь условіемъ возникновенія мысли, въ то же время служила и средствомъ для образованія представленій объ ощущеніяхъ. Теперь мы должны добавить, что въ этомъ образованіи дѣятельное участіе принимаетъ способность уподобленія. Различеніемъ начинается только первый актъ сознанія, обусловливающій его пробужденіе [2]). Дальнѣйшее движеніе мысли сопровождается установлені-

---

[1]) *Bain.* Logique, t. I, p. 5. См. также: *Спенсеръ.* Основаніе психологіи, т. III, ч. VI, 293—294.—*Миллъ.* Система логики; т. I, с. 87.

[2]) *Спенсеръ.* Основонія психологіи; т. III, ч. VI, с. 297.—*Bain.* Les sens et l'intelligence, p. 4, 279—281, 644.—*Его-же*, Душа и тѣло, с. 101, 104.—*Ribot.* La psychologie anglaise, p. 274—275.

емъ сходства [1]). «Шагъ, который мы совершаемъ, переходя отъ темнаго къ ясному, отъ таинственнаго къ постигаемому, состоитъ въ томъ, чтобы найти сходство между явленіями, которое, такъ сказать, устанавливало бы родство между различными феноменами. Мы не въ силахъ проникнуть далѣе, за самые феномены. Мы объясняемъ движеніе, сопоставляя его съ другимъ движеніемъ,— удовольствіе, связывая его съ другимъ удовольствіемъ» [2]). Если бы каждое ощущеніе опредѣлялось только по различію съ другими ощущеніями, наше представленіе о немъ, очевидно, выражалось бы только въ чертахъ отрицательныхъ: мы представляли бы себѣ свѣтъ, напр., какъ нѣчто такое, что не похоже ни на мракъ, ни на звукъ, ни на тепло, ни на движеніе. Но достаточно взять любое изъ нашихъ ощущеній, чтобы убѣдиться въ томъ, что оно открывается сознанію всегда съ нѣкоторымъ положительнымъ содержаніемъ, пополняющимъ его отрицательную характеристику. Я составляю себѣ представленіе объ электрическомъ освѣщеніи не вслѣдствіе того только, что усматриваю различіе между нимъ и всякимъ другимъ освѣщеніемъ, но и вслѣдствіе того, что замѣчаю здѣсь нѣкоторое сходство. Я опредѣляю вкусъ вина не по одному различію его съ другими напитками, но также и по тѣмъ общимъ свойствамъ, которыя я нахожу въ раз-

---

[1]) *Bain.* Les sens et l'intelligence, p. 416—417: „Au point de vue de la *connaissance*, ou perception des choses, la conscience de la concordance ne le cède qu'à la faculté de discrimination, ou conscience de la différence. Quand nous connaissons une chose, c'est par ses rapports de ressemblance et de différence. Nous connaissons pleinement la couleur rouge quand nous l'avons comparée avec toutes les autres couleurs, ainsi qu'avec elle-même et ses diverses nuances.—Tout acte complet de connaissance suppose l'emploi de ces deux facultés, et ne suppose l'emploi d'aucune autre, à l'exception, toutefois, de la rétentivite qu'elles impliquent l'une et l'autre", etc.—Ср. *Horwicz.* Analyse des Denkens; S. 93: „Es giebt kein anderes Mittel unsre Kenntnisse zu erweitern als Gleichheit und Aenlichkeit. Ohne dieses Element des Gleichen und Aenlichen ist kein Wiedererkennen, kein Vergleichen und Unterscheiden, keine Abstraction und Reflection, kein Urtheil, kein Schluss, kein Begriff möglich. Es ist klar, dass unsrer gesammten Denkentwicklung diese beiden Elemente als etwas sehr wesentliches zu Grunde liegen".

[2]) *Bain.* Logique; t. II, p. 174.—*Спенсеръ.* Основанія психологіи; т. III, ч. VI, с. 137: „Сказать, что̀ такое есть давная вещь, значитъ сказать, съ чѣмъ она сходна". См. также с.: 120, 140, 311 и мн. др.

личныхъ винахъ [1]). Этимъ мы вовсе не хотимъ сказать, что въ образованіи нашихъ воспріятій объ способности, различенія и уподобленія, играютъ одинаковую роль. Напротивъ, мы думаемъ, что при различныхъ условіяхъ роли ихъ различны и что онѣ попеременно уступаютъ другъ другу первенство. Ниже мы увидимъ, быть можетъ, въ какихъ именно случаяхъ преобладающее вліяніе остается за тою или другою способностью [2]). Здѣсь же, вновь возвращаясь къ затронутому вопросу, замѣтимъ, что значеніе сходства въ образованіи нашихъ воспріятій съ особенною яркостью выступаетъ при сопоставленіи ощущеній, наиболѣе далекихъ другъ другу, наименѣе имѣющихъ общее между собою. Въ этихъ случаяхъ наши воспріятія отличаются крайнею неопредѣленностью и безсодержательностью. Противополагая, напр., звукъ свѣту, въ лучшемъ случаѣ мы могли бы вывести изъ этого противоположенія развѣ самое общее и неясное представленіе о каждомъ изъ данныхъ ощущеній, именно потому, что оба они характеризовались бы только отрицательною чертою отсутствія сходства. Наше представленіе заключало бы въ себѣ, какъ увидимъ впослѣдствіи, лишь косвенное утвержденіе существованія двухъ несоизмѣримыхъ элементовъ, отвѣчающихъ двумъ ни въ чемъ непохожимъ другъ на друга состояніямъ сознанія [3]). Еще нагляднѣе значеніе сходства выступаетъ въ случаяхъ образованія общихъ понятій какъ объ отдѣльныхъ ощущеніяхъ, такъ и о предметахъ внѣшняго міра. Но, не упреждая изложенія, мы не будемъ пока касаться этихъ случаевъ.

Едва ли нужно доказывать, что способность уподобленія, подобно способности различенія, надѣляетъ наши воспріятія ощущеній опредѣленіями также только относительными. Само собою очевидно, что если эти опредѣленія сводятся на установленіе сходства, усматриваемаго наблюденіемъ, то они должны стоять въ прямомъ отношеніи къ наблюдаемымъ явленіямъ; они

---

[1]) Ср.: *Bain.* Les sens et l'intelligence, p. 432.—*Его-же.* Logique; t. I, p. 5—6.—*Троицкій.* Нѣмецкая психологія, с. 195.—*Льюисъ.* Вопросы о жизни и духѣ; т. II, с. 195.

[2]) См. далѣе, гл. II.

[3]) *Ibid.*

должны подвергаться бо́льшему или меньшему измѣненію въ связи съ измѣненіемъ сходства между сопоставляемыми ощущеніями. А это, именно, и значитъ, что наши воспріятія ощущеній поскольку они условливаются способностью уподобленія, носятъ на себѣ измѣнчивый и условный характеръ, т.-е. относительны.

Не нужно думать, что способности различенія и уподобленія дѣйствуютъ уединенно,—отдѣльно и независимо другъ отъ друга. Ихъ теоретическое обособленіе есть не болѣе, какъ результатъ аналитическаго изученія. Въ дѣйствительности же обѣ способности, органически связанныя другъ съ другомъ, участвуютъ совмѣстно во всѣхъ движеніяхъ нашего сознанія [1]). Поэтому каждое наше воспріятіе того или другаго ощущенія есть производное цѣлое сросшихся между собою различій и сходствъ, усматриваемыхъ нами интуитивно между нимъ и другими ощущеніями [2]). Но различія и сходства, — эти слагаемыя воспріятія, — всегда являются, какъ мы видѣли, величинами относительными: отсюда понятно, что тотъ же характеръ должно носить на себѣ и цѣлое, т.-е. воспріятіе. Оно не можетъ быть чѣмъ-либо неподвижнымъ и неизмѣннымъ. Напротивъ, выражая собою результатъ сопоставленія ощущеній, воспріятіе, по самой природѣ своей, должно быть величиною перемѣнною, измѣняемою условіями сопоставленія; оно способно обладать устойчивостью лишь въ той мѣрѣ, въ какой обладаютъ этимъ свойствомъ порождающія его ощущенія. Другими словами, могутъ существовать различныя воспріятія одного и того же ощущенія, при различномъ сопоставленіи его съ другими ощущеніями. И наблюденіе подтверждаетъ такой выводъ. Свѣтъ лампы по отношенію къ свѣту лампады кажется намъ яркимъ; но тотъ же свѣтъ, при сравненію съ солнечнымъ, мы находимъ слабымъ. Зимою 5—10 градусовъ

---

[1]) *Bain.* Les sens et l'intelligence, p. 417 sq.—Ср. *Спенсеръ.* Основанія психологіи, т. III, ч. VI, с. 25.—*Horwicz.* Analyse des Denkens; S. 120.—*М. Владиславлевъ.* Логика. 2-е изд., 1881, с. 28.

[2]) *Льюисъ.* Вопросы о жизни и духѣ; т. II, с. 409: „Тожество и различіе представляютъ нераздѣльные виды всякаго ощущенія".—Ср. *Ушинскій.* Человѣкъ, какъ предметъ воспитанія; т. I, с. 293.—Мы увидимъ впослѣдствіи (гл. II), что, дѣйствуя порознь, ни способность различенія, ни способность уподобленія не могутъ какъ-либо опредѣлять сопоставляемые элементы.

ниже нуля мы считаемъ теплomъ; но ту же температуру лѣтомъ мы назвали бы нестерпимымъ холодомъ. Близкій ружейный выстрѣлъ производитъ ощущеніе рѣзкаго и сильнаго звука; но оно блѣднѣетъ по сравненію съ тѣмъ, какое возникаетъ при оглушительномъ ударѣ грома. Въ приведенныхъ примѣрахъ наши воспріятія становились не только различными, но и противоположными, при различномъ сопоставленіи ощущеній. Въ этомъ свойствѣ измѣняемости и условности воспріятій, объясняемомъ основными свойствами разума, проявляется великій *законъ относительности знанія* [1]), который, со времени Локка, составлялъ руководительное начало психологіи [2]) и въ послѣднее время, какъ уже замѣчено выше, получилъ обширное примѣненіе въ логикѣ.

До сихъ поръ мы имѣли дѣло съ индивидуальными представленіями или воспріятіями отдѣльныхъ ощущеній. Но въ нашей мысли существуютъ также *общія* или *родовыя понятія*, идеи абстрактныя, отличныя отъ индивидуальныхъ воспріятій. Независимо отъ представленія данной гладкой поверхности, я имѣю родовое понятіе о гладкой поверхности вообще, и рядомъ съ воспріятіемъ бѣлаго цвѣта бумаги, на которой я пишу, у меня есть общая идея бѣлаго цвѣта. Переходя къ этимъ родовымъ понятіямъ ощущеній, не трудно видѣть, что въ образованіи ихъ принимаютъ участіе тѣ же способности различенія и уподобленія, дѣйствующія здѣсь при видоизмѣненной обстановкѣ. Видоизмѣненіе заключается въ нѣкоторомъ осложненіи условій сопоставленія. Выше сопоставлялись другъ съ другомъ отдѣльныя ощущенія, тогда какъ здѣсь это служитъ только подготовительнымъ процессомъ; дальнѣйшій актъ мысли состоитъ въ противоположеніи однѣхъ группъ ощущеній другимъ. Такъ, создавая родовое понятіе, мы, съ одной стороны, подмѣчаемъ общія черты въ рядѣ подобныхъ ощущеній, выдѣленныхъ въ особую группу на основаніи ихъ подобія; съ другой,—устанавливаемъ различіе между подмѣченными чертами и общими чертами другихъ группъ, обособляемыхъ точно такимъ же образомъ. Со-

---

[1]) Ср. постановку этого закона у *Бэна*: Logique, t. I, p. 2—4, 83—92, 99—100, 118; 124—125. См. также: *Ribot.* La psychologie anglaise, p. 276—277.

[2]) *Троицкій.* Нѣмецкая психологія, с. 180.

ставляя, напр., родовое понятіе сладкаго, мы выдѣляемъ общія свойства многихъ вкусовыхъ ощущеній этой категоріи, противополагая ихъ общимъ свойствамъ вкусовыхъ ощущеній другихъ категорій (горькаго, кислаго, соленаго и т. д.). Выражаясь точнѣе, слѣдуетъ сказать, что общія свойства одной группы, опредѣленныя по различію съ общими свойствами другихъ группъ, образуютъ собою искомое родовое подятіе [1]). Если эти общія свойства каждой изъ сопоставляемыхъ группъ разсматривать какъ одно производное цѣлое, то образованіе родовыхъ понятій легко представить себѣ совершенно сходнымъ съ образованіемъ представленій объ отдѣльныхъ ощущеніяхъ. Разница между тѣмъ и другимъ процессомъ будетъ заключаться только въ матеріалѣ, надъ которымъ работаетъ мысль: въ одномъ случаѣ сопоставляются непосредственныя ощущенія, въ другомъ обобщенія, созданныя предварительною работою мысли [2]). —Нужно ли говорить послѣ этого, что родовыя понятія, подобно индивидуальнымъ воспріятіямъ, также относительны, т.-е. стоятъ въ прямой зависимости отъ состава и характера группъ, общіе признаки которыхъ служатъ матеріаломъ для ихъ образованія?—Предоставляя рѣшеніе вопроса читателю, мы попросимъ у него позволенія сдѣлать здѣсь одну важную оговорку или, вѣрнѣе, обратить его вниманіе на сторону дѣла, которую доселѣ мы обходили молчаніемъ.

Выше, разсматривая образованіе индивидуальныхъ воспріятій, мы сводили всѣ процессы сознанія на сопоставленіе отдѣльныхъ ощущеній. Въ дѣйствительности этимъ долгимъ путемъ мысль наша слѣдуетъ только на первыхъ ступеняхъ своего развитія, при возникновеніи первоначальныхъ воспріятій. Тамъ другаго пути и быть не можетъ, по отсутствію въ нашемъ умѣ какого-либо инаго матеріала для сопоставленія. Но позднѣе, къ той же самой цѣли,

---

[1]) Ср. *Милль.* Система логики; т. II, с. 190, 193 sq.—*Bain.* Logique, t. I, p. 7 sq.—*Владиславлевъ.* Логика; с. 35.—*Его-же.* Психологія; т. I, с. 331.—*Р. Уэтли.* Основанія логики. Рус. пер. Шимкова, 1873; с. 100—101.—*Ulrici.* Compendium der Logik; S. 241—242.—*Льюисъ.* Вопросы о жизни и духѣ; т. II, с. 211.

[2]) *Льюисъ.* Вопросы о жизни и духѣ; т. II, с. 146—*И. Гротъ.* Къ вопросу о реформѣ логики, 1882; с. 83.

мысль идетъ дорогою болѣе короткою, пользуясь накопившимся запасомъ родовыхъ понятій. Новое ощущеніе сопоставляется обыкновенно не съ рядомъ другихъ ощущеній, а съ общимъ понятіемъ, наиболѣе близкимъ къ наблюдаемому явленію. Когда мы смотримъ на черный предметъ, мы опредѣляемъ его цвѣтъ сопоставленіемъ не съ отдѣльными ощущеніями того же цвѣта, но съ родовымъ его понятіемъ. Это послѣднее является такимъ образомъ измѣряющею единицею опредѣляемаго явленія [1]). Правда, есть случаи, въ которыхъ роль родоваго понятія исполняетъ индивидуальное воспріятіе. Цвѣтъ апельсина, напр., можетъ служить намъ для опредѣленія оранжеваго цвѣта вообще. Но это бываетъ всего чаще въ тѣхъ случаяхъ, когда индивидуальное воспріятіе является типическимъ представителемъ цѣлой группы подобныхъ воспріятій, совпадая съ ихъ родовымъ понятіемъ,—тамъ, слѣдовательно, гдѣ оно способно съ успѣхомъ замѣнить это послѣднее [2]). А если ощущеніе опредѣляется обыкновенно сопоставленіемъ съ родовымъ понятіемъ объ ощущеніяхъ той же категоріи, то очевидно, что наши отдѣльныя воспріятія представляютъ собою нѣчто такое, въ чемъ индивидуальное и общее, конкретное и абстрактное, переплетаются самымъ интимнымъ образомъ [3]). Надѣляя ощущеніе тѣми или другими чертами по различію и сходству съ собою, родовое понятіе одѣваетъ его признаками, съ которыми оно открывается сознанію. Общія идеи служатъ намъ тѣмъ освѣщеніемъ, при которомъ мы разсматриваемъ индивидуальныя явленія: съ перемѣною освѣщенія, естественно, измѣняется и окраска явленій [4]).

Предыдущія страницы выяснили достаточно для нашей цѣли природу индивидуальныхъ воспріятій и родовыхъ понятій отдѣль-

---

[1]) Ср.: *Карпентеръ*. Основанія физіологіи ума. Рус. пер., 1877; т. I, с. 217—218.—*Миллъ*. Система логики; т. II, с. 183 sq.—*М. Троицкій*. Наука о духѣ. Общія свойства и законы человѣческаго духа. 1882; т. II, с. 134—135.

[2]) Ср. *Троицкій*. Наука о духѣ; т. II, с. 7.

[3]) *Bain*. Logique, t. I, p. 9: „Le concret et l'abstrait sont inextricablement mêlés et confondus dans l'esprit. Un objet absolument concret, qui ne pourrait être analisé et ramené à des abstractions et des classifications, c'est quelque chose qu'on ne rencontre nulle part", etc.—Ср. *Льюисъ*. Вопросы о жизни и духѣ, т. II, с. 243.

[4]) Ср. *Wundt*. Logik; Bd. I, S. 16.—*Bain*. Logique, t. I, p. 10.

ныхъ ощущеній. Намъ предстоитъ теперь сдѣлать еще одинъ шагъ, чтобы отъ отдѣльныхъ ощущеній перейти къ устойчивымъ сочетаніямъ ихъ, которыя, какъ мы сейчасъ увидимъ, отвѣчаютъ нашимъ индивидуальнымъ воспріятіямъ и родовымъ понятіямъ предметовъ внѣшняго міра.

Одна изъ основныхъ формъ нашего мышленія,—утверждаетъ Бэнъ,—состоитъ въ томъ, что мы удерживаемъ внѣшній міръ такимъ, какимъ онъ отражается въ нашихъ чувствахъ [1]). Это вытекаетъ съ необходимостью изъ психологическаго закона ассоціаціи по смежности. Въ самомъ дѣлѣ, предметы внѣшняго міра открываются нашему сознанію при посредствѣ многихъ чувствъ, вызывая въ насъ разнообразныя ощущенія. Если данная группа ощущеній, возбуждаемыхъ тѣмъ или инымъ предметомъ, повторяется значительное число разъ въ одномъ и томъ же сочетаніи, то, по закону смежности, эти ощущенія неминуемо связываются между собою такъ, что каждое изъ нихъ, возникая въ умѣ, стремится вызвать въ немъ своихъ спутниковъ. И чѣмъ чаще совершается такое повтореніе, тѣмъ крѣпче становится связь; на извѣстной ступени она дѣлается настолько твердою, что отдѣльныя ощущенія какъ бы срастаются въ одно органическое цѣлое, которое и составляетъ наше представленіе о данномъ предметѣ или *индивидуальное* его *воспріятіе*. Такъ, напр., «кремень рисуется въ нашемъ глазѣ, какъ форма и цвѣтъ. Если мы возьмемъ его въ руку, то, кромѣ впечатлѣнія формы, мы получимъ еще осязательное ощущеніе поверхности. Ударивъ одинъ кремень о другой, мы услышимъ своеобразный звукъ. Чтобы удержать воспріятіе цѣлаго предмета, нужна ассоціація всѣхъ его воздѣйствій на наши чувства. Когда эта ассоціація достигаетъ достаточной полноты и твердости, она создастъ наше представленіе о предметѣ» [2]). Или, другой при-

---

[1]) *Bain.* Les sens et l'intelligence, p. 377.—См. также: *Троицкій.* Нѣмецкая психологія, с. 190.

[2]) *Bain.* Les sens et l'intelligence, p. 377.—*Его же.* Душа и тѣло, с. 122.—*Спенсеръ.* Основанія психологіи; т. I., ч. I, с. 192.—*Льюисъ.* Вопросы о жизни и духѣ; т. I, с. 254; т. II, с. 121, 252—255.—*Ribot.* La psychologie anglaise; p. 206, 273.—*Карпентеръ.* Основанія физіологіи ума; т. I, с. 216.—*Ulrici.* Compendium der Logck; S. 50.

мѣръ. Дѣйствуя на различные органы, яблоко вызываетъ въ насъ различныя ощущенія: формы, поверхности, цвѣта, вкуса, запаха. Если эти отдѣльныя ощущенія будутъ неизмѣнно повторяться достаточное число разъ,—а они будутъ повторяться всякій разъ, когда мы будемъ имѣть дѣло съ яблокомъ,—мы необходимо кончимъ тѣмъ, что свяжемъ ихъ между собою въ одно цѣльное воспріятіе предмета. Очевидно, наше воспріятіе будетъ не чѣмъ инымъ какъ группою ощущеній, такъ тѣсно соединенныхъ другъ съ другомъ, что каждое изъ нихъ способно вызывать за собою въ умѣ всѣ прочія. При этомъ, однако, образовавшееся воспріятіе не будетъ носить на себѣ характера замкнутости и неподвижности. Напротивъ, при ближайшемъ знакомствѣ съ предметомъ, оно можетъ пополняться новыми чертами. Разрѣзавъ, напр., яблоко съ цѣлію изучить его строеніе, мы получимъ рядъ новыхъ впечатлѣній, которыя, естественно, должны присоединиться къ прежнимъ и составить съ ними одно цѣлое [1]). Но, съ другой стороны, исключая совершенную замкнутость и неподвижность, группы ощущеній всегда должны отличаться большимъ постоянствомъ, чтобъ вырости до воспріятій предметовъ, ибо эти послѣднія есть не что иное какъ «стойкія ассоціаціи естественныхъ качествъ, получаемыхъ при посредствѣ многихъ внѣшнихъ чувствъ» [2]). Сплетая эти качества между собою или, что то же, связывая другъ съ другомъ отдѣльныя воспріятія зрѣнія, осязанія, слуха и прочихъ чувствъ, мы составляемъ такимъ образомъ представленія объ окружающихъ насъ предметахъ,—о минералахъ, растеніяхъ и животныхъ [3]).

---

[1]) *Bain.* Les sens et l'intelligence, p. 378.—Ср.: *Льюисъ.* Исторія философіи. Рус. пер. подъ редакціей Спасовича и Невѣдомскаго; Спб., 1867; с. 275.—*Ribot.* La psychologie anglaise, p. 280 sq.—*H. Taine.* De l'intelligence. Paris, 1878; t. II, p. 269.

[2]) *Троицкій.* Нѣмецкая психологія; с. 190.—Ср. *Его-же.* Наука о духѣ; т. II, с. 87—90.

[3]) *Bain.* Les sens et l'intelligence; p. 378: „C'est en associant rapidement ces qualités, en d'autres termes, par une prompte adhérence des sensations de la vue, du tact et des autres sens, qu'on se familiarise complétement avec les minéraux, les végétaux et les animaux", etc.—Ср. *Taine.* De l'intelligence; t. II, p. 76—77, 108 sq., 166—167.

Но если наши индивидуальныя воспріятія предметовъ внѣшняго міра являются не чѣмъ инымъ какъ устойчивыми сочетаніями воспріятій отдѣльныхъ ощущеній, то это значитъ только, что первыя въ конечномъ анализѣ сводятся на послѣднія. Однако было бы ошибочно заключать отсюда, что воспріятія ощущеній, какъ слагаемыя, возникаютъ въ нашемъ умѣ ранѣе воспріятій предметовъ;—что мы пользуемся ими, какъ готовымъ матеріаломъ, изъ котораго создаемъ свои умственные образы окружающихъ вещей;—что процессъ происхожденія этихъ образовъ состоитъ только въ связываніи (ассоціпрованіи) ощущеній, уже прежде переведенныхъ въ сознаніе. Словомъ, было бы ошибочно думать, что въ нашемъ умѣ устанавливаются первоначально опредѣленія, въ которыя мы одѣваемъ впослѣдствіи наблюдаемыя явленія [1]). Этого быть не можетъ уже потому, что въ большинствѣ случаевъ мы воспринимаемъ извнѣ не отдѣльныя ощущенія, а цѣлыя группы ихъ. И если мы начали свое изложеніе анализомъ воспріятія одинокаго ощущенія, то имѣли при этомъ въ виду, въ простой обстановкѣ, описать возможно-наглядно тотъ же самый процессъ, который, въ осложненной формѣ, совершается при образованіи индивидуальныхъ представленій о предметахъ. А этотъ процессъ въ существенныхъ чертахъ не только тотъ же самый, но происходитъ одновременно съ тѣмъ первымъ и неотдѣлимъ отъ него [2]). Поэтому и результаты его надобны тѣмъ, съ которыми мы имѣли дѣло выше. Наглядно поясняя нашу мысль, возьмемъ ради простоты примѣръ совершенно искусственный [3]).

Представимъ себѣ человѣка, сознаніе котораго никогда не пробуждалось и не работало. Допустимъ далѣе, что какой-нибудь внѣшній предметъ, дѣйствуя впервые на его чувства, вызываетъ въ немъ рядъ ощущеній (звуковыхъ, свѣтовыхъ, осязательныхъ и т. д.). Не смотря на то, что эти ощущенія привлекаютъ къ себѣ его вниманіе, они, очевидно, неспособны, при данныхъ усло-

---

[1]) Ср. *Милль.* Система логики; т. II, с. 190.

[2]) *Бэнъ*, въ своей логикѣ, не различаетъ этихъ двухъ процессовъ и говоритъ о нихъ совмѣстно. См. Logique, t. I, p. 2—10.

[3]) См. подобные-же примѣры: *Спенсеръ.* Основанія психологіи; т. III, ч. VI, с. 304—307.—*Ulrici.* Compendium der Logik; S. 46—49.

віяхъ, вызвать въ немъ опредѣленныхъ воспріятій [1]). Онъ не можетъ составить себѣ о нихъ яснаго представленія, ибо пока не имѣетъ никакихъ другихъ ощущеній, съ которыми могъ бы сравнивать настоящія; у него нѣтъ того, что̀ оттѣняло бы и опредѣляло бы эти послѣднія. Бо́льшее, что̀ онъ въ силахъ сдѣлать, это—сопоставить воспринятыя ощущенія между собою и измѣрить ихъ этимъ сопоставленіемъ. Но оно приведетъ его только къ отрицательнымъ заключеніямъ: онъ усмотритъ одно различіе между отдѣльными ощущеніями и не найдетъ для нихъ никакой положительной характеристики. Каждое изъ нихъ будетъ представляться ему, какъ что-то неопредѣленное, отличное отъ другихъ неопредѣленныхъ величинъ. Столь же неопредѣленнымъ будетъ и его представленіе о цѣломъ предметѣ. И здѣсь, въ лучшемъ случаѣ, онъ придетъ лишь къ убѣжденію, что существуетъ нѣчто такое, что̀ вызываетъ въ немъ группу непохожихъ другъ на друга чувствъ. Такимъ образомъ въ послѣднемъ результатѣ онъ не получитъ ни опредѣленныхъ воспріятій отдѣльныхъ ощущеній, ни опредѣленнаго воспріятія цѣлаго.—Теперь предположимъ, что новый предметъ вызываетъ въ томъ же человѣкѣ другой параллельный рядъ ощущеній, подобныхъ первымъ. Тотчасъ же условія работы сознанія совершенно измѣняются: открывается возможность болѣе широкаго и производительнаго сопоставленія, выводящаго мысль изъ ея прежняго смутнаго состоянія. Наблюдатель уже можетъ здѣсь сопоставлять отдѣльныя ощущенія не только съ такими, которыя не имѣютъ съ ними ничего общаго, но и съ такими, которыя въ бо́льшей или меньшей мѣрѣ похожи на нихъ (зрительныя ощущенія съ зрительными, слуховыя—съ слуховыми и т. д.); онъ можетъ, слѣдовательно, каждое изъ нихъ опредѣлять не только какъ различное, но и какъ сходное съ другими. Поэтому, если прежде сопоставленіе надѣляло, въ его глазахъ, ощущенія однѣми отрицательными чертами различія, — здѣсь оно, сверхъ того, надѣляетъ ихъ положительными признаками сходства; если тамъ воспріятія ихъ имѣли смутный характеръ,—здѣсь они принимаютъ видъ болѣе или менѣе опредѣленный и отчетливый.

---

[1]) *Bain.* Les sens et l'intelligence; p. 644.

Параллельно этому и представленіе о цѣломъ предметѣ, какъ аггрегатѣ такихъ воспріятій, получаетъ болѣе ясныя очертанія: это уже группа не только различныхъ ощущеній, но и такихъ, которыя измѣрены другими ощущеніями, т.-е. цѣлое, обладающее извѣстными свойствами.—Если, наконецъ, мы предположимъ, что разсматриваемый предметъ будетъ вслѣдъ за тѣмъ, при соблюденіи нѣкоторыхъ условій [1]), сопоставленъ еще со многими другими предметами, мы напередъ можемъ сказать, что представленіе о немъ будетъ совершенствоваться, въ смыслѣ большей опредѣленности и отчетливости, съ каждымъ новымъ сопоставленіемъ. Чтобы убѣдиться въ этомъ, достаточно прослѣдить судьбу какого-нибудь отдѣльнаго его свойства,—тѣ измѣненія, которымъ оно подвергается при послѣдовательномъ сопоставленіи. Пусть такимъ свойствомъ будетъ цвѣтъ даннаго предмета. Воспринимая *первое* цвѣтовое ощущеніе въ числѣ другихъ ощущеній, наблюдатель, какъ мы замѣтили, можетъ опредѣлить его только какъ ощущеніе не звуковое, не осязательное, не вкусовое и т. д.. Позднѣе, сравнивая его съ соотвѣтствующимъ (однороднымъ) ощущеніемъ отъ другаго предмета, онъ уже скажетъ о немъ, какъ объ одной изъ двухъ разновидностей цвѣтоваго ощущенія, напр., какъ о зеленомъ, отличномъ отъ бѣлаго. Еще позднѣе, рядомъ сопоставленій онъ придетъ къ заключенію, что разсматриваемый цвѣтъ не черный, не красный, не синій и т. д.: что онъ, наконецъ, представляетъ собою одинъ изъ оттѣнковъ зеленаго цвѣта [2]). Короче, онъ получитъ совершенно ясный образъ даннаго ощущенія, различая его отъ однихъ ощущеній и уподобляя другимъ. — Но то, что происходитъ съ воспріятіемъ цвѣта, очевидно, должно имѣть мѣсто относительно всѣхъ другихъ свойствъ предмета. Если же

---

[1]) Въ чемъ заключаются эти условія,—читатель увидитъ ниже (гл. II).

[2]) *Horwicz.* Analyse des Denkens; S. 86: „Die einfachsten Empfindungselemente, Farbe, Ton, Grün, Blau,— müssen uns bereits wiederholt vorgekommen sein, ehe wir sagen können: „das ist grün", etc.; ср. S. 148.—На этомъ, между прочимъ, основывается воспитаніе нашихъ чувствъ, благодаря которому, слѣпой, напр., читаетъ при помощи осязанія, а живописецъ различаетъ такіе тоны красокъ, которые ускользаютъ отъ другихъ. См. *Троицкій.* Наука о духѣ; т. II, с. 223—226.—*Льюисъ.* Вопросы о жизни и духѣ; т. II, с. 12—13.—*Карпентеръ.* Основанія физіологіи ума; т. I, с. 121—122, 156 sq., 176—178.

наблюдатель достигаетъ опредѣленности и отчетливости въ пониманіи отдѣльныхъ свойствъ, онъ владѣетъ уже всѣмъ, чтобы составить себѣ ясное представленіе о цѣломъ [1]). Такимъ образомъ воспріятія отдѣльныхъ ощущеній, отвѣчающихъ различнымъ свойствамъ предмета, возникаютъ и совершенствуются параллельно воспріятію этого послѣдняго [2]).

Въ тѣсной связи съ индивидуальными воспріятіями предметовъ слагаются въ нашемъ умѣ *родовыя понятія* о нихъ, при чемъ образованіе первыхъ въ основныхъ чертахъ совпадаетъ съ образованіемъ вторыхъ: и тамъ, и здѣсь совершается одинъ и тотъ же процессъ сопоставленія, обусловленный усмотрѣніемъ различій и сходствъ. Однако сопоставляемый матеріалъ въ томъ и другомъ случаѣ не одинаковъ: какъ мы сейчасъ видѣли, индивидуальныя воспріятія возникаютъ изъ сопоставленія отдѣльныхъ предметовъ, тогда какъ при образованіи родовыхъ понятій это — только первый шагъ на пути къ цѣли, дѣлающій возможнымъ дальнѣйшее движеніе. Элементами сопоставленія здѣсь служатъ цѣлыя группы предметовъ, обособленныхъ на основаніи сходства ихъ между собою. Самое образованіе роднаго понятія состоитъ въ томъ, что мы отвлекаемъ общія стороны извѣстной группы, повторяющіяся неизмѣнно и однообразно во всѣхъ ея представителяхъ, и, противополагая эти стороны соотвѣтствующимъ сторонамъ другихъ группъ, устанавливаемъ между ними различіе. Съ этой точки зрѣнія родовое понятіе составляютъ общія свойства разсматриваемой группы, опредѣленныя по различію съ таковыми же свойствами другихъ группъ [3]). Обозрѣвая, напр., коллекцію различныхъ ка-

---

[1]) *Ulrici.* Compendium der Logik; S. 36: „Es ist unzweifelhafte Thatsache, dass wir in allen Fällen, wo wir eine möglichst klare und deutliche Vorstellung von der Gestalt, Grösse, Beschaffenheit eines Dinges gewinnen d. h. seine volle Bestimmtheit uns zum Bewusstseyn bringen wollen, das Ding so genau als möglich mit andern vergleichen. Dadurch kommen uns Bestimmtheiten (Merkmale, Besonderheiten) zum Bewusstseyn, die wir bisher nicht bemerkt hatten".

[2]) *Bain.* Les sens et l'intelligence; p. 644—645.

[3]) Ср. *Карпентеръ.* Основанія физіологіи ума; т. I, с. 219.—*Ulrici.* Compendium der Logik; S. 243 sq.—*Bain.* Logique; t. I, p. 55—56; t. II, p. 232, 244 sq.—*Гроцкій.* Наука о духѣ; т. II, с. 133-139.—*Владиславлевъ.* Логика; с. 35.—*Юмъ.* Психологія; т. I, с. 319-320.—*Вундтъ.* Основанія физіологической психологіи; с. 535.

менныхъ породъ и распредѣляя ихъ по категоріямъ, мы создаемъ о каждой изъ нихъ особое понятіе, обнимающее собою множество индивидуальныхъ предметовъ. Въ составъ такого понятія входятъ признаки, которые, съ одной стороны, объединяютъ данные предметы въ отдѣльную группу, съ другой—отличаютъ эту послѣднюю отъ признаковъ другихъ группъ. Родовое понятіе о гранитѣ представляетъ собою комплексъ общихъ свойствъ всѣхъ видовъ гранита, противополагаемыхъ общимъ свойствамъ другихъ каменныхъ породъ. Иными словами, всякое родовое понятіе есть не что иное какъ совокупность слившихся между собою сходствъ подобныхъ предметовъ, которыя вмѣстѣ съ тѣмъ служатъ признаками ихъ различій отъ другихъ также подобныхъ между собою предметовъ [1]). Разсматриваемые какъ сходства, признаки эти составляютъ положительное содержаніе понятія, оттѣняемое отрицательною стороною различій.

По ходу изложенія мы должны вновь сдѣлать здѣсь ту же оговорку, какую уже дѣлали выше.—Слѣдя за образованіемъ индивидуальныхъ воспріятій, мы объясняли ихъ происхожденіе сопоставленіемъ отдѣльныхъ предметовъ между собою. Но такая медленная и кропотливая работа можетъ имѣть мѣсто только при возникновеніи нашихъ первыхъ воспріятій. Позднѣе она необходимо должна осложняться участіемъ родовыхъ понятій, сокращающихъ утомительный процессъ мысли. Въ самомъ дѣлѣ, чтобы составить себѣ представленіе о томъ или другомъ предметѣ, намъ обыкновенно нѣтъ ни нужды, ни основанія послѣдовательно сопоставлять его со множествомъ другихъ предметовъ. Слѣдовать этимъ путемъ значило бы всякій разъ начинать умственную работу ab ovo, отказываясь отъ прежнихъ пріобрѣтеній мысли, чего мы, конечно, сдѣлать не можемъ, даже при желаніи. Гораздо проще, ближе къ цѣли и естественнѣе измѣрять и опредѣлять предметы родовыми понятіями, наиболѣе имъ родственными, какъ это по большей части и бываетъ въ дѣйствительности. «Съ какой-бы точки зрѣнія мы ни начали приводить въ порядокъ факты,—замѣчаетъ англійскій логикъ,—мы никогда не сдѣлаемъ трехъ ша-

---

[1]) *Ушинскій.* Человѣкъ, какъ предметъ воспитанія; т. I, с. 277 sq.—*Bain.* Les sens et l'intelligence; p. 469 sq..

говъ безъ образованія общаго понятія, болѣе или менѣе опредѣленнаго и точнаго, и это общее понятіе становится нитью, которую мы тотчасъ же стараемся прослѣдить въ остальныхъ фактахъ, или скорѣе мѣриломъ, съ которымъ мы ихъ съ того времени сравниваемъ» [1]). Благодаря способности уподобленія, мы сближаемъ каждый новый предметъ съ тѣмъ или другимъ общимъ понятіемъ, подмѣчая при этомъ черты сходства и различія между ними. Такое сближеніе переноситъ на данный предметъ результаты сложнаго процесса, которымъ создано избранное нами родовое понятіе. Мы получаемъ возможность сразу указать, какими сторонами отличается этотъ предметъ отъ другихъ предметовъ, стоящихъ за родовымъ понятіемъ, т.-е. прямо приходимъ къ той же цѣли, къ какой пришли бы долгою окольною дорогой сопоставленія отдѣльныхъ явленій. При видѣ новаго растенія, напр., мы немедленно сближаемъ его съ соотвѣтствующимъ родовымъ понятіемъ и, усматривая между первымъ и вторымъ черты различія и сходства, опредѣляемъ тѣмъ самымъ, какіе признаки служатъ индивидуальными особенностями даннаго экземпляра и какіе являются общимъ достояніемъ рода. При этомъ индивидуальное воспріятіе, возникающее изъ указаннаго сближенія, ничѣмъ существеннымъ не отличается отъ того, которое мы получили бы, еслибы послѣдовательно сопоставили новое растеніе съ рядомъ другихъ, послужившихъ матеріаломъ для установленія родоваго понятія. Такимъ образомъ, измѣряя отдѣльные предметы общими понятіями, мы вносимъ въ индивидуальныя воспріятія опредѣленія, уже ранѣе сложившіяся въ нашемъ умѣ. Поэтому абстрактное и конкретное, родовое и индивидуальное такъ переплетаются въ каждомъ воспріятіи нашемъ, что даже въ умѣ нѣтъ возможности

---

[1]) *Миль.* Система логики; т. II, с. 195.— *Карпентеръ.* Основанія физіологіи ума; т. I, с. 217: „Мы инстинктивно облекаемъ новый предметъ аттрибутами, съ которыми познакомились ранѣе на другомъ предметѣ, если только новый объектъ настолько похожъ на предыдущій, что видъ его возбуждаетъ въ умѣ тѣ же представленія".—*Льюисъ.* Вопросы о жизни и духѣ; т. II, с. 21—24.

отдѣлить ихъ другъ отъ друга [1]). И если выше, говоря о возникновеніи воспріятій, ощущеній и предметовъ, мы останавливались на процессѣ послѣдовательнаго ихъ сопоставленія долѣе, нежели на образованіи при помощи родовыхъ понятій, то имѣли при этомъ въ виду, что первый процессъ, какъ прототипъ, лежитъ въ основаніи нашихъ умственныхъ операцій, тогда какъ второй, которымъ мысль слѣдуетъ обыкновенно, является лишь его осложненною модификаціею.

Предыдущее изложеніе, повидимому, не оставляетъ сомнѣнія въ томъ, что индивидуальныя воспріятія и родовыя понятія предметовъ должны представлять собою величины относительныя. Это слѣдуетъ, между прочимъ, изъ того, что они разлагаются въ конечномъ анализѣ на группы индивидуальныхъ воспріятій и родовыхъ понятій отдѣльныхъ ощущеній, относительность которыхъ уже была установлена нами выше. А если составныя части относительны, то, конечно, и цѣлое должно быть отмѣчено тѣмъ же характеромъ. Наше заключеніе станетъ еще очевиднѣе, если мы вспомнимъ, что индивидуальныя воспріятія и родовыя понятія предметовъ выражаютъ собою сочетанія различій и сходствъ, порождаемыхъ сопоставленіемъ. А такъ какъ различія и сходства,—эти слагаемыя цѣлаго,—условливаются сопоставляемыми элементами, то понятно, что всякія измѣненія въ этихъ послѣднихъ должны вызывать соотвѣтствующія измѣненія въ содержаніи воспріятій и понятій. Такъ, останавливаясь на воспріятіяхъ, не трудно видѣть, что они находятся въ прямой зависимости отъ предметовъ сопоставленія. Если, напр., я стану сравнивать квартиру человѣка средняго достатка съ помѣщеніями богатыхъ людей, я найду, что

---

[1]) *Bain.* Logique; t. I, p. 10: „S'il se rencontrait dans le monde une chose concrète qui n'eût aucun rapport avec d'autres objets concrets déjà connus, nous pourrions sans doute, en fixant les yeux sur cet objet, en le comparant à lui-même, acquérir l'idée d'une individualité réellement concrète, dans laquelle ne serait impliquée aucune idée générale; mais un tel objet concret différerait de tous les objets concrets que nous connaissons. Nous ne sommes donc pas en état de nous former une pareille idée".—*Льюисъ.* Вопросы о жизни и духѣ; т. II, с. 15: „Мы не можемъ представить себѣ индивидуума, не имѣя въ то-же время представленія о классѣ, къ которому онъ принадлежитъ", и т. д.

она и мала, и плохо обставлена, и неудобна во многихъ отношеніяхъ; но я приду къ утвержденію противоположному, если возьму для сравненія крестьянскую избу. Это различіе въ опредѣленіяхъ одного и того же предмета, достигающее до противоположности, объясняется тѣмъ, что опредѣляющія черты устанавливаются сличеніемъ съ другими предметами, рѣзкая разница которыхъ не можетъ не вызывать такой же разницы въ нашихъ заключеніяхъ [1]). Еще легче замѣтить, что относительность родовыхъ понятій обусловливается составомъ группъ, служащихъ матеріаломъ для ихъ образованія. Какъ мы уже знаемъ, общіе признаки группъ, оттѣненные взаимнымъ различіемъ, составляютъ содержаніе названныхъ понятій. Отсюда слѣдуетъ, что это содержаніе должно измѣняться соотвѣтственно измѣненіямъ общихъ признаковъ, которые, въ свою очередь, зависятъ отъ характера предметовъ, наполняющихъ группы, т.-е. отъ состава послѣднихъ. «Эскимосъ, окруженный стелящимися березами и ничтожными кустарниками, имѣетъ понятіе о деревѣ совершенно отличное отъ того же понятія у жителя умѣреннаго пояса, окруженнаго громадными хвойными и лиственными лѣсами. У жителя тропическихъ странъ мы найдемъ то же понятіе въ новомъ видѣ: онъ представляетъ его по образу громадныхъ стройныхъ пальмъ, его окружающихъ» [2]). Такимъ образомъ, по самой природѣ своей, индивидуальныя воспріятія и родовыя понятія измѣнчивы и условны. Это значитъ, что мы можемъ получать различныя воспріятія отъ каждаго даннаго предмета, послѣдовательно сопоставляя его съ различными предметами; точно также можемъ составлять различныя родовыя понятія объ однихъ и тѣхъ же предметахъ, видоизмѣняя ихъ группировку и сравнивая получаемыя группы между собою. И наблюденіе подтверждаетъ такой выводъ, какъ мы только-что видѣли на приведенныхъ примѣрахъ. Если однако въ дѣйствительности наши индивидуальныя воспріятія и родовыя понятія обладаютъ устойчивостью, то лишь въ той мѣрѣ, въ какой надѣлены этимъ свойствомъ производящіе ихъ факторы, т. е. отдѣльные предметы и группы ихъ.

---

[1]) *Владиславлевъ.* Логика; с. 30—31.

[2]) *Владиславлевъ.* Логика; с. 59. Ср. *Его же.* Психологія; т. I, с. 336—337.

Мы сказали, что можемъ получать различныя воспріятія одного и того же предмета и составлять различныя понятія объ однихъ и тѣхъ же предметахъ, при чемъ различіе въ обоихъ случаяхъ способно доходить до противоположности. Но какъ же это возможно?—Если истина, какъ утверждаютъ, только одна,—а, повидимому, нѣтъ основанія оспаривать это утвержденіе,—то гдѣ же здѣсь истина среди несходныхъ, нерѣдко исключающихъ другъ друга образовъ?

Чтобы дать вопросу болѣе опредѣленную постановку, мы позволимъ себѣ, прежде чѣмъ отвѣчать на него, привести мѣсто изъ классической логики Милля, образцовое по мастерству изложенія, какъ, впрочемъ, бо́льшая часть того, что̀ выходило изъ-подъ пера этого писателя.

«Одинъ чрезвычайно важный вопросъ признается разрѣшеннымъ метафизиками, а именно: что наши свѣдѣнія о предметахъ *ограничиваются* производимыми ими ощущеніями и порядкомъ наступленія этихъ ощущеній. Относительно этого пункта даже Кантъ выражается также опредѣлительно, какъ Беркли и Локкъ. Онъ твердо убѣжденъ въ томъ, что существуетъ міръ «вещей самихъ въ себѣ», совершенно отличный отъ міра явленій или вещей, какими онѣ обнаруживаются нашимъ чувствамъ. Онъ даже вводитъ въ употребленіе техническое выраженіе (noumenon) для означенія того, что̀ такое вещь сама въ себѣ, въ противоположность ея представленію (Vorstellung, representation) въ нашемъ умѣ. Тѣмъ не менѣе Кантъ допускаетъ, что этотъ образъ (содержаніе котораго, говоритъ онъ, состоитъ изъ ощущеній, хотя форма дается законами самого ума) есть все, извѣстное намъ о предметѣ, и что настоящая природа предмета составляетъ для насъ непроницаемую тайну и, по складу нашихъ способностей, должна остаться ею навсегда, по крайней мѣрѣ въ настоящемъ положеніи бытія. «О вещахъ, понимаемыхъ безусловно, или о ве«щахъ самихъ въ себѣ,—говоритъ сэръ Вильямъ Гамильтонъ,— «будь онѣ внѣшни, будь онѣ внутренни, мы не знаемъ ничего, или «знаемъ только, что онѣ непознаваемы. Мы усматриваемъ ихъ «непонятное существованіе лишь настолько, насколько оно кос«венно и случайно обнаруживается намъ извѣстными качествами, «сродными нашимъ познавательнымъ способностямъ,—качествами,

«которыя мы не можемъ представить себѣ безусловными, безот-«носительными, существующими въ себѣ и по себѣ. И такъ все, «что̀ мы знаемъ, есть явленіе,—явленіе непзвѣстнаго».—Нѣтъ ни малѣйшаго основанія думать, что называемое нами ощутимыми качествами предмета есть образъ чего-либо, присущаго предмету, или представляетъ какое-нибудь сродство съ его собственною природою. Причина, какъ причина, не сходна съ своими послѣдствіями; восточный вѣтеръ не похожъ на ощущеніе холода, ни жаръ—на пары отъ кипящей воды. Почему же веществу походить непремѣнно на наши ощущенія? Почему же внутренней природѣ огня или воды походить непремѣнно на впечатлѣнія, производимыя этими предметами на наши внѣшнія чувства? Или какой принципъ даетъ намъ право выводить изъ послѣдствій что-либо относительно причины, исключая того, что эта причина можетъ произвести такія послѣдствія? Поэтому безопасно признать за истину, очевидную по себѣ и не отвергаемую никѣмъ, чье мнѣніе необходимо теперь принять во вниманіе, что о внѣшнемъ мірѣ мы не знаемъ и не можемъ знать ничего, кромѣ получаемыхъ нами отъ него ощущеній» [1]).

Если окружающій міръ познается и можетъ быть познанъ только такимъ, какимъ онъ открывается сознанію при посредствѣ ощущеній; если, слѣдовательно, объ *истинной* природѣ явленій можно говорить только въ условномъ значеніи этихъ словъ,—то какъ быть въ томъ случаѣ, когда ощущенія даютъ различныя показанія объ однихъ и тѣхъ же предметахъ? Такъ какъ въ дѣйствительности эти показанія бываютъ не только различны, но и противоположны, то не слѣдуетъ ли одни изъ нихъ считать вѣрными, а другія искаженными отраженіями внѣшняго міра? Если нѣтъ, то какъ помирить упомянутое различіе, переходящее нерѣдко въ противоположность?

Разсматривая эти вопросы, нужно отличать два рода случаевъ: а) когда *одно и то-же сопоставленіе*, повторенное нѣсколько разъ при одинаковыхъ условіяхъ, даетъ *различныя показанія* о сопоставляемыхъ элементахъ (ощущеніяхъ и предметахъ, равно какъ

---

[1]) *Милль.* Система логики; т. I, с. 74—77; см. также с. 93.

о группахъ тѣхъ и другихъ); и б) когда *одинъ и тотъ же элементъ* въ различныхъ сопоставленіяхъ получаетъ *различныя опредѣленія*.

Первый случай не имѣетъ для нашего изслѣдованія никакого значенія: если показанія чувствъ при одинаковыхъ условіяхъ различны, то, очевидно, причина различія должна лежать въ какомъ-либо особливомъ состояніи нашего организма. Но этой стороны дѣла мы не касаемся, разсматривая психическія явленія въ предположеніи, что сознаніе работаетъ нормальнымъ образомъ.

Что касается до случаевъ втораго рода, то объясненіе ихъ, благодаря закону относительности, не представляетъ особыхъ затрудненій. Мы попытаемся дать это объясненіе въ примѣненіи къ воспріятіямъ, безъ различія ихъ по отдѣльнымъ ощущеніямъ и предметамъ, не касаясь родовыхъ понятій вообще, что̀ было бы совершенно излишнимъ повтореніемъ.

Если предметы, какъ мы видѣли, опредѣляются чертами взаимнаго различія и сходства, то понятно, что ихъ опредѣленія не будутъ совпадать между собою во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, когда, съ замѣною однихъ предметовъ другими, подобіе между ними будетъ измѣняться въ родѣ или степени. Несовпаденіе, способное простираться отъ легкаго различія до совершенной противоположности, не только естественно, но и неизбѣжно, и уже, конечно, не указываетъ на то, что природа опредѣляемыхъ предметовъ подвергается при этомъ искаженію. Напротивъ, искаженіе имѣло бы мѣсто въ обратномъ случаѣ, когда, не смотря на различіе условій сопоставленія, наши опредѣленія оставались бы неподвижными. Я исказилъ бы характеръ предмета не въ томъ случаѣ, когда сказалъ бы, что фунтъ меньше пуда и больше золотника, а въ томъ, когда въ обоихъ сопоставленіяхъ удержалъ-бы какое-либо одно изъ этихъ двухъ утвержденій. Оставаясь вѣрными, различныя опредѣленія одного и того же предмета указываютъ лишь на то, что опредѣляющія черты обязаны своимъ происхожденіемъ различнымъ сопоставленіямъ. Съ этой точки зрѣнія, нисколько не извращая явленій, мы можемъ приписывать одному и тому же предмету свойства, на первый взглядъ исключающія другъ друга. Вѣрно и то, что бѣгущая лошадь двигается быстро, если сравнивать ея бѣгъ съ лѣнивою походкою осла,—и то, что она двигается

обыкновенно, по сравненію съ другими лошадьми,—и то, наконецъ, что она двигается тихо по сравненію съ полетомъ той ласточки, которая гьется надъ нею. Если мы находимъ несогласіе и взаимное исключеніе въ этихъ опредѣленіяхъ (быстро, обыкновенно, тихо), то лишь потому, что разсматриваемъ ихъ безотносительно. Но взятыя безотносительно, внѣ условій своего возникновенія, они уже не опредѣленія, ибо ничего не говорятъ сознанію. Что значитъ «быстро» или «тихо», если мы не знаемъ, чѣмъ измѣряется скорость движенія? «Такъ какъ значеніе всякаго явленія лежитъ исключительно въ его отношеніяхъ къ другимъ явленіямъ, то мы никогда не должны выдѣлять его изъ этой относительности и выводить заключеніе о немъ, какъ о вещи «самой въ себѣ» [1]). Намъ не слѣдуетъ забывать, что по свойствамъ нашихъ способностей мы не въ силахъ приписывать предметамъ безусловныхъ свойствъ, ибо всѣ свойства ихъ устанавливаются сопоставленіемъ, а оно, по существу своему, налагаетъ печать условности на свои созданія. И, вематриваясь въ смыслъ нашихъ сужденій, нужно сказать, что мы не забываемъ ихъ относительности, хотя не всегда одинаково ясно и точно сознаемъ ея границы. Мы даже не въ силахъ забыть ее, потому что въ противномъ случаѣ наши опредѣленія были бы пустыми словами, безъ всякаго реальнаго содержанія. Продолжительный и мимолетный, большой и малый, тяжелый и легкій, гладкій и шероховатый, теплый и холодный, черный и бѣлый и т. д.—все это такія свойства, которыя могутъ характеризовать предметы только въ предположеніи, что они отмѣчаютъ какіе-либо признаки различія и сходства между ними. «Говоря о какомъ-нибудь домѣ, какъ большомъ, мы разумѣемъ—большой сравнительно съ другими домами;

---

[1]) *Льюисъ.* Вопросы о жизни и духѣ; т. I, с. 97—98.—Ср.: *Ушинскій.* Человѣкъ, какъ предметъ воспитанія; т. I, с. 301.—*Владиславлевъ.* Логика; с. 30—31: „Самъ по себѣ предметъ ни великъ, ни малъ. Если бы великость или малость его были въ немъ дѣйствительнымъ качествомъ, то онъ не могъ-бы въ одномъ случаѣ быть большимъ, въ другомъ случаѣ малымъ. Между тѣмъ это и случается съ предметами въ нашихъ глазахъ: сравнивая обыкновенный домъ съ дворцемъ, я нахожу его малымъ,—съ какою-нибудь лачугой—онъ является большимъ".

называя какого-нибудь человѣка низкорослымъ, мы разумѣемъ—низкорослый сравнительно съ большинствомъ людей; называя Меркурія маленькимъ, а какую-нибудь булавочную головку большою, мы разумѣемъ—маленькій сравнительно съ другими планетами, и большая сравнительно съ другими булавками» [1]). Если бы мы попробовали отбросить подразумѣваемыя сравненія, наши опредѣленія потеряли бы всякій смыслъ.

Однако, признавая не только естественнымъ, но и необходимымъ существованіе различныхъ и въ то же время одинаково вѣрныхъ опредѣленій одного и того же предмета, мы ни на минуту не будемъ введены въ заблужденіе относительно истинной его природы, если будемъ помнить, что каждое опредѣленіе вѣрно только въ границахъ своего сопоставленія, только по отношенію къ тѣмъ предметамъ, которые участвовали въ его образованіи [2]). Выведенное изъ этихъ границъ безъ надлежащихъ предосторожностей, оно утрачиваетъ всякую цѣну; мало того, оно можетъ явиться источникомъ ошибокъ въ нашихъ сужденіяхъ. Ошибочность имѣетъ мѣсто, когда мы измѣняемъ предѣлы сопоставленія, расширяя или переставляя ихъ безъ достаточныхъ основаній. Я ошибусь, утверждая, что этотъ золотой самородокъ самой большой на свѣтѣ, потому что онъ больше тѣхъ сравнительно немногихъ самородковъ, которые я видѣлъ; точно также я ошибусь и въ томъ случаѣ, когда буду утверждать, что золото тяжелѣе платины на томъ основаніи, что оно тяжелѣе серебра, мѣди, олова. Чтобы устранить возможность подобныхъ ошибокъ, каждое опредѣленіе должно содержать (и всегда содержитъ въ открытомъ или подразумѣваемомъ видѣ) указаніе на тѣ предметы, по отношенію къ которымъ данный предметъ опредѣляется, какъ сходный или различный. И чѣмъ точнѣе это указаніе, т.-е. чѣмъ опредѣленнѣе очерчены предѣлы сопоставленія, тѣмъ отчетливѣе самое опредѣленіе. Неясность и сбивчивость нашей мысли весьма часто зависитъ именно отъ того, что мы не знаемъ твердо границъ сопоставленія, въ которыхъ то или другое сужденіе должно быть признано вѣрнымъ.

---

[1]) *Спенсеръ.* Основанія психологіи; т. III, ч. VI, с. 182.

[2]) Ср. *Льюисъ.* Вопросы о жизни и духѣ; т. I, с. 340.

Такимъ образомъ, различіе опредѣленій одного и того же предмета, способное доходить до взаимной ихъ противоположности, не служитъ указаніемъ на то, что тѣ или другія изъ нихъ невѣрно отражаютъ явленія, искажая природу ихъ. Напротивъ, подъ дѣйствіемъ закона относительности, эти различныя опредѣленія мирно уживаются рядомъ. Каждое изъ нихъ занимаетъ свое мѣсто, въ предѣлахъ породившаго его сопоставленія, и ни мало не тѣснитъ своихъ сосѣдей, ограничиваясь вліяніемъ въ отведенной сферѣ.

Еще одно общее замѣчаніе, относящееся до всего предыдущаго изложенія. Коснувшись основныхъ способностей разума и элементарныхъ процессовъ сознанія, непосредственно на нихъ основанныхъ, мы должны были, въ цѣляхъ своего изслѣдованія, характеризовать ихъ бѣглыми, по возможности опредѣленными и отчетливыми, а потому нерѣдко по необходимости грубыми чертами. Мы намѣренно оставляли въ тѣни многоразличныя осложненія, которыми сопровождается движеніе нашей мысли, стараясь уловить и опредѣлить лишь типическія формы этого движенія. Для правильнаго пониманія дѣла нужно имѣть въ виду, что рѣзкія очертанія, проведенныя нами, гораздо мягче въ дѣйствительности, и процессы сознанія не представляютъ той обособленности, которая явилась результатомъ ихъ аналитическаго разсмотрѣнія, на что мы уже не разъ обращали вниманіе читателя. Къ сказанному едва ли нужно прибавлять, что многіе вопросы первостепенной важности были совсѣмъ не затронуты нашимъ бѣглымъ очеркомъ, преслѣдующимъ спеціальныя задачи [1]).

Въ заключеніе настоящей главы будетъ не безполезно сгруппировать важнѣйшіе выводы, къ которымъ мы пришли, располагая ихъ въ томъ порядкѣ, въ какомъ это наиболѣе отвѣчаетъ цѣлямъ дальнѣйшаго изложенія.

---

[1]) Мы не касались, напр., капитальнаго вопроса объ участіи воли въ движеніяхъ нашего сознанія, на чемъ съ такою силою настаиваютъ Карпентеръ, Вундтъ, Владиславлевъ, Ушинскій,—или о роли чувствованія въ этихъ движеніяхъ, на чемъ строитъ свою психологическую теорію Горвицъ и о чемъ много говоритъ Льюисъ.

Согласно выводамъ опытной психологіи, всѣ операціи нашей мысли совершаются при посредствѣ двухъ основныхъ способностей разума,—*различенія* и *уподобленія*,—которыя выражаются въ интуитивныхъ усмотрѣніяхъ различій и сходствъ.

Благодаря этимъ способностямъ, мы получаемъ *воспріятія ощущеній*, которыя слагаются, подъ дѣйствіемъ законовъ ассоціаціи, въ устойчивыя сочетанія или *воспріятія предметовъ*. Образованіе тѣхъ и другихъ воспріятій въ основныхъ чертахъ совпадаетъ между собою, находится въ тѣсной взаимной связи и совершается одновременно. Оно заключается въ сопоставленіи данныхъ элементовъ, сопровождаемомъ усмотрѣніемъ различій и сходствъ, причемъ сближаемыми элементами служатъ въ одномъ случаѣ ощущенія, въ другомъ—предметы. Мы получаемъ *индивидуальныя воспріятія*, опредѣляя каждый воспринимаемый элементъ по различію и сходству его съ другими. А такъ какъ черты различія и сходства находятся въ непосредственной зависимости отъ условій сопоставленія, измѣняясь вмѣстѣ съ измѣненіемъ послѣднихъ, то воспріятія необходимо должны быть величинами *относительными*. Поэтому, будетъ ли рѣчь идти объ ощущеніяхъ или предметахъ, въ каждомъ данномъ случаѣ можетъ возникнуть столько различныхъ воспріятій одного и того же объекта, сколько различныхъ сопоставленій способна дать дѣйствительность; причемъ каждое воспріятіе истинно только въ предѣлахъ своего сопоставленія. Это свойство измѣняемости и условности выводовъ мысли, объясняемое ея природою, устанавливаетъ *законъ относительности знанія*.

Рядомъ съ индивидуальными воспріятіями стоятъ *родовыя понятія* ощущеній и предметовъ. Эти понятія обязаны своимъ происхожденіемъ тѣмъ же самымъ способностямъ различенія и уподобленія, дѣйствующимъ здѣсь при условіяхъ видоизмѣненныхъ. Видоизмѣненіе заключается въ сопоставляемомъ матеріалѣ; самый же процессъ сопоставленія ничѣмъ существеннымъ не отличается отъ того, который описанъ выше. Элементами сопоставленія здѣсь служатъ не отдѣльные ощущенія и предметы, а цѣлыя группы ихъ, обособленныя на основаніи подобія. Устанавливая родовое понятіе, мы, съ одной стороны, отвлекаемъ общія черты среди подобныхъ элементовъ, съ другой—противополагаемъ эти черты общимъ чертамъ другихъ группъ, созданныхъ точно такимъ же образомъ. Го-

воря иначе, родовое понятіе образуютъ общіе признаки группы, опредѣленные по различію съ таковыми же признаками другихъ группъ. Порождаемыя сопоставленіемъ, эти понятія, очевидно, должны носить также *относительный* характеръ, условливаясь въ своемъ содержаніи составомъ порождающихъ группъ или, что̀ то же, группировкою даннаго матеріала. Отсюда слѣдуетъ, что могутъ существовать различныя родовыя понятія объ однихъ и тѣхъ же ощущеніяхъ или предметахъ, при различномъ размѣщеніи ихъ по группамъ; при чемъ, однако, каждое понятіе истинно только въ границахъ своего размѣщенія. Такимъ образомъ здѣсь мы снова встрѣчаемся съ проявленіемъ *закона относительности*, подчиняющаго себѣ всѣ явленія нашего сознанія.

Между описанными формами индивидуальной и родовой мысли существуетъ *тѣсная связь*, выражающаяся дѣятельнымъ участіемъ второй въ образованіи первой: воспріятія создаются обыкновенно при посредствѣ понятій. Продолжительный процессъ сопоставленія отдѣльныхъ ощущеній и предметовъ имѣетъ мѣсто только въ начальныхъ движеніяхъ пробуждающейся мысли; впослѣдствіи мы достигаемъ цѣли иными, болѣе совершенными средствами. Мы пользуемся ранѣе созданными родовыми понятіями, какъ *готовыми мѣрками*, которыми измѣряемъ и опредѣляемъ отдѣльные ощущенія и предметы. Прикладывая къ нимъ эти мѣрки, мы тѣмъ самымъ констатируемъ черты различія и сходства между измѣряемыми явленіями и тѣми, которыя послужили матеріаломъ для образованія измѣряющихъ понятій, т.-е. приходимъ къ тому же результату, къ какому пришли бы путемъ сопоставленія отдѣльныхъ явленій. Если, въ большинствѣ случаевъ, избирая короткій путь, мы создаемъ индивидуальныя воспріятія при помощи родовыхъ понятій, то ясно, что, въ опредѣленіи каждаго даннаго ощущенія и предмета, конкретное и абстрактное, индивидуальное и родовое, сплетаются между собою самымъ тѣснымъ образомъ: при *связи* родоваго и абстрактнаго мы разсматриваемъ индивидуальное и конкретное.

ГЛАВА ВТОРАЯ.

Сопоставленіе и сравненіе; ихъ природа и условія.

Сопоставленіе, какъ психологическій актъ, и его границы.—Предметы несоизмѣримые и тожественные.—Подобіе, какъ условіе сопоставленія.—Обособляющія и обобщающія опредѣленія.—Психологическая природа подобія и вліяніе его силы на наши опредѣленія.—Способы измѣренія подобія.—Сравненіе, какъ логическая операція, и его границы.—Нѣсколько словъ о родовыхъ понятіяхъ.—Выводы.

Если наши предыдущія соображенія вѣрны,—единственнымъ и всеобщимъ источникомъ сужденій о явленіяхъ внѣшняго міра слѣдуетъ признать психологическій процессъ *сопоставленія*, сопровождаемый усмотрѣніемъ различій и сходствъ между сопоставляемыми элементами, въ чемъ бы эти послѣдніе ни заключались,—въ одинокихъ ли ощущеніяхъ, въ отдѣльныхъ ли предметахъ, или въ группахъ тѣхъ и другихъ. Видоизмѣняясь въ чертахъ второстепенныхъ, процессъ этотъ, въ существенныхъ сторонахъ, остается однимъ и тѣмъ же на пространствѣ отъ самыхъ простыхъ, элементарныхъ воспріятій до самыхъ сложныхъ понятій,—отъ первоначальныхъ непосредственныхъ представленій до самыхъ широкихъ научныхъ обобщеній. Вездѣ мысль слѣдуетъ одною и тою же дорогой, указанною ея природой [1]).

Но, повторяя во всѣхъ своихъ движеніяхъ универсальный процессъ сопоставленія, мысль наша приходитъ къ глубоко различ-

[1]) Положеніе, что одни и тѣ же процессы, подвергаясь лишь различнымъ осложненіямъ, совершаются во всѣхъ отправленіяхъ нашего сознанія, составляетъ общее мѣсто современной психологіи. Въ этомъ отношеніи высказываются согласно: Спенсеръ и Бэнъ, Миль и Льюисъ, Тэнъ и Рибо, Джевонсъ и Ульрици, Горвицъ и Вундтъ, Ушинскій и Троицкій.

нымъ результатамъ: между научными выводами и нашими вседневными сужденіями о явленіяхъ природы лежитъ цѣлая бездна. Чѣмъ же объясняется это различіе результатовъ одного и того же процесса, выражающееся въ столь рѣзкой формѣ?—Объясненія нужно искать въ тѣхъ условіяхъ, среди которыхъ находитъ себѣ мѣсто процессъ сопоставленія,—въ томъ матеріалѣ, надъ которымъ работаетъ наша мысль [1]).

Нижеслѣдующія страницы посвящены именно этому вопросу. При этомъ считаемъ нелишнимъ предупредить читателя, что онѣ имѣютъ въ виду главнымъ образомъ сопоставленія отдѣльныхъ ощущеній и предметовъ. Что касается до родовыхъ понятій, то въ концѣ главы о нихъ будетъ сказано нѣсколько словъ особо, кромѣ тѣхъ попутныхъ замѣчаній, которыя встрѣчаются на ближайшихъ страницахъ.

Мы уже видѣли, что процессъ сопоставленія заключается въ противоположеніи сопоставляемыхъ элементовъ, которые рисуются въ сознаніи именно подъ формою этого противоположенія: опредѣляютъ другъ друга чертами взаимнаго различія и сходства. Но такъ какъ природа представляетъ необозримое множество явленій, которыя могутъ быть сближены между собою въ нашемъ сознаніи, то невольно возникаетъ вопросъ: всѣ ли эти явленія способны быть элементами сопоставленія? Или,—ставя вопросъ яснѣе,—всѣ ли они способны характеризовать другъ друга взаимнымъ противоположеніемъ? Нѣтъ ли *естественныхъ границъ сопоставленія*, обособляющихъ его отъ простаго *сближенія?*

Понятно само собою, что, каковъ бы ни былъ отвѣтъ на эти вопросы, онъ не рѣшитъ главной поставленной нами задачи о качественномъ различіи результатовъ сопоставленія. Однако онъ можетъ подготовить нѣкоторыя данныя для искомаго рѣшенія. Поэтому, мы начнемъ анализомъ сопоставленія, какъ *психологическаго* акта, какъ источника нашей *мысли* вообще, и затѣмъ уже перейдемъ къ спеціальному его виду,—къ *сравненію,* какъ *логической* операціи, какъ источнику нашего *знанія* въ частности.

Обращаясь къ анализу сопоставленія, замѣтимъ предварительно, что если существуютъ естественныя границы, отдѣляющія его отъ

---

[1]) Ср. *Ушинскій.* Человѣкъ, какъ предметъ воспитанія; т. I, гл. XLIII.

простаго сближенія, то онѣ должны устанавливаться свойствами способностей различенія и уподобленія, служащихъ основаніемъ разсматриваемаго процесса мысли. Поэтому вопросъ о границахъ сводится къ вопросу о томъ, вездѣ ли мы можемъ усматривать такія различія и сходства, которыя характеризуютъ явленія, и нѣтъ ли такихъ различій и сходствъ, которыя ничего не даютъ намъ въ этомъ отношеніи?

Наблюденіе удостовѣряетъ, что есть двѣ категоріи явленій, сближеніе которыхъ въ сознаніи не опредѣляетъ ихъ. Таковы, вопервыхъ, предметы *несоизмѣримые* и, во-вторыхъ *тожественные*. Остановимся на тѣхъ и другихъ въ отдѣльности.

Несоизмѣримыми предметами мы называемъ такіе, въ которыхъ нѣтъ ничего общаго или сходнаго, кромѣ факта существованія. Умственное сближеніе подобныхъ предметовъ приводитъ единственно къ утвержденію ихъ несоизмѣримости; а это утвержденіе, въ свою очередь, заключаетъ въ себѣ только указаніе на отсутствіе общности или сходства; мы сказали бы:—указаніе на различіе, еслибы въ этомъ понятіи, какъ увидимъ далѣе, не заключалось бо̀льшаго, нежели простая несоизмѣримость. Но указать, что между двумя предметами нѣтъ ничего общаго, еще не значитъ найти для нихъ опредѣленіе; ибо всякое опредѣленіе присваиваетъ опредѣляемому какой-либо признакъ, чего нѣтъ въ данномъ случаѣ. Признаніе несоизмѣримости содержитъ въ себѣ лишь признаніе *существованія* несоизмѣримыхъ вещей. Правда, существованіе есть аттрибутъ и въ этомъ смыслѣ опредѣленіе; но это—то опредѣленіе, которое, принадлежа всѣмъ существующимъ вещамъ безъ различія, по тому самому не опредѣляетъ ни одной изъ нихъ.

Поясняя эти соображенія, остановимся на нѣсколькихъ частныхъ случаяхъ. Если, напр., я попробую сблизить какую-нибудь мысль съ матеріальнымъ предметомъ,—положимъ, вотъ ту самую, которая занимаетъ мой умъ въ настоящую минуту, съ перомъ, которое у меня въ рукѣ,—я, очевидно, извлеку изъ этого сближенія лишь то, что между сближаемыми предметами нѣтъ ничего общаго. Точно также не лучшихъ результатовъ я достигну и въ томъ случаѣ, если попытаюсь сопоставить цвѣтъ съ осязаніемъ, вкусъ съ тяжестью, звукъ съ болью и т. д.;—

короче, если я стану сближать между собою ощущенія различныхъ чувствъ, которыя, будучи неразложимыми состояніями сознанія, не переводятся одни на другія [1]). Во всѣхъ этихъ случаяхъ сближеніе не дастъ ничего болѣе, кромѣ усмотрѣнія отсутствія сходства. Это потому, что оно *неспособно* переходить здѣсь въ сопоставленіе, служащее источникомъ мысли. Для этого нѣтъ налицо нѣкоторыхъ условій: не достаетъ общаго или сходнаго, которое является непремѣннымъ предположеніемъ всякаго сопоставленія. Что это, дѣйствительно, такъ, всего яснѣе видно на примѣрахъ, въ которыхъ несоизмѣримыя явленія тотчасъ-же становятся терминами сопоставленія, какъ скоро открываютъ между ними что-либо общее или сходное. «Мы не въ состояніи сравнивать видимый *цвѣтъ* одной вещи съ чувствуемымъ *вѣсомъ* другой, *запахъ* розы—съ волненіемъ *испуга*, *температуру*—съ *вѣрованіемъ*, *любовь* къ какому-нибудь лицу—съ *устройствомъ* какой-нибудь общины, до тѣхъ поръ пока останавливаемся на однѣхъ разницахъ *цвѣта* и *вѣса*, *запаха* и *испуга*, *температуры* и *вѣрованія*, *любви* и *устройства* общины, и т. д. Указанные предметы сравненія будутъ при такомъ условіи несравнимыми; акты сравненія не состоятся: дѣло ограничится одною умственною готовностью сравненія, однимъ неразрѣшеннымъ умственнымъ напряженіемъ.—Но положеніе вещей сейчасъ же измѣнится, какъ скоро мы остановимся на какихъ-нибудь, хотя бы ничтожныхъ, сходствахъ этихъ различныхъ предметовъ: казавшіеся до тѣхъ поръ несравнимыми, они окажутся сравнимыми. Тяжесть видимаго цвѣта для глазъ и тяжесть чувствуемаго вѣса для руки дѣлаютъ цвѣтъ и вѣсъ фактами, въ одномъ отношеніи сходными и въ томъ же отношеніи сравнимыми. Такимъ же образомъ, запахъ розы и чувство испуга сравнимы, съ точки зрѣнія оживленія, вносимаго впечатлѣніемъ этого запаха и этимъ волненіемъ; вѣра, по степени напряженія, часто называется горячею и холодною; любовь къ лицу, вознаграждаемая встрѣчною любовью и созидающая нравственный союзъ лицъ, уже сближается съ чувствомъ

---

[1]) *Спенсеръ*. Основанія психологіи; т. III, ч. VI, с. 110: „Какъ вѣсъ не можетъ быть сравниваемъ со звукомъ, такъ точно не можетъ быть никакого сравненія между отношеніями различныхъ порядковъ“.

взаимнаго расположенія членовъ общины» [1]). — Требованіе сходства или общности не менѣе ясно обнаруживается и въ томъ, что при сближеніи предметовъ, способныхъ къ сопоставленію, это послѣднее ограничивается только сторонами, между которыми усматривается что-либо общее. Сопоставляя, напр., снѣгъ съ сахаромъ, мы ограничиваемъ ихъ сличеніе только сближеніемъ по цвѣту, но никакъ не по вкусу [2]).

Не входя пока въ разсмотрѣніе психологическихъ причинъ требованія общности или сходства, замѣтимъ, что оно вытекаетъ, между прочимъ, изъ самаго понятія о сопоставленіи, какъ *отношеніи* между сближенными элементами. Логика учитъ, что всякое отношеніе,—и въ этомъ случаѣ сопоставленіе не составляетъ исключенія,—выражается въ *причастности* соотносящихся элементовъ чему-либо третьему, составляющему основаніе отношенія (fundamentum relationis). Это третье, которому причастны термины отношенія, очевидно, должно быть общимъ для нихъ, чтобы удовлетворять своему назначенію [3]). И каждое отношеніе исчерпывается обусловливающею его причастностью, ограниченною предѣлами общаго. При сближеніи несоизмѣримыхъ предметовъ общее, въ которомъ они участвуютъ, есть только фактъ существованія. Поэтому, мы можемъ устанавливать здѣсь отношеніе только въ предѣлахъ этого факта, и никакъ не далѣе. Другими словами,

---

[1]) *Троицкій.* Наука о духѣ; т. II, с. 130—131. (Авторъ не различаетъ, какъ это дѣлаемъ мы, *сопоставленія* отъ *сравненія*, но въ приведенномъ отрывкѣ рѣчь, очевидно, идетъ о первомъ. Точно также слово „*различный*" онъ часто ставитъ тамъ, гдѣ усвоенная нами терминологія побуждаетъ насъ употреблять слово „*несоизмѣримый*").—Ср. *Льюисъ.* Вопросы о жизни и духѣ; т. II, с. 299: „Естественной связи между числомъ и длиной нѣтъ; это два вида величины, совершенно независимые другъ отъ друга; и, однако, приведеніе ихъ къ однимъ и тѣмъ же алгебраическимъ символамъ,—блистательное дѣяніе Декарта,—не только въ значительной мѣрѣ расширило какъ геометрію, такъ и алгебру, но и сильно послужило физикѣ".

[2]) Ср. *Horwicz.* Analyse des Denkens; S. 109: „Wir haben freie Wahl darin, welche Gegenstände wir vergleichen oder unterscheiden wollen, nicht aber darin, in welchen Beziehungen wir sie gleich oder ungleich finden wollen. Wir können z. B. Zucker mit Schnee vergleichen, aber nur in der Farbe, nicht hinsichtlich des Geschmackes".

[3]) *Милль.* Система логики; т. I, с. 83—85, 87.

самое существованіе несопзмѣримыхъ вещей, какъ *единственный* аттрибутъ, который мы въ состояніи приписывать имъ, открывается нашему сознанію потому, что оно есть нѣчто общее или сходное въ нихъ; не будь этого,—не было бы и несопзмѣримыхъ вещей. «Я не могъ бы различать двухъ предметовъ, если бы не сознавалъ сходства между ними, хотя бы это сходство все заключалось въ томъ, что оба эти предмета существуютъ или на самомъ дѣлѣ, или въ моей фантазіи» [1]). «*Абсолютное* различіе (или, по нашей терминологіи, несопзмѣримость) немыслимо, какъ и абсолютное тожество (неразличаемость). Ибо, если бы *A* и *B* были *абсолютно* различны, то одно изъ нихъ должно было-бы существовать, а другое—не существовать, т.-е. различіе обоихъ было бы *абсолютнымъ* только тогда, когда одно представляло бы собою бытіе, а другое—небытіе; но небытіе различаемо быть не можетъ» [2]).

Такимъ образомъ, если между сближенными элементами нѣтъ ничего общаго,—сближеніе съ ихъ цѣлью опредѣленія будетъ безполезно, такъ какъ оно неспособно перейти въ сопоставленіе. Общее или сходное между сближаемыми величинами есть непремѣнное требованіе сопоставленія, создающаго опредѣленія. «Наименьшая степень знанія, какую только мы можемъ себѣ представить, предполагаетъ по крайней мѣрѣ двѣ вещи, между которыми наблюдено существованіе нѣкоторой общности признаковъ» [3]).

---

[1]) *Ушинскій.* Человѣкъ, какъ предметъ воспитанія; т. I, с. 293.

[2]) *Ulrici.* Compendium der Logik; S. 58. И непосредственно далѣе: „Und wenn beide als *absolut* unterschieden *gedacht* werden sollten, so müsste das eine als ein Gedachtes, das andere dagegen als ein Nicht-gedachtes gedacht werden, was wiederum unmöglich ist, weil ein überhaupt Nicht-gedachtes auch nicht als unterschieden gedacht werden kann".

[3]) *Спенсеръ.* Основанія психологіи; т. I, ч. II, с. 154.—Ср. *Троицкій.* Наука о духѣ; т. II, с. 128: „Никакое сравненіе (мы сказали бы: сопоставленіе) не можетъ *состояться* въ отсутствіи *сходныхъ* фактовъ"; ибо,—говоритъ авторъ въ другомъ мѣстѣ (ibid., с. 142),—„сравненіе есть умственное сближеніе реальныхъ фактовъ, сопровождающееся ихъ примѣрными совпаденіями. Насколько сближаемые факты *совпадаютъ*, сближеніе ихъ сопровождается чувствами *тожества* ихъ или *сходства*. Напротивъ, насколько они не совпадаютъ, сближеніе ихъ сопровождается чувствами *разности*, или *несходства*".

Подъ *тожественными* предметами мы разумѣемъ такіе, которые во всемъ сходны между собою до неразличаемости, кромѣ факта раздѣльнаго существованія. Подобно сближенію несоизмѣримыхъ элементовъ, умственное сближеніе тожественныхъ предметовъ не можетъ надѣлять ихъ какими-либо опредѣленіями. Единственное заключеніе, какое мы въ правѣ вывести изъ такого сближенія, состоитъ въ утвержденіи ихъ тожества. Но въ этомъ утвержденіи не содержится ничего другаго, кромѣ указанія на отсутствіе различій,—указанія, которое, не заключая въ себѣ никакихъ признаковъ, сводится на простое признаніе *существованія* тожественныхъ вещей. А мы уже замѣтили выше, что существованіе, какъ признакъ, какъ аттрибутъ, какъ опредѣленіе, ничего въ сущности не опредѣляетъ, ибо опредѣляетъ все: оно не прибавляетъ и не убавляетъ ни одной черты въ характеристикѣ явленія.

Приведемъ нѣсколько примѣровъ. Разсматривая и сличая между собою образчики одного и того же куска цвѣтной матеріи, я не сумѣю точно опредѣлить оттѣнокъ ея цвѣта, если, разумѣется, я не занимался прежде упражненіемъ этого рода и не пріобрѣлъ въ немъ навыка; каждый новый образчикъ, вполнѣ сходный съ прежними, ни на шагъ не подвинетъ меня къ моей цѣли. Дѣло однако совершенно измѣнится, если мнѣ покажутъ другіе оттѣнки того же цвѣта: тогда, сопоставляя ихъ между собою, я получу возможность опредѣлить степень напряженности цвѣта въ каждомъ изъ нихъ. Если постоянно, въ теченіи долгаго времени, я пью воду изъ одного и того же источника, у меня пропадаетъ способность опредѣлять вкусовыя качества употребляемой воды; и сколько бы я ни продолжалъ пить, эта способность не вернулась бы ко мнѣ болѣе. Но если мнѣ представляется случай сравнить мою воду съ другою, отличною отъ нея, я получаю вмѣстѣ съ тѣмъ возможность квалифицировать ее, какъ мягкую или жесткую, солоноватую или горьковатую, и т. д. Вновь повторимъ предположеніе, допущенное нами въ первой главѣ, что предметы могутъ имѣть такія свойства, которыя, неразличимо повторяясь во всѣхъ нихъ, ускользаютъ отъ нашего сознанія и остаются доселѣ неизвѣстными, какъ ускользало и оставалось неизвѣстнымъ въ теченіи тысячелѣтій давленіе атмосферы, пока, на-

конецъ, опытами Гейлюсака не было обнаружено различіе въ силѣ этого давленія.—Узнаваніе, какъ психологическій актъ, предполагающій тожество предмета съ самимъ собою въ различные моменты времени, по тому самому не можетъ быть логическимъ пріемомъ, опредѣляющимъ такъ или иначе свойства узнаваемаго [1]). Сколько бы разъ мы ни смотрѣли на данный предметъ, мы не подвинемся въ его пониманіи, не прибѣгая къ сравненію его съ другими предметами.—Если во всѣхъ приведенныхъ случаяхъ сближеніе тожественныхъ предметовъ не характеризуетъ ихъ взаимно, то объясненія этому слѣдуетъ искать въ томъ, что оно *не способно* переходить здѣсь въ сопоставленіе, по отсутствію различія, служащаго необходимымъ его условіемъ. Чтобы убѣдиться въ этомъ, достаточно обратить вниманіе на тѣ случаи, въ которыхъ предметы, тожественные въ однихъ отношеніяхъ, являются элементами сопоставленія только потому, что они различны въ другихъ, и только въ предѣлахъ этого различія. Пока мы разсматриваемъ вещи, какъ *одинаково имѣющія* протяженіе, вѣсъ, плотность и т. д., мы не въ состояніи образовать какое-либо опредѣленное представленіе ни объ одной изъ нихъ; но какъ скоро мы обратимъ вниманіе на *различіе* ихъ по протяженію, вѣсу, плотности и измѣримъ это различіе взаимнымъ сопоставленіемъ, мы получимъ возможность придти къ болѣе или менѣе отчетливымъ заключеніямъ о каждой изъ нихъ. Если мы представимъ себѣ въ одномъ случаѣ группу предметовъ, тожественныхъ по формѣ, но различныхъ по цвѣту, а въ другомъ—группу предметовъ, тожественныхъ по цвѣту, но различныхъ по формѣ, и если далѣе мы захотимъ опредѣлять ихъ,—мы вынуждены будемъ въ первомъ случаѣ принять во вниманіе цвѣтъ, а во второмъ—остановиться на формѣ. Попытка обратнаго пріема, очевидно, не могла бы имѣть здѣсь никакого успѣха.

Подобно требованію сходства, уже указанному выше, требованіе различія отъ сближаемыхъ предметовъ также вытекаетъ, между прочимъ, изъ понятія о сопоставленіи, какъ *отноше-*

---

[1]) Этимъ мы вовсе не хотимъ сказать, что узнаваніе не участвуетъ въ логическихъ операціяхъ ума, а говоримъ только, что само по себѣ оно не составляетъ такой операціи. Ср. *Троицкій.* Наука о духѣ; т. II, с. 127.

ніи. Если всякое отношеніе состоитъ, дѣйствительно, въ причастности соотносящихся элементовъ чему-либо третьему, то ясно, что это понятіе уже содержитъ въ себѣ предположеніе о какомъ-либо различіи упомянутыхъ элементовъ: именно въ той мѣрѣ, въ какой они — не одно и то же, мыслимо между ними отношеніе. При сближеніи тожественныхъ предметовъ все различіе заключается въ фактѣ ихъ раздѣльнаго существованія; поэтому, только въ предѣлахъ этого факта возможно между ними отношеніе сопоставленія. Это значитъ, другими словами, что самое существованіе, какъ аттрибутъ тожественныхъ вещей, приписывается имъ потому, что оно есть нѣчто различное въ нихъ; безъ этого различія бытіе ихъ ускользало бы отъ нашей мысли. «*Абсолютное* тожество, — утверждаетъ Ульрици, — немыслимо, ибо двѣ вещи, которыя *ни въ чемъ* не различались бы между собою, не были бы болѣе двумя вещами, а только одною. Нельзя представить себѣ совпадающіе треугольники, которые не отличались бы другъ отъ друга по мѣсту или положенію, ибо безъ этого различія они необходимо совпали бы между собою и мыслились бы не какъ многіе, но какъ одинъ треугольникъ» [1]).

Такимъ образомъ, отсутствіе всякаго различія въ предметахъ тожественныхъ, кромѣ различія въ фактѣ раздѣльнаго существованія, лишаетъ возможности находить для нихъ какія-либо опредѣленія посредствомъ сближенія: не удовлетворяя условіямъ, требуемымъ для сопоставленія, сближеніе остается на степени безплоднаго умственнаго напряженія, не дающаго никакихъ резуль-

---

[1]) *Ulrici.* Compendium der Logik; S. 59. И далѣе: „Die *absolute* Identität (Indifferenz) ist undenkbar, weil sie die Aufhebung oder Negation auch *dieses* das Denken selbst bedingenden Unterschieds involviren würde: wird sie nur im *Unterschied* von dem sie denkenden Denken gedacht,—und nur *so kann* sie gedacht werden,—so wird sie nicht als absolute, *allen* Unterschied ausschlissende Identität gedacht, d. h. man wähnt nur sie zu denken, in Warheit wird sie nicht gedacht, weil sie nicht gedacht werden kann, weil ihr Gedachtwerden der Natur des Denkens widerspricht.“—Ср. *Ушинскій.* Человѣкъ, какъ предметъ воспитанія; т. I, с. 293: „Я не могъ бы найти сходства между двумя предметами, еслибы въ то же время не различалъ ихъ; тогда это были бы уже не сходные предметы, а тожественные, не два предмета, а одинъ и тотъ же предметъ“.

татовъ. Для того, чтобы оно могло обратиться въ сопоставленіе, необходимо какое-либо уловимое различіе въ сближаемыхъ элементахъ [1]).

Сводя изложенныя соображенія въ одно цѣлое, мы находимъ, что мысль одинаково отказывается отъ опредѣленія какъ несоизмѣримыхъ, такъ и тожественныхъ предметовъ посредствомъ ихъ взаимнаго сопоставленія. Въ первомъ случаѣ нѣтъ возможности усмотрѣть какое-либо опредѣляющее различіе, ибо все утопаетъ въ общей несоизмѣримости; во второмъ—нельзя открыть никакого опредѣляющаго сходства, ибо все заслоняется тожествомъ. Тамъ мы заключаемъ только, что существуютъ предметы, не имѣющіе ничего общаго; здѣсь,—что встрѣчаются предметы, между которыми нѣтъ никакого различія. Но эти заключенія не даютъ ничего въ смыслѣ опредѣленій: они приписываютъ предметамъ только аттрибутъ существованія, присущій въ одинаковой мѣрѣ всѣмъ явленіямъ бытія. Самое возникновеніе этого аттрибута, который однако не составляетъ опредѣленія, объясняется тѣмъ, что существованіе представляетъ собою то единственное, въ чемъ несоизмѣримые предметы сходны, а тожественные различны. Общій выводъ и здѣсь, слѣдовательно, находитъ себѣ примѣненіе.

Обращаясь собственно къ психологической сторонѣ вопроса, слѣдуетъ, повидимому, искать причины, исключающей несоизмѣримые и тожественные предметы изъ области сопоставленій, въ томъ, что среди нихъ совмѣстная работа способностей различенія и уподобленія представляется невозможною. Не находя другъ въ другѣ взаимной поддержки и опоры, обѣ способности, безсильныя порознь, осуждены здѣсь на бездѣйствіе; а между тѣмъ онѣ служатъ единственными орудіями нашего разума. Отсюда понятно, что въ разсматриваемыхъ случаяхъ нѣтъ мѣста образованію какихъ бы то ни было опредѣленій. Припомнимъ, что всякое опредѣленіе,—будетъ ли оно воспріятіемъ или понятіемъ, индивидуальнымъ или родовымъ признакомъ,—есть непремѣнно или сходство, оттѣненное различіемъ, или различіе, оттѣненное сход-

---

[1]) *Ulrici*. Compendium der Logik; S. 36—37: „Alles Vergleichen ist nur ein Unterscheiden, welches Das, worin zwei Dinge verschieden sind, von Dem, worin sie gleich oder ähnlich sind, unterscheidet". Vgl. S. 99—101.

ствомъ. Въ предметахъ несоизмѣримыхъ и тожественныхъ нѣтъ именно этого оттѣненія; нѣтъ, поэтому, и условій для операцій сознанія. Сближеніе первыхъ вызываетъ въ насъ ощущенія, которыя стоятъ особнякомъ, въ полной взаимной отчужденности, хотя и помѣщаются рядомъ, слѣдуя другъ за другомъ; наоборотъ, при сближеніи вторыхъ мы испытываемъ ощущенія, во всемъ повторяющія другъ друга, которыя не сливаются только потому, что раздѣлены промежутками времени. Раздѣльность этихъ состояній, или не имѣющихъ ничего общаго, или ничѣмъ не разнящихся между собою, даетъ основаніе нашему внутреннему «*я*» заключать о раздѣльномъ существованіи внѣшнихъ возбудителей, т.-е. предметовъ.

Нашъ анализъ подвинулся настолько, что мы уже располагаемъ достаточными средствами, чтобы отвѣтить на вопросъ о границахъ сопоставленія. Устанавливаемыя свойствами разума, эти *естественныя границы* проходятъ, съ одной стороны, тамъ, гдѣ сходство вытѣсняется несоизмѣримостью, съ другой.—тамъ, гдѣ различіе уступаетъ мѣсто тожеству [1]). Въ обмежеванной области сопоставленіе, какъ процессъ, которымъ познается окружающій міръ, господствуетъ на пространствѣ всей природы. Такимъ образомъ, найденныя нами границы обозначаются отрицательно,—указаніемъ такихъ явленій, которыя не могутъ быть сопоставляемы. Но въ этомъ отрицательномъ указаніи есть уже нѣкоторыя данныя для положительнаго рѣшенія вопроса. Если предметы несоизмѣримые и тожественные должны быть одинаково исключены изъ области сопоставленія, то, очевидно, для его существованія

---

[1]) Ср. *Троицкій.* Наука о духѣ; т. II, с. 129: „Предѣлы сравненія реальныхъ фактовъ даны въ ихъ *сходствѣ*. Предѣлы сравненія указаны дѣленіемъ предметовъ на *сравнимые*, или *соизмѣримые*, и *несравнимые*, или *несоизмѣримые*. Что такое предметы *сравнимые*?—Это предметы *сходные*: сравнимость реальныхъ фактовъ не выходитъ изъ предѣловъ *сходства* ихъ содержанія. Что такое предметы *несравнимые*?—Это предметы, не представляющіе *ничего сходнаго*; сообщите несравнимымъ предметамъ какія бы то ни было сходныя черты, и они тотчасъ же превратятся въ сравнимые“.—Такимъ образомъ, игнорируя *тожество*, авторъ видитъ границы сравненія или сопоставленія (по принятому нами словоупотребленію) только въ *несоизмѣримости*, въ чемъ и заключается существенное различіе между нашими взглядами.

требуется, чтобы сближаемые элементы, во-первыхъ, сколько-нибудь *походили* другъ на друга и, во-вторыхъ, чѣмъ-либо *различались* между собою. Другими словами, сопоставленіе возможно только среди явленій, имѣющихъ что-либо *общее* между собою, т.-е. *подобныхъ* въ какомъ-либо отношеніи. *Подобіе* служитъ, слѣдовательно, тѣмъ естественнымъ требованіемъ сопоставленія, которое вытекаетъ изъ его природы или, вѣрнѣе, изъ природы способностей различенія и уподобленія. Подъ подобіемъ же, какъ видитъ читатель, мы разумѣемъ сходство предметовъ, при нѣкоторомъ различіи, или, наоборотъ, различіе ихъ, при нѣкоторомъ сходствѣ. Строго говоря, нѣтъ надобности въ такой полнотѣ опредѣленія подобія, ибо каждый изъ двухъ опредѣляющихъ терминовъ непремѣнно содержитъ въ себѣ скрыто другой: различіе непремѣнно предполагаетъ сходство, такъ какъ безъ этого было бы не различіе, а несоизмѣримость; сходство, обратно, непремѣнно предполагаетъ различіе, такъ какъ безъ этого было бы не сходство, а тожество. «Сходство и различіе,—говоритъ Джевонсъ,—суть только двѣ стороны одного и того же акта ума». «Мы не можемъ утверждать существованія различія,—продолжаетъ онъ нѣсколькими строками ниже,—не предполагая въ то же время существованія сходства» [1]). «Различіе,—думаетъ Льюисъ,—соотносительно со сходствомъ: они не мыслимы другъ безъ друга» [2]).

Какъ необходимые элементы всякаго подобія, различіе и сходство играютъ, каждое, свою особую роль въ сопоставленіи. Ихъ положеніемъ опредѣляется значеніе основныхъ способностей разума въ различныхъ проявленіяхъ умственной жизни.

Мы уже не разъ замѣчали выше, что способности различенія и уподобленія участвуютъ совмѣстно во всѣхъ движеніяхъ мысли.

---

[1]) *Джевонсъ.* Основы науки; с. 43.

[2]) *Льюисъ.* Вопросы о жизни и духѣ; т. II, с. 15.—Ср.: *Ушинскій.* Человѣкъ, какъ предметъ воспитанія; т. I, с. 293: „Какъ чувство сходства, такъ и чувство различія суть двѣ стороны одного и того же процесса,—процесса сравниванія, или, проще, процесса сознанія".—*Horwicz.* Analyse des Denkens; S. 120: „Keine Gleichheit ist denkbar, als eine solche, die sich von einem Verschiedenen absondert; keine Verschiedenheit,—als eine solche, die einem Gleichheitskomplexe übersteht. Beides sind die verschiedenen Seiten desselben Dinges, wie positiver und negativer Pol desselben Magneten, derselben Batterie".

Теперь мы можемъ указать, что это участіе неравное и что въ каждомъ данномъ случаѣ первенство остается за одною изъ нихъ. Подъ преобладающимъ вліяніемъ способности различенія создаются опредѣленія *обособляющія*; наоборотъ, подъ господствомъ способности уподобленія возникаютъ опредѣленія *обобщающія* [1]). Поэтому одна первенствуетъ въ образованіи индивидуальныхъ воспріятій, другая—въ образованіи родовыхъ понятій. Но, первенствуя, каждая изъ нихъ непремѣнно предполагаетъ содѣйствіе со стороны другой способности.

Всякій разъ, когда мы составляемъ представленіе объ *отдѣльномъ* предметѣ, мы стремимся подмѣтить черты, ему одному свойственныя, и воспользоваться ими, чтобы обособить его отъ другихъ предметовъ. Различіе, слѣдовательно, играетъ здѣсь самую видную роль: оно выдвигается нами впередъ, какъ главнѣйшій признакъ создаваемаго образа,—тотъ признакъ, безъ котораго не могло бы существовать наше созданіе. Устранить это различіе значило бы обратить данный предметъ въ тожественный съ тѣми, съ которыми онъ сопоставляется,— со всѣми послѣдствіями такого отожествленія: обезличенный, онъ сталъ бы тогда одною изъ многихъ равныхъ единицъ, которымъ можно вести счетъ, но которыя безполезно противополагать другъ другу, въ надеждѣ опредѣлить ихъ этимъ противоположеніемъ. Утрата особенностей есть вмѣстѣ утрата индивидуальности. Я получаю воспріятіе этой книги, потому что нахожу въ ней признаки, которыхъ нѣтъ въ другихъ книгахъ; я составляю представленіе объ этомъ домѣ, потому что отличаю его отъ другихъ домовъ. Если я отброшу обособляющія черты,—ни того, ни другаго образа у меня не будетъ болѣе. И въ обоихъ случаяхъ, какъ и вообще во всѣхъ случаяхъ образованія индивидуальныхъ воспріятій, на первый планъ выступаютъ особенности предметовъ, сосредоточивающія на себѣ наше вниманіе. Способности различенія принадлежитъ здѣсь, безспорно, первое мѣсто.

Но однѣми особенностями не исчерпывается индивидуальное воспріятіе. Особенности составляютъ въ немъ передніе, ярко выраженные пункты перспективы, позади которыхъ лежатъ другіе

---

[1]) Ср. *Троицкій.* Наука о духѣ; т. II, с. 64 sq., 112 sq.

пункты, менѣе отчетливые, но необходимые, ибо безъ нихъ исчезла бы самая перспектива. За особенностями мы открываемъ присутствіе общаго, которое придаетъ имъ смыслъ и значеніе. Это общее есть то, чѣмъ походитъ данный воспринимаемый предметъ на другіе, съ которыми онъ сопоставляется. «Воспріятіе отдѣльнаго объекта невозможно иначе, какъ посредствомъ мышленія о немъ, какъ о сходномъ съ нѣкоторымъ прежде извѣстнымъ классомъ или индивидуумомъ» [1]). Я получаю воспріятія этого яблока, какъ особи общаго вида яблокъ; я составляю представленіе объ этомъ деревѣ, какъ объ отдѣльномъ экземплярѣ дерева вообще. Въ обоихъ случаяхъ общее есть непремѣнное предположеніе моего воспріятія. Безъ него особенности, только какъ особенности,—различія, только какъ различія, были бы элементами несоизмѣримыми, неспособными къ сопоставленію. Но общее помѣщается здѣсь на второмъ планѣ, въ отдаленіи, оттѣсняемое особеннымъ. Способность уподобленія играетъ, слѣдовательно, подчиненную и служебную роль.

Совершенно обратное положеніе дѣла мы находимъ въ понятіяхъ *родовыхъ*. Образуя ихъ, мы прежде всего заботимся о томъ, чтобы отобрать общіе признаки предметовъ, отнесенныхъ къ данной группѣ. Эти признаки составляютъ условіе, безъ котораго немыслимо возникновеніе родоваго понятія: они наполняютъ его содержаніемъ. Поэтому общее или сходное занимаетъ здѣсь первенствующее положеніе, заслоняя собою индивидуальное и особенное. Не будь этого общаго,—въ лучшемъ случаѣ мы воспринимали бы только отдѣльное и никогда не возвысились бы до роднваго. Я никогда не составилъ бы родоваго понятія о собакѣ, не находя сходными всѣхъ собакъ, какія мнѣ попадались на глаза; я не имѣлъ бы понятія о картинахъ вообще, еслибы онѣ не напоминали мнѣ другъ друга. Во всѣхъ разбираемыхъ случаяхъ общее есть то, что прежде всего возникаетъ въ моемъ сознаніи, что стоитъ въ немъ на первомъ планѣ, что больше всего привлекаетъ къ себѣ мое вниманіе, когда я вызываю въ умѣ то или дру-

---

[1]) *Спенсеръ.* Основаніе психологіи; т. III, ч. VI, с. 294.—Ср.: *Bain.* Logique; t. I, p. 9, 91—92.—*Его-же.* Les sens et l'intelligence; p. 417—418.

гое родовое понятіе, созданное мною ранѣе. Способность уподобленія, воспринимающая это общее, исполняетъ здѣсь важнѣйшую задачу [1]).

Но въ каждомъ родовомъ понятіи рядомъ съ общимъ содержится особенное, какъ необходимое его дополненіе. Оно состоитъ въ различіи общихъ признаковъ данной группы предметовъ отъ общихъ признаковъ другихъ сопоставляемыхъ съ нею группъ. Его назначеніе—обособлять разсматриваемый родъ отъ другихъ родовъ, подобно тому, какъ различіе же обособляетъ воспринимаемый предметъ отъ другихъ предметовъ. Безъ него общіе признаки рода, ничѣмъ не оттѣняемые, были бы лишь повтореніемъ одного и того же состоянія сознанія, вызываемаго отдѣльными предметами, и, какъ повторенія тожественныя, они ускользали бы отъ всякаго опредѣленія. Я составляю себѣ понятіе о растеніи не потому только, что отбираю общіе признаки различныхъ растеній, но и потому, что различаю ихъ отъ животныхъ и минераловъ. Я составляю себѣ понятіе о разумѣ не только какъ о томъ общемъ, что нахожу во всѣхъ проявленіяхъ сознанія, но и какъ объ отличномъ отъ чувствованія и воли. Однако, общее стоитъ здѣсь на первомъ планѣ, находится въ центрѣ моего поля зрѣнія, тогда какъ особенное располагается въ отдаленіи. Способность различенія исполняетъ, стало-быть, роль второстепенную и подчиненную [2]).

Чтобы точнѣе уяснить себѣ, въ чемъ именно выражается преобладаніе той или другой способности въ каждомъ данномъ случаѣ, припомнимъ то, что было сказано нами въ началѣ изслѣдованія по другому поводу. Тамъ, разсматривая смѣну состояній сознанія, характеризующихъ другъ друга, мы замѣтили, что они не въ одинаковой мѣрѣ привлекаютъ къ себѣ наше вниманіе. Изъ двухъ сопоставленныхъ состояній одно представляется элементомъ, на который направленъ нашъ умственный взоръ, тогда какъ другое занимаетъ второстепенное и служебное положеніе: помѣщаясь въ тѣни, оно является фономъ, на которомъ отчетливо выдѣляется его спутникъ, оставляя ясный образъ въ нашемъ

---

[1]) *Bain.* Logique; t. I, p. 71 sq.

[2]) *Ibid.*; p. 83 sq.

умѣ [1]). Съ тѣмъ-же самымъ явленіемъ мы встрѣчаемся и здѣсь, въ индивидуальныхъ воспріятіяхъ и родовыхъ понятіяхъ. Освѣщенную сторону первыхъ представляютъ особенности или различія, оттѣняемыя тусклыми сходствами; наоборотъ, освѣщаемою стороною вторыхъ служатъ сходства, оттѣняемыя блѣдными различіями. Въ нашихъ опредѣленіяхъ это наглядно обнаруживается тѣмъ, что въ однихъ случаяхъ мы открыто высказываемъ различія, а сходства только подразумѣваемъ, тогда какъ въ другихъ—поступаемъ обратно. Въ опредѣленіяхъ индивидуальныхъ воспріятій открыто высказываются особенности предметовъ, которыя, первенствуя, усвоиваются, однако, на фонѣ ближайшихъ къ нимъ родовыхъ понятій. Въ опредѣленіяхъ этихъ послѣднихъ первенство принадлежитъ открыто выраженнымъ общимъ признакамъ группы, обособляемымъ подразумѣваемыми различіями съ общими признаками другихъ группъ. Само собою разумѣется, что подразумѣваемое всегда можетъ быть произнесено вслухъ, и отъ этого опредѣленіе только выиграетъ въ ясности; иногда это бываетъ даже необходимо [2]); но въ большинствѣ случаевъ этого не дѣлаютъ.

Такимъ образомъ, мы приходимъ къ заключенію, что индивидуальныя воспріятія и родовыя понятія одинаково носятъ на себѣ двойственный характеръ: какъ тѣ, такъ и другія составлены какъ-бы изъ двухъ половинъ различнаго значенія [3]). Но, различныя по значенію, половины эти равно необходимы въ обоихъ случаяхъ: гдѣ нѣтъ указанной двойственности, тамъ нѣтъ и быть не можетъ ни воспріятія, ни понятія [4]), въ чемъ мы еще болѣе убѣдимся впослѣдствіи.

Мы разсмотрѣли съ достаточною полнотою условія сопоставленія и характеръ опредѣленій, къ которымъ оно приводитъ при соблюденіи этихъ условій. Намѣченнымъ двойнымъ путемъ обособляющихъ и обобщающихъ опредѣленій создаются сужденія объ окружающемъ мірѣ, столь различныя по своему содержанію и значенію. Различіе объясняется тѣмъ, что мы широко пользуемся возмож-

---

[1]) См. выше, гл. I, с. 8.

[2]) *Bain.* Logique; t. I, p. 86.—*Его же.* Les sens et l'intelligence; p. 522.

[3]) *Его же.* Logique; t. I, p. 3—4.

[4]) *Ibid.*; p. 89—90.

постью производить самыя разнообразныя сопоставленія. Наша задача заключается теперь въ томъ, чтобы показать, какимъ образомъ *возможныя, естественныя границы сопоставленія* должны быть съужены до *необходимыхъ границъ сравненія*, служащаго источникомъ не просто какихъ-бы то ни было заключеній, а *научныхъ* опредѣленій. Съ этою цѣлію намъ предстоитъ вновь подвергнуть болѣе глубокому анализу идею подобія и отвѣтить на вопросы, въ чемъ заключается его природа, чѣмъ условливается его сила и какъ она вліяетъ на результатъ сопоставленія.

Обратимъ прежде всего вниманіе на то, что подобія, наблюдаемыя между предметами внѣшняго міра, по большей части, если не всегда, представляютъ собою сложное цѣлое, составленное, съ одной стороны, изъ отдѣльныхъ подобныхъ частей, съ другой,—изъ подобнаго взаимнаго ихъ расположенія [1]). Такъ, «двѣ лошади, несходныя по величинѣ, подобны между собою не только какъ цѣлыя, но еще подобны и во всѣхъ своихъ частяхъ отдѣльно: голова одной лошади подобна головѣ другой; нога подобна ногѣ, копыто—копыту, глазъ—глазу. Даже части частей болѣе или менѣе подобны другъ другу, какъ мы найдемъ, сравнивая, напр., два соотвѣтствующіе зуба у обѣихъ лошадей,—коронку съ коронкой и корни съ корнями. Даже такія мелкія составныя части, какъ волосы, обнаруживаютъ въ своемъ строеніи полный параллелизмъ.» [2]). Но этого мало. Подобія въ цѣломъ все-таки не существовало бы, если бы всѣ составныя части не были расположены между собою подобнымъ образомъ,—если бы голова, нога, копыто, глазъ и т. д. одной лошади не находились въ такомъ же отношеніи другъ къ другу и къ остальнымъ частямъ тѣла, въ какомъ они находятся у другой лошади. А «если каждое изъ нашихъ обыкновенныхъ подобій состоитъ изъ сложнаго сплетенія болѣе простыхъ подобій, удерживаемыхъ вмѣстѣ подобными способами, и если, слѣдовательно, каждое обыкновенное подобіе разложимо на простыя подобія; то, подвергая анализу одно изъ этихъ простыхъ подобій, мы подвергаемъ этимъ самымъ анализу и сложное подобіе.» [3]).

---

[1]) *Миллъ.* Система логики; т. I. с. 86.—*Спенсеръ.* Основаніе психологіи: т. III; ч. VI, с. 71, 132.

[2]) *Спенсеръ.* Основаніе психологіи; т. III, ч. VI, с. 267.

[3]) *Ibid.*; с. 267—268.—Ср. *Миллъ.* Система логики; т. II., с. 184.

Слѣдуя указанною дорогою, намъ нужно остановиться на подобіи отдѣльныхъ признаковъ, какъ самомъ элементарномъ видѣ подобія.

Выше, говоря о подобіи предметовъ, мы опредѣлили его, какъ сходство при нѣкоторомъ различіи (или обратно),—какъ общее элементовъ сопоставленія. Наше опредѣленіе примѣняется точно также и къ отдѣльнымъ признакамъ предметовъ. Поэтому, мы охотно воспользовались бы имъ теперь, какъ исходною точкою, если бы оно не страдало нѣкоторою формальностію. Явившись слѣдствіемъ отрицательно установленныхъ границъ сопоставленія, это опредѣленіе носитъ на себѣ недостатки своего происхожденія: характеризуя подобіе, какъ общее сопоставляемыхъ предметовъ, оно оставляетъ открытымъ вопросъ, что же такое это общее,—въ чемъ оно заключается. Именно къ этой сторонѣ дѣла мы и должны теперь обратиться.

Психологическій анализъ показываетъ, что общее, обусловливающее возможность сопоставленій, должно заключаться *по крайней мѣрѣ* въ томъ, чтобы сопоставляемые элементы имѣли *одинаковую природу*. [1]). Это—minimum общности или сходства, безъ котораго самое сопоставленіе становится немыслимымъ, такъ какъ далѣе начинается уже область несоизмѣримаго. Чтобы убѣдиться въ этомъ, обратимъ вниманіе на явленія противоположностей, лежащія на границѣ названной области. «Старая истина,—говоритъ Бэнъ,—что противоположности имѣютъ общую природу. Мы противополагаемъ длинный путь короткому, но не находимъ его противоположнымъ рѣзкому звуку. Бѣлое мы противополагаемъ черному, потому что между бѣлымъ и чернымъ есть сходство по природѣ: то и другое—краски, разновидности цвѣта.» [2]). Отнявъ общую природу, мы тотчасъ же обратили бы разсматриваемыя явленія изъ противоположныхъ въ несоизмѣримыя. Одинаковая природа—вотъ, слѣдовательно, наименьшее требованіе подобія, необходимаго для сопоставленія. Поэтому, подобными признаками въ предметахъ нужно считать тѣ, которые, по меньшей мѣрѣ, удовлетворяютъ этому условію. Сохраняя подобіе, они уже не мо-

---

[1]) *Спенсеръ* проводитъ эту идею черезъ всю VI часть своихъ „Основаній психологіи"; см. въ особенности гл. XX, XXIII, XXIV.

[2]) *Bain.* Les sens et l'intelligence; p. 524.—Ср. *Wundt.* Logik; B. I, S. 20.

гутъ понижать степени взаимнаго сходства, хотя, конечно, могутъ безнаказанно усиливать его. Но здѣсь возникаетъ новый вопросъ: что такое одинаковая природа признаковъ?

Мы уже знаемъ, что каждый отдѣльный признакъ предмета есть ничто иное, какъ ощущеніе или группа ощущеній, оттѣненныхъ въ нашемъ сознаніи другими ощущеніями. Признаками одинаковой природы мы называемъ тѣ, которые обязаны своимъ происхожденіемъ *однимъ и тѣмъ же ощущающимъ органамъ*. Съ этой точки зрѣнія, всѣ свѣтовыя ощущенія и, параллельно имъ, цвѣтовые признаки имѣютъ одинаковую природу, потому что всѣ они доходятъ до сознанія черезъ посредство глаза. Напротивъ, вѣсъ и звукъ, какъ признаки предметовъ, обладаютъ различною природою, ибо первый воспринимается мускульнымъ чувствомъ, тогда какъ второй—ухомъ [1]). Тамъ, слѣдовательно, гдѣ мы имѣемъ дѣло съ признаками, связанными единствомъ происхожденія, мы можемъ усматривать между ними подобіе, которое заключается въ ихъ общей природѣ; а подобіе, съ своей стороны, даетъ мѣсто сопоставленіямъ, производящимъ опредѣленія. «Каждое ощущеніе,—замѣчаетъ Вундтъ.—опредѣляется въ интенсивности и въ качествѣ по отношенію къ другимъ однородпымъ ощущеніямъ». [2])— Наоборотъ, тамъ, гдѣ признаки отвѣчаютъ ощущеніямъ, испытываемымъ различными ощущающими органами, нѣтъ никакого подобія, ибо нѣтъ сходства въ ихъ природѣ. Поэтому, такіе признаки представляютъ собою элементы несопзмѣримые, неспособные къ взаимному опредѣленію черезъ посредство сопоставленія [3]).

---

[1]) Ср. *Троицкій*. Наука о духѣ; т. II, с. 13.

[2]) *Вундтъ*. Основаніе физіологической психологіи; с. 491. И далѣе, тамъ же: „Мы указываемъ каждому отдѣльному ощущенію его мѣсто въ системѣ однородныхъ ощущеній, напр., цвѣту—его мѣсто въ непрерывности цвѣтовыхъ ощущеній, звуку—его мѣсто въ рядѣ тоновъ и качествъ звуковъ и т. д."

[3]) Если иногда и возможно сопоставленіе среди ощущеній различной природы, то никакъ не въ качествѣ объективныхъ признаковъ предметовъ, а лишь въ качествѣ вызываемыхъ ими субъективныхъ состояній пріятнаго или непріятнаго. Говорятъ, напр., о мягкихъ цвѣтахъ и звукахъ, острыхъ вкусахъ и запахахъ, сравнивая ихъ съ ощущеніями другихъ категорій. Но и здѣсь сопоставленіе возможно только потому, что оно опирается на внутреннія чувствованія одинаковой природы. И здѣсь, слѣдовательно, наше

Въ лучшемъ случаѣ, при благопріятныхъ условіяхъ, мы можемъ достигнуть сближеніемъ этихъ элементовъ только утвержденія, что существуетъ нѣкоторый параллелизмъ между ними,—что измѣненія въ одномъ элементѣ совершаются соотвѣтственно измѣненіямъ въ другомъ, т. е. констатируемъ явленія существованія или сопослѣдованія. Таковъ, напр., случай совпаденія звука и движенія,—ощущенія уха и колебанія звучащаго тѣла. Но какъ въ этомъ частномъ примѣрѣ движеніе не характеризуетъ субъективнаго ощущенія звука, такъ и вообще несоизмѣримые элементы неспособны характеризовать другъ друга [1]). Они могутъ стоять рядомъ; но ихъ всегда будетъ раздѣлять пропасть, полагающая неодолимую преграду сопоставленію [2]). Такимъ образомъ, признаки или «качества въ предметахъ по необходимости группируются по различнымъ областямъ чувствованія и группируются окончательно, безповоротно. Это значитъ, что каждый органъ чувствъ имѣетъ отдѣльную, ему одному свойственную область, и сочетаніемъ такихъ областей опредѣляются окончательныя, безповоротныя модальности.—Ощущеніе свѣта не можетъ быть переведено, напр., ни на тепловое, ни на звуковое, хотя всѣ три сводятся объективно на колебанія; запахъ не можетъ сдѣлаться протяженностью, ни сопротивленіе—вкусомъ» [3]).

общее положеніе остается вѣрнымъ. Ср.: *Владиславлевъ.* Психологія; т. I, с. 212.—*Троицкій.* Наука о духѣ; т. II, с. 130—131.—*Вундтъ.* Основанія физіологической психологіи; с. 492—493.

[1]) Мысль эту, встрѣчаемую у большинства психологовъ, съ особенною наглядностью высказываетъ *Ульрици*: Compendium der Logik; S. 19—22.

[2]) Это обстоятельство дастъ Миллю и Бэну основаніе утверждать, что основныхъ, послѣднихъ законовъ природы не можетъ быть менѣе числа различныхъ чувствъ, которыми мы надѣлены. См.: *Миль.* Система логики; т. II, с. 4 sq.—*Бэнъ.* Logique; т. II, p. 183—184.

[3]) *Льюисъ.* Вопросы о жизни и духѣ; т. II, с. 255; см. также с. 292.—Ср. *Карпентеръ.* Основаніе физіологіи ума; т. I, с. 128—129.—Разница понятій, вызываемыхъ ощущеніями различной природы, сводится, по мнѣнію *Троицкаго*, „къ ихъ неспособности прямаго взаимнаго превращенія однихъ въ другія. Понятіе видимой формы нельзя перевести въ понятіе вѣса; понятіе цвѣтовъ нельзя перевести въ понятія тоновъ или звуковъ". Наука о духѣ; т. II, с. 13.

Если-бы, однако, не довольствуясь указаніемъ на одинаковое происхожденіе, какъ условіе одноприроднности ощущеній, мы захотѣли узнать, что представляетъ собою эта послѣдняя,—мы уже не могли бы удовлетворить своей любознательности. Что такое цвѣтъ, запахъ, вкусъ, слухъ, какъ *ощущенія*,—для насъ остается совершенной загадкой, которую мы не имѣемъ средствъ разрѣшить. «Въ чемъ заключается природа ощущеній, которыя доставляетъ намъ теплота, голубой цвѣтъ, давленіе, сладость,—этого никто не можетъ сказать. Они суть неразложимые элементы мысли, по отношенію къ которымъ анализъ совершенно безсиленъ. И когда мы утверждаемъ сопринродность двухъ такихъ ощущеній,—ихъ сходство по природѣ, мы просто выражаемъ интуицію, о которой не можемъ сообщить ничего, кромѣ того, что мы ее имѣемъ» [1]). Сходство между двумя состояніями сознанія, усматриваемое интуитивно и стоящее въ связи съ происхожденіемъ ихъ отъ однихъ и тѣхъ же органовъ,—вотъ все, что можно сказать объ одинаковой природѣ ощущеній, служащей основаніемъ подобія признаковъ.

Что касается другаго вида подобія,— подобнаго расположенія частей въ предметахъ,—то и къ нему, очевидно, примѣняются изложенныя соображенія. Всѣ случаи этого вида имѣютъ одинаковую природу, потому что всѣ они сводятся къ идеѣ отношенія въ пространствѣ; а какимъ бы образомъ, при помощи чувствъ, ни возникала въ насъ эта идея, не можетъ быть сомнѣнія въ томъ, что во всякомъ ея образованіи участвуютъ одни и тѣ же факторы.

---

[1]) *Спенсеръ.* Основанія психологіи; т. III, ч. VI, с. 291.—Причину различія ощущеній по природѣ *Вундтъ* предполагаетъ видѣть въ различномъ строеніи ощущающихъ органовъ. Основанія физіологической психологіи; с. 365 sq.—Причину сходства ощущеній *Горвицъ* думаетъ искать въ одинаковой реакціи на одинаковое возбужденіе („gleiche Reaction auf gleiche Erregung"). Analyse des Denkens; S. 112 sq.—Оба взгляда, близкіе другъ другу, не уясняютъ, однако, того, въ чемъ именно состоитъ, съ психологической точки зрѣнія, различная или одинаковая природа тѣхъ или другихъ ощущеній. Они даютъ физіологическое объясненіе явленія, да и то лишь гадательное. См. также: *Гротъ.* Къ вопросу о реформѣ логики; с. 118—119.

Мы разсмотрѣли, что такое подобіе въ своемъ психологическомъ основаніи. Взглянемъ теперь на тѣ *измѣненія*, которымъ подвергаются наши опредѣленія въ связи съ измѣненіемъ *силы* подобія.

Указавъ на сходство по природѣ, какъ минимальное требованіе подобія, мы замѣтили, что степень этого сходства можетъ усиливаться. Прибавимъ, что оно, кромѣ того, можетъ выражаться въ разнообразныхъ проявленіяхъ. Имѣя одну и ту же природу, ощущенія могутъ принадлежать къ различнымъ родамъ, а эти послѣдніе—имѣть различные степени и оттѣнки. Вкусовыя ощущенія представляютъ собою родовыя различія сладкаго, горькаго, соленаго, кислаго, которыя, въ свою очередь, выражаютъ свои специфическія свойства въ различныхъ степеняхъ напряженія и оттѣнкахъ (болѣе и менѣе сладкій, приторный и т. п.). Переходя отъ различій между ощущеніями различной природы къ различіямъ между ощущеніями различныхъ родовъ, но одинаковой природы, и оканчивая различіями степеней и оттѣнковъ одного и того же рода, нельзя не замѣтить, что эти различія постепенно уменьшаются, параллельно указаннымъ переходамъ, и могутъ совсѣмъ исчезнуть, какъ скоро мы возьмемъ два ощущенія, совпадающія не только по роду, но и по степени, или оттѣнку [1]). Въ зависимости отъ этого, наши воспріятія сопоставляемыхъ ощущеній *совершенствуются* въ своей точности и отчетливости по мѣрѣ уменьшенія различія и усиленія сходства. Въ самомъ дѣлѣ, не говоря уже о томъ, что различіе по природѣ, исключая возможность сопоставленій, служитъ неподолимымъ препятствіемъ для образованія какихъ бы то ни было воспріятій,—ощущенія разнородныя не столь близко характеризуютъ другъ друга, какъ ощущенія, различныя лишь по степени, или оттѣнку. Если, напр., ро-

---

[1]) Полное совпаденіе ощущеній по природѣ, роду и степени, или оттѣнку, еще не означаетъ ихъ тожества, ибо не исключаетъ нѣкоторыхъ различій. Совпадая во всѣхъ перечисленныхъ отношеніяхъ, они могутъ различаться, напр., своею продолжительностью. Вообще идея подобія не заключаетъ въ себѣ идеи равенства во времени или пространствѣ: два треугольника могутъ быть подобны, но не равны; примѣръ неравенства во времени мы имѣемъ въ тактѣ и полутактѣ одной и той же ноты. Ср. *Спенсеръ*. Основанія психологіи; т. III, ч. VI, с. 132, 269—270.

довое сопоставленіе цвѣтовъ даетъ намъ воспріятія голубаго, зеленаго, краснаго и т. д., то, caeteris paribus, сближеніе степеней этихъ цвѣтовъ уже способно квалифицировать ихъ воспріятія, какъ темно-голубое, свѣтло-голубое, ярко-голубое и т. д.. Или, самое отчетливое представленіе о вкусѣ даннаго чая мы составляемъ тогда, когда сравниваемъ его со вкусомъ другихъ сортовъ чая, а никакъ не со вкусомъ другихъ напитковъ. Точно также, оцѣнивая голосъ того или другаго пѣвца, мы приходимъ къ наиболѣе опредѣленному заключенію, сопоставляя его съ оттѣнками однородныхъ съ нимъ голосовъ (сравнивая теноръ съ теноромъ, баритонъ съ баритономъ и т. п.). «Перемѣны въ сознаніи,—справедливо замѣчаетъ Спенсеръ,—не дѣйствующія на природу его состояній, гораздо болѣе соизмѣримы между собою, чѣмъ другія. Двѣ перемѣны въ интенсивности ощущенія того же самаго рода могутъ быть познаны гораздо болѣе совершеннымъ образомъ, чѣмъ два перехода отъ ощущенія одного рода къ ощущенію другаго» [1]).

Если отъ этихъ элементарныхъ подобій мы обратимся къ болѣе сложнымъ, но все же не въ той мѣрѣ, какъ тѣ подобія, съ которыми имѣемъ дѣло обыкновенно,—мы встрѣтимся съ тѣми же выводами. Сопоставляя, напр., два произвольныхъ треугольника, мы составляемъ о каждомъ изъ нихъ представленіе, какъ о фигурѣ sui generis, сходной въ томъ-то и томъ-то съ другою такою же фигурою. Если, далѣе, мы сопоставимъ два геометрически подобныхъ треугольника, наши представленія о нихъ тотчасъ же пріобрѣтаютъ болѣе точныя очертанія. Въ первомъ случаѣ треугольники представлялись намъ, какъ замкнутыя фигуры, образуемыя, каждая, тремя взаимно пересѣкающимися прямыми; здѣсь, сверхъ того, они характеризуются какъ такіе, у которыхъ углы равны и стороны пропорціональны. Если, наконецъ, отъ подобныхъ треугольниковъ вообще мы перейдемъ къ спеціальному виду ихъ подобія,—къ подобнымъ прямоугольнымъ треугольникамъ,—къ прежнимъ опредѣленіямъ прибавятся новыя, еще ближе характеризующія разсматриваемыя фигуры. Такъ, мы найдемъ, что не только соотвѣтствующіе углы равны и стороны пропорціо-

---

[1]) *Спенсеръ.* Основанія психологіи; т. III, ч. VI, с. 274.

нальны, по прямой уголъ каждой фигуры равенъ суммѣ другихъ ея угловъ, квадратъ гипотенузы равенъ и т. д..

Останавливаясь на томъ видѣ подобія, съ которымъ приходится встрѣчаться чаще всего,—на подобіи предметовъ внѣшняго міра,—мы не станемъ подвергать кропотливому анализу отдѣльныхъ сложныхъ явленій, предоставляя самому читателю повѣрить наши соображенія на конкретныхъ случаяхъ. Достаточно будетъ бѣгло указать на то, что и здѣсь нашъ общій выводъ находитъ себѣ подтвержденіе. Мы опредѣляемъ, напр., новое растеніе, сопоставляя его съ растеніями наиболѣе близкими (одного съ нимъ вида), именно потому, что наши заключенія достигаютъ при этомъ наибольшей точности.

Словомъ, какого бы вида и сложности ни было взято подобіе, мы всюду увидимъ, что, по мѣрѣ возростанія сходства сопоставляемыхъ предметовъ, увеличивается отчетливость и точность нашихъ опредѣленій [1]). Вотъ почему, между прочимъ, когда мы хотимъ познакомить слушателя съ какимъ-нибудь неизвѣстнымъ ему предметомъ, мы описываемъ его по сравненію съ тою изъ извѣстныхъ вещей, которая имѣетъ наибольшее сродство съ нимъ. И наше описаніе будетъ тѣмъ опредѣленнѣе и ярче, чѣмъ сильнѣе это сродство.

Обращаемся къ другой сторонѣ подобія, присутствіе которой наглядно обнаруживается въ одномъ изъ вышеприведенныхъ примѣровъ,—къ подобному расположенію частей. Въ треугольникахъ, произвольно взятыхъ, взаимное положеніе линій опредѣляется только ихъ пересѣченіемъ, подъ условіемъ образованія замкнутой фигуры. Въ треугольникахъ, геометрически подобныхъ, есть уже, сверхъ того, соотвѣтствующія стороны, которыя лежатъ противъ соотвѣтствующихъ угловъ. Наконецъ, въ подобныхъ прямоугольныхъ треугольникахъ положеніе сторонъ устанавливается еще ближе: бо̀льшая сторона лежитъ противъ прямаго угла, а меньшія—ограничиваютъ его. Такимъ образомъ, выводъ, къ которому мы пришли относительно подобія признаковъ, находитъ полное

[1]) *Bain.* Logique; t. II, p. 276: „L'esprit voit les objets sous le jour le plus avantageux, quand il considère ensemble ceux qui ont le plus grand nombre de rapports".

приложеніе къ подобію взаимнаго ихъ расположенія: точность опредѣленій и здѣсь стоитъ въ прямой зависимости отъ силы сходства.

Думаемъ, что было бы излишне подтверждать наше положеніе дальнѣйшимъ разборомъ частныхъ случаевъ. Полезнѣе указать на то, что оно подлежитъ нѣкоторому ограниченію.

Ограниченіе, которое, впрочемъ, разумѣется само собою, состоитъ въ томъ, что возрастающее сходство, благопріятствуя опредѣленіямъ, никогда, однако, не должно переходить въ тожество. Подобный переходъ сопровождался бы замѣною сопоставленія,—этого всеобщаго источника мысли,—узнаваніемъ, которое, какъ замѣчено выше, не можетъ служить прямымъ орудіемъ пріобрѣтенія свѣдѣній. За невозможностью производить сопоставленія, мы тѣмъ самымъ были бы лишены средствъ дѣлать какія-либо заключенія относительно сближаемыхъ элементовъ. Впрочемъ, въ дѣйствительности этой опасности нѣтъ, ибо природа, по принятому выраженію, не знаетъ повтореній.

Выяснивъ психологическую основу подобія и вліяніе его силы на наши опредѣленія, мы уже безъ труда найдемъ болѣе или менѣе полные и обстоятельные отвѣты на занимающіе насъ вопросы.

Что такое подобные предметы?—Если сложное подобіе предметовъ распадается на элементарныя подобія отдѣльныхъ признаковъ и взаимнаго ихъ расположенія; если, далѣе, подобіе этихъ составныхъ частей покоится на одинаковомъ ихъ происхожденіи; то, дѣлая надлежащее подстановленіе, мы должны сказать, что подобными предметами могутъ быть только тѣ, которые вызываютъ въ насъ соотвѣтствующіе ряды ощущеній одинаковой природы,—тѣ, которые, если не всѣми, то, по крайней мѣрѣ, нѣкоторыми своими сторонами вліяютъ на одни и тѣ же ощущающіе органы.

Чѣмъ условливается сила подобія между предметами?—Если предметы представляютъ совокупность частныхъ подобій между отдѣльными признаками и ихъ расположеніемъ, то сила общаго подобія должна возрастать въ связи съ возрастаніемъ степени сходства частныхъ подобій. Мало того,—сила общаго подобія должна, очевидно, увеличиваться по мѣрѣ умноженія числа частныхъ подобій,—положеніе, которое, повидимому, не требуетъ доказательства. Отсюда,—сила подобія между предметами условли-

вается: во-первыхъ, силою подобія соотвѣтствующихъ признаковъ, во-вторыхъ, силою подобія во взаимномъ ихъ расположеніи и, въ-третьихъ, количествомъ этихъ частныхъ подобій. Чѣмъ болѣе сходства между отдѣльными признаками, чѣмъ многочисленнѣе сходные признаки и чѣмъ соотвѣтственнѣе расположены они, тѣмъ сильнѣе подобіе между самими предметами. Выражая ту же мысль въ другихъ терминахъ,—получимъ: сила подобія предметовъ зависитъ отъ сходства вызываемыхъ ими однопрородныхъ ощущеній, ихъ взаимнаго положенія и количества. Чѣмъ болѣе въ предметахъ такихъ сторонъ, которыя дѣйствуютъ на одни и тѣ же органы воспріятія, чѣмъ ближе стоятъ другъ къ другу воспринимаемыя ощущенія по роду и степени, или оттѣнку, и чѣмъ сходнѣе расположены они между собою, тѣмъ болѣе подобія между данными предметами.

Наконецъ, *какъ вліяетъ сила подобія на наши опредѣленія предметовъ* (*воспріятія*)?—Если предметы, какъ цѣлые, характеризуются своими отдѣльными признаками, а признаки бываютъ тѣмъ точнѣе, чѣмъ болѣе подобія между ними, то ясно само собою, что общія опредѣленія предметовъ, ихъ воспріятія, выигрываютъ въ точности въ той мѣрѣ, въ какой усиливается сходство среди слагающихъ частныхъ подобій. Кромѣ того, такъ какъ сила общаго подобія зависитъ также отъ числа частныхъ подобій, то, съ увеличеніемъ этихъ послѣднихъ, должны умножаться частныя опредѣленія, входящія въ составъ общихъ, которыя, вслѣдствіе этого, пріобрѣтаютъ многостороннюю полноту. Чѣмъ больше сходства между отдѣльными признаками сопоставляемыхъ предметовъ, тѣмъ точнѣе ихъ опредѣленія, а чѣмъ больше такихъ признаковъ, тѣмъ эти опредѣленія многосторонніе и полнѣе. Вновь выражая нашъ выводъ въ другихъ терминахъ,—получимъ: чѣмъ болѣе ощущеній одинаковой природы вызываютъ въ насъ сопоставляемые предметы, тѣмъ съ бо́льшаго числа сторонъ характеризуютъ они другъ друга, и чѣмъ ближе стоятъ между собою соотвѣтствующія ощущенія по роду и степени, тѣмъ точнѣе характеристическія черты. Такимъ образомъ, сила подобія находится въ прямомъ отношеніи къ полнотѣ и точности опредѣленій.

Не уклоняясь слишкомъ въ сторону, мы не можемъ подробнѣе указать на тотъ параллелизмъ, который существуетъ между на-

ними опредѣленіями и силою подобія опредѣляемыхъ предметовъ. Для нашей цѣли, однако, совершенно достаточно тѣхъ общихъ выводовъ, къ которымъ мы пришли [1]).

Чтобы кончить съ вопросомъ о подобіи, намъ остается сказать нѣсколько словъ о способахъ его *измѣренія*. Въ этомъ отношеніи слѣдуетъ замѣтить, что подобіе между предметами опредѣляется или непосредственнымъ ихъ сопоставленіемъ, или черезъ посредство измѣряющихъ единицъ.

---

[1]) Тонкій и прекрасный анализъ помянутаго параллелизма читатель можетъ найти у *Спенсера*. Вотъ, въ немногихъ словахъ, результаты его анализа: а) Въ *совершенномъ количественномъ разсужденіи*, по его мнѣнію, необходимо, чтобы сопоставляемые *элементы* обладали одинаковыми: 1) природою, 2) положеніемъ въ пространствѣ и 3) положеніемъ во времени, а ихъ *отношенія* были одинаковаго: 4) рода и 5) степени. Другими словами, въ этихъ операціяхъ разума должны точно измѣряться, одинаковыми единицами, природа, пространство и существованіе во времени, какъ аттрибуты сопоставляемыхъ элементовъ, и родъ и степень ихъ взаимныхъ отношеній. „Такимъ образомъ, идея сходства не только достигаетъ здѣсь своего полнаго совершенства, но является въ величайшемъ разнообразіи приложеній".— б) Въ *несовершенномъ количественномъ разсужденіи* выпадаютъ то тѣ, то другія изъ перечисленныхъ условій.—в) Въ *совершенномъ качественномъ разсужденіи* должны быть одинаковыми: 1) природа и 2) положеніе во времени сопоставляемыхъ элементовъ и 3) родъ и 4) степень ихъ отношеній. Одинаковаго положенія въ пространствѣ, какъ условія, здѣсь уже нѣтъ.—г) Въ *отчасти совершенномъ качественномъ разсужденіи* нужно еще менѣе: 1) одинаковая природа элементовъ и 2) одинаковый родъ отношеній.—д) Въ *совершенномъ качественномъ разсужденіи* достаточно: 1) сходства (но не одинаковости) природы элементовъ, 2) одинаковости рода и 3) сходства степени отношеній.— Наконецъ, спускаясь еще ниже, къ *сужденіямъ по аналогіи*, требованія приводятся до сходства уже не элементовъ, а только отношеній. „Если посылочное отношеніе есть послѣдовательность, то и заключаемое отношеніе должно быть послѣдовательностью, или оба они должны представлять сосуществованія. Если одно изъ нихъ есть пространственное отношеніе, а другое отношеніе времени,—разсужденіе становится невозможнымъ". Основанія психологіи; т. III, ч. VI, с. 108—110; ср. с. 25, 36—40, 48, 50—55 и мн. др. Подробный анализъ умственныхъ процессовъ изложенъ въ гл. II—VIII; изъ нихъ послѣдняя (VIII глава), какъ выводъ предыдущихъ главъ, представляетъ общую характеристику разсужденія.—Выводы Спенсера въ значительной мѣрѣ усвоиваютъ: *Джевонсъ*. Основа науки; гл. I—VII первой книги.—*Тьюисъ*. Вопросы о жизни и духѣ; т. II, гл. III—V второй проблеммы.

О *непосредственномъ сопоставленіи*, составляющемъ самый простой и первоначальный способъ измѣренія, было много говорено на предыдущихъ страницахъ, гдѣ мы разсматривали по преимуществу случаи этого рода. Оно заключается въ интуитивномъ усмотрѣніи различій и сходствъ среди тѣхъ частныхъ подобій, изъ которыхъ слагается общее подобіе предметовъ. Различія и сходства воспринимаются «простымъ усмотрѣніемъ, простымъ приложеніемъ нашихъ внѣшнихъ чувствъ или направленіемъ нашего вниманія на два предмета разомъ, или въ непосредственной послѣдовательности. И это одновременное на фактѣ, или въ возможности, приложеніе нашихъ способностей къ двумъ вещамъ, которыя должны быть сравнены, составляетъ необходимо высшій авторитетъ, всякій разъ, когда упомянутое приложеніе возможно» [1]). А такъ какъ измѣреніе этого вида достигаетъ наибольшей точности въ томъ случаѣ, когда измѣряемыя величины слѣдуютъ въ нашемъ умѣ непосредственно другъ за другомъ, то съ этою цѣлью мы обыкновенно стараемся расположить сопоставляемые предметы рядомъ, чтобы занять, по отношенію къ нимъ, наиболѣе выгодное положеніе. Вслѣдствіе этого, когда мы хотимъ судить о двухъ оттѣнкахъ цвѣта, мы помѣщаемъ ихъ рядомъ; вслѣдствіе этого, мы не можемъ съ какою-либо точностью сказать, который изъ двухъ звуковъ громче или выше въ діапазонѣ, если только звуки не слѣдовали одинъ за другимъ непосредственно; вслѣдствіе этого, желая оцѣнить отношеніе грузовъ, мы беремъ по одному въ каждую руку, чтобы можно было сравнить ихъ давленія, быстро переходя въ мысли отъ одного груза къ другому; вслѣдствіе этого, наконецъ, является фактъ, что изъ всѣхъ величинъ величины *линейнаго протяженія* суть такія, равенство которыхъ доступно наиболѣе точной повѣркѣ и на которыя, вслѣдствіе этого, сводятся всѣ другія» [2]).

Что касается другаго вида измѣренія,—*при помощи измѣряющихъ единицъ*,—то способъ этотъ является необходимымъ въ тѣхъ слу-

---

[1]) *Миллъ.* Система логики; т. II, с. 137.—Ср.: *Спенсеръ.* Основанія психологіи; т. III, ч. VI, с. 39 sq., 48 sq.—*Ribot.* La psychologie anglaise; p. 188

[2]) *Спенсеръ.* Научные, политическіе и философскіе опыты. Рус. пер. подъ редакціею К. Тибльна, 1866; т. I, с. 324—325 („Генезисъ науки").

чаяхъ, когда непосредственное сопоставленіе или невозможно, по невозможности сблизить измѣряемые предметы, или не даетъ точныхъ результатовъ, въ силу какихъ-либо особыхъ условій. Въ этихъ случаяхъ прибѣгаютъ къ помощи третьяго предмета, который, будучи величиною постоянною, поперемѣнно сопоставляется съ данными предметами и, такимъ образомъ, опредѣляетъ степень ихъ взаимнаго подобія по степени сходства съ собою [1]). Это—тотъ способъ измѣренія, который приводитъ къ наиболѣе точнымъ выводамъ, выражающимся часто въ количественныхъ опредѣленіяхъ предметовъ. Какъ видитъ читатель, онъ сводится, въ сущности, къ первому способу, ибо отношеніе измѣряющей величины къ опредѣляемымъ предметамъ устанавливается также непосредственнымъ сопоставленіемъ. Само собою разумѣется, что величина эта должна быть подобна предметамъ, которые ею измѣряются [2]).

Есть и еще одинъ видъ измѣренія, который можетъ быть причисленъ, подъ нѣкоторою оговоркою, къ измѣренію втораго вида: это—измѣреніе *при посредствѣ родовыхъ понятій*, имѣющее для цѣлей нашего изслѣдованія особливое значеніе. Предметъ этотъ—неновый для насъ: съ образованіемъ родовыхъ понятій и примѣненіемъ ихъ къ опредѣленію индивидуальныхъ явленій мы уже ознакомились въ первой главѣ. Мы видѣли тамъ, что, сближаемыя съ отдѣльными предметами, родовыя понятія обнаруживаютъ въ нихъ признаки сходства и различія не только съ собою, но, косвенно, и со всѣми тѣми предметами, которые обобщены ими [3]). Въ каждомъ подобномъ случаѣ происходитъ, такъ сказать, наложеніе даннаго понятія на опредѣляемый предметъ, при чемъ это наложеніе показываетъ: *непосредственно*—взаимное отношеніе ихъ

---

[1]) *Миллъ.* Система логики; т. II, с. 137 sq.—*Спенсеръ.* Основанія психологіи; т. III, ч. VI, с. 121.—*Джевонсъ.* Основы науки; с. 9—10.

[2]) Вопросъ объ единицахъ и способахъ измѣренія подробно обсуждается *Джевонсомъ*, который посвящаетъ ему третью книгу своихъ „Основъ“ (с. 257—373). На нашъ взглядъ, введеніе этого отдѣла въ систему логики составляетъ серьезную заслугу автора. Относительно обработки вопроса, правда, остается желать весьма много; но матеріалъ собранъ богатый и обширный. Ср. *Спенсеръ.* Опыты; т. I, с. 286—287, 317 sq..

[3]) См. выше, гл. I, с. 15—16, 23—25.

между собою и *посредственно*—отношеніе разсматриваемаго предмета къ тѣмъ, которые стоятъ за родовымъ понятіемъ. Такимъ образомъ, родовое понятіе является измѣряющею единицею, которая, опредѣляя собою данное явленіе, вмѣстѣ съ тѣмъ опредѣляетъ его отношеніе къ явленіямъ, измѣреннымъ ею ранѣе [1]). Отсюда слѣдуетъ, между прочимъ, что измѣреніе при помощи родовыхъ понятій имѣетъ безспорныя преимущества передъ измѣреніемъ черезъ непосредственное сопоставленіе: если родовое понятіе образовано правильно, то въ первомъ случаѣ мы разомъ приходимъ къ цѣли, достигаемой во второмъ—путемъ долгой и кропотливой работы. Неудивительно, поэтому, что въ своихъ сужденіяхъ мы гораздо чаще слѣдуемъ этою короткою дорогою, хотя долгій путь и есть тотъ, который лежитъ въ основаніи всѣхъ операцій мысли, какъ ея первообразъ [2]).

Располагая выводами, къ которымъ привелъ насъ предыдущій анализъ, мы имѣемъ, повидимому, всѣ данныя, чтобы рѣшить нашъ главный вопросъ: при какихъ условіяхъ *сопоставленіе*, какъ источникъ *мысли* вообще, переходитъ въ *сравненіе*, какъ источникъ *знанія*?—Попробуемъ отвѣтить на этотъ вопросъ.

Мы видѣли, что сопоставленіе возможно только подъ условіемъ подобія. Мы нашли далѣе, что опредѣленія, которыми сопоставленіе характеризуетъ сближаемые предметы, пріобрѣтаютъ бо́льшую точность и увеличиваются въ числѣ по мѣрѣ того, какъ возрастаетъ подобіе между предметами. Отсюда мы заключили, что предметы, наиболѣе сходные между собою, наиболѣе

---

[1]) *Миллъ.* Система логики; т. II, 194: „Какъ само общее понятіе получается черезъ сравненіе частныхъ явленій, такъ, получивъ это понятіе, мы прилагаемъ его къ другимъ явленіямъ опять-таки сравненіемъ. Мы сравниваемъ явленія для полученія понятія, а затѣмъ сравниваемъ эти и другія явленія съ понятіемъ. Получивъ, напр., путемъ сравненія различныхъ животныхъ, понятіе о животномъ и видя потомъ существо, похожее на животное, мы сравниваемъ его съ нашимъ общимъ понятіемъ о животномъ и, если встрѣтившееся существо сходно съ этимъ общимъ понятіемъ, то мы включаемъ его въ классъ. Понятіе становится типомъ сравненія".—Ср.: *Уэтли.* Основанія логики. Рус. пер. А. Шимкова, 1873; с. 482–483.—*Льюисъ.* Вопросы о жизни и духѣ; т. I, с. 261.—*Троицкій.* Наука о духѣ; т. II, с. 144–145.

[2]) См. выше, гл. I, с. 24—25.

способны отчетливо и всесторонне опредѣлять другъ друга. Поэтому, мы можемъ достигать возможной строгости, полноты, а, стало-быть, и ясности сужденій тамъ, гдѣ имѣемъ дѣло съ высшимъ выраженіемъ подобія. Это положеніе дастъ намъ достаточное основаніе къ другому заключенію, что въ силѣ подобія, въ степени его напряженности, слѣдуетъ искать *условій сравненія*, выдѣляющихъ его, какъ *логическій пріемъ*, изъ обширныхъ предѣловъ *психологическаго акта* сопоставленія. Въ самомъ дѣлѣ, если одни изъ безчисленнаго ряда возможныхъ сопоставленій характеризуютъ предметы немногими и поверхностными чертами, которыя только скользятъ по ихъ внѣшности, тогда какъ другія — даютъ опредѣленія многосторонніе и отчетливыя, полныя и точныя, которыя, проникая въ глубь явленій, освѣщаютъ ихъ въ самыхъ разнообразныхъ направленіяхъ; если, такимъ образомъ, въ одномъ случаѣ лишь слегка намѣчаются очертанія предметовъ, тогда какъ въ другомъ—получаются живыя ихъ изображенія;—то само собою становится понятнымъ, какую дорогу долженъ выбрать изслѣдователь при изученіи внѣшняго міра, зная, что всѣ сужденія наши относительны и всѣ одинаково вѣрны въ предѣлахъ сопоставленія [1]). Изъ великаго множества возможныхъ сближеній онъ долженъ избрать тѣ, которыя сопоставляютъ предметы, подобные между собою; изъ сопоставленій, ограниченныхъ такимъ образомъ, онъ долженъ останавливать свое преимущественное вниманіе на тѣхъ, среди которыхъ ярче и сильнѣе выражено подобіе; наконецъ, изъ двухъ параллельныхъ рядовъ сопоставленій онъ долженъ отдать предпочтеніе тѣмъ, въ которыхъ подобіе достигаетъ наиболѣе сильнаго и полнаго выраженія. Степень подобія является, слѣдовательно, критеріемъ при оцѣнкѣ сопоставленій въ цѣляхъ изученія предметовъ. Выдѣленныя на основаніи этого критерія, сопоставленія представляютъ *сравненія* въ строгомъ смыслѣ слова. Первыя относятся ко вторымъ, какъ роды къ своимъ видамъ: *сравненіе есть сопоставленіе, отмѣченное специфическимъ характеромъ высшаго подобія* [2]).

---

[1]) См. выше, гл. I, с. 29—32.

[2]) Ср. *Троицкій*. Наука о духѣ; т. II, с. 18, 127 sq.

Во избѣжаніе недоразумѣній, намъ нужно оговорить здѣсь одну сторону дѣла, которую до сихъ поръ мы обходили молчаніемъ. Разсматривая условія, при которыхъ сопоставленіе переходитъ въ сравненіе, мы, ради простоты изложенія, брали по бо́льшей части случаи одинокаго сопоставленія. Это можетъ подать поводъ къ заключенію, что для образованія отчетливыхъ и полныхъ индивидуальныхъ воспріятій мы можемъ довольствоваться сопоставленіемъ двухъ наиболѣе сходныхъ предметовъ. Но такое заключеніе не отвѣчало-бы истинѣ и стояло-бы въ противорѣчіи съ положеніемъ, высказаннымъ ранѣе, что наши воспріятія совершенствуются въ зависимости отъ числа сопоставленій [1]). И, дѣйствительно, какъ-бы счастливо и удачно ни было избрано отдѣльное сопоставленіе, оно не можетъ привести насъ къ той точности и многосторонности опредѣленія, на которыя мы въ правѣ разсчитывать, если повторимъ сравненіе въ цѣломъ рядѣ подобныхъ сопоставленій. Это повтореніе дастъ возможность подмѣтить такія характеристическія черты сходства, которыя прежде могли ускользать отъ вниманія, благодаря полному ихъ совпаденію; съ другой стороны, оно позволитъ усмотрѣть такія оттѣняющія различія, какихъ не было въ первомъ сопоставленіи. Но, разумѣется, повторяя сравненіе, не слѣдуетъ выходить изъ предѣловъ даннаго типа подобія; да въ этомъ и нѣтъ надобности, такъ какъ явленія природы представляютъ обыкновенно широкое поле для многочисленныхъ сопоставленій, въ которыхъ степень подобія остается болѣе или менѣе одинаковою (такъ называемыя infimae species, о которыхъ рѣчь впереди).—Еще бо́льшую важность имѣетъ повтореніе сопоставленій въ вопросѣ объ относительномъ значеніи признаковъ. Забѣгая впередъ, замѣтимъ здѣсь по этому поводу, что мы никогда не составимъ себѣ отчетливаго представленія о томъ или другомъ конкретномъ предметѣ, пока не опредѣлимъ индивидуальныхъ его особенностей, признаковъ, общихъ съ другими предметами, и степени общности ихъ. А этого, конечно, мы никогда не опредѣлимъ, пока будемъ ограничиваться одинокимъ сопоставленіемъ.—Мы могли-бы привести нѣкоторыя

---

[1]) См. выше, гл. I, с. 21.

другія соображенія въ защиту разсматриваемаго утвержденія, но оно кажется намъ настолько очевиднымъ, что не нуждается въ дальнѣйшихъ доказательствахъ. А если такъ, то выше данное опредѣленіе сравненія должно быть пополнено еще одною чертою: какъ логическая операція, сравненіе есть не просто *сопоставленіе наиболѣе подобныхъ предметовъ*, но сопоставленіе, *повторенное достаточное число разъ*. Поздпѣе намъ придется, быть можетъ, внести въ наше опредѣленіе новыя черты, не обнаруженныя доселѣ.

Разсматривая на страницахъ настоящей главы по преимуществу индивидуальныя воспріятія, мы лишь мимоходомъ дѣлали нѣкоторыя замѣчанія относительно родовыхъ понятій. Входить здѣсь въ подробный анализъ ихъ не представляется никакой надобности. Избѣгая пространныхъ повтореній, достаточно указать, что въ общихъ основаніяхъ къ нимъ примѣняются вышеизложенныя соображенія.

Элементами сопоставленія при образованіи *родовыхъ понятій* служатъ не отдѣльныя явленія, а цѣлыя группы ихъ, объединенныя общностью признаковъ. Каждая такая группа разсматривается, какъ сложное цѣлое, противополагаемое другимъ сложнымъ единицамъ. Характеристическими чертами являются общіе признаки составныхъ частей, сопоставляемые съ общими признаками другихъ группъ. Такимъ образомъ, терминами сопоставленія служатъ здѣсь обобщенія; но самое сопоставленіе удерживаетъ свой прежній характеръ, не смотря на иную среду, въ которую оно поставлено. Такъ, оно требуетъ, чтобы сближаемыя обобщенія были подобны, т.-е. имѣли что-либо общее между собою, но не совпадали другъ съ другомъ во всѣхъ частяхъ. Можно сопоставить признаки твердыхъ и жидкихъ тѣлъ и образовать о тѣхъ и другихъ родовыя понятія, потому что между этими признаками есть нѣчто общее, не смотря на сильное различіе; но безполезно сближать какъ два несопзмѣримыхъ обобщенія звука и вкуса, такъ и два совершенно одинаковыхъ обобщенія цвѣта, хотя-бы составленныхъ отвлеченіемъ отъ различныхъ предметовъ;—безполезно потому, что въ первомъ случаѣ нѣтъ никакого сходства, а во второмъ—никакого различія, вслѣдствіе чего ни тамъ, ни здѣсь невозможна совмѣстная работа способностей различенія и уподоб-

ленія. Такимъ образомъ, подобіе сближаемыхъ родовыхъ понятій является непремѣннымъ условіемъ сопоставленія, какъ психологическаго акта.

Что касается до перехода этого акта въ логическую операцію сравненія, то условія здѣсь—тѣ же самыя, какія мы видѣли выше. При взаимномъ сопоставленіи группъ, сходныхъ между собою, ихъ опредѣленія возрастаютъ въ числѣ и выигрываютъ въ отчетливости тѣмъ болѣе, чѣмъ сильнѣе подобіе между общими признаками группъ. Общее понятіе о какомъ либо видѣ животныхъ будетъ постепенно утрачивать полноту и точность заключающихъ въ себѣ отдѣльныхъ опредѣленій, какъ скоро отъ сравненія съ сосѣдними видами того-же рода мы станемъ переходить къ послѣдовательному сопоставленію съ видами другихъ родовъ, классовъ, отдѣловъ; его содержаніе будетъ еще бѣднѣе и неопредѣленнѣе, если мы обратимся къ видамъ растеній, а тѣмъ болѣе—неорганическихъ предметовъ. Но если богатство и точность опредѣленій, входящихъ въ содержаніе родоваго понятія, возрастаютъ въ прямомъ отношеніи къ силѣ подобія сопоставляемыхъ группъ, то очевидно, что изъ великаго множества возможныхъ сопоставленій мы должны выбирать такія, которыя сближаютъ наиболѣе сходныя группы. Здѣсь, въ этой ограниченной области, сопоставленіе становится логическимъ пріемомъ сравненія, какъ средствомъ для научныхъ пріобрѣтеній.

Къ сказанному прибавимъ, что данныя родовыя понятія могутъ, въ свою очередь, послужить для образованія новыхъ высшихъ понятій, а эти послѣднія—для понятій еще болѣе высшихъ, пока, наконецъ, мы не дойдемъ до предѣльныхъ обобщеній [1]). Условія образованія этихъ высшихъ понятій ничѣмъ существеннымъ не отличаются отъ условій, уже разсмотрѣнныхъ нами; а потому мы не станемъ останавливаться на нихъ. Гораздо поучительнѣе обратить вниманіе на *крайній предѣлъ*, котораго мы можемъ достигать въ своихъ обобщеніяхъ.

Естественно, что предѣлъ этотъ полагаютъ свойства нашего разума. Такъ какъ мы образуемъ наши понятія сопоставленіемъ,

---

[1]) См. ниже, гл. V.

то ясно, что тамъ, гдѣ оканчивается возможность сопоставленій, вмѣстѣ съ тѣмъ оканчивается и возможность образованія понятій. А такъ какъ сопоставленіе требуетъ, по крайней мѣрѣ, двухъ элементовъ, опредѣляющихъ другъ друга, то бо́льшее, чего мы можемъ достичь въ своихъ обобщеніяхъ, это—установленія двухъ высшихъ понятій, противополагаемыхъ другъ другу. Философское стремленіе свести всѣ нити нашей мысли къ высшему *постигаемому* единству слѣдуетъ признать заманчивою, но неосуществимою мечтою. Какъ тамъ, внизу, среди конкретныхъ явленій природы, всякій уединенный феноменъ есть тайна;—такъ здѣсь, среди высочайшихъ отвлеченій нашей мысли, единое, обнимающее собою всю множественность явленій, есть также тайна, которую не въ силахъ проникнуть нашъ двойственный разумъ. Пусть это единое *реально*, какимъ мы должны предполагать его [1]); но оно скрыто отъ насъ непроницаемою завѣсою [2]).

Въ заключеніе, оглядываясь на пройденный путь, отмѣтимъ главные выводы, что̀ вмѣстѣ съ тѣмъ дастъ намъ возможность нагляднѣе представить ходъ нашего изложенія.

---

[1]) См. ниже, гл. V.

[2]) По этому поводу мы позволимъ себѣ привести слова *Бэна*, наиболѣе авторитетнаго изъ современныхъ психологовъ и лучшаго изъ живущихъ логиковъ. „Самыя высшія обобщенія,—говоритъ онъ,—должны содержать въ себѣ, по крайней мѣрѣ, двѣ вещи, которыя объясняютъ другъ друга, будучи одинаково реальны. Это замѣчаніе необходимо, потому что нерѣдки ошибки, когда продолжаютъ еще употреблять формы языка, между тѣмъ какъ нѣтъ уже болѣе противоположной и соотвѣтствующей реальности. Такъ, матерія и духъ или, точнѣе, протяженное и непротяженное, объектъ и субъектъ, представляютъ парныя реальности, опредѣляющіяся взаимно. Отрицать матерію, пространство, объективный міръ,—значитъ утверждать духъ, міръ субъективный. Здѣсь мы пока въ области дѣйствительнаго и реальнаго опыта. Въ насъ происходитъ обычный переходъ отъ извѣстныхъ состояній сознанія, которыя мы называемъ матеріей, къ другимъ извѣстнымъ состояніямъ, которыя мы называемъ духомъ; мы знаемъ тѣ и другія по ихъ взаимной противоположности, и наше знаніе не̄можетъ идти далѣе. За-то языкъ способенъ двинуться далѣе. Мы можемъ объединить въ формѣ слова такіе два факта, какъ духъ и матерія, субъектъ и объектъ; мы можемъ прибѣгнуть къ какому-либо одному термину, обозначающему ихъ совокупность. Такимъ терминомъ можетъ

Имѣя въ виду выяснить природу сравненія, мы подвергли предварительному разсмотрѣнію *сопоставленіе* вообще, при чемъ нашли, что его *естественныя границы* оканчиваются, съ одной стороны, явленіями *несоизмѣримыми*, съ другой,—*тожественными*. И тамъ, и здѣсь сближеніе не даетъ никакихъ результатовъ для опредѣленія сближаемыхъ величинъ, ибо способности различенія и уподобленія, всегда дѣйствующія совмѣстно и поддерживающія другъ друга, въ обоихъ случаяхъ предоставлены своимъ одинокимъ силамъ. А если сопоставленіе, служащее источникомъ нашихъ опредѣленій, не находитъ мѣста среди несоизмѣримыхъ и тожественныхъ предметовъ, то оно, очевидно, возможно только въ примѣненіи къ предметамъ, которые одновременно и *сходны*, и *различны* между собою, т.-е. имѣютъ нѣчто *общее*, не исключающее особеннаго; оно, слѣдовательно, возможно только среди предметовъ *подобныхъ*. И, дѣйствительно, при существованіи этого условія, сопоставленіе надѣляетъ предметы опредѣленіями, которыя мы назвали *обособляющими* и *обобщающими*. Первыя изъ нихъ, создаваемыя подъ преобладающимъ господствомъ способности различенія, содержатъ въ себѣ отчетливо выраженныя особенности предметовъ, оттѣняемыя подразумѣваемыми сходствами;

быть: вселенная, существованіе, абсолютное. Но этотъ новый шагъ въ языкѣ ничуть не подвигаетъ нашего знанія. Нѣтъ ничего, что̀ противополагалось-бы тому, что̀ мы называемъ вселенной, существованіемъ, абсолютнымъ; ничего не утверждается, когда отрицаются эти предполагаемыя единства. Мы можемъ представить себѣ матерію, благодаря духу, какъ ея противоположности; но мы не могли-бы найти реальнаго противоположенія *существованію*. Допустимъ на минуту, что есть нѣкоторое *несуществованіе*, придающее реальность существованію. Что помѣшало-бы намъ вновь объединить эти вещи, дать названіе цѣлому и настаивать на реальности этого новаго цѣлаго, на томъ основаніи, что оно имѣетъ соотвѣтствующую реальность, и т. д.? Мы по необходимости должны гдѣ нибудь остановиться, и этотъ предѣлъ долженъ находиться въ самомъ высшемъ *противоположеніи*, до какого способно довести насъ обобщеніе. Но въ такомъ случаѣ намъ лучше остановиться на дѣйствительной реальности,—на дуализмѣ всякаго знанія. Абсолютное единство не есть знаніе; это—ничего не выражающее слово". Logique; t. I, p. 89—90.—Ср. *Ulrici*. Compendium der Logik; S. 56—59.—Наше мнѣніе, какъ видитъ читатель, не вполнѣ совпадаетъ со взглядомъ Бэна: онъ отрицаетъ *реальность* высшаго единства, тогда какъ мы думаемъ, что безъ него самый дуализмъ былъ-бы *невозможенъ*. См. далѣе, гл. V.

таковы индивидуальныя воспріятія. Вторыя, образуемыя подъ преобладающимъ вліяніемъ способности уподобленія, заключаются въ ясно выраженныхъ сходствахъ, оттѣняемыхъ подразумѣваемыми различіями; таковы родовыя понятія.

Подвергая ближайшему анализу идею подобія и съ этою цѣлью *разлагая* обыкновенное подобіе предметовъ, какъ сложное цѣлое, на составляющія его части (отдѣльные признаки и ихъ расположеніе), мы обнаружили, что каждое *элементарное подобіе*, въ своемъ послѣднемъ психологическомъ основаніи, представляетъ интуитивно усматриваемое сходство между ощущеніями *одинаковой природы*, обусловливаемой *одинаковостью воспринимающихъ органовъ*. Различаясь по роду и степени, или оттѣнку, эти ощущенія *тѣмъ точнѣе* характеризуютъ другъ друга, *чѣмъ ближе* стоятъ между собою по сходству. Прилагая эти аналитическія соображенія къ сложному виду подобія предметовъ, мы заключили, что сила его зависитъ отъ *силы* элементарныхъ подобій и ихъ *числа*. Это послужило основаніемъ для другаго заключенія, что, съ возрастаніемъ общаго подобія между предметами, должна возрастать *точность* и *многосторонность* нашихъ опредѣленій: чѣмъ напряженнѣе подобіе, тѣмъ съ бо́льшаго числа сторонъ и тѣмъ точнѣе съ каждой стороны въ отдѣльности опредѣляются предметы. Отсюда одинъ шагъ до главнаго вопроса о *сравненіи*. При изученіи конкретныхъ явленій должны избираться такія сопоставленія, въ которыхъ подобіе выражено *наиболѣе ярко* и *сильно*, ибо эти сопоставленія обезпечиваютъ отчетливость и полноту нашихъ сужденій, а это единственный критерій для выбора, при условіи, что каждое сужденіе одинаково вѣрно въ предѣлахъ своего сопоставленія. Поэтому, *сравненіемъ* мы назвали *спеціальный* видъ сопоставленій, повторенныхъ *достаточное* число разъ среди предметовъ, *наиболѣе подобныхъ*.

Переходя отъ индивидуальныхъ воспріятій къ родовымъ понятіямъ, мы ограничились краткимъ указаніемъ на то, что наши выводы относительно первыхъ *примѣняются* въ общихъ основаніяхъ ко вторымъ. Это указаніе, которымъ мы заключили изложеніе, конечно, живо еще въ умѣ читателя, а потому намъ незачѣмъ повторять его. Умѣстнѣе напомнить, что еще ранѣе, говоря о способахъ измѣренія подобія, мы указали на родовыя понятія,

какъ особыя *измѣряющія* единицы, которыми опредѣляется сходство явленій.

Мы настолько подвинулись въ своемъ изложеніи, что въ настоящей его стадіи можемъ обратиться непосредственно къ разсмотрѣнію логическаго пріема классификаціи, играющаго въ высшей степени важную роль въ отправленіяхъ нашей мысли. Данныя, которыя уже имѣются у насъ подъ рукою, облегчатъ намъ нашу задачу при рѣшеніи предлежащихъ вопросовъ.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ.

Значеніе классификаціи, какъ пріема изученія.

Поясните́льный примѣ́ръ.—Классифика́ція, какъ пе́рвый пріе́мъ;—какъ пріе́мъ, предрѣша́ющій су́дьбу изученія.—Нау́ки абстра́ктныя и конкре́тныя.—Значе́ніе классифика́ціи для тѣ́хъ и други́хъ нау́къ.—Вліяніе цѣ́ли изученія на классифика́цію: спеціа́льныя и о́бщія классифика́ціи.—Разли́чіе классифика́ціи отъ систе́матики.—Вы́воды.

Изложеніе теоретическихъ вопросовъ полезно сопровождать примѣрами, и тѣмъ полезнѣе, чѣмъ сложнѣе и труднѣе данный вопросъ. Удачно выбранный примѣръ воплощаетъ теоретическую мысль въ живыя, конкретныя формы, придастъ ей видимыя очертанія, дѣлаетъ ее наглядною. Онъ не только разомъ вводитъ читателя въ содержаніе изслѣдуемаго вопроса, но ставитъ его въ самостоятельное положеніе къ выводамъ автора, давая возможность провѣрять ихъ шагъ за шагомъ. Но съ примѣрами нужно обращаться осторожно: автору не слѣдуетъ забывать, что поясни́тельный примѣ́ръ—не доказательство; читатель не долженъ проводить его толкованіе далѣе, чѣмъ это дѣлаетъ авторъ.

Въ особенности полезно сопровождать поясни́тельными примѣрами изложеніе методологическихъ вопросовъ. Методологія изслѣдуетъ *пріе́мы изученія*, т.-е. отношеніе нашихъ познающихъ способностей къ познаваемымъ предметамъ. Явленія, подлежащія изученію, представляются здѣсь настолько тонкими, что одно ознакомленіе съ ними требуетъ уже нѣкотораго напряженія мысли. Понятно, что еще бо́льшія усилія нужны для освоенія выводовъ, къ которымъ приходитъ методологія, работая надъ подобнымъ ма-

теріаломъ. Именно поэтому, поясните́льные примѣ́ры здѣ́сь какъ нельзя болѣе у мѣ́ста [1]).

Классификація, какъ пріемъ изученія, есть вопросъ методологическій. Мы поступимъ, слѣдовательно, вполнѣ цѣлесообразно, если начнемъ свое изложеніе примѣромъ. А чтобы примѣръ нашъ удовлетворялъ возможно лучше своему назначенію, мы придадимъ ему нѣсколько искусственный характеръ, что̀ для существа дѣла совершенно безразлично [2]).

Представимъ себѣ, что въ комнату, гдѣ безпорядочно свалены разнообразныя книги, приводятъ человѣка неграмотнаго и предлагаютъ ему разобрать ихъ, чтобы потомъ дать отчетъ, что̀ онъ нашелъ. Какъ примется за дѣло этотъ импровизованный библіотекарь, поставленный въ столь исключительное положеніе?—Передъ нимъ множество книгъ, о которыхъ нужно дать отчетъ; а, между тѣмъ, онъ никогда не имѣлъ дѣла съ книгами и ничего не знаетъ о нихъ. Перебирать ихъ одна за другою въ томъ случайномъ расположеніи, въ какомъ онѣ лежатъ, совершенно безполезно: нужно обладать необыкновенными способностями, чтобы запомнить каждую книгу въ отдѣльности и не перепутать ихъ между собою; это не по силамъ не только ему, но и опытному библіотекарю. Допустимъ, однако, что онъ одаренъ феноменальною наблюдательностью и такою же памятью и способенъ подмѣтить и удержать въ головѣ особенности каждаго отдѣльнаго экземпляра. Даже и въ такомъ невѣроятномъ случаѣ простая переборка книгъ не приведетъ его къ цѣли: онъ не составитъ себѣ

---

[1]) *Bain.* Logique; t. I, p. 346: „Les généralités les plus hautes de la logique, pour être comprises, exigent une confrontation perpétuelle avec des exemples particuliers“.

[2]) Мы намѣренно не беремъ примѣра изъ исторіи какой-либо науки, ибо, не говоря уже о сложности, такой примѣръ непремѣнно имѣлъ бы болѣе или менѣе спеціальный, технический характеръ. Примѣры этого рода можно найти во множествѣ въ исторіи конкретныхъ наукъ. См.: *Bain.* Logique; t. II, p. 434—463 (Les sciences de classification).—*В. Уэвелль.* Исторія индуктивныхъ наукъ. Рус. пер. М. Антоновича, 1867—1869; т. III, к. XV и XVI.—*L. Agassiz.* De l'espèce et de la classification en zoologie; trad. par F. Vogeli, 1869; p. 309—391.

яснаго представленія о всей совокупности ихъ, зная только отдѣльные экземпляры по ихъ особенностямъ. Его мысль затеряется въ подробностяхъ, ничѣмъ не связанныхъ между собою; его отрывочныя свѣдѣнія будутъ толпиться въ головѣ столь же безпорядочно, какъ безпорядочно свалены книги. Понятно, что при такихъ условіяхъ онъ не въ состояніи дать сколько-нибудь толковый отчетъ о томъ, что̀ нашелъ въ комнатѣ. Бо́льшее, что̀ онъ можетъ сдѣлать, это—представить длинный перечень разнохарактерныхъ данныхъ, по которымъ нельзя составить никакого общаго заключенія. Если самъ онъ терялся въ подробностяхъ,—тѣмъ неизбѣжнѣе постигнетъ эта участь того, кто выслушаетъ его безсвязный разсказъ. Стало-быть, отъ простаго пересмотра книгъ онъ долженъ отказаться, хотя, быть можетъ, испробуетъ и этотъ способъ. Онъ вынужденъ будетъ избрать иной путь, который давалъ бы надежду, худо или хорошо, разрѣшить предложенную задачу. А такой путь можетъ быть только одинъ: не приступая къ изученію подробностей, онъ долженъ предварительно размѣстить свои книги такъ, чтобы это размѣщеніе позволяло ему составить общія опредѣленія для многихъ отдѣльныхъ экземпляровъ, избавляя отъ необходимости запоминать особенности каждаго изъ нихъ. Такимъ образомъ, вмѣсто путающаго обилія отрывочныхъ свѣдѣній, онъ получитъ въ результатѣ нѣсколько общихъ понятій, обнимающихъ собою множество индивидуальныхъ предметовъ. Но какъ это сдѣлать?

Чтобы замѣнить отрывочныя свѣдѣнія или, что̀ въ данномъ случаѣ то же, индивидуальныя воспріятія родовыми понятіями,—а рѣчь идетъ, очевидно, о такой замѣнѣ,—нужно расположить предметы такъ, чтобы отдѣльныя группы ихъ можно было характеризовать однѣми и тѣми же чертами. Стало-быть, прежде всего нужно образовать группы, въ которыхъ характеристическіе признаки составныхъ элементовъ совпадали бы между собою. Именно съ образованія подобныхъ группъ, т.-е. съ размѣщенія книгъ по отдѣламъ на основаніи сходства ихъ признаковъ, долженъ начать свою работу импровизованный библіотекарь.

Но здѣсь его ожидаетъ новое и серьезное затрудненіе: чтобы размѣщать книги по признакамъ, слѣдуетъ напередъ знать эти признаки; а между тѣмъ не только объ отдѣльныхъ признакахъ,

но и о самихъ книгахъ онъ пока не имѣетъ понятія. Положеніе, дѣйствительно, трудное: съ одной стороны, нельзя работать, не распредѣливъ предварительно книгъ по группамъ, съ другой,— нельзя произвести группировки, не совершивъ предварительной работы для ознакомленія съ книгами. Точно въ такомъ же положеніи находится каждый изслѣдователь, приступающій къ изученію совершенно неизвѣстныхъ предметовъ. И какъ для перваго, такъ и для втораго возможенъ одинъ выходъ изъ затрудненія: не приступая къ систематической работѣ, слѣдуетъ бѣгло осмотрѣть предлежащій матеріалъ, чтобы познакомиться съ нимъ, хотя бы въ самыхъ общихъ чертахъ. Пусть это знакомство будетъ поверхностное и неосновательное, пусть оно приведетъ къ невѣрнымъ заключеніямъ; но, при всемъ томъ, оно окажетъ одну немаловажную услугу: оно дастъ случай подмѣтить хотя одинъ признакъ, который можно положить въ основаніе дальнѣйшей работы. Весьма вѣроятно, что признакъ, который остановитъ на себѣ вниманіе предпочтительно предъ всѣми прочими, окажется впослѣдствіи несущественнымъ, случайнымъ или вообще почему-либо недостаточнымъ; но въ данную минуту онъ важенъ и дорогъ уже потому, что открываетъ доступъ къ правильнымъ занятіямъ, обѣщающимъ привести къ цѣли.

Положимъ, неграмотный библіотекарь, осматривая книги, прежде всего обратитъ вниманіе на то, что однѣ изъ нихъ переплетены, а другія нѣтъ. Какъ, повидимому, ни случайно это различіе, но его уже достаточно, чтобы приняться за систематическую работу. Оно дастъ возможность раздѣлить всѣ книги на двѣ большія группы; а, производя это дѣленіе, не трудно замѣтить, что книги, кромѣ того, различаются также цвѣтомъ переплетовъ и обложекъ. Новое различіе позволитъ двѣ первыя группы раздѣлить на нѣсколько меньшихъ. Работая въ такомъ направленіи, библіотекарь будетъ, разумѣется, знакомиться съ книгами все болѣе и болѣе, по мѣрѣ движенія своей работы, и открывать въ нихъ признаки, которые прежде ускользали отъ его вниманія. Такъ, онъ найдетъ, напр., что онѣ различной величины, напечатаны на различной бумагѣ; можетъ быть, замѣтитъ даже, что шрифты ихъ неодинаковы. Такимъ образомъ, вмѣсто одного признака, которымъ онъ располагалъ вначалѣ, теперь, когда работа наполовину или со-

всѣмъ окончена, ему извѣстны уже многіе признаки, обнаруженные благодаря болѣе близкому знакомству съ предметами. Это должно заставить его оглянуться назадъ и подумать, такъ ли онъ велъ свое дѣло доселѣ.

Выяснились многіе признаки, и невольно рождается вопросъ: всякій ли признакъ можно брать, съ одинаковымъ правомъ, за основаніе размѣщенія предметовъ на группы?—Не нужно долго размышлять, чтобы отвѣтить на этотъ вопросъ отрицательно. Каждый признакъ, положенный въ основаніе размѣщенія, дастъ свою особую группировку, и каждая группировка приводитъ, въ свою очередь, къ особымъ понятіямъ о размѣщаемомъ матеріалѣ, образуемомъ отвлеченіемъ общихъ признаковъ [1]). Однако, эти понятія, характеризуя данный матеріалъ съ различныхъ сторонъ, не всѣ одинаково полно и отчетливо опредѣляютъ его. Поэтому, не всѣ группировки и не всѣ признаки, на которые онѣ опираются, имѣютъ равное значеніе для изученія. Предпочтеніе должно быть отдано тому признаку и той группировкѣ, которые гарантируютъ наибольшую полноту и отчетливость опредѣленій.

Допустимъ, что, разсматривая обнаруженные признаки именно съ этой точки зрѣнія, библіотекарь отдаетъ предпочтеніе величинѣ книгъ: этотъ, а не другой, признакъ слѣдуетъ взять за основаніе размѣщенія; переплеты же и обложки, на которыхъ онъ останавливался ранѣе, должны служить для дальнѣйшаго подраздѣленія основныхъ группъ. Сообразно такому заключенію, онъ долженъ приняться за дѣло съизнова. Но при этомъ его прежняя работа не пропадетъ даромъ; напротивъ, она значительно облегчитъ предстоящій трудъ, если онъ съумѣетъ воспользоваться ею. Предполагая группировать книги сначала по величинѣ и потомъ уже по переплетамъ и обложкамъ, онъ можетъ, напр., большія переплетенныя книги ставить въ одно мѣсто, а малыя—въ другое; совершивъ ту же операцію надъ книгами въ обложкахъ, онъ окончитъ совершенно работу размѣщенія, если только вновь не придетъ къ заключенію, на основаніи ближайшаго ознакомленія съ предметами, что въ этомъ размѣщеніи должны быть произведены тѣ или другія исправленія.

---

[1]) См. выше, гл. I, с. 26.

Но предположимъ, что этого не случится. Тогда, еще разъ внимательно осмотрѣвъ въ порядкѣ разставленныя книги, онъ найдетъ въ своемъ распоряженіи все нужное, чтобы составить ясное понятіе какъ о цѣлой библіотекѣ, такъ и объ отдѣльныхъ ея частяхъ. Отдавая отчетъ въ своихъ занятіяхъ, онъ можетъ сообщить, что общее число книгъ такое-то, что изъ нихъ столько-то большихъ, малыхъ, переплетенныхъ и непереплетенныхъ;—что, далѣе, каждая изъ упомянутыхъ группъ характеризуется такими-то и такими-то чертами;—что среди этихъ группъ попадаются экземпляры, которые невполнѣ подходятъ подъ сдѣланную характеристику;—что каждый изъ нихъ въ отдѣльности представляетъ такія-то и такія-то уклоненія отъ общаго типа своей группы, и т. д.. Словомъ, онъ дастъ болѣе или менѣе точное описаніе библіотеки съ ея внѣшней стороны. И онъ въ состояніи сдѣлать это только потому, что предварительно распредѣлилъ книги по группамъ, прежде чѣмъ приступить къ окончательному ознакомленію съ ними. Разумѣется, тотъ, кто пожелалъ бы составить надлежащее понятіе о данной библіотекѣ, не могъ бы удовольствоваться этимъ внѣшнимъ описаніемъ; тѣмъ не менѣе большаго отъ человѣка неграмотнаго онъ не могъ бы требовать. Для этого понадобилось бы другое лицо, не только грамотное, но, быть можетъ, и опытное въ обращеніи съ книгами. Однако, новое лицо, каково бы оно ни было, пошло бы къ цѣли тою же дорогою, какою шелъ импровизованный библіотекарь, хотя, конечно, обратило бы вниманіе на другіе признаки предметовъ. Это потому, что намѣченный путь есть тотъ, который, какъ увидимъ, обусловливается свойствами мысли и задачами знанія.

Анализъ разсмотрѣннаго простаго примѣра ознакомилъ насъ въ общихъ чертахъ съ содержаніемъ сложнаго вопроса о размѣщеніи предметовъ при изученіи или, какъ принято называть, о *классификаціи*. Этотъ бѣглый анализъ указалъ на многія стороны вопроса, на которыхъ намъ предстоитъ остановиться впослѣдствіи. Въ настоящей главѣ мы обратимъ вниманіе только на нѣкоторыя изъ нихъ, чтобы выяснить *значеніе* классифнкаціи, какъ логическаго пріема. Съ этою цѣлью мы обсудимъ ея значеніе, во-первыхъ, съ *внѣшней* стороны, какъ *перваго* пріема, которымъ должно начинаться систематическое изученіе, и, во-вторыхъ, со сторо-

ны *внутренней*, какъ пріема, *вліяющаго на послѣдующіе результаты занятій*. Въ заключеніе ближе опредѣлимъ *условія*, при которыхъ классификація сохраняетъ за собою помянутое двойное значеніе, причемъ укажемъ на ея *виды* и *отличіе* отъ *систематики*.

Мелькомъ мы уже замѣтили, что всякій изслѣдователь, приступающій къ изученію новыхъ явленій, поставленъ въ столь-же трудное положеніе, въ какомъ былъ неграмотный библіотекарь, знакомившійся съ неразобранною библіотекою. Если въ положеніи ихъ есть нѣкоторое различіе, то оно, во всякомъ случаѣ, не въ пользу перваго. Каково бы ни было число книгъ, библіотекарь все же имѣлъ дѣло съ ограниченнымъ ихъ количествомъ, тогда какъ изслѣдователь видитъ предъ собою неопредѣленное множество предметовъ не только во всемъ изучаемомъ матеріалѣ, но и въ каждой отдѣльной образуемой имъ группѣ. [1]) Трудность положенія для обоихъ заключается въ томъ, что изученіе непремѣнно предполагаетъ предварительное размѣщеніе предметовъ въ опредѣленномъ порядкѣ; а, между тѣмъ, оно не дается само собою и не можетъ быть произведено безъ предварительнаго знакомства съ размѣщаемыми явленіями. Изучающій поставленъ здѣсь въ заколдованный кругъ, изъ котораго выходъ можетъ быть только случайный: онъ вынужденъ брать за основаніе размѣщенія первый подмѣченный признакъ, напередъ примирившись съ непріятною перспективой не одинъ разъ передѣлать уже исполненную работу. Но для чего же такъ нужно это недающееся размѣщеніе? И развѣ нельзя обойтись безъ него?

Если бы мы представили себѣ человѣка, который ограничивался бы пассивнымъ наблюденіемъ окружающихъ явленій въ ихъ капризномъ расположеніи, не связывая, не обобщая своихъ наблюденій, онъ извлекъ бы изъ внѣшняго міра образы случайнаго характера, стоящіе особнякомъ другъ отъ друга. Ихъ случайность отвѣчала бы случайности одинокихъ сопоставленій, которыми они вызваны къ жизни. Но онъ никогда не возвысился бы надъ этими отдѣльными образами до пониманія наблюдаемыхъ явленій во

---

[1]) *Уэтли.* Основаніе логики; с. 75.—*Миллъ.* Система логики; т. I, с. 115 sq.—*Троицкій.* Наука о духѣ; т. II, с. 132.

всей совокупности, не говоря уже о томъ, что рисковалъ бы спутаться и затеряться среди множества разъединенныхъ воспріятій. «Мышленіе было бы невозможно практически, если бы каждый отдѣльный фактъ нужно было мыслить и разбирать отдѣльно». [1]) Къ счастію, ни такого наблюдателя, ни такого наблюденія не можетъ быть, по свойствамъ нашего разума. Какъ бы пассивно ни относились мы къ окружающимъ явленіямъ, сама мысль, помимо воли нашей, будетъ сближать другъ съ другомъ сходные предметы и раздѣлять другъ отъ друга различные,—уподоблять и различать ихъ между собою, сопровождая этотъ естественный процессъ образованіемъ родовыхъ понятій. Другими словами,—сама мысль, независимо отъ нашихъ намѣреній, будетъ размѣщать наблюдаемые предметы по группамъ, на основаніи взаимнаго ихъ сходства и различія. [2]). Правда, предоставленная себѣ самой, не руководимая волею, она пойдетъ дорогой случайною, можетъ повести къ поверхностнымъ и прихотливымъ размѣщеніямъ; но это уже другая сторона дѣла, которой здѣсь мы не имѣемъ въ виду. Такимъ образомъ, стремленіе къ размѣщенію явленій или ихъ классификаціи есть *естественная тенденція* ума, бороться съ которой было-бы безполезно, а игнорировать опасно.

Размѣщеніе составляетъ, однако, не только естественную тенденцію ума, но вмѣстѣ съ тѣмъ и *единственное средство* обнять мыслью многочисленный и разнообразный матеріалъ во всемъ его цѣломъ. Разумъ нашъ не способенъ думать одновременно о многихъ предметахъ, представляя ихъ себѣ въ конкретномъ видѣ. Въ каждую данную минуту мысль можетъ останавливаться только на чемъ-нибудь одномъ и, переходя къ другому, должна оставлять первое. Это—то основное ея свойство, которое дастъ право психологамъ характеризовать наши духовныя состоянія, какъ динамическія по преимуществу. [3]) При подобныхъ условіяхъ, единственная возмож-

---

[1]) *Джевонсъ.* Основы науки; с. 145.—Ср. *Владиславлевъ.* Психологія; т. I, с. 332.

[2]) *Bain.* Les sens et l'intelligence; p. 447 sq.

[3]) *Спенсеръ.* Основанія психологіи; т. III, ч. VI, с. 111 sq., 120—123.—*Bain.* Logique; t. I, p. 377.—*Льюисъ.* Вопросы о жизни и духѣ; т. I, с. 338.—*Ribot.* La psychologie anglaise; p. 207 sq.—Ср.: *Horwicz.* Analyse des Denkens;

ность выдти изъ круга индивидуальныхъ воспріятій, это—думать о многихъ предметахъ, какъ объ одномъ цѣломъ, или составлять о нихъ общія понятія, что̀ уже предполагаетъ существованіе группъ, т.-е. такого размѣщенія, при которомъ отдѣльныя представленія сливались-бы въ одно обнимающее ихъ цѣлое. [1]). Стало быть, размѣщеніе необходимо, какъ условіе образованія общихъ понятій; общія же понятія необходимы, какъ единственная форма, подъ которою мы можемъ думать заразъ о многихъ предметахъ. «Только примѣненіе къ дѣлу классифицирующихъ и обобщающихъ способностей даетъ человѣческому уму возможность справиться до нѣкоторой степени съ безконечнымъ числомъ естественныхъ явленій.» [2]) «Первая необходимость,—говоритъ Боуэнъ,—которую налагаетъ на насъ самое строеніе нашего ума, состоитъ въ томъ, чтобы расположить безконечное богатство природы на группы и классы вещей по ихъ сходствамъ и сродству и тѣмъ расширить кругозоръ, охватываемый нашими умственными способностями.» [3]) Поэтому, если мы имѣемъ дѣло съ сложнымъ матеріаломъ и, не довольствуясь знаніемъ отдѣльныхъ его частей, стремимся составить о немъ общее понятіе, мы непремѣнно должны начать свое изученіе съ классификаціи. Конечно, мы могли бы и не дѣлать этого, въ увѣренности, что сама мысль, безъ усилій съ нашей стороны, совершитъ требуемую работу; но мы не имѣемъ никакихъ гарантій, что она выберетъ при этомъ правильный путь.

Мы оцѣнимъ значеніе приведенныхъ соображеній въ примѣненіи къ изслѣдованіямъ многочисленныхъ и разнообразныхъ предметовъ, если вспомнимъ, что наука стремится къ построенію общихъ понятій, не давая цѣны индивидуальнымъ воспріятіямъ: обобщенія, освѣщающія сложный міръ явленій, составляютъ ея конечную цѣль. [4]) Отсюда понятно, что классификація назначена слу-

---

S. 69—70.—*Wundt.* Logik; S. 14, 19, 58.—*Его же.* Основанія физіологической психологіи; с. 859.—*Маудсли.* Физіологія и патологія души. Рус. пер. И. Исанна, 1871; с. 136.—*Ушинскій.* Человѣкъ, какъ предметъ воспитанія; т. I, с. 196—197, 387—388.—*Владиславлевъ.* Психологія; т. II, с. 555.

[1]) *Ушинскій.* Человѣкъ, какъ предметъ воспитанія; т. I, с. 388—393.

[2]) *Джевонсъ.* Основы науки; с. 628.

[3]) *Ibid.*—Ср. *Уэвелль.* Исторія индуктивныхъ наукъ; т. III, с. 307 sq.

[4]) *Льюисъ.* Вопросы о жизни и духѣ; т. I, с. 337 sq.—*Bain.* Logique; t. I, p. 33.

жить здѣсь *первымъ пріемомъ*, съ которымъ ученый долженъ подходить къ систематической работѣ. Ея значеніе перваго пріема обусловливается, съ одной стороны, природою знанія, стремящагося къ обобщеніямъ, съ другой,—природою мысли, способной останавливаться только на чемъ-либо одномъ въ каждую данную минуту. Синтетическія цѣли науки и аналитическій путь мысли образуютъ условія, которыя дѣлаютъ невозможнымъ правильное изученіе безъ предварительной классификаціи. [1]) Эта послѣдняя служитъ планомъ, руководящимъ постройкою научнаго зданія.

Однако, ролью перваго пріема не исчерпывается значеніе классификаціи. Другая, внутренняя сторона дѣла еще важнѣе этой внѣшней. Она состоитъ въ томъ, что классификація оказываетъ самое рѣшительное *вліяніе* на всѣ дальнѣйшіе *результаты* занятій: она предопредѣляетъ содержаніе какъ общихъ понятій, къ которымъ позднѣе приводитъ изслѣдованіе, такъ и воспріятій отдѣльныхъ предметовъ, подлежащихъ изученію.

Мы уже знаемъ, что общія понятія возникаютъ посредствомъ отвлеченія общихъ признаковъ отдѣльныхъ явленій; позднѣе они становятся, въ свою очередь, матеріаломъ, изъ котораго такимъ же образомъ создаются вторыя еще болѣе общія понятія, тамъ, далѣе,—третьи, и такъ до самыхъ высшихъ обобщеній включительно.

Останавливаясь на низшихъ понятіяхъ, полученныхъ обобщеніемъ конкретныхъ явленій, мы не разъ замѣчали выше, что ихъ содержаніе вполнѣ и совершенно зависитъ отъ состава группъ, обобщаемыхъ ими. Такъ какъ это содержаніе слагается изъ сходныхъ признаковъ отдѣльныхъ предметовъ, то оно, конечно, должно измѣняться со всякою перемѣною въ послѣднихъ, вліяющею на распредѣленіе признаковъ внутри данной группы. Такъ, присоединеніе предметовъ, у которыхъ нѣтъ нѣкоторыхъ сторонъ, присущихъ всѣмъ остальнымъ предметамъ, должно съуживать содержаніе общаго понятія исключеніемъ изъ него именно этихъ сторонъ. Наоборотъ, исключеніе присоединенныхъ предметовъ изъ состава группы должно увеличивать число общихъ сторонъ

---

[1]) Ср. *Уэвелль.* Исторія индуктивныхъ наукъ; т. III, с. 244 sq.

въ остающихся предметахъ и, слѣдовательно, расширять содержаніе общаго понятія. Если разсматриваемая группа будетъ совершенно преобразована, такъ что общими сторонами составныхъ элементовъ явятся не тѣ признаки, которые были прежде, а другіе,—содержаніе соотвѣтствующаго понятія также совершенно измѣнится. [1]) Излишне кажется намъ иллюстрировать примѣрами эти простыя положенія, тѣмъ болѣе, что ихъ легко повѣрить, хотя-бы на приведенномъ выше случаѣ размѣщенія книгъ.

Переходя отъ низшихъ понятій къ слѣдующимъ высшимъ, и отъ нихъ, по порядку, къ дальнѣйшимъ, мы замѣтимъ здѣсь ту же зависимость содержанія понятій отъ состава обобщаемыхъ группъ, съ однимъ, впрочемъ, существеннымъ осложненіемъ: высшее понятіе обусловливается непосредственно составомъ обобщаемой группы низшихъ понятій и посредственно—составомъ группъ, создавшихъ эти послѣднія. Такимъ образомъ, въ серіи взаимно связанныхъ общихъ понятій, характеризующихъ изучаемый матеріалъ въ цѣломъ и отдѣльныхъ частяхъ, каждое изъ нихъ опредѣляется *прямо* порождающею его группою и *косвенно*—всѣми низшими группами, входящими въ составъ высшихъ; вслѣдствіе чего всякое измѣненіе внизу должно отражаться такъ или иначе наверху. Впрочемъ, съ этимъ вопросомъ мы еще встрѣтимся впослѣдствіи. [2]).

Такъ какъ составъ низшихъ и высшихъ группъ устанавливается классификаціею, которой начинается изученіе, то этотъ первый пріемъ опредѣляетъ, стало быть, содержаніе обобщеній, являющихся позднѣе результатомъ изслѣдованія; при чемъ всякое измѣненіе въ классификаціи должно вліять на судьбу этихъ будущихъ обобщеній. Поэтому, ошибка въ классификаціи неминуемо влечетъ за собою соотвѣтствующія ошибки въ заключеніяхъ. «Самый богатый источникъ заблужденій,—говоритъ Милль,—плохая классифи-

---

[1]) *Ueberweg.* System der Logik, 1857; S. 109: „In dem Masze, wie die grundwesentlichen Elemente noch nicht erkannt sind, ist die Begriffsbildung noch schwankend, so dasz bei anderer Gruppirung der Objecte andere Bestimmungen als gemeinsame und wesentliche erscheinen", u. s. w..

[2]) См. далѣе, гл. V.

кація,—сопоставленіе въ одну группу и подъ одно названіе вещей, не обладающихъ общими свойствами или обладающихъ исключительно такими, которыя слишкомъ маловажны, чтобы дозволять сколько нибудь цѣнныя общія предложенія относительно класса.» [1]).

Индивидуальныя воспріятія зависятъ отъ классификаціи не менѣе общихъ понятій. Мы видѣли, что они образуются посредствомъ сопоставленія отдѣльныхъ предметовъ, или посредствомъ измѣренія послѣднихъ ближайшимъ родовымъ понятіемъ. Въ обоихъ случаяхъ классификаціи принадлежитъ рѣшающая роль. Такъ, въ первомъ случаѣ, относя данный предметъ къ извѣстной группѣ, она опредѣляетъ тѣмъ самымъ, съ какими другими предметами онъ долженъ быть сопоставленъ; а мы знаемъ, что признаки, слагающіе воспріятіе, условливаются характеромъ сопоставленій. Слѣдовательно, классификація предрѣшаетъ собою заключенія объ отдѣльныхъ предметахъ, обозначая кругъ сопоставленій.—Во второмъ случаѣ роль классификаціи еще очевиднѣе: ею устанавливаются измѣряющія величины, которыми опредѣляется содержаніе воспріятія, измѣняющагося съ перемѣною этой мѣрки. Что̀ въ данномъ предметѣ родовое и что̀ индивидуальное, —это всецѣло зависитъ отъ прилагаемаго къ нему общаго понятія. Поэтому, отнесеніе разсматриваемыхъ предметовъ къ той или другой группѣ, рѣшая вопросъ объ измѣряющемъ понятіи, вмѣстѣ съ тѣмъ предрѣшаетъ выводы измѣренія.

Такимъ образомъ, какъ бы ни возникало индивидуальное воспріятіе,—посредствомъ ли сопоставленія, или при помощи роднаго понятія,—судьба его самымъ тѣснымъ образомъ связана съ классификаціею: оно становится тѣмъ или другимъ въ прямой зависимости отъ послѣдней. Эта тѣсная связь дастъ Спенсеру основаніе утверждать, что каждое воспріятіе выражаетъ собою послѣдствіе акта классификаціи,—что, опредѣляя данное явленіе, мы не дѣлаемъ ничего другаго, кромѣ отнесенія его къ какой-либо группѣ, ранѣе составленной нами [2]).

---

[1]) *Миллъ.* Система логики; т. II, с. 366.

[2]) *Спенсеръ.* Основанія психологіи; т. III, ч. VI, гл. X.—*Миллъ* не раздѣляетъ этого взгляда, по соображеніямъ, которыя намъ кажутся, однако, недостаточными. См. Система логики; т. I, с. 123 sq..

Значеніе вліянія классификаціи на образованіе понятій и воспріятій станетъ яснымъ, если мы обратимъ вниманіе на то, что всякій сложный матеріалъ можетъ подлежать различнымъ размѣщеніямъ, какъ это отчасти мы видѣли на примѣрѣ размѣщенія книгъ. Предметы имѣютъ обыкновенно многіе признаки, которые неодинаково распредѣлены между ними. Поэтому, одни и тѣ же предметы группируются различно, въ зависимости отъ признаковъ, полагаемыхъ въ основаніе группировки; а различныя группировки приводятъ къ различнымъ опредѣленіямъ, обусловливаемымъ различіемъ сопоставленій. Но не всѣ сопоставленія имѣютъ одинаковое значеніе; научнымъ признаніемъ пользуются тѣ изъ нихъ, которыя, сближая наиболѣе подобные предметы, гарантируютъ полноту и отчетливость опредѣленій. Поэтому, не всякое размѣщеніе, опредѣляя границы сопоставленій, способно служить научнымъ цѣлямъ, а только такое, которое создаетъ условія для образованія многосторонніхъ и точныхъ сужденій. Только такому размѣщенію можетъ быть по праву присвоено названіе классификаціи, какъ логическаго пріема, устанавливающаго рамки, въ которыхъ должны производиться сопоставленія. Отсюда понятно, какъ велико значеніе классификаціи при изученіи многочисленныхъ и разнообразныхъ явленій, когда открывается возможность идти различными путями и когда эти пути приводятъ къ различнымъ результатамъ: она, намѣчая направленіе изслѣдованія, какъ бы предустанавливаетъ его выводы. Первые шаги изслѣдователя рѣшаютъ участь его работы, если только онъ не измѣнитъ первоначально избраннаго направленія. Понятно также, почему невозможно игнорировать вопроса о классификаціи, приступая къ изученію сложнаго матеріала: отдавать размѣщеніе произволу мысли значило-бы подвергать случайности всѣ позднѣйшіе выводы. Наконецъ, понятно и то, что значеніе классификаціи, какъ пріема, вліяющаго на судьбу изученія, вытекаетъ непосредственно изъ свойствъ разума, работающаго сопоставленіями, которыя должны быть предварительно установлены размѣщеніемъ, чтобы приводить къ надежнымъ заключеніямъ.

Пользуясь случаемъ, сдѣлаемъ здѣсь маленькое замѣчаніе по вопросу, котораго мы касались выше. Въ своемъ мѣстѣ мы опре-

дѣлили сравненіе, какъ спеціальный видъ сопоставленія наиболѣе подобныхъ предметовъ, повтореннаго достаточное число разъ [1]). Теперь мы можемъ внести въ это опредѣленіе еще новую черту: сравненіе есть особый видъ сопоставленій, выдѣленныхъ въ самостоятельную группу *при помощи классификаціи*, или, короче, оно представляетъ собою *повторенныя сопоставленія, организованныя предварительнымъ размѣщеніемъ*. Но обратимся вновь къ занимающему насъ вопросу.

Мы нашли, что для научнаго изслѣдованія всякаго сложнаго матеріала классификація, какъ пріемъ изученія, имѣетъ двоякое значеніе: съ внѣшней стороны, это—тотъ пріемъ, безъ котораго нельзя приступить къ правильнымъ занятіямъ,—который вноситъ въ нихъ систему; съ внутренней, это—пріемъ, который предрѣшаетъ участь всей работы, предопредѣляя выводы, къ которымъ долженъ придти изучающій какъ относительно всего матеріала, такъ и относительно отдѣльныхъ его частей. Это двоякое значеніе классификаціи условливается задачами знанія и природою мысли [2]).

Еще одна сторона обсуждаемаго вопроса требуетъ поясненій. Говоря о значеніи размѣщенія вообще и классификаціи, какъ логическаго пріема въ частности, мы постоянно имѣли въ виду изученіе сложнаго матеріала, а подъ этимъ послѣднимъ разумѣли

---

[1]) См. выше, гл. II, с. 67.

[2]) Разсматривая вопросъ въ общей постановкѣ, мы не касались значенія классификаціи въ частности для индуктивныхъ и дедуктивныхъ сужденій, чтобы не удаляться слишкомъ въ сторону отъ непосредственной темы. Но очевидно, что классификація имѣетъ для нихъ весьма важное значеніе. Индукція, какъ заключеніе отъ частнаго къ общему, предполагаетъ, что предѣлы общаго, въ которыхъ примѣняется заключеніе, уже установлены. Дедукція, какъ заключеніе отъ общаго къ частному, требуетъ, чтобы общее, распространяемое на данное частное, было опредѣлено предварительно. Слѣдовательно, и тамъ, и здѣсь *общее*, всегда подразумѣвающее соотвѣтствующую классификацію, предшествуетъ заключенію. См. разбросанныя замѣчанія объ этомъ въ прекрасномъ изслѣдованіи *М. Каринскаго:* Классификація выводовъ, 1880.—Ср. также: *Джевонсъ.* Основы науки; с. 627—630.—*Спенсеръ.* Основанія психологіи; т. III, ч. VI, с. 120 sq., 123 sq. и мн. др.—*Его-же.* Опыты; т. I, с. 315—316.

матеріалъ, многочисленный по составу предметовъ и разнообразный по ихъ характеру. Было бы ошибочно заключать отсюда, что размѣщеніе не играетъ никакой роли тамъ, гдѣ изучаемыя явленія не многочисленны или не разнообразны. Какъ *пріемъ мысли*, размѣщеніе повсюду сохраняетъ за собою значеніе, приписанное ему выше; но въ упомянутыхъ случаяхъ оно не составляетъ *особаго пріема изученія*, потому что дается само собою, безъ усилій съ нашей стороны. Впрочемъ, столь простые случаи встрѣчаются развѣ въ практической жизни. Наука же имѣетъ дѣло, если не всегда съ разнообразными, за то всегда съ многочисленными явленіями. Поэтому, въ ней классификація, какъ пріемъ изученія, никогда не утрачиваетъ вполнѣ своего значенія; но въ различныхъ сферахъ знанія она играетъ неодинаковую роль, въ зависимости отъ бо́льшей или меньшей однородности изучаемыхъ явленій. Съ этой точки зрѣнія намъ предстоитъ опредѣлить ближе, въ какихъ именно изслѣдованіяхъ классификація, какъ пріемъ изученія, служитъ предметомъ особой заботливости.

Среди многочисленныхъ попытокъ систематизировать знаніе [1]) есть одна, которая дѣлитъ его на двѣ обширныя группы наукъ *абстрактныхъ* и *конкретныхъ*, или основныхъ и производныхъ [2]). Быть можетъ, съ точки зрѣнія требованій научной систематики, это дѣленіе не выдерживаетъ строгой критики; но нашей настоящей цѣли оно удовлетворяетъ вполнѣ. Подъ науками *абстрактными*, или основными, разумѣютъ тѣ вѣтви знанія, которыя изслѣдуютъ отдѣльные факторы природы, участвующіе въ образованіи явленій. Обособляя эти факторы отъ другихъ, совмѣстно дѣйствую-

---

[1]) См. обзоръ и критику важнѣйшихъ попытокъ у *Бэна*: Logique; t. I, p. 335—353.

[2]) Это дѣленіе, довольно распространенное нынѣ, принадлежитъ *А. Конту*. См. его: Cours de philosophie positive; 3-e éd., 1869; t. I, p. 56—59.—Дѣленія Конта держится, между прочимъ, *Бэнъ* (Logique; t. I, p. 35—43, 352). Въ пользу него же высказывается и *Спенсеръ*, который, однако, требуетъ признанія третьей группы наукъ *абстрактно-конкретныхъ*, при чемъ понятіямъ абстрактнаго и конкретнаго придастъ своеобразный оттѣнокъ; кромѣ того, его систематика отличается большою оригинальностію въ подробностяхъ. См.: Классификація наукъ. Рус. пер., 1866.—Строгую, но основательную критику попытки Спенсера находимъ у *Бэна:* Logique; t. I, p. 345 sq..

щихъ съ ними, абстрактныя науки изучаютъ ихъ уединенно, изолированно, на что̀ указываетъ и самое ихъ названіе. Сюда относятся: механика, физика, химія, біологія, психологія, съ ихъ подраздѣленіями [1]). *Конкретными*, или производными, науками называются тѣ, которыя изучаютъ сложныя явленія въ цѣломъ. Онѣ не уединяютъ отдѣльныхъ слагающихъ факторовъ, но изслѣдуютъ ихъ многоразличныя сочетанія, выражающіяся въ разнообразныхъ формахъ предметовъ внѣшняго міра. Сюда относятся естественныя и общественныя науки, съ ихъ подраздѣленіями [2]). Само собою разумѣется, что точной разграничительной линіи между группами наукъ абстрактныхъ и конкретныхъ провести невозможно, ибо встрѣчаются отрасли знанія, которыя носятъ смѣшанный характеръ, какова, напр., этологія, служащая соединительнымъ звеномъ между психологіей и общественными науками [3]). Но, не останавливаясь на этой сторонѣ дѣла, свойственной болѣе или менѣе всякой систематикѣ и классификаціи, нельзя не видѣть, что между намѣченными группами наукъ существуетъ большое различіе, имѣющее важныя послѣдствія въ вопросѣ, интересующемъ насъ.

Изслѣдуя отдѣльные факторы, науки *абстрактныя* имѣютъ дѣло съ матеріаломъ, хотя и многочисленнымъ, но болѣе или менѣе однороднымъ. Изученіе направлено по преимуществу на то, чтобы, выдѣливъ изслѣдуемый факторъ изъ ряда другихъ, наблюсти его одинокое дѣйствіе, или, уединивъ это послѣднее, выслѣдить дѣйствующій факторъ; другими словами, оно стремится къ тому, чтобы отъ причинъ спускаться къ слѣдствіямъ и отъ слѣдствій восходить къ причинамъ. Выражаясь языкомъ логики, процессъ элиминаціи составляетъ здѣсь самую существенную часть работы; при этомъ, классификаціонный вопросъ не играетъ большой роли, такъ какъ изучаемыя явленія, благодаря своей однородности, под-

---

[1]) *Bain.* Logique; t. I, p. 37—39.—Математика и логика принадлежатъ къ числу наиболѣе абстрактныхъ отдѣловъ знанія; но, представляя собою анализъ пріемовъ изученія, онѣ могутъ разсматриваться особо, какъ общее введеніе въ науки. *Ibid.*; 35—36.—Ср. *Спенсеръ.* Классификація наукъ; с. 4 sq.

[2]) *Bain.* Ibid.; p. 40—41, 352.—Ср. *Спенсеръ.* Ibid; с. 19 sq.

[3]) *Милль.* Система логики; т. II, с. 432—448.—*Bain.* Logique; t. II, p. 481—483.

даются размѣщенію безъ всякаго усилія.' Какіе случаи имѣются въ виду при установленіи того или другаго обобщенія,—очень часто бываетъ ясно само собою, не говоря уже о томъ, что отдѣлять одни явленія отъ другихъ,—статическія отъ динамическихъ, звукъ отъ свѣта, теплоту отъ электричества и т. д.,—обыкновенно не представляетъ никакихъ затрудненій. Поэтому, неудивительно, что абстрактныя науки, поскольку онѣ остаются вѣрны своему типу, отодвигаютъ классификацію, какъ пріемъ изученія, на задній планъ.

Совершенно иное дѣло въ наукахъ *конкретныхъ*. Изучаются не однокіе факторы, а сложные предметы, представляющіе собою живое соединеніе различныхъ силъ въ самыхъ разнообразныхъ сочетаніяхъ, создаваемыхъ природою. Матеріалъ изученія—необозримый по числу,—въ высшей степени прихотливый по характеру. Каждый изъ безчисленныхъ предметовъ, разсматриваемый особо, надѣленъ индивидуальными чертами. Поставленный среди великаго множества этихъ сложныхъ индивидуальностей, изучающій, въ индуктивной стадіи своей работы, стремится обнять ихъ общими опредѣленіями, освѣтить ихъ послѣдними какъ въ цѣломъ, такъ и въ отдѣльныхъ частяхъ. Это единственный выходъ, указываемый свойствами мысли и цѣлями науки. Главная задача изслѣдованія сводится, стало-быть, къ тому, чтобы охарактеризовать, описать наблюдаемые предметы. Поэтому, классификація, какъ пріемъ изученія, выдвигается здѣсь на первый планъ, играетъ первенствующую роль. Изслѣдованіе прежде всего и больше всего заботится о томъ, на какія группы и какъ должны быть размѣщены предлежащія явленія, ибо отъ этого зависитъ судьба всѣхъ дальнѣйшихъ занятій. Вотъ почему, конкретныя науки характеризуются, какъ такія, «отличительными чертами которыхъ служатъ пріемы классификаціи и описанія» [1]).

---

[1]) *Bain.* Logique; t. I, p. 347.—„Ces sciences ont des caractères qui leur sont propres: ce sont des sciences de *description* et de *classification*. Elles embrassent de vastes collections de choses individuelles, qui doivent être classées et décrites comme des touts concrets. Néamoins elles ne nous révèlent aucune force nouvelle de la nature; car tous les agents naturels ont été préalablement étudiés dans les sciences fondamentales". *Ibid.*; p. 352—353; cp. t. II, p. 433 sq., 455 sq..—См. также: *A. Comte.* Cours de philosophie positive;

Въ тѣсной связи съ дѣленіемъ наукъ на абстрактныя и конкретныя стоитъ вопросъ о *спеціальныхъ* и *общихъ* классификаціяхъ. Поэтому, намъ слѣдуетъ удѣлить ему здѣсь нѣсколько словъ.

Всякій многочисленный и разнообразный матеріалъ можетъ быть размѣщенъ на группы различнымъ образомъ; но не всякое размѣщеніе, какъ утверждали мы выше, удовлетворяетъ требованіямъ науки. Отсюда, казалось бы, слѣдуетъ, что правильное размѣщеніе или классификація можетъ быть только одна для данной совокупности явленій; а, между тѣмъ, въ дѣйствительности мы наблюдаемъ нѣчто иное. Слѣдовательно, приведенное положеніе или не вѣрно, или нуждается въ болѣе точной постановкѣ.

Въ дѣйствительности мы постоянно наблюдаемъ, что одни и тѣ-же предметы различно распредѣляются при изученіи, и, однако, всѣ эти распредѣленія почитаются правильными. Юридическія науки группируютъ предметы внѣшняго міра иначе, нежели науки естественныя, среди которыхъ размѣщенія представляютъ, въ свою очередь, большое разнообразіе; психологія разсматриваетъ акты нашей мысли въ порядкѣ, отличномъ отъ того, въ какомъ изучаетъ ихъ логика, а послѣдняя дѣлитъ имена и предложенія не такъ, какъ производитъ это грамматика. При всемъ томъ, каждая наука считаетъ свои размѣщенія вѣрными и не поступится ими въ пользу размѣщеній другой науки. Это возможное существованіе многихъ классификацій одного и того-же матеріала стоитъ въ видимомъ несогласіи съ утвержденіемъ, что классификація должна быть только одна. Но несогласіе поверхностное и кажущееся, а не дѣйствительное. Оно исчезнетъ, если мы примемъ во вниманіе, что предметы могутъ быть изучаемы въ различныхъ отношеніяхъ, давая содержаніе различнымъ наукамъ. Правовѣдѣніе разсматриваетъ объекты физическаго міра съ точки зрѣнія роли, какую они играютъ въ гражданскомъ оборотѣ; естествознаніе изучаетъ свойства, которыми характеризуется ихъ природа. Первое распредѣляетъ вещи на группы по ихъ юридическому положенію въ жизни, принимая въ разсчетъ только тѣ естественныя качества и настолько, которыя и насколько вліяютъ

---

t. III, p. 311—314, 375 sq..—*Уэвелль.* Исторія индуктивныхъ наукъ; т. III, с. 258 sq..

на ихъ значеніе, какъ объектовъ права; наоборотъ, второе совершенно игнорируетъ это значеніе, размѣщая ихъ въ томъ порядкѣ, какой лучше всего способствуетъ многостороннему выясненію и точному опредѣленію естественныхъ свойствъ ихъ. Поэтому, неудивительно, что размѣщенія, вызванныя столь различными цѣлями, не совпадаютъ между собою ни въ чемъ. Обращаясь къ отдѣльнымъ вѣтвямъ естествознанія, мы замѣчаемъ нѣчто подобное: «геологъ дѣлитъ ископаемые остатки не такъ, какъ зоологъ—на семейства, соотвѣтствующія теперешнимъ,—а на остатки вторичнаго и третичнаго періодовъ, лежащихъ подъ каменнымъ углемъ и надъ нимъ, и т. д.» [1]) Тоже самое повторяется и въ другихъ наукахъ. Освѣщая изучаемые предметы въ какомъ либо особомъ отношеніи, каждая наука размѣщаетъ ихъ своеобразно, ибо ищетъ основанія для размѣщенія именно въ этой освѣщаемой сторонѣ; она строитъ свою классификацію, опираясь на свойства, составляющія цѣль ея изученія. Такимъ образомъ, *цѣль*, преслѣдуемая наукою, опредѣляетъ собою классификацію даннаго матеріала. [2]) А такъ какъ изученіе однихъ и тѣхъ-же предметовъ можетъ преслѣдовать различныя цѣли, по различію отдѣльныхъ наукъ, то и классификаціи, отвѣчая этимъ цѣлямъ, будутъ, естественно, различныя. Стало-быть, тожество матеріала не исключаетъ возможности различныхъ классификацій, которыя, каждая на своемъ мѣстѣ, являются совершенно законными и необходимыми. [3]) Но въ предѣлахъ отдѣльной науки, преслѣдующей опредѣленную цѣль, правильное размѣщеніе можетъ быть только одно. [4]) Это и есть именно тотъ точный смыслъ, который слѣдуетъ придавать упомянутому выше положенію. Правда, даже въ отдѣльныхъ наукахъ мы встрѣчаемъ образчики различныхъ классификацій, имѣющихъ общую цѣль, точно также какъ встрѣчаемъ различныя сужденія объ однѣхъ и тѣхъ же вещахъ. Но

---

[1]) *Миллъ.* Система логики; т. II, 263.—Ср. *Джевонсъ.* Основы науки; с. 672—673.

[2]) *Миллъ.* Ibid.; ср. т. I, с. 156.

[3]) *Ibid.*; т. II, с. 196, 201, 264.—*Ueberweg.* System der Logik; S. 110.—*А. Тренделенбургъ.* Логическія изслѣдованія. Рус. пер. Корша, 1868; ч. II, с. 250—251.—*Уэтли.* Основаніе логики; с. 105, 231.—*Владиславлевъ.* Логика; с. 83.

[4]) *Уэвель.* Исторія индуктивныхъ наукъ; т. III, с. 482.

здѣсь уже нужно предполагать, что или одна изъ существующихъ классификацій правильна, а другія—нѣтъ, или всѣ онѣ неудовлетворительны.

Различныя классификаціи даннаго матеріала, принадлежащія различнымъ наукамъ, могутъ быть раздѣлены на спеціальныя и общія. [1]) *Спеціальными* классификаціями слѣдуетъ называть тѣ размѣщенія, которыя назначены для особыхъ цѣлей той или другой науки, т.-е. не для изученія данныхъ предметовъ вообще, а для изслѣдованія ихъ въ какомъ-либо особомъ отношеніи. Таковы классификаціи абстрактныхъ наукъ. Въ отличіе отъ нихъ, *общими* классификаціями нужно считать тѣ размѣщенія, которыя служатъ для изученія предметовъ, какъ сложныхъ цѣлыхъ, «для расширенія нашего знанія о всѣхъ ихъ особенностяхъ и отношеніяхъ.» [2]) Таковы классификаціи конкретныхъ наукъ. Само собою разумѣется, что, рядомъ съ общею классификаціею, каждая конкретная наука можетъ и должна прибѣгать къ услугамъ спеціальныхъ размѣщеній, насколько преслѣдованіе главной задачи не исключаетъ, а, напротивъ, предполагаетъ достиженіе частныхъ цѣлей. Изученіе сложныхъ явленій всегда совершается по частямъ, при чемъ для опредѣленія ихъ характера приходится по необходимости обращаться къ спеціальнымъ размѣщеніямъ, наиболѣе удовлетворяющимъ этому назначенію. Послѣднія исполняютъ здѣсь, такимъ образомъ, вспомогательную роль: они руководятъ отдѣльными стадіями работы, направляемой въ цѣломъ общею классификаціею. Понятно, что существованіе этихъ *вспомогательныхъ* размѣщеній, которыя могутъ быть и многочисленны, и подвижны, смотря по условіямъ работы, нисколько не нарушаетъ требованія *одной общей* классификаціи, какъ не нарушаютъ его спеціальныя классификаціи абстрактныхъ наукъ, изучающихъ тотъ же самый матеріалъ съ отдѣльныхъ сторонъ.

Имѣя дѣло съ матеріаломъ болѣе или менѣе однороднымъ, построеніе спеціальныхъ классификацій не представляетъ тѣхъ труд-

---

[1]) *Bain.* Logique; t. I, p. 372; t. II, p. 276—277.—*Милль.* Система логики; т. II, с. 276—277.

[2]) *Милль.* Система логики; т. II, с. 264.

постей, какими сопровождается построеніе общихъ классификацій, на что́ мы уже обращали вниманіе выше. Что-же касается до основаній построенія, то они въ обоихъ случаяхъ одинаковы. Поэтому, въ послѣдующемъ изложеніи мы будемъ имѣть въ виду исключительно общія классификаціи конкретныхъ наукъ, предупредивъ читателя, что наши выводы, mutatis mutandis, примѣнимы и къ спеціальнымъ размѣщеніямъ наукъ абстрактныхъ.

Не приступая, однако, къ вопросамъ построенія классификаціи, которые составятъ предметъ обсужденія дальнѣйшихъ главъ, здѣсь мѣсто указать на одно распространенное недоразумѣніе, встрѣчаемое даже у писателей весьма авторитетныхъ. Мы имѣемъ въ виду недостаточно отчетливое разграниченіе двухъ различныхъ пріемовъ науки,—*классификаціи* и *систематики*,—что̀ выражается, между прочимъ, сбивчивымъ употребленіемъ этихъ терминовъ. Основательно говорятъ, напр., «классификація предметовъ» и «систематика знанія»; но нерѣдко встрѣчается обратное сочетаніе понятій, напр.: «систематика растеній» и «классификація наукъ.» Послѣднее выраженіе пользуется въ наши дни даже особенною любовью и распространеніемъ. Если-бы сбивчивость ограничивалась только терминологіею,—съ нею еще можно-бы мириться; но, къ сожалѣнію, она идетъ далѣе, проникая въ самое существо дѣла.

Классификація, какъ логическая операція, есть *пріемъ изученія*; она назначена для того, чтобы служить *орудіемъ пріобрѣтенія* знанія; она размѣщаетъ *изслѣдуемый* матеріалъ въ цѣляхъ его *изслѣдованія*. Но этимъ и ограничивается ея роль.

Наоборотъ, систематики, какъ пріема изученія, не существуетъ. Она служитъ орудіемъ не для пріобрѣтенія знанія, а *для приведенія его въ стройный порядокъ*, и размѣщаетъ не матеріалъ, еще подлежащій изученію, а *свѣдѣнія, уже пріобрѣтенныя*. Ея *цѣль—возможно облегчить ихъ усвоеніе и обезпечить наибольшее господство надъ ними*.

Это рѣзкое различіе между классификаціей и систематикой всего лучше обнаруживается въ конкретныхъ наукахъ, гдѣ оба пріема, существуя совмѣстно, оставляютъ замѣтные слѣды своего присутствія. Классификація вноситъ извѣстный порядокъ въ расположеніе изслѣдуемыхъ предметовъ, будутъ-ли то минералы, рас-

тенія, животныя, или формы общественной жизни. Въ интересахъ изслѣдованія, она дѣлитъ ихъ на группы, съ дальнѣйшимъ подраздѣленіемъ послѣднихъ. Но этимъ дѣленіемъ и подраздѣленіемъ исчерпывается ея назначеніе. Далѣе вступаетъ въ свои права систематика. Если предметы достаточно обслѣдованы, она принимаетъ на себя организацію пріобрѣтенныхъ свѣдѣній въ стройное цѣлое, составляющее науку. Съ этою цѣлью она устанавливаетъ части *общую* и *особенную*, на которыя обыкновенно распадаются конкретныя науки. «Первая часть излагаетъ общіе признаки, служащіе впослѣдствіи для описанія предметовъ; она изслѣдуетъ ихъ (признаки) съ бо́льшею или меньшею тщательностью. Вторая часть содержитъ въ себѣ подробности о самихъ предметахъ, объясняя, какъ характеризуется каждый изъ нихъ этими общими признаками; другими словами, она описываетъ предметы.» [1]) Общую часть минералогіи составляетъ кристаллографія, ботаники — морфологія; особенную—описаніе минераловъ въ одномъ случаѣ и растеній въ другомъ. «Въ зоологіи пріемъ тотъ-же самый, хотя онъ не можетъ быть проведенъ такъ далеко, какъ въ ботаникѣ, благодаря бо́льшей сложности живыхъ существъ.» [2]) Наконецъ, въ общественныхъ наукахъ первую часть образуетъ ученіе объ основаніяхъ общежитія, вторую—ученіе о различныхъ его формахъ. [3])—Очевидно, дѣленіе разсматриваемыхъ наукъ на общія и особенныя части не имѣетъ ничего сходнаго съ классификаціоннымъ дѣленіемъ изслѣдуемыхъ ими предметовъ: матеріалъ, цѣль и основаніе дѣленія въ обоихъ случаяхъ различны.

Но, не смотря на указанное различіе между классификаціей и систематикой, нѣкоторыми своими сторонами онѣ могутъ совпадать между собою. Такъ, въ особенныхъ частяхъ конкретныхъ наукъ одно и тоже распредѣленіе предметовъ можетъ служить цѣлямъ классификаціи и систематики. Не входя въ разсмотрѣніе этихъ яркихъ случаевъ совпаденія, что́ отвлекло-бы насъ въ сторону, замѣтимъ, что они были, повидимому, причиной упомянутаго выше недостаточнаго разграниченія классификаціи отъ систе-

---

[1]) *Bain*. Logique; t. II, p. 274.
[2]) *Ibid.*; t. II, p. 275.
[3]) *Ibid.*; p. 472.

матики и сбивчиваго употребленія терминовъ. Недостатокъ разграниченія выражается въ томъ, что часто не различаютъ этихъ пріемовъ и одному изъ нихъ приписываютъ то, что̀, въ сущности, принадлежитъ другому. Опредѣляя задачу классификаціи, ей навязываютъ, напр., то, что̀ въ дѣйствительности составляетъ непосредственную цѣль систематики. [1]) Разумѣется, подобное смѣшеніе понятій, внося искаженіе въ самое дѣло, можетъ оставаться безнаказаннымъ лишь до тѣхъ поръ, пока требованія обоихъ пріемовъ остаются одинаковыми; въ противномъ случаѣ, одному изъ нихъ придется по необходимости дѣлать уступки въ пользу другаго.

Резюмируемъ выводы настоящей главы.

Минуя пояснительный примѣръ, напомнимъ, что среди вопросовъ, возбужденныхъ имъ, мы остановились на *значеніи* классификаціи, какъ пріема изученія. При этомъ мы нашли, что *свойства мысли* и *задачи знанія* обезпечиваютъ за нею двоякое значеніе: съ внѣшней стороны она служитъ *первымъ пріемомъ* организованной работы, со стороны внутренней,—обусловливаетъ *результаты* занятій. Въ качествѣ *перваго* пріема классификація необходима потому, что мы можемъ представлять себѣ сложный матеріалъ только подъ формою общихъ понятій, а образованіе этихъ послѣднихъ, являясь цѣлью научнаго изслѣдованія, требуетъ пред-

---

[1]) Вотъ нѣкоторые образчики смѣшенія разсматриваемыхъ понятій. Классификація,—утверждаетъ *Миллъ*,—служитъ „причиною, что идеи сопровождаютъ одна другую или слѣдуютъ одна за другою въ такомъ порядкѣ, который *дастъ намъ наибольшую власть надъ пріобрѣтеннымъ уже нами знаніемъ и всего прямѣе ведетъ къ дальнѣйшему его пріобрѣтенію*. Въ этомъ отношеніи задача классификаціи можетъ быть изложена, вообще, слѣдующимъ образомъ: заставить думать о вещахъ въ такихъ группахъ, чтобы скорѣе всего *запомнить* и *обнаружить* ихъ законы.“ Система логики; т. II, с. 258.—Бэнъ, въ главѣ, посвященной классификаціи (Logique; t. II, p. 274—289), высказываетъ столько же относящагося до послѣдней, сколько и до систематики, которой, однако, онъ не имѣетъ въ виду. Говоря объ основномъ правилѣ классификаціи, онъ замѣчаетъ: „Au point de vue des connaissances théoriques dont *le but est de réunir, dans le plus petit volume et dans la distribution la plus intelligibbe et la plus suggestive, la plus grande quantité de connaissances*, on doit appliquer rigouresement la règle essenticlle“ (p. 277.). Ясно, что авторъ видитъ здѣсь въ классификаціи средство для распредѣле-

варительнаго размѣщенія изучаемыхъ явленій. Аналитическія свойства мысли и синтетическія задачи знанія вынуждаютъ насъ прибѣгать къ классификаціи, какъ единственному средству при изученіи многочисленныхъ и разнообразныхъ предметовъ. Съ внутренней стороны, классификація *предрѣшаетъ* исходъ изслѣдованія, ибо устанавливаетъ сопоставленія, которыми работаетъ наша мысль. Содержаніе общихъ понятій и индивидуальныхъ воспріятій условливается ею, такъ какъ содержаніе это является результатомъ сравненія, зависящимъ отъ сравниваемыхъ предметовъ; а послѣдніе опредѣляются размѣщеніемъ. Природа мысли, оперирующей сопоставленіями, надѣляетъ классификацію тѣмъ могущественнымъ вліяніемъ, какое она оказываетъ на выводы изслѣдованія.

Опредѣляя ближе область, въ которой классификація сохраняетъ за собою вышеупомянутое *двойное значеніе*, мы воспользовались съ этою цѣлью дѣленіемъ наукъ на *абстрактныя* и *конкретныя*. Первыя, изслѣдуя *отдѣльные факторы* природы, имѣютъ дѣло съ матеріаломъ болѣе или менѣе *однороднымъ*, хотя и многочисленнымъ. Поэтому, размѣщеніе, какъ пріемъ мысли, находитъ здѣсь *легкое* примѣненіе, часто совсѣмъ *не требуя* классификаціи, какъ пріема изученія: распредѣленіе дается само собою. Наоборотъ, конкретныя науки, изслѣдуя предметы внѣшняго міра, какъ *сложныя цѣлыя*, имѣютъ дѣло съ матеріаломъ столь-же многочисленнымъ, какъ и *разнообразнымъ*. Поэтому, размѣщеніе представляется здѣсь дѣломъ въ высшей степени *важнымъ* и *труднымъ*, на которомъ покоится все индуктивное изученіе,—обстоятельство, дающее основаніе называть конкретныя науки *науками классификаціи*.

нія пріобрѣтенныхъ знаній. Нѣсколько ниже онъ выражается въ этомъ смыслѣ еще опредѣленнѣе: „La classification *a pour but d'éviter les répétitions dans la description des objets*“, etc. (p. 280; см. также p. 285). Между тѣмъ, въ другихъ мѣстахъ (p. 278, 281), онъ приписываетъ классификаціи значеніе пріема, назначеннаго, хотя и посредственно, служить для пріобрѣтенія знаній.—*Comte.* Cours de philosophie positive; t. III, p. 310: „La théorie universelle des classifications philosophiques destinées, *non seulement à faciliter les souvenirs*, mais surtout à perfectionner les combinaisons scientifiques,“etc.—Цѣль классификаціи состоитъ,—по *Джевонсу*,—„во 1-хъ, въ открытіи соотношеній или законовъ соединенія свойствъ и обстоятельствъ и, во 2-хъ, въ томъ, чтобы *облегчить* операціи ума, желающаго *ясно представить* и *удержать въ памяти* признаки этихъ предметовъ.“ Основы науки; с. 630.—Тоже смѣшеніе встрѣчаемъ у *Владиславлева:* Логика; с. 78—82.

Въ тѣсной связи съ дѣленіемъ наукъ на абстрактныя и конкретныя находится вопросъ о *спеціальныхъ* и *общихъ* классификаціяхъ Какъ показываетъ наблюденіе, одинъ и тотъ же матеріалъ можетъ классифицироваться *различнымъ* образомъ, причемъ всѣ классификаціи почитаются правильными. Эта возможность многихъ параллельныхъ классификацій объясняется различіемъ *цѣлей*, которыя онѣ преслѣдуютъ: изученіе должно основывать свое размѣщеніе на той сторонѣ предметовъ, которую оно *разсматриваетъ* въ каждомъ данномъ случаѣ. А такъ какъ изученіе можетъ преслѣдовать или спеціальныя, или общія цѣли, т.-е. изслѣдовать предметы въ отдѣльныхъ частяхъ или въ цѣломъ, то и классификаціи могутъ быть или *спеціальныя*, или *общія*. Первыя принадлежатъ абстрактнымъ наукамъ, вторыя—конкретнымъ.

Устраняя распространенное смѣшеніе понятій и соотвѣтствующихъ имъ терминовъ, мы указали въ концѣ главы на *различіе* между *классификаціею*, какъ пріемомъ изученія предметовъ, и *систематикою*, какъ пріемомъ распредѣленія пріобрѣтенныхъ свѣдѣній

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ.

Характеръ группъ и обособленіе ихъ.

Характеръ правильно обособленныхъ группъ.—Естественныя группы и естественная классификація.—Необходимость обособляющихъ признаковъ; ихъ характеръ.—Взаимное отношеніе общихъ признаковъ группы съ точки зрѣнія ученія о предикабиліяхъ: признаки отличительные или основные (differentiae), особенные или производные (propria) и случайные (accidentia).—Обособляющій признакъ долженъ быть основнымъ и наглядньмъ.—Признаки-показатели.—Два слова объ явленіяхъ сопослѣдованія и сосуществованія и пріемахъ ихъ изученія.—Взаимныя отношенія признаковъ, какъ явленія сосуществованія, изучаются при помощи метода черезъ простое перечисленіе.—Статическое и динамическое приложеніе этого метода.—Выводы.

Въ концѣ предыдущей главы мы замѣтили, что построеніе общихъ и спеціальныхъ классификацій опирается на одинаковыя основанія, хотя въ одномъ случаѣ, благодаря сравнительной сложности распредѣляемаго матеріала, оно обставлено трудностями, которыхъ нѣтъ въ другомъ. Поэтому, обращаясь къ вопросамъ построенія, вновь напомнимъ читателю, что мы будемъ имѣть въ виду исключительно классификаціи конкретныхъ наукъ, не осложняя изложенія само собою очевидными оговорками относительно размѣщеній наукъ абстрактныхъ.

Сложный вопросъ о построеніи правильной общей классификаціи слѣдуетъ разсмотрѣть въ отдѣльныхъ его частяхъ, чтобы по нимъ составить понятіе о цѣломъ. Согласно этому, мы остановимся сначала на анализѣ *отдѣльныхъ* группъ, взятыхъ *внѣ взаимной связи*, что̀ составитъ содержаніе настоящей главы; позднѣе мы перейдемъ къ анализу ихъ *взаимнаго отношенія* и *расположенія*.

Подвергая анализу группы, разсматриваемыя *уединенно* другъ отъ друга, мы коснемся вопросовъ объ *общихъ основаніяхъ* ихъ

построенія и о *пріемахъ* этого послѣдняго. Первый и самый важный вопросъ объ *основаніяхъ* построенія мы раздѣлимъ въ свою очередь на два: предполагая, что мы уже имѣемъ правильную классификацію, попытаемся опредѣлить: во 1-хъ, какимъ *характеромъ* должны обладать ея группы и, во 2-хъ, какіе *признаки* должны служить основаніемъ ихъ обособленія. — При рѣшеніи этихъ вопросовъ предыдущія главы окажутъ намъ не одну важную услугу.

Слѣдуя установленному порядку, намъ предстоитъ начать съ опредѣленія *характера* правильно обособленныхъ группъ. Очевидно, вопросъ этотъ нужно рѣшать въ связи съ тѣми цѣлями, которыя достигаются ихъ обособленіемъ, т.-е. въ связи съ другимъ вопросомъ, уже разсмотрѣннымъ нами, — о значеніи классификаціи. Становясь на эту точку зрѣнія, мы придемъ къ одинаковымъ заключеніямъ, съ какой бы стороны ни взглянули на дѣло.

Мы нашли, что съ внѣшней стороны размѣщеніе имѣетъ значеніе перваго пріема, вводящаго въ правильныя занятія. Обособленіе группъ является условіемъ образованія общихъ понятій, какъ единственной формы, подъ которою наша аналитическая мысль способна представлять себѣ сложный матеріалъ въ цѣломъ. Это обособленіе имѣетъ цѣлію замѣну индивидуальныхъ воспріятій родовыми понятіями, многочисленныхъ частныхъ опредѣленій—немногими общими, охватывающими всѣ изучаемые предметы. Разумѣется, замѣна тѣмъ возможнѣе и естественнѣе, чѣмъ она полнѣе,—чѣмъ болѣе сходны между собою замѣняющія другъ друга величины. А замѣняющее общее понятіе тѣмъ болѣе сходно съ замѣняемыми индивидуальными представленіями, чѣмъ бо̀льшее число признаковъ, характеризующихъ предметы, оно обнимаетъ,—чѣмъ бо̀льшаго числа ихъ сторонъ оно касается [1]). Въ этомъ случаѣ общее понятіе представляетъ собою такое сложное цѣлое, съ которымъ, если не всѣми, то большинствомъ своихъ частей совпадаетъ индивидуальное воспріятіе. И чѣмъ полнѣе совпаденіе, тѣмъ, конечно, лучше отвѣчаетъ родовое понятіе своему назначенію. Но для того, чтобы имѣло мѣсто

[1]) *Bain.* Logique; t. I, p. 32: „Une affirmation générale n'est pas autre chose qu'un grand nombre d'affirmations particulières, réunies en une seule."

такое совпаденіе, группы, порождающія родовыя понятія, должны быть образованы такъ, чтобы элементы, входящіе въ ихъ составъ, возможно болѣе походили другъ на друга. Наибольшее сходство, какъ основаніе для размѣщенія предметовъ, представляется наиболѣе цѣлесообразнымъ въ интересахъ замѣны индивидуальныхъ воспріятій родовыми понятіями. Съ этой точки зрѣнія, сила подобія служитъ высшимъ критеріемъ для образованія группъ.

Съ внутренней стороны классификація, какъ мы видѣли, вліяетъ самымъ роковымъ образомъ на результаты изученія: она предопредѣляетъ содержаніе индивидуальныхъ представленій и родовыхъ понятій, устанавливая производящія ихъ сопоставленія. Въ этомъ отношеніи обособленіе группъ имѣетъ цѣлію выдѣленіе наилучшихъ сопоставленій, отвѣчающихъ научнымъ требованіямъ. А изъ предыдущаго мы уже знаемъ, какія сопоставленія нужно считать наилучшими въ интересахъ изученія. Припомнимъ, что наши представленія и понятія выигрываютъ въ полнотѣ и отчетливости въ прямой зависимости отъ силы подобія сопоставляемыхъ предметовъ; высшей научной многосторонности и точности они достигаютъ при наибольшемъ напряженіи подобія между элементами сопоставленія, которое на этой ступени становится уже сравненіемъ [1]). Поэтому, если образованіе группъ имѣетъ въ виду установленіе наилучшихъ сопоставленій, то правильною классификаціею нужно почитать то размѣщеніе, которое сближаетъ предметы наиболѣе сходные между собою. Группы должны быть обособлены такъ, чтобы составные элементы ихъ возможно ближе походили другъ на друга, ибо степень ихъ сходства служитъ гарантіею полноты и отчетливости соотвѣтствующихъ опредѣленій. Слѣдовательно, и здѣсь напряженность подобія является высшимъ критеріемъ образованія группъ.

Такимъ образомъ, съ какой бы стороны мы ни смотрѣли на построеніе классификаціи, сила подобія размѣщаемыхъ предметовъ должна служить основаніемъ обособленія группъ. Это самое важное требованіе правильной классификаціи, которому должны быть подчинены всѣ прочія [2]). Но подобіе предметовъ есть

---

[1]) См. выше, гл. II, с. 64—65.

[2]) *Bain.* Logique; t. II, p. 292, 431; 230: „Ce principe est comme la *règle d'or* de toute classification."

всегда сложное цѣлое, которое распадается на множество частныхъ подобій между отдѣльными признаками. Сила общаго подобія зависитъ отъ силы и числа этихъ частныхъ подобій: чѣмъ болѣе сходства между отдѣльными признаками и чѣмъ многочисленнѣе сходные признаки, тѣмъ подобнѣе самые предметы. [1]) Поэтому, группы правильной классификаціи должны быть обособлены такъ, чтобы наполняющіе ихъ предметы совпадали между собою въ возможно бо̀льшемъ числѣ признаковъ и возможно болѣе въ каждомъ изъ нихъ [2]). Наблюденіе показываетъ, что при соблюденіи этого условія группы обладаютъ обыкновенно множествомъ общихъ признаковъ, число которыхъ возрастаетъ по мѣрѣ ознакомленія съ размѣщаемымъ матеріаломъ; онѣ являются неизсякаемымъ источникомъ свойствъ, открываемыхъ изученіемъ. «Сто поколѣній не исчерпали бы общихъ свойствъ животныхъ или растеній, сѣры или фосфора; да мы и не считаемъ возможнымъ исчерпать эти свойства и приступаемъ къ новымъ наблюденіямъ и опытамъ, въ полной увѣренности, что найдемъ новыя свойства» [3]). Это неисчислимое множество общихъ свойствъ объясняется тѣмъ, что подобіе, въ своемъ высшемъ выраженіи, проникаетъ въ самыя темныя глуби явленій: предметы могутъ быть подобны не только въ отдѣльныхъ своихъ частяхъ, но и въ частяхъ этихъ частей,—не только въ отдѣльныхъ своихъ признакахъ, но и въ признакахъ этихъ признаковъ и т. д. до тѣхъ поръ, пока мы въ силахъ слѣдить за ихъ подобіемъ [4]). Группы, основанныя на этомъ высшемъ видѣ подобія, по справедливости могутъ быть

---

[1]) См. выше, гл. II, с. 59—60.

[2]) *Bain.* Logique; t. II, p. 283—284; 230: „Des différentes manières de grouper les choses qui se ressemblent, il faut préférer celle qui rapproche les objets dont les qualités communes sont les plus essentielles et les plus nombreuses.“—*Милль.* Система логики; т. I, с. 148 sq.; т. II, с. 267: „Первое начало естественной классификаціи требуетъ составленія классовъ, такъ чтобы принадлежащіе къ каждому предметы могли обладать наибольшимъ числомъ общихъ свойствъ.“—*Comte.* Cours de philosophie positive; t. III, p. 381.—*Спенсеръ.* Классификація наукъ; с. 1—2.—*Владиславлевъ.* Логика; с. 82.

[3]) *Милль.* Система логики; т. I, с. 148; ср. т. II, с. 267.—См. также: *Джевонсъ.* Основы науки; с. 629, 635 sq., 638—642.

[4]) *Спенсеръ.* Основаніе психологіи; т. III., ч. VI, с. 267 sq.

названы *естественными* группами, а самая классификація—*естественною* классификаціею, въ отличіе отъ спеціальнаго размѣщенія, искусственныя группы котораго покоятся, ради особыхъ задачъ изученія, на немногихъ и опредѣленныхъ признакахъ. «Но безъ основанія можно сказать, что изъ этихъ двухъ классификацій одна соотвѣтствуетъ гораздо болѣе коренному различію въ самихъ вещахъ, чѣмъ другая. И если даже кто-либо вздумалъ бы утверждать, что одна классификація установлена природой, а другая — нами, для нашего удобства, то онъ будетъ правъ, лишь бы не влагалъ въ свои слова бо̀льшаго значенія, чѣмъ слѣдующее. Гдѣ какое-либо видимое различіе въ вещахъ (хотя само по себѣ неважное) соотвѣтствуетъ неизвѣстному числу другихъ различій, обнимающихъ не только уже извѣстныя свойства этихъ вещей, но и свойства еще не открытыя, тамъ мы не предпочитаемъ, а вынуждены признать это различіе основаніемъ особаго различенія. Съ другой стороны, на различія конечныя и опредѣленныя можно и не обращать вниманія, если этого не требуетъ цѣль, для которой классификація установлена» [1]).

Характризуемыя обиліемъ общихъ признаковъ, естественныя группы представляютъ самыя благопріятныя условія для сопоставленій, которыя производятъ многочисленныя и отчетливыя опредѣленія, дающія полныя и ясныя представленія и понятія объ изучаемомъ матеріалѣ. Обусловленныя классификаціей, эти опредѣленія служатъ лучшимъ ея оправданіемъ. «Наиболѣе соотвѣтствуетъ цѣлямъ научной классификаціи, когда предметы сопоставляются въ группы, относительно которыхъ можетъ быть построено бо̀льшее число и болѣе важныхъ предложеній, чѣмъ относительно какихъ-либо другихъ группъ, на которыя могли бы быть распредѣлены тѣ же самыя вещи» [2]).

Но не рѣдки случаи, когда естественныхъ группъ оказывается недостаточно при изученіи даннаго матеріала. Это бываетъ тогда, когда упомянутыя группы слишкомъ обширны и захватываютъ

---

[1]) *Миллъ.* Система логики; т. I, с. 149; ср. т. II, с. 260 sq.—*Владиславлевъ.* Логика; с. 82—83.—*Джевонсъ.* Основы науки; с. 632—634.

[2]) *Миллъ.* Ibid.; т. II, с. 260.—Ср. *Уэвелль.* Исторія индуктивныхъ наукъ; т. III, с. 483.

разнообразные предметы, сходные, по частямъ, между собою не во множествѣ извѣстныхъ и неизвѣстныхъ свойствъ, а въ немногихъ и опредѣленныхъ признакахъ, которые, однако, рѣзко обособляютъ ихъ другъ отъ друга. Примѣрами этого рода богата, по словамъ Милля, ботаника [1]). То же самое возможно и въ томъ случаѣ, когда предметы обладаютъ немногими общими признаками, важными въ какомъ-либо отношеніи. Игнорировать подобные признаки значило бы отказываться отъ характеристическихъ опредѣленій изучаемаго матеріала,—проходить мимо сопоставленій, способныхъ пролить на него свѣтъ. А избѣгая этого, необходимо продолжить размѣщеніе далѣе установленія естественныхъ группъ въ принятомъ выше смыслѣ. Разумѣется, дальнѣйшее размѣщеніе должно покоиться также на проявленіяхъ высшаго подобія, въ силу соображеній, какія руководили нами ранѣе: изъ ряда возможныхъ группъ нужно предпочесть тѣ, элементы которыхъ наиболѣе сходны между собою. Образованныя по типу естественныхъ группъ и надѣленныя аналогическими чертами, эти новыя группы могутъ быть названы также *естественными*, въ отличіе отъ другихъ возможныхъ обособленій [2]).

Обобщая вышеизложенное, слѣдуетъ сказать, что группы правильной классификаціи должны быть установлены такъ, чтобы составляющіе ихъ элементы выражали собою высшую степень напряженія подобія. Удовлетворяя этому условію, естественныя группы, по сравненію со всякими другими, должны обладать или неисчерпаемымъ множествомъ, или наибольшимъ числомъ общихъ свойствъ, смотря по характеру размѣщаемаго матеріала; и въ томъ, и въ другомъ случаѣ онѣ будутъ отвѣчать лучше другихъ цѣлямъ изученія.

---

[1]) *Милль.* Система логики;т. II, с. 269—270.—*Bain.* Logique; t. II, p. 283 sq.

[2]) *Милль.* Ibid.; т. II, с. 270: „Роды и семейства,—рѣчь идетъ о классификаціи растеній, — могутъ быть въ высшей степени естественны, но, притомъ, отличаться другъ отъ друга ограниченнымъ числомъ свойствъ, лишь бы эти свойства были важны и предметы, заключающіеся въ каждомъ родѣ или въ каждомъ семействѣ, представляли больше сходства между собою, чѣмъ съ какимъ-либо предметомъ, исключеннымъ изъ рода или семейства".

Образованіе естественныхъ группъ влечетъ за собою признаніе необходимости *обособляющихъ* признаковъ. Благодаря многочисленности общихъ свойствъ, обладаемыхъ этими группами, размѣщеніе отдѣльныхъ предметовъ было бы затруднено въ высшей степени, если бы нужно было разсматривать каждый предметъ со стороны всѣхъ помянутыхъ свойствъ для отнесенія его къ той или другой группѣ. Но кромѣ трудности, часто неодолимой, подобная работа была бы совершенно излишнею, еслибы оказалось возможнымъ замѣнять, для цѣлей размѣщенія, множество свойствъ однимъ, или нѣсколькими немногими. Замѣна же могла бы имѣть мѣсто въ томъ случаѣ, еслибы какое-нибудь одно свойство, или нѣсколько, характеризовало предметы данной группы настолько, чтобы не смѣшивать ихъ со всѣми остальными предметами. Именно случаи этого рода мы и встрѣчаемъ въ дѣйствительности въ видѣ общаго правила. Такъ, иногда достаточно одного свойства, чтобы отграничить данные предметы отъ всѣхъ прочихъ: ртуть, напр., представляетъ собою металлъ, который, въ отличіе отъ другихъ металловъ, характеризуется жидкимъ состояніемъ при обыкновенной температурѣ; хоботъ слона служитъ признакомъ, достаточнымъ, чтобы не смѣшивать его съ другими животными [1]). Впрочемъ, только въ нѣкоторыхъ случаяхъ для отличенія отдѣла достаточно одного какого-либо замѣчательнаго свойства; но обыкновенно требуется нѣсколько свойствъ, такъ какъ каждое свойство, разсматриваемое отдѣльно, представляетъ общее свойство этого и другихъ отдѣловъ. Цвѣтъ и блескъ алмаза принадлежитъ и ему, и той массѣ, изъ которой дѣлаютъ фальшивые алмазы; форма октаэдра обща ему съ квасцами и магнитнымъ желѣзнякомъ; но цвѣтъ, блескъ и форма въ совокупности отличаютъ отдѣлъ алмаза» [2]). Этою возможностію замѣны множества свойствъ однимъ, или нѣсколькими, не можетъ не пользоваться классификація при устано-

---

[1]) *Bain.* Logique; t. I, p. 108.

[2]) *Миллъ.* Система логики; т. II, с. 108; ср. 273.—*Bain.* Logique; t. I, p. 108: «Au lieu d'énumérer toutes les propriétés essentielles à l'espèce, nous pouvons ne mentionner que celles qui suffisent pour distinguer cette espèce de toute autre. Ainsi l'or peut être défini un métal jaune, dont le poids spécifique est 19, 34; parce qu'il n'y a pas d'autre substance qui possède la même combinaison de qualités».

вленіи своихъ группъ: упрощая задачу размѣщенія, такой пріемъ является необходимымъ *техническимъ* требованіемъ работы. И упрощеніе тѣмъ полнѣе, а самый пріемъ тѣмъ совершеннѣе, чѣмъ меньшимъ числомъ свойствъ мы пользуемся для установленія группъ. Наиболѣе выгоднымъ въ техническомъ отношеніи является то размѣщеніе, которое полагаетъ какое-либо одно свойство въ основаніе каждой группы, ибо здѣсь распредѣленіе предметовъ представляется наиболѣе легкимъ; но гдѣ подобная организація группъ невозможна, тамъ предпочтеніе должно быть отдано размѣщенію, требующему наименьшаго числа свойствъ для обособленія группъ (конечно, при равныхъ другихъ условіяхъ). Выборъ этихъ свойствъ и есть вопросъ о *признакахъ, обособляющихъ* группы.

Обращаясь къ этому основному вопросу классификаціи, мы будемъ имѣть въ виду случай, когда одного свойства достаточно для выдѣленія группы. Хотя этотъ случай и не изъ самыхъ частыхъ, однако мы воспользуемся имъ, какъ наиболѣе простымъ и доступнымъ анализу, пользуясь тѣмъ, что сущность дѣла здѣсь та же, что и въ остальныхъ случаяхъ.

Характеръ правильно обособленныхъ группъ даетъ нѣкоторое указаніе на то, въ какомъ смыслѣ долженъ быть рѣшенъ вопросъ о признакахъ, полагаемыхъ въ основаніе ихъ обособленія. Въ самомъ дѣлѣ, если классификація требуетъ, чтобы группы ея обладали наибольшимъ числомъ общихъ свойствъ, то ясно, что не всѣ признаки предметовъ могутъ быть взяты за основаніе обособленія; нужно отдавать предпочтеніе тѣмъ изъ нихъ, которые, неизмѣнно повторяясь въ отдѣльныхъ предметахъ, обезпечиваютъ наибольшее повтореніе другихъ признаковъ, — тѣ, сходство въ которыхъ сопровождается наибольшимъ числомъ другихъ сходствъ. Но это опредѣленіе, выведенное изъ опредѣленія естественныхъ группъ, отличается формальнымъ характеромъ: измѣняя постановку вопроса, оно, въ сущности, не прибавляетъ ничего новаго къ тому, что было сказано ранѣе. Тѣмъ не менѣе оно представляетъ нѣкоторую выгоду, ставя вопросъ въ ясно очерченныя рамки: оно указываетъ, что основанія для размѣщенія слѣдуетъ искать среди признаковъ не всякихъ вообще, а такихъ, которые сближаютъ другъ съ другомъ наиболѣе сходные предметы, т.-е. среди общихъ признаковъ естественныхъ группъ. Но такихъ признаковъ

можетъ быть очень много, и занимающій насъ вопросъ остается открытымъ: какой признакъ долженъ быть избранъ для обособленія той или другой группы?

Чтобы рѣшить этотъ вопросъ, необходимо обратить вниманіе на взаимное отношеніе общихъ признаковъ, характеризующихъ данную группу. Съ этою цѣлью мы воспользуемся нѣкоторыми частями ученія о *предикабиліяхъ* [1]), въ его новой переработкѣ, начатой Миллемъ и продолженной Бэномъ.

Съ точки зрѣнія этого ученія, общіе признаки группы могутъ быть раздѣлены на три категоріи: свойства отличительныя, особенныя и случайныя.

Подъ *отличительными свойствами*, или просто *отличіями* (differentiae), разумѣютъ признаки группы, которые служатъ, съ одной стороны, для того, чтобы обособить ее, какъ одну изъ разновидностей высшей группы, — съ другой, чтобы отличить отъ остальныхъ разновидностей этой послѣдней. Выражаясь иначе, это—тѣ признаки, которые должны быть приложены къ признакамъ рода, чтобы выдѣлить данный видъ и отграничить его отъ другихъ сосѣднихъ видовъ. Они являются необходимыми составными частями общаго понятія о группѣ, образуя содержаніе ея названія (соозначеніе имени) [2]). Таково логическое значеніе отличій, съ которымъ связаны многія важныя послѣдствія [3]). Понятно, что столь видную роль могутъ играть не всѣ признаки группъ: къ отличіямъ относятся только тѣ изъ нихъ, которые представляютъ

---

[1]) Ученіе о предикабиліяхъ, или пяти родахъ сказуемаго, впервые было установлено *Аристотелемъ* и позднѣе подробно разработано *Порфиріемъ*, писателемъ III в. по Р. Х. Проникнутое метафизическимъ характеромъ, оно нашло широкое распространеніе въ схоластическихъ логикахъ и, занимая почетное мѣсто, держалось въ нихъ вплоть до нашихъ дней. *Милль* и, вслѣдъ за нимъ, *Бэнъ*, отбрасывая метафизическую сторону ученія, первые дѣлаютъ попытку перестроить его на индуктивныхъ началахъ. *Милль.* Система логики; т. I, с. 144—161.—*Bain.* Logique; t. I, p. 97 sq., 109—115. Игнорируя ихъ попытку, *Джевонсъ* излагаетъ теорію предикабилій въ ея прежнемъ традиціонномъ видѣ, съ тѣмъ лишь отступленіемъ, что не касается вопроса о „сущностяхъ вещей", составлявшаго основаніе этой теоріи. Основы науки; с. 650 sq.

[2]) *Милль.* Система логики; т. I, с. 154—155.—*Bain.* Logique; t. I, p. 110—111.

[3]) Напр., дѣленіе предложеній на *вербальныя* и *реальныя*.

собою признаки самостоятельные и независимые, не сводимые на другіе признаки. Являясь въ этомъ смыслѣ основными или послѣдними, они обусловливаютъ такъ или иначе своихъ спутниковъ, но сами не обусловливаются ими [1]). Черта *независимости* и *господства* служитъ характеристическою чертою отличій.

Особенными свойствами, или просто *особенностями* (propria), называются тѣ общіе признаки группы, которые какъ-либо обусловливаются основными ея свойствами,—существованіе которыхъ, посредственно или непосредственно, связано съ существованіемъ этихъ послѣднихъ. Производный и обусловленный характеръ, *зависимость* и *подчиненіе*, являются отличительною чертою особенностей. Съ этой точки зрѣнія, «особенностью вида можно признать всякое свойство, которое принадлежитъ всѣмъ образующимъ видъ особямъ и, хотя не соозначается видовымъ названіемъ, но вытекаетъ изъ какого-либо свойства, соозначаемаго этимъ названіемъ» [2]).

Такимъ образомъ, логическое дѣленіе признаковъ на отличія и особенности объясняется самою природою свойствъ: «нѣкоторыя суть свойства коренныя, другія—производныя; нѣкоторымъ нельзя указать никакой причины, другія явно зависятъ отъ причинъ» [3]). «Для удержанія различія свойствъ отличительныхъ

---

[1]) *Bain.* Logique; t. I, p. 112.—Ср. *Милль.* Система логики; т. I, с. 154: „Различіе отличительнаго свойства отъ особенности и случайности основывается *не на природѣ вещей, а на соозначеніи названій*“, и т. д.. Разсмотривая ученіе схоластиковъ о „сущностяхъ“, къ которымъ, по ихъ мнѣнію, принадлежатъ отличительныя свойства, Милль, въ приведенномъ мѣстѣ, слишкомъ увлекся критикою этого ученія и сталъ въ противорѣчіе съ самимъ собою. Далѣе (с. 158—161), опредѣляя особенности и случайности, онъ отдѣляетъ ихъ отъ отличій именно по различію природы признаковъ, а не соозначенія названій, въ чемъ еще болѣе убѣждаютъ другія мѣста его логики. Ср. т. II, с. 108—110, 114—115.

[2]) *Милль.* Система логики; т. I, с. 159.—Ср. *Bain.* Logique, t. I., p. 111—113.—Зависимость однихъ свойствъ отъ другихъ Милль сводитъ къ двумъ видамъ: „свойство можетъ вытекать или какъ заключеніе изъ посылокъ, или какъ слѣдствіе изъ причины“ (ibid., 159—160). Въ спеціальныхъ цѣляхъ нашего изслѣдованія, мы имѣемъ въ виду главнымъ образомъ второй видъ зависимости, причемъ, однако, считаемъ нужнымъ, по нѣкоторымъ соображеніямъ, воздерживаться отъ названія его слишкомъ точнымъ терминомъ *„причинной связи“*.

[3]) *Милль.* Ibid.; т. II, с. 109.

отъ особенныхъ необходимо, чтобы первыя были свойствами основными, независимыми и несводимыми на другія свойства. Если доказано, что данное свойство обусловлено другимъ свойствомъ, оно уже не можетъ составлять отличія» [1]), и наоборотъ. Разсматриваемое дѣленіе станетъ совершенно невозможнымъ, если мы безразлично смѣшаемъ основныя и производныя свойства. Пояснимъ это дѣленіе примѣромъ. «Свойство, состоящее въ способности понимать рѣчь, есть особенность вида человѣкъ», такъ какъ оно обусловливается другимъ свойствомъ,—разумностью [2]). Но, въ свою очередь, это послѣднее есть также особенность того же вида, ибо «анализъ человѣческой природы показываетъ, что разумъ есть не основная, а производная функція, вытекающая изъ элементарныхъ свойствъ сознанія»,—способностей различенія, уподобленія и памяти,—которыя, какъ неразложимые элементы мысли, слѣдуетъ уже признать отличіями даннаго вида [3]). Само собою разумѣется, что принадлежность признака къ той или другой категоріи опредѣляется состояніемъ нашего знанія; поэтому, одно и то же свойство въ разное время можетъ быть или отличіемъ, или особенностью, смотря по тому, будетъ доказанъ, или нѣтъ, его производный характеръ. Такъ, между прочимъ, въ приведенномъ примѣрѣ, отличительными свойствами вида человѣкъ почитались въ прежнее время многія способности разума, пока, наконецъ, психологіи не удалось свести ихъ къ тремъ вышеназваннымъ [4]).

Случайными свойствами, или просто *случайностями* (accidentia), называются свойства, которыя почему-либо не считаются ни основными, ни производными [5]). Въ число первыхъ они не вклю-

[1]) *Bain.* Logique; t. I, p. 112; ср. t. II, p. 275.

[2]) *Милль.* Система логики; т. I, с. 160.

[3]) *Bain.* Ibid.; t. I, p. 112.—„Du poids spécifique d'un grand nombre de substances nous pouvons déduire beaucoup de *propria*. En comparant, au point de vue du poids spécifique, le mercure avec le platine et l'or, nous inférons que le platine et l'or s'enfonceront dans le mercure; une comparaison semblable nous montrera que le fer, l'étain, le cuivre, l'argent etc. flotteront sur la même substance", etc. *Ibid.*.—См. также примѣры у *Джевонса:* Основы науки; с. 635—638.

[4]) *Bain.* Les sens et l'intelligence; p. 627—631.

[5]) *Idem.* Logique; t. I, p. 113 sq.—*Милль.* Система логики; т. I, с. 160 sq.—Логики различаютъ случайности *отдѣлимыя* и *неотдѣлимыя*, смотря по тому

чаются по бо́льшей части на основаніи аналогіи данной группы съ сосѣдними, гдѣ соотвѣтствующія свойства, безспорно, являются обусловленными: черный цвѣтъ во́роновъ и бѣлый лебедей не считаются отличительными ихъ свойствами на томъ основаніи, что цвѣтъ птицъ вообще не постояненъ. Къ числу вторыхъ они не относятся потому, что производный характеръ ихъ остается не обнаруженнымъ [1]). Вообще случайности представляются признаками болѣе или менѣе неопредѣленными: не обусловливая другихъ и не обусловливаясь сами, онѣ въ то же время присутствуютъ во всѣхъ предметахъ группы, оставаясь загадочными. Едва ли нужно прибавлять, что ихъ загадочность можетъ исчезнуть съ успѣхами знанія, причемъ онѣ должны будутъ занять опредѣленное мѣсто въ рядахъ отличій или особенностей.

Логическимъ дѣленіемъ признаковъ на три указанныя категоріи по ихъ взаимному отношенію вопросъ объ основаніяхъ для обособленія естественныхъ группъ значительно упрощается. Ясно само собою, что, съ точки зрѣнія этого дѣленія, предпочтеніе должно быть отдано признакамъ основнымъ и независимымъ, подчиняющимъ себѣ другіе признаки. Господствуя надъ этими послѣдними, они, по самымъ свойствамъ своимъ, должны быть выдвинуты на первый планъ, такъ чтобы изучающій прежде всего долженъ былъ считаться съ ними [2]). А это именно и значитъ взять отличительные признаки за основанія обособляемыхъ группъ

всегда ли и всѣмъ ли предметамъ группы онѣ принадлежатъ. Въ текстѣ мы имѣемъ въ виду только неотдѣлимыя случайности, такъ какъ разсматриваемъ взаимное отношеніе *общихъ* признаковъ группъ, не касаясь индивидуальныхъ свойствъ предметовъ.

[1]) *Bain.* Logique; t. I, p. 115; t. II, p. 24.—Ср. *Джевонсъ.* Основы науки; с. 652: „Логическій случайный признакъ есть всякое качество или обстоятельство, о которомъ мы не знаемъ, находятся ли оно въ соотношеніи съ качествами или обстоятельствами, составляющими опредѣленіе вида“.

[2]) *Bain.* Ibid; t. II, p. 447: „Ce qui donne le plus d'importance à un caractère essentiel, c'est le nombre de caractères qui en dépendent. En admettant que tous les caractères aient la même valeur intrinsèque, un caractère qui en représente trois autres a évidement quatre fois plus de valeur qu'un caractère qui ne représente que lui-même“, etc.; cp. p. 436 sq., 458 sq.—*Ribot.* La psychologie anglaise; p. 290: „Une classification naturelle suppose une analyse rigoureuse qui, sans s'arrêter aux caractères accidentels, pénètre jusqu'à ce qui est fondamental“.

Но выдѣленіемъ отличительныхъ свойствъ, какъ основаній для образованія группъ, вопросъ вновь только упрощается, но не разрѣшается окончательно. Отличительныхъ свойствъ также можетъ быть нѣсколько, или даже много. Золото, напр., имѣетъ восемь такихъ свойствъ; въ бо́льшей или меньшей мѣрѣ то же наблюдается въ другихъ металлахъ и минералахъ, не говоря уже о растеніяхъ и животныхъ [1]). Поэтому, указаннымъ выдѣленіемъ мы только ограничиваемъ число признаковъ, способныхъ служить цѣлямъ классификаціи. Но затѣмъ остается еще рѣшить, какой изъ основныхъ признаковъ имѣетъ право на особливое вниманіе.

Если до сихъ поръ мы руководствовались въ рѣшеніи занимающаго насъ вопроса взаимнымъ отношеніемъ признаковъ, то теперь, когда этотъ источникъ уже исчерпанъ и мы имѣемъ предъ собою признаки одинаковаго значенія, основаній для выбора слѣдуетъ искать въ другой сторонѣ дѣла,—въ *техническихъ* требованіяхъ построенія классификаціи. Дѣйствительно, такъ какъ каждый изъ отличительныхъ признаковъ можетъ быть, съ одинаковымъ правомъ, взятъ за основаніе размѣщенія, то предпочтеніе должно, очевидно, быть отдано тому изъ нихъ, который въ техническомъ отношеніи представляетъ бо́льшія удобства, чѣмъ всѣ другія. А въ этомъ отношеніи безспорнымъ преимуществомъ пользуются признаки, чѣмъ-либо ярко выдѣляющіеся отъ всѣхъ прочихъ,—обладающіе наибольшею наглядностью. Преимущество *наглядности* признаковъ заключается въ томъ, что они облегчаютъ задачу распредѣленія сложнаго матеріала, избавляя отъ затрудненій при отнесеніи отдѣльныхъ предметовъ къ той или иной группѣ. «Хотя главная цѣль классификаціи, замѣчаетъ Джевонсъ,—состоитъ въ томъ, чтобы открыть самыя глубокія и самыя общія сходства между классифицируемыми предметами, однако, практическое достоинство системы зависитъ отъ той легкости, съ какою мы можемъ указать для каждаго предмета его настоящій классъ» [2]). Поэтому, изъ основныхъ свойствъ данныхъ вещей должны быть выбраны для классификаціи тѣ, «которыя придаютъ состоящему изъ этихъ вещей классу наиболѣе рѣзкую особен-

---

[1]) *Bain.* Logique; t. II, p. 19; ср. p. 370 sq., 435 sq., 445 sq., etc.

[2]) *Джевонсъ.* Основы науки; с. 660.

ность, которыя, такъ сказать, занимаютъ наиболѣе мѣста въ ихъ существованіи и произвели бы самое сильное впечатлѣніе на зрителя, знающаго всѣ ихъ свойства, но не заинтересованнаго, въ видахъ спеціальной цѣли, ни однимъ изъ нихъ» [1]). Съ этой точки зрѣнія, идеальною классификаціею была бы такая, въ которой признаки, обособляющіе группы, были бы въ одно и то же время основными и наглядными: техническія требованія построенія совпадали бы съ требованіями, вытекающими изъ природы размѣщаемаго матеріала [2]).

Къ сожалѣнію, часто этихъ двухъ требованій идеальной классификаціи совмѣстить невозможно. Такъ бываетъ въ случаяхъ, когда основные признаки являются признаками внутренними или скрытыми, присутствіе которыхъ обнаруживается только при извѣстныхъ исключительныхъ условіяхъ (напр., при опытѣ). Разумѣется, строить классификацію на подобныхъ признакахъ было бы въ высшей степени неудобно, если не просто невозможно: она вынуждала бы изучающаго разсматривать каждый предметъ въ помянутыхъ исключительныхъ условіяхъ, чтобы опредѣлить мѣсто его среди установленныхъ группъ; а, между тѣмъ, этими условіями не всегда можно располагать по произволу. «Естественный распорядокъ животныхъ долженъ, главнымъ образомъ, опираться на ихъ внутреннее строеніе, но, какъ справедливо замѣчали, былъ бы нелѣпъ, еслибы мы не могли опредѣлить рода и вида животнаго, не убивъ его» [3]). Среди растеній «два большіе класса явнобрачныхъ характеризуются тѣмъ, что одинъ имѣетъ двѣ сѣмянодоли, а другой—одну. Но когда намъ встрѣтится растеніе и нужно будетъ отнести его къ надлежащему классу, то можетъ случиться, что у насъ вовсе нѣтъ его сѣмянъ, которыя мы могли бы изслѣдовать для того, чтобы узнать, даютъ ли они

---

[1]) *Милль.* Система логики; т. II, с. 264.

[2]) *Bain.* Logique; t. II, p. 288.—*Уэвелль.* Исторія индуктивныхъ наукъ; т. III, с. 433.

[3]) *Милль.* Ibid; т. II, с. 262.—*Comte.* Cours de philosophie positive; t. III, p. 403: „Ne serait-il point absurde, en effet, que, pour assigner le genre ou la famille de tel animal, il devînt indispensable, par exemple, de commencer par le détruire, ainsi que l'exigent encore tant de classifications zoologiques, littéralement interpretées?“

при прорастаніи двѣ доли или одну. Даже если у насъ есть сѣмя, то оно можетъ быть такъ мало, что потребуется самое тщательное изслѣдованіе и разрѣзываніе его подъ микроскопомъ, чтобы увидѣть число сѣмяподолей. Иногда изслѣдованіе сѣмяни можетъ ввести насъ въ ошибку, потому что сѣмяподоли или могутъ быть неразвиты, или срастаются между собою» [1]).

Но, съ другой стороны, не рискуя судьбою изученія, классификація не можетъ отказаться отъ основныхъ признаковъ, хотя бы они были внутренними или скрытыми. Поэтому, чтобы выйти изъ затрудненія, она должна остановиться въ выборѣ на такихъ внѣшнихъ производныхъ признакахъ, которые, отвѣчая требованію наглядности, неизмѣнно сопровождали бы внутренніе основные,—служили бы ихъ непремѣнными спутниками. Удовлетворяя этимъ условіямъ, классификація опиралась бы на видимые устои, которые, въ сущности, исполняли бы роль показателей скрытаго основанія [2]) Однако, для того, чтобы подобный выходъ былъ возможенъ, должны существовать эти *признаки-показатели* рядомъ съ существованіемъ скрытыхъ свойствъ. И, въ большинствѣ случаевъ, они, дѣйствительно, существуютъ, и наука широко пользуется ими. Такъ, Бленвилль основываетъ свою зоологическую классификацію «на различіяхъ во внѣшнихъ покровахъ,—различіяхъ, которыя точнѣе, чѣмъ можно предполагать, соотвѣтствуютъ дѣйствительно важнымъ различіямъ какъ въ другихъ частяхъ организма, такъ въ нравахъ и исторіи животныхъ» [3]). «При классификаціи млекопитающихъ зубы оказываютъ очень большую помощь, и не потому, чтобы малѣйшее измѣненіе въ числѣ и формѣ зубовъ имѣло важность въ общей экономіи организма, а потому, что такія измѣненія, какъ показываетъ эмпирическое наблюденіе, совпадаютъ съ самыми важными различіями въ общихъ сродствахъ» [4]). Въ вышеприведенномъ примѣрѣ явнобрачныхъ «многіе другіе признаки растенія находятся въ соотношеніи съ чи-

---

[1]) *Джевонсъ.* Основы науки; с. 660.

[2]) *Comte.* Cours de philosophie positive; t. III, p. 402—406.—*Bain.* Logique; t. II, p. 288 sq..—*Миллъ.* Система логики; т. II, с. 261 sq.

[3]) *Миллъ.* Система логики; т. II, с. 262.—*Comte.* Cours de philosophie positive; t. III, p. 411 sq.

[4]) *Джевонсъ.* Основы науки; с. 661.

сломъ сѣмянодолей; такъ, односѣмянодольныя растенія почти всегда имѣютъ параллельныя жилки, подобно травамъ, между тѣмъ какъ двусѣмянодольныя имѣютъ сѣткообразныя жилки, какъ, напр., у дуба. Кромѣ того, у односѣмянодольныхъ число частей чаще всего бываетъ три, или какое-нибудь кратное отъ трехъ, между тѣмъ какъ у двусѣмянодольныхъ преобладающія числа тѣхъ же частей составляютъ четыре и его кратныя. Поэтому, ботаникъ, при первомъ взглядѣ на листья и цвѣты, можетъ почти навѣрное сказать, къ какому классу относится растеніе». [1]) Нетрудно было бы привести рядъ другихъ подобныхъ примѣровъ; но это безцѣльно растянуло бы изложеніе.

Сводя наши соображенія къ немногимъ положеніямъ, мы должны сказать, что «предметы слѣдовало бы распредѣлять, по возможности, сообразно свойствамъ, которыя суть причины многихъ другихъ свойствъ или, по крайней мѣрѣ, ихъ вѣрные признаки. Причины должно предпочитать, какъ самые вѣрные и прямые признаки, а равно и потому, что сами онѣ суть свойства, на которыя наиболѣе полезно обращать пристальное вниманіе. Но свойство, составляющее причину главныхъ особенностей класса, къ несчастію, рѣдко способно служить и признакомъ класса. Вмѣсто причины, мы обыкновенно принуждены выбирать которыя-либо изъ ея наиболѣе замѣтныхъ дѣйствій, могущія служить признаками другихъ дѣйствій и признаками причины. Построенная такимъ образомъ классификація есть дѣйствительно научная и философская и называется обыкновенно естественною». [2])

Какъ видитъ читатель, наши выводы прекрасно резюмируются цитированнымъ отрывкомъ Миллевой логики. Мы предпочли эту редакцію своей собственной въ виду того, что англійскій логикъ пришелъ къ своимъ заключеніямъ дорогою значительно иною, чѣмъ та, которою мы слѣдовали; а въ этомъ, кажется намъ, есть также нѣкоторое подтвержденіе высказанныхъ положеній. Однако, въ приведенныхъ словахъ Милля мы считали бы нужнымъ смягчить слишкомъ опредѣленный и строгій логическій терминъ «при-

---

[1]) *Джевонсъ.* Основы науки; с. 661.

[2]) *Миллъ.* Система логики; т. II, с. 260.—Ср. *Спенсеръ.* Классификація наукъ; с. 2.

чина», замѣнивъ его менѣе точнымъ, но болѣе широкимъ выраженіемъ. Мы находили бы лучше отвѣчающимъ положенію дѣла называть основные признаки, служащіе послѣдней опорой классификаціи, не причинами, а просто обусловливающими свойствами [1]); ибо только въ сравнительно немногихъ случаяхъ мы можемъ констатировать причинную связь между свойствами, довольствуясь гораздо чаще неопредѣленнымъ усмотрѣніемъ ихъ взаимной зависимости, которую точно квалифицировать мы не въ силахъ. Чтобы убѣдиться въ этомъ, намъ нужно коснуться пріемовъ, при посредствѣ которыхъ опредѣляются взаимныя отношенія признаковъ или свойствъ въ предметахъ; что, вмѣстѣ съ тѣмъ, есть именно вышепоставленный вопросъ о пріемахъ построенія группъ, къ разсмотрѣнію котораго мы должны теперь обратиться.

Читатель извинитъ насъ, если, для уясненія дѣла, мы повторимъ здѣсь нѣкоторыя основныя положенія индуктивной логики.

Какъ извѣстно, взаимное отношеніе явленій можетъ подлежать изученію или съ точки зрѣнія ихъ преемственной смѣны, или съ точки зрѣнія ихъ единовременнаго существованія. Первая *динамическая* точка зрѣнія приводитъ къ установленію единообразій или законовъ сопослѣдованія, вторая *статическая*—къ установленію единообразій или законовъ сосуществованія. Различіе точекъ зрѣнія динамики и статики сопровождается различіемъ въ пріемахъ изученія, которые, въ свою очередь, могущественно вліяютъ на характеръ выводовъ.

Всѣ случаи *сопослѣдованія* явленій объясняются универсальнымъ закономъ связи причины со слѣдствіемъ, какъ аксіоматическимъ предположеніемъ при изслѣдованіяхъ природы. Поэтому, всѣ единообразія разсматриваются, какъ частныя выраженія этого всеобщаго закона, что даетъ основаніе для построенія системы строгаго научнаго наведенія, или четырехъ точныхъ методовъ индукціи, которымъ наука обязана своими важнѣйшими пріобрѣтеніями. [2]) Опираясь на аксіому причинности, эти методы представляютъ собою не что иное, какъ средство констатиро-

---

[1]) Точно также производные признаки удобнѣе называть не „дѣйствіями" въ смыслѣ послѣдствій), а обусловленными свойствами.

[2]) Методы: различія, согласія, сопутствующихъ измѣненій и остатковъ.

вать безспорнымъ образомъ проявленія причинной связи въ отдѣльныхъ наблюдаемыхъ явленіяхъ. Ихъ сущность состоитъ въ томъ, что они несомнѣннымъ способомъ удостовѣряютъ присутствіе въ данномъ частномъ случаѣ того самаго отношенія, которое, подъ формою отношенія причины къ слѣдствію, всегда наблюдалось и постоянно наблюдается на всемъ пространствѣ природы. Ихъ доказательная сила заключается въ томъ, что данному частному отношенію они сообщаютъ незыблемую всеобщность универсальной аксіомы, подъ которую его подводятъ. Положенія, установленныя при помощи точныхъ методовъ, считаются достовѣрными въ предѣлахъ оправдывающей ихъ аксіомы причинности; а это высшій видъ достовѣрности, какой способны достигать наши выводы. Поэтому, единообразія сопослѣдованія, раскрытыя при посредствѣ точныхъ методовъ, представляютъ собою законы природы въ строгомъ смыслѣ слова. Очевидно, что эти законы возможны только среди явленій сопослѣдованія, такъ какъ упомянутые методы, которымъ они обязаны своимъ происхожденіемъ, прилагаются только къ этимъ явленіямъ. [1])

Но если сопослѣдованіе служитъ непремѣннымъ условіемъ примѣненія точныхъ методовъ, то отсюда еще никакъ не слѣдуетъ, чтобы оно было единственнымъ условіемъ. Напротивъ, они прилагаются далеко не ко всѣмъ явленіямъ сопослѣдованія, а только къ тѣмъ, гдѣ есть какая-либо возможность обособить, идеально или реально, изучаемыя причины и ихъ слѣдствія, разсматривая взаимное отношеніе первыхъ ко вторымъ уединенно отъ окружающихъ причинъ и слѣдствій; [2]) выражаясь технически, они примѣнимы только тамъ, гдѣ возможенъ процессъ элиминаціи. Неодолимыя препятствія этому процессу полагаетъ множественность связанныхъ между собою причинъ и слѣдствій. Поэтому, точные методы не приложимы къ сложнымъ явленіямъ, представляющимъ выраженіе совокуннаго переплетающагося дѣйствія ряда причинъ, каково, напр., большинство явленій органической и общественной

---

[1]) Ср. *Милль.* Система логики; т. I, с. 446—464; т. II, с. 103 sq.—*Bain.* Logique; t. II, p. 70 sq.

[2]) *Bain.* Logique; t. II, p. 115.

жизни. [1]) Здѣсь, за невозможностію пользоваться точными методами, мы вынуждены довольствоваться древнимъ *методомъ черезъ простое перечисленіе*, [2]) высшимъ усовершенствованнымъ выраженіемъ котораго можетъ почитаться статистическій пріемъ составленія среднихъ чиселъ. [3]) Но этотъ рудиментарный методъ не способенъ приводить насъ къ столь совершеннымъ заключеніямъ, съ которыми мы встрѣтились выше. Онъ можетъ дать лишь условныя обобщенія, называемыя эмпирическими законами, которые, въ отличіе отъ законовъ природы, примѣнимыхъ всегда и всюду, достовѣрны только въ предѣлахъ наблюденія. [4])

Случаи *сосуществованія* могутъ быть отнесены къ двумъ категоріямъ: они представляютъ собою или сосуществованіе производныхъ явленій, какъ параллельныхъ послѣдствій общей причины, или сосуществованіе первоначальныхъ явленій, не обусловленныхъ другими. [5])

Къ первой категоріи принадлежатъ, въ сущности, явленія сопослѣдованія, только замаскированнаго подъ внѣшнею формою сосуществованія. Поэтому, въ нѣкоторыхъ случаяхъ, допускающихъ процессъ элиминаціи, къ нимъ могутъ быть приложены точные методы. Такъ, благодаря методу сопутствующихъ измѣненій, мы знаемъ, что приливы и отливы, происходящіе одновременно на противоположныхъ частяхъ земнаго шара, объясняются совокупнымъ вліяніемъ луны и солнца на воды морей и океановъ. Однако, въ огромномъ большинствѣ случаевъ точные методы не примѣнимы къ явленіямъ этого рода, вслѣдствіе ихъ чрезвычайной сложности, къ которой, въ качествѣ лишняго препятствія, присоединяется скрытый характеръ сопослѣдованія. Поэтому, методъ черезъ простое перечисленіе и здѣсь является почти единственнымъ средствомъ, остающимся въ нашемъ распоряженіи.

---

[1]) *Миллъ.* Система логики; т. I., к. III, гл. X: въ особенности §§ 6, 7, и 8 (с. 510—517).—*Bain.* Logique; t. II, p. 117—120, 122—126.

[2]) По опредѣленію *Бэкона*: methodus per enumerationem simplicem, ubi non reperitur instantia contradictoria.

[3]) Исторія и теорія статистики въ монографіяхъ. Пер. подъ редакціею и съ дополненіями проф. *Янсона*, 1879; с. 151 sq., 158 sq. (ст. *Вагнера*).

[4]) *Bain.* Logique; t. II, p. 156 sq.—*Миллъ.* Ibid.; т. II, с. 38 sq.—*Владиславлевъ.* Логика; с. 213 sq.—*Троицкій.* Наука о духѣ; т. II, с. 44—45.

[5]) *Миллъ.* Ibid.; т. II, с. 107 sq.—Ср. *Bain.* Ibid.; t. II, p. 18.

Ко второй категоріи относятся въ собственномъ смыслѣ случаи сосуществованія, не сводимые на законъ причинности, ибо сосуществующія явленія представляются первоначальными и независимыми. О примѣненіи къ нимъ системы строгаго научнаго наведенія, разсчитанной только на явленія сопослѣдованія, не можетъ быть и рѣчи, такъ какъ здѣсь нѣтъ мѣста закону причинности, на которомъ она основана. А другой соотвѣтствующей системы, приспособленной къ характеру разсматриваемыхъ явленій, мы не имѣемъ, да и не можемъ имѣть. «Такой системѣ не достаетъ опоры: нѣтъ общей аксіомы, которая стояла бы въ томъ же отношеніи къ единообразіямъ сосуществованія, къ какомъ законъ связи причины со слѣдствіемъ стоитъ къ единообразіямъ послѣдовательности.» [1]) А за отсутствіемъ общей аксіомы сосуществованія, которая была бы подобна закону связи причины со слѣдствіемъ, мы вынуждены обратиться къ наведенію per enumerationem simplicem, какъ единственному средству, остающемуся въ нашемъ распоряженіи. [2])

Такимъ образомъ, говоря вообще объ явленіяхъ сосуществованія, слѣдуетъ помнить, что они, по отношенію къ изученію, поставлены въ самыя невыгодныя условія: за исключеніемъ рѣдкихъ и счастливыхъ случаевъ, изученіе ведется посредствомъ примитивнаго индуктивнаго пріема и его результаты выражаются въ условныхъ обобщеніяхъ. «Единообразія, замѣчаемыя въ сосуществованіи явленій,—какъ тѣ, которыя мы въ правѣ считать коренными, такъ и порождаемыя законами причинъ, еще не открытыхъ,—могутъ быть приняты только въ видѣ законовъ эмпирическихъ; ихъ дозволено предполагать истинными только въ предѣлахъ времени, мѣста и обстоятельствъ, въ которыхъ были сдѣланы наблюденія». [3])

Самыми обыкновенными и распространенными случаями разсматриваемыхъ явленій служатъ *сосуществованія признаковъ* или

---

[1]) *Миллъ.* Система логики; т. II, с. 111—112.

[2]) Ibid.; с. 113.—Ср. *Bain.* Logique; t II, p. 16: „Les uniformités de coexistence (indépendantes de la causalité) ne peuvent être prouvées qu'isolemant, et pièce à pièce pour ainsi dire; chacune d'entre elles repose sur son évidence propre; aucune ne peut nous servir à en prouver une autre."

[3]) *Миллъ.* Ibid.; т. II, с. 117; ср. с. 120.—*Bain.* Logique; t. II, p. 23 sq.—*Владиславлевъ.* Логика; с. 190—191.

свойствъ въ предметахъ. [1]) Эти случаи вполнѣ подпадаютъ подъ вышеизложенныя общія соображенія. Выражая дѣйствительное сосуществованіе или скрывая подъ его формою причинную зависимость, являясь основными или производными, признаки предметовъ изучаются при помощи простаго перечисленія. Ихъ взаимное отношеніе опредѣляется главнымъ образомъ этимъ несовершеннымъ методомъ. [2]) А такъ какъ классификація опирается на взаимное отношеніе признаковъ, то *простое перечисленіе* должно, очевидно, служить *пріемомъ*, которымъ пользуются при ея *построеніи*. Намъ остается показать, какъ это дѣлается.

Если главное требованіе при построеніи правильной классификаціи заключается въ томъ, чтобы образуемыя группы были составлены изъ предметовъ, наиболѣе сходныхъ между собою,— если этому требованію должны быть подчинены всѣ другія; то понятно, что методъ простаго перечисленія долженъ прежде всего удовлетворить помянутому требованію. Съ этою цѣлью, обозрѣвая размѣщаемые предметы и сравнивая отдѣльные признаки ихъ между собою, слѣдуетъ останавливаться на тѣхъ изъ нихъ, которые влекутъ за собою наибольшее сходство въ наибольшемъ числѣ другихъ признаковъ. Этой чертѣ нужно отдать преимущество передъ всѣми другими: изъ ряда возможныхъ размѣщеній должно предпочесть то, въ которомъ сходство между предметами обособленныхъ группъ достигаетъ высшаго выраженія. Разумѣется, задача можетъ быть рѣшена только приблизительно. Нельзя опредѣлить съ точностью, какимъ числомъ общихъ сторонъ и какою степенью сходства надѣляетъ группы то или другое распредѣленіе предметовъ: ибо подобное опредѣленіе, если только оно мыслимо вообще, предполагало бы полное и совершенное

---

[1]) *Миллъ.* Система логики; т. II, с. 108; ср. т. I, с. 402.—*Bain.* Logique; t. II, p. 19 sq., 158.—*Taine.* De l'intelligence; t. II, p. 303 sq.

[2]) *Bain.* Logique; t. II, p. 24.—*Миллъ.* Система логики; т. II, с. 114—119. Исключенія, вообще немногочисленныя, составляютъ случаи, въ которыхъ опытъ дѣлаетъ возможнымъ процессъ элиминаціи (напр., въ химіи). Въ дальнѣйшемъ изложеніи мы не будемъ останавливаться на этихъ случаяхъ, такъ какъ соотвѣтственныя оговорки въ текстѣ читатель легко сдѣлаетъ самъ. Другой видъ исключенія составляетъ приложеніе метода сопутствующихъ измѣненій, о чемъ въ своемъ мѣстѣ будетъ сказано особо. См. ниже, гл. VI.

знаніе всѣхъ свойствъ изучаемаго матеріала. Для цѣлей работы достаточно общаго заключенія, что избранная группировка есть та, которая съ разсматриваемой точки зрѣнія лучше другихъ,— въ которой за многими извѣстными свойствами есть основаніе предполагать неопредѣленный рядъ свойствъ, еще не обнаруженныхъ.

Какъ скоро установлены группы, дальнѣйшія усилія должны быть направлены на то, чтобы придать созданному размѣщенію правильную конструкцію,—найти для него надлежащее основаніе. А мы уже знаемъ, каково должно быть это основаніе: признаки, служащіе для обособленія группъ, должны быть *отличительными*, а никакъ не *особенными* и еще менѣе *случайными* свойствами, въ логическомъ значеніи этихъ словъ; они должны быть обусловливающими, а не обусловленными,— основными, а не производными. Тотъ признакъ, который служилъ для первоначальнаго образованія группъ, можетъ и не удовлетворять этому требованію; по крайней мѣрѣ нѣтъ данныхъ утверждать противное. Поэтому, чтобы придать правильную конструкцію обособленнымъ группамъ, нужно произвести предварительную сортировку признаковъ, отдѣливъ основные отъ производныхъ. Съ этою цѣлью изучающій долженъ вновь приложить методъ простаго перечисленія, которымъ пользовался доселѣ, но теперь уже не ко всему размѣщаемому матеріалу, а къ каждой существующей группѣ въ отдѣльности. Онъ долженъ приложить его въ двухъ направленіяхъ, взаимно пополняющихъ и исправляющихъ получаемые выводы.

Вопервыхъ, переходя отъ одного предмета группы къ другому, третьему и т. д. и перебравъ возможно бо́льшее ихъ количество, онъ долженъ отдѣлить признаки неизмѣнные и неподвижные отъ измѣнчивыхъ и колеблющихся,—тѣ, которые во всѣхъ разсмотрѣнныхъ предметахъ повторяются наиболѣе однообразно, отъ тѣхъ, которые не отличаются постоянствомъ. Это отдѣленіе имѣетъ значеніе въ томъ отношеніи, что оно, какъ увидимъ далѣе, даетъ нѣкоторое право искать основныхъ признаковъ только среди первой категоріи, игнорируя вторую; оно, такимъ образомъ, изъ множества признаковъ выдѣляетъ извѣстное число, подлежащее дальнѣйшему наблюденію.

Вовторыхъ, изучающій долженъ испытать выдѣленные указан-

нымъ способомъ признаки наблюденіемъ надъ жизнью отдѣльныхъ предметовъ, составляющихъ группу. Это наблюденіе можетъ доставить ему драгоцѣнныя указанія. Въ большинствѣ случаевъ изучаемые предметы не представляютъ собою чего-либо неподвижнаго во всѣхъ своихъ частяхъ. Напротивъ, они находятся въ процессѣ постояннаго измѣненія, покидая одну фазу существованія и вступая въ другую. Это преемственное слѣдованіе фазъ, которымъ отмѣчена индивидуальная жизнь предметовъ, выражается или въ видоизмѣненіи прежнихъ признаковъ, или въ замѣнѣ ихъ новыми. Присматриваясь къ жизненнымъ процессамъ, совершающимся передъ его глазами, изучающій замѣтитъ, что различные признаки обладаютъ различною подвижностью и, въ связи съ этимъ, различнымъ значеніемъ по сравненію съ другими признаками. Нѣкоторые изъ нихъ отличаются преходящимъ, мимолетнымъ характеромъ. Не говоря уже о видоизмѣненіи, самое появленіе ихъ, равно какъ уничтоженіе, не вызываетъ замѣтныхъ послѣдствій: безъ нихъ, какъ и при нихъ, предметы продолжаютъ свое прежнее существованіе. Другіе признаки обладаютъ большимъ постоянствомъ, не исключающимъ, впрочемъ, нѣкоторыхъ колебаній. Правда, ихъ присутствіе или отсутствіе не создастъ и не разрушитъ предметовъ; однако, оно видимо вліяетъ на ихъ характеръ. Наконецъ, третьи признаки выдѣляются отъ всѣхъ прочихъ наибольшею устойчивостью. Они сопровождаютъ предметы во все продолженіе ихъ существованія, налагая на нихъ тотъ или иной характеръ. Появленіе и исчезновеніе ихъ связано съ появленіемъ или исчезновеніемъ самихъ предметовъ. Среди измѣненій, совершающихся въ послѣднихъ, они составляютъ то относительно неподвижное, что̀ служитъ основою предметовъ,—тѣ послѣдніе устои, на которыхъ покоится ихъ индивидуальное существованіе.

Подмѣтивъ указанныя различія въ признакахъ, изучающій долженъ отдѣлить изъ нихъ наиболѣе устойчивые, чтобы потомъ искать здѣсь признаковъ основныхъ. Смыслъ этого отдѣленія тотъ же, слѣдовательно, что̀ былъ и выше.

Такимъ образомъ, признаки, обособленные первымъ пріемомъ, должны быть испытаны и оправданы вторымъ, или наоборотъ: для существа дѣла это безразлично, а, съ точки зрѣнія удобства, вопросъ рѣшается примѣнительно къ условіямъ даннаго случая.

Какъ читатель видитъ, оба пріема стремятся къ одной и той же цѣли, покоятся на одинаковыхъ основаніяхъ и располагаютъ одинаковыми средствами. Пополняя и поправляя другъ друга, они имѣютъ въ виду обособить въ предметахъ неподвижное отъ колеблющагося,—неизмѣнное отъ измѣнчиваго, въ предположеніи, что первое должно такъ или иначе обусловливать второе; при чемъ оба пользуются методомъ черезъ простое перечисленіе. Различіе между этими пріемами состоитъ въ томъ, что первый изъ нихъ носитъ на себѣ *статическій* характеръ, прилагая методъ перечисленія къ даннымъ стадіямъ изучаемыхъ предметовъ; напротивъ, второй характеризуется *динамическою* чертою, примѣняя тотъ же методъ къ смѣняющимся состояніямъ индивидуальной жизни; первый работаетъ, такъ сказать, въ пространствѣ, второй—во времени. Совокупный результатъ ихъ работы приводитъ къ указанію признаковъ, которые, съ одной стороны, наиболѣе неизмѣнно повторяются въ представителяхъ данной группы, съ другой—составляютъ наиболѣе неизмѣнные элементы каждаго изъ нихъ. Совпаденіе этихъ двухъ условій обезпечиваетъ наибольшую устойчивость и наименьшую подвижность найденныхъ признаковъ по сравненію со всѣми другими. Они, поэтому, съ полнымъ правомъ могутъ быть названы признаками *статическими*; при чемъ статическій характеръ служитъ указаніемъ, что именно среди нихъ нужно искать основныхъ признаковъ. «Повсюду, гдѣ можно провести раздѣляющую черту между признаками устойчивыми и подвижными, мы можемъ назвать первые свойствами отличительными, а вторые простыми разновидностями. Такъ, въ многочисленныхъ видахъ животныхъ или растеній цвѣтъ подвергается замѣтнымъ, хотя и ограниченнымъ видоизмѣненіямъ. Размѣры живыхъ существъ могутъ также сильно измѣняться. Равнымъ образомъ, степень какого-либо качества,—силы или сметливости животнаго,—могутъ быть различны. Но ткани, органы, строеніе—представляютъ признаки постоянные на протяженіи значительнаго числа поколѣній», не говоря уже о постоянствѣ ихъ въ отдѣльныхъ особяхъ. [1])

---

[1]) *Bain.* Logique; t. II, p. 282—283.—*Comte.* Cours de philosophie positive: t. III, p. 211: „En tout genre, les phénomènes plus généraux dominent cons-

Но что же даетъ намъ право считать статическіе признаки основными или, по крайней мѣрѣ, думать, что среди нихъ нужно искать этихъ послѣднихъ?

Какъ извѣстно, явленій безпричинныхъ нѣтъ. Поэтому, измѣненія, наблюдаемыя въ отдѣльныхъ признакахъ, служатъ безспорнымъ указаніемъ на дѣйствіе какой-либо причины, послѣдствіемъ которой они являются. Это прямой выводъ изъ закона причинной связи [1]. Стало-быть, если данный признакъ подвергается измѣненіямъ, мы имѣемъ полное основаніе думать, что онъ чѣмъ-либо и какъ-либо обусловленъ. Открыть непосредственно обусловливающій факторъ методомъ простаго перечисленія невозможно; а, вслѣдствіе множественности и взаимной связанности признаковъ, точные методы къ нимъ не приложимы, хотя мы имѣемъ здѣсь передъ собою несомнѣнное выраженіе причинной зависимости. Но, не опредѣляя и не распутывая сложной связи отдѣльныхъ признаковъ между собою, мы можемъ увѣренно утверждать, что каждый измѣняющійся признакъ есть, по тому самому, обусловленный и производный. Въ цѣляхъ же построенія классификаціи этого заключенія уже достаточно, чтобы, при организаціи группъ, не останавливаться на подвижныхъ признакахъ, если рядомъ съ ними существуютъ признаки устойчивые, которые, какъ сейчасъ увидимъ, даютъ основаніе для обратныхъ заключеній.

---

tamment ceux qui le sont moins". И въ другомъ мѣстѣ, p. 399: ... „la principale règle destinée à faire apprecier, du moins par la voie empirique la vraie valeur fondamentale des diverses caractères, d'après leur persévérance plus ou moins profonde et plus ou moins prolongée dans l'ensemble des espèces".— *Taine.* De l'intelligence; t. II, p. 256: „Les caractères généraux sont non-seulement les habitants les plus répandus, mais encore les acteurs les plus importants de la nature; outre la plus large place, ils ont sur la scène de l'être le premier rôle et la plus décisive action."—См. также: *Уэвель.* Исторія индуктивныхъ наукъ; т. III, с. 258—260.—*Ушинскій.* Человѣкъ, какъ предметъ воспитанія; т. I, с. 303.—*Владиславлевъ.* Логика: с. 48 sq., 57.—*Каринскій.* Классификація выводовъ; с. 126.

[1]) *Владиславлевъ.* Логика: с. 194.—*Миль.* Система логики; т. II, с. 115—116: „Свойства, измѣняющіяся отъ одной особи къ другой, обыкновенно также болѣе или менѣе измѣняются въ различное время въ одной и той же особи. А это измѣненіе, подобно всякому другому событію, предполагаетъ причину"...

Неподвижное существованіе признака можетъ указывать или на то, что мы имѣемъ дѣло съ независимымъ и въ этомъ смыслѣ первоначальнымъ факторомъ предмета, или на то, что передъ нами его неизмѣнный спутникъ, прямо или посредственно связанный съ нимъ. Другими словами, неподвижное состояніе можетъ быть или самостоятельное, или производное, обусловленное особымъ образомъ. При взаимной связи признаковъ, въ первомъ случаѣ слѣдуетъ видѣть ихъ причину, во второмъ—ея неотдѣлимое послѣдствіе. Это обратный выводъ изъ закона причинности. Прилагая его къ обсуждаемому вопросу, мы получимъ слѣдующую альтернативу: найденные устойчивые признаки могутъ быть или первоначальными и независимыми факторами предметовъ, подчиняющими себѣ другіе признаки, или явленіями производными, порожденными общими неизвѣстными причинами. На вопросъ, что же такое въ дѣйствительности каждый подобный признакъ, методъ простаго перечисленія не способенъ отвѣтить; а точные методы не могутъ имѣть здѣсь мѣста, ибо передъ нами—явленія статическія, не сводимыя или, по крайней мѣрѣ, не сведенныя на явленія сопослѣдованія. Поэтому, за отсутствіемъ спеціальныхъ указаній, мы должны довольствоваться общимъ заключеніемъ, что въ неподвижныхъ факторахъ предметовъ мы имѣемъ дѣло съ признаками основными [1]). Однако, это общее заключеніе въ примѣненіи къ отдѣльнымъ признакамъ является только болѣе или менѣе вѣроятнымъ. Мы должны быть готовы отказаться отъ него во всякую минуту, какъ скоро находимъ основаніе думать обратное. Какъ бы ни былъ неизмѣнно-всеобщъ тотъ или другой признакъ, мы должны, не задумываясь, относить его къ категоріи производныхъ, если окажется, что хотя въ одномъ предметѣ группы онъ отсутствуетъ или подвергается измѣненію. Иногда, среди такъ называемыхъ случайныхъ признаковъ (accidentia), мы дѣлаемъ это даже на основаніи аналогіи съ другими группами: если данный постоянный признакъ группы соотвѣтствуетъ призна-

---

[1]) Ср. *Льюисъ.* Вопросы о жизни и духѣ; т. I, с. 92.—*Милль.* Система логики; т. II, с. 114—115: „Насколько свойства вещи принадлежатъ къ ея природѣ и не порождаются какою-либо внѣшнею ей причиной, они всегда одни и тѣ же въ томъ же отдѣлѣ“, и т. д.

камъ, несомнѣнно производнымъ въ другихъ группахъ, мы относимъ его также къ производнымъ, какъ это, напр., имѣетъ мѣсто въ извѣстномъ, уже цитированномъ нами, случаѣ съ цвѣтомъ лебедей и вороновъ.

Такимъ образомъ, двоякое приложеніе метода черезъ простое перечисленіе приводитъ насъ къ общимъ заключеніямъ, которыми мы можемъ воспользоваться при построеніи классификаціи: устраняя признаки производные, мы должны выбирать для обособленія группъ признаки статическіе, которые, подъ нѣкоторыми оговорками, мы имѣемъ право считать основными. Поскольку мы вынуждены довольствоваться упомянутымъ методомъ, мы не въ силахъ придти къ заключеніямъ болѣе точнымъ. Между прочимъ, именно это обстоятельство побудило насъ выше смягчить выраженія Милля, замѣняя, въ приведенномъ отрывкѣ, термины «причина» и «слѣдствіе» словами: «основное» и «производное», «обусловливающее» и «обусловленное». При этой замѣнѣ мы имѣли въ виду, что статическіе признаки, вліяя на прочіе, сами могутъ быть лишь передаточными инстанціями посторонняго вліянія неизвѣстныхъ причинъ, не говоря уже о томъ, что въ огромномъ большинствѣ случаевъ взаимная связь между отдѣльными признаками не поддается точному опредѣленію.

Отыскавъ признаки основные, намъ остается, ради обособленія группъ, произвести послѣдній выборъ между ними, ибо ихъ можетъ быть также нѣсколько. Мы уже знаемъ, что выборъ этотъ дѣлается на основаніи наибольшей наглядности, что, съ точки зрѣнія пріемовъ работы, не требуетъ,—полагаемъ,—ближайшаго разсмотрѣнія.

Теперь время резюмировать наши выводы.

Отправляясь отъ цѣлей, достигаемыхъ классификаціею, мы нашли, что отдѣльныя ея группы должны быть обособляемы по наибольшему сходству предметовъ между собою. Это требованіе, которому должны быть подчинены всѣ другія, приводитъ къ установленію такъ-называемыхъ *естественныхъ группъ*, составные элементы которыхъ обладаютъ или неопредѣленнымъ множествомъ, или наибольшимъ числомъ общихъ признаковъ. Отсюда слѣдуетъ, что основаніемъ обособленія группъ могутъ служить только при-

знаки, сходство въ которыхъ сопровождается высшимъ выраженіемъ подобія въ самихъ предметахъ. Но такъ какъ такихъ признаковъ можетъ быть много, то предпочтеніе тому или другому изъ нихъ слѣдуетъ отдавать на основаніи взаимнаго отношенія ихъ между собою, т. е. на основаніи ихъ *природы*. Съ этой точки зрѣнія, безспорнымъ преимуществомъ должны пользоваться *основные признаки*, такъ или иначе, прямо или посредственно, обусловливающіе другіе признаки. Но основныхъ признаковъ также можетъ быть нѣсколько, или даже много. За отсутствіемъ различія въ ихъ природѣ, выборъ опредѣляется *техническими* условіями классификаціи, какъ пріема изученія: предпочитаются признаки наиболѣе *наглядные*. Это техническое условіе настолько важно, что въ случаяхъ, когда основные признаки являются внутренними или вообще скрытыми, приходится замѣнять ихъ наглядными производными, которые, неизмѣнно сопутствуя первымъ, служатъ ихъ *показателями*.

Переходя къ вопросу о *пріемахъ построенія* классификаціи, мы нашли, что ея особливымъ, хотя и невольнымъ, вниманіемъ пользуется *методъ черезъ простое перечисленіе*, такъ какъ взаимное отношеніе признаковъ, на которое опирается всякое размѣщеніе, есть по преимуществу вопросъ статическій. Разсматривая примѣненіе этого метода къ удовлетворенію вышеупомянутыхъ требованій построенія, мы остановились подробно на способѣ выдѣленія основныхъ признаковъ; при чемъ указали, что простое перечисленіе прилагается здѣсь въ *статическомъ* и *динамическомъ* направленіяхъ: опредѣляются признаки наиболѣе неизмѣнные въ представителяхъ группы и наиболѣе постоянные въ каждомъ изъ нихъ. Это даетъ достаточное основаніе считать выдѣленные признаки основными, до тѣхъ поръ пока не будетъ доказанъ, несомнѣннымъ образомъ, ихъ производный характеръ.

ГЛАВА ПЯТАЯ.

Взаимное отношеніе группъ.

А) *Параллельныя группы*, производимыя дѣленіемъ.—Соотвѣтствіе обособляющихъ признаковъ, какъ основное начало дѣленія.—Два вытекающихъ отсюда дополнительныхъ правила.—Раздвояющаяся классификація.—Переходныя явленія и группы.—Б) *Высшія и низшія группы, роды и виды.* — Ихъ взаимная зависимость въ обособляющихъ признакахъ и составѣ.—Отношеніе обособляющихъ признаковъ къ своимъ группамъ и къ обособляемымъ предметамъ.—Особенности крайнихъ группъ.—а) *Крайнія высшія группы или роды*, въ частныхъ и всеобщей классификаціяхъ.—Связь частныхъ классификацій со всеобщею.—Порядокъ построенія.—б) *Крайнія низшія группы или виды.*—Фактическія и методологическія границы классификаціи.—Выводы.

Въ предшествовавшей главѣ мы ознакомились со строеніемъ и обособленіемъ отдѣльныхъ группъ правильной классификаціи. Намъ предстоитъ теперь остановиться на анализѣ *взаимнаго ихъ отношенія.* Эта въ высшей степени важная сторона дѣла, еще не затронутая нами, сводится къ вопросу о *взаимномъ* отношеніи *обособляющихъ* признаковъ: въ данномъ случаѣ говорить объ этихъ послѣднихъ, очевидно, то-же, что говорить о группахъ, обособленіе которыхъ состоитъ, какъ мы видѣли, именно въ размѣщеніи предметовъ на основаніи помянутыхъ признаковъ. Слѣдуетъ замѣтить вообще, что, играя рѣшающую роль при построеніи классификаціи, обособляющіе признаки, естественно, служатъ центромъ, вокругъ котораго располагаются важнѣйшіе вопросы изучаемой нами логической операціи.

Приступая къ анализу взаимнаго отношенія группъ, вновь предположимъ, что мы имѣемъ передъ собою правильно построенную

классификацію, размѣщающую изслѣдуемый матеріалъ съ соблюденіемъ всѣхъ логическихъ требованій. Обыкновенно правильная классификація распредѣляетъ предметы на нѣсколько основныхъ группъ, которыя распадаются. въ свою очередь, на меньшія производныя, съ ихъ дальнѣйшими подраздѣленіями. Такимъ образомъ, съ точки зрѣнія взаимнаго положенія, одинъ изъ группъ ставятся рядомъ въ видѣ самостоятельныхъ частей общаго цѣлаго, тогда какъ другія помѣщаются надъ ними, въ видѣ составныхъ частей, слагающихъ первыя: каждая группа въ отдѣльности имѣетъ своихъ сосѣдей, вмѣстѣ съ которыми образуетъ высшую, болѣе обширную группу. При подобномъ строеніи классификаціи общій вопросъ о взаимномъ отношеніи группъ самъ собою раздѣляется на два частныхъ: взаимное отношеніе *рядомъ стоящихъ* или *параллельныхъ группъ* составляетъ вопросъ, отдѣльный отъ вопроса о взаимномъ отношеніи *высшихъ группъ* къ *низшимъ*,—*родовъ* къ *видамъ*. Поэтому, каждый изъ этихъ вопросовъ долженъ подлежать особому обсужденію.

А) **Параллельныя группы.** Отличительною чертою параллельныхъ группъ служитъ *одинаковое положеніе*, занимаемое ими въ классификаціи. Это указываетъ на одинаковое ихъ значеніе,—на то, что всѣ онѣ имѣютъ нѣчто такое, что̀ уравниваетъ ихъ между собою и позволяетъ ставить рядомъ, въ качествѣ величинъ одного и того-же порядка. Въ противномъ случаѣ не было-бы причины наблюдать градацію между группами, различая среди нихъ высшія отъ низшихъ: напротивъ, было-бы проще и, потому, цѣлесообразнѣе размѣщать всѣ группы данной классификаціи другъ возлѣ друга. Если, однако, не дѣлаютъ этого, то, конечно, не безъ достаточныхъ основаній.

Одинаковое значеніе и, какъ его послѣдствіе, параллельное положеніе группъ обусловливаются тѣмъ, что группы, поставляемыя рядомъ, являются въ логическомъ смыслѣ равными частями одного цѣлаго. Ихъ равенство выражается не въ томъ, что онѣ обнимаютъ одинаковое число предметовъ, — обстоятельство, которое не можетъ быть повѣрено при неопредѣленномъ количественномъ составѣ группъ и не имѣетъ особаго значенія въ логическомъ отношеніи. Равенство состоитъ въ томъ, что группы обособляются на *равныхъ* основаніяхъ, — что онѣ являются результатами

одного дѣленія, опирающагося на *разновидности* общаго признака. Что это значитъ?—Для уясненія дѣла, мы должны обратиться къ *логическому дѣленію*, составляющему одинъ изъ пріемовъ классификацій. [1])

Раздѣлить въ логическомъ смыслѣ значитъ различить, при чемъ нѣтъ надобности, чтобы различеніе сопровождалось дѣйствительнымъ раздѣленіемъ. Съ логической точки зрѣнія царства животныхъ, растеній и минераловъ почитаются раздѣленными, хотя въ дѣйствительности предметы этихъ царствъ перемѣшаны самымъ прихотливымъ образомъ. Логическое дѣленіе исполнено, какъ скоро раздѣляемые предметы отличены другъ отъ друга; оно вполнѣ окончено, если установленно опредѣленное различіе между обособленными частями цѣлаго. Припомнимъ теперь, что установленіе различія непремѣнно предполагаетъ нѣкоторое сходство въ различаемомъ, что оно возможно только среди величинъ подобныхъ и немыслимо тамъ, гдѣ имѣютъ дѣло съ элементами несоизмѣримыми [2]). Примемъ, далѣе, въ соображеніе, что группы обособляются на основаніи отдѣльныхъ признаковъ, которыми характеризуются наполняющіе ихъ предметы. Сблизивъ эти положенія, установленныя предыдущимъ изложеніемъ, мы придемъ къ неизбѣжному заключенію, что параллельныя группы, представляя собою части одного цѣлаго, должны обладать подобіемъ обособляющихъ признаковъ, ибо безъ этого самое обособленіе ихъ было бы невозможно: чтобы дѣлить предметы по признакамъ, эти послѣдніе должны различаться другъ отъ друга; а чтобы различаться, они должны въ какомъ-либо отношеніи походить другъ на друга,—имѣть между собою что-либо общее. Но имѣть общее и въ то же время различаться значитъ представлять собою разновидности чего-либо третьяго, т. е. его видоизмѣненія или модификаціи. Поэтому, отвѣчая своему назначенію, обособляющіе при-

---

[1]) *Bain*. Logique; t. II, p. 289: „Les règles à donner pour la division, considérée comme un procédé logique, sont les règles de la classification, dont la division n'est qu'une forme".—*Ibid.*; p. 291: „La véritable importance de ces règles est leur rapport avec la classification. Si l'on poursuit d'autres buts, elles sont vaines et même erronées".—Ср. *Владиславлевъ*. Логика; с. 83.

[2]) См. выше, гл. II, с. 37 sq..

знаки параллельныхъ группъ должны быть *разновидностями* одного и того же высшаго признака, принадлежащаго всѣмъ дѣлимымъ предметамъ. [1]) Разсматриваемые съ точки зрѣнія взаимнаго сходства, они должны характеризоваться, какъ признаки *соотвѣтственные*, т. е. такіе, которые, не взирая на различіе, пріурочены къ одному общему признаку. Напротивъ, съ точки зрѣнія взаимнаго различія, они должны представляться признаками *исключающими другъ друга*, т. е. такими, которые, не смотря на сходство, не могутъ существовать совмѣстно въ однихъ и тѣхъ же предметахъ, ибо являются отдѣльными модификаціями высшаго третьяго. [2]) Обращаясь къ частнымъ случаямъ, нетрудно повѣрить правильность этихъ общихъ заключеній. Раздѣляя, напр., государства на монархіи, аристократіи и демократіи, мы принимаемъ за основаніе дѣленія видоизмѣненія одного общаго признака, характеризующаго природу государства въ отличіе отъ другихъ общежительныхъ союзовъ. Обособляющіе признаки являются, съ одной стороны, соотвѣтственными, съ другой,—исключающими другъ друга: общее и соотвѣтственное между ними—верховная власть, особенное и исключительное—ея строеніе или составъ. Или, относя сознательные поступки человѣка къ добрымъ, злымъ и безразличнымъ, мы опираемся въ установленіи этихъ группъ на различное нравственное достоинство дѣйствій. Общее раздѣляющихъ признаковъ заключается въ нравственномъ характерѣ, которымъ от-

---

[1]) Ср. *Ueberweg.* System der Logik; S. 135.—Этотъ высшій признакъ логики Аристотелевой школы называли fundamentum divisionis.

[2]) Начало соотвѣтствія, или взаимнаго исключенія, обособляющихъ признаковъ составляетъ основаніе логическаго дѣленія. Какъ одно изъ правилъ этого послѣдняго, оно формулируется обыкновенно такъ: „части должны противополагаться другъ другу, т. е. взаимно исключаться". Поясняя обычную формулу, Бэнъ говоритъ: „Правило рекомендуетъ, чтобы дѣленіе было произведено по одному плану, съ одною и тою же цѣлью,—такъ, чтобы части исключали другъ друга. Мы дѣлимъ армію на пѣхоту, кавалерію и артиллерію, или на офицеровъ и солдатъ, но никакъ не на пѣхоту и офицеровъ". См. Logique; t. II, p. 290—291. Какъ видитъ читатель, самое правило формулируется недостаточно опредѣлено и точно: открытымъ остается вопросъ о взаимно исключающихся противоположностяхъ. Что касается до поясненія, то въ немъ, какъ и въ правилѣ, есть лишь нѣкоторыя указанія на правильное разрѣшеніе вопроса. – Ср. также: *Владиславлевъ.* Логика; с. 84.

мѣчены сознательныя дѣйствія; особенное — въ спеціальномъ видѣ этого характера. И сколько-бы мы ни брали отдѣльныхъ случаевъ логическаго дѣленія, мы вездѣ встрѣтимся съ основнымъ началомъ соотвѣтствія или взаимнаго исключенія, хотя не вездѣ одинаково легко обнаружить его присутствіе,—тѣмъ болѣе, что оно, какъ увидимъ ниже, является иногда въ скрытой формѣ [1]). Впрочемъ, выслѣживать это начало въ двоякомъ проявленіи соотвѣтствія и исключенія,—разсматривать обособляющіе признаки одновременно и со стороны ихъ взаимнаго сходства, и со стороны ихъ взаимнаго различія, кажется намъ излишнимъ, подобно тому какъ выше [2]) мы находили излишнимъ характеризовать подобіе одновременно и по сходству, и по различію подобныхъ предметовъ: одна точка зрѣнія непремѣнно предполагаетъ другую. Рѣшительно все равно, скажемъ-ли мы, что обособляющіе признаки должны быть соотвѣтственными, или, наоборотъ, будемъ утверждать, что они должны исключать другъ друга, чтобы удовлетворять условіямъ логическаго дѣленія. Тою и другою формулою можно пользоваться съ одинаковымъ основаніемъ, такъ какъ обѣ онѣ представляютъ различное выраженіе *одного* требованія. Поэтому, повѣряя дѣленіе, достаточно обращать вниманіе или на соотвѣтствіе обособляющихъ признаковъ, или на ихъ взаимное исключеніе, смотря потому, что̀ удобнѣе въ данномъ случаѣ. Дѣленіе слѣдуетъ признавать всякій разъ правильнымъ въ разсматриваемомъ отношеніи, какъ скоро оно удовлетворяетъ одному изъ этихъ условій, ибо въ такомъ случаѣ оно непремѣнно удовлетворяетъ и другому. По той же причинѣ, говоря о взаимномъ отношеніи признаковъ обособленія, нѣтъ надобности указывать постоянно на оба условія; въ интересѣ краткости, можно довольствоваться однимъ изъ нихъ, чѣмъ мы и воспользуемся въ дальнѣйшемъ изложеніи.

Начало соотвѣтствія обособляющихъ признаковъ составляетъ *основное правило* логическаго дѣленія. Вытекая изъ свойствъ на-

---

[1]) Примѣры наглядпаго соблюденія этого правила можно найти у *Джевонса*, въ параграфѣ, посвященномъ „раздвоющейся классификаціи“. Основы науки; с. 647—648.

[2]) См. выше, гл. II, с. 46.

шего разума, оно является безусловнымъ требованіемъ, нарушеніе котораго дѣлаетъ невозможнымъ самое дѣленіе. Чтобы убѣдиться въ этомъ, возьмемъ нѣсколько искусственныхъ примѣровъ, въ которыхъ игнорировалось бы обсуждаемое правило: въ этихъ отрицательныхъ условіяхъ сила и значеніе его обнаруживаются съ наибольшею яркостью. Попробуемъ къ тройственному дѣленію государствъ на монархіи, аристократіи и демократіи присоединить четвертую группу теократій, какъ это иногда дѣлаютъ писатели по государственному праву. Такое присоединеніе тотчасъ же лишаетъ возможности видѣть въ сопоставленныхъ группахъ результаты одного дѣленія, именно потому, что обособляющіе признаки первыхъ трехъ группъ не имѣютъ ничего общаго съ таковымъ же признакомъ послѣдней группы: тамъ обособленіе покоится на строеніи власти, здѣсь—на особенномъ религіозномъ ея характерѣ въ глазахъ населенія. Очевидно, что, при отсутствіи всякой общности между этими признаками, раздѣленіе ихъ другъ отъ друга совершенно не мыслимо, ибо раздѣлять можно только то, что̀ какимъ-либо образомъ соединено, а здѣсь передъ нами явленія не только далекія между собою, но несоизмѣримыя. Мы уже не станемъ распространяться о томъ, что по отсутствію подобія между признаками сравненіе группъ, поскольку оно зависитъ отъ размѣщенія, а не отъ счастливой случайности, становится безплоднымъ, что̀ въ свою очередь дѣлаетъ самое обособленіе безцѣльнымъ. [1]) Не станемъ останавливаться и на томъ, что одни и тѣ же явленія могутъ входить здѣсь одновременно въ составъ различныхъ группъ,—что монархіи и аристократіи, напр.,

[1]) Ср. гл. II, с. 67. Если сравненіе монархій, аристократій и демократій съ теократіями можетъ привести къ нѣкоторымъ выводамъ, то имп оно будетъ обязано подобію признаковъ, не находящемуся въ связи съ обособленіемъ. Съ точки зрѣнія пріемовъ изученія, это будетъ, какъ мы сказали, счастливою случайностью, и не болѣе. Можно, напр., придти къ ряду заключеній, сравнивая теократіи, какъ установленія религіознаго характера, съ формами свѣтскаго государства; но эти заключенія явятся слѣдствіемъ противоположенія свѣтскаго типа власти религіозному, что̀ уже предполагаетъ совершенно правильное дѣленіе, съ соблюденіемъ соотвѣтствія признаковъ. Прежнее же обособленіе, нарушавшее это требованіе, будетъ тутъ непричемъ. Точно такая-же оговорка относится и къ дальнѣйшимъ примѣрамъ въ текстѣ.

могутъ быть въ то же время теократіями; а это, конечно, несовмѣстно съ правильнымъ дѣленіемъ.—Возьмемъ случаи болѣе элементарные, въ которыхъ значеніе начала соотвѣтствія признаковъ выступаетъ наглядно. Возможно ли, напр., дѣлить людей на «бѣлокурыхъ» и «горбатыхъ», или животныхъ—на «позвоночныхъ» и «уродливыхъ»? Мыслимо-ли подобное дѣленіе даже и въ томъ случаѣ, если бы всѣ бѣлокурые не имѣли горбовъ, и только одни позвоночныя, по за-то безъ всякаго исключенія, обладали красотой?—Разумѣется, и невозможно, и немыслимо. Мы не въ состояніи даже представить себѣ, какъ отдѣлять цвѣтъ волосъ отъ горба или красоту отъ позвонковъ, ибо въ нашихъ глазахъ между этими признаками нѣтъ ничего общаго. Раздѣленіе, какъ мы уже сказали, непремѣнно предполагаетъ различеніе, а различеніе—подобіе или, что то же, соотвѣтствіе. Безъ этого никакое дѣленіе невозможно; а этого нѣтъ въ приведенныхъ примѣрахъ. Поэтому, группы «бѣлокурыхъ» и «горбатыхъ» никакъ нельзя считать результатами одного дѣленія, точно такъ же какъ и группы «позвоночныхъ» и «уродливыхъ». Каждая изъ этихъ группъ предполагаетъ свое спеціальное дѣленіе и потому имѣетъ свои собственныя параллельныя группы. Группа «бѣлокурыхъ» предполагаетъ группу «темнокурыхъ» и является послѣдствіемъ дѣленія людей по цвѣту волосъ; группа «позвоночныхъ» противополагается группѣ «безпозвоночныхъ» и опирается на дѣленіе животныхъ по строенію, и т. д. Допущенное нами сопоставленіе этихъ группъ есть не болѣе, какъ искусственное, произвольное сближеніе результатовъ спеціальныхъ дѣленій, произведенныхъ ранѣе. Въ этомъ сближеніи группы являются не частями одного цѣлаго, а обрывками самостоятельныхъ обособленій,—уединенными классами различныхъ классификацій. Даже при полномъ совпаденіи сближаемыхъ группъ, которое мы допустили, каждая изъ нихъ обязана существованіемъ своему особому дѣленію. Если бы, въ самомъ дѣлѣ, всѣ «горбатые» были «темнокурыми» и всѣ «безпозвоночныя» — уродливыми, то и тогда первые противополагались бы «негорбатымъ», а послѣднія—«красивымъ», но никакъ не «бѣлокурымъ» и не «позвоночнымъ». [1])

---

[1]) Ср. *Bain.* Logique; t. I, p. 99.

Послѣдній случай совпаденія группъ, не смотря на различіе дѣленій, проводящихъ однѣ и тѣ же линіи по дѣлимому матеріалу, можетъ подать поводъ къ ошибкѣ. Такъ какъ совпадающія группы, хотя бы и различныя по своимъ обособляющимъ признакамъ, способны замѣщать другъ друга, какъ величины равныя, то можетъ случиться, что совершенно правильное дѣленіе, вслѣдствіе такого замѣщенія, покажется съ перваго взгляда отступающимъ отъ требованія соотвѣтствія, являющагося здѣсь въ *скрытой* формѣ. Дѣленіе животныхъ, напр., на однокопытныя и жвачныя страдаетъ, повидимому, отсутствіемъ соотвѣтствія между обособляющими признаками; а, между тѣмъ, оно правильно, потому что всѣ жвачныя—двукопытны и всѣ однокопытныя не отрыгаютъ жвачки. [1]) Тѣмъ же недостаткомъ страдаетъ и другое дѣленіе животныхъ на теплокровныхъ и кольчатыхъ; но этотъ недостатокъ внѣшній, кажущійся, ибо въ дѣйствительности всѣ теплокровныя пекольчаты и всѣ кольчатыя имѣютъ холодную кровь. [2]) Подобнаго рода дѣленія, составляя, впрочемъ, всегда исключенія, обусловливаемыя спеціальными причинами, правильны, потому что они лишь по виду нарушаютъ логическое требованіе, подставляя одни признаки на мѣсто другихъ; въ сущности же они всегда скрыто предполагаютъ соотвѣтствіе, какъ непремѣнное требованіе, не терпящее никакихъ уклоненій.

Строгое проведеніе начала соотвѣтствія обособляющихъ признаковъ вызываетъ установленіе *двухъ другихъ правилъ* логическаго дѣленія, соблюдаемыхъ всякою правильною классификаціей. Если подъ соотвѣтственными признаками разумѣются разновидности одного общаго признака, то само собою ясно, что при раздѣленіи даннаго матеріала должны быть приняты во вниманіе всѣ существующія въ немъ разновидности; иначе, дѣленіе не захватитъ всего дѣлимаго. Поэтому, параллельныхъ группъ должно быть столько, сколько насчитывается разновидностей признака, положеннаго въ основу дѣленія; при этомъ каждая группа должна содержать въ себѣ всѣ предметы, отмѣченные обособляющею ее разновидностью. Организованныя такимъ образомъ, группы, взя-

[1]) *Джевонсъ.* Основы науки; с. 636.

[2]) *Спенсеръ.* Основанія психологіи; т. III, ч. VI., с.77.

тыя вмѣстѣ, будутъ обнимать собою весь размѣщаемый матеріалъ, не выходя за его предѣлы, но и не пропуская ничего; каждая группа въ отдѣльности будетъ заключать въ себѣ только особый видъ этого матеріала, при чемъ одинъ и тотъ же предметъ не можетъ быть относимъ къ различнымъ группамъ. Говоря иначе, правильное дѣленіе требуетъ, чтобы, во 1-хъ, каждая часть была *менѣе* цѣлаго и, во 2-хъ, всѣ части, вмѣстѣ взятыя, *равнялись* дѣлимому. Эти требованія и составляютъ два другихъ дополнительныхъ правила дѣленія, о которыхъ мы упомянули нѣсколькими строками выше. [1]) При соблюденіи начала соотвѣтствія обособляющихъ признаковъ и связанныхъ съ нимъ дополнительныхъ правилъ, параллельныя группы, взаимно исключая другъ друга, будутъ удовлетворять всѣмъ условіямъ правильнаго дѣленія. «Позвоночныя раздѣляются на четыре класса: рыбъ, пресмыкающихся, птицъ и млекопитающихъ. Очевидно, что каждое подраздѣленіе менѣе дѣлимаго, что всѣ они равны цѣлому и что, наконецъ, каждое изъ нихъ исключаетъ другія. Если бы дѣленіе не удовлетворяло одному изъ этихъ требованій, оно было бы неправильно. Площадь, занимаемая подраздѣленіями, есть именно та, которую занимаетъ цѣлое; ничто не должно быть опущено и, съ другой стороны, ничто не должно повторяться два раза.» [2]) «Душа, во всей совокупности своихъ проявленій, можетъ быть раздѣлена на три способности: чувствованія, волю и разумъ. Эти способности, согласно правиламъ, исчерпываютъ всѣ силы души, не выходя за ея область, и взаимно исключаютъ другъ друга. Такимъ-же образомъ, анализъ приводитъ къ признанію въ разумѣ основныхъ способностей различенія, уподобленія и памяти. Эти

---

[1]) Ср. *Уэтли.* Основанія логики; с. 238.—*Ueberweg.* System der Logik: S. 135, 140.—*Bain.* Logique; t. II, p. 290 sq.—Вслѣдъ за Гамильтономъ, Бэнъ присоединяетъ къ указаннымъ правиламъ еще одно, согласно которому обособленіе должно опираться на признаки основные, „существенные“, а не производные. Мы не слѣдуемъ здѣсь за Гамильтономъ и Бэномъ, во 1-хъ, потому, что это—требованіе классификаціи, а не дѣленія, составляющаго только одинъ изъ ея пріемовъ; во 2-хъ, потому, что объ этомъ требованіи мы уже подробно говорили въ своемъ мѣстѣ, разсматривая обособленіе отдѣльныхъ группъ. См. выше, гл. IV, с. 109 sq.

[2]) *Bain.* Logique; t. II, p. 291.

три функціи должны содержать въ себѣ все, что̀ составляетъ разумъ, и каждая изъ нихъ не должна заключать ничего, что̀ въ то же время принадлежало бы другимъ. Старое исчисленіе способностей разума,—память, разумѣніе, отвлеченіе, разсудокъ, сужденіе, воображеніе,—не есть логическое дѣленіе. Нельзя сказать, что оно обнимаетъ весь разумъ и ничего кромѣ разума; съ другой стороны, части этого дѣленія не исключаются взаимно; память, напр., имѣетъ въ себѣ составные элементы другихъ способностей». [1])

Требованіе, чтобы число параллельныхъ группъ равнялось числу разновидностей признака, положеннаго въ основу дѣленія, можетъ имѣть въ практическомъ приложеніи нѣкоторыя *невыгодныя* послѣдствія. Если помянутыхъ разновидностей много, дѣленіе принимаетъ слишкомъ дробный характеръ, а самая классификація—видъ, мало отвѣчающій цѣлямъ изученія: многочисленность параллельныхъ группъ, съ одной стороны, осложняетъ задачу сравненія ихъ между собой, а съ другой,—затрудняетъ распредѣленіе предметовъ по категоріямъ; въ свою очередь, какъ первое, такъ и второе влечетъ за собою многія другія неудобства. Наоборотъ, чѣмъ меньше группъ, тѣмъ выгоднѣе обставлено изученіе. Въ этомъ отношеніи въ самыхъ благопріятныхъ условіяхъ находится изслѣдователь, имѣющій передъ собою только двѣ группы: ни сравненіе ихъ, ни размѣщеніе отдѣльныхъ предметовъ не представляютъ здѣсь тѣхъ трудностей, какія приходится одолѣвать въ другихъ случаяхъ. Эти безспорныя выгоды парнаго дѣленія дали поводъ нѣкоторымъ писателямъ утверждать, что наплучшею съ научной точки зрѣнія является *раздвояющаяся* классификація, которая, поэтому, должна быть признана типомъ правильнаго размѣщенія предметовъ. [1]) Слѣдуетъ, однако, замѣтить, что такая клас-

---

[1]) *Bain.* Logique; t. II, p. 293.

[2]) Изъ писателей, ближайшихъ къ намъ по времени, за раздвояющуюся классификацію, или дихотомію, высказываются: І. Бентамъ, Д. Бентамъ, Джевонсъ. По мнѣнію послѣдняго, основанія такой классификаціи были даны въ знаменитомъ деревѣ Порфирія, называвшемся также Рамусовымъ, ибо Рамусъ настойчиво указывалъ на логическую важность дихотоміи. См. подробности о раздвояющейся классификаціи у *Джевонса*: Основы науки; с. 647—650; 654—656.

сификація возможна только тамъ, гдѣ пàрное дѣленіе обусловливается свойствами дѣлимаго, т.-е. гдѣ существуетъ лишь двѣ разновидности признака, взятаго въ основу дѣленія: тамъ она, дѣйствительно, представляется не только наилучшею, но и единственно возможною. Во всѣхъ другихъ случаяхъ,—а таковыхъ большинство,—раздвояющаяся классификація должна быть отвергнута, какъ пріемъ искусственный, или искажающій природу изучаемыхъ явленій, или совершенно безплодный.[1]) Возможно ли, въ самомъ дѣлѣ, пàрно раздѣлить способности нашей души или нашего разума, когда и тѣхъ, и другихъ насчитывается по три? Или, какъ пàрно раздѣлить цвѣта, не распредѣляя ихъ произвольно и не насилуя характера дѣлимаго? Мы уже не говоримъ о другихъ важныхъ неудобствахъ раздвояющейся классификаціи, признаваемыхъ самими ея защитниками. [2]) Если, дѣйствительно, многочисленность параллельныхъ группъ приводитъ къ серьезнымъ затрудненіямъ, то это все же не даетъ права употреблять пріемъ, искажающій изучаемый матеріалъ. Къ тому же, упомянутыя затрудненія въ нѣкоторой степени устраняются правильнымъ взаимнымъ расположеніемъ группъ, при которомъ сравненіе можетъ быть ограничено сопоставленіемъ смежныхъ классовъ, наиболѣе сходныхъ между собою. Но объ этой сторонѣ дѣла мы скажемъ подрóбнѣе въ своемъ мѣстѣ. [3])

Мы не разъ упоминали выше, что дѣленіе должно исчерпать *всѣ разновидности* общаго признака, на который оно опирается. Это утвержденіе, взятое безусловно, можетъ подать поводъ къ недоразумѣніямъ, ибо оно нуждается въ нѣкоторомъ ограниченіи или, вѣрнѣе, поясненіи. Если мы обратимся къ явленіямъ дѣйствительности, то найдемъ, что въ огромномъ, подавляющемъ большинствѣ случаевъ разновидности дѣлящихъ признаковъ, какъ-бы ярко ни были онѣ выражены, не отграничиваются другъ отъ друга рѣзкими, твердо проведенными межами. Напротивъ, переходъ отъ одной разновидности къ другой въ большинствѣ случа-

---

[1]) Ср. *Ueberweg.* System der Logik; S. 136 sq.

[2]) І. Бентамъ,—говоритъ *Джевонсъ*,—„вѣрно указываетъ на два возраженія противъ широкаго примѣненія двойственной классификаціи: 1) что она скоро становится непрактично-обширною и негибкою, и 2) что она не экономична,“ и т. д. Основы науки; с. 656.

[3]) См. ниже, гл. VI.

евъ представляется постепеннымъ до непримѣтности: состоянія, отчетливо различающіяся другъ отъ друга, связываются серіей промежуточныхъ звеньевъ, въ которыхъ, съ каждымъ новымъ звеномъ, различіе наростаетъ и усиливается послѣдовательно и едва уловимо. Образуется непрерывный рядъ сливающихся между собою состояній, концы котораго отмѣчены, однако, очевиднымъ взаимнымъ различіемъ, образовавшимся путемъ непримѣтнаго наростанія. Понятно, что провести раздѣляющую черту между этими различными, часто противоположными состояніями нѣтъ никакой возможности. [1]) «Кто можетъ сказать, въ какой моментъ кончается день и начинается ночь? Точно также трудно опредѣлить, какою особью заключается царство животныхъ и какою открывается царство растеній. Между сномъ и бодрствованіемъ есть промежуточное состояніе, которое нельзя отнести ни къ тому, ни къ другому. Обширное химическое раздѣленіе металловъ отъ не-металловъ представляетъ переходныя стадіи въ такихъ веществахъ, какъ мышьякъ и теллурій. Воля нечувствительно сливается съ инстинктомъ». [2])

Но если различныя состоянія непримѣтно переходятъ одни въ другія, если разновидности признака, обосновывающаго дѣленіе, сливаются между собою при посредствѣ промежуточныхъ стадій; то какъ же исчерпать эти разновидности, чтобы удовлетворить логическому требованію?

Прежде всего не подлежитъ никакому сомнѣнію, что дѣленіе должно остановиться на разновидностяхъ, *ярко выраженныхъ*, и положить ихъ въ свою основу. Получится, такимъ образомъ, нѣ-

---

[1]) *Bain.* Logique; t. II, p. 240: „Bien des qualités qui s'opposent l'une à l'autre, sans confusion possible dans le plus grand nombre des cas, passent de l'une à l'autre par une gradation insensible, de telle sorte qu'il est impossible de tirer entre elles une ligne de démarcation précise et solide".—Если стать на точку зрѣнія эволюціонной теоріи, этотъ постепенный переходъ однихъ признаковъ въ другіе долженъ быть признанъ не случайнымъ, по крайней мѣрѣ, въ мірѣ органическомъ. Связанные происхожденіемъ другъ отъ друга, предметы, естественно, должны представлять собою цѣпь звеньевъ, послѣдовательно превращающихся другъ въ друга; поэтому, сосѣднія звенья должны различаться между собою лишь незначительными отклоненіями. Ср. *Джевонсъ.* Основы науки; с. 671—672.

[2]) *Bain.* Ibid.—*Wundt.* Logik; Bd. I, S. 117—118.

сколько типическихъ параллельныхъ группъ, съ отчетливыми характеристическими особенностями, отличающими ихъ другъ отъ друга. Но эти типическія группы, разумѣется, не обнимутъ всего дѣлимаго матеріала, ибо онѣ не захватываютъ промежуточныхъ стадій. Какъ бы заботливо и старательно ни были проведены линіи дѣленія, всегда встрѣтятся явленія, которыя стоятъ внѣ очерченныхъ границъ, представляя неодолимыя препятствія для размѣщенія. Служа соединительными звеньями, они имѣютъ общее со всѣми соединяемыми типами и въ то же время вполнѣ не подходятъ ни подъ одинъ изъ нихъ. Поэтому, нѣтъ никакой возможности обозначить точныя границы, отдѣляющія области господства одного типа отъ другихъ, не подгоняя явленій искусственно подъ установленныя рамки и не насилуя ихъ природы. И однако же, провести такія границы необходимо, чтобы исчерпать весь дѣлимый матеріалъ. Какъ же выйти изъ затрудненія? Что дѣлать съ переходными явленіями?

Естественнаго, вполнѣ *правильнаго выхода* здѣсь, очевидно, *нѣтъ*. Поэтому, почитая споръ о дѣйствительной принадлежности переходныхъ явленій къ той или иной группѣ безплоднымъ и праздным, логики рекомендуютъ *не разрѣшать*, а *разсѣкать* Гордіевъ узелъ вопроса. «Есть только одинъ возможный выходъ изъ затрудненія», говоритъ Бэнъ: «слѣдуетъ признать, что между двумя противоположными свойствами находится *неопредѣленное* переходное пространство, которое допускаетъ различіе мнѣній, но не разрушаетъ основнаго контраста противоположенія. Не надо спорить о точномъ моментѣ, въ который день уступаетъ мѣсто ночи, и неопредѣленность этого момента не должна служить основаніемъ, чтобы смѣшивать день съ ночью. Во всѣхъ подобныхъ случаяхъ нужно допускать разнорѣчіе относительно пункта, въ которомъ осуществляется переходъ отъ одной противоположности къ другой. Если только большинство не-металловъ можетъ быть точно отдѣлено отъ металловъ, то вовсе не важно, въ какой изъ этихъ двухъ группъ будетъ удержанъ мышьякъ и теллурій; тѣла эти образуютъ переходные случаи,—явленія *пограничныя*, по выраженію Бэкона». [1]) Но, устранняя всякій споръ о подобныхъ

[1]) *Bain.* Logique; t. II, p. 240—241; 285.—Ср.: *Миллъ.* Система логики; т. II, с. 264—266; 270—271.—*Джевонсъ.* Основы науки; с. 671—674; 680—683. *Ueberweg.* System der Logik; S. 122.

явленіяхъ, слѣдуетъ непремѣнно относить ихъ къ той или иной группѣ для того, чтобы площади установленныхъ подраздѣленій, взятыя вмѣстѣ, равнялись площади дѣлимаго.

Въ видѣ полезной поправки дѣленія иногда совѣтуютъ прибѣгать къ образованію *переходныхъ группъ*, которыя должны включать въ себя промежуточныя явленія, избавляя, такимъ образомъ, изслѣдователя отъ необходимости искусственно подводить ихъ подъ основные типы размѣщенія. [1]) Этотъ совѣтъ только въ одномъ случаѣ можетъ имѣть нѣкоторую практическую цѣнность. Если промежуточныхъ явленій слишкомъ много, то выдѣленіе ихъ въ особую группу дѣйствительно избавляетъ изслѣдователя отъ неудобнаго балласта, затрудняющаго работу. Но случаи этого рода всего чаще указываютъ на то, что основныя группы установлены невѣрно: или дѣлящій признакъ выбранъ неудачно, или не приняты во вниманіе всѣ его разновидности. Поэтому, и здѣсь, прежде чѣмъ создавать переходныя группы, слѣдуетъ повѣрить, правильно ли проведены генеральныя межи. Во всѣхъ другихъ случаяхъ установленіе переходныхъ группъ, осложняя дѣленіе, является совершенно безцѣльнымъ: оно не уничтожаетъ переходныхъ явленій, часто даже не сокращаетъ ихъ, а только переноситъ съ одного мѣста на другое, всегда умножая эти мѣста. Переходное время отъ свѣта къ темнотѣ, составляющее промежуточное звено между днемъ и ночью, мы, конечно, можемъ обособить самостоятельно; вмѣсто прежнихъ двухъ типическихъ состояній будемъ имѣть ихъ три: день, сумерки, ночь. Но такое обособленіе не уничтожитъ переходнаго времени; оно только перемѣститъ его съ прежняго *одного* мѣста въ *два* новыхъ, т. е. создастъ вмѣсто одного перехода отъ дня къ ночи два: отъ дня къ сумеркамъ и отъ сумерекъ къ ночи. Думаемъ, нѣтъ подобности настаивать, что это перемѣщеніе не представляетъ никакой выгоды для изслѣдованія.

Такимъ образомъ, требованіе, чтобы дѣленіе исчерпало всѣ разновидности своего основнаго признака, предполагаетъ необходимую оговорку въ томъ смыслѣ, что подъ разновидностями нужно

---

[1]) См., напр.: *Муромцевъ*. Опредѣленіе и основное раздѣленіе права, 1879; с. 209 sq., 218.

разумѣть только отчетливо выраженныя различныя состоянія этого признака. Что же касается переходныхъ состояній, то они, не создавая новыхъ подраздѣленій, должны быть относимы къ основнымъ типическимъ группамъ, по степени наибольшаго сходства съ ними.

Необходима и другая оговорка, на которую просимъ читателя обратить вниманіе. Мы повсюду употребляемъ выраженія: «разновидности» или «различныя состоянія высшаго признака» («общаго»). Пока мы имѣемъ дѣло съ признакомъ простымъ, элементарнымъ,—наши выраженія не могутъ подать повода къ недоразумѣнію. Но весьма часто высшій признакъ является сложнымъ, составленнымъ изъ другихъ признаковъ. Онъ можетъ имѣть нѣсколько рядовъ разновидностей, идущихъ въ различныхъ направленіяхъ и имѣющихъ различное значеніе. Общимъ признакомъ государствъ, напр., служитъ верховная власть. Этотъ признакъ обладаетъ многими сторонами и каждая сторона—своими разновидностями: верховную власть можно разсматривать со стороны дѣленія ея органа, численнаго состава послѣдняго, особенностей его устройства, и т. д.. Въ каждой изъ сторонъ имѣются свои разновидности, которыя способны служить основаніемъ установленія параллельныхъ группъ. Говоря иначе, различныя параллельныя группы могутъ имѣть одинъ общій высшій признакъ, на разновидностяхъ котораго онѣ покоятся. Въ этихъ случаяхъ, удовлетворяя требованію точности, слѣдовало бы говорить, что группы основаны на «разновидностяхъ одного изъ признаковъ высшаго признака». Путающая неуклюжесть такого оборота рѣчи побуждаетъ насъ предпочесть нѣкоторую оговоренную неточность, которая, къ тому же, можетъ подать поводъ къ недоразумѣнію въ сравнительно рѣдкихъ случаяхъ, отмѣченныхъ нами въ текстѣ или примѣчаніяхъ.

Заключая вопросъ о параллельныхъ группахъ, нѣтъ надобности настаивать на томъ, что начало соотвѣтствія обособляющихъ признаковъ, съ двумя вытекающими изъ него дополнительными правилами, служитъ съ тѣмъ вмѣстѣ отличительною чертою самихъ группъ: эти послѣднія, подобно упомянутымъ признакамъ, также исключаютъ другъ друга, составляютъ въ отдѣльности части дѣлимаго и захватываютъ вмѣстѣ весь размѣщаемый мате-

ріалъ. Ради полноты добавимъ, что предметы, отнесенные къ одной группѣ, всегда менѣе различаются между собою, нежели предметы различныхъ группъ. Это вытекаетъ само собою изъ основнаго начала обособленія, по которому въ одну группу сближаются явленія, обладающія наибольшимъ числомъ наиболѣе важныхъ признаковъ, о чемъ мы подробно говорили въ предыдущей главѣ.

Б) Высшія и низшія группы, роды и виды. Въ отличіе отъ равенства положеній, характеризующаго параллельныя группы, взаимное отношеніе высшихъ и низшихъ группъ наглядно выражается въ томъ, что одни изъ нихъ являются *составными частями* другихъ, эти—третьихъ, и т. д.. Низшія группы всегда представляютъ собою обособленные элементы ближайшей высшей группы, которая, въ свой чередъ, занимаетъ точно такое-же положеніе относительно группы еще болѣе высшей. Такимъ образомъ, размѣщеніе сложнаго матеріала, или его классификація, имѣетъ видъ своеобразной системы звеньевъ, въ которой каждое высшее звено выдѣляетъ нѣсколько низшихъ, разчленяющихся далѣе; это— дерево, стволъ котораго расходится на нѣсколько основныхъ сучьевъ, разбѣгающихся въ мелкія вѣтви. Явленія внѣшняго міра дѣлятся, напр., на органическія и неорганическія; первыя—на животныхъ и растенія, вторыя—на минералы и металлы; животныя распадаются далѣе на позвоночныхъ и безпозвоночныхъ; среди позвоночныхъ различаютъ млекопитающихъ, птицъ, рыбъ и земноводныхъ, и т. д.

Въ этой системѣ послѣдовательно разчленяющихся звеньевъ, каждая высшая группа служитъ *родомъ* (genus) по отношенію къ своимъ низшимъ группамъ, которыя являются ея *видами* (species): но въ то же время она сама представляетъ одинъ изъ видовъ группы, стоящей надъ нею. «Животное» есть родъ вида «позвоночное» и видъ рода «органическое существо»; «цвѣтъ» есть родъ, имѣющій многіе виды («черный», «красный», «синій» и т. д.), но и видъ рода «ощущеніе». Отсюда слѣдуетъ, что родъ и видъ—понятія относительныя: одна и та-же группа можетъ быть и тѣмъ, и другимъ, смотря по тому, разсматривается ли ея отношеніе къ высшимъ или низшимъ группамъ. Въ этомъ случаѣ исключеніе,—да и то, какъ увидимъ ниже, условное,—составляютъ крайнія группы классификаціи: самыя высшія группы (summa ge-

nera)—только роды, ибо не имѣютъ, повидимому, надъ собою другихъ группъ; наоборотъ, самыя низшія группы (enfimae species)—только виды, ибо не дѣлятся далѣе. Не останавливаясь пока на особенностяхъ крайнихъ группъ, о которыхъ ниже скажемъ отдѣльно, разсмотримъ ближе *взаимное отношеніе* родовъ и видовъ.

Мы уже замѣтили, что всякая низшая группа, видъ, является одною изъ составныхъ частей высшей группы, рода. Въ качествѣ части, первая находится въ зависимости отъ послѣдней. Это *непосредственная, прямая* зависимость, которая влечетъ за собой другой видъ зависимости *посредственной*: обусловливающая высшая группа сама, очевидно, обусловливается, точно такимъ же образомъ, дальнѣйшею высшею группой и, естественно, переноситъ свою зависимость на всѣ подчиненныя ей группы, а черезъ нихъ—и на всѣ послѣдующія подраздѣленія. Такимъ образомъ, классификація представляетъ собою сѣть звеньевъ, проникнутыхъ живою связью, выражающеюся въ прямой зависимости каждаго даннаго звена отъ ближайшаго высшаго и косвенной—отъ всѣхъ высшихъ звеньевъ. Зависимость, подчиненіе, идетъ сверху внизъ, вслѣдствіе чего всякое измѣненіе наверху должно вызывать соотвѣтствующія измѣненія внизу. Но въ чемъ же, ближайшимъ образомъ, заключается эта зависимость, связывающая обособленныя части изучаемаго матеріала въ одно стройное цѣлое классификаціи?

На основаніи предыдущаго мы уже напередъ можемъ сказать, что эта зависимость низшихъ группъ отъ высшихъ должна заключаться въ зависимости ихъ *обособляющихъ признаковъ*. Весьма несложныя соображенія убѣждаютъ въ этомъ. Въ самомъ дѣлѣ, останавливаясь на *прямой* зависимости вида отъ рода, спросимъ: всякій ли признакъ, удовлетворяющій всѣмъ требованіямъ обособляющаго признака, указаннымъ въ предыдущей главѣ, способенъ служить основаніемъ для выдѣленія видовъ изъ рода?—Разумѣется, нѣтъ. Прежде всего этой цѣли не можетъ удовлетворять признакъ, послужившій для обособленія самаго рода, не смотря на то, что его обособляющая годность уже была признана ранѣе. Онъ не можетъ быть такимъ признакомъ потому, что дѣленіе, основанное на немъ, не привело бы къ образованію низшихъ параллельныхъ группъ, какими должны являться виды по отноше-

нію къ подчиняющему ихъ роду. Оно имѣло бы своимъ послѣдствіемъ только болѣе дробное раздѣленіе высшей группы на части одинаковаго съ нею значенія и положенія,—замѣну ея нѣсколькими группами въ системѣ группъ, параллельныхъ дѣлимому роду; получились бы, слѣдовательно, не новые виды, а новые дополнительные роды, меньшіе по объему. Это могло бы имѣть мѣсто въ двухъ случаяхъ: во-первыхъ, когда, по недосмотру, не всѣ разновидности обособляющаго признака были приняты во вниманіе при образованіи даннаго рода и параллельныхъ ему группъ, или, во-вторыхъ, когда нѣкоторыя особенности этого признака были намѣренно опущены, какъ не имѣющія значенія, т. е. не заслуживающія считаться разновидностями. Но въ первомъ случаѣ раздѣленіе рода было бы только поправкою ошибки, сдѣланной ранѣе, а во второмъ—безцѣльнымъ, иногда вреднымъ возведеніемъ переходныхъ явленій до положенія самостоятельныхъ группъ, о чемъ мы уже говорили нѣсколько выше. Прямая зависимость видовъ отъ рода выражается, слѣдовательно, въ томъ, что при образованіи первыхъ необходимо исключать обособляющій признакъ втораго, какъ неспособный служить этой цѣли. [1]) Если, напр., группа республикъ обособляется отъ другихъ формъ государственнаго устройства коллективнымъ составомъ верховной власти, то дальнѣйшія подраздѣленія на виды уже не могутъ быть основаны на томъ же признакѣ; нельзя, поэтому, разсматривать аристократіи и демократіи въ качествѣ видовъ родовой республикской группы, какъ это иногда дѣлаютъ. Ошибочность такого пріема обнаруживается уже въ томъ, что къ названной группѣ относятъ обыкновенно государства, въ которыхъ верховная власть принадлежитъ *или* немногимъ лицамъ, *или* всѣмъ гражданамъ, удовлетворяющимъ извѣстнымъ требованіямъ. Это раздѣлительное «или—или» ясно показываетъ, что въ сущности мы имѣемъ здѣсь дѣло съ двумя параллельными группами, которыя объединяемъ въ одно цѣлое только употребленіемъ общаго названія. Именно это послѣднее вводитъ въ заблужденіе, побуждая признавать су-

---

[1]) Ср. *Ueberweg.* System der Logik; S. 138. Нѣмецкій логикъ утверждаетъ противное, хотя ничѣмъ не обосновываетъ своего утвержденія.

ществованіе одной группы тамъ, гдѣ въ дѣйствительности ихъ существуетъ двѣ.

Есть, однако, случаи, въ которыхъ общее правило, установленное нами, подвергается, повидимому, нарушенію: обособляющій признакъ рода какъ-будто исполняетъ иногда ту же роль по отношенію къ видамъ. Такъ,—пользуемся прежнимъ примѣромъ,—группа государствъ республиканскаго устройства, обособленная по составу верховной власти, совершенно правильно дѣлится далѣе на два вида: республикъ непосредственныхъ и представительныхъ. Съ перваго взгляда можетъ показаться, что для установленія этихъ видовъ послужилъ тотъ же признакъ, что и при образованіи рода,—составъ власти. Но это можетъ случиться лишь при неотчетливомъ пониманіи основаній дѣленія въ первомъ и второмъ случаяхъ. Говоря о республикахъ, какъ родовой группѣ, мы обособляемъ ихъ по *численному* составу верховной власти, въ непремѣнномъ предположеніи, что имѣемъ въ виду лицъ, которымъ она принадлежитъ по собственному праву (sui juris); напротивъ, при различеніи республикъ непосредственныхъ отъ представительныхъ мы обращаемъ вниманіе на то, кѣмъ *представлена* эта власть,—дѣйствуютъ ли ея органы во имя *своего* права, или по *уполномочію* (alieni juris). Стало быть, признаки обособленія тамъ и здѣсь совершенно различные, и смѣшеніе ихъ можетъ быть только результатомъ ошибки. Возможность же легкой ошибки объясняется тѣмъ, что эти признаки представляютъ собою различные ряды разновидностей одного общаго признака,—случай, на который мы уже указывали [1]).

Косвенная зависимость низшихъ группъ отъ высшихъ носитъ на себѣ тотъ же характеръ, что̀ и прямая. Она выражается въ томъ, что всѣ обособляющіе признаки высшихъ группъ, связанныхъ съ данными видами черезъ посредство ближайшаго рода, также не способны служить для образованія этихъ видовъ. И самыя основанія здѣсь тѣ же, какія обусловливали прямую зависимость: дѣленіе, опирающееся на упомянутые признаки, было бы только отрывочнымъ продолженіемъ дѣленія, послѣдовательно проведеннаго наверху; оно не дало бы новыхъ параллельныхъ группъ,

---

[1]) См. выше, с. 140.

а привело бы лишь къ обособленію обрывковъ, отдѣленныхъ отъ своихъ классовъ промежуточными ступенями посредствующихъ группъ. Будучи продолженіемъ прерваннаго дѣленія, оно совершенно перепутывало бы систему правильнаго размѣщенія предметовъ; при чемъ возможность такого путающаго продолженія могла бы имѣть мѣсто только въ тѣхъ двухъ случаяхъ, которые уже были разсмотрѣны нами при анализѣ прямой зависимости группъ.

Зависимость обособляющихъ признаковъ тѣсно связана съ зависимостью *состава* низшихъ группъ отъ состава высшихъ. Въ самомъ дѣлѣ, если принадлежность отдѣльныхъ предметовъ къ данной группѣ опредѣляется обособляющимъ признакомъ, то, въ свою очередь, самый ея составъ непосредственно вліяетъ на выборъ дальнѣйшихъ обособляющихъ признаковъ, обусловливая съ тѣмъ вмѣстѣ составъ подраздѣленій группы. Для судьбы этихъ подраздѣленій не все равно, буду ли я дѣлить войско на артилерію, кавалерію и пѣхоту, или на офицеровъ и солдатъ;—не все равно потому, что мой выборъ признаковъ для послѣдующихъ дѣленій въ томъ и другомъ случаѣ поставленъ въ различныя условія. Въ первомъ случаѣ я могъ бы, напр., раздѣлить артиллерію на легкую, тяжелую и осадную, тогда какъ во второмъ это дѣленіе невозможно уже потому одному, что раздѣляющій признакъ не проходитъ по всѣмъ дѣлимымъ предметамъ. Здѣсь зависимость очевидная и *прямая*: опредѣляясь обособляющимъ признакомъ, составъ группы не остается безъ вліянія на выборъ дальнѣйшихъ признаковъ, устанавливающихъ составъ ея подраздѣленій. Но, съ другой стороны, разсматриваемая группа, сама обусловливаясь ближайшею высшею группою, переноситъ свою зависимость на всѣ подчиненныя части, являясь для нихъ источникомъ зависимости *косвенной*. Такимъ образомъ, въ системѣ звеньевъ классификаціи каждая группа, какъ бы низко она ни помѣщалась, зависитъ въ своемъ составѣ *непосредственно* отъ ближайшаго къ ней рода и *посредственно*, черезъ него, отъ всѣхъ высшихъ родовъ, до крайняго включительно. Поэтому, для каждой данной группы небезразлично не только то, какъ организована ближайшая надъ нею группа, но и то, какъ составлены всѣ высшія группы вообще; судьба видовъ связана не только съ судь-

бою непосредственно подчиняющаго ихъ рода, но и съ судьбою всѣхъ высшихъ классовъ, надъ нимъ стоящихъ.

Взаимное отношеніе высшихъ и низшихъ группъ, родовъ и видовъ, даетъ одно практическое указаніе, не лишенное значенія при построеніи классификаціи. Если, какъ мы видѣли, обособляющіе признаки высшихъ группъ не могутъ служить основаніемъ для выдѣленія низшихъ, то, при установленіи видовъ, слѣдуетъ начинать съ *удаленія* всѣхъ такихъ признаковъ по прямой восходящей линіи. Эта предосторожность, не обезпечивая правильнаго исхода работы, устраняетъ, однако, рядъ возможныхъ ошибокъ. При дальнѣйшемъ дѣленіи, напр., «жвачныхъ» слѣдуетъ исключить признакъ, объединяющій этихъ животныхъ въ самостоятельную группу, точно также какъ и признаки, послѣдовательно относящіе ихъ въ восходящей линіи къ «травоядным», «млекопитающимъ», «позвоночнымъ», и т. д. За всѣми произведенными исключеніями, основаній для образованія видовъ нужно искать среди видоизмѣненій обособляющаго родоваго признака. Если онъ, дѣйствительно, основной признакъ, подчиняющій себѣ другіе, то въ этомъ заключается уже достаточный поводъ приписывать тотъ же характеръ его видоизмѣненіямъ и брать ихъ за основаніе дѣленія. Кромѣ того, эти измѣненія заслуживаютъ предпочтенія и потому, что, взятыя для составленія видовъ, они наглядно показываютъ зависимость ихъ отъ своего рода. Если же видоизмѣненія роднаго признака по чему-либо не отвѣчаютъ задачѣ, основаніе для образованія видовъ слѣдуетъ уже брать среди разновидностей общихъ признаковъ рода, сопутствующихъ его обособляющему признаку. Изъ предыдущаго мы уже знаемъ, какой изъ этихъ спутниковъ долженъ быть избранъ и какимъ условіямъ должны удовлетворять его разновидности.

Указавъ на зависимость между родами и видами, здѣсь у мѣста сказать нѣсколько словъ объ *отношеніи обособляющихъ признаковъ* къ выдѣляемымъ *группамъ* и къ самимъ классифицируемымъ *предметамъ*.

Обращаясь къ этой сторонѣ дѣла, нетрудно замѣтить, что относительно *своихъ группъ* обособляющіе признаки повсюду занимаютъ одинаковое положеніе, такъ какъ повсюду основанія и условія обособленія одни и тѣ же. Въ значеніи этихъ признаковъ

какъ для высшихъ, такъ и для низшихъ группъ нѣтъ никакого различія: родовой признакъ является по отношенію къ своему роду въ той самой роли, какую исполняетъ видовой по отношенію къ своему виду. Служа основаніемъ для выдѣленія группы, обособляющій признакъ обусловливаетъ ея существованіе; съ его исчезновеніемъ исчезаетъ и самая группа, образуя собою или новую группу, или входя въ составъ другихъ группъ. Въ этомъ смыслѣ обособляющій признакъ является для своей группы *центральнымъ*, въ бо́льшей или меньшей вѣроятной зависимости отъ котораго находятся другіе признаки; для нея онъ признакъ отличительный, господствующій надъ прочими; по крайней мѣрѣ, такимъ онъ долженъ быть при правильномъ размѣщеніи дѣлимаго матеріала.[1])

Инымъ представляется отношеніе обособляющихъ признаковъ къ самимъ классифицируемымъ *предметамъ*. По условіямъ построенія классификаціи, каждый предметъ данной группы имѣетъ, очевидно, всѣ обособляющіе признаки группъ по прямой восходящей линіи, обладаетъ только нѣкоторыми по линіямъ нисходящимъ и совсѣмъ не имѣетъ признаковъ параллельныхъ группъ, поскольку онѣ выдѣляются изъ ближайшаго общаго рода.[2]) Для самаго предмета значеніе этихъ признаковъ, послѣдовательно относящихъ его къ группамъ различнаго объема и положенія, неодинаково: значеніе ихъ увеличивается по мѣрѣ движенія вверхъ, къ высшимъ классамъ, и уменьшается при движеніи въ сторону противоположную. Это потому, что обособляющіе признаки родовъ всегда являются болѣе основными и независимыми, чѣмъ признаки видовъ, которые, по сравненію съ ними, носятъ производный и подчиненный характеръ. Подчиняющій характеръ однихъ признаковъ и подчиненный другихъ выражается въ томъ, что первые болѣе устойчивы и постоянны, чѣмъ вторые.[3]) Поэтому, слѣдуя вверхъ отъ данной группы, мы постепенно восходимъ, въ обособляющихъ признакахъ, къ послѣднимъ устоямъ предмета, паденіе которыхъ грозило бы ему разрушеніемъ. Въ этихъ высшихъ

---

[1]) См. выше, гл. IV, с. 109 sq.

[2]) Ср. *Миллъ*. Система логики; т. I, с. 152.

[3]) См. выше, гл. IV, с. 121 sq.

неподвижныхъ признакахъ мы имѣемъ основанія видѣть *образующія причины* предмета или, по крайней мѣрѣ, ихъ неизмѣнныхъ спутниковъ-показателей [1]). Наоборотъ, спускаясь внизъ, мы переходимъ послѣдовательно отъ признаковъ устойчивыхъ къ подвижнымъ, отъ обусловливающихъ къ обусловленнымъ, отъ причинъ къ слѣдствіямъ и слѣдствіямъ слѣдствій. Исчезновеніе ихъ не только не разрушаетъ предмета, но даже не измѣняетъ кореннымъ образомъ его положенія въ классификаціи, чаще всего только переводя его изъ одного вида въ другой. При подобномъ отношеніи обособляющихъ признаковъ къ обособляемымъ предметамъ *логическая зависимость* группъ классификаціи отвѣчаетъ *дѣйствительной зависимости* отдѣльныхъ признаковъ въ предметахъ. Обособляющій признакъ высшей группы служитъ центральнымъ признакомъ предмета, его душею, обусловливающею рядъ сопутствующихъ производныхъ признаковъ; обособляющій признакъ слѣдующей группы является въ той же роли по отношенію къ своимъ спутникамъ, и т. д., пока не исчерпано все дѣленіе. Разумѣется, такая организація, опирающаяся на точно установленныя взаимныя отношенія признаковъ въ предметахъ, была бы идеальною, и существующія классификаціи, стремясь къ этому идеалу, пока слишкомъ еще далеки отъ своей цѣли; полное же ея осуществленіе возможно развѣ при завершеніи знанія, когда всѣ свойства вещей будутъ постигнуты совершенно. [2])

Вслѣдъ за общимъ вопросомъ о взаимномъ отношеніи высшихъ и низшихъ группъ, намъ необходимо остановиться на *крайнихъ группахъ*, представляющихъ нѣкоторыя своеобразныя особенности. Помимо непосредственнаго интереса, разсмотрѣніе этихъ группъ дастъ намъ возможность коснуться такихъ сторонъ въ вопросѣ о классификаціи, о которыхъ пока мы еще не имѣли случая говорить.

---

[1]) См. выше, гл. IV, с. 123.

[2]) *Comte.* Cours de philosophie positive; t. III, p. 401: „Pour la construction de la méthode naturelle les différents caractères taxonomiques peuvent être enfin rigouresement subordonnés les uns aux autres, sans qu'aucune disposition importante présente rien d'arbitraire: du moins tel est le but vers le quel on doit tendre, quoique souvent difficile à atteindre".

а) **Крайнія высшія группы** (summa genera). Условливая собою прямо или косвенно всѣ другія группы классификаціи, крайняя высшая группа сама, повидимому, не условливается ничѣмъ. Она представляется только господствующею, но не подчиненною, — только *родомъ*, но не видомъ, въ чемъ, на первый взглядъ, и состоитъ ея характерная особенность.

Однако, эта независимость высшей группы — *кажущаяся*, а не дѣйствительная. Высшая группа классификаціи это — весь данный размѣщаемый матеріалъ. Если этотъ матеріалъ не захватываетъ всѣхъ существующихъ предметовъ, доступныхъ и подлежащихъ изученію, то онъ долженъ представлять собою лишь извѣстную обособленную часть ихъ. Но правильно обособленная часть должна быть выдѣлена изъ цѣлаго на основаніи какого-нибудь признака, свойственнаго всѣмъ составляющимъ ее предметамъ. Здѣсь, слѣдовательно, должно происходить тоже самое, что̀ наблюдается при дальнѣйшемъ установленіи отдѣльныхъ группъ классифицируемаго матеріала. А мы уже знаемъ, что это установленіе возможно только подъ условіемъ, чтобы обособляющіе признаки группъ имѣли соотвѣтственные признаки въ остальныхъ частяхъ дѣлимаго, способные образовать вокругъ себя такія же группы, какъ и устанавливаемыя (одинаковаго съ ними положенія и значенія). Въ примѣненіи къ разсматриваемому случаю это значитъ, что обособленіе данной классифицируемой группы предметовъ мыслимо только при существованіи или, по крайней мѣрѣ, полной возможности существованія параллельныхъ группъ [1]). Въ свою очередь, параллельныя группы непремѣнно предполагаютъ существованіе высшей группы или, въ худшемъ случаѣ, — наличность всѣхъ условій для ея бытія, ибо онѣ опираются на разновидности общаго признака. Точно такимъ же образомъ, новая высшая группа должна предполагать сосѣднія группы и вмѣстѣ съ ними объединяться въ группѣ еще болѣе высшей, и т. д., пока, наконецъ, всѣ существующіе предметы не будутъ захвачены классификаціей и, слѣдовательно, эта послѣдняя не станетъ всеобщею. «Мы не можемъ правильно установить ни одного класса, безъ отношенія къ общему дѣленію

---

[1]) *Bain*. Logique; t. I, p. 99: „D'après le principe de la relativité, chaque classe a sa classe ou ses classes corrélatives".

цѣлой природы.—Ни одно семейство растеній или животныхъ не можетъ быть разумно установлено, если не признавать его частью систематическаго распорядка всѣхъ растеній или животныхъ; а такой общій порядокъ не можетъ быть правильно установленъ, безъ предварительнаго, точнаго опредѣленія мѣста, занимаемаго растеніями и животными въ какомъ либо общемъ дѣленіи природы». [1])

Такимъ образомъ, каждая частная классификація есть всегда уединенный *отрывокъ* всеобщей. Это—работа, не доведенная до своего завершенія или, какъ увидимъ позднѣе,—начатая не сначала. Размѣщаемый матеріалъ, въ цѣломъ, представляетъ собою только одну группу въ ряду другихъ возможныхъ и необходимыхъ группъ, объединяющихся въ высшей группѣ, господствующей надъ всѣми ними. Отсюда слѣдуетъ, что крайняя высшая группа частной классификаціи, подчиняя себѣ низшія группы, сама непремѣнно находится въ зависимости, прямой и косвенной, отъ дальнѣйшихъ высшихъ группъ; кромѣ того, она необходимо имѣетъ и свои параллельныя группы [2]). Эти высшія и параллельныя группы могутъ быть въ данную минуту не установлены и даже не намѣчены; онѣ могутъ находиться,—и въ большинствѣ случаевъ, дѣйствительно, находятся,—въ скрытомъ состояніи, въ возможности; но онѣ тотчасъ же переходятъ въ дѣйствительность при первой попыткѣ продолжить классификацію вверхъ. И если этого мы обыкновенно не дѣлаемъ, то лишь въ интересѣ необходимой спеціализаціи занятій: безсильные заразъ охватить изученіемъ все разнообразіе существующихъ предметовъ, мы намѣренно изолируемъ отдѣльныя ихъ группы и разсматриваемъ послѣднія одиноко, внѣ естественной связи съ другими группами [3]). Это—

---

[1]) *Миллъ.* Система логики; т. II, с. 258—259.

[2]) *Wundt.* Logik; B. I, S. 116: „Irgendwie coordinirt können einander nur solche Begriffe sein, die sich in dem Umfang eines allgemeineres Begriffes befinden; jedes Verhältniss der Coordination bedingt also immer ein gleichzeitig bestehendes Verhältniss der Ueber-und Unterordnung", u s. f.

[3]) При систематическомъ обозрѣніи отдѣльныхъ наукъ,—напр., химіи, физики, психологіи, вѣтвей правовѣдѣнія,—изложеніе начинаютъ обыкновенно опредѣленіемъ группы изучаемыхъ явленій; а это требуетъ, какъ мы знаемъ, сравненія опредѣляемой группы съ параллельными, составляющими предметъ

условный пріемъ изученія, вызываемый необходимостью; но мы нерѣдко забываемъ его условность, не замѣчая подчиненнаго характера высшихъ группъ частныхъ классификацій.

Высшія группы частныхъ классификацій, имѣющихъ свое продолженіе и завершеніе въ классификаціи всеобщей, естественно, наводятъ на мысль о *высшей группѣ* этой послѣдней. Что такая группа должна существовать,—намъ кажется несомнѣннымъ. Не рискуя стать безконечною, всеобщая классификація должна заключить свое поступательное движеніе вверхъ образованіемъ такого рода, который обнималъ бы собою всѣ установленные виды и, слѣдовательно, всѣ изучаемые предметы. Существованіе высшаго предѣльнаго рода, который логики Аристотелевой школы называли *genus generalissimum*, есть непремѣнное логическое требованіе, служащее условіемъ для бытія ближайшихъ къ нему видовъ. Представляя собою части, явившіяся результатомъ дѣленія, виды не могутъ быть мыслимы безъ дѣлимаго или цѣлаго, т.-е. группы, стоящей надъ ними. Поэтому, если существуютъ виды,—долженъ существовать и обнимающій ихъ родъ; если есть налицо высшія параллельныя группы,—онѣ необходимо имѣютъ высшую, завершающую ихъ, предѣльную группу. Безъ этой группы было бы невозможно самое существованіе всеобщей классификаціи, которая неизбѣжно предполагаетъ, что, по крайней мѣрѣ, верхніе концы частныхъ классификацій собраны воедино и связаны между собою, т.-е. представляютъ виды общаго рода. Иначе, частныя классификаціи стояли бы изолированно другъ отъ друга, не обнаруживая стремленія сомкнуться въ одно цѣлое. Поэтому, всякая попытка построенія всеобщей классификаціи непремѣнно сопровождается установленіемъ всеобщаго рода [1]).

изученія другихъ наукъ. Такимъ образомъ, приходится невольно указывать на связь разсматриваемой группы съ другими сосѣдними, а чрезъ нихъ—и со всеобщею классификаціею. Такъ, химическія явленія мы противополагаемъ физическимъ, духовныя—матеріальнымъ, явленія публичнаго права—явленіямъ частнаго. Безъ этого противоположенія изучаемая группа въ цѣломъ представлялась бы неопредѣленною.

[1]) *Джевонсъ* утверждаетъ, что высшаго предѣльнаго рода быть не можетъ. „Всякое мышленіе,—говоритъ онъ,—относительно и предполагаетъ собою различеніе, такъ что каждый классъ и каждое логическое понятіе должно

Въ отличіе отъ всѣхъ другихъ группъ классификаціи, всеобщій родъ характеризуется *двумя* чертами, составляющимся его отличительную особенность: съ одной стороны, онъ независимъ, съ другой,—неопредѣленъ. Обѣ черты вытекаютъ изъ его особаго положенія. Онъ *независимъ* именно потому, что служитъ предѣльною группою: признаніе за нимъ зависимости скрывало бы въ себѣ признаніе дальнѣйшаго высшаго рода, что̀ нелѣпо. Онъ *неопредѣленъ*, потому что не имѣетъ параллельныхъ группъ, т.-е. того, что̀ служитъ условіемъ сопоставленія, какъ источника опредѣленій. Всѣ прочія группы классификаціи, характеризуясь тѣми или иными признаками, составляющими содержаніе ихъ опредѣленій, заимствуютъ эти признаки другъ отъ друга, черезъ взаимное сопоставленіе, открывающее черты сходствъ и различій между ними. Высшій предѣльный родъ, именно потому, что онъ предѣльный, находится внѣ условій сопоставленія. Одиноко стоящій, онъ ничему не противополагается, ничѣмъ не освѣщается, точно также какъ и самъ ничего не освѣщаетъ. Онъ одѣтъ сумракомъ, скрывающимъ его отъ глазъ наблюдателя; оберегая свою независимость, онъ остается незримымъ. Высшій родъ, безспорно, существуетъ; онъ долженъ существовать, чтобы могли существовать ближайшіе къ нему виды; но онъ представляетъ собою *загадочную* величину [1]).

имѣть свое отрицаніе. А если такъ, то не можетъ быть самаго высшаго рода; потому что мы не можемъ образовать требуемаго понятія о классѣ, составляющемъ его, не предполагая въ тоже время существованія другаго класса, отличнаго отъ него; а, прибавивши этотъ новый отрицательный классъ къ предполагаемому наивысшему роду, мы получимъ еще высшій родъ, что̀ нелѣпо". Основы науки; с. 653.—Въ томъ же смыслѣ высказывается *Бэнъ*: Logique; t. I, p. 89—90, 99. Ср. также: *Wundt*. Logik; B. I, S. 102.—Намъ кажется, что Джевонсъ и Бэнъ смѣшиваютъ вопросъ о существованіи наивысшаго рода съ вопросомъ объ его опредѣленіи. Что никакое понятіе невозможно безъ сопоставленія, требующаго, по крайней мѣрѣ, двухъ величинъ,—въ данномъ случаѣ—двухъ параллельныхъ группъ,—объ этомъ мы уже говорили въ своемъ мѣстѣ. Но это не мѣшаетъ существовать неопредѣленному высшему роду, который является необходимымъ условіемъ бытія всеобщей классификаціи.

[1]) Ср. выше, гл. II, с. 69. —*Спенсеръ*. Основанія психологіи; т. I, ч. I, с. 163.

Гдѣ же должна начинаться область этого загадочнаго? Гдѣ долженъ лежать *естественный предѣлъ* установленія параллельныхъ группъ, замыкающихся послѣднимъ всеобщимъ родомъ?

Такъ какъ образованіе параллельныхъ группъ обусловливается существованіемъ соотвѣтственныхъ признаковъ, то искомый предѣлъ долженъ лежать тамъ, гдѣ исчезаютъ эти признаки. А такъ какъ, далѣе, соотвѣтственные признаки есть ничто иное какъ разновидности общихъ признаковъ, то, выражаясь иначе, поступательное движеніе всеобщей классификаціи отъ низшихъ группъ къ высшимъ должно остановиться тамъ, гдѣ уже нѣтъ возможности различать *характерныхъ состояній* въ общихъ свойствахъ предметовъ, гдѣ эти свойства становятся *сходными до неразличаемости* и потому неопредѣленными, гдѣ разнообразіе явленій погружается и тонетъ въ *темномъ тожествѣ* ихъ [1]). Духъ и матерія, вещи и отношенія—вотъ высшія параллельныя группы [2]), за которыми стоитъ таинственный всеобщій родъ. Двинуться далѣе въ образованіи реальныхъ группъ мы не можемъ, потому что не знаемъ болѣе общихъ признаковъ, въ которыхъ подмѣчалось бы различіе. Пожалуй, мы можемъ установить новую объединяющую

---

[1]) Подобныя же условія опредѣляютъ границу параллельныхъ группъ въ частныхъ классификаціяхъ: очевидно, что съ исчезновеніемъ различія въ общихъ признакахъ данныхъ размѣщаемыхъ предметовъ исчезаетъ возможность образованія видовъ. Если, однако, предѣльныя роды частныхъ классификацій характеризуются отчетливыми признаками, то этимъ они обязаны сопоставленію съ группами, лежащими внѣ размѣщаемаго матеріала, на что мы уже указывали выше.

[2]) *Bain.* Logique; t. I, p. 374 sq.—*Троицкій.* Наука о духѣ; т. I, с. 133 sq.; т. II, с. 10.—Извѣстно, что Аристотель установилъ десять высшихъ категорій, подъ которыя онъ подводилъ все разнообразіе нашихъ понятій. Но его категоріи страдали многими недостатками. Поэтому, позднѣйшіе мыслители нерѣдко ворочались къ вопросу, занимавшему Аристотеля, и предлагали свои рѣшенія. См. обзоръ попытокъ этого рода: *Ueberweg.* System der Logik; S. 91—97. Среди предложенныхъ рѣшеній заслуживаетъ вниманія попытка *Милля*, который свелъ десять древнихъ категорій къ четыремъ. Система логики; т. I, с. 94. Авторъ „науки о духѣ“ дѣлаетъ новую и, по нашему мнѣнію, удачную попытку дальнѣйшаго сокращенія категорій: „вещи“ и „отношенія“ являются у него послѣдними высшими понятіями, подъ которыя подводятся всѣ остальныя. Произвести новое сокращеніе уже невозможно, по причинамъ, указаннымъ нами въ текстѣ.

группу «бытія», если станемъ противополагать его «небытію», какъ чему-то реальному, и видѣть въ элементахъ этого противоположенія разновидности высшаго третьяго. Но этотъ новый шагъ впередъ, если онъ возможенъ, [1]) нисколько не измѣняетъ существа дѣла: предѣлъ установленія высшихъ параллельныхъ группъ, перенесенный нѣсколько далѣе, по прежнему находится тамъ, гдѣ оканчивается возможность наблюдать различіе въ высшихъ признакахъ,—граница, за которою начинается загадочная область всеобщаго рода. Эта граница полагается, очевидно, свойствами нашихъ способностей: неразличаемость признаковъ по отдѣльнымъ состояніямъ, ихъ полное тожество, устраняя дѣйствіе различающей способности, исключаетъ съ тѣмъ вмѣстѣ возможность сопоставленія, какъ акта мысли, а, слѣдовательно,—и классификаціи. [2]) Число высшихъ параллельныхъ группъ, объединяемыхъ предѣльнымъ родомъ, опредѣляется числомъ отчетливо выраженныхъ разновидностей общаго признака, положеннаго въ основу дѣленія. Менѣе двухъ ихъ быть не можетъ, потому что въ такомъ случаѣ не было бы и разновидностей.

Мы видѣли, что частныя классификаціи являются неоконченными, имѣющими продолженіе въ классификаціи всеобщей. Какъ бы съ тѣмъ-же неоконченнымъ характеромъ представляется и эта послѣдняя, завершаясь неопредѣленною группою. Причина *неоконченности*, дѣйствительной и кажущейся, въ обоихъ случаяхъ одна и таже. Высшія группы частныхъ классификацій, чтобы характеризоваться такъ или иначе, требуютъ себѣ противоположенія, что̀ приводитъ ихъ въ связь со всеобщею классификаціей, которая, по тому-же основанію, замыкается неопредѣленнымъ родомъ. Причина эта заключается въ условности или относительности нашихъ способностей,—въ томъ, что не имѣя въ умѣ готовыхъ мѣрокъ, мы измѣряемъ опредѣляемые предметы другъ другомъ, черезъ взаимное сопоставленіе.

При той зависимости низшихъ группъ отъ высшихъ, какая была обнаружена выше, судьба частной классификаціи, всегда яв-

---

[1]) *Ульрици* доказываетъ,—на нашъ взглядъ, совершенно основательно,—что онъ невозможенъ. См. Compendium der Logik; S. 59—61; 114—115.

[2]) См. выше, гл. II, с. 41—43.

ляющейся отрывкомъ всеобщей, очевидно, неразрывно связана съ судьбою этой послѣдней. Казалось-бы, поэтому, что изученіе окружающаго насъ міра мы должны *начинать* съ построенія всеобщей классификаціи. Но такая работа потребовала-бы предварительнаго знакомства съ классифицируемымъ матеріаломъ, т.-е. со всею совокупностью явленій, доступныхъ изученію. А развѣ это возможно и мыслимо?—Разумѣется, и невозможно, и немыслимо, и въ дѣйствительности слѣдуютъ *иною дорогою*.

Не останавливаясь на непосильной задачѣ построенія всеобщей классификаціи, обыкновенно обособляютъ *группу подобныхъ предметовъ* на основаніи бѣглаго знакомства съ окружающимъ и подвергаютъ ее спеціальному изученію. Основаніемъ обособленія служатъ при этомъ черты яркаго сходства предметовъ выдѣляемой группы и рѣзкаго отличія ихъ отъ другихъ предметовъ. Спеціальное изученіе выдѣленной группы приводитъ къ ближайшему ознакомленію съ ея составными частями и болѣе или менѣе правильному размѣщенію ихъ на основаніи этого знакомства. Когда и сосѣднія предметы точно такимъ же образомъ обособлены, изслѣдованы и размѣщены,—происходитъ *сближеніе результатовъ уединенной работы*: сравниваются между собою группы первоначальнаго обособленія и ихъ дальнѣйшія подраздѣленія, и вносятся въ произведенныя размѣщенія необходимыя поправки, отвѣчающія уровню знаній о предметахъ. Получается классификація *болѣе общая*, чѣмъ тѣ первоначальныя. Такъ, мало-по-малу, медленно и постепенно, изученіе расширяетъ захватываемое имъ пространство, и частныя классификаціи смѣняются болѣе общими, пока, наконецъ, не дѣлается попытки установленія всеобщей классификаціи. На этомъ, однако, дѣло не останавливается: знанія ростутъ въ объемѣ и выигрываютъ въ глубинѣ, вызывая соотвѣтственныя измѣненія въ классификаціи; съ своей стороны, эта послѣдняя является условіемъ расширенія и усовершенствованія знанія [1]). И такъ безъ конца, пока продолжается научная работа. Если взглянуть, съ этой точки зрѣнія, на исторію нашего знакомства съ окружающимъ міромъ, она представитъ собою картину послѣдовательнаго проникновенія въ тайны природы и постоян-

[1]) См. ниже, гл. VII.—Ср. *Милль*. Система логики; т. II, с. 263.

ной перестройки научнаго зданія, благодаря, главнымъ образомъ, перестройкѣ классификаціи, которая служитъ чертежемъ, опредѣляющимъ архитектуру сооруженія.

Такимъ образомъ, не смотря на зависимость частныхъ классификацій отъ всеобщей, къ послѣдней приходится по необходимости *восходить* черезъ посредство первыхъ. Въ этомъ процессѣ восхожденія ошибка возможна, конечно, на каждомъ шагу, ибо выдѣленіе той или другой группы подобныхъ предметовъ, какъ матеріала для частной классификаціи, есть всегда дѣло болѣе или менѣе случайное, опредѣляемое запасомъ предварительныхъ свѣденій. Надежное и правильное выдѣленіе группы, болѣе или менѣе обезпечивающее отъ ошибокъ, предполагало-бы установленіе параллельныхъ группъ, высшей надъ ними группы, ея параллельныхъ группъ, и т. д., т.-е. требовало-бы построенія всеобщей классификаціи, которая является конечною цѣлью кропотливыхъ усилій. А вслѣдствіе невозможности прямо начинать съ того, чѣмъ предстоитъ окончить, и неустранимой необходимости устанавливать частныя классификаціи ранѣе всеобщей,—съ вѣроятными ошибками и неизбѣжными исправительными передѣлками слѣдуетъ помириться заранѣе. Правда, для удаленія ошибокъ можно рекомендовать нѣкоторыя предосторожности; но онѣ только отчасти способны обезпечить отъ промаховъ. Главная предосторожность должна заключаться въ строгомъ исполненіи требованія, чтобы предметы, подлежащіе размѣщенію, обладали большимъ числомъ общихъ признаковъ, скрывающихъ за собою неопредѣленное множество свойствъ неизвѣстныхъ. Другими словами, нужно прежде всего убѣдиться, составляютъ ли данные предметы естественную группу, чтобы не трудиться напрасно. Этой группѣ необходимо, далѣе, придать правильную организацію, т.-е. указать наиболѣе постоянный и неподвижный признакъ обособленія, который могъ бы служить средствомъ для рѣшенія вопроса, что̀ должно быть относимо къ размѣщаемому матеріалу и что̀—исключено изъ него. Наконецъ, зная, что обособляющій признакъ группы не можетъ повторяться ни въ параллельныхъ [1]), ни въ высшихъ группахъ, слѣдуетъ внимательно ос-

[1]) Какъ опредѣленная, ярко выраженная разновидность общаго признака. См. выше, с. 137—138; ср. 133—134.

мотрѣться кругомъ,—нѣтъ-ли того же признака въ другихъ предметахъ, не включенныхъ въ изучаемую группу. Если онъ есть и въ нихъ, то это значитъ, что или обособленіе не захватило всѣхъ предметовъ, подлежащихъ выдѣленію, или оно дурно выбрало обособляющій признакъ. Сообразно этому, должны быть произведены соотвѣтствующія измѣненія, при соблюденіи правилъ, какія были указаны нами относительно выдѣленія группъ, разсматриваемыхъ изолированно [1]).

Но если въ вопросѣ о построеніи всеобщей классификаціи мы двигаемся въ восходящемъ направленіи, отъ низшихъ группъ къ высшимъ, за-то всякій разъ мы слѣдуемъ *обратному порядку*, когда создаемъ частныя классификаціи. Естественникъ начинаетъ размѣщеніе установленіемъ основныхъ группъ среди животныхъ, растеній или минераловъ; юристъ—размежеваніемъ права на отдѣльныя и самостоятельныя области. Уже потомъ, по исполненіи этой начальной работы, они приступаютъ къ установленію дальнѣйшихъ подраздѣленій [2]). И не только такъ поступаютъ обыкновенно, но такъ и слѣдуетъ поступать [3]). Въ пользу построенія классификаціи *сверху*, а *не снизу*, говорятъ два вѣсскихъ соображенія.

Во 1-хъ, начиная размѣщеніе снизу, пришлось бы на каждомъ шагу испытывать тѣ *затрудненія*, какія, при обратномъ порядкѣ, сопровождаютъ только организацію *высшей* группы. Мы познакомились уже съ этими затрудненіями и знаемъ, что они являются необходимостью, неустранимою по существу дѣла, но печальною, подвергающею риску успѣхи классификаціи. Рекомендовать установленіе низшихъ группъ ранѣе высшихъ значило бы, при образованіи *каждой* группы, искусственно создовать себѣ эту необходимость и подвергаться всѣмъ связаннымъ съ нею случайностямъ. При обратномъ слѣдованіи затрудненія, влекущія за собою

---

[1]) См. гл. IV.

[2]) Исторія естественныхъ наукъ (зоологіи, ботаники, минералогіи) показываетъ, что построеніе классификаціи всегда начиналось сверху. См. *Уэвелль*. Исторія индуктивныхъ наукъ; т. III, с. 310—487, 578—584.

[3]) *Миллъ* держится, повидимому, другаго взгляда. См.: Система логики; т. II, с. 270. Впрочемъ, по тому же вопросу, онъ высказывается и нѣсколько иначе. Ibid.; с. 257, 280—281.

ошибки, *сосредоточиваются* наверху и уже отсюда косвенно вліяютъ на судьбу дальнѣйшаго размѣщенія. Въ одномъ случаѣ самостоятельныхъ источниковъ ошибокъ—*множество*, тогда какъ въ другомъ—только *одинъ*. Само собою разумѣется, что сосредоточеніе слабыхъ мѣстъ работы облегчаетъ исправленіе вкравшихся ошибокъ и болѣе или менѣе гарантируетъ отъ нихъ, побуждая изслѣдователя относиться съ особымъ вниманіемъ къ Ахиллесовой пятѣ своего изслѣдованія.

Во 2-хъ, въ необходимости начинать размѣщеніе сверху еще болѣе убѣждаетъ *организація рода* и его *видовъ*, служащая *типомъ* строенія классификаціи. Всматриваясь въ эту организацію, нельзя не придти къ заключенію, что, при правильной постановкѣ дѣла, виды должны быть *выдѣлены* изъ рода, а не родъ *образованъ* изъ видовъ. Это непосредственно вытекаетъ изъ условій логическаго дѣленія, лежащаго въ основѣ всякаго установленія группъ. Правильное дѣленіе требуетъ, чтобы обособляемыя части опирались на соотвѣтственные признаки или, что̀ то же, разновидности общаго признака, которыя должны быть точно констатированы на пространствѣ всего дѣлимаго матеріала. Только подъ этимъ условіемъ части захватятъ цѣлое безъ остатка, что̀ существенно важно для понятія о родѣ; съ другой стороны, только подъ этимъ условіемъ образуемыя группы будутъ взаимно исключающимися частями, что̀ существенно важно для понятія о видахъ. Но точно констатировать соотвѣтственные признаки на пространствѣ всего дѣлимаго матеріала, прежде чѣмъ приступить къ установленію видовъ, именно и значитъ начинать съ организаціи рода; ибо такое констатированіе требуетъ предварительнаго изученія общихъ его признаковъ, разновидности которыхъ могли бы послужить основаніемъ дѣленія. Идти въ противоположномъ направленіи значило бы обособлять части безъ соображенія съ цѣлымъ и другими частями,—создавать группы, руководствуясь признаками, бросающимися въ глаза въ отдѣльныхъ предметахъ, не соблюдая при этомъ требованія соотвѣтствія. Но такой способъ размѣщенія не давалъ бы гарантій ни въ томъ, что весь матеріалъ захваченъ обособленіемъ, ни въ томъ, что мы имѣемъ предъ собою параллельныя группы, какъ части одного дѣленія, а не обрывки многихъ. Правильный исходъ былъ бы здѣсь совершенною слу-

чайностью. Выдѣляя, напр., изъ даннаго собранія книгъ сначала группу малыхъ, затѣмъ переплетенныхъ, тамъ, далѣе, истрепанныхъ, безъ соотвѣтсвующаго обособленія группъ большихъ, непереплетенныхъ и цѣльныхъ, мы рисковали бы получить группы, не обнимающія всѣхъ дѣлимыхъ книгъ и, быть можетъ, совпадающія между собою въ нѣкоторыхъ частяхъ. Но это такія послѣдствія, которыя нарушаютъ основныя требованія правильнаго размѣщенія.—Если изложенныя соображенія справедливы по отношенію къ отдѣльному звену классификаціи,—къ роду и его видамъ,—то доказательная сила ихъ, конечно, не уменьшается, а возрастаетъ въ примѣненіи къ цѣлой системѣ такихъ звеньевъ. Затрудненія, неизбѣжныя и неустранимыя на каждомъ шагу, дѣлаютъ невозможнымъ построеніе классификацій снизу. Они побуждаютъ изслѣдователя отказаться отъ этого пути, какъ отъ невозможной попытки построить обширное и затѣйливое зданіе безъ плана, посредствомъ исполненія отдѣльныхъ частей, не сообразованныхъ съ цѣлымъ.

Такимъ образомъ, вопросъ о построеніи классификаціи сверху, а не снизу, долженъ быть рѣшенъ въ утвердительномъ смыслѣ. Совершенно иное дѣло, *откуда* считать этотъ верхъ, т.-е. какъ широка должна быть та или иная частная классификація. Выше мы уже видѣли, что объемъ классификаціи находится въ прямомъ отношеніи къ состоянію нашего знанія. При правильномъ ознакомленіи съ предметами приходится поневолѣ начинать съ обособленія незначительныхъ группъ, подвергая ихъ дальнѣйшему дѣленію. Но, по мѣрѣ успѣховъ знанія, частныя классификаціи, перестроиваясь и сливаясь между собою, подготовляютъ почву для построенія классификацій болѣе широкихъ, которыя, въ свою очередь, стремятся объединиться въ классификаціи всеобщей. Къ организаціи этой послѣдней мы направляемся, такъ сказать, попятными движеніями, какъ бы удаляясь отъ нея въ каждомъ данномъ случаѣ, съ тѣмъ, чтобы потомъ вновь подвинутья ближе и начать новое удаленіе. Такъ, приближаясь мало-по-малу, мы кончаемъ тѣмъ, что достигаемъ желанной цѣли.

б) **Крайнія низшія группы** (infimae species) характеризуются тѣмъ, что, подчиняясь высшимъ группамъ, сами уже *не подчиняютъ* никакихъ другихъ группъ. Онѣ составляютъ послѣднія подраздѣ-

ленія въ размѣщеніи изучаемаго матеріала, заключающія классификацію: книзу отъ нихъ начинается область индивидуальныхъ предметовъ. Поэтому, крайнія низшія группы всегда являются въ положеніи *видовъ* и никогда—родовъ, ибо никогда не стоятъ надъ другими группами. Такимъ образомъ, процессъ дробленія группъ, которымъ сопровождается построеніе всякой классификаціи, имѣетъ также свою границу. Опредѣляя эту границу, вновь повторимъ, что обособленіе группъ требуетъ существованія соотвѣтственныхъ признаковъ, которые должны встрѣчаться во *многихъ* или, по крайней мѣрѣ, въ *нѣсколькихъ* предметахъ, именно потому, что дѣло идетъ объ установленіи группъ, а не объ выдѣленіи особей. Отсюда слѣдуетъ, что образованіе низшихъ группъ представляется возможнымъ до тѣхъ поръ, пока существуютъ соотвѣтственные признаки, принадлежащіе нѣсколькимъ или многимъ предметамъ. Это значитъ, другими словами, что *низшій предѣлъ* классификаціоннаго дѣленія лежитъ тамъ, гдѣ начинается различіе по отдѣльнымъ предметамъ, гдѣ общее и родовое уступаетъ мѣсто особенному и индивидуальному. Стало быть, внизу, какъ и наверху, предѣлъ классификаціи полагаютъ наши способности: отсутствіе общаго или сходнаго въ особяхъ, исключая работу способности уподобленія, дѣлаетъ невозможнымъ дальнѣйшее движеніе [1]).

Сравнивая крайній предѣлъ обособленія высшихъ параллельныхъ группъ, замыкаемыхъ послѣднимъ родомъ всеобщей классификаціи, съ предѣломъ обособленія низшихъ группъ, нельзя не замѣтить, что условія въ томъ и другомъ случаѣ не только *различны*, но и *противоположны*. Въ первомъ случаѣ возможность установленія дальнѣйшихъ группъ оканчивается съ исчезновеніемъ *различія въ общихъ признакахъ*, съ полнымъ сходствомъ или тожествомъ ихъ между собою; тогда какъ во второмъ, наоборотъ, эта возможность оканчивается съ исчезновеніемъ *сходства въ индивидуальныхъ предметахъ*,—съ полнымъ и совершеннымъ различіемъ ихъ между собою. *Сходство* и *различіе*,—два необходимыхъ условія всякаго сопоставленія,—намѣчаютъ *высшую* и *низшую* границы классификаціи какъ пріема мысли. Тамъ, гдѣ нѣтъ одного изъ

---

[1]) См. выше, гл. II, с. 37—40.—Ср. *Джевонсъ*. Основы науки; с. 654.

этихъ условій, не можетъ быть никакой группы, а, стало-быть, и никакого общаго или родоваго понятія.

Если, отправляясь отъ этихъ условій, смотрѣть на размѣщеніе съ точки зрѣнія *высшей* группы, оно представитъ собою попытку констатировать и оттѣнить въ изучаемыхъ предметахъ *опредѣляющія различія*. Наоборотъ, если взглянуть съ точки зрѣнія *низшихъ* группъ, оно представитъ собою попытку отыскать и отмѣтить въ нихъ *опредѣляющія сходства* или *подобія*. Наконецъ, если стать на точку зрѣнія одной изъ *срединныхъ* группъ, то кверху отъ нея расположатся *синтетическія* группы, проникнутыя стремленіемъ объединить и связать разнообразіе явленій, а книзу— группы *аналитическія*, стремящіяся отыскать и установить разнообразіе въ единствѣ.

Мы указали высшій и низшій предѣлы классификаціи. Замѣтимъ, что это—предѣлы *фактическіе*, полагаемые свойствами нашихъ способностей. Въ дѣйствительности классификація не всегда слѣдуетъ за этими предѣлами, хотя, оставаясь правильною, она никогда не переступаетъ ихъ. Дѣло въ томъ, что при построеніи классификаціи не слѣдуетъ забывать, что она—пріемъ изученія; а это ставитъ ее въ зависимость не только отъ фактическихъ условій, но и отъ практическихъ требованій цѣлесообразности. Эти-то требованія и устанавливаютъ *методологическія* границы классификаціи, которыя въ большинствѣ случаевъ тѣснѣе фактическихъ. Обособленіе группъ, равно какъ и объединеніе ихъ, съ методологической точки зрѣнія должно останавливаться тамъ, гдѣ оканчивается возможность образованія естественныхъ классовъ, или такихъ, общимъ свойствамъ которыхъ изученіе придаетъ значеніе. [1]) Дальнѣйшее движеніе вверхъ или внизъ, безцѣльно объединяя или раздѣляя классифицируемые предметы, слѣдуетъ признать излишнимъ, хотя оно и представляется совершенно возможнымъ. [2])

---

[1]) См. выше, гл. IV, с. 100—103.—Ср. *Миллъ*. Система логики; т. I, с. 148.—*Bain*. Logique; t. I, p. 96; t. II, p. 282—284.—Логики Аристотелевой школы къ низшимъ группамъ или видамъ относили только естественные классы въ строгомъ смыслѣ слова. См. *Миллъ*. Ibid; 150 sq.— *Ueberweg*. System der Logik; S. 120 sq.

[2]) *Ueberweg*. System der Logik; S. 139—140.

Заключая настоящую главу, намъ остается резюмировать ея выводы.

Взаимное отношеніе *параллельныхъ* группъ характеризуется ихъ *одинаковымъ* положеніемъ, которое является слѣдствіемъ обособленія ихъ на *равныхъ* основаніяхъ посредствомъ дѣленія. Дѣлить въ логическомъ смыслѣ значитъ *различать*, что̀ предполагаетъ сходство въ различаемомъ. По этому *обособляющіе* признаки, на которые опирается дѣленіе при образованіи группъ, должны быть одновременно *различными* и *сходными* между собою, т.-е. *разновидностями высшаго признака*. Это значитъ, что, съ точки зрѣнія взаимнаго сходства, они должны быть соотвѣтственными, а съ точки зрѣнія взаимнаго различія — исключающими другъ друга. Обѣ точки зрѣнія предполагаютъ одна другую, что̀ даетъ основаніе въ каждомъ данномъ случаѣ довольствоваться любою изъ нихъ. Соотвѣтствіе или взаимное исключеніе обособляющихъ признаковъ служитъ *основнымъ* началомъ установленія параллельныхъ группъ, не терпящимъ нарушенія, но иногда скрытымъ. Значеніе этого начала можетъ быть повѣрено на каждомъ примѣрѣ; но оно сказывается съ особою яркостью въ случаяхъ отрицательныхъ: параллельныя группы становятся невозможными, какъ скоро не выполнено требованіе соотвѣтствія.

Строгое *проведеніе* начала соотвѣтствія вызываетъ *два другихъ* дополнительныхъ правила дѣленія. Чтобы раздѣлить размѣщаемый матеріалъ безъ остатка, дѣленіе должно захватить *всѣ разновидности* признака, на который оно опирается, и вокругъ каждой изъ нихъ образовать особую группу. Другими словами, дѣленіе требуетъ, чтобы, во 1-хъ, каждая обособленная часть была *менѣе* цѣлаго и, во 2-хъ, всѣ части, взятыя вмѣстѣ, *равнялись* дѣлимому. При соблюденіи этихъ дополнительныхъ правилъ число группъ опредѣляется числомъ разновидностей высшаго признака, откуда слѣдуетъ, между прочимъ, что *раздвояющаяся* классификація не можетъ быть признана общимъ наилучшимъ типомъ классификаціи, ибо во множествѣ случаевъ она насиловала-бы свойства размѣщаемаго матеріала. Но, съ другой стороны, дѣленіе должно останавливаться только на *ярко* и *отчетливо* выраженныхъ разновидностяхъ, распредѣляя между ними переходныя состоянія высшаго признака. Создавать вокругъ этихъ послѣднихъ такъ назы-

ваемыя *переходныя* группы въ большинствѣ случаевъ безцѣльно, ибо, не уничтожая явленій перехода, онѣ увеличиваютъ число ихъ мѣстъ въ классификаціи.

Взаимное отношеніе *высшихъ* и *низшихъ группъ*, *родовъ* и *видовъ*, выражается въ *прямой* и *косвенной* зависимости послѣднихъ отъ первыхъ: высшія группы подчиняютъ себѣ *непосредственно* ближайшія низшія и *посредственно*, черезъ нихъ, всѣ дальнѣйшія подраздѣленія. Это подчиненіе обнаруживается главнымъ образомъ въ томъ, что обособляющіе признаки родовъ не могутъ служить *основаніемъ* для выдѣленіе видовъ, такъ какъ обособленіе привело-бы въ этомъ случаѣ не къ образованію новыхъ параллельныхъ группъ, а лишь къ раздробленію прежнихъ. Поэтому, во избѣжаніе ошибокъ, установленіе низшихъ группъ слѣдуетъ начинать съ удаленія обособляющихъ признаковъ высшихъ, отыскивая основанія для новаго дѣленія въ общихъ свойствахъ дѣлимой группы, сопутствующихъ ея обособляющему признаку.—Въ связи съ указанною зависимостью находится зависимость *состава* низшихъ группъ отъ состава высшихъ, ибо выборъ обособляющихъ признаковъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ то или другое распредѣленіе предметовъ, въ каждомъ случаѣ опредѣляется содержаніемъ дѣлимой группы, что, впрочемъ, ясно само собою.

По отношенію къ *своимъ* группамъ обособляющіе признаки по всюду занимаютъ *одинаковое* положеніе: они являются *центральными*, группирующими вокругъ себя всѣ другіе признаки, въ большей или меньшей вѣроятной зависимости. За-то положеніе ихъ относительно обособляемыхъ предметовъ *не одинаково*: значеніе ихъ *увеличивается* по мѣрѣ движенія вверхъ, къ высшимъ группамъ, и уменьшается при слѣдованіи въ обратную сторону. Болѣе устойчивые и постоянные, признаки высшихъ группъ, по тому самому, болѣе основные и независимые, чѣмъ признаки низшихъ; первые служатъ устоями явленій, тогда какъ вторые—производными ихъ свойствами. При такомъ отношеніи обособляющихъ признаковъ къ предметамъ *логическая* зависимость группъ отвѣчаетъ *существующей* взаимной *зависимости* признаковъ классифицируемаго матеріала.

Анализъ особенностей крайнихъ группъ убѣждаетъ въ томъ, что *высшій предѣльный родъ* всякой *частной* классификаціи но-

сить на себѣ тотъ-же зависимый характеръ, какъ и всѣ другія ея группы. Всегда представляя собою обособляемый классъ предметовъ, родъ этотъ подчиняется всѣмъ условіямъ обособленія. Поэтому, опираясь на одну изъ разновидностей высшаго признака, онъ необходимо предполагаетъ вокругъ остальныхъ разновидностей параллельныя себѣ группы, вмѣстѣ съ которыми объединяется въ высшемъ родѣ. Въ свою очередь, этотъ послѣдній родъ предполагаетъ параллельныя группы и родъ еще болѣе высшій, и т. д., пока классификація, сдѣлавшись всеобщею, не будетъ увѣнчана группою, обнимающею всѣ предметы. Такимъ образомъ, высшій родъ частной классификаціи является *уединенною* группою всеобщей и въ этомъ качествѣ не отличается отъ подчиненныхъ ему группъ. Кажущаяся его независимость объясняется изолированнымъ его положеніемъ, вызываемымъ спеціализаціею занятій.

Инымъ характеромъ отличается *предѣльный родъ всеобщей* классификаціи, служащій необходимымъ ея завершеніемъ. Онъ, во 1-хъ, *независимъ*, потому что не имѣетъ надъ собою высшаго рода и, во 2-хъ, *неопредѣленъ*, потому что не имѣетъ параллельныхъ группъ и, слѣдовательно, стоитъ внѣ условій сопоставленія. Онъ начинается тамъ, гдѣ исчезаетъ *различіе* въ общихъ признакахъ, способное послужить основаніемъ для выдѣленія видовъ. Здѣсь граница нашего знанія о предметахъ, полагаемая исчезновеніемъ параллельныхъ группъ; далѣе—область *всеобщаго неопредѣленнаго рода*, гдѣ все тонетъ въ темномъ тожествѣ признаковъ. Завершаясь подобнымъ родомъ, всеобщая классификація представляется какъ-бы неоконченною, подобно частнымъ классификаціямъ, имѣющимъ къ ней свое естественное продолженіе.

Подчиненіе частныхъ классификацій всеобщей не устраняетъ необходимости *восходить* къ послѣдней черезъ посредство первыхъ. За невозможностью обнять всѣ существующіе предметы разомъ, приходится начинать съ обособленія отдѣльныхъ группъ, подвергая каждую изъ нихъ особому размѣщенію. Позднѣйшее сопоставленіе этихъ группъ, уединенно разсмотрѣнныхъ, приводитъ къ исправленію первоначальныхъ частныхъ размѣщеній и къ замѣнѣ ихъ *болѣе общими* классификаціями. Такъ, мало по малу, изученіе расширяетъ свой кругъ, постепенно раздвигая рамки классификацій, пока послѣднія не сольются въ одно *общее распредѣ-*

леніе существующихъ предметовъ. Въ этомъ восходящемъ движеніи ошибки возможны на каждомъ шагу; съ необходимостью постояннаго ихъ исправленія, не смотря на нѣкоторыя возможныя предосторожности въ работѣ, слѣдуетъ помириться заранѣе.

Въ *обратномъ* порядкѣ производится построеніе частныхъ классификацій: здѣсь идутъ *сверху внизъ*, а не наоборотъ, по двумъ основаніямъ. Во 1-хъ, при слѣдованіи внизъ возможность ошибокъ сосредоточивается главнымъ образомъ около *высшей* группы, тогда какъ въ противномъ случаѣ ошибки могли-бы быть разсѣяны *повсюду*. Во 2-хъ, въ необходимости этого пути еще болѣе убѣждаетъ *организація* рода и его видовъ, какъ типическаго звена классификаціи. Опираясь на логическое дѣленіе, эта организація предполагаетъ обособленіе видовъ на основаніи разновидностей общаго признака, которыя должны быть констатированы на пространствѣ всего дѣлимаго матеріала, чтобы, исключаясь взаимно, виды захватывали все дѣлимое безъ остатка. А это и значитъ начинать съ установленія рода, ибо упомянутое констатированіе разновидностей требуетъ предварительнаго знакомства съ общими признаками данныхъ предметовъ. Идти отъ видовъ къ роду значило-бы устанавливать *части безъ соображенія съ цѣлымъ*, подвергаясь всѣмъ случайностямъ такого пріема.—Справедливыя по отношенію къ отдѣльному роду и его видамъ, изложенныя соображенія должны имѣть еще бо̀льшее значеніе по отношенію классификаціи, какъ системы многихъ родовъ и видовъ. Поэтому, построеніе частныхъ классификацій слѣдуетъ всегда начинать съ *высшихъ группъ*, при чемъ объемъ ихъ долженъ опредѣляться состояніемъ знанія въ данное время.

Крайнія низшія группы, въ отличіе отъ высшихъ, *не подчиняютъ* себѣ никакихъ другихъ группъ. Только *виды*, но не роды, онѣ представляютъ предѣльныя звенья дѣленія. Предѣлъ этотъ лежитъ тамъ, гдѣ среди дѣлимаго уже начинается *различіе* по *отдѣльнымъ предметамъ*, исключающее общее между ними, необходимое для образованія группъ. Сравнивая этотъ предѣлъ съ предѣломъ установленія высшихъ параллельныхъ группъ, указаннымъ выше, находимъ, что условія тамъ и здѣсь не только *различны*, но и *противоположны*: въ одномъ случаѣ возможность установленія группъ исчезаетъ съ исчезновеніемъ *различія* въ

общихъ признакахъ, въ другомъ—съ исчезновеніемъ *сходства* въ индивидуальныхъ свойствахъ. Сходство и различіе,—два необходимые элемента мысли, — полагаютъ *границы классификаціи*, какъ ея пріему. Это границы *фактическія*. Никогда не переступая ихъ, классификація, однако, не всегда слѣдуетъ за ними, ибо она—пріемъ изученія, который не можетъ пренебрегать требованіями цѣлесообразности. Эти требованія намѣчаютъ *методологическія* границы классификаціи, довольствующейся установленіемъ естественныхъ группъ, или такихъ, общимъ свойствамъ которыхъ изученіе придаетъ значеніе.

ГЛАВА ШЕСТАЯ.

Взаимное расположеніе предметовъ и группъ.

Расположеніе предметовъ и группъ рядами, какъ наиболѣе отвѣчающее цѣлямъ классификаціи.—Іерархическіе ряды спеціальныхъ классификацій, какъ условіе примѣненія метода сопутствующихъ измѣненій.—Случаи іерархическаго расположенія въ общихъ классификаціяхъ.—Выводы.

Наше изложеніе общаго ученія о классификаціи, какъ научномъ пріемѣ изслѣдованія, страдало бы существеннымъ пробѣломъ, если бы мы прошли молчаніемъ вопросъ о взаимномъ расположеніи предметовъ и группъ. Этотъ важный вопросъ впервые обратилъ на себя вниманіе Конта, который разработалъ его, имѣя въ виду, главнымъ образомъ, «*іерархическій*» порядокъ размѣщенія изучаемаго матеріала въ біологіи. [1]) Встрѣченныя возраженіями со стороны Уэвелля, положенія Конта нашли себѣ защитника въ лицѣ Милля, давшаго имъ болѣе точное выраженіе подъ именемъ ученія о *классификаціи рядами*. Въ этомъ видѣ позднѣе они были усвоены Бэномъ, войдя необходимою составною частью въ общую теорію классификаціи.

Касаясь этой сравнительно новой стороны дѣла, мы остановимся сначала на *взаимномъ расположеніи предметовъ* въ отдѣльныхъ группахъ, что дастъ намъ основаніе для рѣшенія другой половины вопроса,—о *взаимномъ расположеніи самихъ группъ*.

Если предметы каждой данной группы могутъ быть расположены различно, если въ этомъ отношеніи они способны предста-

---

[1]) *Comte.* Cours de philosophie positive; t. III, p. 239—245, 310—314, 374—387, 398—423.

вить множество самыхъ прихотливыхъ сочетаній, то,—спрашивается,—всякое ли сочетаніе въ одинаковой мѣрѣ отвѣчаетъ цѣлямъ классификаціи? Нѣтъ ли такого расположенія предметовъ, которое должно быть признано наилучшимъ по сравненію со всѣми прочими?

Рѣшеніе этихъ вопросовъ не представитъ затрудненій, если мы припомнимъ причины, дѣлающія размѣщеніе необходимымъ пріемомъ изученія. Въ своемъ мѣстѣ мы видѣли, что предметы опредѣляются взаимнымъ сопоставленіемъ, которое, при наличности извѣстныхъ условій, переходитъ въ логическую операцію сравненія. Эти условія заключаются въ сближеніи наиболѣе сходныхъ предметовъ, что̀ приводитъ къ необходимости классификаціи, какъ пріема изученія.

Обращаясь къ вопросу о *расположеніи предметовъ* въ отдѣльныхъ группахъ, мы должны, очевидно, приложить къ нему ту же самую мѣрку, такъ какъ дѣло идетъ о точно такомъ же размѣщеніи изучаемаго матеріала, съ тѣмъ чисто внѣшнимъ различіемъ, что рамки изученія берутся здѣсь тѣснѣе. А прилагая эту мѣрку къ внутреннему устройству группъ, мы придемъ къ совершенно вѣрному заключенію, что наполняющіе ихъ предметы должны быть расположены въ порядкѣ, отвѣчающемъ *степени* ихъ *взаимнаго сходства*. Именно при этихъ условіяхъ сравненіе ихъ между собою будетъ поставлено въ наиболѣе выгодное положеніе: каждый отдѣльный предметъ будетъ находиться въ непосредственномъ сосѣдствѣ съ тѣми, сопоставленіе съ которыми способно дать наиболѣе плодотворные результаты для изученія.

Что касается *способа* расположенія предметовъ, то онъ вытекаетъ самъ собою изъ условій задачи, къ рѣшенію которой приступаютъ уже тогда, когда группы классификаціи установлены и организованы. Обособляющіе признаки ихъ обладаютъ всѣми необходимыми свойствами, чтобы служить *лучшимъ средствомъ* для этого рѣшенія. Не забудемъ, что это—тѣ признаки, сходство въ которыхъ сопровождается наибольшимъ сходствомъ другихъ признаковъ,—тѣ, въ которыхъ мы имѣемъ основаніе предполагать, если не производящія причины общихъ свойствъ, то, по крайней мѣрѣ, неизмѣнныхъ спутниковъ такихъ причинъ. Поэтому, игнорируя другіе признаки, мы можемъ сосредоточить свое вниманіе на

этихъ главныхъ и слѣдить за ихъ колебаніями по отдѣльнымъ предметамъ. Степень колебанія будетъ служить руководствомъ при назначеніи мѣста каждому данному предмету среди другихъ. Размѣщая по наибольшему сходству обособляющихъ признаковъ, мы расположимъ предметы внутри группъ въ порядкѣ ихъ постепеннаго отклоненія другъ отъ друга.

Переходя отъ расположенія предметовъ въ группахъ къ *расположенію самихъ группъ*, замѣтимъ, что рѣчь, конечно, можетъ идти только о *параллельныхъ* группахъ, такъ какъ взаимное положеніе родовъ и видовъ, будучи постояннымъ, исключаетъ вопросъ о наилучшемъ ихъ размѣщеніи. Что же касается расположенія этихъ группъ, то здѣсь мы вновь должны встрѣтиться съ тѣми же самыми соображеніями, какія выше руководили нами при распредѣленіи отдѣльныхъ предметовъ. [1]) Очевидно, что наиболѣе цѣлесообразнымъ размѣщеніемъ, благопріятствующимъ сравненію, слѣдуетъ признать то, которое располагаетъ параллельныя группы по *силѣ взаимнаго сходства*, измѣряемаго обособляющими признаками. А такъ какъ послѣдніе представляютъ здѣсь разновидности общаго высшаго признака, то, въ цѣляхъ желаемаго расположенія, мы можемъ ограничить свою работу выслѣживаніемъ только этого признака, оставляя въ сторонѣ всѣ другіе. Наблюдая за его отчетливо выраженными видоизмѣненіями, связанными между собою состояніями постепеннаго перехода, мы должны располагать группы сообразно слѣдованію этихъ видоизмѣненій, служащихъ основаніями обособленія. Удовлетворивъ этому требованію, мы достигнемъ размѣщенія, которое обезпечитъ постоянное сосѣдство группъ, наиболѣе подобныхъ между собою; при чемъ всѣ онѣ вмѣстѣ образуютъ цѣпь слѣдующихъ другъ за другомъ звеньевъ въ порядкѣ паростающаго различія между ними.

Располагая изучаемый матеріалъ описаннымъ образомъ, классификація представитъ собою *систему подчиненныхъ другъ другу рядовъ*, образуемыхъ параллельными группами. Члены каждаго ряда расположатся соотвѣтственно *постепенному измѣненію обособляющихъ признаковъ*, сопровождаемому параллельнымъ измѣненіемъ другихъ признаковъ. При такомъ размѣщеніи, для опредѣле-

---

[1]) *Comte.* Cours de philosophie positive; t. III, p. 383.

нія любаго члена любаго ряда,—будетъ ли то отдѣльный предметъ или цѣлая группа,—слѣдуетъ сравнить его съ сосѣдними членами. Если полученное опредѣленіе окажется, въ виду той или другой цѣли, недостаточнымъ въ какомъ-либо отношеніи,—мы можемъ продолжить сравненіе или съ послѣдующими членами, или по выбору съ тѣми изъ нихъ, которые способны лучше другихъ оттѣнить опредѣляемую величину съ желаемой стороны. При этомъ, однако, по мѣрѣ удаленія другъ отъ друга сравниваемыхъ членовъ ряда, результаты сравненія будутъ терять въ точности и полнотѣ, сообразно постепенному ослабленію сходства между ними. [1])

Расположеніе предметовъ и группъ рядами можетъ быть произведено, съ бо́льшею или меньшею строгостью, во *всѣхъ случаяхъ*, гдѣ приходится прибѣгать къ классификаціи, какъ пріему изученія. И выгоды, какія представляетъ такое расположеніе, обязываютъ изслѣдователя пользоваться этою возможностью. Но оно пріобрѣтаетъ особенно *важное значеніе* для изученія тамъ, гдѣ ряды допускаютъ *іерархическое расположеніе* своихъ членовъ, что̀ имѣетъ мѣсто въ большинствѣ случаевъ *спеціальныхъ* классификацій.

Въ одной изъ предыдущихъ главъ мы уже говорили, что *спеціальныя классификаціи*, въ отличіе отъ общихъ, назначаются для изученія даннаго матеріала не въ цѣломъ, а лишь въ извѣстныхъ его свойствахъ. Имѣя въ виду не предметы вообще, во всей сложности ихъ состава, а отдѣльныя явленія, обнаруживающіяся въ нихъ, спеціальныя классификаціи находятся, поэтому, въ болѣе *выгодныхъ условіяхъ*, чѣмъ общія, по отношенію къ размѣщенію изучаемаго матеріала. Онѣ могутъ располагать этотъ матеріалъ

---

[1]) Ср. *Comte.* Cours de philosophie positive; t. III, p. 243. Въ другомъ мѣстѣ, говоря о іерархическомъ расположеніи зоологическаго матеріала, Контъ замѣчаетъ: „Sous ce point de vue fondamental, la condition taxonomique essentielle consiste, en effet, en ce que la seule position assignée à chaque organisme par la classification totale tende spontanément à faire aussitôt ressortir l'ensemble de sa vraie nature anatomique et phisiologique, comparativement, soit à tous ceux qui le précèdent, soit à tous ceux qui le suivent. C'est par là surtout que la méthode naturelle acquiert une caractère profondément scientifique", etc... *Ibid.*; p. 384.

не только рядами, по степени наибольшаго подобія смежныхъ членовъ, но и при томъ такъ, чтобы между этими послѣдними наблюдалась своего рода *іерархія,* по выраженію Конта. Собравъ въ одну общую группу всѣ предметы, въ которыхъ замѣчается присутствіе изслѣдуемаго явленія, спеціальныя классификаціи располагаютъ ихъ по степени *возрастающей* или *убывающей силы* этого явленія, которое само исполняетъ, такимъ образомъ, роль обособляющаго признака размѣщенія. [1]) Въ результатѣ получается своеобразный рядъ членовъ, въ которыхъ разсматриваемое явленіе послѣдовательно прогрессируетъ или вверхъ, къ своему крайнему выраженію, или внизъ, къ наиболѣе слабымъ степенямъ напряженія, смотря по условіямъ того или другаго случая. [2]) «Пусть изслѣдуемымъ явленіемъ,—говоритъ Милль,—будутъ законы животной жизни. По составленіи наиболѣе отчетливаго представленія о самомъ явленіи, насколько допускаетъ это настоящее состояніе нашего знанія, первымъ шагомъ должно быть созданіе одного большаго класса (класса животныхъ) изъ всѣхъ извѣстныхъ отдѣловъ существъ, въ которыхъ встрѣчается изслѣдуемое явленіе, въ какихъ бы то ни было различныхъ сочетаніяхъ съ другими свойствами и въ какихъ угодно различныхъ степеняхъ. Въ нѣкоторыхъ изъ этихъ отдѣловъ общее явленіе животной жизни обнаруживается въ весьма высокой степени, въ другихъ—въ

---

[1]) *Миллъ.* Система логики; т. II, с. 276—277, 280—281.

[2]) Контъ и, еще настойчивѣе, Милль требуютъ, чтобы рядъ начинался предметами, въ которыхъ изслѣдуемое явленіе было бы выражено въ наиболѣе *сильной* степени, что, по ихъ мнѣнію, должно облегчить задачу іерархическаго размѣщенія. Въ этомъ случаѣ, думаетъ Милль, высшая степень напряженія, будучи *типической*, поможетъ освоиться со всѣми особенностями явленія и дастъ возможность наблюдать ихъ тамъ, гдѣ онѣ сказываются слабо и мало-примѣтно. См.: *Comte.* Cours de philosophie positive; t. III, p. 242 sq..— *Миллъ.* Система логики; т. II, с. 279—280. Мы находимъ такую постановку вопроса слишкомъ безусловною, соглашаясь въ этомъ случаѣ съ замѣчаніемъ П. Лаврова, редактора русскаго перевода Миллевой логики. Намъ кажется, во 1-хъ, что типическое выраженіе явленія не совпадаетъ съ высшимъ его напряженіемъ; а, во 2-хъ, что наиболѣе отчетливое состояніе, обнаруживающее всѣ особенности явленія, не всегда крайнее; таковъ, напр., случай движенія, на который указываетъ редакторъ перевода. Эти соображенія и побудили насъ дать вопросу болѣе общую постановку, нежели та, какую находимъ у Конта и Милля.

весьма незначительной, едва достаточной для его усмотрѣнія. Поэтому, вслѣдъ за первымъ шагомъ, мы должны расположить отдѣлы въ рядъ такъ, чтобы они слѣдовали одинъ за другимъ сообразно степенямъ, въ которыхъ каждый представляетъ изслѣдуемое явленіе». [1])

Іерархическое расположеніе членовъ ряда, доступное спеціальнымъ классификаціямъ, имѣетъ, какъ замѣчено выше, особенно *важное значеніе* въ цѣляхъ изученія. Это значеніе состоитъ въ томъ, что такое расположеніе даетъ возможность примѣнять къ изучаемому матеріалу одинъ изъ четырехъ точныхъ методовъ изслѣдованія, вообще неприложимыхъ къ явленіямъ сосуществованія, къ которымъ, какъ мы уже знаемъ, относятся, между прочимъ, свойства предметовъ. Мы разумѣемъ *методъ сопутствующихъ измѣненій*,—«часто единственный, къ которому можно прибѣгнуть съ надеждою на истинное заключеніе, въ случаяхъ, когда мы обладаемъ лишь ограниченными средствами раздѣлять, искусственными опытами, обстоятельства, обыкновенно соединенныя». [2]) Именно такого рода случай мы имѣемъ при изученіи въ предметахъ отдѣльныхъ свойствъ или явленій, по большей части соединенныхъ неразрывно съ другими сопутствующими имъ свойствами или явленіями. Выводимое изъ закона причинной связи, основаніе метода заключается въ томъ, что явленія, возрастающія или убывающія во взаимномъ соотвѣтствіи, почитаются или причиной и слѣдствіемъ, или совмѣстными слѣдствіями общей причины. Порядокъ расположенія предметовъ, описанный выше, даетъ полную возможность наблюдать за соотвѣтственными измѣненіями въ отдѣльныхъ свойствахъ; мало того,—онъ какъ нельзя болѣе облегчаетъ подобное наблюденіе. Располагая явленія по степени возрастающей или ослабѣвающей силы изслѣдуемаго свойства, изучающій становится въ самыя благопріятныя условія для того, чтобы слѣдить за параллельными колебаніями другихъ свойствъ, что̀ даетъ ему право дѣлать болѣе или менѣе надежныя заключенія о

---

[1]) *Милль.* Система логики; т. II, с. 277.—Ср. *Comte.* Cours de philosophie positive; t. III, p. 241 sq., 386—387.

[2]) *Милль.* Ibid.

взаимной ихъ связи. [1]) Смотря по особенностямъ даннаго случая, онъ можетъ устанавливать или законы природы въ строгомъ смыслѣ слова, или, по крайней мѣрѣ, эмпирическія обобщенія, путь къ которымъ былъ бы значительно затрудненъ при всякомъ иномъ расположеніи предметовъ. [2]) И въ томъ, и въ другомъ случаѣ іерархическое размѣщеніе остается одинаково желательнымъ. [3])

Интересный случай примѣненія метода сопутствующихъ измѣненій, при помощи размѣщенія рядами, представляютъ общественныя явленія, подвергнутыя *статистическому* «анализу». [4]) Изучаемый матеріалъ располагается въ ряды соотвѣтственно возрастающихъ или убывающихъ цифръ, что̀ даетъ основаніе для правильныхъ заключеній о ихъ взаимной зависимости. Это—самый обыкновенный пріемъ, которымъ широко пользуется статистикъ. «Онъ старается изолировать какой нибудь агентъ, выдвинуть на первый планъ и затѣмъ изслѣдовать, замѣчается ли при этомъ какая нибудь «реакція» въ числахъ и, если замѣчается, то какая именно; онъ комбинируетъ, далѣе, различныя точки зрѣнія, старается, напр., въ числахъ, относящихся къ самоубійству, изслѣдовать не только отдѣльно другъ отъ друга вліяніе временъ года или пола самоубійцъ, но и вліяніе этихъ обоихъ обстоятельствъ въ ихъ взаимной связи; или же, напр., при изслѣдованіи вліянія хлѣбныхъ цѣнъ на число заключаемыхъ браковъ старается опре-

---

[1]) *Bain.* Logique; t. II, p. 97: „Un procédé important pour découvrir, et aussi pour prouver les lois de causalité, consiste à distribuer dans une série tous les objets qui possèdent en commun une même propriété, selon qu' ils la possedent plus ou moins.—Nous sommes ainsi en mesure de découvrir l'accroissement proportionnel de quelque autre qualité, et par suite d'établir une loi de concomitance ou de causalité".

[2]) *Милль.* Система логики; т. I, с. 459 sq.; т, II, с. 278.—*Bain.* Ibid.; p. 94 sq., 281 sq..

[3]) *Bain.* Ibid.; p. 98: „Il est à désirer que, dans la science physique, toutes les substances de la nature soient disposées ainsi dans les tables distinctes, selon qu' elles possèdent plus ou moins chaque propriété importante. Ainsi, c'est après avoir distribué les corps transparants d'après leur pouvoir de réfraction, que l'on a découvert le rapport qui existent entre un pouvoir considérable de réfraction et la combustibilité".

[4]) См. Исторія и теорія статистики въ монографіяхъ; с. 227—234 (ст. Эттингена).

дѣлить, въ какого рода бракахъ этотъ агентъ дѣйствуетъ наиболѣе сильно,—какъ комбинируются экономическія отношенія съ возрастными отношеніями вступающихъ въ бракъ,—какіе именно браки по преимуществу откладываются въ годы дороговизны, какіе нѣтъ.» [1])

Общія классификаціи въ большинствѣ случаевъ *не допускаютъ* іерархическаго размѣщенія: предметы въ цѣломъ не поддаются такому расположенію, въ которомъ они, во всей совокупности своихъ свойствъ, представляли-бы рядъ возрастающихъ или убывающихъ звеньевъ. Распредѣляемые по степени наибольшаго сходства между собою, они образуютъ по бо̀льшей части простой *линейный рядъ*, члены котораго не стоятъ другъ къ другу въ положеніи послѣдовательныхъ ступеней лѣстницы, а находятся на одномъ уровнѣ. Отсюда понятно, что общія классификаціи, стремясь къ всестороннему изученію предметовъ, не могутъ пользоваться для своихъ цѣлей методомъ сопутствующихъ измѣненій. Въ самомъ дѣлѣ, если примѣненіе этого метода и представляется здѣсь возможнымъ, то лишь по отношенію къ видоизмѣненіямъ обособляющихъ признаковъ и сопутствующихъ имъ свойствъ. Но въ то время какъ въ спеціальной классификаціи обособляющій признакъ есть вмѣстѣ и само изслѣдуемое явленіе, въ общей—онъ только одно изъ многихъ свойствъ, подлежащихъ изученію. А въ огромномъ большинствѣ случаевъ среди свойствъ предметовъ мы не можемъ указать ни одного, которое безусловно подчиняло-бы себѣ всѣ другія; мы не всегда можемъ даже сказать, что всѣ они связаны между собой началомъ взаимной зависимости. Силою вещей мы часто вынуждены видѣть въ нихъ явленія сосуществованія, не сводимыя къ закону причинной связи [2]). Выбирая тотъ или другой обособляющій признакъ, мы по необходимости должны довольствоваться вѣроятнымъ предположеніемъ, что въ немъ мы имѣемъ дѣло съ свойствомъ, такъ или иначе обусловливающимъ другія свойства предметовъ, и при томъ не всѣ, а лишь тѣ, которыя его сопровождаютъ. Поэтому, примѣненіе метода сопутствующихъ измѣненій можетъ повести, при подобныхъ условіяхъ,

---

[1]) Исторія и теорія статистики въ монографіяхъ; с. 229.

[2]) См. выше, гл. IV, с. 117.

въ лучшемъ случаѣ къ выясненію *взаимной связи* между *обособляющими признаками* и ихъ *спутниками*, дѣлая первые объектомъ производимаго изслѣдованія и низводя, такимъ образомъ, *общую* классификацію до значенія *спеціальной*. Разумѣется, результаты такого изслѣдованія могутъ имѣть сами по себѣ большую цѣну; но они не отвѣчаютъ *цѣлямъ*, къ которымъ стремится общая классификація: вмѣсто освѣщенія изучаемаго матеріала со всѣхъ сторонъ, они уясняютъ его только съ нѣкоторыхъ; вмѣсто понятія о данныхъ предметахъ вообще, они даютъ свѣдѣнія только объ отдѣльныхъ ихъ свойствахъ; вмѣсто цѣлаго, они представляютъ часть. Иначе и быть не можетъ, по существу дѣла.

Примѣненіе метода супутствующихъ измѣненій могло-бы служить *цѣлямъ общей классификаціи* лишь въ томъ случаѣ, если-бы мы могли указать въ изслѣдуемомъ матеріалѣ такое свойство или явленіе, которое *господствовало-бы* надъ всѣми другими и служило *центральнымъ узломъ*, связывающимъ элементы каждаго предмета въ одно цѣлое. Тогда, взявъ это свойство за основаніе и слѣдя за его возрастающею или убывающею силою, мы могли-бы расположить данные предметы въ порядкѣ ихъ іерархическаго слѣдованія другъ за другомъ. Изученіе было-бы поставлено въ этомъ случаѣ въ *особо благопріятныя* условія. И такія случаи, дѣйствительно, встрѣчаются; но, при современномъ состояніи знанія, они не составляютъ общаго правила, а, напротивъ, являются рѣдкими и счастливыми исключеніями. «Есть случаи,—говоритъ Милль,—въ которыхъ расположеніе предметовъ для *спеціальной цѣли* становится опредѣляющимъ началомъ классификаціи тѣхъ-же самыхъ предметовъ ради *цѣлей общихъ*. Это, естественно, происходитъ именно тогда, когда законы предметовъ, искомые спеціальнымъ изслѣдованіемъ, составляютъ столь важную часть общаго характера и исторіи этихъ предметовъ, оказываютъ столько вліянія при обусловленіи всѣхъ явленій, въ которыхъ они участвуютъ либо какъ дѣятели, либо какъ поле дѣйствія, что всѣ другія различія, существующія между предметами, удобно могутъ быть признаны просто за видоизмѣненія искомаго явленія, за слѣдствія совмѣстнаго дѣйствія какого-либо случайнаго обстоятельства съ законами этого явленія. Такъ, относительно живыхъ существъ, различія между однимъ классомъ животныхъ и другимъ могутъ быть

разумно признаны просто за видоизмѣненія общаго явленія животной жизни,—за видоизмѣненія, производимыя или различною степенью проявленія жизни въ различныхъ животныхъ, или тѣмъ, что дѣйствія случайныхъ причинъ, принадлежащихъ къ природѣ каждаго животнаго, смѣшались съ дѣйствіями общихъ законовъ жизни, при чемъ эти законы все еще оказываютъ преобладающее вліяніе на результаты» [1]).

Вновь повторимъ, что случаи, подобные выше приведенному, въ которыхъ возможно іерархическое расположеніе самихъ предметовъ, обусловливающее примѣненіе метода сопутствующихъ измѣненій въ общихъ цѣляхъ, составляютъ до сихъ поръ *рѣдкія* исключенія. Наиболѣе блестящимъ исключеніемъ является зоологія, представляющая «единственный полный примѣръ истинныхъ началъ разумной классификаціи въ составленіи какъ группъ, такъ и рядовъ». Ботаника стоитъ въ этомъ отношеніи уже значительно ниже зоологіи [2]).

Понятно, что примѣненіе изложенныхъ началъ къ другимъ областямъ изслѣдованія, возможное при усовершенствованіи знанія и пріемовъ изученія, должно служить путеводною нитью нашихъ стремленій къ улучшенію научныхъ классификацій [3]).

Изложеніе важнѣйшихъ выводовъ, которымъ мы заключали предшествовавшія главы, не возьметъ много мѣста въ данномъ случаѣ.

Въ вопросѣ о наилучшемъ расположеніи предметовъ и группъ мы пришли къ заключенію, что цѣлямъ классификаціи всего бо-

---

[1]) *Милль.* Система логики; т. II, с. 282.—Ср. *Comte.* Cours de philosophie positive; t. III, p. 312 sq., 385.

[2]) *Comte.* Cours de philosophie positive; t. III, p. 417 sq..—*Милль.* Система логики; т. II, с. 281—282. —*Bain.* Logique; t. II, p. 278—279.— *Уэвелль*, отвергающій размѣщеніе рядами, считаетъ ботаническія классификаціи наиболѣе совершенными. См. Исторія индуктивныхъ наукъ; т. III, с. 343.

[3]) *Bain.* Logique; t. II, p. 279; p. 98: „Le progrès de la vie dans l'échelle des animaux, le progrès du développement de l'esprit dans les êtres vivants, les progrès des institutions sociales, comme le gouvernement, la justice, le système représentatif, peuvent être exprimés dans des séries, de façon à préparer les découvertes de variations concomitantes".—Ср.: *Comte.* Ibid.; p. 423.—*Милль.* Ibid; с. 282—283.

лѣе удовлетворяетъ такое размѣщеніе, въ которомъ размѣщаемымъ элементамъ,—предметамъ или группамъ,— отводится мѣсто по степени *наибольшаго ихъ сходства* между собою. Степень сходства измѣряется при этомъ *обособляющими признаками*. Слѣдуя за ихъ постепенными видоизмѣненіями, классификація распредѣляетъ изучаемый матеріалъ въ *систему рядовъ*, образуемыхъ параллельными группами. Члены каждаго ряда,—будутъ ли то предметы или группы,—располагаются въ порядкѣ постепенно возрастающаго различія между ними.

Описанное размѣщеніе, благопріятствуя сравненію, возможно *повсюду*. Но въ *спеціальныхъ классификаціяхъ*, сверхъ того, рядамъ можетъ быть приданъ *іерархическій* характеръ: изслѣдуемыя отдѣльныя свойства предметовъ могутъ быть, въ большинствѣ случаевъ, расположены по степени *возрастающей* или *убывающей* силы, при чемъ требованіе наибольшаго сходства сосѣднихъ членовъ достигается само собою. Такое расположеніе имѣетъ особенно *важное* значеніе въ томъ отношеніи, что оно дѣлаетъ возможнымъ примѣненіе *метода сопутствующихъ измѣненій*. Наблюдая за совпадающими колебаніями данныхъ свойствъ и ихъ спутниковъ, мы получаемъ возможность заключать о взаимной связи между тѣми и другими.

Общія классификаціи по большей части *не допускаютъ* іерархическаго расположенія. Проведеніе здѣсь начала іерархіи требовало-бы наличности такого свойства, которое занимало-бы въ предметахъ *центральное положеніе*, господствуя надъ всѣми другими ихъ свойствами. Тогда колебанія въ этомъ свойствѣ, обусловливая собою соотвѣтствующія колебанія въ остальныхъ, могли-бы служить основаніемъ для образованія ряда, прогрессирующаго въ томъ или другомъ направленіи. Съ другой стороны, только подъ этимъ условіемъ методъ сопутствующихъ измѣненій могъ-бы быть примѣненъ къ *цѣлямъ* общей классификаціи. Иначе, всякая попытка его примѣненія, сосредоточивая изученіе на обособляющихъ признакахъ, низводила-бы *общую* классификацію на степень *спеціальной*. При настоящемъ состояніи знанія это правило имѣетъ, однако, нѣкоторыя, хотя и рѣдкія, исключенія.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ.

Трудность построенія и относительность классификаціи.

Высота требованій, какъ одна изъ причинъ трудности построенія классификаціи.—Другая причина—несовершенство метода, прилагаемаго къ выполненію этихъ требованій.—Относительность классификаціи.—Классификація, какъ показатель уровня знаній.

Въ трехъ послѣднихъ главахъ мы разсмотрѣли важнѣйшія требованія, которымъ должна удовлетворять правильная классификація, и указали на средства, которыми располагаетъ изслѣдователь для выполненія этихъ требованій. Такимъ образомъ, мы подготовили всѣ данныя, чтобы оцѣнить, въ какой мѣрѣ задача построенія классификаціи является дѣломъ труднымъ, и чего въ правѣ мы ожидать отъ каждаго, принимающагося за ея разрѣшеніе. Обращаясь къ этой сторонѣ вопроса, намъ предстоитъ повторить главнѣйшіе выводы, полученные выше. Поэтому, настоящая глава, независимо отъ непосредственной своей цѣли, послужитъ вмѣстѣ съ тѣмъ общимъ заключеніемъ нашего изслѣдованія о классификаціи, какъ логическомъ пріемѣ изученія.

Двѣ причины дѣлаютъ построеніе правильной классификаціи задачею въ высшей степени сложною и трудною. Эти *причины*, поддерживающія одна другую, заключаются, во 1-хъ, *въ высотѣ требованій*, предъявляемыхъ работою, и, во 2-хъ, въ *несовершенствѣ средствъ*, примѣняемыхъ къ достиженію цѣли.

Останавливаясь на *первой* изъ этихъ причинъ, перечислимъ бѣгло тѣ условія, которыя должны быть выполнены при построеніи классификаціи.

Прежде всего, не приступая къ размѣщенію собственно, нужно обособить размѣщаемый матеріалъ такъ, чтобы ничто *постороннее* не было захваченно обособленіемъ и ничто *родственное* не было пропущено имъ. Исполнивъ эту предварительную работу, слѣдуетъ озаботиться распредѣленіемъ предметовъ на группы по *наибольшему взаимному сходству ихъ*, выражающемуся въ совпаденіи отдѣльныхъ свойствъ. Здѣсь «задача состоитъ въ томъ, чтобы найдти небольшое число опредѣленныхъ признаковъ, которые указываютъ на множество неопредѣленныхъ». [1]) Необходимо, стало-быть, произвести сопоставленіе отдѣльныхъ признаковъ, чтобы выяснить, какіе изъ нихъ сопровождаются высшею силою подобія самихъ предметовъ, въ которыхъ они повторяются. При этомъ, за отсутствіемъ какихъ-либо указаній, признаки берутся болѣе или менѣе на удачу и каждый изъ нихъ испытывается спеціальнымъ наблюденіемъ. Болѣе чѣмъ естественно, что, при подобныхъ условіяхъ, придется не разъ отказаться отъ усвоеннаго направленія и выбирать новое, пока, наконецъ, не будетъ найдено такое, которое лучше другихъ приводитъ къ цѣли. Не разъ, слѣдовательно, одни признаки предстоитъ замѣнять другими и произведенное размѣщеніе передѣлывать съизнова. Мы легко представимъ себѣ всю трудность положенія, если примемъ во вниманіе, что признаковъ въ предметахъ множество и каждый изъ нихъ можетъ быть подвергнутъ особому испытанію. «Въ нашихъ первыхъ попыткахъ мы, вѣроятно, выберемъ для этой цѣли свойства простыя, которыя легко себѣ представить и которыя замѣтны на первый взглядъ, безъ всякаго предварительнаго процесса мысли». [2]) Путь этотъ, дѣйствительно, представляется самымъ естественнымъ и удобнымъ. Неудивительно, поэтому, что его выбираютъ въ большинствѣ случаевъ. [3]) «Обыкновенный способъ, съ какимъ изслѣдователь приступаетъ къ классификаціи новой группы предметовъ, состоитъ въ пробованіи распредѣлять ихъ по са-

---

[1]) *Миллъ.* Система логики; т. II, с. 169.

[2]) *Миллъ.* Ibid.; с. 259.

[3]) См. многочисленные примѣры: *Bain.* Les sens et l'intelligence; p. 248 sq., 452 sq.—*Уэвелл.* Исторія индуктивныхъ наукъ; т. III, с. 310 sq., 367 sq., 466 sq.

мымъ очевиднымъ сходствамъ. Всякіе два предмета, представляющіе близкое сходство между собою, соединяются и образуютъ зачатокъ класса, опредѣленіе котораго прежде всего обнимаетъ всѣ видимые пункты сходства. Другіе предметы, по мѣрѣ того какъ они узнаются, постепенно присоединяются къ тѣмъ группамъ, съ которыми они имѣютъ наибольшее число пунктовъ сходства, и опредѣленіе класса приходится часто измѣнять для того, чтобы они могли подойдти подъ него. Прежде химики не могли не соединять въ одинъ классъ всѣхъ обыкновенныхъ металловъ: золота, серебра, мѣди, свинца и желѣза, которые представляютъ столько очевидныхъ пунктовъ сходства по плотности, металлическому блеску, ковкости и проч. Но по мѣрѣ того какъ дѣлались новыя открытія, стали представляться сами собой недостатки такой группировки. Сюрьма, висмутъ и мышьякъ вполнѣ металличны по блеску, плотности и по нѣкоторымъ химическимъ свойствамъ; но они не обладаютъ ковкостью. Недавно открытый теллурій представляетъ еще большія затрудненія, потому что онъ имѣетъ многія физическія свойства металловъ, и однако-же всѣ его химическія свойства аналогичны со свойствами сѣры и селена, которые никогда не считались металлами. Кромѣ того, открыты были постепенно большія химическія различія между пятью упомянутыми металлами; и классъ, если онъ имѣетъ претензію на какое-нибудь химическое значеніе, долженъ принять въ себя еще другіе элементы, не имѣющіе ни одного изъ первоначальныхъ свойствъ, на которыхъ онъ былъ основанъ. Водородъ есть прозрачный, безцвѣтный газъ съ наименьшею плотностью изъ всѣхъ веществъ; однако, по своимъ химическимъ аналогіямъ, онъ есть металлъ, какъ это предположилъ Фарадей; онъ долженъ помѣщаться въ одномъ классѣ съ серебромъ. Подобнымъ образомъ всякая классификація, предложенная въ ранніе эпохи развитія науки, оказывается несостоятельною, по мѣрѣ того какъ открываются болѣе глубокія сходства между предметами». [1])

Однако допустимъ, что, послѣ ряда попытокъ, распредѣленіе предметовъ счастливо окончено: установлены естественныя группы, обладающія значительнымъ числомъ общихъ свойствъ, за ко-

1) *Джевонсъ.* Основы науки; с. 643—644.

торыми есть основаніе предполагать присутствіе неопредѣленнаго множества другихъ общихъ свойствъ, еще неизвѣстныхъ. Этимъ установленіемъ группъ задача построенія классификаціи далеко не исчерпана; напротивъ, положено только основаніе для правильнаго ея разрѣшенія. Далѣе предстоитъ *организація* обособленныхъ группъ. Съ этою цѣлью слѣдуетъ опредѣлить *взаимное отношеніе общихъ свойствъ* каждой отдѣльной группы, выдѣлить изъ нихъ *признаки основные*, а изъ этихъ послѣднихъ—*наглядные*, чтобы на нихъ утвердить обособленіе. Если, при этомъ, основные признаки окажутся скрытыми, нужно пріискать имъ *замѣстителей* среди сопутствующихъ производныхъ признаковъ. Всѣ эти *требованія*, вытекающія изъ существа *правильно установленной группы*, обязываютъ къ новой внимательной и долгой работѣ надъ размѣщаемымъ матеріаломъ (гл. IV). Но и это еще не все. Размѣщеніе должно удовлетворить ряду другихъ *условій*, возникающихъ изъ *взаимнаго отношенія группъ*. Обособляющіе признаки должны быть избраны такъ, чтобы въ параллельныхъ классахъ *соотвѣтствовали* другъ другу. Это значитъ, что здѣсь они могутъ быть только *разновидностями* одного общаго признака; при чемъ каждая отчетливо выраженная разновидность призвана образовать вокругъ себя особую группу. Кромѣ того, необходимо наблюдать, чтобы обособляющіе признаки данныхъ группъ не исполняли *того же назначенія* ни въ группахъ высшихъ, ни въ группахъ низшихъ (гл. V). Наконецъ, удовлетворивъ перечисленнымъ требованіямъ, нужно размѣстить *предметы* каждой группы *линейными* или *іерархическими* рядами, по наибольшей силѣ подобія обособляющихъ признаковъ въ смежныхъ экземплярахъ; точно такое-же взаимное расположеніе должно быть дано и самимъ *параллельнымъ группамъ* (гл. VI).

Вся эта дальнѣйшая работа по организаціи группъ, при бѣгломъ указаніи которой мы далеки были отъ мысли намѣчать ея порядокъ, обставлена не меньшими затрудненіями, чѣмъ тѣ, съ которыми приходится бороться при первоначальномъ установленіи организуемыхъ группъ. Въ этомъ отношеніи достаточно указать на многочисленныя попытки ботаническихъ и зоологическихъ классификацій, чтобы избавить читателя отъ необходимости останавливать его вниманіе на упомянутыхъ трудностяхъ. Самое

бѣглое знакомство съ этими попытками убѣждаетъ, что въ нихъ рѣчь идетъ не столько о томъ, на какія части дѣлить изучаемый матеріалъ, сколько о томъ, на чемъ и какъ должно быть обосновано дѣленіе. То же самое мы увидимъ впослѣдствіи въ разнообразныхъ попыткахъ классифицировать политическіе союзы.

Такимъ образомъ, построеніе классификаціи—задача весьма *сложная* и *трудная* уже по одному тому, что *высота требованій*, предполагая близкое знакомство съ размѣщаемыми предметами, обязываетъ изслѣдователя къ *обширнымъ, внимательнымъ* и *кропотливымъ* занятіямъ. Ошибки возможны здѣсь на каждомъ шагу, а исправленіе ихъ—дѣло нелегкое: сплошь и рядомъ оно требуетъ пересмотра и перестановки всего классифицируемаго матеріала, въ лучшемъ случаѣ—нѣсколькихъ группъ. Эта трудность построенія вызываетъ Джевонса на характерное, хотя, быть можетъ, нѣсколько преувеличенное признаніе: «Нѣтъ вѣрнаго пути,—замѣчаетъ онъ,—къ открытію наилучшей системы, и даже невозможно дать правилъ въ пособіе тѣмъ, которые ищутъ основательнаго распредѣленія. Единственное логическое правило состоитъ въ слѣдующемъ: когда даны извѣстные предметы, то нужно группировать ихъ всячески, какъ только возможно, и затѣмъ смотрѣть, при какомъ способѣ группировки наиболѣе ясно выступаетъ соотношеніе между свойствами. Но такой методъ исчерпывающей классификаціи почти во всѣхъ случаяхъ не практиченъ вслѣдствіе громаднаго числа способовъ, которыми можетъ быть сгруппировано сравнительно небольшое число предметовъ.» [1])

Но высота требованій, предъявляемыхъ правильнымъ размѣщеніемъ, служитъ только одною изъ причинъ трудности построенія классификаціи. *Другая*, и ничуть не менѣе важная, *причина* заключается въ томъ, что этимъ высокимъ требованіямъ приходится удовлетворять *самыми несовершенными средствами—методомъ черезъ простое перечисленіе*. Правда, выше мы нашли, что, въ нѣкоторыхъ случаяхъ, къ изученію взаимнаго отношенія свойствъ въ предметахъ, на чемъ покоится всякое размѣщеніе, прилагается методъ сопутствующихъ измѣненій; но мы видѣли тамъ же, что это возможно подъ условіемъ, если предметы не

---

[1]) *Джевонсъ.* Основы науки; с. 642.

только распредѣлены на группы, но и расположены іерархическими рядами. Предполагая классификацію, методъ сопутствующихъ измѣненій не можетъ, слѣдовательно, служить цѣлямъ ея построенія.

Что касается метода черезъ простое перечисленіе, единственно возможнаго въ данномъ случаѣ, то вспомнимъ, что онъ способенъ давать только *условныя* заключенія (эмпирическіе законы). Въ доказательство достовѣрности подмѣченнаго единообразія онъ не можетъ привести ничего инаго, кромѣ указанія на его постоянство въ предѣлахъ сдѣланнаго наблюденія. Но доказательная сила подобнаго указанія весьма относительна: если *такъ* было въ десяти случаяхъ, нельзя съ увѣренностью сказать, что *непремѣнно такъ* будетъ и въ одиннадцатомъ. Это только болѣе или менѣе вѣроятно, но никакъ не достовѣрно. Вѣроятіе возрастаетъ по мѣрѣ того, какъ раздвигается кругъ наблюденій. Оно можетъ обратиться въ полную увѣренность, какъ скоро изучаемое явленіе неизмѣнно повторяется на обширномъ пространствѣ, въ теченіи значительнаго времени, при разнообразныхъ обстоятельствахъ. Основаніемъ увѣренности служитъ соображеніе, что, при существующей закономѣрности явленій, естественнѣе всего видѣть въ данномъ единообразіи выраженіе этой послѣдней, ибо въ противномъ случаѣ было бы непонятно отсутствіе уклоненій, не смотря на обширность границъ наблюденія. [1]) Съ этой точки зрѣнія, слѣдуетъ сказать вообще, что достовѣрность эмпирическихъ заключеній находится въ непосредственной зависимости отъ объема и условій наблюденія, а «ненадежность метода простаго перечисленія обратно пропорціональна обширности обобщенія.» [2]) Но какъ бы ни были многочисленны случаи, на которые опирается то или другое обобщеніе, при какихъ бы различныхъ условіяхъ они ни наблюдались, достовѣрность подмѣченнаго единообразія можетъ быть *подорвана* въ каждую минуту новымъ отрицающимъ его явленіемъ. Поэтому, будущее всякаго эмпирическаго обобщенія всегда болѣе или менѣе сомнительно: дальнѣйшее изученіе можетъ подтвердить, точно также какъ и опрокинуть его, ибо выборъ ма-

---

[1]) *Миль.* Система логики; т. II, с. 114.

[2]) Ibid.; с. 100.

теріала только до нѣкоторой степени зависитъ отъ воли изучающаго, который долженъ довольствоваться тѣмъ, что̀ предлагаетъ ему природа.

Какъ мы уже знаемъ, именно въ такія условія поставлено изученіе взаимнаго отношенія признаковъ. Чтобы придти здѣсь къ наиболѣе твердымъ и надежнымъ выводамъ, необходимо, caeteris paribus, возможно болѣе раздвинуть кругъ наблюденій. Но какія-бы усилія ни были сдѣланы въ этомъ направленіи, мы никогда не захватимъ всѣхъ существующихъ предметовъ, обнимаемыхъ разсматриваемою группою, хотя бы эта послѣдняя и не была обширна. А необслѣдованные предметы всегда будутъ скрывать въ себѣ возможность измѣненій въ установленномъ взаимномъ отношеніи признаковъ. [1]) Поэтому, опредѣленіе этихъ отношеній, а вмѣстѣ съ тѣмъ и опирающееся на нихъ построеніе классификаціи, есть всегда дѣло болѣе или менѣе *условное*. Новыя наблюденія могутъ измѣнить прежнія заключенія: то, напр., что̀ почиталось прежде основнымъ признакомъ, можетъ оказаться впослѣдствіи производнымъ свойствомъ, хотя, къ счастію, обратное едва ли возможно. Говоря это, мы не хотимъ утверждать, что новыя наблюденія непремѣнно измѣнятъ прежніе выводы; напротивъ, гораздо вѣроятнѣе, что они подтвердятъ ихъ. Но мы хотимъ сказать, что возможность измѣненій здѣсь постоянно налицо. Это потому, что наблюдатель поставленъ въ своихъ заключеніяхъ въ полную зависимость отъ тѣхъ экземпляровъ, которые онъ наблюдаетъ; а между тѣмъ выборомъ этихъ экземпляровъ онъ руководитъ только отчасти. Въ значительной мѣрѣ выборъ рѣшается случаемъ, который можетъ натолкнуть на вѣрную дорогу, точно также какъ и ввести въ заблужденіе. Устранить подобное заблужденіе онъ не въ силахъ, пока тотъ же случай не поможетъ ему и не откроетъ глазъ на дѣйствительное положеніе вещей.

Предыдущія соображенія, указывая на трудность построенія, убѣждаютъ, между прочимъ, и въ томъ, что *безусловно правильной классификаціи*, которая разъ навсегда оставалась бы неизмѣнною, *не можетъ быть*. [2]) Такая классификація предполагала

---

[1]) *Миллъ.* Система логики; т. II, с. 116, 119, 202.

[2]) *Контъ*, говоря о біологической классификаціи, самой совершенной, по его мнѣнію, прибавляетъ: „L'extrême perfection taxonomique est encore loin,

бы полное и совершенное знаніе размѣщаемыхъ предметовъ, которое не оставляло бы въ нихъ ничего темнаго, что̀ впослѣдствіи, при освѣщеніи, могло бы измѣнить нашъ взглядъ на взаимное отношеніе признаковъ. Не говоря уже о томъ, что классификація, какъ пріемъ изученія, была бы при этомъ излишнею, такъ какъ нечего было бы изучать,—подобное знаніе, по существу дѣла, невозможно, и не только тамъ, гдѣ мы оперируемъ методомъ простаго перечисленія, но и тамъ, гдѣ въ нашихъ рукахъ находятся надежныя средства. Поэтому, всякая классификація, какъ бы хорошо она ни была построена, является непремѣнно *относительной*, ибо всегда заключаетъ въ себѣ скрытую возможность къ измѣненіямъ и исправленіямъ. И, дѣйствительно, наблюденіе показываетъ, что классификаціи, по мѣрѣ накопленія знаній, подвергаются переработкѣ, если не въ цѣломъ, то въ отдѣльныхъ своихъ частяхъ, и такимъ образомъ, мало-по-малу, совершенствуются. Но каждая классификація *можетъ* и *должна* быть *правильной* въ томъ смыслѣ, чтобы вполнѣ отвѣчать *уровню* научныхъ свѣдѣній въ данное время,—результатамъ, уже пріобрѣтеннымъ предшествующимъ изученіемъ размѣщаемыхъ предметовъ. Въ этомъ отношеніи степень научнаго достоинства классификаціи опредѣляется *состояніемъ самой науки.* [1]) Вотъ почему классификацію можно по справедливости считать вѣрнымъ *показателемъ* высоты научныхъ изслѣдованій въ той или другой области знанія,—такъ сказать, барометромъ данной конкретной науки.

Но классификація есть пріемъ изученія, и при томъ такой, который оказываетъ *самое рѣшительное вліяніе* на его *результаты.* Поэтому, условливаясь уровнемъ науки, она въ то же время оказываетъ давленіе на его высоту. Она,—продолжая сравненіе,—не просто барометръ, опредѣляющій состояніе погоды, но такой, который, сверхъ того, воздѣйствуетъ на самую погоду. Какъ справедливо замѣчаетъ Милль, «наше знаніе вещей и ихъ клас-

---

sans doute, d'une entière et exacte réalisation, qui ne saurait même jamais être complétement obtenue.“ Cours de philosophie positive; t. III, p. 423.

[1]) Ср. *Спенсеръ.* Опыты; т. I, с. 223, 346—347.—*Джевонсъ.* Основы науки; с. 680: „Полная классификація составляетъ полный перечень всего нашего знанія о классифицируемыхъ предметахъ или явленіяхъ, и границы точнаго знанія тождественны съ границами классификаціи.“

сификаціи безконечно стремятся ко взаимному усовершенствованію.» [1]) Шагъ, сдѣланный въ направленіи къ улучшенію классификаціи, обозначаетъ вмѣстѣ и то разстояніе, на которое подвинулось знакомство съ размѣщаемыми предметами; съ другой стороны, усовершенствованная классификація есть новое средство для пріобрѣтенія болѣе точнаго и всесторонняго знанія объ изучаемомъ матеріалѣ. Здѣсь—circulus vitiosus: классификація есть и условливаемое, и условливающее въ одно и тоже время,—обстоятельство, которое ставитъ немалыя препятствія изслѣдователю, приступающему къ изученію неизвѣстныхъ явленій, и заставляетъ его передѣлывать разъ произведенную работу, чтобы впослѣдствіи, можетъ-быть, вновь вернуться къ ея передѣлкѣ.

Отступая отъ принятаго порядка изложенія, не станемъ резюмировать выводовъ настоящей главы, что̀ на этотъ разъ намъ кажется совершенно излишнимъ. Пользуясь случаемъ, скажемъ въ заключеніе общаго ученія о классификаціи, что нами разсмотрѣны лишь важнѣйшія стороны дѣла и, при томъ, въ самой общей ихъ постановкѣ. Примѣненіе полученныхъ выводовъ къ классификаціямъ отдѣльныхъ наукъ должно вызывать, сообразно различію условій, частные вопросы, которыхъ мы не могли и не хотѣли касаться въ изслѣдованіи, преслѣдовавшемъ общую цѣль.

---

[1]) *Миллъ.* Система логики; т. II, с. 263.—*Comte.* Cours de philosophie positive; t. III, p. 422: „Trop souvent encore, on ne voit qu'un simple artifice de classification, dans ce qui, par sa nature, constitue, au contraire, et le résumé le plus substantiel des diverses connaissances biologiques, et le plus puissant moyen rationnel de leur perfectionnement ultérieur".

ОТДѢЛЪ ВТОРОЙ.

ОСНОВАНІЯ КЛАССИФИКАЦІИ ГОСУДАРСТВЪ.

ГЛАВА ВОСЬМАЯ.

Общія замѣчанія къ вопросу о классификаціи государствъ.

Нѣсколько словъ о классификаціяхъ въ общественныхъ наукахъ.—Особенности явленій общежитія, вліяющія на ихъ размѣщеніе.—Классификаціи государствъ.—Исторія вопроса.—Современное его состояніе.—Планъ дальнѣйшаго изслѣдованія.

Въ своемъ мѣстѣ мы указали, что общественныя науки принадлежатъ къ числу конкретныхъ отдѣловъ знанія. Въ этомъ качествѣ онѣ требуютъ широкаго примѣненія классификаціи, какъ орудія индуктивнаго изслѣдованія. Здѣсь классификація призвана служить инструментомъ, съ которымъ изучающій долженъ приступать къ правильнымъ занятіямъ и безъ котораго онъ не можетъ обойдтись въ дальнѣйшихъ стадіяхъ работы; здѣсь она назначена быть пріемомъ, который дѣлаетъ возможнымъ научное изслѣдованіе, направляетъ его и, сверхъ того, неотразимо вліяетъ на его результаты.

Въ виду столь важнаго значенія классификаціи можно было бы ожидать, что общественныя науки отводятъ ей почетное мѣсто и сосредоточиваютъ на ней заботливое вниманіе. И, однако же, въ дѣйствительности ничего подобнаго нѣтъ. Трудно указать другую область знанія, гдѣ именно этотъ пріемъ былъ бы въ такомъ *пренебреженіи*, въ какомъ онъ находится въ общественныхъ наукахъ: не забываютъ о немъ лишь настолько, насколько самъ онъ настойчиво и постоянно напоминаетъ о себѣ.

Два обстоятельства объясняютъ это пренебреженіе. Съ одной стороны, господство *метафизическаго* направленія въ общественныхъ наукахъ, отвлекая мысль отъ изученія историческихъ явле-

ній и уводя ее въ область умозрительныхъ построеній, *ослабляло потребность* въ размѣщеніи, какъ пріемѣ изученія. Съ другой стороны, этому *помогало* то, что сама логика строила теорію классификаціи на *метафизическихъ* началахъ, связывая ее съ ученіемъ о сущностяхъ. Она видѣла въ ней не орудіе наблюденія, которымъ вообще интересовалась мало,—не пріемъ для изученія явленій, а средство для опредѣленія взаимнаго отношенія понятій. Перестройка этой теоріи на опытныхъ основаніяхъ началась весьма недавно и представляетъ лишь первыя попытки, далекія отъ удовлетворительнаго рѣшенія вопроса. Указаніе роли, какую должна играть классификація въ общественныхъ наукахъ, намѣчено слабыми чертами; оно ограничивается отдѣльными замѣчаніями, мелькомъ брошенными тѣмъ или другимъ писателемъ. Разумѣется, съ оживленіемъ сравнительно-историческаго изученія, которымъ характеризуется наше время, съ замѣною прежнихъ апріорныхъ пріемовъ работы правильнымъ наблюденіемъ явленій, вопросъ о классификаціи самъ собою долженъ выступить впередъ и занять *первенствующее* положеніе. Таковъ *неизбѣжный логическій выводъ* положительнаго направленія науки, рекомендуемаго для изслѣдованія общественныхъ явленій. И если до сихъ поръ этого не произошло, то, главнымъ образомъ, благодаря тому, что сторонники новаго направленія слишкомъ заняты были установкою своихъ основныхъ началъ и борьбою съ метафизическою школою, продолжающею удерживать за собою преобладаніе.

Выше мы видѣли, что размѣщеніе составляетъ пріемъ мысли, отъ котораго невозможно отдѣлаться: распредѣлять явленія по категоріямъ на основаніи сходства и различія ихъ есть естественная тенденція ума, бороться съ которой безполезно, а игнорировать—опасно. Пренебреженіе можетъ повести здѣсь лишь къ тому, что, предоставленная свободному теченію, повинуясь своей природѣ, мысль направится дорогою случайною, создавая произвольныя группы и отвлекая отъ нихъ общія понятія [1]). Игнорируемая, какъ пріемъ изученія, классификація останется пріемомъ мысли. Въ этомъ качествѣ, *скрытая* отъ глазъ, она сохранитъ за

---

[1]) См. выше, гл. III, с. 80.

собою могущественное вліяніе на наши умственные процессы и отомститъ за незаслуженное пренебреженіе. Общественныя науки даютъ поучительные образчики этой мести. Сзади высшихъ понятій, которыми оперируетъ метафизическая школа, всегда находятся соотвѣтствующія размѣщенія явленій. Но эти размѣщенія остаются въ тѣни, не останавливая на себѣ вниманія тѣхъ, кто пользуется ихъ результатами. Всего чаще они представляютъ собою классификаціи, которыя въ каждомъ языкѣ лежатъ въ основѣ общихъ именъ, обязанныя своимъ происхожденіемъ народному творчеству [1]). Отсюда возникаетъ неясность и сбивчивость многихъ понятій, вызывающія горячіе, но безплодные споры. Неясность и сбивчивость происходятъ отъ неопредѣленности очертанія классификацій, порождающихъ спорныя понятія. Не зная твердо границъ сопоставленія, не останавливаясь на нихъ, произвольно съуживая, расширяя или даже переставляя ихъ, естественно, получаютъ различныя опредѣленія однихъ и тѣхъ же явленій, оспариваютъ ихъ взаимно и, конечно, остаются при своихъ мнѣніяхъ. Не обращаясь къ источнику различія, просматриваютъ, что несогласныя опредѣленія eo ipso не отрицаютъ другъ друга, что несогласіе ихъ можетъ найдти достаточное основаніе и правильное объясненіе въ законѣ относительности мысли: каждое изъ нихъ можетъ быть истиннымъ въ предѣлахъ своего сопоставленія, нисколько не умаляя точно такой же условной истинности остальныхъ. Понятно, что не всѣ опредѣленія будутъ имѣть одинаковую научную цѣну; но объ этой сторонѣ дѣла уже нельзя судить безъ обращенія къ классификаціямъ, которыми они вызваны [2]). Этого обыкновенно не дѣлаютъ, а продолжаютъ спорить съ перемѣннымъ успѣхомъ, зависящимъ отъ діалектической ловкости противниковъ.

Но не однимъ скрытымъ участіемъ въ образованіи общихъ понятій классификація проявляетъ свое присутствіе въ господствующей метафизической школѣ общественныхъ наукъ. Она *открыто* выступаетъ наружу, какъ скоро писатели этого направленія

---

[1]) Ср. *Миллъ.* Система логики; т. I, 142 sq.; т. II, с. 229 sq..

[2]) См. выше, гл. I, с. 31; гл. II, с. 64—65.—Ср.: *Миллъ.* Ibid.; с. 214 sq..

обращаются съ тѣми или иными цѣлями къ явленіямъ дѣйствительности. Однако, въ этомъ случаѣ она принимаетъ по бо̀льшей части *извращенный* характеръ: въ ней видятъ не столько пріемъ изученія, сколько систему уже готовыхъ понятій, по которымъ распредѣляются предметы. Группы устанавливаются не по взаимному отношенію признаковъ, раскрытому наблюденіемъ, а по той предвзятой мѣркѣ, съ которою авторъ спускается на землю изъ міра умозрительнаго бытія. Явленія подгоняются подъ рубрики, заранѣе составленныя, часто съ явнымъ насиліемъ надъ ихъ природою. Вспомнимъ, напр., діалектическія размѣщенія Гегеля [1]). Тѣмъ не менѣе, этимъ обращеніямъ къ явленіямъ исторіи мы обязаны многими классификаціями, которымъ, при правильной постановкѣ, нельзя отказать въ высокомъ значеніи. Прикрытыя метафизическою пеленою, въ дѣйствительности онѣ представляютъ собою результаты тонкаго и искуснаго наблюденія, являющіеся истинными пріобрѣтеніями науки. Обыкновенно классификаціи такого рода касаются отдѣльныхъ группъ общественныхъ явленій, что̀, впрочемъ, не должно удивлять насъ: указывая на уровень знанія, это обстоятельство подтверждаетъ нашъ выводъ, что частныя размѣщенія всегда предшествуютъ болѣе общимъ въ качествѣ матеріала, изъ котораго послѣднія организуются [2]).

Среди существующихъ частныхъ классификацій общественныхъ наукъ одно изъ первыхъ мѣстъ, безспорно, слѣдуетъ отвести *классификаціямъ государствъ*, какъ самыхъ важныхъ общежительныхъ союзовъ, наиболѣе привлекавшихъ вниманіе изслѣдователей.

---

[1]) Вотъ, для образца, какъ распредѣляетъ онъ явленія общежитія. Свободная воля, изъ которой выводится вся область права, распадается, согласно общему закону, на три момента: *формальное право*, куда относится собственность, владѣніе, договоръ и преступленіе (положеніе), *мораль* (противоположеніе) и *нравственность* (спекулятивный моментъ). Въ свою очередь, послѣдній моментъ разлагается на три новыхъ: *семейство*, его противоположеніе—*общество* и *государство*, какъ единство двухъ первыхъ. Идея государства, далѣе, заключаемъ въ себѣ: *внутреннее* государственное устройство, *внѣшнее* и *духъ всемірной исторіи*, какъ высшій моментъ.—См. критику и другіе примѣры у *Сергѣевича*, по книгѣ котораго мы дѣлаемъ эту справку: Задача и метода государственныхъ наукъ, 1871; с. 71, 73.

[2]) См. гл. V, с. 155 sq.

Полагая, что время построенія общей классификаціи еще не настало, мы избираемъ предметомъ спеціальнаго изученія именно эти классификаціи, едва ли не самыя древнія, что̀ также служитъ косвеннымъ указаніемъ ихъ важности. Между прочимъ, на нихъ мы увидимъ впослѣдствіи справедливость сдѣланныхъ выше общихъ замѣчаній, которыя, поэтому, мы сочли излишнимъ пояснять достаточнымъ числомъ примѣровъ. На нихъ же мы ближайшимъ образомъ прослѣдимъ примѣненіе тѣхъ началъ, которыя были выработаны нами въ отдѣлѣ общаго ученія о классификаціи. Это послужитъ живою, органическою связью между двумя частями книги, столь разнородными на первый взглядъ.

Но прежде чѣмъ перейдти къ классификаціямъ государствъ, укажемъ на нѣкоторыя *особенности* общественныхъ явленій, имѣющія связь съ вопросомъ о ихъ размѣщеніи.

Мы нашли выше, что признаки предметовъ представляютъ собою сосуществованія, или производныя, какъ совмѣстныя слѣдствія общей причины, или независимыя и первоначальныя. Выражая дѣйствительное сосуществованіе или только скрывая подъ его формою причинную связь, они, за немногими исключеніями, вынуждаютъ изслѣдователя довольствоваться при изученіи наблюденіемъ черезъ простое перечисленіе [1]). Въ общественныхъ явленіяхъ случаевъ дѣйствительнаго сосуществованія нѣтъ: всѣ явленія служатъ здѣсь выраженіемъ закона причинности [2]). Но это не даетъ никакихъ выгодъ изслѣдователю по отношенію къ пріемамъ изученія: чрезвычайная множественность и сложность причинъ, ихъ сталкивающееся и сплетающееся вліяніе въ произведеніи результатовъ не допускаютъ примѣненія точныхъ методовъ. Какъ и въ явленіяхъ дѣйствительнаго сосуществованія, приходится пользоваться *только* методомъ простаго перечисленія [3]). Съ этой точки зрѣнія, построеніе классификацій въ общественныхъ наукахъ поставлено не въ лучшія условія, чѣмъ въ остальныхъ отро-

---

[1]) См. выше, гл. IV, с. 116 sq.

[2]) *Bain.* Logique; t. II, p. 480.

[3]) Было бы излишне входить здѣсь въ разсмотрѣніе этого вопроса, достаточно разработаннаго и установленнаго. См.: *Сергѣевичъ.* Задача и метода государственныхъ наукъ; с. 192 sq..

сляхъ конкретнаго знанія. Но есть другія условія, которыя измѣняютъ положеніе дѣла къ *невыгодѣ* общественныхъ наукъ. Эти условія заключаются въ *особомъ характерѣ* явленій общежитія.

Въ отличіе отъ этихъ явленій, предметы природы имѣютъ внѣшнія, такъ сказать, осязаемыя границы, болѣе или менѣе отчетливыя и опредѣленныя, познаваемыя *внѣшнимъ* наблюденіемъ. Мы получаемъ здѣсь воспріятія черезъ непосредственное обращеніе нашихъ воспринимающихъ способностей къ воспринимаемымъ объектамъ. Это непосредственное обращеніе лежитъ въ основѣ дальнѣйшаго образованія понятій. Наоборотъ, общественныя явленія не имѣютъ внѣшнихъ чувственныхъ очертаній. Мы проводимъ границы ихъ только *идеально*, опираясь на отдѣльные мелькающіе признаки, по которымъ заключаемъ о существованіи цѣлаго и опредѣляемъ его общій видъ. Мы составляемъ представленія о нихъ при помощи *умственнаго* наблюденія, создающаго наблюдаемые образы. Поэтому, въ одномъ случаѣ мы сравниваемъ предметы, непосредственно отражающіеся и рисующіеся въ нашихъ чувствахъ; въ другомъ—представляемыя величины, устанавливаемыя въ воображеніи по отрывочнымъ, часто немногимъ воспріятіямъ составныхъ элементовъ. Правда, «наблюдающія и сравнивающія способности тамъ и здѣсь однѣ и тѣ же; разница въ однихъ предметахъ наблюденій и сравненій» [1]). Однако, эта разница значительно осложняетъ сравненіе, вынужденное довольствоваться умственнымъ наблюденіемъ. Она требуетъ отъ него предварительной работы, которой обыкновенно нѣтъ при наблюденіи внѣшнемъ. Работа заключается въ кропотливомъ собираніи отдѣльныхъ признаковъ и построеніи изъ нихъ цѣльнаго образа, при чемъ опредѣленіе взаимнаго положенія и отношенія частей и проведеніе воображаемыхъ линій, обозначающихъ границы предметовъ, представляютъ требовательную задачу, отъ которой избавленъ наблюдатель, вращающійся въ мірѣ явленій природы [2]). Короче, въ одномъ случаѣ сравниваемые факты даются готовыми, тогда какъ въ другомъ они должны быть установлены и очерчены, что̀ нерѣдко является дѣломъ не только труднымъ, но и спорнымъ.

---

[1]) *Троицкій.* Наука о духѣ; т. II, с. 167; ср. с. 65, 131.

[2]) *Ibid.*; т. I, с. 125—127.

Трудность проведенія идеальныхъ границъ усиливается, сверхъ того, двумя другими свойствами общественныхъ явленій.

Во-первыхъ, признаки этихъ явленій отличаются меньшею устойчивостью, чѣмъ признаки предметовъ внѣшней природы. Первые подвержены бо́льшимъ колебаніямъ, чѣмъ вторые, что̀ указываетъ на колебаніе самихъ явленій, которыя находятся въ вѣчномъ и неустанномъ движеніи, проходящемъ передъ глазами наблюдателя. Поэтому, границы общественныхъ явленій не представляютъ той степени *постоянства*, какая наблюдается въ природѣ. Это, конечно, новое неудобство въ методологическомъ отношеніи: среди непрерывнаго движенія труднѣе уловить отдѣльныя его стадіи, нежели среди относительнаго покоя, позволяющаго внимательно осматривать и опредѣлять медленно смѣняющіяся состоянія.

Во-вторыхъ, идеальныя границы общественныхъ явленій не полагаютъ *пространственнаго* раздѣленія между ними, существующаго во внѣшней природѣ. Эти явленія не отдѣляются другъ отъ друга видимо, отчетливо, рѣзко; они не составляютъ обособленныхъ и въ этомъ смыслѣ самостоятельныхъ предметовъ. Напротивъ, исключая пространственное разграниченіе, они постоянно входятъ другъ въ друга, существуютъ одни въ другихъ и такъ сливаются между собою, что глазъ едва въ состояніи улавливать линіи обособленія. Народъ, напр., какъ цѣлое, отличное отъ государства, включаетъ его въ себя и въ то же время обнимается имъ; церковь существуетъ въ народѣ и государствѣ, какъ особый союзъ; разнообразныя общественныя соединенія возникаютъ и держатся среди народа, государства и церкви, но не отожествляются съ ними. Одинъ и тотъ же матеріалъ,—отдѣльныя лица,—образуетъ многія сложныя единицы, входя въ составъ ихъ различными своими сторонами. Колеблющимся очертаніямъ явленій это придаетъ еще бо́льшую неуловимость, затрудняющую наблюдателя.

Такимъ образомъ, идеальныя границы, въ связи съ ихъ подвижностью и отсутствіемъ пространственнаго раздѣленія, составляютъ особенности общественныхъ явленій, осложняющія изученіе. Въ вопросѣ построенія классификаціи эти особенности служатъ *логическими препятствіями*, которыхъ нѣтъ въ другихъ конкретныхъ наукахъ. Поэтому, къ общимъ причинамъ, затрудняющимъ уста-

новленіе правильнаго размѣщенія, здѣсь присоединяются спеціальныя условія, дѣйствующія въ томъ же направленіи. Мы увидимъ далѣе, что эти условія сбиваютъ многихъ изслѣдователей съ настоящей дороги.

Отъ общихъ и бѣглыхъ замѣчаній обратимся непосредственно къ вопросу о *классификаціи государствъ*. Желаніе дать посильное рѣшеніе этого важнаго вопроса обязываетъ насъ разсмотрѣть и обсудить существующія классификаціи, чтобы въ нихъ поискать матеріала и указаній для правильной постановки сложнаго и труднаго дѣла. Замѣтимъ, что мы имѣемъ въ виду построеніе *общей* классификаціи, предназначаемой для изученія государства вообще, а не преслѣдующей тѣ или другія частныя цѣли. Именно эту точку зрѣнія мы должны усвоить при обзорѣ классификацій, предлагаемыхъ политическою литературой. Вотъ почему, признавая въ нихъ то или другое правильнымъ или ложнымъ, мы просимъ читателя придавать нашимъ выводамъ условное значеніе: правильное въ общихъ цѣляхъ можетъ быть неудовлетворительно въ цѣляхъ спеціальныхъ, и обратно. Съ другой стороны, по той же причинѣ мы останавливаемся только на классификаціяхъ, которыя имѣютъ какое-либо общее значеніе или, по крайней мѣрѣ, даютъ поводъ подозрѣвать его. При этомъ, мы сосредоточиваемъ вниманіе на высшихъ родовыхъ группахъ, какъ тѣхъ частяхъ размѣщенія, которыя обусловливаютъ дальнѣйшія подраздѣленія и представляютъ наиболѣе опасные пункты работы. Мы слѣдуемъ здѣсь выводу, полученному выше, согласно которому классификація должна строиться сверху,—выводу, находящему подтвержденіе во всей литературѣ предмета, подлежащаго разсмотрѣнію [1]).

Изложенію и критическому разбору отдѣльныхъ классификацій мы предпошлемъ здѣсь бѣглый очеркъ ихъ *исторіи*, который дастъ намъ возможность охарактеризовать *современное состояніе* вопроса и намѣтить *планъ* дальнѣйшаго изслѣдованія.

Не смотря на глубокую древность вопроса о класификаціи государствъ, онъ имѣетъ весьма недолгую исторію. Какъ извѣстно, первая по времени классификація, основанная на *количествен-*

---

[1]) См. выше, гл. V, с. 142 sq., 157 sq..

номъ составѣ верховной власти, появилась въ Греціи, получивъ отъ *Аристотеля* мастерскую логическую обработку. Въ лицѣ *Полибія* древній міръ внесъ одну поправку въ логическое построеніе греческаго философа: къ тремъ основнымъ формамъ,—монархіи, аристократіи и демократіи,—Полибій прибавилъ четвертую, которую, какъ соединеніе трехъ первыхъ, онъ назвалъ смѣшанною формою. Съ тѣхъ поръ и до конца прошлаго вѣка Аристотелева классификація, съ поправкой Полибія или безъ нея, одна господствовала въ политической литературѣ. Столь продолжительное господство объясняется прежде всего достоинствами самой классификаціи, которыя и по настоящее время обезпечиваютъ за нею литературное первенство. Но этому господству помогло, далѣе, и другое важное обстоятельство: въ теченіе всѣхъ среднихъ вѣковъ и новаго времени вниманіе политической мысли было отвлечено въ сторону отъ изученія историческихъ формъ государства, которыя такъ живо интересовали Аристотеля. Сначала въ наукѣ преобладала богословская точка зрѣнія, группировавшая политическіе вопросы вокругъ центральнаго явленія средневѣковой жизни—борьбы папъ и императоровъ. Позднѣе, въ особенности съ эпохи возрожденія, ближе ознакомившей европейскій міръ съ древнею философіею, богословская точка зрѣнія смѣнилась чисто метафизической, а политическіе вопросы стали вращаться вокругъ задачи изобрѣтенія наилучшей формы правленія. Мыслители, въ родѣ Макіавелли, стоявшіе на почвѣ исторіи, составляли рѣдкое исключеніе. Большинство уходило въ міръ спекулятивныхъ построеній, увлекаясь погонею за вѣчными истинами морали, права и политики. Въ области ученія о государствѣ мечтали о возможности создать, посредствомъ умозрѣнія, совершенное общежитіе по тому образу, который предносился мысли. «Эта мечта,—говоритъ Шлейермахеръ,—породила то, что слишкомъ мало стали смотрѣть на государства, какъ историческія, естественныя образованія, а постоянно видѣли въ нихъ явленія, на которыя человѣкъ призванъ воздѣйствовать искусственно, вслѣдствіе чего ихъ совершенство или несовершенство сдѣлалось основною точкою зрѣнія изслѣдованій. Можно сказать, что почти вся научная обработка предмета выражалась въ стремленіи поставить предъ глазами практическихъ политиковъ об-

щій, всюду примѣнимый образецъ государственнаго строя, къ которому прежнія явленія относились только какъ неудачные опыты. Осуществись этотъ образецъ въ дѣйствительности,—вся предыдущая исторія уподобилась бы первобытному времени или безвременью (Urzeit oder Unzeit); будущее же представилось бы тогда богатою и отрадною нивою, на которой, до послѣдней жатвы всего человѣческаго, государства стояли-бы въ вѣчномъ мирѣ другъ возлѣ друга, различаясь между собою развѣ мѣстами, которыя они занимаютъ. И чѣмъ сильнѣе распространялось это стремленіе, тѣмъ болѣе теряло всякое значеніе естественное описаніе государствъ. Подводятся ли, и какимъ образомъ, прежнія «государства необходимости» («Nothstaaten»),—выраженіе, представляющее высшій тріумфъ разсматриваемаго взгляда,—подъ древнія или новыя понятія, это,—казалось, безразлично, если только всѣ виды общежитія должны когда-нибудь принять одну общую форму.» [1]) Въ совершенномъ согласіи съ Шлейермахеромъ, Роперъ замѣчаетъ по тому же поводу: «Строгіе идеалисты новаго времени, у которыхъ вся государственная наука уходила въ изображеніе наилучшаго государства, питали слишкомъ мало интереса къ историческимъ формамъ, чтобы заниматься съ должною любовью классифицированіемъ и описаніемъ ихъ.» [2])

Въ концѣ прошлаго и началѣ текущаго столѣтія замѣчаются первыя попытки вновь пересмотрѣть и повѣрить древнее рѣшеніе вопроса. Поводомъ къ этому послужила смѣшанная форма Полибія. Въ теченіе среднихъ вѣковъ и новаго времени форма эта постоянно останавливала на себѣ вниманіе мыслителей, искавшихъ совершеннаго государства. Одни усматривали въ ней желанный идеалъ, другіе осуждали и отвергали ее. Споръ вращался въ чисто теоретической области: смѣшанная форма существовала въ изображеніяхъ писателей, но не въ дѣйствительности. Древняя римская республика была въ этомъ отношеніи едва ли не единственнымъ извѣстнымъ исключеніемъ, которое, однако, не удо-

---

[1]) *Schleiermacher.* Ueber die Begriffe der verschiedenen Staatsformen; S. 19 (Abhandlungen der Berliner Akademie 1814—1815, philos. Klasse).

[2]) *Roscher.* Umrisse zur Naturlehre der drei Staatsformen; S. 81 (Allg. Zeitschrift für Geschichte, herausg. v. *Schmidt*, 1847, VII-er Bd.).

влетворяло требованіямъ идеала. Когда, въ XVIII вѣкѣ, Монтескьё открылъ спорную форму въ англійскихъ учрежденіяхъ и вмѣстѣ далъ болѣе точное выраженіе идеалу, связавъ его съ ученіемъ о раздѣленіи властей,—вопросъ получилъ новый и могучій толчекъ. Форма Полибія подверглась тщательному и всестороннему изученію, результатомъ котораго явилось конституціонное право, какъ особая вѣтвь государственной науки. Параллельно теоретической разработкѣ, идеи Монтескьё получили широкое распространеніе на европейскомъ и американскомъ материкахъ, что повело къ опытамъ осуществить ихъ на практикѣ. Въ концѣ прошлаго вѣка опыты этого рода уже были сдѣланы въ Старомъ и Новомъ Свѣтѣ. Смѣшанная форма изъ области научнаго представленія стала переходить въ дѣйствительность. Исторія создавала новый видъ государства, который, естественно, наводилъ на мысль о недостаточности древнихъ формъ. Отсюда возникли, съ одной стороны, многочисленныя поправки дѣленія Аристотеля, съ другой,—опыты построенія новыхъ размѣщеній.

Кантъ первый усумнился въ достоинствахъ греческой классификаціи и предложилъ другое дѣленіе государствъ, на которое навела его именно смѣшанная форма. Правда, его попытка носила совершенно случайный характеръ; но она скоро была замѣчена, получила дальнѣйшую разработку и, главное, вызвала живое обсужденіе вопроса, который съ этой поры уже не переставалъ интересовать нѣмецкихъ политическихъ писателей. Такимъ образомъ, въ теченіи полустолѣтія, или немногимъ болѣе, образовалась цѣлая литература, посвященная этому предмету. Она сосредоточилась исключительно въ Германіи. Ученые другихъ странъ попрежнему продолжали и продолжаютъ держаться древней классификаціи. По крайней мѣрѣ, мы не встрѣтили никакихъ литературныхъ указаній на сколько-нибудь самостоятельныя рѣшенія вопроса, если не считать слабыхъ попытокъ Де-Траси и Ланжюинэ, о которыхъ мы упоминаемъ въ своемъ мѣстѣ.

Въ Германіи вопросъ пережилъ слѣдующія главныя стадіи. *Кантъ* основалъ новое размѣщеніе государствъ на *теоріи раздѣленія властей*. Его мысль, однако, нашла немногихъ сторонниковъ. Не смотря на авторитетъ философа, въ общемъ она была встрѣчена холодно и даже враждебно. Это объяснялось, съ одной

стороны, тѣмъ, что новое дѣленіе опиралось на теорію Монтескьё, которая не пользовалась сочувствіемъ нѣмецкихъ писателей; съ другой,—тѣмъ, что оно вообще не отвѣчало духу нѣмецкой науки. Подобно классификаціи Аристотеля, оно покоилось на внѣшнихъ признакахъ, что̀ уже заключало въ себѣ достаточную причину для осужденія. Въ согласіи съ общимъ философскимъ направленіемъ мысли, германскіе писатели, работавшіе надъ вопросомъ, требовали, чтобы дѣленіе основывалось не на внѣшнихъ и, по ихъ мнѣнію, поверхностныхъ признакахъ, а на внутреннихъ различіяхъ, проникающихъ въ существо политическаго организма. Это требованіе, которому не удовлетворяли ни Аристотель, ни Кантъ, послужило исходною точкою дальнѣйшаго движенія. Оно побудило *Шлейермахера* сдѣлать замѣчательную попытку *внутренняго* обоснованія древней классификаціи. Но попытка также не имѣла успѣха, ибо она подновляла старое построеніе, прочность котораго уже была подорвана въ глазахъ лицъ, спеціально интересовавшихся задачею. Почти одновременно съ Шлейермахеромъ сдѣлана была другая попытка, одинаковая по тенденціи, но различная по направленію. Это направленіе можно было угадать напередъ. Если Аристотель и Кантъ грѣшили внѣшностью своихъ признаковъ,—нужно, стало-быть, брать признаки *внутренніе;* если они останавливались на строеніи государственномъ,—слѣдуетъ, значитъ, обратиться къ *матеріалу,* изъ котораго создаются политическіе союзы, ибо имъ опредѣляется ихъ характеръ. И вотъ *Велькеръ* первый направляется въ эту сторону. Предложенное имъ дѣленіе оказывается неудачнымъ; но путь, имъ намѣченный,—тотъ самый, которымъ до нашихъ дней слѣдуетъ большинство германскихъ ученыхъ, устанавливающихъ собственныя классификаціи. Всѣ они имѣютъ то общее, что основываютъ свои размѣщенія на *различіяхъ состояній народа,* обусловливающихъ различія государственнаго строя;—расходятся же между собою въ томъ, *чѣмъ* опредѣлять эти состоянія. Одни, какъ Велькеръ, отправляясь отъ любимаго уподобленія государства организму, указываютъ на *возрасты,* которые должны служить основаніемъ обособленія группъ. Другіе, какъ *Дуденъ,* не рѣшаясь заходить такъ далеко въ аналогіяхъ, останавливаются на *ступеняхъ развитія,* полагая ихъ въ основу размѣщенія. Велькеръ находитъ талантли-

ваго выразителя своей мысли въ *Ромерѣ;* за Дуденомъ слѣдуютъ *Моль* и *Форлендеръ*. Въ чемъ заключаются различія ихъ между собою,—съ этимъ мы ознакомимся ниже, при изложеніи ихъ классификацій. Здѣсь же замѣтимъ, что указанными направленіями исчерпываются всѣ самостоятельныя попытки нѣмецкихъ ученыхъ, среди которыхъ большинство остается вѣрнымъ Аристотелю, предлагая къ нему разнообразныя поправки.

Нельзя сказать, чтобы вопросъ о классификаціи государствъ много выигралъ отъ ученой разработки въ Германіи. Дѣлая исключеніе въ пользу Канта и его послѣдователей, намъ кажется, что какъ поправки къ Аристотелю, такъ и самостоятельныя размѣщенія въ *общемъ* едва ли могутъ быть признаны удовлетворительными. Это, конечно, не уничтожаетъ вѣрности и важности *частныхъ* результатовъ, достигнутыхъ произведенною работою; нѣкоторыми изъ нихъ мы разчитываемъ воспользоваться впослѣдствіи. Въ общемъ же безуспѣшность усилій происходитъ отъ двухъ коренныхъ причинъ. Одна, на которую мы уже указывали, состоитъ въ *метафизическомъ* направленіи науки: выражаясь рѣзче или слабѣе, это направленіе приводитъ къ пригибанію явленій подъ заранѣе составленныя категоріи, что извращаетъ самую природу классификаціи, какъ пріема глубоко индуктивнаго. Другая и важнѣйшая причина заключается въ полномъ и совершенномъ *невниманіи къ логическимъ требованіямъ*, которое поражаетъ читателя при ознакомленіи съ литературою. Спорятъ о вещахъ, логически безспорныхъ; нарушаютъ основныя условія правильной классификаціи; дѣлаютъ ошибки по всѣмъ частямъ теоріи размѣщенія и во всѣхъ направленіяхъ. Въ общей постановкѣ вопроса, напр., одни настаиваютъ на томъ, что слѣдуетъ классифицировать не государства, а формы устройства ихъ (Форлендеръ, Вайтцъ); другіе справедливо, но безосновательно утверждаютъ противное (Моль). Тамъ, далѣе, третьи, соединяя вмѣстѣ существующее и воображаемое, размѣщаютъ явленія дѣйствительности въ перемежку съ мыслимыми формами (Беръ, Дуденъ, Лео, отчасти Ромеръ и Блюнчли), такъ что болѣе осторожнымъ и трезвымъ писателямъ приходится останавливать и воздерживать отъ увлеченій, не указывая, однако, мотивовъ для этого (опять Моль). Четвертые относятъ къ размѣщаемому матеріалу явленія, кото-

рыя не могутъ быть причислены къ государствамъ, и, наоборотъ, исключаютъ такія, которыя, несомнѣнно, принадлежатъ къ послѣднимъ (Лео, Роттекъ, Фолльграффъ). Все это и многое другое находимъ въ одной общей постановкѣ вопроса. Самое рѣшеніе характеризуется подобными же чертами: къ построенію классификаціи прилагаются ложныя мѣрки, при чемъ совершаются постоянныя отступленія отъ главнѣйшихъ требованій задачи. Это полное невниманіе къ методологіи и вытекающій отсюда произволъ сужденій побудили насъ, между прочимъ, предпослать вопросу о размѣщеніи государствъ изслѣдованіе о классификаціи вообще, которому мы обязаны всѣми выводами дальнѣйшей работы.

Для болѣе удобнаго обозрѣнія литературы вопроса мы раздѣляемъ писателей на *двѣ* большія группы: къ *первой* относимъ тѣхъ, которые усматриваютъ основанія для классификаціи государствъ въ ихъ *устройствѣ*; *вторую* составляютъ тѣ, которые ищутъ признаковъ для обособленія классовъ въ *состояніяхъ народа*. Первая группа имѣетъ, далѣе, два подраздѣленія: а) *одни* писатели останавливаются въ устройствѣ государственномъ на *количественномъ составѣ верховной власти*, куда относятся классификація Аристотеля и многочисленныя и разнообразныя поправки къ ней (гл. IX и X); б) *другіе* избираютъ признакомъ обособленія *дѣленіе верховной власти*, куда принадлежатъ Кантъ и его послѣдователи (гл. XI). Вторая группа точно также распадается на двѣ категоріи: а) *писателей*, которые различіе состояній народа приписываютъ *возрастамъ* (гл. XII), и б) *писателей*, которые относятъ это различіе на счетъ *ступеней развитія* (гл. XIII). Избираемая нами систематика, вытекая изъ существа дѣла, отвѣчаетъ вмѣстѣ съ тѣмъ хронологическому порядку появленія классификацій, отступая отъ него въ двухъ-трехъ случаяхъ [1]).

---

[1]) *Моль* дѣлитъ писателей на три группы. См. его: Geschichte und Literatur der Staatswissenschaften; I-er Bd., S. 261 sq..—Ему слѣдуетъ *Форлендеръ*, присоединяя къ тремъ группамъ классификацію Шлейермахера, какъ нѣчто особое. См.: Die Staatsformen in ihrem Verhältniss zu der Entwicklung der Gesellschaft; S. 295 sq., 306. (Zeitschrift für die gesammte Staatswissenschaft, XIV-er Bd., 1858).—*Вайтцъ* справедливо указываетъ, что группировка не захватываетъ всей литературы. Grundzüge der Politik, 1862; S. 107.—Мы прибавимъ къ этому, что она, сверхъ того, слабо обозначаетъ группы.

Въ заключеніе систематическаго обзора литературы мы выдѣляемъ въ *особую* группу писателей, попытки которыхъ разматриваемъ подъ общимъ именемъ *«частныхъ, параллельныхъ классификацій»* (гл. XIV). Эта характерная группа служитъ нагляднымъ выраженіемъ пренебреженія къ логическимъ требованіямъ, замѣчаемаго болѣе или менѣе у всѣхъ: относящіеся сюда ученые, каждый, предлагаютъ по нѣсколькy дѣленій, ничѣмъ не связывая ихъ между собою и не указывая взаимнаго ихъ отношенія.

Важнѣйшія изъ попытокъ построенія самостоятельныхъ классификацій излагаются нами съ возможною полнотою. При этомъ мы имѣемъ въ виду двоякую цѣль: во 1-хъ, подробное изложеніе даетъ возможность правильнѣе судить о достоинствѣ дѣленія по количеству общихъ предложеній, характеризующихъ группы; во 2-хъ, оно нѣсколько оживляетъ наше медотологическое изслѣдованіе. Въ этомъ отношеніи мы дѣлаемъ два исключенія для Аристотеля и Фолльграффа: исчерпать выводы, связанные съ дѣленіемъ перваго, нѣтъ возможности, ибо это—почти вся политическая литература; попытка втораго, по крайней своей неудовлетворительности, кажется намъ не заслуживающею большаго вниманія.

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ.

Классификаціи государствъ по количественному составу верховной власти.

Классификація Аристотеля. –Ея историческая судьба.—I). *Возраженія* противъ древняго дѣленія Шлейермахера и другихъ писателей.—II). *Поправки* древняго дѣленія.—А). *Измѣненіе основаній* классификаціи: Блюнчли, Рошеръ.—Б). *Сокращеніе группъ*: Халлеръ, Тренделенбургъ.—В). *Увеличеніе группъ*: Полибій, его послѣдователи и противники; Монтескьё, Блюнчли.

Слѣдуя принятому плану изложенія, мы должны начать обзоръ классификацій съ группы писателей, отыскивающихъ основаній размѣщенія въ строеніи государственномъ. Писатели этой группы останавливаются на двухъ признакахъ: или на количественномъ составѣ верховной власти, или на ея дѣленіи. Хронологическій порядокъ побуждаетъ обратиться сначала къ первымъ.

Самая древняя классификація государствъ приписывается обыкновенно А р и с т о т е л ю. Нужно думать, однако, что великому греку принадлежитъ только научная конструкція этой классификаціи, которая слагалась постепенно въ народномъ сознаніи и къ его времени сдѣлалась общимъ достояніемъ. [1]) Онъ уже нашелъ готовыми понятія о различныхъ формахъ государственнаго устройства; ими уже пользовались его предшественники въ своихъ литературныхъ трудахъ (Геродотъ, Ксенофонтъ, Платонъ). Но Аристотелю, безспорно, принадлежитъ честь логическаго построенія знаменитой классификаціи, которая, поэтому, справедливо носитъ его имя.

---

[1]) Ср.: *Schleiermacher*. Ueber die Begriffe der verschiedenen Staatsformen; S. 23.

Вопросъ о классификаціи государствъ Аристотель разсматриваетъ въ третьей книгѣ «Политики» (по систематикѣ Б. Сентъ-Илера). Здѣсь, настаивая на различіи государства, какъ цѣлаго, отъ составныхъ его частей, гражданъ, онъ видитъ сущность его въ *политическомъ устройствѣ*: члены общежитія могутъ мѣняться, но государство остается однимъ и тѣмъ же, пока сохраняетъ свое устройство; наоборотъ, оно становится тотчасъ же другимъ, какъ скоро измѣняетъ устройство, хотя бы члены его оставались прежніе. [1]) Устройство же государства опредѣляется *составомъ верховной власти*, къ которой тяготѣетъ вся политическая жизнь общежитія. [2]) Эта власть можетъ принадлежать или *одному* человѣку, или *немногимъ* лицамъ, или *большинству* гражданъ. Отсюда три основныя формы государственнаго устройства: *единовластіе*, *правленіе меньшинства* и *правленіе большинства*. [3]) Каждая изъ основныхъ формъ дѣлится, въ свою очередь, на два вида, смотря по тому, преслѣдуетъ ли верховная власть общее благо, или свои собственныя выгоды. [4]) Такимъ образомъ, получаются три *правильныхъ* формы и три *искаженныхъ*. Правильными формами будутъ:

а) *монархія*, гдѣ верховная власть принадлежитъ одному лицу;

б) *аристократія*, гдѣ эта власть сосредоточивается въ рукахъ немногихъ, лучшихъ или богатыхъ, и

в) *политія*, гдѣ власть находится въ непосредственномъ завѣдываніи большинства гражданъ.

Соотвѣтственно правильнымъ формамъ, искаженными являются:

α) *тиранія*, гдѣ правитель имѣетъ въ виду только свои выгоды;

---

[1]) *Политика*, пер. Н. Скворцова, 1865; кн. III, гл. I, с. 117—118, 125—126.—Ср. *K. Hildenbrand.* Geschichte und System der Rechts-und Staatsphilosophie, 1860; I-ter Bd., S. 415 sq. Эта точка зрѣнія прямо вытекаетъ изъ метафизическаго ученія Аристотеля: политическое устройство является здѣсь формою (causa formalis), которая, овладѣвая матеріею, дѣлаетъ ее опредѣленною вещью.

[2]) *Ibid.*; гл. IV, с. 133—134; ср. гл. V, с. 136.

[3]) *Ibid.*; гл. V, с. 136.

[4]) *Ibid.*; гл. IV, с. 136.

β) *олигархія,* гдѣ немногіе правятъ въ личныхъ цѣляхъ, и

γ) *демократія,* гдѣ господствуетъ бѣдное большинство, преслѣдуя свои интересы и не заботясь объ общемъ благѣ. [1])

Послѣдователи Аристотеля (Полибій) измѣнили впослѣдствіи его терминологію: политія была названа *демократіею,* а эта послѣдняя—*охлократіею;* точно также тиранія стала называться *деспотіею,* хотя и доселѣ часто употребляется первое названіе. Въ дальнѣйшемъ изложеніи мы будемъ держаться этой измѣненной терминологіи, какъ общеупотребительной.

Въ основаніе своей классификаціи Аристотель полагаетъ, такимъ образомъ, различіе государствъ по количественному составу органа верховной власти. [2]) Это простое и наглядное основаніе дѣленія приводитъ его къ размѣщенію, также въ высшей степени простому и наглядному. Съ точки зрѣнія техническихъ требованій классификаціи, какъ пріема изученія, трудно дать что-нибудь болѣе совершенное, чѣмъ то, что̀ дано Аристотелемъ. Въ большинствѣ случаевъ распредѣленіе подлежащихъ явленій по группамъ не представляетъ рѣшительно никакихъ затрудненій: въ глазахъ наблюдателя, политическіе союзы какъ бы сами собою располагаются въ порядкѣ, указанномъ древнимъ дѣленіемъ. Но не одними техническими достоинствами, важность которыхъ, однако, не оспорима, обладаетъ классификація Аристотеля. Незави-

---

[1]) *Политика;* кн. III, гл. V, с. 137—138.

[2]) Ср. *G. Teichmüller.* Die Aristotelische Eintheilung der Verfassungsformen, 1859; S. 16 sq. Вопреки обычному взгляду, Тейхмюллеръ утверждаетъ, что въ основѣ дѣленія Аристотеля лежатъ качественные, а не количественные признаки: свобода, богатство, образованіе (добродѣтель), по преобладанію которыхъ въ гражданскомъ обществѣ различаются государственныя формы. Намъ кажется это утвержденіе ошибочнымъ. Безспорно, Аристотель не упускаетъ изъ виду качественныхъ различій, на что̀ еще ранѣе Тейхмюллера указалъ Блюнчли; но онъ ставитъ ихъ въ связь съ различіями количественными, которыя служатъ ему обособляющими признаками группъ. Это прямо вытекаетъ изъ относящихся сюда мѣстъ Политики, равно какъ и изъ всего ея содержанія. Основатель логики и не могъ поступить иначе: качественныя различія слишкомъ неуловимы, чтобы брать ихъ за основаніе размѣщенія въ присутствіи наглядныхъ признаковъ. Ложная въ общемъ, точка зрѣнія Тейхмюллера заслуживаетъ вниманія въ одномъ отношеніи: она даетъ возможность освѣтить Политику въ тѣхъ частяхъ, которыя обыкновенно или просматриваются, или отстраняются на задній планъ.

симо отъ яркой наглядности, обособленіе группъ покоится на разновидностяхъ строенія верховной власти, составляющей центральный признакъ государствъ. Оно опирается на коренные устои всякаго политическаго общежитія,—на основные его признаки, сопровождаемые неисчерпаемымъ множествомъ другихъ признаковъ. Въ этой истинѣ, по себѣ очевидной достаточно, мы убѣдимся еще болѣе впослѣдствіи, по мѣрѣ движенія нашей работы.

Внѣшнія и внутреннія достоинства разсматриваемой классификаціи,—наглядность и сила ея обособляющихъ признаковъ, въ связи съ логическою строгостью и стройностью построенія,—обезпечили за нею широкое распространеніе въ политической литературѣ. Въ древнемъ мірѣ, среднихъ вѣкахъ и новомъ времени, вплоть до конца прошлаго вѣка, она была единственнымъ размѣщеніемъ, которымъ пользовались политическіе писатели въ своихъ изслѣдованіяхъ о государствѣ. [1]) И до сихъ поръ ей принадлежитъ господствующее положеніе въ политической литературѣ, не смотря на нападки, которымъ, время отъ времени, она подвергалась въ текущемъ столѣтіи. Среди ея позднѣйшихъ сторонниковъ укажемъ на Фихте, Трито, Шталя, Вальтера, Дальмана, Цёпфля, Бюлау, Фрёбеля. Другіе писатели,—какъ Монтескьё, Іоаннъ Мюллеръ, Халлеръ, Блюнчли, Рошеръ, Тренделенбургъ,—дѣлаютъ незначительныя уклоненія отъ греческаго образца, оставаясь вѣрны его основному принципу. Наконецъ, третьи, съ которыми мы встрѣтимся впослѣдствіи, нападая на Аристотеля и предлагая свои собственныя классификаціи, по бо́льшей части удерживаютъ его государственныя формы, какъ видовыя различія основныхъ группъ. Вообще замѣтимъ, что, при всемъ различіи взглядовъ на древнее дѣленіе, едва-ли найдется писатель, который отрицалъ бы его великую важность. [2]) Можно сказать безъ пре-

---

[1]) Въ *древнемъ* мірѣ ей слѣдовали: Полибій и Цицеронъ; въ *средніе* вѣка: Ѳома Аквинскій, Эгидій Римскій, Іоаннъ Парижскій, Марсилій Падуанскій, Оккамъ, Эней Сильвій Пиколомини (Пій II), Макіавелли, Боденъ; въ *новое* время: Гоббесъ, Гаррингтонъ, Сидней, Вико, Спиноза, Пуфендорфъ, Вольфъ, Руссо, и т. д. Справка сдѣлана по сочиненію *Б. Чичерина:* Исторія политическихъ ученій; т. I и II.

[2]) *Waitz.* Grundzüge der Politik; S. 115.

увеличенія, что въ продолженіи слишкомъ двухъ тысячъ лѣтъ оно руководило политическими изслѣдованіями, поскольку они касались историческихъ формъ государства. Отсюда станетъ понятнымъ, какое вліяніе должна была оказать классификація Аристотеля на состояніе науки, въ качествѣ пріема, предрѣшающаго выводы изученія. Съ другой стороны, ясно также, что въ теченіи этого долгаго времени сама она подвергалась всестороннему практическому испытанію, упрочившему ея значеніе. Не говоримъ уже ни о вліяніи ея на чисто историческія изслѣдованія, ни о томъ испытаніи, которое она здѣсь выдерживаетъ съ честью.

Мы упомянули, что классификація Аристотеля подвергалась нападеніямъ; указали, кромѣ того, на писателей, которые отклоняются отъ нея въ частностяхъ. Разборъ возраженій и этихъ отклоненій, представляющихъ собою поправки, поможетъ намъ обнаружить слабыя стороны и достоинства греческаго дѣленія и дастъ возможность прослѣдить, въ общихъ чертахъ, его историческую судьбу. Начнемъ съ писателей, нападающихъ на классификацію Аристотеля, и потомъ перейдемъ къ тѣмъ, которые предлагаютъ къ ней поправки.

I. Возраженія противъ классификаціи Аристотеля. Первый поводъ къ нападеніямъ на классификацію Аристотеля подалъ Кантъ. Хотя германскій философъ не отвергалъ этой классификаціи, но онъ предложилъ свое собственное дѣленіе, замѣтивъ вскользь о преимуществѣ его передъ прежнимъ. [1]) Хэренъ воспользовался замѣткою Канта и уже открыто возсталъ на традиціонное размѣщеніе. Нѣсколько позднѣе онъ нашелъ въ Шлейермахерѣ талантливаго послѣдователя въ этомъ направленіи. Съ тѣхъ поръ нападенія уже не прекращались, а повторялись все чаще и чаще, хотя и не выигрывали отъ того въ силѣ.

Хэренъ ограничивается однимъ упрекомъ. Онъ находитъ, что древняя классификація основана на признакѣ совершенно *случайномъ*, опредѣляющемъ форму *управленія* государства, а не форму его *устройства* (Regierungsform, а не Verfassungsform) [2]). Въ

---

[1]) См. ниже, гл. XI.

[2]) *Heeren.* Ideen über die Politik, den Verkehr und den Handel der Völker der alten Welt, 1805; S. 480, 978.

этомъ упрекѣ сказался отголосокъ господствовавшаго въ то время ученія о народномъ верховенствѣ,—точка зрѣнія, съ которой правительство, каково бы ни было его устройство, разсматривалось въ качествѣ повѣреннаго народа, дѣйствующаго по его порученію. Упрекъ, внушенный метафизическою доктриной, падаетъ вмѣстѣ съ послѣдней.

Гораздо серьезнѣе возраженія Шлейермахера; по крайней мѣрѣ, они обладаютъ нѣкоторою кажущеюся убѣдительностью и пользуются доброю репутаціей въ германской литературѣ.

Первое возраженіе знаменитаго академика заключается въ томъ, что государственныя формы Аристотеля *легко переходятъ* другъ въ друга и въ *отдѣльныхъ состояніяхъ* этого перехода не могутъ считаться самостоятельными *видами* политическаго общежитія. Мысль свою Шлейермахеръ поясняетъ примѣрами. Демократическая община, говоритъ онъ, управляется обыкновенно вождями, которые пріобрѣтаютъ вліяніе надъ пассивной массой согражданъ знаніемъ дѣлъ, силою рѣчи или частными связями. Это вліяніе можетъ передаваться преемственно, такъ что съ теченіемъ времени образуется кружокъ лицъ,—богатыхъ, развитыхъ или вообще чѣмъ-либо выдающихся,—которыя получаютъ власть какъ бы по наслѣдству. Правленіе становится уже аристократическимъ по своему существу, а при равнодушіи остальныхъ гражданъ оно можетъ сдѣлаться таковымъ и по внѣшней формѣ. Среди демократическихъ вождей, укрѣпившихъ свое вліяніе, можетъ, далѣе, произойти раздоръ, который поведетъ къ тому, что одинъ изъ нихъ, опираясь на народную массу, присвоитъ себѣ верховную власть. Такимъ образомъ, правленіе обращается въ монархическое. Но на этомъ дѣло не останавливается: монархія вновь легко можетъ стать аристократіею, если, напр., побѣжденные вожди свергнутъ своего соперника и упрочатся на его мѣстѣ; въ свою очередь, аристократія, при благопріятныхъ условіяхъ, способна перейти въ демократію, а послѣдняя—начать новый кругооборотъ. Теперь спрашивается,—заключаетъ Шлейермахеръ,—можно-ли сказать, что въ описанныхъ условіяхъ, среди даннаго народа и въ данной странѣ, существовало послѣдовательно *три различныхъ государства*—демократическое, аристократическое и монархическое? Не вѣрнѣе ли видѣть здѣсь три преемственыя превращенія *одного*

государства? Эти превращенія создаютъ только *особыя состоянія* того-же самаго предмета, которыя, конечно, не даютъ никакого права относить его къ различнымъ группамъ классификаціи [1]).

Чтобы оцѣнить по достоинству это возраженіе, нужно обратить вниманіе на три слѣдующія стороны дѣла.

Во-первыхъ, въ соображеніяхъ критика замѣчается присутствіе *двухъ* точекъ зрѣнія,—*фактической* и *юридической*,—которыя слѣдуетъ строго различать при обсужденіи классификаціи Аристотеля: первая изъ нихъ не имѣетъ къ ней никакого *прямаго* отношенія, тогда какъ вторая служитъ *непремѣннымъ* ея предположеніемъ, оговаривать которое считается обыкновенно излишнимъ. Въ демократіяхъ власть по праву принадлежитъ народу, хотя въ дѣйствительности она находится чаще всего въ рукахъ немногихъ вождей; въ аристократіяхъ править призвано избранное меньшинство, но фактически вліяніе на государственныя дѣла можетъ сосредоточиваться въ одномъ лицѣ; точно также въ монархіяхъ приближенные могутъ широко пользоваться властью, хотя она, несомнѣнно, принадлежитъ монарху. Однако, ни то, ни другое, ни третье ни мало не подрываетъ основъ дѣленія, пока мы удерживаемъ подразумѣваемое имъ различіе *права* отъ *факта*. [2])

Во-вторыхъ, возможность перехода одной государственной формы въ другую нисколько не противорѣчитъ классификаціи Аристотеля, ибо она вовсе не предполагаетъ *вѣчности* или *неподвижности* политическаго устройства. Самъ Шлейермахеръ, при построеніи собственной классификаціи, не только не отвергаетъ подобнаго перехода, но, какъ увидимъ, настаиваетъ на немъ. Поэтому, упрекъ сводится *исключительно къ сравнительной легкости* превращенія однихъ явленій въ другія, выражающейся въ быстрой смѣнѣ преемственныхъ состояній. Тамъ, гдѣ состоянія эти медленно слѣдуютъ другъ за другомъ и принимаютъ устойчивый характеръ, Шлейермахеръ находитъ возможнымъ, при равенствѣ другихъ условій, считать ихъ отдѣльными *предметами* и относить

---

[1]) *Schleiermacher.* Ueber die Begriffe der verschiedenen Staatsformen; S. 21—22.

[2]) Ср. *F. Stahl.* Philosophie des Rechts; 4-te Aufl., 1870; II-er Bd., 2-te Abth., S. 220.

къ различнымъ группамъ. Но если это такъ, то, съ другой стороны, не подлежитъ сомнѣнію, что легкость перехода однѣхъ государственныхъ формъ въ другія, подчеркиваемая критикомъ, объясняется единственно произвольнымъ истолкованіемъ критикуемой классификаціи,—*исключительностью условій*, среди которыхъ разсматривается ея примѣненіе. Для доказательства слабости дѣленія берется первобытная община, въ которой, по характеристикѣ Шлейермахера, формы зачинающейся государственности отличаются крайнею смутностью и подвижностью. Но что же это доказываетъ?—Только то, что существуютъ явленія, которыя, по своей неопредѣленности, представляютъ затрудненія для размѣщенія. Если это указаніе кажется вѣсскимъ упрекомъ съ перваго взгляда, то потому только, что оно недостаточно отчетливо формулировано: въ тѣни оставлено то важное обстоятельство, что годность древней классификаціи пробуется на состояніяхъ возникающаго общежитія, а не на явленіяхъ уже сложившагося государственнаго строя, для которыхъ она предназначается. Чтобы упрекъ могъ имѣть значеніе, нужно было доказать, что дѣленіе страдаетъ отмѣченнымъ недостаткомъ, если не по отношенію ко всѣмъ государствамъ вообще, то, по крайней мѣрѣ, къ большинству ихъ. Но Шлейермахеръ далекъ отъ этой мысли; мало того, онъ даетъ превосходное доказательство противнаго, предлагая, въ качествѣ своего изобрѣтенія, ту же древнюю классификацію въ маскированномъ видѣ и мастерски доказывая историческую упругость ея основныхъ формъ, въ чемъ вскорѣ мы будемъ имѣть случай убѣдиться.

Въ-третьихъ, рѣшеніе вопроса,—можно-ли считать *отдѣльныя состоянія* жизни политическаго организма за *особыя государства*,—зависитъ отъ точки зрѣнія на послѣднія. Если подъ государствомъ разумѣютъ цѣлое, *отличное* отъ своихъ составныхъ частей, на что̀ съ особымъ удареніемъ указываетъ Аристотель; то, конечно, слѣдуетъ признать различные виды политическаго общежитія въ тѣхъ состояніяхъ, въ которыхъ это цѣлое становится *другимъ*. Такъ поступаетъ, между прочимъ, самъ Шлейермахеръ, считая особыми государствами устойчивыя состоянія политической жизни. Въ этомъ отношеніи между нимъ и Аристотелемъ разница только въ *мѣрѣ*, какую они прикладываютъ для опредѣленія смѣняю-

щихся состояній: первый хочетъ мѣрить ихъ различными степенями напряженія государственнаго начала, второй—количественнымъ составомъ органа верховной власти. Которая изъ этихъ мѣрокъ лучше,—это мы увидимъ при обсужденіи собственной классификаціи Шлейермахера.

Второе возраженіе состоитъ въ томъ, что въ нѣкоторыхъ случаяхъ *различныя формы* Аристотеля могутъ *одновременно* прилагаться къ *одному и тому же* государству, если смотрѣть на него съ различныхъ точекъ зрѣнія. Такъ, представимъ себѣ,—разсуждаетъ Шлейермахеръ,—демократическую общину, въ которой потомки вольноотпущенныхъ рабовъ, пользуясь личною свободою, но не имѣя политическихъ правъ, превзошли гражданъ своею численностью. По буквѣ закона община представляетъ собою демократію, а по существу она ничѣмъ не отличается отъ аристократій. Точно также государство, гдѣ власть принадлежитъ дворянству, за которымъ закрѣпощено остальное населеніе, съ одинаковымъ основаніемъ можетъ быть отнесено къ демократіямъ или аристократіямъ, смотря по тому, берется ли при этомъ въ разсчетъ народъ, или на него не обращаютъ вниманія [1]).

Въ этомъ возраженіи вновь выступаютъ *двѣ* точки зрѣнія, *фактическая* и *юридическая*, которыя, однако, теперь уже отчетливо разграничиваются. Именно благодаря этой *двойственности* возникаютъ затрудненія, которыхъ не было бы въ противномъ случаѣ: явленія разсматриваются съ различныхъ сторонъ, тогда какъ дѣленіе обязываетъ къ *одной юридической* точкѣ зрѣнія. Кромѣ того, въ возраженіи есть и *другая* ошибка. Классификація Аристотеля различаетъ государства по составу органа верховной власти; но она оставляетъ въ сторонѣ вопросъ о томъ, какими правами и въ какой мѣрѣ пользуются лица, исключенныя изъ этого состава. Въ примѣненіи къ частнымъ случаямъ она требуетъ одного: рѣшить, кому принадлежатъ верховныя права, — одному ли лицу, меньшинству или большинству населенія. Двухъ рѣшеній тутъ быть не можетъ, какъ не можетъ быть указанныхъ затрудненій.

---

[1]) *Schleiermacher.* Ueber die Begriffe der verschiedenen Staatsformen; 22—23.

которыя возникаютъ въ той мѣрѣ, въ какой Шлейермахеръ удаляется отъ требованій критикуемой классификаціи.

Оба приведенныя возраженія сводятся, въ сущности, къ одному: встрѣчаются или, вѣрнѣе, можно придумать *такія состоянія* общежитія, которыя *затрудняютъ* изслѣдователя при отнесеніи ихъ къ тѣмъ или другимъ группамъ Аристотелевой классификаціи. Если это только возраженіе,—оно, какъ увидимъ впослѣдствіи, можетъ быть направлено противъ самого Шлейермахера съ бо̀льшею силою, чѣмъ противъ Аристотеля. Мы, однако, не должны придавать значенія подобнымъ затрудненіямъ: они составляютъ *самый обыкновенный* случай при всякомъ размѣщеніи, какъ бы вѣрны ни были его основанія. Неопредѣленныя состоянія представляютъ собою переходныя ступени, которыя встрѣчаются повсюду, а въ мірѣ явленій органическихъ и общественныхъ находятъ достаточное объясненіе въ законѣ послѣдовательности развитія. Ихъ повсемѣстность и естественность *лишаетъ права* заключать отъ ихъ присутствія къ неудовлетворительности размѣщенія. Возраженія Шлейермахера имѣли бы нѣкоторую цѣну, если бы онъ доказалъ, что, при данныхъ основаніяхъ дѣленія, переходныхъ явленій слишкомъ много, такъ что они способны образовать самостоятельную группу, не уступающую въ значеніи установленнымъ. Но этого онъ не дѣлаетъ, да и не могъ бы сдѣлать, по существу задачи. Впрочемъ, даже въ послѣднемъ случаѣ возникалъ бы только вопросъ о логической организаціи новой группы, что̀ само по себѣ еще не отрицаетъ прежняго дѣленія. [1])

Несравненно важнѣе *третье и послѣднее возраженіе* Шлейермахера, которому самъ онъ придаетъ, повидимому, менѣе цѣны, чѣмъ двумъ первымъ. По его мнѣнію, классификація Аристотеля, приложимая къ формамъ античной жизни, отъ которыхъ она отвлечена, *не обнимаетъ всѣхъ* существующихъ *разновидностей* государства. Позднѣйшая исторія создала такія сложныя и прихотливыя сочетанія въ организаціи общежитія, которыя только насильственно могутъ быть вдвинуты въ старыя теоретическія рамки. Въ этомъ отношеніи наибольшую трудность представляютъ современныя государства, гдѣ демократическіе, аристократическіе и

[1]) См. выше, гл. V, с. 136 sq..

монархическіе элементы такъ переплетаются и связываются между собою, что нѣтъ никакой возможности рѣшить, куда отнести общежитіе. Мало того, даже тѣ формы новаго государства, которыя подходятъ подъ древнее дѣленіе (напр., монархіи), отличаются отъ соотвѣтственныхъ античныхъ формъ болѣе, нежели группы послѣднихъ между собою [1]). Намъ кажется, что въ этихъ недостаточно развитыхъ замѣчаніяхъ заключается большая доля правды, хотя и не новой.

Оставляя критику Шлейермахера, въ общемъ болѣе остроумную, чѣмъ сильную, не можемъ не обратить вниманіе на *противорѣчіе*, въ которое онъ незамѣтно впадаетъ. Неудовлетворительность древней классификаціи доказывается, главнымъ образомъ, ея непримѣнимостью къ состояніямъ возникающаго общежитія, съ его смутными и подвижными формами устройства. Между тѣмъ, позднѣе, Шлейермахеръ настойчиво утверждаетъ, что именно среди этихъ явленій, которымъ классификація обязана своимъ происхожденіемъ, она сохраняетъ свое значеніе, ибо находитъ здѣсь легкое и успѣшное приложеніе [2]). При этомъ, не безъ большой натяжки, къ явленіямъ возникающаго общежитія относятся формы древне-греческаго государства.

Нападая на Аристотеля, другіе писатели довольствуются бѣглыми и отрывочными замѣчаніями, которыя могутъ быть сгруппированы около двухъ возраженій.

Чаще всего упрекаютъ дѣленіе Аристотеля въ томъ, что оно относитъ къ *однимъ* группамъ явленія совершенно *различныя*, сближая, такимъ образомъ, величины весьма неравныя и далекія между собою. Упрекъ подкрѣпляютъ обыкновенно историческими примѣрами, съ обязательнымъ указаніемъ на короля дагомейскаго и Людовика XIV, папу и халифа, королей Польши и Англіи, древнія республики Аѳинъ и Спарты, позднѣйшія—Венеціи и Берна, Швейцарскаго союза и Соединенныхъ Штатовъ, и т. д.. Если не ошибаемся, починъ въ данномъ случаѣ принадлежитъ Де-

---

[1]) *Schleiermacher*. Ueber die Begriffe der verschiedenen Sfaatsformen; S. 23.— Ср. *Waitz*. Grundzüge der Politik; S. 116—*Mohl*. Encyclopädie der Sfaatswissenschaften, 2-te Aufl., 1872; S. 110, 113.

[2]) *Schleiermacher*. Ibid.

Траси, примѣру котораго слѣдуютъ: Моль, Бюлау, Пасси и многіе другіе [1]).

Мудрено придумать упрекъ, менѣе состоятельный съ логической точки зрѣнія. Самая возможность подобной постановки возраженія показываетъ, въ какомъ пренебреженіи находится классификація, какъ пріемъ изученія, среди политическихъ писателей. Ничего подобнаго нельзя встрѣтить тамъ, гдѣ этимъ пріемомъ широко пользуются. Какимъ невѣроятнымъ и невозможнымъ показалось бы, напр., естественнику замѣчаніе, направленное противъ дѣленія природы на органическую и неорганическую и основанное на томъ, что растеніе и животное, насѣкомое и человѣкъ, относятся здѣсь въ одну группу. Совершенно аналогическое замѣчаніе находятъ, однако, возможнымъ дѣлать политическіе писатели, считая его нерѣдко достаточнымъ аргументомъ, чтобы отвергнуть классификацію. Они не принимаютъ въ разсчетъ самаго обычнаго явленія, что, въ присутствіи глубокихъ различій, группы могутъ обладать неисчерпаемымъ *множествомъ* общихъ и важныхъ признаковъ, при которомъ установленіе ихъ является *настоятельною* необходимостью изученія. Именно этимъ свойствомъ отличаются политическія формы древней классификаціи, что краснорѣчиво удостовѣряется изслѣдованіями историческаго государства. Достаточно упомянуть здѣсь о трудахъ самого Аристотеля, Макіавелли и Монтескьё, чтобы устранить всякое сомнѣніе. Присутствіе же глубокихъ различій, не подрывая дѣленія, можетъ и должно служить основаніемъ обособленія видовыхъ группъ. Таковъ естественный исходъ, къ которому прибѣгаетъ классификація для обнаруженія этихъ различій или, что то же,—менѣе общихъ сходствъ, усматриваемыхъ среди предметовъ родовыхъ группъ [2]). Поэтому, обсуждаемое возраженіе нужно признать лишеннымъ зна-

---

[1]) *Destutt de Tracy.* Commentaire sur l'esprit des lois de Montesquieu, 1819; p. 7 sq. (Книга въ первый разъ появилась на англійскомъ языкѣ въ 1811 г.). *Mohl.* Encyclopädie der Staatswissenschaften; S. 110.—*Bülau.* Encyclopädie der Staatswissenschaften; 2-te Aufl., 1856; S. 278.—*Passy.* Des formes de gouvernement; 1870, ch. I.

[2]) См. выше, гл. V, с. 141 sq..—Ср. *Vorländer.* Die Sfaatsformen in ihrem Verhältniss zur Enwicklung der Gesellschaft; S. 107 (Zeitschrift für die gesammte Staatswissenschaft, 1858, XIV-er Bd.).

ченія. Но оно могло бы имѣть большой вѣсъ, если бы доказывали *не то*, что формы Аристотеля заключаютъ въ себѣ *глубокія* различія, а *то*, что онѣ обладаютъ *слабымъ* сходствомъ,—что упомянутыя различія даютъ возможность установить *другія* группы, съ *бо́льшимъ* числомъ общихъ и болѣе *важныхъ* признаковъ [1]). Говоря иначе, возраженіе имѣло бы силу, еслибы оно опиралось на *сравненіе* различныхъ дѣленій, а не высказывалось въ той *безусловности*, которая даетъ ему совершенно *ложную* постановку. Правда, встрѣчаются нѣкоторые намеки на желательную точку зрѣнія; но они остаются темными, не измѣняющими существа дѣла.

Другое возраженіе состоитъ въ томъ, что дѣленіе Аристотеля останавливается на *внѣшнемъ* признакѣ, но не проникаетъ во *внутреннее* содержаніе государства. Этотъ упрекъ высказываютъ: Велькеръ, Роттекъ, Ромеръ, Моль и другіе [2]).

По своему логическому достоинству возраженіе мало чѣмъ уступаетъ предыдущему. Но на него мы должны обратить особенное вниманіе, такъ какъ оно оказало, по нашему мнѣнію, сильное воздѣйствіе на судьбу вопроса о классификаціи государствъ въ германской литературѣ. Подъ вліяніемъ мысли, лежащей въ основѣ этого возраженія, возникла цѣлая группа оригинальныхъ классификацій, опирающихъ дѣленіе на различія состояній народа, вліяющія на строй его общежитія [3]). Роковая мысль, выражаемая съ бо́льшею или меньшею ясностью, заключается въ томъ, что дѣленіе должно проникать въ самую *сущность* явленій и *освѣщать* ихъ передъ наблюдателемъ. Другими словами, отъ размѣщенія, составляющаго *начало* работы, требуютъ того, что̀ можетъ дать только *дальнѣйшее* изученіе. Такая притязательность объясняется, очевидно, фальшивымъ представленіемъ о классификаціи, какъ логическомъ пріемѣ.

---

[1]) См. выше, гл. IV, с. 100—103.

[2]) *Welcker*. Die letzten Gründe von Recht, Staat und Strafe, 1813; S. 11.— *Rotteck*. Lehrbuch des Vernunftrechts, 1829—1835; II-ter Bd., S. 178.— *Rohmer*. Lehre von den politischen Parteien, 1844; S. 236—237.—*Mohl*. Encyclopädie der Staatswissenschaften; S. 110.

[3]) См ниже, гл. XII и XIII.

Само собою разумѣется, что каждое дѣленіе, каково бы оно ни было, знакомитъ до нѣкоторой степени съ дѣлимымъ матеріаломъ, поскольку онъ характеризуется дѣлящими признаками. Ознакомленіе будетъ тѣмъ бо́льшее, чѣмъ лучше избраны эти признаки. Но оно никогда не можетъ дать полнаго знанія о размѣщаемыхъ предметахъ, даже въ томъ особо благопріятномъ случаѣ, когда размѣщеніе покоится на основныхъ свойствахъ. Этого быть не можетъ потому, что отдѣльные признаки, хотя бы и самые важные, никогда не исчерпываютъ всего содержанія предметовъ, обладающихъ множествомъ отличій. Иначе дѣленіемъ оканчивалась бы вся задача изученія, между тѣмъ какъ оно—только первый шагъ въ этомъ направленіи. Бо́льшее или меньшее ознакомленіе съ размѣщаемымъ матеріаломъ является здѣсь *побочнымъ*, хотя и неизбѣжнымъ, результатомъ дѣйствія, непосредственно преслѣдующаго *другую* цѣль.

Разсматриваемое возраженіе грѣшитъ именно тѣмъ, что смѣшиваетъ цѣль *изученія* съ цѣлью *отдѣльнаго пріема* его, принимая побочный результатъ послѣдняго за то, къ чему слѣдуетъ стремиться. Отсюда—требованіе, чтобы признаки дѣленія проникали во внутреннее содержаніе предметовъ не въ качествѣ нити, *указывающей* путь изученія, а въ качествѣ свойствъ, *раскрывающихъ* природу изучаемаго. Это ложное требованіе приводитъ къ *ложной оцѣнкѣ* классификаціи: въ ней дорожатъ *не пріемомъ*, обезпечивающимъ работу изслѣдователя, а *операціею*, знакомящею съ изслѣдуемыми явленіями. Заблужденіе подсказывается тѣмъ, что правильная классификація, избирая центральные признаки, въ значительной мѣрѣ характеризуетъ явленія невольно. Въ занимающемъ насъ вопросѣ ложная оцѣнка порождаетъ упрекъ, что размѣщеніе Аристотеля страдаетъ внѣшностью признаковъ. То, что̀ логикъ поставилъ бы въ особое достоинство дѣленія, отмѣчается здѣсь, какъ серьезный его недостатокъ: наглядность обособляющихъ признаковъ, облегчающихъ распредѣленіе предметовъ по группамъ. Упрекъ былъ бы справедливъ, еслибы можно было доказать, что внѣшніе признаки Аристотеля не только не основные, но и не тѣ производные, которые служатъ ихъ показателями;—что они, будучи случайными, сбиваютъ изслѣдователя съ истиннаго пути, направляя его на установленіе группъ, не

имѣющихъ значенія. Но подобное утвержденіе было бы несправедливо вдвойнѣ: во-первыхъ, будучи внѣшними, они, какъ мы уже говорили, являются въ то же время отличительными свойствами политическаго общежитія, т.-е. соединяютъ въ себѣ то рѣдкое качество свойствъ основныхъ и наглядныхъ, которое логика считаетъ исключительно счастливымъ сочетаніемъ обстоятельствъ, выдвигающихъ данную классификацію изъ ряду вонъ [1]); во-вторыхъ, уже самъ Аристотель указывалъ, какія глубокія различія сопровождаютъ дѣленіе государствъ по количественному составу органа верховной власти [2]).

Мы изложили и разсмотрѣли всѣ сколько-нибудь важныя возраженія, высказанныя въ литературѣ. Всѣ они, по нашему мнѣнію, не выдерживаютъ критики, кромѣ указанія Шлейермахера на недостаточность трехъ древнихъ формъ. Отъ возраженій переходимъ къ поправкамъ.

II. **Поправки классификаціи Аристотеля.** Въ различное время были предложены разнообразныя и многочисленныя поправки древняго дѣленія. Эти поправки производились въ троякомъ направленіи: одни писатели, удерживая самое размѣщеніе въ прежнемъ видѣ, вносили измѣненія въ его *основаніе*; другіе *сокращали* число группъ, а третьи, наоборотъ, *увеличивали* ихъ. По этимъ тремъ категоріямъ мы и разсмотримъ главнѣйшія изъ существующихъ попытокъ.

А) Къ писателямъ, *измѣняющимъ основаніе* классификаціи Аристотеля, принадлежатъ: Шлейермахеръ, Блюнчли и Рошеръ. Здѣсь мы остановимся, однако, только на двухъ послѣднихъ; Шлейермахера же мы выдѣлимъ въ особую слѣдующую главу, руководствуясь двумя соображеніями: во-первыхъ, самъ онъ претендуетъ не на исправленіе Аристотелева дѣленія, а на построеніе самостоятельной классификаціи, такъ что намъ предстоитъ еще доказать справедливость нашего утвержденія; во-вторыхъ, въ нашихъ собственныхъ цѣляхъ желательно передать и обсудить эту замѣчательную попытку съ возможною полнотою, что̀ здѣсь нарушало бы перспективу изложенія.

---

[1]) См. выше, гл. IV, с. 110—113.—Ср.: *Vorländer*. Die Staatsformen in ihrem Verhältniss zur Entwicklung der Gesellschaft; S. 306 (XIV-er Bd.).

[2]) См., напр.: *Политика*, кн. III, гл. V, 138 sq..

Поправка Блюнчли покоится на своеобразномъ *толкованіи* Аристотеля. Нѣмецкій ученый утверждаетъ, что классификація послѣдняго опирается на количественный составъ *правительственнаго органа*, а не на составъ *верховной власти вообще*, какъ обыкновенно думаютъ [1]). «При этомъ дѣленіи,—говоритъ онъ,—не обращаютъ вниманія на организацію законодательной власти, а только на устройство высшаго правительства» [2]). Въ связи съ такимъ толкованіемъ, къ тремъ основнымъ формамъ Аристотеля Блюнчли присоединяетъ три «побочныхъ», съ которыми мы познакомимся ниже.

Какъ *толкованіе* «Политики», взглядъ Блюнчли едва-ли можно защищать съ достаточною убѣдительностью. Но эта сторона дѣла здѣсь не интересуетъ насъ. Какъ *измѣненное основаніе* дѣленія, мысль его представляется еще менѣе удовлетворительною: она страдаетъ большою неясностью, вызывающею неразрѣшимыя затрудненія. Неяснымъ остается основной вопросъ: разумѣетъ-ли Блюнчли подъ составомъ высшаго правительства лицъ, которымъ *по праву* принадлежитъ правительственная власть, или только лицъ, которыя *пользуются* этою властью, хотя-бы и отъ чужаго имени. Третьяго предположенія, повидимому, быть не можетъ, а два сдѣланныя нами одинаково несостоятельны: оба они разбиваются объ Аристотелевскія демократіи. Такъ, предположимъ, что нѣмецкій ученый имѣетъ въ виду лицъ, которымъ по праву принадлежитъ правительственная власть. Въ демократіяхъ она, безспорно, принадлежитъ народу, какъ и всякая другая власть; но онъ всегда ввѣряетъ ее или одному, или нѣсколькимъ лицамъ. Поэтому, если демократіи составляютъ особую группу, то никакъ не потому, что *органъ* этой власти устроенъ здѣсь иначе, чѣмъ въ монархіяхъ и аристократіяхъ, а по совершенно иному основанію. Другими словами, при данномъ предположеніи спасти демократическую форму въ качествѣ особой группы можно не иначе, какъ отступивъ отъ усвоеннаго принципа дѣленія. Еще бо́льшія за-

---

[1]) *Bluntschli.* Lehre vom modernen Stat; I-er Thl., 5-te Aufl., 1875; S. 369, 373; ср. 382.

[2]) Deutsches Staatswörterbuch, herausg. v. *Bluntschli* u. *Brater*; IX-er Bd., S. 626.

трудненія возникаютъ при второмъ предположеніи. Какъ мы сказали, правительственная власть въ демократіяхъ, за изъятіемъ особенно важныхъ актовъ, поручается или *одному* лицу, или *нѣсколькимъ*. Поэтому, съ точки зрѣнія строенія органа этой власти, пришлось-бы относить разсматриваемыя государства или къ монархіямъ, или къ аристократіямъ, что̀, очевидно, нелѣпо и всего менѣе согласно съ взглядами самого Блюнчли. Демократій-же, гдѣ народъ самъ завѣдывалъ-бы управленіемъ, мы не знаемъ. Этого не было даже въ непосредственныхъ демократіяхъ древности, гдѣ государство замыкалось тѣсными предѣлами городской общины; этого нѣтъ и въ демократіяхъ новаго времени, достигающихъ, благодаря представительству, обширнаго объема. Если подъ демократіею,—справедливо замѣчаетъ Хэренъ,—разумѣть политическій союзъ, въ которомъ «исполнительная власть находится въ рукахъ народа, то это вещь невозможная (Unding), ибо такого государства никогда не могло существовать. Народъ всегда видѣлъ себя вынужденнымъ переносить ее на магистраты, хотя бы только какъ на простыхъ коммиссіонеровъ» [1]).—Точно такія-же затрудненія вызываетъ поправка Блюнчли относительно аристократій; но здѣсь затрудненія являются, конечно, въ смягченномъ видѣ.

Независимо отъ указанныхъ недостатковъ, мысль Блюнчли сама по себѣ не представляетъ ничего оригинальнаго. Писатели, отправлявшіеся отъ идеи народнаго верховенства, также видѣли въ Аристотелевскихъ формахъ только виды высшаго правительства. Но тамъ это было неизбѣжнымъ слѣдствіемъ основной точки зрѣнія на государство; здѣсь же является результатомъ неясности мысли, которая отличаетъ нѣмецкаго ученаго во многихъ теоретическихъ вопросахъ.

Иной характеръ носитъ поправка Р о ш е р а, предложенная имъ въ монографической работѣ, посвященной анализу формъ

---

[1]) *Heeren.* Ideen über die Politik, den Verkehr und den Handel der Völker der alten Welt; S. 984.—Противополагая исполнительную власть законодательной, Хэренъ разумѣетъ подъ первою то-же, что̀ Блюнчли подъ правительственною.

государственнаго устройства [1]). Рошеръ находитъ, что «древній Аристотелевскій путь еще не устарѣлъ, что, напротивъ, политическія явленія даже нашихъ дней всего проще подводятся подъ понятія монархическихъ, аристократическихъ и демократическихъ и что, съ этой точки зрѣнія, могутъ быть истолкованы наилучшимъ образомъ» [2]).

Но, признавая древній путь правильнымъ, Рошеръ думаетъ, что, во избѣжаніе недоразумѣній, слѣдуетъ дѣлать «различіе между теоріею и практикою». Наука можетъ дѣлить съ совершенною точностью отдѣльные элементы государства на монархическіе, аристократическіе и демократическіе. Однако, въ дѣйствительной жизни нѣтъ примѣра, чтобы государство въ цѣломъ состояло только изъ монархическихъ, аристократическихъ или демократическихъ элементовъ. Въ дѣйствительности политическія тѣла представляютъ собою архитектурныя сооруженія смѣшанныхъ стилей: въ то время, напр., какъ фасадъ зданія строится по монархическому чертежу, другія его стороны носятъ аристократическій или демократическій отпечатокъ. Смѣшеніе стилей объясняется тѣмъ, что монархія, аристократія и демократія опираются на свойства, составляющія неотъемлемую принадлежность каждаго общежитія [3]). Вотъ почему «нельзя вообразить себѣ ни времени, ни народа, которые воплощали бы одну изъ этихъ формъ въ чистомъ видѣ». И если, тѣмъ не менѣе, названныя формы призваны служить представительницами основныхъ группъ классификаціи, то ясно, что онѣ должны покоиться никакъ не на полной однородности элементовъ, слагающихъ общежитіе, а только на *преобладаніи* однихъ изъ нихъ надъ другими. Съ этой точки зрѣнія, монархическимъ государствомъ, напр., нужно считать такое, гдѣ монархическіе элементы господствуютъ надъ аристократическими и демократическими. Впрочемъ, — осмотрительно замѣчаетъ Рошеръ, — отчетливо выраженное преобладаніе тѣхъ или дру-

---

[1]) *Roscher*. Umrisse zur Naturlehre der drei Staatsformen (Allgemeine Zeitschrift für Geschichte, herausg. v. Schmidt; VII-ter Bd., 1847; IX-ter Bd., 1848).

[2]) *Ibid.*; S. 83 (VII-ter Bd).

[3]) Ср. *Fröbel*. Theorie der Politik, 1861; I-er Bd., S. 218.

гихъ элементовъ встрѣчается только у народовъ, достигшихъ извѣстной культурной ступени. Поэтому, въ эпохи патріархальнаго быта политическая организація имѣетъ смутный характеръ, заключая въ себѣ зачатки образованія всѣхъ трехъ формъ. [1])

Пропуская мимо странное различіе между теоріею и практикою, обратимъ вниманіе на то, что Рошеръ оставляетъ нерѣшеннымъ, *въ чемъ* выражается преобладаніе однихъ элементовъ надъ другими. Если оно состоитъ въ томъ, что господствующимъ элементамъ *принадлежитъ* верховная власть, какъ это можно заключить изъ послѣдующаго изложенія [2]); то, по справедливому замѣчанію Форлендера, въ поправкѣ Рошера нѣтъ никакой *надобности*, ибо дѣленіе Аристотеля гораздо лучше, проще и отчетливѣе отмѣчаетъ ту же самую черту государственнаго строя. Если-же преобладаніе слѣдуетъ искать въ чемъ либо *иномъ*, лежащемъ *внутри* трехъ древнихъ формъ, то *искомое* можетъ послужить только *основаніемъ* для дальнѣйшихъ подраздѣленій. Иначе, принимая его за обособляющій признакъ высшихъ группъ и относя, напр., феодальную монархію къ аристократическимъ государствамъ, въ виду преобладающаго положенія въ ней дворянскаго сословія, мы рискуемъ совершенно сгладить ясныя линіи Аристотелева дѣленія, составляющія одно изъ важнѣйшихъ его достоинствъ. [3]) Такимъ образомъ, предложенная поправка въ обоихъ возможныхъ случаяхъ представляется *попятнымъ* движеніемъ въ общемъ вопросѣ о классификаціи государствъ.

Но, отвергая поправку Рошера въ цѣломъ, не можемъ не отмѣтить въ ней одной, по нашему мнѣнію, *вѣрной* стороны. Уже въ возраженіяхъ Шлейрмахера мы видѣли указаніе на то, что въ новыхъ государствахъ встрѣчается такое сочетаніе монархическихъ, аристократическихъ и демократическихъ элементовъ, при которомъ нѣтъ никакой возможности подводить эти явленія подъ древнія формы. Внушенная недостаточностью послѣднихъ, по-

---

[1]) *Roscher.* Umrisse der Naturlehre der drei Staatsformen; S. 84—86 (VII-er Bd.)

[2]) *Ibid.*; S. 322 (VII-ter); S. 285. (IX-ter Bd).

[3]) Ср. *Vorländer.* Die Staatsformen in ihrem Verhältniss zur Entwicklung der Gesellschaft; S. 312—313 (XIV-er Bd.).

правка Рошера, слѣды которой можно найдти еще у Роттека, [1]) даетъ, повидимому, *выходъ* изъ затрудненія: она можетъ послужить исходною точкою зрѣнія при обсужденіи вопроса о размѣщеніи помянутыхъ политическихъ новообразованій [2])

Б) Писатели, сокращающіе число группъ Аристотеля, весьма многочисленны. Сокращеніе производится обыкновенно на счетъ аристократіи и демократіи, которыя соединяются въ одну общую республиканскую группу: послѣдняя противополагается монархіи, какъ форма, гдѣ власть принадлежитъ не одному лицу, но или меньшинству, или большинству гражданъ. Мы уже имѣли случай указывать на ошибочность такого соединенія. [3]) Въ бо́льшей части случаевъ, однако, оно носитъ безвредный характеръ логическаго упражненія, которому не придаютъ значенія, разсматривая потомъ всѣ три группы, какъ параллельныя. [4]) Подобныя упражненія можно производить, при помощи обычнаго пріема раздвоющейся классификаціи, съ любою парою тройственаго дѣленія: монархію и аристократію можно противополагать демократіи, какъ форму, гдѣ правитъ не большинство, а или одно лицо, или меньшинство гражданъ [5]); монархія и демократія столь-же легко противополагаются аристократіи, какъ форма, гдѣ власть принадлежитъ не меньшинству, но или одному лицу, или большинству. Не останавливаясь на этихъ безцѣльныхъ упражненіяхъ, обратимся къ писателямъ, которые основываютъ сокращеніе на сродствѣ объединяемыхъ формъ, т.-е. на взаимномъ сходствѣ ихъ отличительныхъ признаковъ. Здѣсь слѣдуетъ указать на Халлера и Форлендера; подъ оговоркою сюда же относятся Вайтцъ и Тренделенбургъ.

Халлеръ признаетъ *двѣ* основныхъ формы: княжества и республики, или монархіи и поліархіи. [6]) Обособленіе аристократій

---

[1]) *Rotteck.* Lehrbuch des Vernuftrechts; II-ter Bd., S. 183 sq.

[2]) См. ниже, гл. XV.

[3]) См. выше, гл. V, с. 143.

[4]) См. напр.: *Montesquieu.* Esprit des lois; liv. II, ch. I.—*Rotteck. Ibid*; S. 184.

[5]) *K. Zachariä.* Vierzig Bücher vom Staate; III-ter Thl., S. 4.

[6]) *K. Haller*, Restauration der Staatswissenschaft, 1820—1825; I-er Bd., S. 494.—Княжества авторъ дѣлитъ на патримоніальныя или наслѣдственно-

и демократій въ качествѣ различныхъ формъ онъ считаетъ *ложнымъ*, ибо внутренняя сущность ихъ одна и таже. Въ защиту своей мысли Халлеръ приводитъ слѣдующія соображенія. а) Нельзя видѣть различія этихъ формъ въ томъ, что въ одномъ случаѣ правятъ *немногіе*, а въ другомъ *всѣ*. Правленія «*всѣхъ*» никогда и нигдѣ не существовало. Даже въ самыхъ широкихъ демократіяхъ населеніе въ *цѣломъ* не входитъ въ составъ державнаго народа: женщины, дѣти, иностранцы и многія другія лица не принимаютъ участія въ отправленіяхъ власти, которая сосредоточивается въ рукахъ *болѣе* или *менѣе* многочисленнаго общества свободныхъ гражданъ, составляющихъ особую корпорацію. Въ этомъ отношеніи демократіи отличаются отъ аристократій только *количественною степенью* своего состава. б) Точно также невозможно считать отличительнымъ признакомъ демократій *равенство* правъ и преимуществъ среди членовъ правящаго общества, ибо тоже самое наблюдается и среди правящаго класса аристократій. в) Съ другой стороны, не составляетъ отличія этихъ послѣднихъ то обстоятельство, что властью располагаютъ въ нихъ *лучшіе*, ибо это свойство всякаго республиканскаго строя.—Удерживая понятія демократіи и аристократіи, ихъ можно различать развѣ потому, что въ одномъ случаѣ дѣлами управляетъ самъ народъ непосредственно, тогда какъ въ другомъ ими завѣдуютъ избранныя лица. Поэтому, въ лучшемъ случаѣ можно разсматривать демократіи и аристократіи только какъ *подраздѣленія* республиканской группы, основанныя не на *существенномъ*, но на *случайномъ* различіи внутренней организаціи. [1])

Нельзя отказать Халлеру въ нѣкоторомъ искусствѣ аргументаціи; но это бо́льшее, что́ можно признать за нимъ. Въ другихъ отношеніяхъ соображенія его страдаютъ крупными недостатками.

Онъ начинаетъ указаніемъ, что въ демократіяхъ, подобно аристократіямъ, власть принадлежитъ не всѣмъ. Замѣтимъ, что выраженіе «всѣ» принадлежитъ не Аристотелю, который употребля-

вотчинныя, военныя и духовныя или теократическія. II-ter Bd., S. 11—19.— Въ другомъ мѣстѣ, впрочемъ, онъ сознается, что было-бы *вѣрнѣе свѣтскія* государства противополагать *духовнымъ*, чѣмъ разсматривать послѣднія въ качествѣ особаго вида княжества. IV-ter Bd., Vorrede, S. XXIX.

[1]) *Haller.* Restauration der Staatswissenschaft; I-er Bd., S. 496—498.

етъ терминъ «большинство», а его послѣдователямъ. Однако, это выраженіе, часто встрѣчаемое въ литературѣ, всегда понималось и понимается въ томъ смыслѣ, что подъ нимъ разумѣютъ *только лишь*, удовлетворяющихъ извѣстнымъ условіямъ. Женщины, дѣти, иностранцы и т. д., конечно, не принимаются здѣсь въ разсчетъ. Въ этомъ отношеніи Халлеръ *доказываетъ* лишь то, что̀ другіе считаютъ *яснымъ* само собою [1]). Пока, слѣдовательно, дѣло остается въ прежнемъ положеніи.

Первый аргументъ въ защиту сліянія аристократій и демократій состоитъ въ томъ, что все различіе между ними, съ точки зрѣнія количественныхъ признаковъ Аристотеля, сводится къ бо́льшей или меньшей многочисленности лицъ, образующихъ правящій классъ. Здѣсь уже самъ Халлеръ не договариваетъ; по мысль его, очевидно, заключается въ томъ, что, при указанномъ различіи, формы могутъ *сближаться* между собою до полнаго сходства: съ постепеннымъ, напр., увеличеніемъ числа привилегированныхъ гражданъ аристократіи мало-по-малу придвигаются къ демократіямъ и незамѣтно переходятъ въ нихъ. Пусть такъ; но это ровно ничего не доказываетъ, ибо мы постоянно наблюдаемъ, что явленія, глубоко различныя, связываются между собою рядомъ непримѣтно измѣняющихся промежуточныхъ звеньевъ. Постепенность измѣненія не нарушаетъ различія связываемыхъ явленій, какъ сумерки не нарушаютъ различія между днемъ и почью [2]). Здѣсь мы вновь встрѣчаемся съ переходными явленіями, которыя такъ часто сбиваютъ политическихъ писателей съ истиннаго пути. На этотъ разъ *ошибка* состоитъ въ томъ, что обсуждаемыя формы раз матриваются съ пункта, въ которомъ онѣ *сближаются*, при чемъ, естественно, различіе крайнихъ звеньевъ исчезаетъ отъ взора. По явленіямъ переходнымъ и пограничнымъ, представляющимъ *исключенія*, составляется *общій* выводъ. Если бы Халлеръ сопоставилъ *крайнія* звенья, служащія ярко выраженными разновидностями, положенными въ основу дѣленія, то онъ не могъ бы не замѣтить, что количественные признаки Аристотеля, дѣйствительно, характеризуютъ *два различныхъ* состоянія

[1]) Ср.: *Rotteck*. Lehrbuch des Vernunftrechts; II-ter Bd., S. 185.
[2]) См. выше, гл. V, 137—139.

политическаго союза: въ одномъ случаѣ власть находится въ рукахъ *немногихъ* привиллегированныхъ счастливцевъ, тогда какъ въ другомъ она является *общимъ* достоянiемъ. Важное само по себѣ, это внѣшнее различiе пріобрѣтаетъ тѣмъ бо́льшее значенiе, что съ нимъ связано *множество* другихъ глубокихъ различiй во всемъ строѣ общежитiя.—*Второй* аргументъ въ пользу сходства аристократiй и демократiй усматривается въ томъ, что въ обѣихъ формахъ правящiе члены союза пользуются равными правами. Допустимъ; но это сходство только внѣшнее, за которымъ стоитъ великое внутреннее различiе: въ аристократiяхъ равенство является привиллегiею *незначительнаго* меньшинства, въ демократiяхъ оно распространяется на *все* населенiе.—Тѣмъ же внѣшнимъ характеромъ отличается *третье* и послѣднее доказательство, въ которомъ, сверхъ того, есть также уже знакомое намъ смѣшенiе фактической и юридической точекъ зрѣнiя: сходство двухъ формъ указывается въ томъ, что въ нихъ одинаково правятъ лучшiе. Но, во-первыхъ, лучшiе одной формы похожи на лучшихъ другой едва ли только не по *названiю*: аристократiи измѣряютъ достоинство, главнымъ образомъ, *происхожденiемъ* или *богатствомъ*, демократiи—личными качествами и талантами; во-вторыхъ, въ одномъ случаѣ лучшiе пользуются властью по *своему* праву, въ другомъ—по *волѣ народа* [1]).

Соображенiя Форлендера о соединенiи аристократiй и демократiй въ одну группу республикъ напоминаютъ аргументацiю Халлера и не представляютъ ничего, что̀ заслуживало бы здѣсь особаго вниманiя. Кромѣ того, они находятся въ связи съ общими соображенiями, на которыхъ покоится предложенная имъ классификацiя. Еще меньшiй интересъ и меньшее значенiе имѣетъ попытка Вайтца, республики котораго также входятъ въ составъ особаго размѣщенiя. Поэтому, мы отлагаемъ обоихъ писателей до другаго мѣста. [2])

---

[1]) Ср.: *H. Escher*. Handbuch der praktischen Politik, 1863—1864; II-er Bd., S. 15—16.—*Roscher*. Umrisse der Naturlehre der drei Staatsformen; S. 80—81 (VII-er Bd.)

[2]) См. о Форлендерѣ гл. XIII, о Вайтцѣ гл. XIV.

Среди писателей, сокращающихъ группы Аристотеля, слѣдуетъ упомянуть Тренделенбурга, который въ данномъ вопросѣ занимаетъ своеобразное положеніе. Онъ признаетъ только *двѣ* основныхъ формы,—монархію и демократію; но между ними помѣщаетъ аристократію, какъ «*среднюю форму*» (Mittelform), «которая, съ точки зрѣнія демократіи, имѣетъ наклонность къ монархіи, а съ точки зрѣнія послѣдней—наклонность къ демократіи». [1]) Если бы названіемъ «средней» формы Тренделенбургъ хотѣлъ обозначить только ея *положеніе* среди другихъ формъ, то его дѣленіе было бы простымъ повтореніемъ древней классификаціи. Но онъ идетъ далѣе, придавая основнымъ формамъ *бо́льшее* значеніе, чѣмъ этой средней, и устанавливая, такимъ образомъ, *новый* видъ взаимнаго отношенія группъ, неизвѣстный логикѣ.

B) Писатели, умножающіе число группъ Аристотеля, удерживаютъ обыкновенно его основныя формы безъ измѣненій, но находятъ ихъ недостаточными. Отсюда возникаютъ поправки, обзоромъ которыхъ мы заключимъ настоящую главу.

Самая ранняя, замѣчательная и наиболѣе любимая поправка классификаціи Аристотеля принадлежитъ къ этому виду. Она состоитъ въ присоединеніи къ тремъ древнимъ *простымъ* формамъ четвертой, носящей въ литературѣ названіе *смѣшанной* формы.

Какъ извѣстно, на существованіе смѣшанной формы въ первый разъ указалъ греческій писатель II-го вѣка до Р. Х., Полибій, въ шестой книгѣ своей римской исторіи. Разсматривая историческую смѣну правильныхъ формъ Аристотеля, Полибій находилъ, что всѣ онѣ имѣютъ природную склонность къ извращенію: монархія естественно переходитъ въ тиранію, которую вытѣсняетъ аристократія; въ свою очередь, аристократія выраждается въ олигархію, смѣняемую демократіей; послѣдняя съ теченіемъ времени превращается въ охлократію, чтобы потомъ уступить мѣсто тираніи, начинающей прежнее круговое движеніе. Естественное извращеніе правильныхъ формъ, лишающее ихъ долговѣчности, греческій историкъ объяснялъ тѣмъ, что верхов-

[1]) *A. Trendelenburg.* Naturrecht auf dem Grunde der Ethik, 2-te Aufl, 1868; S. 488—490 (§ 200).

ная власть, ничѣмъ не сдерживаемая, склонна злоупотреблять своимъ независимымъ и господствующимъ положеніемъ. Поэтому, чтобы придать государственному строю прочность и совершенство, Полибій рекомендовалъ *смѣшанный* образъ правленія изъ монархіи, аристократіи и демократіи, въ которомъ эти элементы умѣряли бы другъ друга. При этомъ, онъ указывалъ на Спарту и, особенно, республиканскій Римъ, какъ на образцы такого устройства. Римскій консулъ являлся, по его мнѣнію, выразителемъ монархическаго начала, сенатъ—аристократическаго, народныя собранія—демократическаго. [1])—Нѣсколько позднѣе мысли Полибія повторилъ Цицеронъ, подтвердивъ примѣненіе ихъ къ римскимъ государственнымъ учрежденіямъ [2]).

Со времени Полибія и Цицерона вопросъ о смѣшанной формѣ не переставалъ занимать политическихъ писателей вплоть до нашихъ дней. Они раздѣлились на два лагеря защитниковъ и противниковъ этой формы.

Среди давнихъ *защитниковъ* укажемъ на Ѳому Аквинскаго, Іоанна Парижскаго, Макіавелли, Сиднея, Вольфа. [3]) Собственно къ вопросу объ улучшеніи классификаціи Аристотеля названные писатели не прибавили ничего. Подобно Полибію, они продолжали указывать на смѣшанную форму, какъ наилучшую, сглаживающую крайности простыхъ формъ и устраняющую ихъ извращеніе; но они не останавливались при этомъ на логическомъ отношеніи новой формы къ тремъ древнимъ. Локкъ и Монтескьё,—творцы теоріи раздѣленія властей,—много сдѣлали для уясненія строенія смѣшанной формы; но въ методологическомъ вопросѣ они занимали положеніе, усвоенное ихъ предшественниками. Однако, съ появленіемъ названной теоріи во взглядахъ писателей стала мелькать новая мысль болѣе или менѣе отчетливо и сознательно. Смѣшанною формою начали называть не просто и не-

---

[1]) *Чичеринъ.* Исторія политическихъ ученій; т. I, с. 82—84.—*Hildenbrand.* Geschichte und System der Rechts-und Staatsphilosophie, 1860; I-er Bd., S. 534—537.—*П. Жанэ.* Исторія государственной науки въ связи съ нравственной философіей. Пер. подъ редакціей Васильева, 1876; кн. I, с. 181—183.

[2]) *Cicero.* De republica; lib. I, cap. 26 sq., 42 sq., 45.

[3]) *Чичеринъ.* Ibid.; т. I и II.

опредѣленно соединеніе трехъ правильныхъ формъ Аристотеля, но такое ихъ сочетаніе, при которомъ *различныя функціи* верховной власти распредѣляются по элементамъ монархическому, аристократическому и демократическому. Это былъ, конечно, нѣкоторый шагъ впередъ по сравненію съ неточною постановкою древнихъ; но, вмѣстѣ съ тѣмъ, это былъ и *опасный* шагъ, грозившій паденіемъ многовѣковой классификаціи: послѣдовательное примѣненіе ученія о раздѣленіи властей подрывало значеніе древняго дѣленія, низводя его формы до положенія видовыхъ группъ, какъ это мы увидимъ впослѣдствіи. Вотъ почему, твердо держась основаній Аристотелева дѣленія, писатели были вынуждены сохранять нѣкоторую *неопредѣленность* прежней постановки вопроса. Такую неопредѣленность мы и встрѣчаемъ у позднѣйшихъ защитниковъ смѣшанной формы, изъ которыхъ назовемъ: Ланжюинэ, Цахаріэ, Роттека, Дальмана, Рошера.

Противники смѣшанной формы столь же древни, какъ и ея защитники. Уже у Тацита указываютъ обыкновенно мѣсто въ Анналахъ, гдѣ онъ высказывается противъ этой формы [1]). Впрочемъ, римскій историкъ отрицаетъ не столько возможность ея существованія, сколько прочность и долговѣчность, замѣчая, что легче хвалить подобное устройство, чѣмъ осуществить на дѣлѣ. Впослѣдствіи противъ смѣшанной формы выступили: Боденъ, Гоббесъ, Пуфендорфъ, а въ послѣднее время—Токвилль, Шталь, Блюнчли, Форлендеръ, Вайтцъ. Возраженія всѣхъ этихъ писателей, различаясь въ частностяхъ, въ общемъ сводятся къ одному аргументу: доказываютъ, что смѣшанная форма или *не возможна,* или *не желательна,* ибо она покоится на идеѣ *раздѣленія* верховной власти, тогда какъ послѣдняя, по природѣ своей, *едина* и *не дѣлима.* Чтобы общежитіе не распалось и не разрушилось, государство неизбѣжно должно имѣть *высшій* органъ власти, господствующій надъ всѣми другими. Въ извѣстныхъ предѣлахъ органъ этотъ можетъ быть *ограниченъ*; но онъ всегда долженъ сохранять за собою *преобладающее* положеніе. Такое преобладаніе наблюдается и въ тѣхъ политическихъ союзахъ, которымъ приписыва-

---

[1]) *Hildenbrand.* Geschichte und System der Rechts-und Staatsphilosophie; S. 589—*Bluntschli.* Lehre vom modernen Stat; I-er Thl., S. 373.

ютъ смѣшанную форму устройства. Выдѣлять ихъ въ особую группу нѣтъ надобности, ибо они вполнѣ подходятъ подъ древнія формы или непосредственно, или въ качествѣ видовыхъ подраздѣленій [1]).

Мы уже замѣтили, что защитники смѣшанной формы грѣшатъ неопредѣленностью постановки методологическаго вопроса, что̀ съ необходимостью вытекаетъ изъ положенія, занимаемаго имп. Естественно, что и въ возраженіяхъ противниковъ сказывается та же самая черта. Этой неопредѣленности благопріятствуетъ въ особенности то обстоятельство, что вопросъ о спорной формѣ постоянно сливается съ вопросомъ о *наилучшемъ* устройствѣ общежитія, что̀, конечно, заслоняетъ методологическую задачу. Начиная съ Полибія и кончая современными писателями, точка зрѣнія существующаго и долженствующаго, дѣйствительности и идеала, постоянно *смѣшиваются* въ сужденіяхъ объ этой формѣ; *классификація* и *рекомендація* идутъ рука объ руку, при чемъ первая пользуется *меньшимъ* вниманіемъ, чѣмъ вторая. Понятно, что при подобныхъ условіяхъ споръ не могъ быть особенно благотворнымъ для разъясненія той стороны дѣла, которая интересуетъ насъ.

Возраженія противниковъ смѣшанной формы опираются, какъ мы видѣли, на утвержденіе, что верховная власть, по существу своему, едина и не дѣлима. Этотъ старый аргументъ, твердо установленный еще Боденомъ, до сихъ поръ служитъ главнѣйшимъ упрекомъ теоріи Монтескьё, съ которой связывается вопросъ о смѣшанной формѣ. Однако, аргументъ въ значительной мѣрѣ, если не вполнѣ, основанъ на *недоразумѣніи*: предполагаютъ, что теорія требуетъ установленія *равныхъ* и *независимыхъ* властей, стоящихъ во взаимной противоположности. Если самъ Монтескьё даетъ основаніе къ подобному предположенію, то нельзя сказать того же о многочисленныхъ его послѣдователяхъ: «писателей, которые бы доводили самостоятельность властей до уничтоженія

---

[1]) *Vorländer.* Die Staatsformen in ihrem Verhältniss zur Entwicklung der Gesellschaft: S. 313 — 314. — *Bluntschli.* Lehre vom modernen Stat; I-er Thl., S. 373.—*Stahl.* Philosophie des Rechts; II-er Bd., 2-te Abth., S. 213, 215.

всякой связи между ними, нѣтъ»; мало того, «послѣдователи теоріи раздѣленія почти всѣ предполагаютъ преобладаніе одной какой-либо власти» [1]). Они утверждаютъ, стало-быть, то же, что и противники смѣшанной формы, подводя ее подъ Аристотелевское дѣленіе. Поводомъ къ упомянутому недоразумѣнію послужилъ самый *терминъ* «раздѣленіе властей». Получившій всеобщее право литературнаго гражданства, терминъ этотъ, дѣйствительно, нельзя назвать удачнымъ, хотя онъ имѣетъ свое историческое объясненіе и оправданіе. Недостатокъ его заключается въ томъ, что онъ характеризуетъ *одну отрицательную* сторону взаимнаго отношенія властей,—указываетъ только на *обособленіе*, оставляя въ тѣни то, что̀ *связываетъ* ихъ въ одно цѣлое верховной власти [2]). Но недостатокъ термина не измѣняетъ самаго дѣла. А, съ этой точки зрѣнія, споръ между защитниками и противниками смѣшанной формы намъ представляется споромъ о словахъ: то, что̀ одни называютъ *раздѣленіемъ*, другіе считаютъ *ограниченіемъ*. Въ самомъ дѣлѣ, что такое это ограниченіе?—Чтобы уяснить вопросъ, возьмемъ самый обыкновенный конкретный случай. Конституціонныя монархіи представляютъ такое устройство, въ которомъ власть короля ограничена палатами: безъ ихъ согласія, напр., онъ не можетъ издать новаго закона. Для *короля* это, конечно, *ограниченіе;* но для *палатъ*, безспорно,—*право*: первый ограниченъ именно въ той мѣрѣ, въ какой пользуются *властью* послѣднія. Поэтому, съ одинаковымъ основаніемъ можно дать опредѣленію обратную постановку, сказавъ, что *палаты* ограничены королемъ. Возможность двоякаго опредѣленія объясняется условностью понятія ограниченія: оно характеризуетъ взаимное отношеніе величинъ только *положеніемъ*, занимаемымъ *одною* изъ нихъ, и, потому, измѣняетъ опредѣленія съ замѣною этой величины другою. Если въ разсматриваемомъ случаѣ условному понятію можно придать какое-либо *болѣе точное* значеніе, то лишь слѣдующее: ограничиваемымъ слѣдуетъ называть органъ, которому принадлежитъ преобладаніе,—все равно, будетъ-ли то король или одна изъ палатъ,—

---

[1]) *Н. Ворошиловъ.* Критическій обзоръ ученія о раздѣленіи властей, 1872; с. 428 sq.

[2]) *Ibid.*; с. 435.

ограничивающими же органы, занимающіе второстепенное мѣсто. Въ *лучшемъ* случаѣ, слѣдовательно, понятіе ограниченія никакъ *не отрицаетъ* дѣленія власти, но указываетъ только на *неодинаковое ея распредѣленіе;* а это *все*, что̀ утверждаютъ защитники смѣшанной формы, указывая на ея существованіе. Какъ должна распредѣляться верховная власть? возможно-ли провести отчетливыя линіи разграниченія между отдѣльными ея органами? кому должно принадлежать преобладаніе, спасающее государственное единство? можно ли обойдтись безъ этого?—Все это—вопросы политики, какъ искусства, лежащіе за предѣлами нашей темы. Для насъ-же важно *одно* заключеніе: существуютъ такія формы общежитія, гдѣ верховная власть *раздѣлена* или,—если это упрочившееся выраженіе не точно,—*распредѣлена* между различными органами, которые въ совокупности образуютъ одинъ общій, сложный органъ, выражающій полноту государственнаго суверенитета. Называть-ли эти формы смѣшанными или ограниченными,—это только вопросъ болѣе или менѣе удачной терминологіи. А, устраняя споръ о словахъ, едва-ли можетъ подлежать сомнѣнію, что смѣшанныя формы *не подходятъ* подъ группы древняго дѣленія, предполагающаго простое устройство власти, съ количественными различіями ея состава. Впрочемъ, эту важную сторону дѣла мы подвергнемъ въ своемъ мѣстѣ ближайшему анализу [1]).

Но, отвергая мнѣніе противниковъ смѣшанной формы, мы не можетъ присоединиться къ ея *защитникамъ*. Въ ихъ взглядахъ намъ кажется вѣрнымъ только пріемъ *выдѣленія* этой формы, какъ чего-то отличнаго отъ формъ Аристотеля. Слабая же сторона ихъ состоитъ въ томъ, что они *ограничиваются* однимъ выдѣленіемъ, не опредѣляя *логическаго положенія* новой группы среди удерживаемыхъ прежнихъ группъ. Остается неяснымъ, что̀ такое эта смѣшанная форма по отношенію къ древней классификаціи. Очевидно, *параллельною* группою монархіи, аристократіи и демократіи она быть не можетъ, ибо въ ней нѣтъ соотвѣтствующаго признака обособленія: она не имѣетъ нераздѣльнаго органа верховной власти, на количественный составъ котораго опирается обособленіе. Что она не можетъ быть ни высшимъ родомъ, ни ви-

[1]) См. ниже, гл. XV.

домъ древнихъ формъ,—это, повидимому, ясно съ перваго взгляда. Съ логической точки зрѣнія, *высшимъ родомъ* она не способна быть потому, что въ такомъ случаѣ ея отличительный признакъ,—дѣленіе власти,—долженъ былъ бы принадлежать монархіи, аристократіи и демократіи, какъ ея видамъ, ибо послѣдніе имѣютъ всѣ обособляющіе признаки родовъ по прямой восходящей линіи [1]). На томъ-же основаніи она не можетъ ни входить въ составъ древнихъ формъ, образуя въ нихъ *подраздѣленія*, ни служить *видомъ* одной изъ нихъ: въ обоихъ случаяхъ она должна была бы владѣть обособляющими родовыми признаками, т. е. нераздѣльною властью, отсутствіе которой служитъ характерною ея чертою.

Такимъ образомъ, смѣшанная форма—ни *высшій родъ*, ни *параллельная* группа, ни *видъ* древняго дѣленія, а какого-либо *четвертаго* положенія классификація не знаетъ. Ясно, поэтому, что новая группа ничѣмъ *не связана* съ этимъ дѣленіемъ и стоитъ *одиноко*, въ *сторонѣ* отъ него, представляя собою *уединенное* звено *невѣдомаго* размѣщенія. Темное указаніе на то, чѣмъ *можетъ* быть эта группа, заключается въ обычномъ ея противоположеніи *совокупности* трехъ древнихъ группъ, что̀, между прочимъ, отражается и въ противоположеніи названій: «простыя» и «смѣшанныя» формы. Если это указаніе вѣрно,—новая группа должна быть *высшимъ родомъ*, параллельнымъ другому неизвѣстному роду, обнимающему формы Аристотеля. Другими словами, это значитъ, что за древнимъ дѣленіемъ нужно предполагать существованіе *другой болѣе широкой* классификаціи, въ которой оно является только отдѣльною составною частью. Но защитники смѣшанной формы не дѣлаютъ этой догадки, оставляя вопросъ о положеніи новой группы открытымъ.

Намъ остается указать еще на три поправки, умножающія число группъ Аристотеля. Одна изъ нихъ принадлежитъ Монтескьё, двѣ другія—Блюнчли.

М о н т е с к ь ё присоединяетъ къ монархіямъ, аристократіямъ и демократіямъ четвертую группу *деспотій*, которая представляетъ собою извращенную форму единовластія, гдѣ царствуетъ

---

[1]) См. выше, гл. V, с. 147.

произволъ [1]). Поправка заключается, такимъ образомъ, ни въ чемъ иномъ, какъ въ простомъ возведеніи Аристотелевскаго *вида* тиранніи до положенія *рода*, параллельнаго основнымъ группамъ. Это отступленіе отъ древняго дѣленія объясняется стремленіемъ французскаго писателя установить принципы, оживляющіе указанныя формы; но оно, конечно, не можетъ быть оправдано.

Первая поправка Блюнчли въ логическомъ отношеніи напоминаетъ поправку Монтескьё. Она состоитъ въ прибавленіи четвертой группы *идеократій*, которыя, по мнѣнію германскаго ученаго, не умѣщаются въ рамки Аристотеля. Дѣленіе послѣдняго имѣетъ въ виду государства, въ которыхъ власть принадлежитъ *людямъ*; но встрѣчаются политическіе союзы, гдѣ владычествуетъ или *божество*, или *идея*. Видимые представители власти являются только служителями незримаго владыки, свободнаго отъ слабостей человѣческой природы [2]).

Замѣтимъ, что исторія не знаетъ государствъ, гдѣ бы божество, а тѣмъ болѣе идея, правило общежитіемъ въ *прямомъ*, а не переносномъ значеніи словъ. Мы даже не можемъ вообразить себѣ такого государства, ибо всякій политическій союзъ непремѣнно требуетъ конкретной верховной власти. А между тѣмъ, если не видѣть въ утвержденіи Блюнчли безцѣльной *игры* словами, мысль его могла бы претендовать на признаніе только при невѣроятномъ предположеніи, что *само* божество или *сама* идея распоряжаются властью, хотя бы и черезъ третьихъ лицъ; но и тогда мысль эта оставалась бы логически *невѣрно* поставленной, какъ увидимъ далѣе. Въ случахъ, которые онъ имѣетъ въ виду, дѣйствительными *суверенами* являются указанные имъ представители; при чемъ представляемыя божество или идея служатъ только *основаніемъ* власти. Стало быть, отличіе идеократій заключается не въ томъ, *кто* правитъ, а въ томъ, на *что* опирается власть. По строенію же правительственнаго органа идеократіи подходятъ подъ древнее дѣленіе ничуть *не меньше*, чѣмъ всѣ остальныя государства, такъ какъ обыкновенно онѣ носятъ монархическую или

---

[1]) *Montesquieu.* Esprit des lois; liv. II, ch. I et V.

[2]) *Bluntschli.* Lehre vom modernen Stat; I-er Thl., S. 371—372; ср. 378, 386 sq..

аристократическую форму. Поэтому, къ обособленію ихъ нѣтъ никакого достаточнаго основанія съ той точки зрѣнія, на которой стоитъ германскій ученый [1]). Къ сказанному прибавимъ, что мысль Блюнчли опять не имѣетъ въ себѣ ничего оригинальнаго. О теократіяхъ, которыя служатъ главнымъ видомъ идеократій, говорилъ уже Халлеръ и ставилъ вопросъ методологически совершенно правильно [2]). Лео и Ромеръ присоединили къ теократіямъ тотъ видъ государствъ, въ которомъ, по Блюнчли, правитъ идея (?), и назвали общую группу идеократіей (Idolstaaten Ромера). [3]) Самому Блюнчли принадлежитъ *только попытка* поставить эту группу въ одинъ рядъ съ группами Аристотеля, въ чемъ онъ нашелъ подражателя въ Вайтцѣ [4]). Прежде чѣмъ оцѣнить его попытку, упомянемъ о Варнкёнигѣ, чтобы кончить здѣсь съ литературными указаніями. Подобно Блюнчли, Варнкёнигъ также признаетъ идеократіи, но, въ отличіе отъ него, противополагаетъ ихъ естественнымъ государствамъ (Naturstaaten) въ качествѣ союзовъ, въ которыхъ господствуютъ теоретическіе принципы,—точка зрѣнія, развитая ранѣе Ромеромъ [5]).

Поправки Монтескьё и Блюнчли *равнаго* логическаго достоинства. Обѣ онѣ должны быть отвергнуты, такъ какъ обѣ нарушаютъ *основное* правило дѣленія: требованіе *соотвѣтствія* обособляющихъ признаковъ [6]). Между деспотіями Монтескьё и идеократіями Блюнчли, съ одной стороны, и древними формами, съ другой, нѣтъ никакой связи. Соединеніе ихъ въ одну классификацію представляетъ простое произвольное сближеніе группъ, явившихся результатами различныхъ дѣленій: деспотіи служатъ видомъ единовластія, обособляемымъ по характеру правленія;

---

[1]) Ср. *Vorländer*. Die Staatsformen in ihrem Verhältniss zur Entwicklung der Gesellschaft; S. 308 sq.—*Trendelenburg*. Naturrecht; S. 491.

[2]) См. выше, с. 224, примѣчаніе.

[3]) См. ниже, гл. XII и XIV.

[4]) См. ниже, гл. XIV.—*Вайтцъ*, впрочемъ, говоритъ только о теократіяхъ, отвергая тотъ видъ государства, гдѣ правитъ идея. См. его: Grundzüge der Politik; S. 123.

[5]) *Vorländer*. Ibid.; S. 310 sq.—Статьи Варнкёнига, къ сожалѣнію, мы не имѣли подъ рукою.

[6]) См. выше, гл. V, с. 130 sq..

теократіи противополагаются свѣтскимъ государствамъ. Ясно, что ни тамъ, ни здѣсь нѣтъ ничего, *напоминающаго* признаки Аристотелевскаго дѣленія. Объ поправки—лоскутья, механически прицѣпленные къ древнимъ формамъ.

Вторая поправка Блюнчли находится въ связи съ особымъ толкованіемъ основаній греческой классификаціи, на чемъ мы уже останавливались выше. Какъ припомнитъ читатель, Блюнчли дѣлитъ государства по составу высшаго правительственнаго органа. Онъ думаетъ, что эта сторона политической организаціи, самая важная, опредѣляетъ характеръ общежитія. Но правительству противополагается населеніе; положеніе его составляетъ *другую оборотную сторону* организаціи, которую также нельзя игнорировать. Поэтому, «во второй линіи,—продолжаетъ Блюнчли,—обращаютъ на себя вниманіе *права подданныхъ*». Эти права могутъ выражаться въ *контролѣ* надъ правительствомъ и *участіи* въ законодательствѣ. По различію правъ подданныхъ государства раздѣляются на три «*побочныя формы*» (Nebenformen): а) *деспотіи* или *обсолютіи*, гдѣ правительство властвуетъ безусловно, подданные же не имѣютъ никакихъ политическихъ правъ; б) *полусвободныя формы*, въ которыхъ контроль и участіе въ законодательствѣ имѣютъ только высшіе классы, и в) *свободныя государства*, гдѣ то и другое принадлежитъ всему народу, или непосредственно, или въ лицѣ его представителей [1]).

Свое новое дѣленіе Блюнчли ставитъ во «вторую линію» и называетъ его «второстепеннымъ» (secundäre), а самыя группы—«побочными»; кромѣ того, онъ пытается подвести ихъ подъ основныя формы Аристотеля, что̀ удается ему только отчасти [2]). Все это заставляетъ думать, что его дѣленіе находится въ *подчиненномъ* отношеніи къ древнему. Но напрасно было бы искать у Блюнчли точныхъ указаній на характеръ этого подчиненія: онъ просто громоздитъ одно дѣленіе на другое, не задумываясь, что̀ изъ этого выйдетъ. Классификація знаетъ только одинъ видъ под-

---

[1]) *Bluntschli.* Lehre vom modernen Stat: I-er Thl., S. 382—384.—Ср. Deutsches Staatswörterbuch; IX-ter Bd., S. 627—628.

[2]) *Ibid.*; S. 384—385.

чиненія низшихъ группъ высшимъ [1]). Что «побочныя формы» не могутъ быть *низшими* группами формъ Аристотеля, ясно слѣдуетъ изъ того, что первыя скрещиваются и переплетаются со вторыми, образуя невѣроятную путаницу [2]). Устраняя мнимое подчиненіе, съ тѣмъ вмѣстѣ слѣдуетъ устранить «побочныя формы», какъ *дополненіе* къ древнимъ. Остается видѣть въ нихъ попытку къ построенію *новой* классификаціи, чѣмъ онѣ въ дѣйствительности и являются. Но въ качествѣ *самостоятельной* классификаціи изложенное дѣленіе принадлежитъ Хэрену [3]). Блюнчли заимствуетъ его мысль, повидимому, черезъ Вайтца и значительно искажаетъ ее. Къ заимствованію, порождающему путаницу, его побуждаетъ *отрицаніе* смѣшанной формы: онъ видитъ, что она не подходитъ подъ группы Аристотеля, и вотъ, чтобы указать ей мѣсто, придумываетъ «побочныя формы», названіе, которое не имѣетъ *никакого* логическаго значенія. Любопытно при этомъ то, что, отрицая смѣшанную форму, какъ основанную на ложномъ началѣ дѣленія властей, Блюнчли возмѣщаетъ свое отрицаніе признаніемъ группъ, обязанныхъ своимъ появленіемъ писателю, *послѣдовательно* примѣняющему *это начало* къ классификаціи государствъ.

Въ заключеніе главы отмѣтимъ одинъ существенный для насъ выводъ. Среди возраженій мы должны были признать справедливымъ указаніе Шлейермахера на *недостаточность* древнихъ формъ, подъ которыя не подходятъ явленія новѣйшей исторіи. Среди поправокъ эта недостаточность *породила* попытку Рошера измѣнить основаніе греческаго дѣленія. Та же причина *заставила* Полибія и его многочисленныхъ послѣдователей установить новую группу государствъ. Она же, наконецъ, *побудила* Блюнчли присоединить «побочныя формы» къ тремъ древнимъ. Впослѣдствіи мы увидимъ другія попытки устранить названный *недостатокъ*. Во всемъ этомъ нельзя не видѣть указанія на дѣйствительно *больное* мѣсто греческаго дѣленія, которое въ другихъ отноше-

---

[1]) См. выше, гл. V, с. 141 sq..

[2]) *Bluntschli.* Lehre vom modernen Stat; I-er Thl., 384—385.

[3]) См. ниже, гл. XI.

ніяхъ представляется неуязвимымъ. Само собою разумѣется, что неполнота древней классификаціи не можетъ почитаться ошибкою Аристотеля, которому были неизвѣстны осложненныя формы государства. Онъ извлекъ все, что было можно, изъ историческаго матеріала, имѣвшагося у него подъ рукою, создавъ классификацію, которая господствовала въ теченіи длиннаго ряда вѣковъ и продолжаетъ удерживать преобладаніе въ наши дни.

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ.

Классификаціи государствъ по количественному составу верховной власти.

(Продолженіе).

Классификація Шлейермахера.—Основаніе дѣленія.—Группы государствъ низшаго, средняго и высшаго порядковъ.—Критика классификаціи Шлейермахера.—Ея отношеніе къ классификаціи Аристотеля.

Выше мы отнесли Шлейермахера къ числу писателей, предлагающихъ поправки основанія древней классификаціи. Самъ онъ, однако, считаетъ свою попытку построеніемъ самостоятельнаго размѣщенія. Частію это обстоятельство, а, главнымъ образомъ, желаніе подробно изложить и разсмотрѣть мемуаръ нѣмецкаго ученаго, пользующійся громкою извѣстностью [1]), побудили насъ выдѣлить его попытку въ особую главу. Независимо отъ научнаго значенія самой попытки, наше желаніе вызвано намѣреніемъ воспользоваться впослѣдствіи нѣкоторыми выводами автора.

Шлейермахеръ отправляется отъ мысли, что «форма, какую обнаруживаетъ предметъ въ своемъ возникновеніи, есть именно та, подъ которою онъ продолжаетъ существовать, если только остается тѣмъ-же самымъ предметомъ» [2]). Поэтому, задачу классификаціи государствъ онъ сводитъ къ вопросу о различныхъ *формахъ возникновенія* ихъ. По его мнѣнію, каждое государство появляется не только какъ государство *вообще*, но какъ *такое* или

[1]) *Scheiermacher*. Ueber die Begriffe der verschiedenen Staatsformen (Abhandlungen der Berliner Akademie der Wissenschaft, 1814—1815; philosophische Klasse, S. 17—49). Мемуаръ перепечатанъ позднѣе въ собраніи сочиненій. См. Sämmtliche Werke, 1838; III Abt., II Bd., S. 246 sq.

[2]) *Ibid.*; S. 27.

иное государство; ибо, въ противномъ случаѣ, мы имѣли-бы передъ собою лишь различныя состоянія, но не виды государствъ.

Руководимый этими соображеніями, подсказанными критикою Аристотеля, Шлейермахеръ ищетъ установить точныя и опредѣленныя *различія*, сопровождающія возникновеніе политическихъ союзовъ. Съ его точки зрѣнія, такія различія должны лечь въ основаніе размѣщенія. Но, чтобы установить различія, нужно предварительно выдѣлить *общее*, наблюдаемое въ этомъ возникновеніи повсюду. Съ этою цѣлью онъ обращается къ начальнымъ государственнымъ образованіямъ и задается вопросомъ, что новаго появляется съ ними и въ нихъ, чего прежде не было?

Всегда и вездѣ государству предшествуетъ, въ видѣ матеріала, изъ котораго оно создается, народъ, какъ совокупность лицъ, живущихъ вмѣстѣ и связанныхъ родственными узами. Государство не можетъ быть безъ народа, который, въ свой чередъ, находитъ въ немъ видимую форму. Всѣ предшествующія состоянія представляютъ собою только приближенія къ этой формѣ. Если теперь мы возьмемъ послѣднее изъ этихъ приближеній и сравнимъ его съ государствомъ въ моментъ возникновенія;—если, такимъ образомъ, мы сопоставимъ два состоянія въ жизни народа, непосредственно слѣдующія другъ за другомъ, то въ обоихъ нихъ найдемъ почти *одно* и *то же*. Занятія, которыя вели сосѣди одного племени, продолжаютъ вести и граждане государства; требованія, опиравшіяся на обычаи и нравы, становятся правами и обязанностями; племенная связь, объединявшая населеніе, находитъ выраженіе въ государственныхъ законахъ. Но, при всемъ томъ, есть и рѣзкое *различіе* между этими сходными состояніями. Если тѣ-же занятія подсказывались прежде безсознательнымъ инстинктомъ, унаслѣдованнымъ обычаемъ,—теперь это—распредѣленная работа, предпринимаемая не безъ соображеній о потребностяхъ цѣлаго. Если прежде дѣйствовала месть, молчаливо одобряемая обществомъ,—теперь ея мѣсто заступило наказаніе, опредѣляемое закономъ. Наконецъ, если прежде совмѣстная жизнь была безотчетнымъ сцѣпленіемъ однородныхъ единицъ,—теперь основаніемъ ея служитъ сознательное чувство вѣрности своему отечеству. Короче, все, что было и ранѣе, получаетъ въ государствѣ *опредѣленную форму*, вызванную сознаніемъ племеннаго единства.

А такъ какъ всякое сознаніе требуетъ непремѣнно противоположенія, то и *сознаніе племеннаго единства* возникаетъ только въ противоположность *сознанію индивидуальнаго существованія*. Отсюда необходимо рождается новое противоположеніе *правящихъ* и *управляемыхъ*, что̀ составляетъ *основу* всякаго государства. Это послѣднее мы можемъ представить себѣ, даже въ самыхъ первыхъ его зачаткахъ, только подъ формою помянутаго противоположенія, безъ котораго нѣтъ различія между частями и цѣлымъ. Народное самосознаніе непремѣнно распадается здѣсь на два прежде нераздѣльныхъ момента: *частный* и *общій* интересы. Вмѣстѣ съ этимъ обозначаются, если не два *особыхъ класса* населенія, то два *особыхъ вида дѣйствій*: съ одной стороны, дѣйствія *подданныхъ*, какъ таковыхъ, преслѣдуютъ *личныя* цѣли; съ другой,—дѣйствія *власти* направляются на *общее* благо; при чемъ оба вида дѣйствій находятся во взаимной зависимости. [1])

Такимъ образомъ, *общее*, сопровождающее возникновеніе каждаго государства, есть пробужденіе въ населеніи *самосознанія*, которое выражается въ противоположеніи цѣлаго составнымъ частямъ, власти подданству, общаго интереса частному. Это самосознаніе является «*началомъ, образующимъ государство*» (das staatsbildende Princip).

Но общее не исключаетъ *особеннаго*. Среди многочисленныхъ различій, наблюдаемыхъ при возникновеніи государства, самымъ важнымъ и существеннымъ, опредѣляющимъ форму дальнѣйшаго существованія, Шлейермахеръ считаетъ «*силу, съ какою* начало, образующее государство, овладѣваетъ своимъ предметомъ: преобразуетъ-ли оно только *отдѣльное* племя многочисленнаго народа, обнимаетъ-ли оно *нѣсколько* или *много* такихъ племенъ, или оно захватываетъ *цѣлый* народъ и связываетъ всѣ его племена» [2]). На этомъ различіи нѣмецкій ученый строитъ свою классификацію, установляя три основные типа государствъ, слѣдующіе другъ за другомъ въ порядкѣ исторической преемственности.

---

[1]) *Schleiermacher*. Ueber die Begriffe der verschiedenen Sfaatsformen; S. 27—30.

[2]) *Ibid.*; S. 33.

а) Государства низшаго порядка представляютъ собою *первичныя* политическія образованія, не выходящія за предѣлы *отдѣльнаго* племени. Начало, образующее государство, пробуждается и работаетъ въ этихъ тѣсныхъ предѣлахъ. При этомъ оно можетъ проснуться съ *одинаковою* или *различною* силою въ представителяхъ племени, уже дозрѣвшаго до политическихъ формъ жизни [1]).

Если государственное начало пробуждается *равномѣрно во всемъ племени*,—столь-же равномѣрно должно развиваться и то противоположеніе, которымъ характеризуется возникновеніе государства. Поэтому, одни лица не возвышаются здѣсь, какъ исключительные носители власти, а другіе не склоняются передъ ними, какъ подчиненные; напротивъ, противоположеніе власти и подданства съ одинаковою полнотою выражается въ каждомъ гражданинѣ. Всѣ должны собираться вмѣстѣ, чтобы совокупно отправлять функціи верховной власти, по отношенію къ которой каждый въ отдѣльности является только подданнымъ. Равномѣрное пробужденіе политическаго сознанія въ населеніи, однообразномъ по составу, приводитъ, такимъ образомъ, къ установленію *демократіи*, построенной по началу всеобщаго равенства. Въ свою очередь, демократическое устройство служитъ причиною, почему противоположность *цѣлаго* и составныхъ *частей* выступаетъ здѣсь *весьма слабо*: общій и частный интересы, непосредственно и постоянно соприкасаясь и сталкиваясь между собою, затемняютъ другъ друга. Въ народномъ собраніи гражданинъ не забываетъ своей мастерской и подаетъ свой голосъ не безъ соображенія съ своими занятіями; точно также въ мастерской онъ не забываетъ своей общины и свои занятія связываетъ съ своимъ политическимъ достоинствомъ. Встрѣчаясь и сталкиваясь между собою, оба начала, общественное и личное, нерѣдко вступаютъ между собою въ упорную борьбу, вызываютъ внутреннія волненія, колеблютъ законы, нарушаютъ мирныя занятія и обезсиливаютъ государство [2]).

Если государственное начало пробуждается среди племени *неравномѣрно*,—оно должно сказаться съ особою силою или въ

---

[1]) *Schleiermacher*. Ueber die Begriffe der veschiedenen Staatsformen; S. 31.
[2]) *Ibid.*

отдѣльномъ его представителѣ, или во *многихъ* лицахъ.—*Первое* возможно лишь подъ условіемъ, если данное лицо, благодаря своей дѣятельности и таланту, уже успѣло занять выдающееся положеніе среди другихъ и стать необходимымъ толпѣ. Являясь естественнымъ вождемъ этой послѣдней, такое лицо способно пробудить въ своемъ племени политическое сознаніе, проснувшееся въ немъ самомъ, тѣмъ легче, что въ массѣ есть уже всѣ задатки для этого. Безсильное двинуться по собственному почину, но достаточно зрѣлое политически, населеніе охотно пойдетъ за вождемъ и признаетъ его главенство надъ собою. Такъ, дѣйствительно, и возникаютъ первичныя и самыя простыя формы *монархіи*.—Гораздо труднѣе представить себѣ образованіе государства въ томъ случаѣ, когда государственное начало пробуждается съ одинаковою энергіею во *многихъ* лицахъ. Въ самомъ дѣлѣ, если кто-либо изъ этихъ лицъ опередитъ, хотя нѣсколько, своихъ соперниковъ, тотъ очевидно, уже будетъ имѣть преимущество передъ ними: остальнымъ нечего болѣе дѣлать, какъ присоединиться къ нему въ числѣ первыхъ. Съ другой стороны, если многіе одновременно будутъ хлопотать надъ созданіемъ государства, то между ними необходимо или начнется борьба, въ которой одинъ побѣдитъ и возвысится, а другіе сойдутъ въ толпу, или возникнетъ соревнованіе, въ теченіи котораго политическое сознаніе проникнетъ въ населеніе и укрѣпится въ немъ [1]).

Но какимъ-бы образомъ ни возникало государство внутри отдѣльнаго племени, *форма его строенія* имѣетъ здѣсь только *второстепенное* значеніе. Оставаясь однимъ и тѣмъ же политическимъ тѣломъ, оно можетъ безнаказанно мѣнять свою организацію. Первоначальное демократическое устройство легко переходитъ въ аристократическое, какъ скоро выдѣляется классъ людей, пріобрѣтающій и упрочивающій за собою и своими преемниками господствующее положеніе въ государствѣ. Точно также демократія и аристократія безъ труда превращаются въ монархію, если появляется лицо, которое, пользуясь благопріятными обстоятельствами, захватываетъ власть въ свои руки. Съ другой стороны, на мѣстѣ аристократическихъ и монархическихъ учрежде-

[1]) *Schleiermacher*. Ueber die Begriffe der verschied. Staatsformen; S. 31—32.

ній можетъ снова водвориться демократія, если народъ съумѣетъ вернуть утраченныя верховныя права [1]). Короче, подобно явленіямъ низшей органической жизни, гдѣ слабо выраженные виды непримѣтно переходятъ другъ въ друга, государства, замкнутыя въ границы отдѣльнаго племени, не обладаютъ устойчивостью своихъ внѣшнихъ формъ: «демократіи, аристократіи и монархіи представляютъ собою лишь смѣняющіяся состоянія, которыя слѣдуютъ другъ за другомъ, не дѣлая инымъ сомого государства» [2]). Но за этими подвижными формами скрывается *однородное содержаніе,* которое и составляетъ основной характеръ разсматриваемыхъ явленій, дозволяющій обособить ихъ въ отдѣльную группу. Всѣ политическія тѣла низшаго порядка, каково-бы ни было ихъ строеніе, характеризуются *слабымъ напряженіемъ* государственнаго начала, что̀ выражается слабою противоположностью цѣлаго и его частей. А такъ какъ признакъ этотъ, со всѣми сопровождающими его другими признаками, составляетъ специфическую *особенность демократій*, то есть достаточное основаніе считать демократическую форму правленія *господствующею* среди первичныхъ политическихъ образованій, а всѣ остальныя формы— разсматривать, какъ второстепенныя и подчиненыя, какъ временныя уклоненія отъ основнаго типа. Государства низшаго порядка являются, такимъ образомъ, *демократическими* по преимуществу [3]).

б) Государства средняго порядка обнимаютъ *нѣсколько* или *много* отдѣльныхъ племенъ народа и представляютъ *вторичныя* политическія образованія, служащія переходными ступенями къ высшимъ формамъ государственной жизни. Ихъ происхожденіе во многомъ аналогично съ происхожденіемъ государствъ низшаго порядка, которыя имъ предшествуютъ.

Представимъ себѣ, что среди сосѣднихъ и родственныхъ племенъ, еще не сложившихся политически, въ одномъ изъ нихъ образуется государство. При постоянныхъ дружественныхъ или враждебныхъ столкновеніяхъ съ своими сосѣдями, юное государство, естественно, пріобрѣтетъ надъ ними вліяніе, такъ точно, какъ

[1]) *Schleiermacher*. Ueber die Begriffe der veschied. Staatsformen; S. 21—23, 32—33.

[2]) *Ibid.*; S. 34.

[3]) *Ibid.*; S. 35; ср. S. 33.

выдающееся лицо пріобрѣтаетъ вліяніе надъ своими племенемъ. Если это вліяніе будетъ упрочено мирно или насильственно, то столь-же естественно возникнетъ новая политическая организація, въ которой *одно* племя, какъ болѣе зрѣлое, будетъ *управлять*, а *другія—повиноваться*, подобно тому, какъ вліятельное лицо становится вождемъ своихъ соплеменниковъ, признающихъ его главенство надъ собою. Но въ тоже время сочлены правящаго племени останутся связанными между собою прежнимъ особымъ союзомъ, который укрѣпится еще болѣе ихъ общимъ участіемъ въ созданіи новой политической формы. Въ этомъ отношеніи они сохранятъ за собою прежній характеръ гражданъ демократическаго государства: повелѣвая другими, каждый изъ нихъ будетъ соединять въ своемъ лицѣ правительственную дѣятельность, обращенную на общее благо, съ частною, преслѣдующею личные интересы. Взятое *въ цѣломъ*, новое политическое устройство, съ *внѣшней* стороны, будетъ характеризоваться сожительствомъ господствующаго племени съ племенами подчиненными, при чемъ несущественно, установится-ли это сожительство мирно или насильственно, какъ несущественно и то, многія-ли племена подпадутъ подчиненію. Съ *внутренней* стороны, оно будетъ проникнуто стремленіемъ правящаго племени удержать за собою исключительное господство, оберегаемое тѣмъ ревнивѣе, чѣмъ болѣе подвластные проникаются политическимъ сознаніемъ и чѣмъ настойчивѣе выражаютъ желаніе принять участіе въ управленіи. Это стремленіе сохранить власть вызоветъ въ правителяхъ недовѣріе къ подданнымъ, которое будетъ рости съ политическимъ развитіемъ послѣднихъ; вмѣстѣ съ тѣмъ, оно побудитъ ихъ внести строгую мѣру въ свои дѣйствія и, чтобы не обнаружить своей слабости, заставитъ отказаться отъ демократическихъ счетовъ между собою. Таковъ необходимо долженъ быть новый государственный строй. Основныя черты его отвѣчаютъ существу истинной аристократіи въ строгомъ значеніи слова. Поэтому, государства средняго порядка, по своему внутреннему складу, являются преимущественно *аристократическими*, подобно тому какъ низшія государства представлялись демократическими въ своей основѣ. [1])

[1]) *Schleiermacher*. Ueber die Begriffe der verschied. Staatsformen; S. 36—37.

Но, будучи аристократическимъ по *внутреннему* строю, государство этого типа также можетъ мѣнять свои *внѣшнія* формы. Правда, оно уже не способно болѣе принять демократическое устройство, даже и въ томъ случаѣ, если-бы между правящимъ и подчиненными племенами исчезло всякое внутреннее различіе, такъ что удерживать его вовнѣ было-бы насиліемъ. Самый объемъ государства препятствовалъ-бы установленію демократической формы, ибо собранія всѣхъ гражданъ для отправленія верховныхъ правъ были-бы фактически невозможны; замѣна-же этихъ собраній представительными не отвѣчала-бы существу демократіи, такъ какъ представители, во время исполненія своей миссіи, удалены отъ частной жизни и, ограничиваясь политическою ролью, не могутъ вызвать той живой и сложной борьбы общественныхъ и частныхъ интересовъ, которая, указывая на слабое напряженіе государственнаго начала, составляетъ душу демократическихъ учрежденій. [1]) Но за-то аристократическое государство безъ труда можетъ принять монархическую форму, какъ скоро правящіе выдѣлятъ изъ своей среды главу государства. Въ виду постоянно возрастающаго недовѣрія къ подданнымъ, сосредоточеніе власти въ одномъ лицѣ совершается тѣмъ легче, что видятъ въ этомъ лучшее средство увеличить и укрѣпить свои силы. Однако, внѣшняя перемѣна формы ни мало не измѣняетъ внутренняго существа государства: отношеніе господствующаго племени къ племенамъ подчиненнымъ остается прежнее, и глава государства сознаетъ свою принадлежность къ тѣмъ, съ которыми его связываютъ личные интересы и общее происхожденіе. Монархическая форма аристократическаго государства легко прививается тамъ, гдѣ правящее племя, подчиняя себѣ другія племена, первоначально имѣло монархическую организацію: расширяя границы своихъ владѣній, правитель вынужденъ здѣсь искать помощи въ своихъ соплеменникахъ, что̀ заставляетъ его дѣлиться съ ними своею властью и возвышать ихъ надъ своими новыми подданными. Но по преимуществу эта форма устанавливается въ томъ случаѣ, когда племя, уже сложившееся политически, насильст-

---

[1]) *Schleiermacher*. Ueber die Begriffe der verschiedenen Staatsformen; S. 35.

венно подчиняетъ себѣ неорганизованныя племена или распавшіяся государства. Война, въ которой начальствуетъ одинъ, отражаетъ свои порядки на всемъ государственномъ устройствѣ. Подчиненные вожди близко стоятъ къ своему начальнику и въ большинствѣ случаевъ дѣлятъ съ нимъ власть. Съ водвореніемъ мира значеніе ихъ возрастаетъ еще болѣе, по мѣрѣ того какъ усиливается ихъ непосредственное вліяніе на населеніе и слабѣетъ потребность въ военномъ предводителѣ, который мало-по-малу становится только первымъ между равными въ средѣ прежнихъ своихъ сподвижниковъ; остальная масса племени-побѣдителя, лишенная всякаго политическаго значенія, смѣшивается съ побѣжденными. Примѣръ такого рода находимъ во многихъ средневѣковыхъ государствахъ, гдѣ правитель (король), болѣе могущественный, чѣмъ демократическій вождь отдѣльнаго племени, является то избираемымъ, то наслѣдственнымъ, но всегда только первымъ дворяниномъ своего государства, чѣмъ и разнится отъ истинно монархическаго государя. [1])

Въ общемъ государства средняго порядка, будучи *аристократическими* по преимуществу, отличаются отъ государствъ низшаго порядка тѣмъ, что обнимаютъ *нѣсколько* или *много* племенъ, хотя и покоятся на *одномъ* изъ нихъ;—что, далѣе, среди населенія различной политической зрѣлости, *одна часть* его играетъ *дѣятельную*, а *другая—пассивную* роль;—что, именно поэтому, противоположеніе *цѣлаго* и *частей* выражено здѣсь *отчетливѣе*, чѣмъ тамъ: не всѣ подданные и правители въ одно и то же время, но нѣкоторые и правятъ, и управляются, а остальные, въ противоположность имъ, являются подчиненными; и что, наконецъ, государства эти могутъ принять аристократическую или монархическую форму; *демократіями* же стать они *не способны* [2]).

в) Государства высшаго порядка группируютъ въ одно цѣлое *всѣ племена* народа и воплощаютъ собою идею *національнаго единства*. Эта идея есть, очевидно, *новый* творческій принципъ, который не участвовалъ въ образованіи первичныхъ и вторичныхъ государствъ. Поэтому, путемъ простаго расширенія этихъ госу-

---

[1]) *Schleiermacher*. Ueber die Begriffe der verschied. Staatsformen; S. 37—38

[2]) *Ibid.*; S. 38—39.

дарствъ не могутъ развиться политическія тѣла высшаго порядка, ибо расширеніе, какъ таковое, неспособно создать никакого новаго принципа. Къ тому же, для низшихъ государственныхъ образованій оно имѣетъ опредѣленныя и тѣсныя границы, полагаемыя демократическою природою ихъ [1]).

Высоко поднимая своихъ носителей не только надъ гражданами, но и надъ правителями государствъ низшаго и средняго порядка, національная идея, какъ творческое начало жизни, знаменуетъ собою *новую ступень* въ развитіи политическаго сознанія. Понятно, что эта идея не можетъ проснуться одновременно и равномѣрно въ цѣломъ народѣ, раздѣленномъ на различныя племена [2]). Поэтому, по аналогіи съ предыдущимъ, мы должны допустить, что она пробуждается или во *многихъ* представителяхъ народа, или въ *одномъ* лицѣ.

Можетъ случиться, что *многіе*, въ которыхъ проснулось стремленіе къ національному единству, будутъ *подданными* аристократическаго государства. Ихъ стремленіе останется, однако, безплоднымъ, частію потому, что оно будетъ затемнено другимъ стремленіемъ,—стать въ одинъ уровень съ правящимъ племенемъ,—частію же потому, что, за полнымъ недостаткомъ средствъ для осуществленія, оно не выйдетъ за границы благаго желанія, выражающагося въ различныхъ болѣе или менѣе истинныхъ теоріяхъ.—Чтобы не постигла національную идею подобная участь, *многими*, въ которыхъ она пробудилась, должны быть *отдѣльныя государства*, уже существующія внутри даннаго народа. Но и они не въ силахъ найдти высшей формы для этой идеи, если только не явится къ тому какой-либо внѣшній поводъ, будетъ ли то общая опасность, или что̀ иное. Мирнымъ путемъ они могутъ установить только такую форму, въ которой народное единство представлено собраніемъ уполномоченныхъ отдѣльныхъ государствъ. Но въ подобномъ собраніи большинство членовъ проникнуто интересами тѣхъ самостоятельныхъ единицъ, которыя они представляютъ; а, въ свой чередъ, эти частные интересы находятся въ непримиримой борьбѣ съ задачею политическаго объ-

---

[1]) *Schleiermacher*. Ueber die Begriffe der verschied. Staatsformen; S. 39—40.

[2]) Ср. S. 35.

единенія. Не имѣя чистаго органа для выраженія высшаго начала, цѣлое находится въ состояніи колебанія: стать ли ему союзнымъ государствомъ, составленнымъ изъ неодинаковыхъ и до извѣстной степени самостоятельныхъ единицъ, или быть только союзомъ государствъ, т.-е. неопредѣленнымъ и временнымъ соединеніемъ ихъ, обусловленнымъ общностью цѣлей. Это колеблющееся состояніе цѣлаго можетъ окрѣпнуть и упрочиться лишь подъ условіемъ, если національная идея найдетъ своего выразителя въ монархѣ, достаточно сильномъ, чтобы указать твердыя границы частнымъ и мѣстнымъ интересамъ, подчинивъ ихъ единству цѣлаго. Поэтому, только съ появленіемъ монархической формы возникаетъ здѣсь высшій государственный строй, служащій внѣшнею формою народнаго единства [1]).

Гораздо легче складывается государство въ томъ случаѣ, когда стремленіе къ національному объединенію обнаруживается первоначально въ *отдѣльномъ лицѣ*. Само собою разумѣется, что это лицо должно находиться въ положеніи, отвѣчающемъ его задачѣ. Конечно, такимъ лицомъ не можетъ быть вождь-правитель отдѣльнаго племени: онъ не имѣлъ-бы достаточной силы для осуществленія идеи, если-бы даже ему удалось увлечь ею своихъ подданныхъ. Но за-то такимъ лицомъ съ успѣхомъ можетъ быть *глава аристократическаго государства*, которое, поэтому, слѣдуетъ разсматривать, какъ стадію политическаго развитія, по преимуществу и непосредственно предшествующую установленію высшаго государственнаго строя. Понятно, что для успѣшнаго водворенія этого строя и здѣсь нужны благопріятныя условія. Съ одной стороны, требуется, чтобы образованіе и политическое воспитаніе подчиненныхъ племенъ сдѣлало такіе успѣхи, что дальнѣйшее удержаніе неравенства между ними и господствующимъ племенемъ казалось бы неестественнымъ (unnatürlich). Съ другой стороны, необходимо, чтобы аристократическое государство имѣло прочную монархическую организацію, внушающую къ себѣ довѣріе, а во главѣ стоялъ государь, проникнутый національною идеею. Возвышаясь надъ частными интересами правящаго племени, такой государь способенъ осуществить одушевляющую его мысль: онъ

---

[1]) *Schleiermacher*. Ueber die Begriffe der verschied. Staatsformen; S. 40—41.

надѣленъ достаточными средствами, чтобы связать въ одно живое цѣлое всѣ части народнаго организма, если не вдругъ, то подвигаясь къ цѣли постепенно и мало-по-малу. И онъ дѣлаетъ это тѣмъ легче, чѣмъ менѣе ограниченъ. А какъ скоро задача національнаго объединенія разрѣшена,—виновникъ его, бывшій душею зиждительнаго движенія, становится внѣшнимъ средоточіемъ политической жизни—истино монархическимъ государемъ (der wahrhaft monarchische Monarch); самое же государство, и по внутреннему содержанію, и по строенію, является исключительно *монархическимъ* [1]).

Разъ сложившееся, государство высшаго порядка *не способно* измѣнять своей *формы*. Вся полнота верховной власти должна быть сосредоточена въ лицѣ монарха, чтобы онъ былъ въ состояніи поддерживать государственное единство многочисленнаго народа; остальныя лица являются, по отношенію къ нему, только подданными. Такимъ образомъ, государственное начало, противополагающее общее частному, достигаетъ здѣсь *высшаго* своего напряженія, что̀ и составляетъ самую характерную черту разсматриваемаго типа. Чтобы сохранить въ чистотѣ эту основную черту, монархъ долженъ быть свободенъ отъ всякаго частнаго интереса. Поэтому, въ отличіе отъ подданныхъ, онъ не можетъ имѣть личной собственности, точно также какъ не можетъ быть избираемымъ, ибо это послѣднее заставило бы его заботиться о своей семьѣ, ничѣмъ не обезпеченной послѣ его смерти. Съ другой стороны, по тому же основанію, народъ, проникнутый идеею своего единства, долженъ доставлять, въ видѣ податей, матеріальныя средства для содержанія управленія, необходимаго для сохраненія этого единства. Но, сознавая себя свободнымъ, онъ можетъ требовать, чтобы подати не налагались безъ его согласія,—требованіе, въ которомъ нельзя отказать населенію. Отсюда, однако, не вытекаетъ права подданныхъ на участіе въ дѣятельности правительства. Это право не можетъ быть признано ни за аристократіей, по принципу наслѣдственности, ни за цѣлымъ народомъ, по фикціи его верховенства. Государство создано, существуетъ и держится личностью монарха; поэтому, онъ одинъ яв-

---

[1]) *Schleiermacher.* Ueber die Begriffe der verschied. Staatsformen; S. 41—43.

ляется носителемъ власти и вмѣстѣ источникомъ политическихъ вольностей и правъ: участіе гражданъ въ дѣлахъ государственныхъ допускается въ той мѣрѣ, въ какой оно даровано верховной властью [1]).

Такимъ образомъ, если государство *низшаго* порядка, *демократическое* въ своемъ основаніи, можетъ носить *троякую* внѣшнюю форму, а государство *средняго* порядка, *аристократическое* по своей сущности, способно къ *двоякому* построенію; то, въ отличіе отъ нихъ, государство *высшаго* порядка, и по внѣшнему, и по внутреннему своему складу, можетъ существовать только подъ *одною* формою *чистой монархіи*. Точно также, если въ *первичныхъ* государственныхъ образованіяхъ, въ которыхъ всѣ являются одновременно и правителями, и подданными, политическое противоположеніе цѣлаго частямъ обозначается весьма слабо; если, далѣе, въ образованіяхъ *вторичныхъ*, въ которыхъ нѣкоторые правятъ и управляются, требуя повиновенія отъ всѣхъ прочихъ, помянутое противоположеніе выражается уже гораздо *рѣзче* и *отчетливѣе*; то въ государствахъ *высшаго* порядка оно достигаетъ *наибольшаго напряженія*, сосредоточивая всю полноту верховныхъ правъ въ лицѣ государя, управляющаго цѣлымъ народомъ [2]). Какъ уже замѣчено выше, въ жизни народовъ эти три основные типа государствъ смѣняютъ другъ друга въ исторической преемственности, при чемъ каждая смѣна отмѣчаетъ собою высшую стадію политическаго существованія.

Таково, въ основныхъ чертахъ, содержаніе знаменитаго мемуара, представленнаго въ началѣ вѣка Берлинской академіи. Любопытенъ пріемъ, который встрѣтила попытка Шлейермахера въ нѣмецкой литературѣ. Нѣтъ писателя, который, касаясь этой попытки, не придавалъ бы ей высокаго достоинства и значенія; нѣтъ мѣры лестнымъ эпитетамъ, обращеннымъ къ ея автору. Но въ тоже время нѣтъ и такого писателя, который принималъ бы столь цѣнимую классификацію. Обыкновенно ограничиваются тѣмъ, что хвалятъ ее и затѣмъ отходятъ въ сторону, роняя иногда два—

---

[1]) *Schleiermacher*. Ueber die Begriffe der verschied. Staatsformen; S. 44—45.
[2]) *Ibid.*; S. 43.

три бѣглыхъ критическихъ замѣчанія [1]). Исключеніе въ послѣднемъ отношеніи составляетъ только одинъ Форлендеръ, который, останавливаясь на классификаціи Шлейермахера, подвергаетъ ее обстоятельному разбору, не лишенному силы. [2]) Къ сожалѣнію, его разборомъ мы не можемъ воспользоваться, такъ какъ онъ основанъ на взглядахъ автора, нами не раздѣляемыхъ.

Читатель помнитъ, что Шлейермахеръ нападаетъ на классификацію Аристотеля и отвергаетъ ее [3]). Его возраженія послужатъ намъ исходною точкою критики.

Главный недостатокъ древней классификаціи Шлейермахеръ видитъ въ томъ, что она размѣщаетъ по группамъ не государства, какъ особые *предметы*, а только *состоянія* ихъ. Поэтому, избѣгая древней ошибки, онъ, естественно, долженъ начать съ опредѣленія, что̀ такое предметъ въ отличіе отъ своихъ состояній. Такъ онъ, дѣйствительно, и поступаетъ, *обыщая* принять въ разсчетъ это различіе при построеніи классификаціи. Характеристическимъ признакомъ предмета Шлейермахеръ считаетъ *форму*, подъ которою онъ *возникаетъ* и *продолжаетъ* существовать; проще говоря,—форму, которую онъ сохраняетъ въ теченіи болѣе или менѣе продолжительнаго времени. Отсюда слѣдуетъ, что въ *устойчивыхъ формахъ возникновенія* нужно искать основаній для размѣщенія государствъ. Указавъ такой путь, Шлейермахеръ, однако, быстро *сворачиваетъ* съ него. Онъ устанавливаетъ свой признакъ предмета, который,—замѣтимъ,—приходится брать на вѣру, подъ впечатлѣніемъ возраженій греческому философу. Этотъ признакъ нуженъ ему только для того, чтобы окончательно подорвать древнее дѣленіе: формы Аристотеля измѣнчивы и непостоянны,—значитъ, онѣ не предметы, не государства, а лишь состоянія ихъ. Но онъ тотчасъ же оставляетъ свой признакъ, какъ скоро приступаетъ къ построенію собственной классификаціи: изъ *формы*

---

[1]) *Bluntschli.* Lehre vom modernen Stat; I-er Thl., S. 376.—*Roscher.* Umrisse der Naturlehre der drei Staatsformen; S. 83 (VII-er Bd.).—*Waitz.* Grundzüge der Politik; S. 114.—*Mohl.* Encyklopädie der Staatswissenschaften; S. 110.—*Stahl.* Philophie des Rechts; II-er Bd., II-te Abth., S. 220.

[2]) *Vorländer.* Die Staatsformen in ihrem Verhältniss zur Entwicklung der Gesellschaft, S. 319—322 (XIV-er Bd.).

[3]) См. выше, гл. IX, с. 209 sq.

центръ тяжести переносится въ *содержаніе*. Форма разсматривается при этомъ, какъ нѣчто второстепенное, несущественное и и случайное: сохраняя тожество, государство можетъ мѣнять ее безнаказанно, лишь бы оставалось въ немъ одинаковое внутреннее содержаніе, выражающееся въ степени напряженія государственнаго начала. Характеристическій признакъ предмета здѣсь уже совсѣмъ *другой*. Форма служитъ только внѣшнею оболочкою, *болѣе* или *менѣе* отвѣчающею внутреннему содержанію, въ которомъ вся сущность дѣла. Низшія государства могутъ имѣть троякую форму, среднія—двоякую; но для первыхъ удобнѣе костюмъ демократическій, для вторыхъ—аристократическій. Только высшія государства не пользуются привиллегіею мѣнять костюмы. Не пользуется привиллегіей и Аристотель, классификацію котораго Шлейермахеръ мѣряетъ иною мѣркою, чѣмъ та, какую онъ примѣняетъ къ своей. Это различіе мѣрокъ является явнымъ отступленіемъ отъ требованія, имъ самимъ установленнаго: размѣщать государства по формамъ возникновенія. Одно изъ двухъ: или возраженія Шлейермахера противъ древняго дѣленія *не имѣютъ значенія*, или, если они дѣйствительны, вмѣстѣ съ Аристотелемъ *долженъ пострадать* и самъ Шлейермахеръ. Но это еще не все.

Нѣмецкій ученый отказываетъ греческому философу и въ другой привиллегіи, которую удерживаетъ за собою. Онъ находитъ возможнымъ приписывать своей классификаціи, какъ ея *неотъемлемую* принадлежность, то, что считаетъ *достаточнымъ* основаніемъ, чтобы отвергнуть древнее дѣленіе: формы Аристотеля *не могутъ* переходить другъ въ друга, группы Шлейермахера—не только могутъ, но и *должны*, въ качествѣ ступеней послѣдовательнаго развитія. Правда, тутъ дѣлается нѣкоторое различіе: формы, по толкованію критика, гораздо подвижнѣе группъ. Но, какъ мы уже замѣчали, это различіе происходитъ *единственно* отъ того, что древнія формы разсматриваются только въ примѣненіи къ первичнымъ политическимъ образованіямъ, которымъ, не безъ основанія, Шлейермахеръ приписываетъ особливую подвижность. Тѣ же самыя формы немедленно пріобрѣтаютъ *желаемую устойчивость*, если мы примѣнимъ ихъ къ явленіямъ средняго и высшаго порядка. Подвижность древнихъ формъ зависитъ, слѣдовательно, отъ *способа обращенія* съ ними. Она составляетъ ни-

чуть не бо̀льшую ихъ особенность, чѣмъ группы Шлейермахера, поскольку послѣднія вѣрно отражаютъ историческія явленія. Такъ, соглашаясь, съ нѣмецкимъ ученымъ, что то или другое политическое устройство выражаетъ различныя степени напряженія государственнаго начала, попробуемъ размѣстить, на основаніи этого признака, первоначальные общежительные союзы: получатся группы, организованныя *по способу* Шлейермахера, но отмѣченныя характеромъ *крайней подвижности*. Въ этомъ отношеніи не можетъ спасти предлагаемую классификацію и то обстоятельство, на которое указываетъ ея авторъ: особая склонность ступеней развитія къ какой-либо одной формѣ;—не спасаетъ потому, что точно такое же утвержденіе съ одинаковымъ правомъ прилагается и къ древней классификаціи, выведенной изъ тѣхъ узкихъ границъ, въ какія ставитъ ее строгій критикъ. Пока, стало-быть, на сторонѣ его попытки и здѣсь нѣтъ *никакого* преимущества.

Другой недостатокъ древней классификаціи Шлейермахеръ находитъ въ томъ, что нѣкоторыя государства одновременно подходятъ подъ различныя ея формы. Этотъ упрекъ, вмѣстѣ съ вышe разсмотрѣннымъ, сводится, какъ мы видѣли, на указаніе переходныхъ явленій, представляющихъ затрудненія при размѣщеніи. Самъ по себѣ неосновательный, онъ, однако, можетъ быть направленъ противъ новаго дѣленія еще съ *бо̀льшею силою*, чѣмъ противъ древняго. Для этого не нужно даже придумывать особыхъ исключительныхъ случаевъ, какъ то дѣлаетъ Шлейермахеръ. Его группы—ступени преемственнаго развитія; поэтому, если не допускать въ немъ скачковъ, они *должны* постепенно и незамѣтно переходить другъ въ друга. Кромѣ того, переходныя ступени представляются здѣсь гораздо *неуловимѣе*, чѣмъ у Аристотеля, ибо у послѣдняго онѣ отражаются во внѣшнемъ и наглядномъ признакѣ состава власти, тогда какъ у Шлейермахера—въ оттѣнкахъ степеней напряженія государственнаго начала, которыя едва ли возможно различать хотя сколько-нибудь. Какъ указать границу, гдѣ оканчивается государство низшаго порядка, особенно въ томъ случаѣ, когда вліяніе одного племени надъ другими пріобрѣтается и упрочивается мирнымъ путемъ? Съ какого момента это вліяніе нужно считать достаточнымъ для причисленія подчиняемыхъ племенъ къ составу развивающагося государства?—Еще

труднѣе провести раздѣляющую черту между политическими союзами средняго и высшаго порядковъ. Съ какой минуты аристократическій правитель становится монархическимъ государемъ, если только переходъ не отмѣченъ какимъ-либо внѣшнимъ событіемъ, въ чемъ нѣтъ непремѣнной необходимости? Даже въ этомъ послѣднемъ случаѣ, куда отнести состояніе государства, которое во внутреннемъ своемъ складѣ стало совершенно монархическимъ, но не успѣло еще измѣнить внѣшней аристократической формы? Очевидно, на всѣ эти вопросы классификація Шлейермахера гораздо *менѣе* способна отвѣтить, чѣмъ дѣленіе греческаго философа.

Отъ указаній на непослѣдовательность Шлейрмахера и отъ сравненія его размѣщенія съ древнимъ переходимъ къ *оцѣнкѣ обособляющихъ признаковъ*, избираемыхъ нѣмецкимъ ученымъ. Правильное рѣшеніе этого вопроса должно составить experimentum crucis разсматриваемой классификаціи.

Прежде всего нельзя не одобрить *пріема*, которымъ пользуется авторъ при отысканіи своихъ признаковъ: это именно тотъ пріемъ, который былъ указанъ нами выше, на основаніи логическихъ соображеній [1]). Наблюдая измѣнчивыя формы историческаго государства, онъ отдѣляетъ въ нихъ относительно *неподвижное* и *устойчивое* отъ колеблющагося и непостояннаго. Статическій признакъ онъ находитъ въ неизмѣнно-всеобщемъ *противоположеніи власти и подданства*, что̀ служитъ «началомъ, образующимъ государство». Въ различныхъ степеняхъ этого противоположенія Шлейермахеръ открываетъ, далѣе, основаніе для дѣленія. Другими словами, обособляющіе признаки параллельныхъ группъ онъ беретъ среди *разновидностей общаго признака*, принадлежащаго всѣмъ размѣщаемымъ предметамъ, т.-е. вновь поступаетъ вполнѣ согласно съ логическими требованіями [2]).

Но вѣрный пріемъ не проводится съ должною *послѣдовательностью*, что̀ влечетъ за собою частные промахи, на которые обыкновенно указываютъ. Недостатокъ послѣдовательности выражается въ *двухъ* направленіяхъ.

Во 1-хъ, за общимъ характеромъ разсужденія, какой приданъ авторомъ своему мемуару, замѣчается *двойственность* въ спосо-

---

[1]) См. выше, гл. IV, с. 121 sq..

[2]) См. выше, гл. V, с. 128 sq..

бахъ обработки вопроса. Если двѣ группы низшихъ и среднихъ государствъ представляютъ *историческія* обобщенія, то послѣдняя группа государствъ высшихъ есть, несомнѣнно, болѣе *спекулятивное* построеніе, чѣмъ картина дѣйствительности: монархіи Шлейермахера не столько существующія формы, сколько воображаемыя. Здѣсь замѣчается отступленіе отъ избраннаго пріема, сказывающееся въ предпочтеніи *апріорнаго* метода наблюденію. Отсюда рядъ несообразностей: утвержденіе, что единство народа воплощается только въ формѣ единовластія, тогда какъ существуютъ государства, достигающія той же цѣли иными средствами; отрицательное отношеніе къ новѣйшимъ демократіямъ, и т. д. Отсюда же вытекаетъ и то, что, вѣрно указавъ на недостаточность древняго дѣленія, Шлейермахеръ, въ сущности, не исправилъ его: сложныя формы государствъ, гдѣ демократическіе, аристократическіе и монархическіе элементы находятся въ различныхъ сочетаніяхъ, не подходятъ ни подъ одну изъ его группъ [1]).

Во 2-хъ, наблюденію, лежащему въ основѣ работы, недостаетъ *широты:* оно ограничивается относительно государствъ низшаго порядка жизнью древне-классическихъ народовъ (грековъ по преимуществу), а относительно государствъ средняго порядка—жизнью средневѣковой Европы [2]). Отсюда рядъ другихъ недостатковъ: размѣщеніе, напр., не даетъ мѣста ни теократіямъ, ни деспотіямъ востока.

Наконецъ, *совокупному вліянію* обѣихъ причинъ,—присутствію спекулятивнаго элемента и недостатку широты наблюденія,—слѣдуетъ приписать ту тѣсную связь, которую усматриваетъ Шлейермахеръ между объемомъ государства и ступенями его развитія,—точка зрѣнія, съ которой, по справедливому замѣчанію Чичерина, восточныя деспотіи пришлось бы поставить выше древне-греческихъ демократій [3]).

Не смотря, однако, на частные промахи, вѣрно установленный пріемъ изслѣдованія *помогаетъ* Шлейермахеру найдти признаки,

---

[1]) Ср. *Mohl.* Encyklopädie der Staatswissenschaften; S. 111.

[2]) *Vorländer.* Die Staatsformen in ihrem Verhältniss zu der Entwicklung der Gesellschaft; S. 321 (XIV-er Bd.).

[3]) *Чичеринъ.* Исторія политическихъ ученій; т. IV, с. 310.

дѣйствительно, *глубокіе* и *важные*, отражающіе въ себѣ послѣднее основаніе государства. Съ этой точки зрѣнія, разсматриваемая классификація, подобно Аристотелевой, способна выдержать самую притязательную критику. И тѣмъ не менѣе, какъ самостоятельная классификація, она должна быть *отвергнута*, ибо нарушаетъ одно *логическое требованіе* первостепеннаго значенія: ея обособляющимъ признакамъ, внутреннимъ и скрытымъ, не достаетъ необходимой *наглядности*, безъ которой размѣщеніе, какъ пріемъ изученія, теряетъ всякую цѣну [1]).

Чтобы наше утвержденіе не показалось читателю голословнымъ, подвергнемъ его болѣе внимательному обсужденію. Это тѣмъ необходимѣе, что дастъ намъ возможность выяснить *отношеніе* предлагаемаго дѣленія къ древнему.

Поставимъ вопросъ прямо и рѣзко: *чѣмъ* группы Шлейермахера отличаются другъ отъ друга? Если,—скажутъ,—различными степенями напряженія государственнаго начала, то мы предложимъ другой вопросъ: можно ли наблюдать эти различія *непосредственно*?—Отвѣтъ не подлежитъ никакому сомнѣнію; самъ авторъ подсказываетъ его: степени напряженія распознаются по *формѣ государственнаго строенія*, демократической, аристократической или монархической. Правда, онъ указываетъ и на другой признакъ—составъ государства, обнимающаго одно племя, нѣсколько или цѣлый народъ; но этому признаку отводится второстепенное и подчиненное значеніе [2]). Самъ авторъ *вынужденъ*, стало-быть, прибѣгать къ постороннимъ признакамъ при размѣщеніи явленій, именно потому, что избранное имъ основаніе—внутреннее и скрытое, не поддающееся непосредственному наблюденію. Но если это, дѣйствительно, такъ, то работа Шлейермахера представляетъ собою не построеніе *новой* классификаціи, какъ самъ онъ думаетъ, а только указаніе болѣе *глубокихъ*, но *незримыхъ* признаковъ, которымъ признаки Аристотеля служатъ *сопутствующими показателями*. Дѣленіе *попрежнему* покоится

---

[1]) См. выше, гл. IV, с. 110 sq.

[2]) Впрочемъ, для судьбы классификаціи безразлично, какой изъ этихъ признаковъ первенствуетъ: въ обоихъ случаяхъ она является одинаково неудовлетворительною.

на этихъ внѣшнихъ и яркихъ признакахъ, отвѣчающихъ важнымъ внутреннимъ различіямъ. Съ этой точки зрѣнія, изслѣдованіе нѣмецкаго ученаго есть ничто иное, какъ попытка исправить основаніе древней классификаціи. Въ качествѣ *поправки* она должна быть признана попыткою *неудачной*, внушенной ложною мыслью видѣть въ размѣщеніи не пріемъ изученія, а средство для непосредственнаго ознакомленія съ изучаемымъ матеріаломъ. Но въ *другомъ* отношеніи попытка эта заслуживаетъ *всякой* похвалы: мемуаръ Шлейермахера развиваетъ превосходную аргументацію *не противъ*, а *въ защиту* Аристотеля, раскрывающую съ рѣдкимъ мастерствомъ, какія глубокія внутреннія различія скрываются за внѣшними признаками греческаго дѣленія. Въ этомъ—*положительная* сторона работы нѣмецкаго ученаго, столь цѣнимой политическою литературою [1]).

Еще одно замѣчаніе относительно исторической преемственности группъ Шлейермахера. Въ его наблюденіи есть, несомнѣнно, много вѣрнаго; но въ цѣломъ оно страдаетъ односторонностью. На ряду съ его преемственностью можно установить иной порядокъ послѣдовательности съ немепьшимъ правомъ, что̀, дѣйствительно, и находимъ у другихъ писателей: Блюнчли, напр., опредѣляетъ этотъ порядокъ обратно; Цёпфль считаетъ первоначальною формою аристократію, изъ которой развивается впослѣдствіи или демократія, или монархія [2]). Не выходя, однако, за рамки нашего изслѣдованія, мы не можемъ войдти въ обсужденіе этой стороны дѣла.

---

[1]) Ср. *Bluntschli.* Lehre vom modernen Stat; I-er Thl., S. 378.—*Vorländer.* Die Staatsformen in ihrem Verhältniss zu der Entwicklung der Gesellschaft. S. 319, 322 (XIV-er Bd.).

[2]) *Bluntschli.* Ibid.—*H. Zöpfl.* Grundsätze des allgemeinen und des constitutionell-monarchischen Staatsrechts; 3-te Aufl., 1846; S. 96 sq..

ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ.

Классификаціи государствъ по дѣленію верховной власти.

Классификація Канта, Хэрена и Бера.—Критика ихъ.—Отношеніе къ нимъ германской политической литературы.—Дѣленія французскихъ писателей: Де-Траси, Ланжюинэ и Пасси.—Критика ихъ.

Мы заключили обзоръ писателей, размѣщающихъ государства по количественному составу верховной власти. Переходимъ къ писателямъ, которые, подобно первымъ, отыскиваютъ основаніе классификаціи также въ государственномъ устройствѣ, но останавливаются съ этою цѣлью на теоріи раздѣленія властей.

Слишкомъ двѣ тысячи лѣтъ Аристотелево основаніе классификаціи государствъ признавалось единственнымъ и безспорнымъ. Кантъ первый дѣлаетъ попытку предложить *другое основаніе*, которое онъ находитъ въ теоріи Монтескьё, обнародованной за пятьдесятъ лѣтъ передъ этимъ. Въ 1795 году германскій философъ издаетъ свой знаменитый проектъ «вѣчнаго мира», гдѣ намѣчаетъ новое рѣшеніе вопроса. Правда, онъ касается этого вопроса мимоходомъ: вѣрная мысль, что международныя отношенія тѣсно связаны съ внутреннимъ строемъ государствъ, побуждаетъ его раздѣлить послѣднія на двѣ группы, чтобы указать, какія изъ нихъ всего лучше обезпечиваютъ внѣшній миръ [1]). Не смотря, однако, на случайное происхожденіе дѣленія, оно является не только первою самостоятельною попыткою построенія новой клас-

[1]) *Kant.* Sämmtliche Werke, herausg. v. Rosenkranz u. Schubert; VII-er Thl., I-te Abth., S. 242—243 („Zum ewigen Frieden").

сификаціи, но, по основной своей мысли, остается доселѣ самою замѣчательною [1]).

«Формы государства,—говоритъ Кантъ,—можно дѣлить или по *различію лицъ*, которымъ принадлежитъ верховная власть, или по *способу управленія* народомъ, независимо отъ того, каковъ составъ этой власти». Первое онъ называетъ *формою владычества* (forma imperii), второе—*формою правленія* (forma regiminis) [2]). Владычество можетъ быть только троякаго рода: властью облекается или одно лицо, или нѣсколько, или всѣ, образующія гражданское общество (автократія, аристократія и демократія). Форма правленія выражается въ способѣ, какимъ государство распоряжается своимъ полновластіемъ, что̀ опредѣляетъ конституція, какъ актъ общей воли, возводящій простую толпу до значенія народа. Эта форма бываетъ или *республиканская*, или *деспотическая*. «Республиканизмъ есть государственный принципъ *обособленія исполнительной власти отъ законодательной*», требующей непремѣннаго представительства [3]). Онъ предполагаетъ, во-первыхъ, свободу членовъ общежитія, какъ людей, во-вторыхъ, зависимость всѣхъ, какъ подданныхъ, отъ одного общаго законодательства и, въ третьихъ, равенство всѣхъ, какъ гражданъ. Это—единственное устройство, вытекающее изъ идеи первоначальнаго договора, на которой должно покоиться всякое правомѣрное законодательство [4]). Наоборотъ, деспотизмъ есть принципъ исполненія законовъ *тою же верховною властью*, которая издаетъ ихъ: исполнительная и законодательная дѣятельность сосредоточиваются въ *одномъ органѣ*, частная воля котораго представляетъ государственную волю [5]). Республиканское правленіе возможно только

[1]) Того же мнѣнія держится *Роттекъ*. Но любопытно, что, передавая Кантовскую классификацію, онъ просматриваетъ ея основаніе, т.-е. то, что̀ составляетъ въ ней единственно цѣнное научное пріобрѣтеніе. Кромѣ того, Роттекъ къ двумъ группамъ Канта,—республикамъ и деспотіямъ,—прибавляетъ третью—анархій. Эта поправка, странная сама по себѣ, показываетъ, что Роттекъ совершенно не понялъ счастливой мысли своего великаго соотечественника. См. его: Lehrbuch des Vernunftrechts; II-er Bd., S. 179, 199.

[2]) *Kant.* Sämmtliche Werke; VII-er Thl., I-te Abth., S. 243—244.

[3]) *Ibid.*.

[4]) *Ibid.*; S. 241.

[5]) *Ibid.*; S. 244.

при системѣ представительства, безъ которой общежитіе необходимо носитъ деспотическій характеръ, какова бы ни была форма владычества. Въ этомъ отношеніи демократія не составляетъ исключенія; напротивъ, она является устройствомъ по преимуществу деспотическимъ, тогда какъ двѣ другія формы владычества могутъ, по крайней мѣрѣ по духу, приближаться къ свободнымъ республиканскимъ учрежденіямъ [1]).

Такимъ образомъ, не отрицая древней классификаціи, Кантъ, рядомъ съ нею, предлагаетъ свою собственную. Къ сожалѣнію, онъ не опредѣляетъ, какъ первая должна *относиться* ко второй. Онъ ограничивается бѣглымъ замѣчаніемъ, что формамъ правленія «безъ всякаго сравненія» слѣдуетъ придавать бо́льшее значеніе, чѣмъ формамъ господства [2]). Но это мимолетное замѣчаніе не разъясняетъ дѣла. Косвенно изъ текста философа вытекаетъ, что деспотическія правленія имѣютъ всѣ три формы владычества; но какъ эти формы относятся къ республиканскому устройству,—остается совершенно темнымъ. А, между тѣмъ, это самый *важный* вопросъ для судьбы предлагаемой классификаціи.

Въ самомъ дѣлѣ, считая отдѣленіе исполнительной власти отъ законодательной *непремѣнною принадлежностью* республикъ, Кантъ, очевидно, разумѣетъ подъ этимъ терминомъ, своеобразно употребляемымъ, ничто иное, какъ *смѣшанную форму*. Мы видѣли выше, что форма эта, характеризуясь раздѣленіемъ властей, потому самому не можетъ быть ни высшимъ родомъ, ни параллельною группою, ни видомъ формъ Аристотеля, предполагающихъ нераздѣльный верховный органъ [3]). У Канта встрѣчаемъ *двоякій* намекъ на ея положеніе. Утверждая, что для республиканскаго правленія безразлична форма господства, лишь бы существовало представительство, онъ допускаетъ предположеніе, что смѣшанное устройство можетъ быть *родовою* группою, включающею въ себя древнее дѣленіе. Но, съ другой стороны, противополагая республики, какъ смѣшанныя формы, деспотіямъ, онъ даетъ поводъ думать, что первыя составляютъ группу, *параллельную* дру-

---

[1]) *Kant.* Sämmtliche Werke; VII-er Thl., I-te Abth., S. 246, 244.

[2]) *Ibid.*; S. 245.

[3]) См. выше, гл. IX, с. 232—233.

гой, образуемой совокупностью формъ Аристотеля. Оба намека остаются не выясненными, хотя первый изъ нихъ выраженъ съ бо́льшею отчетливостью. Въ этомъ отношеніи Кантъ напоминаетъ защитниковъ смѣшанной формы, слабая сторона которыхъ заключается въ неопредѣленной логической постановкѣ вопроса, что̀ составляетъ также *главный* недостатокъ разсматриваемой классификаціи. Но Кантъ имѣетъ передъ ними большое преимущество. Онъ указываетъ новое основаніе дѣленія, которое при правильномъ истолкованіи *устраняетъ* указанный недостатокъ: смутное понятіе о смѣшеніи государственныхъ элементовъ замѣняется здѣсь отчетливою идею распредѣленія власти по функціямъ, составляющаго отличительный признакъ республикъ, по мысли германскаго философа.

Другіе *второстепенные* недостатки классификаціи Канта вытекаютъ изъ точки зрѣнія *долженствующаго*, на которой онъ стоитъ. Идеальное государство, служащее предвзятой мѣркой, представляется ему подъ видомъ конституціоннаго порядка, который, отвѣчая доктринѣ народнаго верховенства, считается единственно правомѣрнымъ. Поэтому, всѣ другія формы устройства, въ которыхъ власть не раздѣлена, огульно причисляются къ деспотическимъ правленіямъ. Кантъ самъ чувствуетъ грубость такого пріема и спѣшитъ оговориться, что монархіи и аристократіи могутъ по духу приближаться къ республиканскимъ учрежденіямъ. За-то къ непосредственнымъ демократіямъ философъ остается неумолимъ: онъ относитъ ихъ къ разряду неисправимыхъ деспотій. Наконецъ, тою же предвзятою точкою зрѣнія объясняется и самая терминологія Канта, которую нельзя назвать удачной.

Новая классификація государствъ, намѣченная бѣглыми чертами, вскорѣ обратила на себя вниманіе Х э р е н а, который далъ ей систематическую обработку въ прекрасномъ для своего времени изслѣдованіи политики, сношеній и торговли древняго міра. [1]) Онъ встрѣтился съ вопросомъ также совершенно случайно. Поводомъ послужило желаніе точнѣе опредѣлить деспотіи востока,

---

[1]) *A. Heeren.* Ideen über die Politik, den Verkher und den Handel der vornehmsten Völker der alten Welt; 2-te Aufl., 1805; S. 978 sq.; vgl. S. 430 sq.

что онъ находилъ невозможнымъ безъ опредѣленія характера другихъ правленій.

Въ отличіе отъ Канта, Хэренъ уже открыто недоволенъ дѣленіемъ Аристотеля, которое, по его мнѣнію, устанавливаетъ только формы правительства, опираясь на случайный признакъ числа представителей власти. Правильное дѣленіе должно найти другое болѣе глубокое основаніе, характеризующее *формы правленія*. Такое основаніе нужно искать въ *отношеніи правительства къ населенію*, составляющемъ коренной признакъ всякаго политическаго строя. «Различіе этого отношенія одно даетъ принципъ, по которому должны быть классифицируемы государственныя формы». Число же правителей можетъ служить при этомъ для дальнѣйшаго подраздѣленія основныхъ группъ. [1])

Повсюду правительство руководитъ государственными дѣлами и вѣдаетъ ихъ во имя народа. Не становясь въ противорѣчіе съ самимъ собою, оно не можетъ преслѣдовать ничего иного, кромѣ общаго блага, которое мыслится, какъ общая воля. Поэтому, правительство повсюду является *исполнителемъ* этой воли, или, другими словами, ему всегда принадлежитъ *исполнительная* власть. Отъ этой послѣдней нужно отличать, какъ выраженіе общей воли, власть *законодательную*, которая можетъ принадлежать или одному правительству, или ему и народу вмѣстѣ. Отюда возникаютъ двѣ группы правленій, рѣзко отличныхъ другъ отъ друга по взаимнымъ отношеніямъ правителей и подвластнаго населенія. Одну группу образуютъ тѣ государства, гдѣ правительство является не только исполнителемъ, но и единственнымъ выразителемъ общей воли,—гдѣ оно, будучи самодержавно, исключаетъ всякое активное участіе народа въ законодательствѣ. Это—*автократическія* формы правленія. Другую группу составляютъ тѣ государства, въ которыхъ населеніе такъ или иначе участвуетъ въ законодательной работѣ. Въ отличіе отъ первыхъ, эти формы правленія называются *республиканскими*. [2])

---

[1]) *Heeren.* Ideen über die Politik, etc.: S. 480—481, 979. *Его же.* Kleine historische Schriften, 1805; II-er Thl., S. 206—207 (Ueber die Entstehung, die Ausbildung und den praktischen Einflusz der politischen Theorien in dem neueren Europa).

[2]) *Ibid.*; S. 979—980, 481—482.

Однако, установленіемъ автократическихъ и республиканскихъ формъ нельзя довольствоваться при классификаціи государствъ. Это дѣленіе не даетъ указаній, куда отнести *деспотіи*, которыя, очевидно, трудно причислить къ автократіямъ, какъ трудно поставить рядомъ правительства Даніи и Марокко. Затрудненіе, впрочемъ, устраняется тотчасъ, если ближе разсмотрѣть *отношенія автократа и деспота къ населенію*. Первый, какъ мы видѣли, служитъ выразителемъ и исполнителемъ *общей* воли, которая касается только государственныхъ дѣлъ, а никакъ не частныхъ. Поэтому, члены общежитія, не принимая активнаго участія въ политической жизни, тѣмъ не менѣе располагаютъ своею волею въ личныхъ дѣлахъ. Наоборотъ, второй не только присвоиваетъ себѣ всѣ прерогативы верховной власти, но и вторгается въ *частную* волю лица, котораго считаетъ своею собственностью. Правда, при всякой формѣ правленія государственныя цѣли (самосохраненіе) требуютъ подобнаго же вторженія до извѣстной мѣры: безъ этого не можетъ существовать никакой политическій союзъ. Но такое вторженіе должно служить выраженіемъ общей воли, чтобы не переходить въ деспотизмъ. Не деспотизмъ—набирать солдатъ, но деспотизмъ—набирать ихъ безъ нужды и слишкомъ много. «Если спросятъ,—прибавляетъ Хэренъ,—какъ провести здѣсь раздѣляющую черту,—я отвѣчу: *совѣсть правительства* должна проводить ее, какъ и во многихъ другихъ случаяхъ. Оно должно убѣдиться, что каждымъ деспотическимъ актомъ противодѣйствуетъ своимъ собственнымъ цѣлямъ, а потому должно избѣгать подобныхъ актовъ». [1])

Такимъ образомъ, по *различному отношенію правительства къ населенію* государства дѣлятся на *три основныя группы*, отмѣченныя слѣдующими чертами.

а) Деспотическія правленія характеризуются такимъ отношеніемъ правительства и народа, при которомъ правитель не только выражаетъ и исполняетъ общую волю, но и господствуетъ по своему усмотрѣнію надъ частною волею отдѣльныхъ лицъ. Не признавая за подчиненными никакой личной свободы, онъ видитъ въ нихъ свою собственность, которой произвольно

[1]) *Heeren.* Ideen über die Politik, etc.; S. 931; vgl. S. 481.

распоряжается. По отношенію къ деспоту члены общежитія являются рабами, не имѣющими никакихъ гражданскихъ или даже просто человѣческихъ правъ. Само собою разумѣется, что здѣсь возможны нѣкоторыя модификаціи. Нѣтъ надобности, чтобы все населеніе находилось въ одинаковыхъ отношеніяхъ къ правителю. Могутъ быть привилегированные классы, представители которыхъ пользуются личною свободою. Въ этомъ случаѣ правленіе будетъ деспотическимъ лишь въ той мѣрѣ, въ какой оно вторгается въ сферу личной свободы остальнаго населенія. [1])

б) Автократическія правленія отличаются такимъ отношеніемъ правителя къ народу, въ которомъ первый служитъ выразителемъ и исполнителемъ общей воли, не ограничивая, однако, частной воли отдѣльныхъ лицъ. Члены общежитія пользуются личною свободою и гражданскими правами, но не имѣютъ правъ политическихъ, т.-е. не участвуютъ въ выраженіи общей воли. По отношенію къ правителю они являются въ положеніи подданныхъ. [2])

в) Республиканскія правленія выражаются въ такомъ взаимномъ отношеніи правительства и народа, при которомъ правитель служитъ исполнителемъ общей воли, но не выразителемъ ея,—по крайней мѣрѣ, не единственнымъ выразителемъ, какъ бы велико ни было его участіе въ ней. Ограждая личную свободу, государство обезпечиваетъ за населеніемъ не только гражданскія, но и политическія права, поскольку призываетъ его къ участію въ законодательныхъ работахъ. Для выраженія этого участія всегда существуетъ особый органъ, устройство котораго можетъ быть различно. Правленіе называется демократическимъ, если весь народъ или бо́льшая часть населенія входитъ въ составъ этого органа; ему присвоиваютъ имя представительнаго, если органъ составляется изъ представителей народа; наконецъ, оно носитъ названіе сословнаго, если органъ образуютъ члены привиллегированныхъ сословій или ихъ уполно-

---

[1]) *Heeren.* Ideen über die Politik, etc.; S. 982.
[2]) *Ibid.;* S. 982—983.

моченные. При всякомъ устройствѣ законодательнаго органа отдѣльныя лица занимаютъ, однако, положеніе гражданъ. [1])

Изъ предыдущаго слѣдуетъ само собою, въ какомъ отношеніи къ описаннымъ основнымъ группамъ стоитъ дѣленіе государствъ по числу правителей на монархіи, аристократіи и демократіи. Будучи *формами правительства*, эти вторыя группы относятся къ тѣмъ первымъ, составляющимъ *формы правленія*, какъ виды къ своимъ родамъ. По крайней мѣрѣ, это вѣрно относительно *монархіи* и *аристократіи*. Что деспотическое правленіе имѣетъ монархическое правительство,—это самый обыкновенный случай; но оно можетъ быть аристократическимъ, какъ скоро нѣсколько вельможъ становятся во главѣ власти. Точно также автократіямъ всего болѣе отвѣчаетъ монархическое устройство, хотя онѣ легко принимаютъ и аристократическія формы (Венеціанская республика). Что касается республиканскаго правленія, то въ немъ одинаково возможны и монархія, и аристократія, какъ показываютъ примѣры Англіи и европейскихъ республикъ. Остается вопросъ объ отношеніи *демократіи* къ основнымъ формамъ. Рѣшеніе его не представитъ затрудненій, если мы обратимъ вниманіе на *двусмысліе*, которое соединяется съ этимъ словомъ. Если подъ демократіею разумѣть такой государственный строй, въ которомъ *законодательная* власть принадлежитъ народному собранію, то названіе, очевидно, означаетъ не форму правительства, а форму правленія. Если же подъ демократіею понимать такое устройство, въ которомъ народъ держитъ *исполнительную* власть въ своихъ рукахъ, то такого государства никогда не было, да и быть не можетъ: для веденія государственныхъ дѣлъ народъ-законодатель всегда нуждается въ услугахъ отдѣльныхъ лицъ, хотя бы послѣдніе играли при этомъ только роль коммиссіонеровъ. [2])

Какъ видитъ читатель, Хэренъ, воспользовавшись мыслью Канта, пробуетъ *избѣжать* его недостатковъ и въ эту сторону направляетъ свои усилія. Неопредѣленное отношеніе древняго дѣленія къ новому принимаетъ у него отчетливый видъ подчи-

---

[1]) *Heeren.* Ideen über die Politik, etc.; S. 983.

[2]) *Ibid.*; S. 984.—*Его-же.* Kleine historische Schriften; II-ter Thl, S. 234 (Ueber die Entstehung, etc.).

ненія перваго второму; автократіи обособляются отъ деспотій, къ которымъ причислялись формы Аристотеля; демократіи находятъ болѣе вѣрное опредѣленіе; самая терминологія становится точнѣе и лучше. Но не въ этихъ поправкахъ заключается заслуга Хэрена; напротивъ, производя ихъ, онъ надѣлалъ другихъ еще болѣе важныхъ промаховъ, чѣмъ тѣ, какіе находимъ у Канта. Заслуга Хэрена состоитъ въ томъ, что онъ *обнаружилъ* связь новаго основанія классификаціи съ другими сопутствующими признаками *полнье* и *обстоятельнье*, чѣмъ то было раньше. Онъ умѣло и мѣтко указалъ, что сзади раздѣленія властей помѣщаются другіе многочисленные и важные признаки, которые опредѣляютъ отношеніе правительства къ населенію. Это указаніе придало его классамъ значеніе *естественныхъ* группъ, изобилующихъ общими чертами; но оно же ввело его и во многія заблужденія.

Въ цѣломъ замѣчательная попытка Хэрена является *жертвою* логическихъ ошибокъ. Въ этомъ отношеніи она представляетъ любопытный примѣръ безплодности талантливыхъ усилій, избравшихъ, къ тому же, совершенно вѣрное общее направленіе. Попробуемъ доказать этотъ жесткій приговоръ.

Прежде всего поставимъ вопросъ, который, можетъ быть, удивитъ читателя: сколько *родовыхъ группъ* предлагаетъ Хэренъ? Независимо отъ другихъ основаній, мы имѣемъ право поставить этотъ вопросъ уже потому одному, что писатели, излагающіе разсматриваемую классификацію, рѣшаютъ его различно: Велькеръ, Роттекъ и Эшеръ находятъ у Хэрена *три* родовыя группы, тогда какъ Вайтцъ—только *двѣ*. [1]) И оба мнѣнія имѣютъ свои оправданія.

Нашъ вопросъ касается самаго *больнаго* мѣста предлагаемой классификаціи,—той стороны ея, которая даетъ возможность для неотразимыхъ нападеній. Что *самъ* Хэренъ признаетъ *три* родовыхъ группы,—это съ очевидностью вытекаетъ изъ нашего изложенія, близкаго къ его тексту. Другія мѣста того же сочиненія и

---

[1]) *Welcker.* Die letzte Gründe von Recht, Staat und Strafe; S. 11.—*Rotteck.* Lehrbuch des Vernunftrechts; II-er Bd., S. 179.—*Escher.* Handbuch der praktischen Politik; II-er Bd., S. 17.—*Waitz.* Grundzüge der Politik; S. 121.

другія сочиніе того же автора не оставляютъ на этотъ счетъ никакого сомнѣнія. [1]) Но для установленія трехъ родовыхъ группъ Хэренъ беретъ *два* различныхъ основанія дѣленія, которыя служатъ источникомъ *двухъ* различныхъ классификацій. Каждая изъ нихъ устанавливаетъ по двѣ группы, которыя потомъ сливаются въ *одно общее размѣщеніе* при помощи *третьяго* сложнаго понятія. Вотъ какъ происходитъ это интересное превращеніе, ускользающее, повидимому, отъ вниманія самого автора.

Хэренъ настойчиво указываетъ на то, что правильная классификація должна покоиться на отношеніи правительства къ народу. Въ этомъ онъ остается послѣдовательнымъ отъ начала и до конца; въ этомъ же онъ находитъ, какъ увидимъ, средство, помогающее ему соединить два различныхъ дѣленія. Но Хэренъ не замѣчаетъ, что отношеніе правительства къ народу не есть *отдѣльный* признакъ, хотя-бы и сложный, а цѣлая совокупность параллельныхъ признаковъ, объединяемыхъ *сложнымъ понятіемъ*. Въ него могутъ входить и входятъ признаки, ничѣмъ не связанные непосредственно, отдѣльные и независимые другъ отъ друга, которые *только въ мысли* подводятся подъ одну общую категорію. Ясно, что сложное понятіе въ *цѣломъ* неспособно служить основаніемъ какого-бы то ни было *одного* дѣленія, ибо это требовало бы, чтобы всѣ наполняющіе его признаки проводили одинаковыя линіи по размѣщаемому матеріалу. Но оно содержитъ въ себѣ возможность *многихъ* самостоятельныхъ дѣленій, основанныхъ на этихъ признакахъ и не совпадающихъ между собою. Хэренъ пользуется именно такою возможностью, организуя свои группы.

Въ сложномъ понятіи отношенія правительства къ населенію онъ избираетъ *два различныхъ признака*, которыми располагаетъ по усмотрѣнію при построеніи группъ. Такъ, различая республики отъ автократій, онъ видитъ отношеніе правительства къ населенію въ *способѣ распредѣленія* исполнительной и законодательной функцій; но то же отношеніе онъ усматриваетъ позднѣе, при разграниченіи автократій и деспотій, въ *мѣрѣ пользованія властью*,—въ подчиненіи требованіямъ, предписываемымъ общею волею. Въ пер-

[1]) Ideen über die Politik, etc.; S. 481—482.—Historische Werke, 1821; VII-er Thl, S. 26 (Handbuch der Geschichte der Staaten des Alterthums).

вомъ случаѣ основаніемъ установленія группъ служитъ *теорія раздѣленія властей*, во второмъ—*различіе цѣлей*, преслѣдуемыхъ правительствомъ. Къ этой двойственности приводитъ Хэрена желаніе поправить Канта, удерживая основаніе его классификаціи и въ тоже время образуя изъ деспотій особую группу. Ясно, что обособленіе этихъ послѣднихъ не можетъ покоиться на раздѣленіи властей, точно также какъ обособленіе республикъ—на различіи цѣлей. Но, съ другой стороны, ясно также, что оба признака даютъ два совершенно *самостоятельныхъ* размѣщенія, не имѣющихъ ничего общаго между собою: двѣ группы одного дѣленія никакъ не параллельны двумъ группамъ другаго. Въ лучшемъ случаѣ, дѣленіе по цѣлямъ могло-бы образовать виды автократій, которыя, вмѣстѣ съ республиками, служили бы родовыми группами классификаціи, основанной на признакѣ Канта. Но Хэренъ поступаетъ иначе: изъ двухъ парныхъ дѣленій онъ образуетъ одно общее размѣщеніе, съ тремя параллельными группами. Разумѣется, эта невозможная задача рѣшается при помощи замаскированныхъ ошибокъ.

Одна ошибка заключается въ томъ, что Хэренъ употребляетъ *двоякій* пріемъ, не замѣчая этого. Образуя парныя дѣленія, онъ обращается къ *различнымъ признакамъ*; когда же разсматриваетъ установленныя группы въ совокупности, онъ игнорируетъ различіе этихъ признаковъ, обращаясь къ *сложному понятію*, въ которое они входятъ составными частями. Раздѣленіе властей и различіе цѣлей берутся имъ то какъ особые признаки, то какъ выраженія понятія отношенія правительства къ населенію. Ошибочно почитая это послѣднее за отдѣльный признакъ и подставляя на его мѣсто два дѣйствительныхъ признака, онъ *складываетъ* свои группы въ общую классификацію, которой приписываетъ одно *общее основаніе* дѣленія—*отношеніе власти къ народу*.

Но какимъ образомъ въ результатѣ сложенія двухъ парныхъ дѣленій получаются только *три*, а не четыре группы?—Недочетъ объясняется другою ошибкою, прикрытою на этотъ разъ уже не понятіемъ, а просто *однимъ и тѣмъ же словомъ*, употребляемымъ въ *двухъ* различныхъ значеніяхъ. Обособляя государства по раздѣленію властей, Хэренъ противополагаетъ республики *автократіямъ*, къ которымъ принадлежатъ, съ этой точки зрѣнія, и *деспотіи*; различая политическіе союзы по цѣлямъ, онъ устанавли-

ваетъ деспотіи и опять *автократіи*, къ которымъ теперь относятся уже *республики*. Такимъ образомъ, въ обоихъ случаяхъ образуется группа, за которой онъ удерживаетъ одно и то же названіе. Не обращая вниманія на то, что обособляющія линіи тамъ и здѣсь проходятъ по различнымъ частямъ размѣщаемаго матеріала,—что автократіи перваго дѣленія, скрывая за собою деспотіи, не совпадаютъ съ автократіями втораго, обнимающими республики, Хэренъ *отожествляетъ* ихъ, вводимый въ заблужденіе общимъ названіемъ, при чемъ, разумѣется, получаетъ три, а не четыре группы.

Такимъ образомъ, въ цѣломъ предлагаемая классификація страдаетъ непоправимымъ недостаткомъ. Она нарушаетъ основное правило всякаго дѣленія, вытекающее изъ свойствъ нашего разума: въ ней нѣтъ соотвѣтствія обособляющихъ признаковъ [1]). Поэтому, внутренно она *разламывается* на двѣ самостоятельныхъ половины, связанныя внѣшнимъ и, при томъ, ошибочнымъ способомъ.

Хэренъ какъ-будто самъ сознастъ этотъ недостатокъ. Въ другомъ мѣстѣ сочиненія онъ предлагаетъ *третье основаніе* дѣленія, чтобы спасти свои группы, сохранивъ за всѣми ними параллельное положеніе. Съ этою цѣлью государства различаются по тому, являются ли члены общежитія *рабами*, неимѣющими *никакихъ* правъ (деспотіи), *подданными*, пользующимися *гражданскими* правами (автократіи), или *гражданами*, надѣленными какъ *гражданскими*, такъ и *политическими* правами (республики) [2]). Это новое основаніе дѣленія по *различію правъ*, съ которымъ мы уже встрѣтились выше, въ заимствованіи Блюнчли, создаетъ самостоятельныя группы. Оно берется также изъ состава сложнаго понятія отношенія правительства къ населенію, что̀ опять даетъ Хэрену возможность связать свое новое дѣленіе съ двумя первыми. Не нарушая требованія соотвѣтствія, это дѣленіе отвѣчаетъ, дѣйствительно, группамъ, устанавливаемымъ авторомъ. Можетъ быть, поэтому, писатели, излагающіе его классификацію, указываютъ обыкновенно на различіе правъ, какъ признакъ, по-

---

[1]) См. выше, гл. V, с. 129 sq.

[2]) *Heeren.* Ideen über die Politik, etc.; S. 481—482.

ложенный въ ея основаніе. Но самъ Хэренъ, касаясь этого признака мимоходомъ, отдаетъ безспорное преимущество двумъ первымъ: на нихъ онъ сосредоточиваетъ свое вниманіе, когда занимается спеціально вопросомъ о размѣщеніи государствъ.

Не совпадая между собою, три различныя дѣленія не могутъ, конечно, составить одной общей классификаціи. Но каждое изъ нихъ, будучи самостоятельнымъ, представляетъ собою *особое размѣщеніе*. Поэтому, намъ нужно взглянуть на нихъ съ этой точки зрѣнія, чтобы обсудить, нѣтъ ли здѣсь признаковъ, способныхъ стать основаніемъ правильной классификаціи.

Первое дѣленіе, устанавливающее республики и автократіи по различному распредѣленію функцій верховной власти, есть простое повтореніе дѣленія Канта. Отступленіе заключается только въ томъ, что деспотіи послѣдняго называются здѣсь автократіями, что, конечно, удачнѣе.

Второе дѣленіе, обособляющее автократіи отъ деспотій по различію цѣлей, отличается неопредѣленностью. Оно напоминаетъ дѣленіе Аристотеля на правильныя и извращенныя формы, но уступаетъ ему въ ясности и отчетливости. Причина этого состоитъ въ томъ, что нѣмецкій ученый вноситъ въ различіе по цѣлямъ *субъективный* моментъ, котораго нѣтъ у греческаго философа. Граница между законнымъ и деспотическимъ стѣсненіемъ личной свободы проводится, по его мнѣнію, совѣстью правителей, которые въ автократіяхъ преслѣдуютъ общее благо, а въ деспотіяхъ—личные интересы. Но, во-первыхъ, какъ проникнуть въ совѣсть правителя, чтобы судить, къ какой категоріи относится та или другая стѣснительная мѣра; во-вторыхъ, добросовѣстное служеніе общему благу, понимаемому ложно, можетъ повести къ бо́льшимъ стѣсненіямъ, нежели преслѣдованіе личныхъ интересовъ. Вспомнимъ, напр., государство Платона. Неужели и это не деспотизмъ? Вотъ почему Аристотель поступилъ основательно, устранивъ субъективный моментъ и положивъ центръ тяжести не въ мотивы правительства, а въ его дѣйствія, дозволяющія объективное измѣреніе съ точки зрѣнія общаго блага.

Третье дѣленіе государствъ по различію правъ населенія предлагается, какъ замѣчено, мимоходомъ, и не безъ основанія. Спасая тройственную классификацію автора, новый признакъ носитъ

производный характеръ и потому имѣетъ цѣну только какъ указаніе важности двухъ первыхъ, скрывающихъ его за собою. Пользуется ли населеніе гражданскими и политическими правами, или только одними первыми,—это выражается, главнымъ образомъ, въ томъ, раздѣлена или нѣтъ верховная власть. Кантовскій признакъ содержитъ въ себѣ указаніе Хэрена и въ цѣляхъ дѣленія не нуждается въ его помощи, являясь признакомъ и болѣе глубокимъ, и болѣе наглядным и опредѣленнымъ. Что касается того, имѣетъ ли населеніе гражданскія права, или оно находится въ безправномъ состояніи, то самъ авторъ сводитъ это различіе къ мѣрѣ пользованія властью, опредѣляемой цѣлями правительства. Вновь, слѣдовательно, мы имѣемъ здѣсь дѣло съ признакомъ производнымъ, который, въ лучшемъ случаѣ, можетъ служить лишь показателемъ условливающей его причины. Такимъ образомъ, три различныя положенія человѣка въ государствѣ,—рабство, подданство и гражданство,—предполагаютъ другія болѣе важныя различія, которыя, поэтому, и должны служить основами дѣленій.

Намъ остается сказать нѣсколько словъ объ *отношеніи* формъ Аристотеля къ группамъ новой классификаціи. Уже у Канта замѣчалась нѣкоторая наклонность *подчинить* первыя вторымъ. Это стремленіе, подсказываемое доктриною народнаго верховенства, приводитъ Хэрена совершенно послѣдовательно къ открытому *низведенію* древнихъ формъ, въ качествѣ видовъ правительства, до второстепеннаго положенія *подраздѣленій* основныхъ группъ. Но такое низведеніе, ложное само по себѣ, не обходится автору даромъ. Оно вынуждаетъ его *приписывать* явленіямъ свойства, которыхъ они *не имѣютъ*, и *отказывать* въ признакахъ, которые составляютъ ихъ *отличія*. Въ самомъ дѣлѣ, если формы Аристотеля можно, пожалуй, въ извѣстномъ смыслѣ называть видами республиканскаго правительства, то какимъ образомъ сохранить за ними то же значеніе въ автократіяхъ и деспотіяхъ, гдѣ исполнительная и законодательная функціи находятся въ рукахъ правителей? Очевидно, это возможно только въ предположеніи, что и здѣсь верховная власть, если не принадлежитъ народу, то должна *почитаться принадлежащею* ему. Мѣсто дѣйствительности заступаетъ фикція, далекая явленій исторіи.—Но низведеніе древнихъ формъ до положенія видовыхъ подраздѣленій вызываетъ, сверхъ

того, *затрудненія*, заставляющія отказаться отъ *послѣдовательнаго* проведенія мысли. Выше мы уже ознакомились съ этими затрудненіями, разсматривая поправку Блюнчли относительно измѣненія основанія Аристотелевой классификаціи [1]). Стремленіе видѣть въ древнихъ группахъ только виды правительства разбивается о демократіи, въ пользу которыхъ приходится дѣлать *обязательное* исключеніе. Такъ и поступаетъ Хэренъ: въ отличіе отъ монархій и аристократій, онъ усматриваетъ въ нихъ не виды правительства, а формы правленія. Ничѣмъ инымъ онѣ и быть не могутъ, съ точки зрѣнія народнаго верховенства, которая обязываетъ автора однѣ группы греческой классификаціи ставить въ положеніе видовъ, другія—оставлять въ положеніи родовъ.—Наконецъ, вопросъ объ отношеніи *смѣшанной формы* къ древнему дѣленію, не рѣшенный Кантомъ, но самый существенный для размѣщенія, покоящагося на теоріи Монтескьё, *запутывается* Хэреномъ окончательно: подъ именемъ республикъ форма эта является у него параллельною автократіямъ и деспотіямъ, включая въ себя, наравнѣ съ ними, группы Аристотеля.

Послѣдовательное примѣненіе ученія о раздѣленіи властей къ классификаціи государствъ находитъ въ Б е р ѣ послѣдняго сторонника [2]). Подобно большинству соотечественниковъ, Беръ ищетъ идеальнаго политическаго устройства и съ этою цѣлью дѣлитъ *существующія* и *возможныя* формы на группы, чтобы потомъ, для рѣшенія своей задачи, каждую изъ нихъ подвергнуть спеціальной оцѣнкѣ.

Лучшимъ политическимъ устройствомъ Беръ считаетъ такое, которое вѣрнѣе другихъ ведетъ къ осуществленію государственной *цѣли*; а, въ качествѣ послѣдователя Канта, онъ видитъ истинную цѣль государства въ водвореніи и обезпеченіи *юридическаго* порядка (Geltenmachung und Sicherung des Rechts). [3]) Если такова истинная цѣль общежитія, то для ея осуществленія требуется: во 1-хъ, *законодательство*, предполагающее дѣятельность, ко-

[1]) См. выше, гл. IX, с. 219.

[2]) W. *Behr*. System der angewandten allgemeinen Staatslehre oder der Staatskunst, 1810.

[3]) *Ibid.*; I-te Abth., Vorrede, S. IV sq.; S. 82, 101.

торою устанавливаются юридическія нормы, т.-е. то, что̀ подлежитъ осуществленію, и, во 2-хъ, *исполненіе закона*, предполагающее дѣятельность, направленную на примѣненіе этихъ нормъ. Оба вида законодательной и исполнительной дѣятельности служатъ, такимъ образомъ, основными средствами для достиженія государственной цѣли. Полномочія дѣйствовать въ томъ и другомъ направленіи, т.-е. избирать средства и примѣнять ихъ къ жизни для водворенія и огражденія юридическаго порядка, образуютъ собою *верховную власть*, субъектъ которой является главою государства или его сувереномъ. Способъ организаціи этой власти опредѣляетъ *политическое устройство*, ибо ею не только обусловливается появленіе и существованіе общежитія, но ею-же вызывается, направляется и поддерживается его дѣятельность. [1])

Первоначальнымъ субъектомъ верховной власти не можетъ быть никакое отдѣльное лицо, такъ какъ эта власть не есть ни даръ Бога, ни даръ природы. Она должна принадлежать всѣмъ лицамъ, вступающимъ въ союзъ для обезпеченія своихъ правъ. Одни они, желая этой цѣли, могутъ выбирать средства и примѣнять ихъ для ея достиженія. Поэтому, только *населеніе*, образующее государство, во всей своей совокупности составляетъ, безспорно, единственный *первоначальный субъектъ* верховной власти. Но отсюда еще никакъ не слѣдуетъ, чтобы само населеніе непосредственно завѣдывало общими дѣлами. Напротивъ, непосредственное участіе всѣхъ членовъ общежитія въ отправленіяхъ верховной власти встрѣчаетъ почти неодолимыя препятствія для надлежащаго выполненія ея задачъ: вліяніе частныхъ интересовъ и страстей, различіе мнѣній и недостатокъ прозорливости, въ связи съ медленнымъ веденіемъ общихъ дѣлъ и разстройствомъ частныхъ, лишаютъ эту форму выраженія власти естественныхъ условій, необходимыхъ для успѣшнаго достиженія государственной цѣли; чѣмъ, между прочимъ, объясняются важнѣйшіе недостатки такъ называемой чистой демократіи. Поэтому, *передача* верховной власти *особымъ органомъ* является совершенно естественнымъ и необходимымъ результатомъ положенія. Въ свою очередь, *различное строеніе* этихъ органовъ имѣетъ слѣдствіемъ *различныя формы* государственнаго

[1]) *Behr.* System der angewandten Staatslehre; I-te Abth., S. 101—102; vgl. S. 93, 115.

устройства, въ бо̀льшей или меньшей мѣрѣ удовлетворяющія своему назначенію. [1])

Главное различіе заключается въ организаціи *законодательства* и *исполненія*, какъ основныхъ вѣтвей дѣятельности верховной власти. Здѣсь возможны только *два* случая: или населеніе передаетъ принадлежащую ему верховную власть во всей полнотѣ *одному лицу*, физическому или юридическому, или оно поручаетъ законодательную и исполнительную дѣятельность *двумъ различнымъ лицамъ*, также физическимъ или юридическимъ, которыя вмѣстѣ образуютъ верховную власть. Отсюда возникаютъ *двѣ основныя формы* существующихъ и возможныхъ государствъ,—*монархіи* и *діархіи*,—подъ которыя подводятся всѣ многочисленныя ихъ разновидности. Каждое государство, каково бы ни было его устройство, непремѣнно или монархія, или діархія, смотря потому, сосредоточена ли власть въ одномъ субъектѣ, или вручена двумъ; ничѣмъ третьимъ оно быть не можетъ, ибо никакого третьяго распредѣленія власти не существуетъ. Конечно, можетъ быть различный составъ этихъ субъектовъ; но это различіе дальнѣйшее и второстепенное. [2])

а) Монархіи образуютъ ту группу государствъ, въ которыхъ верховная власть *нераздѣльно* ввѣряется одному субъекту, дѣйствующему во имя народа и по его порученію, молчаливому или открытому. Такимъ субъектомъ можетъ быть или *лицо физическое*, правитель, или *лицо юридическое*, составленное изъ нѣсколькихъ или многихъ отдѣльныхъ лицъ. Различный составъ субъекта дѣлитъ монархіи на *два вида*: къ первому принадлежатъ государства, во главѣ которыхъ стоитъ *единоличный* правитель, ко второму—государства, въ которыхъ *коллегія*, какъ цѣлое, располагаетъ верховной властью. Къ этому второму виду относятся, между прочимъ, аристократіи; сюда-же должны быть причислены и представительныя демократіи, если онѣ передаютъ власть въ цѣломъ одному органу, составленному изъ выборныхъ представителей народа. Избраніе, какъ открытое перенесеніе власти на избираемыхъ, не составляетъ существеннаго отличія, ибо тоже пе-

---

[1]) *Behr.* System der angewandten Staatslehre; I-te Abth., S. 109—112.

[2]) *Ibid.;* S. 114—116.

ренесеніе существуетъ и во всѣхъ другихъ видахъ монархіи, но выражается подъ формою молчаливаго согласія населенія. И тамъ, и здѣсь представители власти являются только первыми и высшими чиновниками государства, дѣйствующими по уполномочію; но и тамъ, и здѣсь одинаково удерживается отличительный признакъ всякой монархіи,—нераздѣльность власти. [1])

б) Діархіи представляютъ тѣ государства, въ которыхъ основныя вѣтви дѣятельности верховной власти находятъ *раздѣльное* выраженіе въ самостоятельныхъ органахъ: законодательство и исполненіе поручаются населеніемъ *двумъ различнымъ субъектамъ*. Какъ и въ монархіяхъ, эти субъекты могутъ быть *физическими лицами* или *юридическими* сложнаго состава. Обыкновенно законодательная власть имѣетъ коллегіальное устройство, а исполнительная—единоличное. Но какова бы ни была организація этихъ властей, раздѣльное ихъ существованіе служитъ отличительнымъ признакомъ діархій. Поэтому, между прочимъ, представительныя демократіи тотчасъ же изъ монархическихъ обращаются въ діархическія, какъ скоро отдѣляютъ законодательство отъ исполненія и поручаютъ ихъ различнымъ органамъ [2]).—Беръ находитъ діархіи формами, наиболѣе отвѣчающими успѣшному осуществленію государственной цѣли, и обсуждаетъ подробности ихъ устройства, чтобы начертать образъ наилучшаго государства. Намъ, разумѣется, незачѣмъ слѣдовать за нимъ въ эту сторону.

Претендуя на пріоритетъ, Беръ считаетъ своимъ изобрѣтеніемъ мысль о примѣненіи теоріи раздѣленія властей къ размѣщенію государствъ [3]). Со стороны писателя, во многомъ слѣдующаго взглядамъ Канта, эта претензія кажется нѣсколько странною. Она можетъ быть объяснена развѣ тѣмъ, что ему не были извѣстны ни проектъ «вѣчнаго мира» философа, ни историческіе труды Хэрена. Въ дѣйствительности классификація Бера есть простая *копія* Кантовскаго дѣленія, отъ котораго она отличается, главнымъ образомъ, названіями группъ, ничѣмъ не лучшими прежнихъ. Въ этой близости къ Канту заключается, между прочимъ,

---

[1]) *Behr.* System der angewandten Staatslehre; I-te Abth., S. 117, 120—121 (§§ 156, 158), 149—151.

[2]) *Ibid.*; S. 118, 152, 160, 170.

[3]) *Ibid.*; Vorrede, S. XXI.

преимущество Бера по сравненію съ Хэреномъ: подобно первому, онъ устанавливаетъ только двѣ основныхъ группы, строго держась разъ избраннаго основанія обособленія. Въ другихъ отношеніяхъ онъ дѣлитъ недостатки своихъ предшественниковъ и даже усиливаетъ ихъ.

Предвзятые взгляды, которыми грѣшатъ Кантъ и Хэренъ, еще *сильнѣе* обнаруживаются у Бера. Уже въ самой постановкѣ вопроса присутствуетъ эта черта: классификація создается для опредѣленія *наилучшаго* политическаго устройства, что̀ заставляетъ автора размѣщать историческія государства на ряду съ *мыслимыми*.—Та же черта съ особенной яркостью выражается въ толкованіи идеи народнаго верховенства. Беръ не видитъ никакого различія государствъ въ томъ, кому принадлежитъ суверенитетъ. По его мнѣнію, онъ повсюду составляетъ неотъемлемое достояніе народа: президентъ республики и наслѣдственный монархъ оба въ равной мѣрѣ являются должностными лицами, облеченными довѣріемъ населенія. Съ этой стороны уже нельзя отличать деспотій или автократій отъ республикъ, какъ дѣлаютъ Кантъ и Хэренъ. Единственныя различія государствъ заключаются въ устройствѣ правительства. Очевидно, точка зрѣнія долженствующаго *заслонять* здѣсь совершенно явленія жизни и *фикція* достигаетъ своего *крайняго* выраженія.—Точно также предвзятый взглядъ вносится и въ различія государствъ по устройству правительства. Авторъ думаетъ, что двѣ главныхъ вѣтви верховной власти могутъ быть раздѣлены только между *двумя органами*, а не тремя, напр., какъ это чаще всего бываетъ въ дѣйствительности.

Отношеніе новой классификаціи къ древней Беръ оставляетъ въ томъ же *неопредѣленномъ* положеніи, какое мы нашли у Канта. Онъ признаетъ количественный составъ власти признакомъ второстепеннымъ, которымъ пользуется для установленія видовыхъ подраздѣленій монархической группы. Но какъ относятся древнія формы къ *діархіямъ*, представляющимъ смѣшанное устройство,—этотъ важнѣйшій вопросъ остается открытымъ.

Такимъ образомъ, минуя особенности того или другаго писателя, всѣ сторонники новой классификаціи страдаютъ однимъ *общимъ недостаткомъ*, обнаруживающимся съ различною силою и въ различныхъ направленіяхъ. Всѣ они вносятъ въ свою работу

метафизическіе пріемы и подводятъ явленія подъ *искусственныя* рамки, игнорируя или искажая свойства размѣщаемаго матеріала. Не группы составляются во вниманіе къ отличіямъ историческихъ государствъ, но эти послѣднія надѣляются признаками, которыхъ у нихъ нѣтъ, чтобы подходить подъ рубрики, установленныя умозрительно. Этотъ общій недостатокъ, проявляющійся всего нагляднѣе въ проведеніи доктрины народнаго верховенства, служитъ коренною причиною того, что вопросъ о *смѣшанной формѣ* остается или неразрѣшеннымъ, какъ у Канта и Бера, или окончательно запутывается, какъ у Хэрена. Съ этой стороны заслуга названныхъ писателей состоитъ только въ томъ, что, указывая новое основаніе дѣленія, они даютъ *средство* опредѣлить логическое отношеніе греческаго размѣщенія къ формѣ Полибія. Но, съ другой стороны, неумѣнье воспользоваться отысканнымъ средствомъ составляетъ главный *упрекъ*, который можетъ быть сдѣланъ имъ, съ точки зрѣнія исторіи классификацій.

Мы уже упоминали, что мысль Канта была встрѣчена *холодно* и *враждебно* въ Германіи. Среди политическихъ писателей одинъ Беръ сталъ на ея сторону; Хэренъ же, какъ извѣстно, историкъ. Общее несочувствіе приняло характерное, но совсѣмъ ненаучное выраженіе. За исключеніемъ Шлейермахера, никто изъ нѣмецкихъ ученыхъ не разбиралъ попытокъ Канта и его послѣдователей. Къ ихъ классификаціямъ относятся, какъ къ построеніямъ, ложность которыхъ ясна сама собою. Идутъ далѣе, простирая несочувствіе до полнаго невниманія къ дѣлу. Роттекъ, напр., просматривая основаніе дѣленія, хвалитъ попытку Канта, въ которой ему нравится противоположеніе республикъ деспотіямъ, отвѣчающее его конституціоннымъ стремленіямъ. Но въ то же время онъ говоритъ съ нескрываемымъ презрѣніемъ о размѣщеніи Бера, имя котораго считаетъ излишнимъ упоминать. Повидимому, онъ и не подозрѣваетъ, что одно дѣленіе есть простой сколокъ съ другаго, какъ не подозрѣваетъ близкаго родства съ ними размѣщенія Хэрена, обсуждаемаго подробно [1]). Рошеръ и Форлендеръ, отвергая предлагаемыя классификаціи, несостоятельность

[1]) *Rotteck.* Lehrbuch des Vernunftrechts; II-er Bd., S. 179—181.

которыхъ была, по ихъ словамъ, много разъ доказана (?), приписываютъ имъ то, чего въ нихъ нѣтъ: они утверждаютъ, что новое дѣленіе покоится на различіи трехъ функцій власти, тогда какъ оно опирается у всѣхъ разсматриваемыхъ писателей только на двухъ [1]). Блюнчли, Эшеръ, Вайтцъ и другіе, игнорируя или осуждая обособленіе государствъ по дѣленію власти, смотрятъ въ то же время благосклонно на производные признаки Хэрена, состоящіе въ различіи правъ подданныхъ. Нѣкоторые изъ нихъ даже пользуются ими: таковъ Блюнчли, со своими «побочными формами», и отчасти Вайтцъ, со своею сборною классификаціей [2]). Словомъ, въ германской литературѣ установилась своего рода традиція отрицательнаго отношенія къ идеѣ Канта, которая не обсуждается, а просто отвергается безъ доказательствъ. Исключеніе въ этомъ отношеніи составляетъ, какъ сказано, Шлейермахеръ, подвергающій внимательному разбору новое основаніе классификаціи государствъ. Но его разборъ связанъ съ своеобразнымъ ученіемъ о раздѣленіи властей, а потому мы не станемъ останавливаться на немъ, тѣмъ болѣе, что возраженія нѣмецкаго ученаго сводятся и на этотъ разъ къ указанію переходныхъ явленій, порождаемыхъ отсутствіемъ точной границы между исполнительной и законодательной властями [3]). Въ общемъ отрицательное отношеніе къ Канту и его сторонникамъ объясняется, какъ мы уже знаемъ, частію тѣмъ, что избираемый ими обособляющій признакъ, подобно древнему, носитъ внѣшній характеръ; но, главнымъ образомъ, оно происходитъ изъ несочувствія нѣмецкихъ писателей къ теоріи раздѣленія властей, непопулярной въ Германіи [4]).

Въ заключеніе намъ слѣдуетъ указать здѣсь на единственную *попытку французскихъ писателей* предложить самостоятельное

---

[1]) *Roscher.* Umrisse der Naturlehre der drei Staatsformen; S. 82 (VII-er Bd.).—*Vorländer.* Die Staatsformen in ihrem Verhältniss zur Entwicklung der Gesellschaft; S. 317 (XIV-er Bd.).—Ср. *Waitz.* Grundzüge der Politik; S. 120.

[2]) См. выше, гл. IX, с. 236; ниже, гл. XIV.—*Escher.* Handbuch der praktischen Politik; II-er Bd., S. 17.

[3]) *Schleiermacher.* Ueber die Begriffe der verschiedenen Staatsformen; S. 24—27.

[4]) *Ворошиловъ.* Критическій обзоръ ученія о раздѣленіи властей; гл. VI, с. 295 sq..

размѣщеніе государствъ, напоминающее разсмотрѣнныя классификаціи.

Де-Траси и, вслѣдъ за нимъ, Ланжюинэ дѣлятъ политическіе союзы на двѣ группы національныхъ и спеціальныхъ правленій. Подъ *правленіями національными* или *общаго права* (gouvernements nationaux ou de droit commun) они разумѣютъ государства, въ которыхъ верховныя права принадлежатъ народу, пребываютъ въ немъ, исходятъ отъ него и существуютъ только для него и посредствомъ него. Основаніе власти покоится въ народной волѣ, которая можетъ придавать общежитію различныя внѣшнія формы и мѣнять ихъ во всякое время. Подъ *правленіями спеціальными* или *частнаго права* (gouvernements spéciaux ou de droit particulier et d'exceptions) разумѣются государства, въ которыхъ источникомъ верховныхъ правъ служитъ какое-нибудь частное основаніе: божественное право, завоеваніе, происхожденіе, собственность, договоръ, молчаливый или открытый, и т. д., Формы устройства могутъ быть здѣсь также различны [1]).

Въ группахъ французскихъ писателей нельзя не видѣть большаго *сходства* съ деспотіями и республиками Канта, отъ которыхъ онѣ, на первый взглядъ, отличаются основаніемъ обособленія: вмѣсто раздѣленія властей, онѣ, повидимому, покоятся на *принадлежности* верховныхъ правъ народу или правительству. Но предлагаемое основаніе *способно* дать, при строгомъ проведеніи, только древнія монархіи и аристократіи, противополагаемыя республикамъ. А это совсѣмъ не отвѣчаетъ намѣреніямъ Де-Траси и Ланжюинэ, осуждающихъ классификацію Аристотеля. Къ національнымъ правленіямъ они относятъ также и смѣшанныя формы, которыя, собственно, не захватываются ихъ дѣленіемъ. Поэтому, чтобы сохранить установленныя группы, новое основаніе обособленія, очевидно, должно быть *замѣнено* признакомъ Канта [2]).

Весьма близко къ названнымъ писателямъ подходитъ Пассы. Онъ думаетъ дѣлить политическіе союзы по взаимному *отноше-*

---

[1]) *Destutt-de-Tracy.* Commentaire sur l'esprit des lois de Montesquieu, 1819; p. 12—15.—*Lanjuinais.* Constitutions de la nation française, 1819; t. I, p. 13 (§ 10).

[2]) Ср. *Mohl.* Encyklopädie der Saatswissenschaften; S. 111.

нію народа и правительства, въ чемъ видитъ главное различіе государствъ. Это отношеніе выражается, по его мнѣнію, въ «*учредительномъ суверенитетѣ*» (souveraineté constituante), подъ которымъ онъ разумѣетъ форму установленія власти. Съ этой точки зрѣнія, Пасси отличаетъ *республики* отъ *монархій*, смотря по тому, сохраняетъ ли населеніе учредительный суверенитетъ за собою, или не сохраняетъ. Въ республикахъ правительство назначается народомъ, который управляется своими избранниками; въ монархіяхъ оно опредѣляется законнымъ наслѣдованіемъ, исключающимъ народный выборъ. Каждая изъ этихъ группъ представляетъ чрезвычайное разнообразіе устройства, ибо, кромѣ указанныхъ типическихъ формъ, учредительный суверенитетъ можетъ различно распредѣляться между правителями и подданными. Вытекающія отсюда различія или сближаютъ между собою, или удаляютъ другъ отъ друга монархическія и республиканскія учрежденія [1]).

Въ вопросѣ о классификаціи Пасси считаетъ себя послѣдователемъ Хэрена [2]). Такъ же какъ и послѣдній, онъ хочетъ размѣщать государства по *отношенію правительства къ населенію*. Но такъ какъ это отношеніе, въ качествѣ сложнаго понятія, въ цѣломъ не способно стать основаніемъ дѣленія, то онъ, подобно нѣмецкому историку, вынужденъ избрать *одинъ* изъ признаковъ, входящихъ въ его составъ. Этимъ и ограничивается поверхностное *сходство* между тѣмъ и другимъ писателемъ. Избирая же признакъ дѣленія, Пасси останавливается на учредительномъ суверенитетѣ, который сводится къ понятію *принадлежности* верховныхъ правъ. Другими словами, основаніемъ обособленія служитъ ему *тотъ же самый* признакъ, который указываютъ Де-Траси и Лапжюинэ. Поэтому, получаемое размѣщеніе совершенно *совпадаетъ* съ ихъ размѣщеніемъ, страдая *одинаковыми* недостатками.

---

[1]) *H. Passy.* Des formes de gouvernement; 2-e éd., 1870, p. 7 sq..

[2]) *Ibid.*; p. 14.

ГЛАВА ДВѢНАДЦАТАЯ.

Классификаціи государствъ по возрастамъ народа.

Классификація государствъ, опирающіяся на различія состояній народа.—Общее критическое замѣчаніе.—Дѣленіе политическихъ союзовъ по возрастамъ народа.—Классификаціи Велькера и Ромера.—Критическая оцѣнка ихъ.—Попытка Фолльграффа.

До сихъ поръ мы разсматривали классификаціи, основанныя на различіяхъ государственнаго устройства. Намъ предстоитъ теперь обратиться къ группѣ писателей, размѣщенія которыхъ покоятся на различіяхъ состояній народа, обусловливающихъ политическія формы жизни.

Народъ служитъ матеріаломъ, изъ котораго образуются общественныя соединенія. Состоянія его, естественно, не могутъ не вліять на характеръ общежитія. По мнѣнію писателей названной группы, *различія этихъ состояній* являются главными *причинами*, вызывающими *различія государствъ*. Поэтому, въ нихъ слѣдуетъ искать *основанія* правильной классификаціи политическихъ союзовъ. Но обусловливающія различія состояній народа, въ свою очередь, могутъ зависѣть отъ двухъ причинъ: или отъ природныхъ свойствъ народнаго темперамента, или отъ историческихъ условій быта. Отсюда двѣ точки зрѣнія, способныя удовлетворить задачѣ: *антропологическая* и *культурно-историческая*. Обѣ точки зрѣнія имѣютъ своихъ сторонниковъ въ литературѣ, но представлены не съ одинаковою силою.

Антропологическая точка зрѣнія послѣдовательно развита только однимъ Фолльграффомъ; у другихъ писателей она или совсѣмъ отсутствуетъ, или стоитъ на заднемъ планѣ. Причина понятна: антропологія даетъ пока слишкомъ мало данныхъ, чтобы можно бы-

ло основывать на ней размѣщенія государствъ, не вдаваясь въ гадательныя предположенія и произвольныя построенія. За-то этому взгляду принадлежитъ, повидимому, будущее въ нѣмецкой литературѣ, если только она не сойдетъ съ дороги, которой слѣдуетъ нынѣ въ вопросѣ о классификаціи. Пока же въ указанномъ направленіи сдѣланы только первыя слабыя попытки,—обстоятельство, которое, между прочимъ, побуждаетъ насъ отказаться отъ мысли выдѣлить ихъ въ особую группу. Подъ этою оговоркою, не нарушая соотвѣтствія между отдѣльными частями изложенія, мы находимъ возможнымъ указать Фолльграффу мѣсто среди писателей другаго направленія.

Культурно-историческая точка зрѣнія въ примѣненіи къ размѣщенію государствъ разработана полно и всесторонне. Относящіеся сюда писатели выходятъ изъ идеи историческаго *роста* народа, отражающагося на политическихъ учрежденіяхъ. Они отмѣчаютъ послѣдовательныя *состоянія* культурнаго *развитія* и, параллельно имъ, преемственныя *стадіи государства*, образующія *группы* классификаціи. Пріемъ этотъ считается ими единственно вѣрнымъ, обезпечивающимъ достиженіе цѣли. [1]) Но, согласные въ основномъ пріемѣ, писатели расходятся между собою въ томъ, чѣмъ опредѣлять состоянія народнаго роста. Въ этомъ отношеніи они дѣлятся на *два* лагеря. Одни изъ нихъ видятъ различія состояній въ *возрастахъ* народа, характеризуемыхъ или господствомъ различныхъ законовъ духа (Велькеръ), или преобладаніемъ основныхъ направленій дѣятельности (Ромеръ). Другіе останавливаются просто на *ступеняхъ развитія*, опредѣляемыхъ или стремленіями народа (Дуденъ), или его міросозерцаніемъ и вытекающими отсюда цѣлями жизни (Моль), или, наконецъ, цѣлою совокупностью культурныхъ особенностей (Форлендеръ). Первые, слѣдовательно, придаютъ ступенямъ развитія специфическій характеръ возрастовъ, опираясь на аналогію между организмомъ и государствомъ, чего не позволяютъ себѣ вторые. Классификаціи тѣхъ и другихъ писателей мы разсмотримъ *отдѣльно*; но прежде

---

[1]) *Mohl.* Geschichte und Literatur der Staatswissenschaften; I-er Bd., S. 261. *Vorländer.* Die Staatsformen in ihrem Verhältniss zu der Entwicklung der Gesellschaft; S. 295 (XIV-er Bd).

сдѣлаемъ одно *общее* критическое замѣчаніе, въ свѣтѣ котораго легче будетъ обсуждать ихъ особенности.

Какъ помнитъ читатель, нѣмецкіе ученые часто упрекаютъ дѣленіе Аристотеля въ томъ, что оно останавливается на *внѣшнихъ* признакахъ, не проникая во внутреннее содержаніе государства. [1]) Внушаемый метафизическимъ направленіемъ науки, этотъ упрекъ пользуется особенною любовью писателей, классификаціи которыхъ намъ предстоитъ обсудить. Мы видѣли, что онъ вытекаетъ изъ *ложнаго* представленія о размѣщеніи, какъ логической операціи. Въ ней видятъ не пріемъ, назначенный руководить изслѣдованіемъ данныхъ явленій, а средство обнаружить ихъ природу; смѣшиваютъ послѣднюю цѣль изученія съ отдѣльной и начальной его стадіею. Ложное представленіе уводитъ писателей на *ложный путь* при построеніи собственныхъ классификацій: они хотятъ, во что бы то ни стало, найти такой признакъ дѣленія, который *раскрывалъ-бы* внутреннее существо государствъ, освѣщая ихъ во *всѣхъ* частяхъ. Нужно-ли говорить, что такого признака не можетъ быть? Поиски за нимъ подсказываются предположеніемъ метафизическаго характера, что существуетъ *одна основная причина,* порождающая всѣ различія политической жизни, которыя, такимъ образомъ, являются только ея обнаруженіями. Но подобное предположеніе противорѣчитъ всему, что̀ мы знаемъ о государствѣ. Всякій политическій союзъ, какъ и вообще всякое общественное явленіе, есть всегда результатъ *многихъ* конкуррирующихъ причинъ, совокупнымъ вліяніемъ которыхъ опредѣляются его признаки. Бо̀льшее, что̀ можетъ имѣть здѣсь мѣсто, это—*преобладаніе* однихъ факторовъ надъ другими. Нѣкоторые изъ нихъ могутъ занимать господствующее положеніе, направлять и подчинять своихъ спутниковъ и въ этомъ смыслѣ занимать центральное положеніе. Но однимъ ихъ дѣйствіемъ нельзя объяснить всѣхъ особенностей явленій, вызываемыхъ присутствіемъ другихъ дѣятелей, видоизмѣняющихъ вліяніе первыхъ. Эти видоизмѣненія остаются непонятными безъ изученія видоизмѣняющихъ обстоятельствъ.

Иначе думаютъ писатели разсматриваемой группы. Отыскивая общую причину различій между государствами, они недовольны

---

[1]) См. выше, гл. IX, с. 216 sq.

внѣшними признаками, которые, по ихъ мнѣнію, носятъ производный и обусловленный характеръ. Они желаютъ спуститься до производящихъ и обусловливающихъ *основаній*. Но, направляясь въ эту сторону, они оканчиваютъ тѣмъ, что выходятъ *за государство* и отыскиваютъ признаковъ дѣленія *внѣ дѣлимаго*. Ошибка облегчается неопредѣленностью очертаній общественныхъ явленій, составляющею ихъ особенность. Въ мірѣ внѣшней природы, гдѣ границы предметовъ обозначаются болѣе или менѣе отчетливо, едва-ли возможно что-либо подобное: естественнику, напр., не придетъ въ голову искать основаній размѣщенія внѣ размѣщаемаго матеріала, хотя-бы внѣ его лежали причины, опредѣляющія свойства изучаемыхъ предметовъ. Если въ общественныхъ наукахъ такой пріемъ не кажется невозможнымъ съ перваго взгляда, то лишь потому, что при слабости идеальныхъ границъ явленій, усиливаемой отсутствіемъ пространственнаго раздѣленія среди нихъ, здѣсь нѣтъ рѣзкой межи между тѣмъ, что̀ *внутри* и что̀ *внѣ*. [1])

Желаніе указать общую причину, объясняющую различія государствъ, роковымъ образомъ приводитъ писателей къ мысли искать ее въ *свойствахъ матеріала*, изъ котораго создаются политическіе союзы; ибо несомнѣнно, что эти свойства должны отражаться на общежитіи, сообщая ему тотъ или другой характеръ. И вотъ, естественно, они обращаются къ различіямъ состояній народа, которыя, съ своей стороны, опредѣляются свойствами отдѣльныхъ лицъ. Въ этихъ различіяхъ думаютъ найдти основаніе для размѣщенія государствъ. Здѣсь-то и *путаются* границы явленій. Теряютъ изъ виду то важное обстоятельство, что ни цѣлый народъ, ни отдѣльныя лица, его образующія, никогда не поглощаются государствомъ совершенно, въ качествѣ матеріала, изъ котораго оно строится. Они входятъ въ него своими *отдѣльными* сторонами, служа въ тоже время строительнымъ матеріаломъ для другихъ многочисленныхъ и разнообразныхъ общественныхъ соединеній. Государство является только однимъ изъ союзовъ, существующихъ среди народа. Пусть это союзъ самый важный; но, во всякомъ случаѣ, онъ не единственный. Не совпадая другъ съ дру-

---

[1]) См. выше, гл. VIII, с. 194—196.

гомъ, народъ, какъ культурная единица, и государство, какъ единица политическая, представляютъ собою *двѣ особыя величины*. Поэтому, въ состояніяхъ перваго нельзя видѣть различій втораго, и наоборотъ, ибо это значило-бы *смѣшивать* признаки явленій, приписывая однимъ изъ нихъ то, что въ дѣйствительности принадлежитъ другимъ. Если, однако, такъ поступаютъ, то лишь благодаря тому, что недостаточно разграничиваютъ явленія, къ чему подаютъ поводъ самыя свойства ихъ.

Будучи различными величинами, народъ и государство не отдѣляются друга отъ друга ясными и опредѣленными линіями; напротивъ, въ высшей степени трудно указать, гдѣ оканчивается культурная единица и начинается политическая. Трудность увеличивается еще болѣе тѣмъ, что обѣ онѣ находятся въ тѣсномъ взаимодѣйствіи: народъ налагаетъ свою печать на государство, которое, съ своей стороны, преобразуетъ народъ. Взаимодѣйствующія величины отмѣчаютъ другъ друга извѣстными признаками. Неудивительно, что при такихъ условіяхъ и при стремленіи найти общую причину различій политическихъ союзовъ, писатели *легко переходятъ* отъ признаковъ государства къ признакамъ состояній народа, не замѣчая, что переходъ этотъ выводитъ ихъ за предѣлы размѣщаемыхъ явленій. Но, разумѣется, легкость перехода неустраняетъ ошибки, которая оказывается губительною для предлагаемыхъ классификацій.

Очевидно, что состоянія народа, какъ таковыя, *неспособны* стать основаніемъ для размѣщенія государствъ. Какъ обусловливающія причины, они могутъ вліять на весь складъ общежитія и вызывать въ немъ самыя глубокія измѣненія. Мысль о зависимости политическихъ учрежденій отъ состояній народа составляетъ общее мѣсто современной науки. Съ этой точки зрѣнія, и количественный составъ власти, и ея дѣленіе, служащіе обособляющими признаками классификацій Аристотеля и Канта, находятъ достаточное объясненіе въ культурныхъ особенностяхъ населенія. Эти и другія подобныя различія производнаго характера, конечно, *могутъ* удовлетворять требованіямъ размѣщенія, ибо они являются *непосредственными* отличіями самихъ государствъ; но производящія ихъ причины, лежащія внѣ послѣднихъ, не въ силахъ играть *этой* роли. Положенныя въ *основу* обособленія, состоянія наро-

да даютъ *не классификаціи государствъ, а дѣленіе исторіи по степенямъ культуры*, что̀ мы, дѣйствительно, и находимъ у всѣхъ разсматриваемыхъ писателей. Эту ошибку замѣтилъ и указалъ еще Шталь, со свойственною ему остротою критическаго зрѣнія. [1]) Вмѣсто типическихъ группъ государства, писатели обособляютъ типическіе періоды народнаго развитія; вмѣсто характеристики политическихъ союзовъ, они предлагаютъ историческія картины, въ которыхъ формы государственнаго быта составляютъ только отдѣльныя части рисунка. Въ цѣломъ картины являются иногда яркими изображеніями; въ отдѣльныхъ частяхъ, характеризующихъ государство, онѣ отличаются по большей части бѣдностью красокъ. Съ этой стороны, слѣдовательно, стремленіе проникнуть въ существо общежитія и обнаружить его содержаніе во всей полнотѣ при помощи размѣщенія оканчивается *противоположными* результатами: внѣшнія, но важныя различія устройства политическихъ союзовъ замѣняются внутренними и блѣдными ихъ особенностями.

Такимъ образомъ, ложный взглядъ на классификацію, какъ пріемъ изученія, приводитъ къ совершенно *ложной постановкѣ* вопроса. Онъ вызываетъ, кромѣ того, другіе крупные недостатки, которыхъ мы коснемся при разсмотрѣніи отдѣльныхъ классификацій. Это разсмотрѣніе начнемъ съ писателей, уподобляющихъ государство организму и опредѣляющихъ состоянія народа его возрастами.

Мысль основать размѣщеніе государствъ на *возрастахъ народа* принадлежитъ В е л ь к е р у, который вообще долженъ считаться основателемъ всего обсуждаемаго направленія. [2]) При построеніи своей классификаціи Велькеръ выходитъ изъ психологической точки зрѣнія. [3]) Его соображенія заключаются въ слѣдующемъ.

Разнообразныя отношенія, наблюдаемыя въ мірѣ, подчинены разнообразнымъ законамъ, т.-е. тѣмъ необходимымъ направленi-

[1]) *Stahl.* Philosophie des Rechts; II-er Bd., 2-te Abth., S. 218—219. Шталь, впрочемъ, имѣетъ въ виду одного Моля; но его замѣчаніе относится, очевидно, до всѣхъ писателей группы.

[2]) *Mohl.* Geschichte und Literatur der Staatswissenschaften; I-er Bd., S. 262—263.

[3]) *Welcker* Die letzte Gründe von Staat, Recht und Strafe, 1813. См. также его статью: Staatslexikon; 3-te Aufl., XII-er Bd., S. 323 sq.

лмъ, которыя являются результатомъ взаимодѣйствія силъ. По двоякой природѣ своей, человѣкъ поставленъ подъ дѣйствіе двоякихъ законовъ: какъ существо матеріальное, онъ управляется физическими законами, исключающими его произволъ; какъ разумное существо, онъ руководится въ своей дѣятельности законами разума (духа), которые не лишаютъ его нравственной свободы. Поступая по своему усмотрѣнію, онъ дѣйствуетъ справедливо, если повинуется предписаніямъ разума; а, дѣйствуя такъ, онъ обезпечиваетъ за собой миръ и покой. Нарушая требованія разума, онъ становится въ противорѣчіе съ самимъ собою, что̀ порождаетъ внутреннее безпокойство и страданіе. Поэтому, законы разума, какъ сознанныя правила дѣятельности, должны господствовать надъ всѣми сторонами его жизни. Они должны подчинять себѣ и его отношенія къ окружающимъ людямъ, съ которыми онъ вступаетъ въ неизбѣжное общеніе, побуждаемый къ тому внутренними и внѣшними причинами. Государство, какъ одна изъ необходимыхъ формъ общенія, не составляетъ въ этомъ случаѣ исключенія: «оно есть именно организованное соединеніе народа для постояннаго осуществленія сознаннаго высшаго закона». Съ этой точки зрѣнія, его слѣдуетъ разсматривать не какъ полезное изобрѣтеніе или случайное явленіе, которому можно приписывать различныя цѣли, но какъ союзъ, вытекающій съ необходимостью изъ того или другаго закона и воплощающій его въ себѣ [1]).

Законы, которымъ человѣкъ, какъ разумное существо, подчиняется въ своей дѣятельности, различаются по троякимъ отношеніямъ его: а) къ своимъ *чувственнымъ потребностямъ* и *чувственному міру*, б) къ *божеству*, воспринимаемому извнѣ, *черезъ посредство откровенія*, и в) къ *божеству*, познаваемому *разумомъ*. Эти троякія отношенія совпадаютъ съ тремя *возрастами*, переживаемыми какъ отдѣльными людьми, такъ и народами: дѣтствомъ, юностью и зрѣлою порою жизни. Въ дѣтскомъ возрастѣ господствуетъ *законъ чувственности*, въ юношескомъ—*законъ вѣры* и въ зрѣломъ—*законъ разума*. Старость является возвращеніемъ къ дѣтству и находится подъ дѣйствіемъ одного съ нимъ закона. Тремъ законамъ соотвѣтствуютъ и три типическія формы госу-

---

[1]) *Welcker*. Die letzte Gründe, etc.; S. 3—8.

дарственнаго устройства: законъ чувственности воплощается въ *деспотіи*, законъ вѣры—въ *теократіи* и законъ разума—въ *правовомъ государствѣ* (Rechtsstaat). Эти формы исчерпываютъ основныя различія государственнаго строенія [1]).

а) Деспотіи. Въ дѣтскомъ возрастѣ людей и народовъ однѣ чувственныя потребности громко заявляютъ о себѣ. Въ эту пору жизни человѣкъ прислушивается только къ голосу физической природы и помышляетъ только объ удовлетвореніи ея требованій, въ которыхъ—источникъ его страданія и радости. Если иногда и вспыхиваетъ въ немъ божественный огонекъ,—онъ потухаетъ мгновенно, подобно молніи, мелькнувшей въ темнотѣ ночи. Чувственныя потребности служатъ единственнымъ мѣриломъ его отношеній къ другимъ людямъ и внѣшнему міру: все окружающее, насколько онъ въ состояніи подчинить его своей власти, должно удовлетворять его эгоистическимъ стремленіямъ. Отсюда возникаетъ право *силы* или, вѣрнѣе, *чувственности*, которое для однихъ является основаніемъ господства, опирающагося на превосходство, физическое и умственное (хитрость), для другихъ—основаніемъ подчиненія, внушаемаго страхомъ. Поэтому, какъ скоро возникаетъ политическая организація среди населенія, находящагося въ дѣтскомъ возрастѣ, она необходимо принимаетъ форму *деспотическаго* государства. Высшая цѣль такого государства—чувственное удовольствіе и личная выгода деспота, потомъ его сатраповъ, и такъ далѣе, внизъ до подданныхъ, на долю которыхъ выпадаетъ одинъ страхъ, составляющій отрицательную сторону господствующаго здѣсь закона чувственности. Поэтому, деспотія можетъ быть справедливо названа государствомъ страха по преимуществу: чувство это является самымъ надежнымъ средствомъ заставить подданныхъ служить эгоистическимъ интересамъ правителя, прихотливая воля котораго, не ограниченная ничѣмъ, царитъ надъ всѣми сторонами жизни. Въ чистомъ видѣ деспотіи встрѣчаются рѣдко; по большей части онѣ смѣшиваются съ другими формами, преимущественно же съ теократіями [2]).

---

[1]) *Welcker*. Die letzte Gründe, etc.; S. 6 sq., 10.

[2]) *Ibid.*, S. 13—19.

Какъ замѣчено выше, періодъ старости характеризуется возвратомъ къ дѣтскому состоянію: забывая высшіе идеалы, озарявшіе юность и зрѣлый возрастъ, человѣкъ вновь подчиняется господству чувственности, съ ея себялюбивыми стремленіями. Въ связи съ этимъ, государственная организація вновь принимаетъ деспотическую форму. Но деспотія старости отличается отъ деспотіи дѣтства тѣмъ, что первая опирается, главнымъ образомъ, на хитрость, тогда какъ во второй рѣшающее значеніе принадлежитъ физической силѣ; кромѣ того, первая клонится къ упадку и разрушенію, вторая же переходитъ мало-по-малу въ высшія формы [1]).

б) Теократія. Человѣкъ постепенно выходитъ изъ періода дѣтства, вступая въ юношескій возрастъ. Понемногу въ немъ просыпаются лучшія стороны души, до сихъ поръ заглушаемыя чувственностью, и увлекаютъ его навстрѣчу высшему назначенію. Все чаще падаютъ яркіе лучи божественнаго свѣта въ его воспріимчивую грудь, пока, наконецъ, божество не открывается его взорамъ и не наполняетъ сердца благоговѣніемъ. Внѣшняя природа, поражая умъ своими страшными и величественными явленіями, всего сильнѣе пробуждаетъ въ немъ вѣру въ невѣдомаго доселѣ бога. Поэтому, сначала онъ боготворитъ эту природу и только позднѣе возвышается до чистой идеи божества. Однако, въ юношескомъ возрастѣ онъ не въ силахъ понять этой идеи разумомъ; подъ вліяніемъ воображенія онъ представляетъ себѣ верховное существо, какъ нѣчто внѣшнее, постигаемое чрезъ откровеніе. Сознавая свою зависимость отъ него, онъ повсюду чувствуетъ его близкое присутствіе и могущество, ищетъ его велѣній, страшится его гнѣва и потому горячо хочетъ знать его верховныя предначертанія, въ которыхъ видитъ свой высшій и безусловный законъ. Чудесныя знаменія, оракулы и пророки возвѣщаютъ ему божественную волю и руководятъ имъ на всѣхъ путяхъ жизни. Справедливымъ онъ почитаетъ лишь то, что̀ согласуется съ этою волею. Естественно, что, при подобныхъ условіяхъ, государство принимаетъ *теократическую* форму. Конечною его цѣлью является осуществленіе воли верховнаго промыслителя,

---

[1]) *Welcker*. Die letzte Gründe, etc.; S. 19—20.

благословляющаго и награждающаго чтущихъ его законъ. Благоговѣйно воспринимаемый, этотъ божественный законъ основываетъ свое господство не на страхѣ, какъ въ деспотіи, но на живомъ *религіозномъ* чувствѣ, и требуетъ повиновенія подданныхъ не въ личныхъ интересахъ правителей, какъ тамъ, а для собственнаго спасенія повинующихся. Въ отличіе отъ деспотій, здѣсь получаютъ преобладаніе не низшія чувственныя влеченія, но лучшія и благороднѣйшія стремленія человѣческой природы. Формы государственнаго устройства могутъ быть различны; но всегда необходимы жрецы, какъ выразители и истолкователи божественной воли. Въ чистомъ видѣ теократіи являются также рѣдко; чаще всего онѣ смѣшиваются съ деспотіями [1]).

в) Правовыя государства. Зрѣлый возрастъ смѣняетъ счастливую пору юности съ ея горячими грезами. Ихъ мѣсто заступаетъ холодное размышленіе. Бросая на все окружающее безстрастный испытующій взглядъ, человѣкъ начинаетъ сознавать ошибку своихъ прежнихъ вѣрованій, подсказанныхъ живымъ воображеніемъ пылкой юности. Онъ уже не чувствуетъ болѣе незримаго, но повсемѣстнаго присутствія таинственной силы и не испытываетъ неотразимаго ея вліянія на свою судьбу. Углубляясь въ самого себя, онъ начинаетъ понимать, что божество, которому онъ покланялся, живетъ не въ чувственномъ мірѣ, а въ глубинѣ души его. Внѣшнее откровеніе замѣняется внутреннимъ голосомъ совѣсти. Разумъ становится верховнымъ руководителемъ человѣка, который повинуется только сознанному имъ *нравственному* закону. Онъ осуществляетъ этотъ законъ и въ себѣ самомъ, и во внѣшнемъ мірѣ. Въ свободномъ его осуществленіи онъ видитъ свое человѣческое назначеніе. Поэтому, внутренняя и внѣшняя свобода составляютъ, въ его глазахъ, высшее благо, отъ котораго нельзя отречься, не утративъ нравственнаго достоинства. Въ себѣ самомъ, равно какъ и во внѣшней своей жизни, онъ является, такимъ образомъ, своимъ единственнымъ законодателемъ [2]).

---

[1]) *Welcker.* Die letzte Gründe, etc.; S. 21—24.

[2]) *Ibid.*; S. 25—26, 72—73.

Но признавая себя свободнымъ, человѣкъ долженъ уважать свободу и во всѣхъ окружающихъ, съ которыми онъ повсюду соприкасается и сталкивается въ своей внѣшней жизни. Въ противномъ случаѣ люди рисковали бы вступить между собою въ борьбу, которая повела бы ихъ ко взаимному уничтоженію. Въ интересахъ мирнаго сожитсльства разумъ долженъ указать средство помирить личную свободу каждаго съ свободою всѣхъ остальныхъ. Это средство можетъ состоять только въ добровольномъ соединеніи людей для установленія внѣшняго порядка, который обезпечиваетъ каждому безпрепятственное осуществленіе своихъ цѣлей въ отмежёванной ему сферѣ матеріальнаго міра. Такой порядокъ выражается въ формѣ *объективнаго права*, источникъ котораго заключается въ договорѣ, основанномъ на взаимномъ уваженіи и взаимномъ признаніи нравственнаго достоинства договаривающихся [1]).

Свободно установляемый, внѣшній порядокъ жизни не можетъ быть, однако, предоставленъ личному усмотрѣнію. Необходимъ общій органъ, который обезпечивалъ бы осуществленіе права и ограждалъ бы его отъ нарушеній [2]). Эту задачу выполняетъ *правовое государство*, которое возникаетъ на почвѣ уже сложившихся юридическихъ отношеній. Отвѣчая свободному строю жизни, возникающее государство должно, очевидно, покоиться также на договорѣ, исключающемъ всякое насиліе. Договоръ долженъ основываться на согласіи всѣхъ, ясно выраженномъ или предполагаемомъ и обезпеченномъ полною возможностью во всякую минуту заявлять свое несогласіе. Онъ долженъ быть, далѣе, не одновременнымъ только актомъ, но постоянною основою государства, и не въ идеѣ только, а въ жизни, ибо иначе люди оставались бы въ дѣйствительности рабами [3]). Поэтому, вступленіе въ данное государство и выходъ изъ него не могутъ подлежать запрету или ограниченіямъ. Какъ скоро взрослый человѣкъ обдуманно заявляетъ, что государство и право въ существующей формѣ не согласуются съ его нравственнымъ закономъ и волею,—всякая

---

[1]) *Welcker*. Die letzte Gründe, etc.; S. 73—77.
[2]) *Ibid.*; S. 84—85.
[3]) *Ibid.*; S. 81.

юридическая связь между нимъ и общежитіемъ тотчасъ же прекращается. Государство спѣшитъ облегчить ему удаленіе или даже само удаляетъ его, если онъ не умѣетъ жить съ нимъ въ мирѣ. Исполняя свои международныя обязанности, оно можетъ, въ крайнемъ случаѣ, отправить его на пустынные острова, если онъ вообще не способенъ къ мирной жизни въ условіяхъ юридическаго порядка. Однако, оно не должно злоупотреблять своимъ положеніемъ, низводя подданныхъ до крѣпостнаго состоянія посредствомъ психическаго принужденія [1]). Поэтому, къ свободѣ выхода должны быть присоединены другія гарантіи, вытекающія изъ существа правоваго государства. Сюда принадлежатъ: во-первыхъ, право петицій (жалобъ и представленій), которое даетъ подданнымъ возможность заявлять верховной власти и ея высшимъ органамъ о своихъ претензіяхъ и нуждахъ; во-вторыхъ, публичность правительственныхъ дѣйствій и свобода общественнаго мнѣнія, ограждающія населеніе отъ злоупотребленій представителей власти [2]).

Право выхода, право петицій, публичность правительственныхъ дѣйствій, обсуждаемыхъ свободно, и договоръ, какъ общее основаніе всего строя жизни, составляютъ существенныя особенности всякаго правоваго государства, котораго нѣтъ тамъ, гдѣ отсутствуетъ хотя бы только одинъ изъ упомянутыхъ четырехъ признаковъ [3]). Это, однако, не мѣшаетъ ему принимать различныя внѣшнія формы. Вопросы о достоинствахъ монархіи, аристократіи и демократіи, съ сословіями или безъ сословій, съ раздѣленіемъ или безъ раздѣленія властей, могутъ быть важны въ политическомъ отношеніи, но не имѣютъ значенія съ юридической точки зрѣнія. Всѣ эти формы, не исключая и монархіи, юридически возможны, если устанавливаются согласіемъ всѣхъ гражданъ и обезпечиваютъ за каждымъ возможность свободно изъявлять свое несогласіе. Поэтому, представительство, какъ бы оно ни отвѣчало природѣ правоваго государства, не составляетъ его непремѣнной принадлежности [4]).

---

[1]) *Welcker*. Die letzte Gründe, etc.; S. 91—92.
[2]) *Ibid.*; S. 93—94.
[3]) *Ibid.*; S. 95—96.
[4]) *Ibid.*; S. 101—102.

Будучи первымъ шагомъ въ новомъ направленіи, попытка Велькера является весьма слабою. Останавливаться на подробномъ ея разборѣ нѣтъ надобности; достаточно указать важнѣйшіе недостатки.

Въ классификаціи Велькера прежде всего обращаетъ вниманіе удивительное сплетеніе *дедуктивнаго* построенія съ *историческимъ* наблюденіемъ: дѣйствительное и воображаемое, существующее и долженствующее такъ перепутываются, что съ трудомъ различаешь границу между тѣмъ и другимъ. Формы придуманныя и сочиненныя размѣщаются вмѣстѣ съ формами историческими. Если двѣ первыя группы деспотій и теократій устанавливаются при помощи наблюденія, то послѣдняя группа правовыхъ государствъ есть несомнѣнное порожденіе спекуляціи. Правда, въ обрисовкѣ ея встрѣчаются черты, отвлеченныя отъ дѣйствительности; но онѣ подавляются признаками, вытекающими изъ умозрѣнія. Таково, напр., договорное основаніе государства, съ правомъ свободнаго входа и выхода отдѣльныхъ лицъ, равно какъ съ правомъ выселенія ихъ на пустынные острова. Какъ спекулятивное построеніе, правовое государство Велькера исполнено противорѣчій и несообразностей; но эта сторона дѣла, разобранная критикою, насъ не касается. [1])

Поскольку попытка Велькера представляетъ историческое обобщеніе и въ этомъ смыслѣ является указаніемъ *ступеней культуры*, она отличается большою произвольностью. «Раздѣленіе періодовъ развитія по возрастамъ не представляетъ ничего, кромѣ фантастической аналогіи. Патріархальный бытъ, который могъ-бы соотвѣтствовать младенчеству, отнюдь не характеризуется преобладаніемъ чувственности и установленіемъ деспотіи. Чистая деспотія составляетъ явленіе позднѣйшаго времени; она встрѣчается въ разныя времена и при разныхъ условіяхъ. Справедливо, что въ теократіи господствуетъ вѣра, а въ свѣтскомъ (правовомъ) государствѣ разумное сознаніе; но трудно сказать, что первое соотвѣтствуетъ юности, а второе—зрѣлому возрасту, когда мы видимъ народы, въ теченіе тысячелѣтій подчиненные одному и тому же закону.» [2])

---

[1]) См., напр.: *Чичеринъ*. Исторія политическихъ ученій; т. IV, с. 548 sq.

[2]) *Ibid.*; с. 553.—Ср. *Mohl*. Encyklopädie der Staatswissenschaften; S. 381.—*Rotteck*. Lehrbuch des Vernunftrechts; II-er Bd., S. 181—182.

Поскольку попытка Велькера является *классификаціею государствъ*,—она оправдываетъ на себѣ наше общее критическое замѣчаніе. Строго говоря, мы не находимъ въ ней собственно размѣщенія политическихъ союзовъ, какъ таковыхъ. Обособленіе ихъ является *результатомъ дѣленія исторіи*, къ эпохамъ которой они пріурочиваются. Самъ авторъ не указываетъ даже *основанія* для установленія государственныхъ группъ, характеризуемыхъ чертами періодовъ народнаго развитія. Становясь, однако, на его точку зрѣнія, не трудно пополнить этотъ пробѣлъ. По его мнѣнію, ступени культуры отражаются на общежитіи тѣмъ, что въ одной эпохи верховная власть покоится на силѣ (страхѣ), въ другія—на вѣрѣ, въ третьи—на договорѣ, вытекающемъ изъ разума. Вотъ, слѣдовательно, обособляющіе признаки, которые *должны* лечь въ основаніе предлагаемыхъ группъ. Но какъ скоро вопросъ сводится къ этимъ признакамъ,—недостаточность классификаціи обнаруживается сама собою. Не говоря уже о томъ, что новые признаки страдаютъ *блѣдностью* и *неопредѣленностью*, они исчисляются далеко *не всѣ*: кромѣ силы и вѣры, основаніемъ власти можетъ, напр., служить кровная связь (въ патріархіяхъ), поземельная собственность (въ патримоніальныхъ государствахъ), и т. д. Съ другой стороны, приводится договорное основаніе, которое въ предполагаемомъ видѣ *не встрѣчается* въ исторіи. Отбрасывая его, находимъ у Велькера только *двѣ* дѣйствительныхъ группы деспотій и теократій, подъ которыя должны подводиться всѣ политическія формы, что̀, разумѣется, невозможно. Допустимъ даже, что къ нимъ присоединяются, въ качествѣ третьей группы, свѣтскія государства, отвѣчающія правовымъ автора. Получаемъ три основныя формы, въ которыхъ власть покоится на силѣ, вѣрѣ и *свѣтскихъ началахъ*. Но почему сила не свѣтское начало? Подставимъ другое основаніе: сила, вѣра и *разумъ*. Но почему-же вѣру, наравнѣ съ силою, обособлять отъ разума? Сдѣлаемъ послѣднюю подстановку: сила, *откровеніе*, разумъ. Но гдѣ-же здѣсь соотвѣтствіе признаковъ?—Государства, основанныя на религіозныхъ началахъ, противополагаются свѣтскимъ. Это одно дѣленіе, къ которому никакъ не привяжешь деспотій, какъ параллельную группу. Въ свою очередь, деспотіи можно, пожалуй, противополагать государствамъ, опирающимся на ра-

зумныя начала. Это другое дѣленіе, къ которому нельзя присоединить теократій.—Словомъ, предлагаемая классификація со всѣхъ сторонъ оказывается неудовлетворительною. [1])

Мысль Велькера о примѣненіи возрастовъ народа къ размѣщенію государствъ находитъ дальнѣйшее развитіе у Ромера.

Политическія воззрѣнія Фридриха Ромера, которыя онъ проводилъ въ своей практической дѣятельности, изложены его младшимъ братомъ, Ѳедоромъ. [2]) Изложеніе носитъ на себѣ болѣе публицистическій, нежели научный характеръ; мѣстами оно принимаетъ полемическій оттѣнокъ.

Подобно Велькеру, Фр. Ромеръ стоитъ на психологической точкѣ зрѣнія, которой онъ пользуется для опредѣленія природы политическихъ партій. Его классификація государствъ является выводомъ ученія объ этихъ партіяхъ.

На всѣхъ ступеняхъ общественности и во всѣхъ проявленіяхъ жизни,—въ мышленіи и дѣйствіи, въ наукѣ и искусствѣ, въ большомъ и маломъ,—наблюдаются *четыре основныхъ направленія*, которыя дѣлятъ людей на четыре большія группы. Высшее и и сознательное выраженіе эти группы находятъ въ церкви и государствѣ, гдѣ онѣ принимаютъ законченный видъ *политическихъ партій*. Всюду повторяющіяся партіи суть: *радикальная, либеральная, консервативная* и *абсолютистская*. Повсемѣстное существованіе ихъ указываетъ на присутствіе всеобщей причины, которой онѣ обязаны своимъ происхожденіемъ. [3])

Государство, будучи высшимъ выраженіемъ человѣческаго духа, должно само содержаться въ немъ: его основанія и строй могутъ быть отысканы только въ способностяхъ и строеніи нашей души. Въ организмѣ послѣдней заключенъ, слѣдовательно, весь организмъ государства. Однако, разсматриваемое съ точки зрѣнія состава и строенія, государство не содержитъ въ себѣ никакихъ партій. Но онѣ обнаруживаются тотчасъ-же, какъ скоро мы становимся на точку зрѣнія *политическаго развитія*. Съ первымъ

---

[1]) Ср. *Vorländer*. Die Staatsformen in ihrem Verhältniss zur Entwicklung der Gesellschaft; S. 314—315 (XIV-er Bd.).

[2]) *Fr. Rohmer*. Lehre von den politischen Parteien, 1844; I-er Thl.

[3]) *Ibid.*; S. 4—5, 12, 31.

вступленіемъ государства въ исторію появляются партіи, которыя руководятъ его жизнію. Отсюда слѣдуетъ, что, если для пониманія государственнаго строенія нужно отправляться отъ строенія души, то для разумѣнія политической жизни, съ ея партіями, необходимо идти отъ законовъ духовнаго развитія. И подобно тому, какъ всякій человѣкъ, не смотря на свои индивидуальныя отличія, переживаетъ однѣ и тѣ-же стадіи развитія; такъ точно каждое государство, независимо отъ своихъ историческихъ особенностей, проходитъ однѣ и тѣ-же ступени жизни и порождаетъ однѣ и тѣ-же политическія партіи. Поэтому, образованіе послѣднихъ слѣдуетъ искать въ отдѣльныхъ *стадіяхъ развитія человѣческаго духа*, которыя внѣшнимъ образомъ выражаются въ возрастахъ. [1])

Существуютъ *четыре возраста*, установленные самою природою: отрочество, юность, зрѣлая пора и старость. [2]) Въ здоровомъ организмѣ эти возрасты переживаются одновременно какъ тѣломъ, такъ и душею. Каждый изъ нихъ, давая преобладаніе той или другой сторонѣ духа, характеризуется своими особыми чертами. [3])

Человѣческая жизнь дѣлится на двѣ половины. Одна изъ нихъ, представляя *восходящую* линію, есть время непрерывнаго роста; другая, представляя линію *нисходящую*, есть время постепеннаго пониженія. Первая исполнена движенія, дѣятельности, производительной силы; вторая—размѣренности, сдержанности, спокойной энергіи. Въ первой помѣщается отрочество и юность, ко второй относится зрѣлый возрастъ и старость. Переходный моментъ отъ юности къ зрѣлой порѣ обозначаетъ вершину роста,—переломъ развитія. [4])

---

[1]) *Rohmer.* Lehre von den politischen Parteien; S. 16—18.

[2]) *Ibid.;* S. 20. Къ отрочеству (Knabenzeit) авторъ относитъ, повидимому, и дѣтство. Прибавимъ, что онъ беретъ возрасты въ римскомъ смыслѣ: юность (adolescentia) захватываетъ не только юность въ тѣсномъ смыслѣ, но и часть зрѣлой поры, а эта послѣдняя (juventus)—все время устойчивой зрѣлости. Ibid.; S. 21.

[3]) *Ibid.;* S. 24.

[4]) *Ibid.;* S. 24—25.

По *способу дѣятельности* отрочество напоминаетъ юность, а зрѣлый возрастъ—старость: двумъ первымъ принадлежитъ продуктивность, двумъ вторымъ—покой. Но, сходные въ способѣ дѣятельности, отрокъ и юноша, зрѣлый и старый рѣзко отличаются другъ отъ друга въ ея *содержаніи*. Въ этомъ отношеніи, наоборотъ, средніе возрасты близко сходятся между собою, точно также какъ крайніе напоминаютъ другъ друга, не смотря на внѣшнее удаленіе. Въ юношѣ преобладаютъ: творческія силы, мужество и отвага, уже умѣющія себя сдерживать,—духъ въ высшемъ своемъ разцвѣтѣ, организующій разумъ и съ нимъ сила рѣчи; въ зрѣломъ человѣкѣ—спокойствіе, исполненное мощи, широкій опытъ и ясное разумѣніе, вмѣстѣ съ благородствомъ сердца и глубокимъ сознаніемъ своего достоинства. Оба прекрасно вооружены для практической дѣятельности, а потому дѣйствительная жизнь принадлежитъ имъ обоимъ.—Отрокъ живетъ будущимъ, стремленіями; старикъ прошедшимъ, воспоминаніями. Сила перваго—только призракъ силы, а спокойствіе втораго—результатъ безсилія. Поэтому, настоящее равно не принадлежитъ имъ обоимъ.[1])

По *преобладающимъ сторонамъ души*, юноша *либералъ*, зрѣлый человѣкъ *консерваторъ*, отрокъ *радикалъ* и старикъ *склоненъ къ абсолютизму*. Вовнѣ, по способу дѣятельности, либерализмъ родственъ радикализму; но онъ далекъ ему внутренно, по ея содержанію. Консерватизмъ стоитъ въ такомъ-же отношеніи къ абсолютизму. Наоборотъ, либерализмъ и конерватизмъ родственны внутренно, но чужды другъ другу вовнѣ. Непримиримы во всемъ радикализмъ и консерватизмъ, абсолютизмъ и либерализмъ. [2])

Намѣченныя ступени роста, переживаемыя болѣе или менѣе всѣми, занимаютъ, однако, *различное положеніе* въ жизни отдѣльныхъ лицъ. Есть люди, которые остаются отроками въ теченіи всей жизни; въ другихъ запечатлѣны преимущественно юношескія черты, въ третьихъ—черты зрѣлаго возраста; наконецъ, есть и такіе, отъ которыхъ вѣетъ старостью съ самаго дѣтства. Мало того,—большинство людей принадлежитъ обыкновенно къ отрокамъ или старикамъ отъ рожденія. На долю юности и зрѣлаго возрас-

---

[1]) *Rohmer*. Lehre von den politischen Parteien; S. 25—28.

[2]) *Ibid;* S. 32—33.

та выпадаетъ лишь незначительное меньшинство, одаренное высшею духовною организаціею. Поэтому, масса является обыкновенно радикальною или абсолютистскою; истинный же либерализмъ и консерватизмъ находятъ себѣ немногихъ избранныхъ выразителей. [1])

Ромеръ переходитъ далѣе къ подробной характеристикѣ политическихъ партій, при чемъ постоянно проводитъ параллель между ними и возрастами. Характеристика получается въ высшей степени интересная, сдѣланная мастерскою рукой и богатая тонкими и мѣткими замѣчаніями. По своему объему и значенію она составляетъ главную часть книги, которая, по нашему мнѣнію, доселѣ не нашла должной оцѣнки въ политической литературѣ. Къ сожалѣнію, наша задача не позволяетъ намъ послѣдовать за Ромеромъ въ этой части его работы. Мы воспользуемся ею, насколько это нужно для поясненіи его классификаціи, къ которой непосредственно переходимъ.

Четыре направленія дѣятельности, отвѣчающія четыремъ политическимъ партіямъ, опредѣляютъ собою *основной характеръ* государствъ. По преобладанію того или другаго направленія мы различаемъ четыре государственныхъ типа: а) *идолократіи*, въ которыхъ господствуетъ радикализмъ; б) *государства индивидуальности*, въ которыхъ преобладаетъ либерализмъ; в) *государства породы*, гдѣ первенство принадлежитъ консерватизму, и г) *государства формы*, отдающія преимущество абсолютизму. Характеръ каждаго изъ этихъ типовъ наглядно выражается въ верховной власти,—точнѣе, въ *той точкѣ зрѣнія*, на которой она покоится; при этомъ все равно, будетъ-ли власть въ рукахъ одного лица или многихъ. Указанные типы государствъ характеризуются наполняющимъ ихъ духомъ, а не внѣшнимъ устройствомъ, которое можетъ имѣть самыя разнообразныя формы. [2]).

а) Идолократіи (Idolstaaten). Подобно отроку, радикализмъ живетъ въ мірѣ идеаловъ и грезъ, далекихъ дѣйствительной жизни, которая мало ему знакома. Подсказанные сухимъ и формальнымъ умомъ, свойственнымъ отрочеству, эти идеалы проник-

---

[1]) *Rohmer.* Lehre von den politischen Parteien; S. 29—31, 34.

[2]) *Ibid.;* S. 326—327.

нуты механическимъ взглядомъ на жизнь и исторію: въ людяхъ и строѣ ихъ отношеній радикализмъ видитъ математическія величины, надъ которыми производитъ разнообразныя выкладки. Пригнбаніе жизни подъ неограниченное владычество теоретическихъ формулъ служитъ отличительною чертою радикализма, представляющаго удивительную смѣсь поэзіи и отвлеченія. [1]) Эта черта рѣзко отражается на политическомъ бытѣ. Идолократіи чтутъ въ верховной власти *абстрактнаго идола*, создаваемаго радикализмомъ. Идолы могутъ быть весьма различные. Идоломъ, напр., можетъ быть конституціонный монархъ, какъ воплощеніе конституціонной идеи, какъ «механическій сосудъ абстракціи»; при чемъ высокое уваженіе, которымъ онъ окруженъ, воздается занимаемому имъ положенію, а не личнымъ его достоинствамъ. Въ республикахъ идоломъ можетъ явиться народъ, какъ отвлеченное цѣлое, отъ котораго исходитъ всякая власть. Въ обоихъ случаяхъ государство характеризуется тѣмъ, что въ немъ не человѣкъ господствуетъ надъ политическими формами, а онѣ—надъ нимъ. Формы эти—не выраженіе народнаго состоянія, не произведеніе національной исторіи, а—писанный законъ, сочиненная хартія, къ которой населеніе обязано приспособляться. Словомъ, каково бы ни было содержаніе идола,—въ идолократіяхъ ученіе, доктрина, составляетъ основу, а ея проведеніе въ жизнь—цѣль государства. Образчиками такого политическаго строя могутъ служить: французская монархія 1789—1793 г. и республика вплоть до консульства, испанскія и португальскія конституціи нашего вѣка. [2])

б) Государства индивидуальности (Individualstaaten). Оставляя теоріи, насилующія жизнь, либерализмъ отправляется отъ идеи неравенства въ природѣ, которое дала ему подмѣтить пытливая юность. Справедливость онъ видитъ въ воздаяніи каждому должнаго, а право—въ присвоеніи той свободы и того положенія, которыя отвѣчаютъ личнымъ способностямъ человѣка, призваннаго развивать ихъ на общее благо. Ступени господства и подчиненія онъ опредѣляетъ мѣрою силы, дарованной рожденіемъ: высшій долженъ управлять низшимъ, чтобы служить ему тамъ,

---

[1]) *Rohmer.* Lehre von den politischen Parteien; S. 57—63, 98—99.

[2]) *Ibid.*; S. 327—329, 335.

гдѣ тотъ не въ состояніи самъ справиться. Короче, каждому—свое мѣсто, указанное его природою. Этотъ основной принципъ индивидуальности либерализмъ подвергаетъ, однако, нѣкоторому ограниченію. Вникая въ причины различія людей, онъ признаетъ здѣсь, на ряду съ личными особенностями, значеніе наслѣдственности, породы, и мирится съ вытекающими отсюда слѣдствіями. Впрочемъ, перевѣсъ въ его глазахъ остается за личнымъ началомъ, отодвигающимъ наслѣдственность на второй планъ. Возможно-полное осуществленіе этого начала въ жизни либерализмъ считаетъ своею важнѣйшею задачею, надъ разрѣшеніемъ которой онъ работаетъ со всею энергіею творческихъ силъ юности. [1]) Поэтому, государства индивидуальности, обязанныя ему своимъ происхожденіемъ, отдаютъ первенство *личности правителей*,—величію духа и характера, внутреннимъ и внѣшнимъ преимуществамъ ихъ: руководить политическою жизнью призываются наиболѣе достойные. Всѣ другіе источники права никнутъ передъ этимъ всемогущимъ источникомъ власти, какъ все искуственное никнетъ передъ всемогущею природою. Въ лицѣ достойныхъ представителей государства народъ чтитъ выразителей своихъ идей, коренящихся въ глубинѣ его сознанія. Таковъ древній Римъ, съ своими магистратами, осуществлявшими идею всемірнаго господства; таковъ средневѣковый германскій императоръ и такова, въ лицѣ своего парламента, современная Англія, съ ихъ міровыми задачами; такою будетъ всякая истинно-либеральная эпоха, одушевленная высшими идеалами человѣчества. [2])

в) Государства породы (Raçestaaten). Консерватизмъ,—достояніе зрѣлаго возраста,—отличается стремленіемъ къ сохраненію существующаго, въ отличіе отъ либерализма, проникнутаго творчествомъ. Зрѣлый человѣкъ, домовладыка, уже занялъ опредѣленное положеніе въ жизни и связанъ безчисленными и крѣпкими отношеніями съ окружающимъ міромъ. Его задача—не искать новаго, но твердо стоять на отвоеванной почвѣ,—не пріобрѣтать, но укрѣплять и умножать пріобрѣтенное. Онъ столь-же мало испытываетъ нетерпѣливую потребность идти впередъ, какъ и

---

[1]) *Rohmer*. Lehre von den politischen Parteien; S. 152—166, 193.
[2]) *Ibid.*; S. 329—330, 335—336.

разслабляющую необходимость стоять на мѣстѣ. Осѣвшійся въ своей средѣ, сросшійся съ нею, онъ боится всякихъ потрясеній, но не имѣетъ ничего противъ перемѣнъ, требуемыхъ жизнью. Улучшать существующее, отбрасывать безполезное, призывать къ жизни годное, если оно забыто, давать ему новое основаніе, если колеблется прежнее, влагать духъ зрѣлости и совершенства, силы и продолжительности въ свои созданія,—словомъ, идти къ ближайшему лучшему, не гоняясь за далекимъ прекраснымъ,—таково призваніе истиннаго консерватизма. Стремленіе къ охраненію существующаго побуждаетъ его придавать особое значеніе началу наслѣдственности, въ которомъ онъ усматриваетъ основаніе политическаго строя. Въ этомъ началѣ лежитъ, по его мнѣнію, причина крѣпости и долговѣчности общественныхъ сооруженій. Поэтому, въ противоположность либерализму, онъ ставитъ на первый планъ наслѣдственныя достоинства, породу, приписывая второстепенное значеніе индивидуальнымъ особенностямъ: тамъ первенствуетъ лицо, заслоняя собою происхожденіе,—здѣсь выдвигается родъ въ своихъ представителяхъ, вѣрныхъ его историческому прошлому. Такимъ образомъ, преобладаніе традиціоннаго права, опирающагося на идею органическаго наслѣдія, составляетъ основной признакъ консерватизма, сообщающій своеобразный отпечатокъ политическимъ учрежденіямъ.[1]) Государства породы полагаютъ основою власти *наслѣдственныя достоинства правителей.* Верховныя права принадлежатъ тѣмъ или другимъ лицамъ, какъ духовнымъ и матеріальнымъ преемникамъ предковъ, занявшихъ исключительное положеніе въ силу своихъ заслугъ. Поэтому, власть здѣсь упрочивается или падаетъ вмѣстѣ съ величіемъ родовъ, изъ которыхъ выходятъ правители. По внѣшнему своему строенію государства этого типа могутъ имѣть разнообразныя формы, отъ строго монархическихъ до демократическихъ включительно. Сюда относятся, напр., большинство средневѣковыхъ княжествъ и вольныхъ городовъ Германіи, Венеціанская республика, первоначальные демократическіе кантоны Швейцаріи, съ Граубинденомъ во главѣ. [2])

---

[1]) *Rohmer.* Lehre von den politischen Parteien; S. 195—199, 228—232, 245—248, 250.

[2]) *Ibid.;* S. 330—332, 336.

г) Государства формы (Formenstaaten). Абсолютизмъ, порождаемый старостью, живетъ своимъ прошлымъ. Ему нѣтъ иного выбора, какъ стоять на мѣстѣ или идти назадъ. Опытъ его уже завершенъ, и выработанныя убѣжденія прочны и неизмѣнны, истинны и абсолютны. Безсильный двинуться впередъ, неспособный къ дальнѣйшему развитію, обсолютизмъ держится всѣми средствами за существующій строй, созданный его руками. Онъ ненавидитъ нововведенія, ибо всякая перемѣна ломаетъ зданіе, которое стоило ему великихъ усилій и утомительнаго труда. И онъ далекъ отъ мысли пожертвовать результатами своего прошлаго и полагаетъ все старческое упрямство и всю ловкость возраста на то, чтобъ сдержать и побороть новое время, руководить которымъ онъ не умѣетъ. Естественнымъ слѣдствіемъ положенія является реакція, выражающаяся въ деспотизмѣ и нетерпимости. Обрекая себя на поддержаніе существующаго порядка и видя въ этомъ свое высшее назначеніе, абсолютизмъ, естественно, весь уходитъ въ форму, которой, къ тому же, владѣетъ въ совершенствѣ. Нравственность низводится до значенія условной морали приличій; справедливость уступаетъ мѣсто законности, понимаемой самымъ внѣшнимъ образомъ; право находитъ свое выраженіе въ договорѣ, основанномъ на соглашеніи, буквѣ котораго приносятся въ жертву священные интересы человѣка: подъ девизомъ «summum jus» творится «summa injuria». [1]) Та же печать формализма старости отражается и на политическомъ устройствѣ. Государства формы чтутъ въ своихъ правителяхъ только *происхожденіе*: законное рожденіе есть единственное основаніе ихъ власти и права. Въ отличіе отъ государствъ породы, гдѣ власть покоится въ наслѣдственныхъ достоинствахъ лица и теряется съ ихъ утратою, разсматриваемыя государства, въ случаѣ опасности, жертвуютъ формѣ самымъ своимъ существованіемъ. Здѣсь, слѣдовательно, дѣйствуетъ не живое начало наслѣдственности, имѣющее основаніе въ нашей природѣ, а мертвая внѣшность условнаго права. Къ государствамъ этого вида можно отнести, съ нѣкоторыми оговорками, современную Австрію и Пруссію. [2])

[1]) *Rohmer*. Lehre von den politischen Parteien; S. 250—253, 259—260, 273.

[2]) *Ibid.*; S. 332—333, 336. Авторъ говоритъ, конечно, объ Австріи и Пруссіи своего времени.

Во *всемірной исторіи* четыре указанные типа государствъ послѣдовательно смѣняютъ другъ друга, обозначая собою ступени развитія человѣчества. Дѣтство и отрочество его являются служеніемъ абстракціи, которой подчинена жизнь и свобода лица. Индѣйское государство браминовъ, жреческое Египта, древнеазіатскія и персидскія деспотіи, іудейская теократія суть идолократіи, въ которыхъ господствуетъ или спекулятивное знаніе, какъ въ Индіи и Египтѣ, или нравственный законъ, какъ въ Іудеи и Персіи. Въ правителяхъ видятъ не личность, а идола, который облеченъ тѣмъ или другимъ достоинствомъ, освящаемымъ обыкновенно религіею. [1])—Въ Греціи совершается переходъ отъ отрочества къ юности, отъ господства абстракціи къ господству личности, отъ идолократіи къ государству индивидуальности. Свое внѣшнее выраженіе переходъ этотъ находитъ въ законодательствѣ Солона, въ которомъ уже ярко выступаетъ начало личной свободы. Съ этого времени древній міръ свободно подчиняется своимъ правителямъ, варварскія дружины—своимъ вождямъ, средніе вѣка и новое время—своимъ государямъ. Идолы смѣняются живою человѣческою личностью: индивидуальная свобода и борьба за нее,—жизненныя задачи человѣка и народовъ,—становятся содержаніемъ исторіи. Къ политической свободѣ, выработанной Греціею и Римомъ, христіанство присоединяетъ свободу религіозную. Въ ней человѣчество находитъ новую опору своимъ стремленіямъ къ наиболѣе полному воплощенію индивидуальности въ государствѣ. Въ этой работѣ пребываетъ оно и понынѣ. [2]) Въ зрѣломъ возрастѣ оно призвано сохранить и укрѣпить традиціоннымъ правомъ государство индивидуальности, какъ высшее свое созданіе, а въ старости—придать ему совершенство формы. [3])

Такимъ образомъ, подражая Велькеру, Ромеръ основываетъ свою классификацію на возрастахъ народа; но онъ даетъ имъ иное опредѣленіе. Онъ характеризуетъ ихъ не господствомъ различныхъ законовъ духа, какъ Велькеръ, а преобладаніемъ *основныхъ направленій* дѣятельности, представляемыхъ *политическими* партіями. Новое опредѣленіе покоится также на аналогіи между

[1]) *Rohmer.* Lehre von den politischen Parteien; S. 337—342.
[2]) *Ibid.;* S. 339, 343—344.
[3]) *Ibid.;* S. 338.

организмомъ и государствомъ; но оно вытекаетъ изъ сближенія ихъ въ *другихъ* частяхъ. Сближаются духовныя черты возрастовъ съ характеромъ партій, руководящихъ политическою жизнью. Это сближеніе, незамѣтно для автора, заставляетъ его въ дальнѣйшемъ развитіи своихъ взглядовъ значительно *уклониться* отъ первоначальной точки зрѣнія: различія возрастовъ, служащія исходнымъ пунктомъ Ромера, впослѣдствіи переходятъ у него въ различія *темпераментовъ*, въ чемъ убѣждаютъ слѣдующія простыя соображенія.

Въ началѣ изслѣдованія Ромеръ категорически заявляетъ, что государство, подобно душѣ человѣческой, послѣдовательно переживаетъ стадіи развитія, которыя, совпадая съ возрастами отдѣльнаго лица, наглядно выражаются въ характерѣ господствующихъ политическихъ партій. Но такъ какъ послѣднія бываютъ всегда представлены взрослыми людьми различныхъ лѣтъ, то авторъ позднѣе вынужденъ утверждать, что характеръ ихъ представителей объясняется не преходящими состояніями индивидуальнаго развитія, а врожденными свойствами. Въ свою очередь, это утвержденіе уводитъ его далѣе. Онъ находитъ, что духовныя черты, отличающія періоды человѣческой жизни, распредѣляются среди взрослыхъ людей болѣе или менѣе *постоянно* и *неизмѣнно*, независимо отъ ступеней народнаго роста. Большинство населенія составляютъ обыкновенно или отроки, или старики отъ рожденія и до смерти; меньшинство—не мужающіе юноши и не старѣющіе мужи. Поэтому, народная масса повсюду или радикальна, или наклонна къ абсолютизму, а выдающееся меньшинство или либерально, или консервативно. Но если такъ, то при чемъ же тутъ возрасты? Въ примѣненіи къ цѣлому народу подъ возрастами можно разумѣть только духовныя состоянія, проходимыя имъ въ различныя эпохи исторической жизни, а никакъ не *врожденныя* особенности *постоянныхъ* составныхъ его элементовъ. Что-нибудь одно: *или* ясно выраженныя ступени развитія, переживаемыя народомъ или, по крайней мѣрѣ, большинствомъ наполняющихъ его единицъ,—тогда это, пожалуй, возрасты; *или* ясно выраженныя природныя свойства отдѣльныхъ лицъ, съ болѣе или менѣе неизмѣннымъ распредѣленіемъ ихъ въ народѣ,—тогда это темпераменты. Здѣсь весь вопросъ въ томъ, *время*-ли налагаетъ извѣстный ха-

рактеръ на населеніе, или этотъ характеръ опредѣляется *рожденіемъ*. У Ромера имѣетъ мѣсто послѣднее: его политическія партіи выражаютъ не преемственныя стадіи роста, но постоянныя различія духовной организаціи. Поэтому, проявленіями возрастовъ ихъ можно считать только по ошибкѣ; въ дѣйствительности-же онѣ представляютъ собою *темпераменты*, характеризуемые *чертами возрастовъ*.

Уклоненіе Ромера отъ первоначальной точки зрѣнія, объясняемое условіями его аналогіи, вызываетъ многія недоумѣнія, на которыя онъ не даетъ отвѣта. Такъ, если черты возрастовъ распредѣляются по составнымъ частямъ народа извѣстнымъ постояннымъ образомъ, то становится *непонятною* идея развитія, положенная въ основу всего построенія. Въ чемъ-же, собственно, должно заключаться это развитіе? Если въ послѣдовательномъ преобладаніи политическихъ партій, то какъ объяснить эту закономѣрную послѣдовательность? Казалось-бы, при одинаковомъ составѣ партій естественнѣе ожидать, что онѣ примутъ форму уравновѣшаннаго взаимнаго положенія, обрекающую государство на пребываніе in statu quo; но это явно противорѣчитъ исторіи. Остается предположить, что порядокъ преобладанія обусловливается случайностями рожденій, усиливающихъ то одну, то другую партію. Это предположеніе, несогласное съ основною мыслью автора, находитъ, тѣмъ не менѣе, нѣкоторое подтвержденіе въ его изложеніи. Развивая свои взгляды, онъ постоянно подкрѣпляетъ ихъ указаніями, взятыми изъ жизни различныхъ народовъ въ различныя эпохи ихъ исторіи, при чемъ послѣдовательность возрастовъ нарушается самымъ неожиданнымъ образомъ. Революціонная Франція конца прошлаго вѣка, Испанія и Португалія начала текущаго столѣтія служатъ образчиками идолократій, отвѣчающихъ отроческому возрасту, который въ данныхъ случаяхъ наступаетъ за юностью и зрѣлою порою; тотъ-же характеръ авторъ приписываетъ современной ему Швейцаріи, старинные кантоны которой приводятся въ примѣръ союзовъ зрѣлаго возраста, и т. д. Но если смѣна господства политическихъ партій совершается столь прихотливо и капризно, то какъ видѣть въ ней смѣну возрастовъ?—Съ другой стороны, самый вопросъ о томъ, *кто* переживаетъ эти возрасты, рѣшается Ромеромъ *различно*.

Въ началѣ сочиненія подъ ними разумѣются состоянія отдѣльнаго народа, что̀ поддерживается потомъ въ дальнѣйшемъ изложеніи. Въ самомъ концѣ книги устанавливается, однако, другое положеніе: возрасты являются ступенями развитія всего человѣчества, которое, по Ромеру, уже оставило позади свое отрочество, вступило въ юношескій періодъ и доселѣ пребываетъ въ немъ. Но,—спрашивается,—какъ относятся возрасты народа, о которыхъ говорилось ранѣе, къ возрастамъ всего человѣчества? Переживаетъ-ли первый тѣ же состоянія, какія одновременно съ нимъ испытываетъ второе, или часть живетъ отдѣльною жизнью, отличною отъ жизни цѣлаго? Въ первомъ случаѣ непонятно, откуда берутся государства породы и формы, какъ явленія зрѣлаго и старческаго возрастовъ, которые еще не наступили; во второмъ—столь-же непонятно, въ чемъ выражается жизнь человѣчества, если она отлична отъ жизни отдѣльныхъ народовъ.—Короче, недоумѣнія растутъ, по мѣрѣ того какъ всматриваешься въ положенія автора, въ которыхъ начало не сходится съ концемъ.

Отъ постановки основной аналогіи перейдемъ къ *классификаціи государствъ*, которая на ней покоится. Допустимъ при этомъ, что политическія партіи отмѣчаютъ своимъ преобладаніемъ дѣйствительные возрасты, которые должны служить основаніемъ размѣщенія. Наше общее критическое замѣчаніе и здѣсь находитъ себѣ подтвержденіе.

Какъ преемственныя состоянія *всего человѣчества*, возрасты Ромера дѣлятъ всемірную исторію на *двѣ культурныя эпохи*: періодъ отрочества до Солона и періодъ юности отъ него и до нашихъ дней. Не говоря уже о крайней произвольности дѣленія, оба періода характеризуются авторомъ поверхностными чертами. Такою-же поверхностною является и характеристика государствъ, о которыхъ замѣчается, что въ первый періодъ они отличаются служеніемъ абстракціи, а во второй—господствомъ начала индивидуальности. О вліяніи партій на характеръ общежитія здѣсь нѣтъ и помину: вопросъ этотъ считается, повидимому, исчерпаннымъ предыдущимъ изложеніемъ, въ которомъ разсматриваются возрасты отдѣльныхъ народовъ.

Какъ преемственныя состоянія *народа*, возрасты Ромера *не даютъ даже дѣленія исторіи* по ступенямъ культуры. Они пред-

ставляютъ отдѣльные *переходные моменты* развитія, чередующіеся внѣ опредѣленнаго порядка. Это опять вытекаетъ изъ условій аналогіи. Возрасты обозначаются преобладаніемъ политическихъ партій, которыя являются наиболѣе подвижными элементами общежитія. Партіи смѣняются постоянно; ихъ кратковременное господство, отражаясь на ходѣ текущихъ дѣлъ, не производитъ обыкновенно глубокихъ измѣненій въ государственномъ строѣ. Въ этомъ отношеніи возрасты Ромера не болѣе, какъ мимолетныя картины, мелькающія въ потокѣ политической жизни. Подъ талантливою рукою автора эти картины выходятъ живыми изображеніями дѣйствительности, исполненными съ тонкою наблюдательностью; но онѣ все-же остаются только отдѣльными моментами измѣнчивой стороны государственнаго существованія.

Но менѣе всего удовлетворяютъ возрасты Ромера *требованіямъ классификаціи*. Вслѣдствіе своей подвижности они не могутъ дать надежныхъ признаковъ обособленія, которые должны отличаться устойчивостью и постоянствомъ. Отыскивая ихъ въ подвижной средѣ, авторъ слѣдуетъ въ направленіи, противоположномъ тому, какого требуетъ задача. Немудрено, что результаты не оправдываютъ его ожиданій.

Среди признаковъ, характеризующихъ возрасты, Ромеръ находитъ *основаніе* дѣленія въ той *точкѣ зрѣнія*, на которой *покоится* власть: чтутъ-ли въ ней подданные абстрактнаго идола, личное превосходство, наслѣдственное достоинство, или формальное право рожденія. Неопредѣленный самъ по себѣ, но долженствующій, по мысли автора, проникать во внутреннее существо государства и обнаруживать его содержаніе, признакъ этотъ проводитъ въ дѣйствительности *слабыя, едва уловимыя* границы группъ. Самъ Ромеръ съ трудомъ различаетъ ихъ, призывая на помощь другіе признаки и сопровождая свое размѣщеніе постоянными оговорками, переполняющими обширныя примѣчанія. Для образца укажемъ на одну изъ нихъ, наглядно обнаруживающую слабость дѣленія. Мы видѣли, что въ государствахъ породы власть опирается на признаваемое наслѣдственное достоинство, а въ государствахъ формы—на признаваемое право рожденія. Поэтому, чтобы отнести данный политическій союзъ къ той или другой группѣ, нужно рѣшить предварительно, повинуется-ли населеніе главѣ государ-

ства потому, что видитъ въ немъ представителя достоинствъ извѣстнаго историческаго рода, или только потому, что признаетъ за нимъ право на власть по рожденію. Но такъ какъ при обыкновенныхъ условіяхъ рѣшеніе вопроса встрѣчаетъ неодолимыя трудности, то Ромеръ обязательно предупреждаетъ, что указанное различіе ясно сказывается въ минуты опасности: государство породы, спасая себя, жертвуетъ своимъ правителемъ; государство формы, соблюдая букву закона, жертвуетъ собою. А такъ какъ,— прибавимъ мы отъ себя,—подобныя чрезвычайныя условія рѣдки, то размѣщеніе явленій по группамъ, допуская величайшій произволъ, въ то же время представляетъ легкую возможность ошибокъ, что̀ испытываетъ на себѣ и Ромеръ. Сорокъ лѣтъ тому назадъ онъ указывалъ, напр., на Австрію и Пруссію, какъ государства старческаго возраста. Трудно сказать, куда онъ отнесъ бы теперь первую; но несомнѣнно, что вторая, съ его точки зрѣнія, вступила нынѣ въ періодъ зрѣлости.

Если самъ Ромеръ не видитъ слабости предлагаемаго дѣленія, обусловливаемой неопредѣленностью обособляющаго признака,— это происходитъ единственно отъ того, что онъ постоянно имѣетъ въ виду свои историческія *картины*, принимая ихъ за группы классификаціи. Онъ характеризуетъ типическія формы государства цѣлой *серіей* признаковъ, получая, такимъ образомъ, яркія изображенія. Но мы уже знаемъ, что многіе признаки не могутъ служить основаніемъ размѣщенія. Чтобы отдѣлаться отъ этой невозможности, Ромеръ также избираетъ отдѣльный признакъ; но, не останавливаясь на немъ, онъ не замѣчаетъ его неопредѣленности. Между тѣмъ, яркость изображеній въ одномъ случаѣ зависитъ именно отъ того, что картины рисуются при помощи *многихъ* красокъ; наоборотъ, слабость очертаній въ другомъ — объясняется тѣмъ, что берется *отдѣльная* краска, по тонамъ которой намѣчаются группы. То, что̀ въ сочетаніи даетъ отчетливый рисунокъ, разрозненно утрачиваетъ всякую опредѣленность.

Чтобы кончить съ классификаціями государствъ по возрастамъ народа, намъ нужно коснуться *аналогіи*, на которой онѣ покоятся. Какъ Велькеръ, такъ и Ромеръ основываютъ свои построенія на сравненіи общежитія съ *естественнымъ организмомъ*. Это сравненіе не составляетъ, впрочемъ, ихъ оригинальной черты; юридическая

и политическая литература пользуются имъ вообще широко и охотно.

Съ особою силою помянутое сравненіе стало распространяться съ начала нынѣшняго вѣка. Его распространеніе оказало большое вліяніе на общественныя науки, выразившееся въ появленіи «органическихъ ученій» о правѣ и государствѣ. Вліяніе было и благодѣтельнымъ, и вреднымъ въ одно и то же время. Оно было благодѣтельно, поскольку, устраняя механическую точку зрѣнія на явленія общежитія, помогало выяснить ихъ взаимную связанность и обусловленность (солидарность). Но, прекрасно оттѣняя эту важную сторону дѣла, оно, съ другой стороны, принесло значительный вредъ, породивъ множество ложныхъ взглядовъ. Вредъ происходилъ отъ того, что сравненію не указывали *законныхъ границъ* и, переступая ихъ, дѣлали самыя *произвольныя* заключенія. Отъ вѣрнаго и безспорнаго сходства въ однихъ признакахъ смѣло заключали къ сходству въ другихъ, — сомнительному, натянутому, иногда просто невѣроятному и невозможному. Въ этомъ отношеніи смѣлость заключеній нерѣдко измѣрялась только фантазіею автора. Начали, наконецъ, искать совершеннаго параллелизма между организмомъ и государствомъ, открывая въ послѣднемъ соотвѣтственные функціи и органы, опредѣляя его возрастъ и даже полъ. Словомъ, отъ болѣе или менѣе далекой аналогіи перешли къ болѣе или менѣе полному отожествленію. Переходъ облегчался обычнымъ пріемомъ метафизической школы: стали считать тожество *напередъ* даннымъ, такъ что работа сводилась только на его *обнаруженіе*, а не доказательство; другими словами, не положеніе выводилось изъ фактовъ, а факты комментировались предвзятымъ положеніемъ.

Такъ, между прочимъ, поступаютъ Велькеръ и Ромеръ. Усматривая сходство между періодами жизни отдѣльнаго человѣка и цѣлаго народа, они заключаютъ отсюда, что въ обоихъ случаяхъ характеристическія особенности этихъ періодовъ служатъ выраженіемъ возрастовъ. Очевидно, заключеніе возможно лишь подъ условіемъ, если сходныя явленія вызываются *одинаковыми* причинами, что̀ вытекаетъ изъ предполагаемаго *тожества* между государствомъ и организмомъ. Вмѣсто того, чтобы *сначала* установить это тожество,—доказать, что государство есть дѣйствитель-

ный организмъ въ прямомъ, а не метафорическомъ смыслѣ,—и *потомъ* уже дѣлать свой выводъ,—оба писателя поступаютъ какъ разъ обратно: они предлагаютъ заключеніе, основывая его на тожествѣ, не доказываемомъ, но несомнѣнномъ въ ихъ глазахъ [1]). Само собою разумѣется, что подобное заключеніе не имѣетъ никакой *убѣдительной* силы: оно является слѣдствіемъ простаго сближенія, въ которомъ сближаемые предметы помогаютъ разсмотрѣть другъ въ другѣ нѣкоторыя черты. Съ этой точки зрѣнія, періоды народнаго развитія могутъ быть названы возрастами государства только въ условномъ, поясннтельномъ значеніи слова. Видѣть въ нихъ дѣйствительные возрасты, какъ дѣлаютъ Вельккеръ и Ромеръ, значитъ *злоупотреблять* сближеніемъ, извлекая выводы, на которые оно не даетъ права. Логики строго осуждаютъ такой пріемъ. Примѣромъ ложной аналогіи, — замѣчаетъ Милль,—можетъ служить часто встрѣчаемое утвержденіе, что «политическія тѣла, подобно естественнымъ организмамъ, переживаютъ юность, зрѣлый возрастъ и старость» [2]). То же самое говоритъ Бэнъ [3]). И не только логики, но даже политическіе писатели, которые въ другихъ отношеніяхъ часто нарушаютъ логическія требованія, возстаютъ противъ этой аналогіи. Она, — суровo отзывается Моль,—представляетъ собою «произвольную игру фантазіи, которая можетъ вести къ остроумнымъ заключеніямъ, но не къ научной истинѣ. Сравненіе государствъ съ человѣческими возрастами — поэтическая картина, а не разумный взглядъ на существенныя различія общежитія» [4]). «Подобныя картины,—утверждаетъ онъ въ другомъ мѣстѣ,—производятъ въ наукѣ чуждое, почти непріятное впечатлѣніе» [5]).

---

[1]) Ср. *Vorländer*. Die Staatsformen in ihrem Verhältniss zur Entwicklung der Gesellschaft; S. 297 sq. (XIV-er Bd.), 166 (XV-er Bd.).

[2]) *Милль*. Система логики; т. II, с. 360.

[3]) *Bain*. Logique; t. II, p. 580—581

[4]) *Mohl*. Geschichte und Literatur der Staatswissenschaften; I-er Bd., S. 262.

[5]) *Mohl*. Encyklopädie der Staatswissenschaften; S. 111. — *Vorländer*. Die Staatsformen in ihrem Verhältniss zur Entwicklung der Gesellschaft; S. 299 (XIV-er Bd.).

Покидая классификаціи государствъ по возрастамъ народа, остановимся въ заключеніе на попыткѣ Фолльграффа [1]). Здѣсь именно будетъ всего умѣстнѣе упомянуть о ней, ибо Фольграффъ основываетъ свое размѣщеніе на различіи темпераментовъ и въ этомъ смыслѣ даетъ дальнѣйшее развитіе идеи, присутствіе которой мы нашли въ дѣленіи Ромера.

Фольграффъ отправляется отъ потребности *самосохраненія*, лежащей въ основѣ человѣческой природы. Эта потребность выражается, по его мнѣнію, въ *четырехъ* направленіяхъ или *стремленіяхъ*: 1) къ благополучію физическому, 2)—моральному, 3) къ продолженію рода и 4)—посмертнаго существованія. Всѣ явленія исторіи суть обнаруженія этихъ стремленій, выражающихся въ четырехъ степеняхъ душевной энергіи. По преобладанію одного изъ нихъ различаются *четыре первоначальные темперамента* (Ur-Temperamente), которые отвѣчаютъ *четыремъ расамъ*, представляющимъ *четыре ступени* культуры, религіи и цивилизаціи (дикіе, кочевые, промышленные и гуманные народы). На томъ же основаніи каждая ступень дѣлится, далѣе, на четыре класса, каждый классъ—на четыре порядка, каждый порядокъ—на четыре націи. Такъ какъ государство возникаетъ для удовлетворенія помянутыхъ стремленій, то различія ступеней, классовъ и т. д. должны отражаться на политическихъ союзахъ. Поэтому, *основаніемъ* классификаціи государствъ должны служить *эти различія* [2]). Отсюда возникаютъ слѣдующія основныя группы: а) первая ступень—*неорганизованныя общества дикихъ* (?), б) вторая ступень—*полуорганизованныя общества кочевниковъ*, в) третья ступень—*организованные союзы* или государства *промышленныхъ народовъ* и г) четвертая ступень—*высоко-организованные союзы* или государства *гуманныхъ народовъ*. Двѣ послѣднія ступени имѣютъ множество четверныхъ подраздѣленій, слѣдить за которыми было бы безполезно и утомительно [3]). Кромѣ того, государства, подобно племенамъ и народамъ, имѣютъ свое дѣтство, юношество, зрѣлый возрастъ и старость, которые образуютъ новыя подраздѣленія [4]).

---

[1]) *K. Vollgraff.* Staats-und Rechtsphilosophie; 2-te Ausg. v. Held, 1864.

[2]) *Ibid.*; I-er Thl., I-te Abth., Vorwort des Verfassers, S. VI—IX.

[3]) *Ibid.*; II-er Thl., S. 138—213 (§§ 42—92).

[4]) *Ibid.*; I-er Thl., I-te Abth., Vorwort des Verfassers, S. X.

Трудъ Фолльграффа, стоившій ему упорной двадцатилѣтней работы, въ общемъ и цѣломъ не имѣетъ научной цѣны: ни поразительная эрудиція автора, ни феноменальное трудолюбіе, ни умъ и талантъ его не дали ничего болѣе, кромѣ сборника странно и неудобно расположеннаго матеріала, да нѣкоторыхъ частныхъ замѣчаній, имѣющихъ научное значеніе. «Передъ работою,—говоритъ Моль,—можно стоять только съ удивленіемъ, чтобы не сказать съ сожалѣніемъ» [1]).

Двѣ причины объясняютъ столь печальный результатъ рѣдкаго трудолюбія: *метафизическая точка зрѣнія*, взятая отправнымъ пунктомъ, и покоящаяся на ней совершенно *искусственная и произвольная классификація*. Четыре основныя стремленія человѣка опредѣляются авторомъ апріорно. На этихъ шаткихъ умозрительныхъ данныхъ онъ строитъ свое размѣщеніе, съ которымъ обращается потомъ къ историческимъ явленіямъ, подводя ихъ подъ рубрики длиннаго четвернаго дѣленія. Фолльграффъ слѣдуетъ здѣсь обычною дорогою германскихъ писателей; у него сказываются ихъ недостатки только съ особою силою. Въ этомъ отношеніи онъ служитъ поучительнымъ примѣромъ опасности пріемовъ, которыми пользуются его соотечественники, и вмѣстѣ вѣскимъ отрицательнымъ доказательствомъ важности правильнаго построенія классификаціи: многолѣтній трудъ Фолльграффа гибнетъ жертвою ложнаго размѣщенія, явившагося результатомъ ложныхъ пріемовъ работы.

---

[1]) *Mohl.* Geschichte und Literatur der Staatswissenschaften; III-er Bd., S. 362.—Ср. *Vorländer.* Die Staatsformen in ihrem Verhältniss zur Entwicklung der Gesellschaft; S. 299 (XIV-er Bd.).—См. также предисловіе Хельда къ труду Фолльграффа.

ГЛАВА ТРИНАДЦАТАЯ.

Классификаціи государствъ по ступенямъ культуры народа.

Дѣленіе политическихъ союзовъ по ступенямъ народнаго развитія.—Классификаціи Дудена, Моля и Форлендера.—Критика ихъ.—Общія заключительныя замѣчанія о размѣщеніяхъ, основанныхъ на различіяхъ состояній народа.

Классификаціи государствъ, подлежащія здѣсь нашему обсужденію, въ основныхъ чертахъ напоминаютъ построенія, разсмотрѣнныя въ предыдущей главѣ: онѣ также покоятся на состояніяхъ народа, опредѣляющихъ политическій строй жизни. Но если тамъ эти состоянія, по аналогіи съ естественнымъ организмомъ, носили характеръ возрастовъ,—здѣсь они являются просто *ступенями народнаго развитія*. Въ отличіе отъ Велькера и Ромера, принадлежащіе сюда писатели не раздѣляютъ примѣненія помянутой аналогіи къ размѣщенію политическихъ союзовъ. Они составляютъ, такимъ образомъ, *другую вѣтвь* общаго направленія, представленную Дуденомъ, Молемъ и Форлендеромъ.

Слѣдуя хронологическому порядку, мы должны начать съ классификаціи Дудена. Для этого есть, впрочемъ, и другое основаніе. Изъ трехъ названныхъ писателей Дуденъ наиболѣе приближается къ Велькеру и Ромеру, служа какъ бы соединительнымъ звеномъ между ними, съ одной стороны,—Молемъ и Форлендеромъ, съ другой. Подобно первымъ, онъ также стоитъ на психологической точкѣ зрѣнія, которая замѣтно слабѣетъ у Моля и совсѣмъ исчезаетъ у Форлендера. Со вторыми онъ сходится въ томъ, что отказывается видѣть въ культурныхъ состояніяхъ народа различія его возрастовъ.

Какъ показываетъ самое заглавіе книги [1]), Дуденъ ставитъ себѣ задачею выяснить *«существенныя различія государствъ»*. Поэтому, первый вопросъ, который онъ встрѣчаетъ на своемъ пути, состоитъ въ томъ, чтобы опредѣлить, что̀ такое «существенное различіе». Попытка въ этомъ направленіи приводитъ его, въ свою очередь, къ опредѣленію способа рѣшенія главной задачи.

Истинныя понятія о предметахъ,—думаетъ авторъ,—относятся къ самимъ предметамъ, какъ *копіи ума*—къ *оригиналамъ дѣйствительности*. Поэтому, вопросъ о существенномъ въ понятіи равносиленъ вопросу о существенномъ въ предметѣ. Каждый предметъ имѣетъ свой собственный *центръ*, какъ узелъ, въ которомъ связываются въ одно цѣлое всѣ его обнаруженія. Этотъ центръ, вмѣстѣ съ обнаруженіями, находящимися въ неразрывномъ соединеніи съ нимъ, составляетъ то, что̀ мы называемъ *сущностью* предмета. Параллельно этому, каждое понятіе имѣетъ также свой собственный центръ, который объединяетъ входящіе въ него признаки и является его сущностью. Тѣ составные признаки, которые непосредственно и неразрывно связаны съ своимъ центромъ, вліяя на общій характеръ соединенія, служатъ *существенными* признаками понятія; напротивъ,—тѣ, связь которыхъ—посредственная и далекая, относятся къ признакамъ несущественнымъ и случайнымъ [2]).

Но если истинныя понятія представляютъ собою копіи предметовъ, то, изучая первыя, мы знакомимся по нимъ со вторыми: опредѣливъ, въ чемъ заключается *существенное* даннаго *понятія*, мы узна́емъ, что̀ служитъ *сущностью* отвѣчающей ему *вещи* [3]). А чтобы опредѣлить существенное въ понятіи, какъ цѣломъ, состоящемъ изъ многихъ частей, слѣдуетъ прежде всего разсмотрѣть, какіе признаки безспорно принадлежатъ ему и какіе ошибочно связываются съ нимъ. Устраняя послѣдніе, нужно, далѣе, изучить взаимное отношеніе первыхъ, чтобы найдти среди нихъ *центральный* признакъ. Тогда, обсуждая *мыслимыя* различія этого

---

[1]) *G. Duden.* Ueber die wesentlichen Verschiedenheiten der Staaten, 1835.
[2]) *Ibid.*; I-er Thl., S. 9—11.
[3]) *Ibid.*; S. 10.

признака, нетрудно указать корень возможныхъ *существенныхъ различій* среди вообще возможныхъ различій отдѣльныхъ частей [1]).

Таковъ путь, которымъ авторъ намѣренъ идти къ своей цѣли. Изслѣдованіе должно быть начато съ установленія *истиннаго понятія* о государствѣ, подлежащаго дальнѣйшему аналитическому разсмотрѣнію. Понятіе, избираемое съ этою цѣлью, «содержитъ въ себѣ только такіе признаки, которые всякій сочтетъ за безспорные». Оно гласитъ: «государство есть соединеніе людей посредствомъ высшей человѣческой власти» [2]).

Подвергая анализу избранное понятіе, Дуденъ находитъ, что признакъ «*высшей человѣческой власти*» служитъ центромъ, въ которомъ лежитъ «соединительный пунктъ цѣлаго». Въ этомъ признакѣ заключается сущность понятія: отдѣльныя лица, входящія въ составъ государства, объединяются и удерживаются вмѣстѣ названною властью. Ея дѣятельность является единственною связью политическаго союза. Поэтому, существенныя различія государствъ слѣдуетъ искать только въ *возможныхъ различіяхъ* дѣятельности высшей власти, направленной на поддержаніе соединенія. Всѣ другіе признаки должны быть устранены, какъ случайные, способные ввести въ заблужденіе. Но различія государственной дѣятельности обусловливаются, въ свой чередъ, основою, на которой она покоится. Такимъ образомъ, вопросъ о существенныхъ различіяхъ сводится къ вопросу объ *основаніи* или «*базисѣ*» высшей власти [3]). Въ чемъ же заключается этотъ базисъ?

Дѣятельность верховной власти направлена непосредственно на людей. Она выражается въ томъ, что опредѣляетъ ихъ активныя и пассивныя состоянія (Thun und Lassen). Первыя предполагаютъ въ человѣкѣ волю, принявшую предварительное рѣшеніе; вторыя происходятъ согласно съ волею, или противно ей. Въ обоихъ случаяхъ воля играетъ роль момента, опредѣляющаго состояніе. Поэтому, въ проявленіяхъ своей дѣятельности государственная власть должна господствовать надъ волею людей, направляя ихъ къ желаемой цѣли и воздерживая отъ уклоненій въ

---

[1]) *Duden*. Ueber die wesentlichen Verschiedenheiten der Staaten; I-er Thl., S. 2—3.

[2]) *Ibid.*; S. 3—4.

[3]) *Ibid.*; S. 11—16.

сторону. Но чтобы господствовать надъ волею, необходимо опираться на мотивы, которыми она руководится. Такими мотивами являются *стремленія* людей, которыя, слѣдовательно, и составляютъ искомый базисъ дѣятельности высшей власти [1]).

Какъ въ отдѣльномъ человѣкѣ, такъ и въ цѣломъ обществѣ стремленія возникаютъ и слѣдуютъ другъ за другомъ въ извѣстной постепенности. Если преемственная смѣна ихъ, сопровождаемая въ обществѣ смѣною поколѣній, не нарушается никакими внѣшними вліяніями, она представляетъ собою «*естественное развитіе*», совершающееся внутреннею силою роста. Разумѣется, это развитіе предполагаетъ такую продолжительность жизни отдѣльныхъ лицъ, при которой предыдущія поколѣнія успѣваютъ передать послѣдующимъ весь запасъ собственнаго и наслѣдственнаго опыта. Не ускоряемое и не замедляемое извнѣ, естественное развитіе представляетъ рядъ послѣдовательныхъ *ступеней*, переживаемыхъ общежитіемъ. Каждая ступень характеризуется своими особыми стремленіями, которыя первенствуютъ надъ всѣми другими. Въ свою очередь, первенствующія стремленія являются опорою государственной власти, которая находитъ въ нихъ базисъ для своей дѣятельности. Мѣняя опоры соотвѣтственно росту общества, государство переживаетъ, такимъ образомъ, *параллельный* рядъ ступеней развитія, отмѣченныхъ своими особыми признаками. Какъ мы уже знаемъ, въ этихъ признакахъ заключаются существенныя различія видовъ государства. Поэтому, для опредѣленія послѣднихъ, нужно прослѣдить преемственный ходъ превращеній политическаго организма, сопровождающій естественное развитіе общежитія. А чтобы облегчить эту задачу, слѣдуетъ *представить* себѣ такое общество, которое начинается уединеннымъ состояніемъ *двухъ лицъ* различнаго пола и постепенно растетъ, въ серіи смѣняющихся поколѣній, *внѣ* общенія съ другими людьми, огражденное отъ всякаго *сторонняго* вліянія, благодѣтельнаго или вреднаго. Въ *мыслимой* послѣдовательности его роста отра-

[1]) *Duden.* Ueber die wesentlichen Verschiedenheiten der Staaten.; I-er Thl., S. 21—25; vgl. III-er Thl., S. 2—3.—Придавая столь важное значеніе стремленіямъ человѣка, Дуденъ посвящаетъ ихъ разсмотрѣнію вторую часть своего изслѣдованія. Въ третьей части, непосредственно касающейся нашей темы, онъ переходитъ къ обсужденію явленій политической жизни.

зится *естественный* ходъ развитія, видоизмѣняемый въ жизни привходящими условіями мѣста и времени. Вмѣстѣ съ тѣмъ получатся нижеслѣдующіе *основные виды* государства, отвѣчающіе отдѣльнымъ стадіямъ развитія [1]).

а) Патріархальныя государства (Familienstaaten). Между мотивами, властвующими надъ людьми первыхъ поколѣній, религіозный страхъ занимаетъ преобладающее положеніе. Человѣкъ повсюду видитъ присутствіе высшихъ существъ, которыхъ онъ боится, ибо сознаетъ свою полную зависимость отъ нихъ во всѣхъ обстоятельствахъ жизни. Казалось бы, поэтому, что религіозный страхъ представляетъ здѣсь естественное основаніе, на которое должна опереться власть. И, тѣмъ не менѣе, при всей склонности людей къ теократическому строю, первоначальное государство возникаетъ на иной почвѣ. Для водворенія теократіи недостаетъ умѣнья цѣлесообразно воспользоваться религіознымъ чувствомъ. Это умѣнье могъ бы принести съ собою пришлый человѣкъ, развившійся въ другой средѣ; но его появленіе нарушало бы естественный ходъ развитія, разсматриваемый нами. Основою возникающаго государства служитъ *привязанность* (Anhänglichkeit), какъ сила, сама собою выростающая между людьми общаго происхожденія. Имѣя свой источникъ въ семьѣ, она является первою связью, объединяющею отдѣльныхъ лицъ въ политическіе союзы. Сначала эта связь носитъ характеръ непосредственной привязанности къ главѣ рода, который черпаетъ въ ней свою власть; позднѣе, при расширеніи союза, связь осложняется посредственною привязанностью, при которой извѣстныя лица служатъ соединительными звеньями между правителемъ и остальными подданными. Благодаря второму виду привязанности, политическіе союзы могутъ достигать болѣе или менѣе значительнаго объема. [2])

Привязанность составляетъ главную опору первоначальнаго государства. Но рядомъ съ главною опорою, выражающеюся въ стремленіяхъ большинства населенія, всегда могутъ существовать побочныя и вспомогательныя, обусловливающія повиновеніе отдѣльныхъ лицъ. Вспомогательными опорами патріархальнаго государ-

---

[1]) *Duden.* Ueber die wesentlichen Verschiedenheiten der Staaten; III-er Thl., S. 5—7, 9—11.

[2]) *Ibid.*; S. 16—18, 107.

ства являются: надежда на помощь со стороны правителя, страхъ передъ его силою за личную и имущественную безопасность и религіозное чувство. [1])

б) Теократія. По естественному ходу вещей, съ увеличеніемъ населенія, влекущимъ за собою неизбѣжное удаленіе правителя отъ подданныхъ, ослабѣваетъ привязанность, скрѣплявшая ихъ взаимныя отношенія. Прежняя опора власти становится шаткою и недостаточною. Для поддержанія своего вліянія правитель долженъ прибѣгать къ вспомогательнымъ средствамъ, разсчитаннымъ на другія основанія. Наиболѣе надежными средствами оказываются тѣ, которыя опираются на *религіозныя стремленія* населенія. Къ нимъ, поэтому, онъ обращается все чаще и чаще, научаясь мало-по-малу пользоваться этимъ могучимъ источникомъ вліянія. Самое удаленіе правителя отъ подданныхъ благопріятствуетъ его новой политикѣ, которая, къ тому же, находитъ вѣрнаго союзника въ темныхъ представленіяхъ неразвитаго общества. Такъ, постепенно, патріархальное государство переходитъ въ теократическое, перемѣщая власть съ одного основанія на другое: привязанность, которая служила главною опорою, становится теперь побочною, уступая свое прежнее мѣсто чувству религіознаго страха. Новое основаніе власти, при умѣломъ пользованіи ею, надѣляетъ правителя чрезвычайною силою. Кромѣ того, при извѣстныхъ условіяхъ, оно обезпечиваетъ продолжительное господство, которому не вредитъ умноженіе населенія. Опаснымъ врагомъ теократіи, подъ ударами котораго она обыкновенно падаетъ, является умственное развитіе населенія. Однако, съ ея паденіемъ вліяніе религіозныхъ стремленій на политическую жизнь долго не прекращается. [2])

в) Государства силы (Zwangherrschaft). Паденіе теократическаго правленія, указывая на несомнѣнный прогрессъ общества, тѣмъ не менѣе застаетъ его недостаточно зрѣлымъ для того, чтобы основать общежитіе на разумныхъ началахъ. Ослабленіе религіознаго страха и отсутствіе высшихъ стремленій обезпечиваютъ здѣсь преобладаніе за чувственными побужденіями: воля людей

[1]) *Duden.* Ueber die wesentlichen Verschiedenheiten der Staaten; III-er Thl., S. 18—19.

[2]) *Ibid.*; S. 20—21, 45, 109—110.

опредѣляется по преимуществу мотивами удовольствія и страданія,—точнѣе,—надеждою и страхомъ, какъ предвкушеніями удовольствія и страданія. Очевидно, что при такихъ условіяхъ государственная власть должна искать опоры въ *физической силѣ*, дѣйствуя въ двоякомъ направленіи: вынуждая однихъ къ повиновенію страхомъ, привлекая къ себѣ другихъ надеждою на какія-либо блага. Оба вида воздѣйствія помогаютъ другъ другу. Чтобы внушать подданнымъ страхъ, нужно обладать такою силою, которая превосходила бы ихъ силы, чего обыкновенно нѣтъ у правителя. Поэтому, онъ долженъ искать себѣ помощниковъ, предлагая имъ чувственныя удовольствія въ обмѣнъ на получаемыя услуги. Для большинства награда является платою за содѣйствіе; но есть уже и такія лица, въ которыхъ пробудилось темное стремленіе къ властолюбію, побуждающее ихъ служить безкорыстно. Образуется, такимъ образомъ, группа помощниковъ, среди которыхъ устанавливается порядокъ іерархическаго подчиненія. Вмѣстѣ съ тѣмъ вырабатывается цѣлая система средствъ для того, чтобы держать остальное населеніе въ терпѣливой покорности. Управляющіе и управляемые становятся въ положеніе побѣдителей и побѣжденныхъ. Глава государства располагаетъ своею властію по произволу, поскольку онъ можетъ разсчитывать на содѣйствіе своихъ помощниковъ; а онъ можетъ разсчитывать на него, пока не задѣваетъ ихъ личныхъ интересовъ. Въ этомъ отношеніи его руки развязаны тѣмъ болѣе, чѣмъ далѣе стоятъ помощники отъ управляемыхъ, чѣмъ менѣе они связаны съ ними и питаютъ участіе къ нимъ. [1]) Съ теченіемъ времени между тѣми и другими, происходитъ, однако, постепенное, но неминуемое сближеніе. Знаменуя собою новый шагъ въ развитіи общества, оно совершается подъ вліяніемъ духовныхъ стремленій, воспитываемыхъ семейною и осѣдлою жизнью. Этотъ поворотъ развитія не можетъ, конечно, не отозваться на правителѣ: чтобы укрѣпить свое положеніе, онъ долженъ считаться съ новыми вѣяніями времени. [2])

[1]) Вотъ почему, между прочимъ, въ глазахъ правителя пришлая наемная дружина предпочтительнѣе лицъ изъ среды подданныхъ. Но это—опять уклоненіе отъ „естественнаго развитія“, на которомъ мы не должны останавливаться. Ibid.; III-er Thl., S. 24—25, 29.

[2]) *Duden.* Ueber die wesentlichen Verschiedenheiten der Staaten; III-er Thl., S. 19, 21—28, 46—47.

г) Феодальныя государства. Политическій строй, покоющійся на силѣ, уступаетъ мѣсто такой формѣ жизни, которая главную опору власти переноситъ въ *отношеніе человѣка къ землѣ.*

Первоначальное общество живетъ одною семьею, которая въ послѣдующихъ поколѣніяхъ разбивается на группы. Каждая группа занимаетъ особый участокъ, пользуется имъ и смотритъ на него, какъ на свое достояніе. Внутри группы члены ея владѣютъ землею сообща, пока среди нихъ не произойдетъ точно такое же обособленіе и не возникнетъ представленіе о преимуществахъ извѣстныхъ лицъ на тѣ или другія угодья. При этомъ, чѣмъ болѣе ослабѣваетъ семейная привязанность, тѣмъ сильнѣе сказывается стремленіе къ обособленію и дробленію земли. Совершается молчаливый или открытый раздѣлъ территоріи; возникаютъ понятія о земельной собственности, сначала общинной, потомъ частной. Побужденіемъ къ обособленію и раздѣлу служатъ прежде всего чувственныя потребности. Находя средства для ихъ удовлетворенія въ почвѣ, человѣкъ, естественно, желаетъ присвоить ее себѣ,—тѣмъ болѣе, что различіе потребностей вызываетъ различное пользованіе землею. Къ этому позднѣе присоединяется духовное побужденіе создать себѣ обстановку, отвѣчающую личнымъ стремленіямъ и вкусамъ. Такимъ образомъ, укрѣпляется убѣжденіе, что въ исключительномъ владѣніи — залогъ земнаго благополучія, котораго не слѣдуетъ отнимать у человѣка.

Но съ возникновеніемъ личнаго владѣнія землею, которому предшествуетъ появленіе частной движимой собственности, порождаемой тѣми же причинами, обнаруживается имущественное неравенство среди населенія. Это неравенство вытекаетъ изъ неравенства духовныхъ и физическихъ силъ отдѣльныхъ лицъ. Оно возрастаетъ и усиливается съ дальнѣйшимъ движеніемъ общества. Здоровье и болѣзнь, сила и безсиліе, энергія и лѣнь—причины, которыя, въ связи съ наслѣдованіемъ, нуждаются только во времени, чтобы рѣзко раздѣлить населеніе на два класса: богатыхъ и бѣдныхъ. А какъ скоро это раздѣленіе совершилось,—оно необходимо повліяетъ на форму общественной жизни. Богатые, естественно, забогятся сохранить за собою то, чѣмъ они владѣютъ; бѣдные, съ своей стороны, стремятся къ тому, чтобы облегчить свою участь на счетъ богатыхъ. Союзъ однихъ для взаим-

ной охраны противъ стремленій другихъ является простымъ слѣдствіемъ положенія. Въ этихъ условіяхъ верховная власть силою вещей вынуждена искать поддержки среди богатаго класса, который тѣмъ охотнѣе становится подъ ея знамя, чѣмъ надежнѣе она ограждаетъ его интересы, связанные съ землею. Общественный строй принимаетъ форму феодальнаго государства, въ которомъ власть правителя опирается, главнымъ образомъ, на *поземельную аристократію*. Она, впрочемъ, находитъ себѣ и другія побочныя опоры. Честолюбіе, котораго не было въ предшествующіе періоды, даетъ возможность правителю привлекать людей отличіями, поднимающими ихъ въ глазахъ общества. Стремленіе къ власти, проявлявшееся ранѣе слабо, пріобрѣтаетъ ему содѣйствіе лучшихъ людей, руководимыхъ желаніемъ осуществить свои идеалы. Наконецъ, онъ находитъ поддержку въ религіозныхъ чувствахъ населенія, если умѣетъ овладѣть ими. [1])

д) Свободныя государства. Если общественное развитіе не нарушается внѣшними вліяніями, оно продолжаетъ двигаться поступательно, подавляя одни стремленія, облагораживая другія, отдавая преобладаніе третьимъ. Разумъ обуздываетъ чувственныя влеченія; жажда власти переходитъ въ исканіе независимости; честолюбіе обращается въ желаніе стать совершеннѣе. Высшія требованія духа получаютъ перевѣсъ надъ всѣми другими побужденіями. Какъ скоро общество достигаетъ этой ступени развитія, — политическія учрежденія уже не могутъ болѣе покоиться ни на слѣпой привязанности, ни на религіозномъ страхѣ, ни, тѣмъ менѣе, на силѣ, покупаемой тою или другою цѣною. Положеніе требуетъ, чтобы власть опиралась на *высшія стремленія* общества. Она можетъ подчинить себѣ человѣка, только дѣйствуя на его разумъ. Иного выхода нѣтъ; за-то указанный обѣщаетъ вѣрный успѣхъ. Члены общежитія, поддерживая другъ друга, охотно оказываютъ содѣйствіе во всемъ, что, по ихъ мнѣнію, ведетъ къ достиженію высшихъ цѣлей; столь-же охотно они соединяютъ свои усилія, чтобы устранить препятствія, лежащія

---

[1]) *Duden.* Ueber die wesentlichen Veschiedenheiten der Staaten; III-er Thl., S. 29—44.

на этомъ пути. Водворяется наиболѣе совершенная форма свободнаго государства, какъ общества людей, повинующихся предписаніямъ просвѣщеннаго разума. Частныя уклоненія отъ этихъ предписаній, конечно, возможны и здѣсь; но они составляютъ исключенія. [1])

Таковъ ходъ естественнаго развитія, завершающійся установленіемъ свободнаго государства. Эта высшая ступень служитъ вмѣстѣ и *поворотнымъ пунктомъ*, съ котораго начинается попятное движеніе. Поворотъ обозначается тѣмъ, что вліяніе низшихъ стремленій растетъ и усиливается вновь въ представителяхъ общества. Не нужно думать, однако, что явленія восходящаго развитія должны повторяться здѣсь въ обратномъ порядкѣ. Общество столь-же мало можетъ вернуться къ своимъ начальнымъ стадіямъ, какъ старикъ —къ своему дѣтству. Правда, между старостью и дѣтствомъ есть нѣкоторое сходство; но они рѣзко различаются тѣмъ, что первая владѣетъ запасомъ воспоминаній, которыхъ нѣтъ у втораго. Въ глубокомъ возрастѣ дряхлѣющаго общества отдѣльныя лица проникнуты стремленіями всѣхъ предыдущихъ ступеней развитія, дошедшими до нихъ по воспоминаніямъ. [2])

Въ заключеніе два слова о *субъектѣ* верховной власти. Эта послѣдняя, какъ необходимый признакъ понятія государства, предполагаетъ волю, направленную на властвованіе. Сама по себѣ такая воля требуетъ только *одного* лица; но она можетъ также принадлежать и многимъ. Это зависитъ отъ различныхъ историческихъ условій, среди которыхъ стремленія людей, служащія опорою власти, занимаютъ видное положеніе. Поэтому, если характеристика развитія общества имѣла въ виду главнымъ образомъ единовластіе,—то лишь въ качествѣ основной формы, не исключающей другихъ видовъ правленія [3]).

Мы остановились на классификаціи Дудена долѣе, нежели заслуживаютъ ея научныя достоинства. Намъ руководило при этомъ то соображеніе, что попытка автора съ чрезвычайною рельефностью обнаруживаетъ *пріемы* работы, встрѣчаемые, въ смягчен-

---

[1]) *Duden.* Ueber die wesentlichen Verschiedenheiten der Staaten; S. 47—49, 70.
[2]) *Ibid.*; S. 50—51, 59.
[3]) *Ibid.*; I-er Thl., S. 6, 23. 24; III-er Thl., S. 67 sq., 71 sq..

номъ или маскированномъ видѣ, у большинства нѣмецкихъ писателей. Поэтому, для оцѣнки ихъ пріемовъ она является особенно благодарною.

Казалось бы, не подлежитъ никакому сомнѣнію, что вопросъ о размѣщеніи явленій можетъ быть рѣшенъ только на основаніи изученія ихъ посредствомъ *наблюденія*;—что нельзя и думать о примѣненіи *дедуктивнаго* метода тамъ, гдѣ все дѣло сводится на опредѣленіе взаимнаго отношенія признаковъ, познаваемыхъ эмпирически. И, не смотря на то, при рѣшеніи этой индуктивной задачи находятъ возможнымъ поступать совершенно обратно: наведеніе замѣняется *выведеніемъ*, вслѣдствіе чего классификація становится *системою силлогизмовъ*, слаженныхъ съ бо́льшимъ или меньшимъ искусствомъ. Избавляя изслѣдователя отъ тяжелаго труда по изученію размѣщаемаго матеріала, дедуктивный пріемъ, съ этой стороны, представляется соблазнительнымъ; но, ложный въ своемъ основаніи, онъ не можетъ, конечно, обезпечить правильнаго исхода работы, толкая на скользкій и случайный путь умозрительныхъ построеній. Дедукціи Дудена служатъ прекраснымъ образчикомъ того, какъ пользуются этимъ пріемомъ.

Первый и самый важный вопросъ,—что̀ такое существенный признакъ,—разрѣшается весьма просто. Истинныя понятія—копіи вещей, а каждая вещь непремѣнно имѣетъ свой центръ, составляющій ея сущность; слѣдовательно, въ понятіи долженъ быть также соотвѣтственный центръ, служащій его существеннымъ признакомъ. Съ точки зрѣнія формальной логики, силлогизмъ вполнѣ правиленъ. Но откуда взяты его *посылки*? Почему понятія—копіи вещей, и въ какомъ смыслѣ? Изъ чего слѣдуетъ, что каждая вещь имѣетъ свой центръ? На какомъ основаніи центръ этотъ считается ея сущностью?—На эти вопросы Дуденъ не даетъ никакого отвѣта. Очевидно, его посылки приняты на *вѣру*; а, между тѣмъ, онѣ являются основою всего построенія: стоитъ расшатать одну изъ нихъ, и зданіе, лишенное опоры, разсыплется на составныя части. Но далѣе.

Если истинныя понятія—копіи вещей, то,—думаетъ авторъ,—по первымъ можно изучать вторыя. Дѣйствительно, если провести знакъ *равенства* между понятіемъ и предметомъ, какъ дѣлаетъ Дуденъ, то отчего бы и не такъ? Новое заключеніе, взятое *от-*

дѣльно, опять совершенно правильно. Но на этотъ разъ оно не удовлетворяетъ даже формальнымъ требованіямъ логики, если разсматривать его въ *связи* съ предыдущимъ силлогизмомъ. Въ самомъ дѣлѣ, что̀ это такое, какъ не petitio principii: сначала авторъ судитъ о понятіяхъ по предметамъ, чтобы потомъ судить о предметахъ по понятіямъ? Не говоримъ уже, что онъ не приводитъ при этомъ никакихъ разумныхъ основаній, почему *предпочтительнѣе* изучать явленія не въ оригиналахъ, а по копіямъ.

Но пусть пріемъ Дудена вѣренъ. Казалось бы, главное, на что̀ ему слѣдуетъ обратить особенное вниманіе при рѣшеніи своей спеціальной задачи, должно состоять въ томъ, чтобы установить *истинное* понятіе о государствѣ, какъ основаніе дальнѣйшаго выведенія. Правда, требованіе истинности понятія высказывается авторомъ вскользь, подъ формою эпитета, который, къ тому же, онъ употребляетъ рѣдко; но ясно само собою, какое значеніе имѣетъ этотъ эпитетъ: *только* истинныя понятія—копіи вещей, а потому къ нимъ *однимъ* приложимъ рекомендуемый методъ. Тѣмъ не менѣе, Дуденъ совсѣмъ *не разсматриваетъ* этой важной для него стороны дѣла и,—намъ думается,—не случайно и не напрасно. Если бы онъ попытался остановиться на вопросѣ объ истинности понятія,— силою вещей онъ пришелъ бы къ необходимости *эмпирическаго* изученія государства. Но именно этого-то онъ и не хочетъ, ибо это подрывало бы всѣ его взгляды на методологію и вело бы въ ту область, гдѣ, по его признанію, легко заблудиться и не достичь цѣли [1]).

Какъ же, однако, поступаетъ Дуденъ, который, во всякомъ случаѣ, долженъ начать съ истиннаго понятія о государствѣ?—Не пускаясь въ далекія соображенія, онъ прямо предлагаетъ *готовое* опредѣленіе, а для доказательства его истинности ограничивается замѣчаніемъ, что «оно содержитъ въ себѣ только такіе признаки, которые всякій сочтетъ за безспорные». Ссылки на «*всякаго*» оказывается достаточно, чтобы утвердить *основное* положеніе, которое служитъ источникомъ цѣлой системы силлогизмовъ, образующихъ изслѣдованіе.

---

[1]) *Duden*. Ueber die wesentlichen Verschiedenheiten der Staaten; I-er Thl., S. 1—2, 16.

Безъ труда установивъ исходное положеніе, Дуденъ, собственно, уже исполнилъ самую мудреную часть своей работы: онъ нашелъ копію, по которой можно изучать государство, не обращаясь къ явленіямъ дѣйствительности. Теперь ближайшая его задача заключается въ томъ, чтобы въ копіи указать *центръ*, отвѣчающій сущности оригинала. Это также не трудно, зная, что центромъ служитъ признакъ, который связываетъ собою другіе признаки. Въ опредѣленіи государства такимъ признакомъ является верховная власть, объединяющая своею дѣятельностью составные элементы общежитія. Въ этой *власти* или, точнѣе, въ ея *дѣятельности* лежитъ, стало-быть, центръ государства, составляющій его сущность; откуда слѣдуетъ, что возможныя различія государственной дѣятельности должны быть признаны существенными различіями политическихъ союзовъ. Но, въ свой чередъ, дѣятельность государства обусловливается преобладающими стремленіями населенія, въ которыхъ верховная власть находитъ свою опору. Поэтому, спускаясь ниже, искомый центръ политическаго союза нужно видѣть въ господствующихъ *стремленіяхъ* народа, которыми опредѣляются существенныя различія общежитій. Но здѣсь мы уже перестаемъ понимать Дудена. Выходятъ *два* центра: одинъ—въ дѣятельности верховной власти, другой—въ народныхъ стремленіяхъ [1]); который изъ нихъ истинный,—неизвѣстно. Авторъ не рѣшаетъ этого вопроса. Онъ спѣшитъ перейдти къ изученію стремленій человѣка, чтобы подготовить данныя для послѣдующихъ соображеній.

Изученіе приводитъ Дудена къ выводу, что стремленія человѣка возникаютъ и развиваются въ извѣстной послѣдовательности. Свой выводъ онъ *переноситъ* затѣмъ съ отдѣльнаго лица на цѣлое общество, не задумываясь надъ *возможностью* самаго перенесенія. Сдѣлавъ это, онъ *представляетъ себѣ* изолированное общество и *слѣдитъ въ умѣ* за вѣроятнымъ порядкомъ преемственныхъ состояній, вызываемыхъ внутреннею силою роста воображаемаго организма. Предполагаемый порядокъ преемственности онъ называетъ «естественнымъ развитіемъ», хотя, конечно, было бы правильнѣе назвать его «неестественнымъ», ибо, по мнѣнію самого

---

[1]) *Ibid.*; I-er Thl., S. 11; vgl. S. 16—17.

автора, ничего подобнаго не можетъ быть въ дѣйствительности. Отдѣльныя ступени этого развитія выражаются въ послѣдовательномъ преобладаніи стремленій общества, отвѣчающемъ параллельной послѣдовательности въ развитіи отдѣльнаго лица. И здѣсь, слѣдовательно, Дуденъ остается *вѣренъ* себѣ: онъ упорно отказывается идти въ исторію, въ которой легко заблудиться; онъ предпочитаетъ имѣть дѣло съ своими собственными мыслями, гдѣ, разумѣется, заблудиться труднѣе. Не смущаясь ни мало, онъ береть на себя смѣлую задачу *сочинить* исправленную «естественную» исторію человѣчества, къ мыслимымъ стадіямъ которой явленія дѣйствительной исторіи относятся, какъ видоизмѣненія, обусловленныя обстоятельствами мѣста и времени.

Таковы *намѣренія* и *усилія* Дудена; на дѣлѣ же выходитъ совсѣмъ *другое*. Всѣ его положенія, начиная съ опредѣленія государства и оканчивая ступенями развитія общества,—всѣ данныя, которыя служатъ строительнымъ матеріаломъ его дедукцій, взяты, очевидно, изъ *наблюденія*. Съ этой стороны, его желаніе отрѣшиться отъ явленій исторіи остается напраснымъ. Но вотъ въ чемъ бѣда: вмѣсто того чтобы наблюдать эти явленія непосредственно, обставляя работу возможными гарантіями успѣха, авторъ повертывается къ нимъ спиною. Онъ *не наблюдаетъ*, а *комбинируетъ* результаты своихъ *прежнихъ* наблюденій, служащихъ ему логическими посылками выведенія. Его заключенія зависятъ, такимъ образомъ, отъ *случайной* причины: отъ наличнаго запаса историческихъ свѣдѣній, которыми онъ располагаетъ въ данную минуту. Не разсчитанныя на примѣненіе къ рѣшенію задачи, эти свѣдѣнія подвергаются, далѣе, вліянію *пріемовъ* изученія: они вставляются въ формулы дедукціи, заставляющія поправлять явленія сообразно ходу умозаключеній.

Отъ пріемовъ изслѣдованія обратимся къ его *результатамъ*. Отыскивая основаніе классификаціи государствъ въ состояніяхъ общества, Дуденъ также приходитъ къ дѣленію исторіи по ступенямъ культуры. Въ этомъ отношеніи онъ испытываетъ на себѣ общую участь писателей разсматриваемаго направленія.

Въ качествѣ *дѣленія исторіи* попытка Дудена не находитъ подтвержденія въ жизни отдѣльныхъ народовъ. Это, впрочемъ, вполнѣ согласуется съ намѣреніями автора, который, какъ мы видѣли,

желаетъ установить воображаемый, такъ сказать, долженствующій, а не дѣйствительный ходъ развитія. Отдѣльные народы не переживаютъ всѣхъ ступеней культуры, которыя онъ указываетъ. Одни изъ нихъ не знаютъ, напр., теократій, другіе—деспотій; третьи незнакомы ни съ первыми, ни со вторыми. Высшая ступень развитія, гдѣ царствуетъ просвѣщенный разумъ, является плодомъ размышленій автора о наилучшемъ политическомъ строѣ. За ея исключеніемъ, остальныя ступени Дудена представляютъ собою *состоянія* общежитія, *разобщаемыя* исторіею, но *связываемыя* имъ въ одну непрерывную цѣпь предполагаемаго развитія. Избирая *характерныя эпохи* изъ жизни различныхъ народовъ, онъ *располагаетъ* ихъ въ придуманномъ порядкѣ, при чемъ не даетъ даже того, на что̀ читатель могъ бы разсчитывать: болѣе или менѣе удовлетворительнаго изображенія избранныхъ эпохъ, благодарныхъ въ этомъ отношеніи.

Въ качествѣ *классификаціи государствъ* попытка Дудена напоминаетъ размѣщеніе Велькера. Соотвѣтствуя ступенямъ культуры группы Дудена характеризуются ихъ чертами и различаются между собою, главнымъ образомъ, по стремленіямъ населенія, служащимъ опорою верховной власти. Обособляющими признаками размѣщенія являются здѣсь также *основанія господства*, которыя, однако, исчисляются полнѣе и подробнѣе, чѣмъ у Велькера. Власть, по Дудену, можетъ покоиться: или на привязанности, или на религіозномъ чувствѣ, или на силѣ, пріобрѣтаемой обѣщаніемъ чувственныхъ удовольствій, или на силѣ, поддерживаемой поземельными отношеніями, или, наконецъ, на разумѣ. Оставляя въ покоѣ разумъ, какъ основаніе идеальнаго государства, мы имѣемъ у Дудена *четыре* историческія группы: патріархіи, теократіи, деспотіи и феодальныя государства. При разсмотрѣніи этихъ группъ прежде всего кажется *непослѣдовательнымъ* со стороны автора отдѣленіе деспотій отъ феодальныхъ государствъ. Съ его точки зрѣнія, какъ тѣ, такъ и другія должны бы, повидимому, составлять *одну* группу, ибо тамъ и здѣсь власть одинаково основывается на силѣ, имѣющей свой источникъ въ чувственныхъ стремленіяхъ людей къ земнымъ благамъ. Различіе же состоитъ въ томъ, какими благами покупаетъ правитель содѣйствіе своихъ помощниковъ; а это—уже не тотъ признакъ, по которому произ-

водится дѣленіе. Ясно, что уклоненіе отъ основанія обособленія объясняется здѣсь рѣзкимъ различіемъ между деспотическимъ строемъ и феодальнымъ,—различіемъ, которое не могло ни ускользнуть отъ Дудена, ни подойти подъ его мѣрку. — Предлагаемыя группы не имѣютъ, далѣе, *соотвѣтственныхъ* признаковъ обособленія, на что̀ мы уже указывали, обсуждая классификацію Велькера. [1]) Вслѣдствіе этого онѣ представляютъ результаты различныхъ дѣленій, не дозволяющихъ признать въ себѣ одно размѣщеніе. Соединеніе ихъ есть простое внѣшнее сближеніе разнородныхъ величинъ, чуждыхъ другъ другу внутренно. Ошибочное само по себѣ, такое сближеніе не обезпечиваетъ ни въ томъ, что группы обнимаютъ весь размѣщаемый матеріалъ,—ни въ томъ, что отдѣльныя части его не входятъ въ составъ различныхъ группъ. [2]) Съ этою важною ошибкою, которая, подъ различными формами, такъ часто повторяется въ литературѣ вопроса, мы вновь встрѣтимся вскорѣ у Моля, гдѣ остановимся на ней нѣсколько подробнѣе.

Минуя второстепенные промахи Дудена, укажемъ еще на одну любопытную черту его попытки. Самъ авторъ не интересуется собственно классификаціею государствъ; онъ даже не упоминаетъ о ней ни однимъ словомъ. Онъ ставитъ себѣ задачею выяснить существенныя различія политическихъ союзовъ, не подозрѣвая, повидимому, близкаго родства своей темы съ вопросомъ о размѣщеніи. Его классификація является, такимъ образомъ, *невольнымъ* и *побочнымъ* результатомъ работы, который, къ тому же, такъ и остается незамѣченнымъ. Поэтому, между прочимъ, Дуденъ весьма старательно подчеркиваетъ тотъ или другой *признакъ*, но не обращаетъ вниманія на *группу*. Отсюда происходитъ нѣкоторая недодѣланность изложенія, отчасти скраденная въ нашемъ пересказѣ, благодаря иной постановкѣ вопроса; недодѣланность же еще болѣе усиливаетъ неопредѣленность очертанія группъ, зависящую отъ *слабости* обособляющихъ признаковъ.

Въ прямую противоположность Дудену, М о л ь стоитъ на исторической почвѣ въ вопросѣ о классификаціи государствъ. По его мнѣнію, различія политическихъ союзовъ объясняются, съ одной

---

[1]) См. выше, гл. XII, с. 295.

[2]) См. выше, гл. V, с. 133 sq.

стороны, различіемъ ихъ *строенія*, съ другой и главной, — различіемъ *цѣлей*, которыя они преслѣдуютъ, что̀ опредѣляется *міросозерцаніемъ* народа. Отсюда происходитъ великое разнообразіе государствъ по *формѣ* и *содержанію*, наблюдаемое въ исторіи и современной жизни. Отправляясь отъ этихъ данныхъ, правильное размѣщеніе должно положить въ основу дѣленія различіе государствъ по *содержанію*, какъ самое *главное* и *существенное*, и уже потомъ принять въ соображеніе различіе ихъ по формѣ. „Всякій другой пріемъ,—замѣчаетъ Моль,—раздѣлялъ бы явленія, внутренно сродныя, и соединялъ бы явленія, въ основаніи чуждыя другъ другу.“ Поэтому, *родовыя* группы государствъ должны опираться на различіе *цѣлей*, преслѣдуемыхъ ими, чѣмъ условливается ихъ содержаніе; а *видовыя*—на различное *строеніе* общежитій, чѣмъ характеризуется ихъ форма. [1]) Слѣдуя этимъ признакамъ, Моль устанавливаетъ шесть основныхъ группъ, имѣющихъ дальнѣйшія подраздѣленія.

а) Патріархальныя государства опираются на идею отеческой власти и ставятъ своею цѣлію водвореніе порядка среди племени, члены котораго еще сохраняютъ сознаніе кровной связи и испытываютъ потребность во взаимномъ сожительствѣ. Предполагая единство воззрѣній на жизнь въ лицахъ, связанныхъ расположеніемъ другъ къ другу, эта форма общежитія отличается простотою требованій. Ея задача исчерпывается охраненіемъ внутренняго мира, разбирательствомъ возникающихъ споровъ и общею защитою отъ внѣшняго врага. Все это достигается немногими и самыми простыми учрежденіями, ибо желаемый порядокъ обезпечивается гораздо болѣе нравственными предписаніями, нежели правомъ,—обычаемъ, нежели закономъ. Власть принадлежитъ здѣсь или одному лицу, какъ признанному главѣ племени, или собранію отцевъ семействъ, или совѣту старѣйшинъ.

Патріархальныя государства, будучи низшею формою общежитія, имѣютъ мѣсто въ первобытныхъ обществахъ, занимающихъ незначительную территорію. Только существованіе общей власти и

---

[1]) *R. v. Mohl.* Encyklopädie der Staatswissenschaften; 2-te Aufl., 1872; S. 103, 108, 112.

нѣкоторыхъ учрежденій отличаютъ ихъ отъ догосударственнаго состоянія общества. [1])

б) Теократіи преслѣдуютъ религіозныя цѣли жизни по преимуществу, если не исключительно. Отличительною чертою этихъ государствъ служитъ глубокая и всеобщая вѣра подданныхъ въ небесный промыслъ, пекущійся о нихъ: въ глазахъ населенія общежитіе возникаетъ по волѣ божіей и управляется ею въ дальнѣйшемъ своемъ существованіи. Теократіи бываютъ двухъ видовъ:

Чистыя теократіи, въ которыхъ дѣла вѣры и политики сосредоточиваются въ однѣхъ и тѣхъ-же рукахъ, такъ что церковь и государство сливаются въ одно нераздѣльное цѣлое. Само собою разумѣется, что религіозные интересы господствуютъ здѣсь безусловно надъ всѣми прочими: земная жизнь и дѣятельность человѣка опредѣляется его отношеніями къ божеству,—единой и конечной цѣли стремленій. Какъ служители, находящіеся въ непосредственномъ общеніи съ невидимымъ владыкой, волю котораго они призваны исполнять, священники, естественно, являются вершителями общественныхъ дѣлъ, чего-бы послѣднія ни касались. Надъ ними, въ качествѣ намѣстника божія, поставляется высшій представитель церкви, которому обыкновенно принадлежитъ вся полнота верховной власти.

Смѣшанныя теократіи (дуалистическія), въ которыхъ религія не подчиняетъ себѣ безусловно другихъ интересовъ жизни, но отводитъ имъ нѣкоторое самостоятельное значеніе. Въ мѣру этой самостоятельности, веденіе свѣтскихъ дѣлъ, — впрочемъ, непремѣнно въ духѣ ученія церкви,—ввѣряется свѣтскимъ органамъ, которые существуютъ рядомъ съ духовною властью. Такимъ образомъ, религіозные и свѣтскіе интересы находятъ самостоятельное выраженіе въ формѣ особыхъ властей, связанныхъ между собою единымъ божественнымъ закономъ и опирающихся на единый божественный авторитетъ. Взаимное отношеніе этихъ властей можетъ быть двоякое, что̀ составляетъ дальнѣйшее различіе теократій разсматриваемаго вида: или духовная власть, во всякомъ случаѣ безусловная въ дѣлахъ вѣры и культа, присвоиваетъ себѣ верховное руководство свѣтскими дѣлами и, слѣдовательно, под-

---

[1]) *Mohl.* Encyklopädie der Staatswissenschaften; S. 104, 301—304.

чиняетъ свѣтскую власть; или обѣ власти творятъ волю божію самостоятельно и независимо, каждая въ своей сферѣ. [1])

в) Патримоніальныя государства, составныя части которыхъ, въ обособленныхъ группахъ и положеніяхъ, покупаютъ цѣною опредѣленныхъ повинностей покровительство центральной власти, чтобы подъ ея защитой и обыкновенно на ея территоріи тѣмъ вѣрнѣе осуществлять свои частныя дозволенныя цѣли. Государства этого рода характеризуются существованіемъ независимой политической силы, основанной на поземельномъ владѣніи, и господствомъ въ жизни началъ гражданскаго права. Въ извѣстныя историческія эпохи отдѣльныя лица, нуждаясь въ огражденіи себя и своего имущества, обращаются за покровительствомъ къ крупному поземельному собственнику или берутся имъ самимъ подъ свою защиту. Возникающія отсюда отношенія опредѣляются или договоромъ, или молчаливымъ соглашеніемъ и обычаемъ. Является, такимъ образомъ, центральная власть и подчиненныя ей составныя части государства. Власть эта можетъ принадлежать или физическому лицу, или моральному (напр., городской общинѣ). Ея особенность та, что она составляетъ частную собственность обладателя, получаемую и передаваемую гражданскими способами пріобрѣтенія и отчужденія вещныхъ правъ (наслѣдованіемъ, куплей-продажей, мѣною, дареніемъ, и т. д.). Поэтому, управленіе имѣетъ въ виду главнымъ образомъ цѣли правителя, достигаемыя его собственными средствами. Забота объ общихъ интересахъ есть лишь результатъ договорныхъ отношеній и обязательна только въ предѣлахъ договора. Смотря по степени нужды въ защитѣ и по способности нести повинности, юридическое положеніе подданныхъ представляется неодинаковымъ: отдѣльныя лица и цѣлые классы пользуются особыми, точно опредѣленными правами, сопровождаемыми соотвѣтственными обязанностями. Вообще взаимныя отношенія центральной власти и отдѣльныхъ группъ населенія могутъ быть чрезвычайно разнообразны. Только независимое положеніе этой власти и право подданныхъ на ея верховное покровительство составляютъ непремѣнные признаки государствъ даннаго типа.

---

[1]) *Mohl.* Encyklopädie der Staatswissenschaften; S. 104—105, 311—319.

Патримоніальныя государства бываютъ трехъ видовъ: 1) *вотчинное государство,* въ которомъ большое поземельное владѣніе служитъ основою власти; это самый обыкновенный видъ; 2) *военно-ленная монархія,* въ которой завоеватель дѣлитъ страну между своими сподвижниками подъ условіемъ взаимной защиты, и 3) *автократическая городская община,* дающая охрану и покровительство своимъ округамъ, при чемъ въ ней самой можетъ имѣть мѣсто всякій видъ народовластія или правленія выдвинувшихся родовъ [1]).

г) Классическія или античныя государства, въ которыхъ благо и процвѣтаніе цѣлаго составляютъ основную цѣль общежитія. Сознавая себя обособленнымъ организмомъ, населеніе стремится къ возможно полному и тѣсному единенію, поглощающему отдѣльную личность. Интересы гражданина сливаются съ интересами общежитія, удовлетворяющаго всѣмъ его нуждамъ и помогающаго развитію всѣхъ его силъ. Поэтому, онъ отдаетъ себя всецѣло на служеніе государству и въ его преуспѣяніи видитъ свое собственное счастье, отказываясь отъ преслѣдованія всякихъ исключительно личныхъ цѣлей.

Классическія государства, нашедшія свое лучшее выраженіе у Грековъ и Римлянъ, дѣлятся на три вида: 1) *Монархіи,* гдѣ верховная власть сосредоточивается въ одномъ лицѣ, получающемъ ее или по наслѣдству, или по избранію гражданъ, или посредствомъ захвата. Этотъ видъ организаціи всего менѣе отвѣчаетъ общему духу античнаго государства. 2) *Аристократіи,* гдѣ власть принадлежитъ нѣсколькимъ лицамъ, или вслѣдствіе происхожденія отъ извѣстныхъ родовъ, или вслѣдствіе заслугъ, или въ силу богатства. 3) *Демократіи,* въ которыхъ государственныя дѣла вѣдаются народнымъ собраніемъ, состоящимъ изъ всѣхъ гражданъ. Эта форма устройства болѣе другихъ отвѣчаетъ основному характеру античнаго общежитія [2]).

д) Правовыя государства новаго времени, сущность которыхъ состоитъ въ томъ, что они даютъ охрану и оказываютъ содѣйствіе развитію всѣхъ естественныхъ силъ, признаваемому населеніемъ жизненною задачею человѣка и общества. Съ этою цѣлію они, съ одной стороны, допускаютъ свободу дѣйствій

[1]) *Mohl.* Encyklopädie der Staatswissenschaften; S. 105, 304—311.

[2]) *Ibid.*; S. 105—106, 319—323.

гражданъ и установленной власти только въ границахъ юридическаго порядка, обнимающаго всѣ стороны жизни, и наблюдаютъ за тѣмъ, чтобы не нарушалось право какъ во взаимныхъ отношеніяхъ отдѣльныхъ лицъ, такъ и въ отношеніяхъ цѣлаго къ своимъ частямъ; съ другой стороны, они содѣйствуютъ разнообразнымъ зиждительнымъ стремленіямъ и вытекающимъ отсюда интересамъ гражданъ, поскольку силы ихъ оказываются недостаточными, а преслѣдуемыя цѣли—заслуживающими государственной поддержки. Такимъ образомъ, правовыя государства имѣютъ въ виду двоякую задачу, при чемъ водвореніе и поддержаніе юридическаго порядка, хотя и служитъ отличительною чертою ихъ природы, не составляетъ, однако, ихъ единственнаго и даже главнаго призванія.

Правовыя государства рѣзко отличаются отъ другихъ типовъ общежитія. Ясно поставленная общая цѣль и дѣятельное ея преслѣдованіе государственною властью, сдерживаемою рамками правоваго порядка, отличаютъ ихъ отъ патріархальныхъ и патримоніальныхъ государствъ. Отъ теократій они отличаются тѣмъ, что признаютъ за земной жизнью самостоятельное призваніе, состоящее, какъ сказано, въ возможно полномъ и гармоническомъ развитіи человѣческихъ силъ, и водворяютъ соотвѣтствующій строй отношеній, въ которомъ религіознымъ интересамъ отведено свое особое мѣсто въ ряду другихъ общественныхъ интересовъ. Различіе отъ классическихъ государствъ заключается въ томъ, что основная цѣль общежитія полагается здѣсь не въ совершенствѣ и процвѣтаніи цѣлаго, а въ непосредственномъ удовлетвореніи отдѣльныхъ лицъ и общественныхъ классовъ. Человѣкъ не поглощается государствомъ и не исчезаетъ въ гражданинѣ; напротивъ, государство приспособляется въ своихъ дѣйствіяхъ къ разумнымъ требованіямъ человѣка, который является членомъ общежитія ради достиженія своихъ личныхъ цѣлей. Наконецъ, по отношенію къ деспотіямъ, о которыхъ рѣчь впереди, правовое государство является полною и совершенною ихъ противоположностью.

Виды обширной родовой группы правовыхъ государствъ, нашедшихъ мѣсто среди образованныхъ народовъ современной Европы, весьма разнообразны. Они раздѣляются прежде всего, по составу верховной власти, на *монархіи*, *аристократіи* и *демократіи*. Среди первыхъ различаютъ, далѣе, монархіи *не-*

ограниченныя, *сословныя* и *представительныя*, смотря по тому, сосредоточивается ли власть въ лицѣ монарха безъ всякихъ ограниченій, или нѣкоторые классы населенія также принимаютъ участіе въ управленіи, или, наконецъ, граждане избираютъ изъ своей среды представителей для охраненія общихъ интересовъ и правъ отъ злоупотребленій главы государства. Демократіи бываютъ или *чистыя*, если граждане принимаютъ непосредственное участіе въ народныхъ собраніяхъ, вѣдающихъ государственныя дѣла, или *представительныя*, если веденіе этихъ дѣлъ ввѣряется избранникамъ народнымъ. Что касается аристократій, то онѣ не имѣютъ подвидовъ; по крайней мѣрѣ, мы не встрѣчаемъ ихъ въ исторіи, хотя теоретически, пожалуй, и можно представить себѣ, напр., представительную аристократію въ отличіе отъ чистой [1]).

е) Деспотіи или тѣ государства, въ которыхъ единственнымъ закономъ является произволъ правителя-деспота, опредѣляющаго по своему усмотрѣнію самыя цѣли общежитія. Осуществленіе его желаній и доставленіе нужныхъ для того средствъ составляетъ призваніе порабощеннаго населенія. Понятно, что о самостоятельномъ значеніи личности здѣсь не можетъ быть и рѣчи. Интересы отдѣльнаго человѣка находятъ защиту и покровительство, поскольку этого требуетъ выгода самого деспота или его прихотливое настроеніе. Короче, разсматриваемыя государства представляютъ собою форму общежитія, въ которой за правителемъ признаются только одни права и никакихъ обязанностей, а за подданными—только однѣ обязанности и никакихъ правъ. Такое взаимное отношеніе правителя и подданныхъ служитъ характеристическимъ признакомъ всякой деспотіи, на что бы она ни опиралась,—на силу, божественный авторитетъ, или какое иное основаніе. Признакъ этотъ служитъ вмѣстѣ и тою чертой, которая отличаетъ деспотіи отъ неограниченныхъ монархій и теократій.

По самому существу своему, деспотіи не могутъ имѣть видовыхъ подраздѣленій. Военное господство есть единственная форма, которая свойственна ихъ природѣ [2]).

---

[1]) *Mohl.* Encyklopädie der Staatswissenschaften; S. 106—108, 324—333.

[2]) *Ibid.*; S. 112, 114—115, 375—381.

Классификація Моля, едва ли не самая замѣчательная въ ряду разсматриваемыхъ попытокъ, подвергается внимательной критикѣ Форлендера, который дѣлаетъ нѣкоторыя вѣрныя указанія на ея промахи. Но справедливымъ замѣчаніямъ критика не достаетъ правильной логической постановки [1]). Поэтому, мы можемъ воспользоваться ими только отчасти и, при томъ, должны будемъ облечь ихъ въ иную форму.

Самый важный вопросъ для судьбы всякаго размѣщенія составляютъ его обособляющіе признаки. Съ этой стороны классификація Моля не выполняетъ существенныхъ условій правильнаго построенія. Она не только *дурно* избираетъ признаки дѣленія, но даже не обозначаетъ ихъ *точно*. Обозрѣвая предлагаемыя группы, трудно сказать, на чемъ покоится ихъ обособленіе. У самого автора точка зрѣнія *двоится:* за основаніе размѣщенія онъ принимаетъ, повидимому, *различіе цѣлей*, преслѣдуемыхъ государствомъ; но въ то же время, устанавливая группы, онъ постоянно обращается къ *міросозерцанію* народа, опредѣляющему строй его жизни и вмѣстѣ цѣли общежитія. Эта двойственность объясняется тѣмъ, что первый признакъ оказывается совершенно *недостаточнымъ* для отчетливаго обособленія группъ. Какъ, напр., разграничить по цѣлямъ патріархальныя и патримоніальныя го-

[1]) *Vorländer*. Die Staatsformen in ihrem Verhältniss zur Entwicklung der Gesellschaft; S. 144—147 (XV-er Bd.). Во второмъ изданіи энциклопедіи Моль, въ свою очередь, отвѣчаетъ разборомъ классификаціи Форлендера, стараясь въ то же время защититься отъ его упрековъ. Эта полемика двухъ выдающихся политическихъ писателей Германіи не лишена интереса въ томъ отношеніи, что представляетъ новое убѣдительное доказательство, съ какимъ *невниманіемъ* относится нѣмецкая литература къ основнымъ логическимъ положеніямъ вопроса. Форлендеръ, напр., справедливо указываетъ Молю, что его размѣщеніе не удовлетворяетъ требованію соотвѣтствія обособляющихъ признаковъ (выражаясь языкомъ, усвоеннымъ нами). Моль возражаетъ въ отвѣтъ, что это — „совершенно *произвольное* требованіе“ отъ классификаціи, которая должна ограничиваться опредѣленіемъ существенныхъ различій между явленіями; при чемъ рѣшительно *все равно*, получится-ли „логически-совершенное построеніе“, или нѣтъ. Въ послѣднемъ случаѣ слѣдуетъ винить исторію, а не наблюдателя. Encyklopädie der Staatswissenschaften; S. 111—112.—Съ своей стороны Форлендеръ, объясняя промахи Моля, видитъ причину ихъ въ томъ, что онъ держится „*эмпирическаго*“ пути, „не входя въ общее изслѣдованіе *принциповъ*, опредѣляющихъ организацію государствъ“. Ibid.; S. 147.

сударства, столь несходныя въ другихъ отношеніяхъ? Въ обоихъ случаяхъ общежитіе, по словамъ автора, имѣетъ въ виду водвореніе внутренняго порядка и обезпеченіе внѣшней безопасности. Различіе, слѣдовательно, выражается здѣсь не въ цѣляхъ, которыя одинаковы; оно заключается въ условіяхъ, среди которыхъ осуществляются цѣли. Поэтому, на помощь обособляющему признаку приходится по необходимости придвинуть *другіе* признаки, чтобы удержать названныя группы въ качествѣ самостоятельныхъ единицъ дѣленія. Это и дѣлаетъ Моль, указывая въ народныхъ воззрѣніяхъ общую причину придвигаемыхъ вспомогательныхъ признаковъ. Точно также онъ поступаетъ съ остальными группами: различіе по цѣлямъ, само по себѣ недостаточное, онъ *усиливаетъ* другими различіями, имѣющими свой источникъ въ міросозерцаніи народа. Такимъ образомъ, это послѣднее служитъ ему *постоянною опорою* при установленіи группъ, являясь *вторымъ* основаніемъ дѣленія. Но если различіе по цѣлямъ, какъ признакъ обособленія, недостаточно, то народное міросозерцаніе уже совсѣмъ *не можетъ* исполнять этого назначенія. Воззрѣнія населенія характеризуютъ непосредственно только его культурное состояніе. Они должны, конечно, вліять на формы общественной жизни и вызывать въ нихъ тѣ или другія измѣненія. Вытекающія отсюда различія политическихъ союзовъ могутъ стать основою классификаціи; но обусловливающая ихъ причина, лежащая внѣ государства, неспособна играть этой роли. Искать въ ней обособляющихъ признаковъ значитъ принимать особенности однихъ явленій за свойства другихъ, перепутывая границы между первыми и вторыми. Къ этой ошибкѣ, сопровождаемой двойственностью основаній дѣленія, приводитъ слабость перваго признака, считаемаго кореннымъ различіемъ государствъ [1]).

Этимъ, однако, не ограничиваются недостатки обособляющихъ признаковъ классификаціи Моля. Авторъ открыто признается, что избранное имъ основаніе дѣленія не проходитъ по *всѣмъ* образуемымъ группамъ. Въ этомъ отношеніи ему измѣняютъ деспотіи, въ которыхъ нельзя указать цѣли общежитія, вытекающей изъ воз-

[1]) См. выше, гл. XII, с. 285 sq..—Ср. *Vorländer*. Die Staatsformen in ihrem Verhältniss zur Entwicklung der Gesellschaft; S. 145 (XV-er Bd.).

зрѣній народа, ибо все покрывается произволомъ правителя. Тѣмъ не менѣе, онъ выдѣляетъ деспотіи въ особую группу, которой отводитъ положеніе, одинаковое съ прочими группами. Моль самъ сознаетъ ошибочность такого пріема, но сваливаетъ вину на явленія. «Во всякомъ случаѣ,—говоритъ онъ, — это пробѣлъ теоріи или, вѣрнѣе, исключеніе изъ нея», за которое нельзя дѣлать отвѣтственнымъ изслѣдователя, остающагося вѣрнымъ исторіи [1]). Выходитъ, какъ-будто сама исторія, а не авторъ, производитъ дѣленіе. Этою странною оговоркою Моль думаетъ защититься отъ упрека, которымъ наносится смертельный ударъ его классификаціи. Если обособляющій признакъ не обнимаетъ всѣхъ изучаемыхъ явленій, онъ, очевидно, *не можетъ* служить основаніемъ правильнаго размѣщенія. Простымъ присоединеніемъ дополнительной группы, не имѣющей ничего общаго съ другими группами, нельзя поправить дѣла. Деспотіи Моля не болѣе, какъ механическій придатокъ, составляющій начало какого-то новаго дѣленія.

Но устранимъ деспотіи, какъ «исключеніе», и остановимся на остальныхъ пяти группахъ; допустимъ также, что различіе цѣлей, преслѣдуемыхъ государствомъ, вполнѣ отвѣчаетъ требованіямъ классификаціи. Обратимъ вниманіе на *другое* обстоятельство. Цѣль государства есть *сложный* признакъ, заключающій въ себѣ *многіе* признаки. Она можетъ служить размѣщенію *различными составными* частями, образуя всякій разъ *особое* дѣленіе. Другими словами, въ качествѣ сложнаго признака она обладаетъ многими сторонами, имѣющими свои разновидности, вслѣдствіе чего каждая сторона способна стать основаніемъ отдѣльнаго размѣщенія. Поэтому, возможны *различныя классификаціи*, которыя не совпадаютъ между собою, но опираются на государственную цѣль, какъ общій признакъ обособленія [2]). Если смотрѣть на попытку Моля съ этой точки зрѣнія, то его группы представляются *частями самостоятельныхъ размѣщеній*, основанныхъ на различныхъ сторонахъ одного общаго признака. Для доказательства возьмемъ группы, на которыхъ это легче провѣрить. Теократіи, напр., отличаются тѣмъ, что преслѣдуютъ религіозныя цѣли. Но, разсматриваемыя

---

[1]) *Mohl.* Encyklopädie der Staatswissenschaften; S. 115, vgl. S. 112.

[2]) Ср. гл. V, с. 140.

съ этой стороны, цѣли государства могутъ имѣть только двѣ разновидности: онѣ непремѣнно или религіозныя, или свѣтскія. Поэтому, теократіи, какъ особая группа, необходимо предполагаютъ другую соотвѣтственную группу свѣтскихъ государствъ, обнимающихъ остальныя группы Моля. Это одно совершенно самостоятельное дѣленіе, изъ котораго, однако, авторъ беретъ только первый членъ, отбрасывая второй. Античныя государства, далѣе, характеризуются тѣмъ, что они имѣютъ въ виду благо цѣлаго союза. Но благо цѣлаго, какъ разновидность государственной цѣли, противополагается другой разновидности,—благу составныхъ частей,—что, по Молю, составляетъ задачу новаго государства. Отсюда возникаетъ опять самостоятельное дѣленіе, устанавливающее двѣ группы,—классическихъ и правовыхъ государствъ,—которыя захватываютъ не весь размѣщаемый матеріалъ, какъ въ первомъ случаѣ, а сравнительно небольшую часть его, и обѣ присутствуютъ въ размѣщеніи. Такъ же образуются прочія группы. Съ логической точки зрѣнія, классификація Моля является, такимъ образомъ, безпорядочнымъ соединеніемъ частей, обязанныхъ своимъ существованіемъ многимъ дѣленіямъ. Смотря по той или другой сторонѣ, съ которой разсматриваются цѣли государства, отдѣльныя группы одновременно участвуютъ въ различныхъ размѣщеніяхъ, которыя заходятъ другъ въ друга, перекрещиваются и переплетаются между собою. Разумѣется, при такихъ условіяхъ немыслимо сколько-нибудь правильное взаимное отношеніе членовъ классификаціи.

Входя въ составъ различныхъ переплетающихся дѣленій, группы Моля, однако, не путаются между собою. Напротивъ, онѣ, какъ видѣлъ читатель, стоятъ довольно твердо и обособленно другъ отъ друга. Объясненіе этому слѣдуетъ искать въ томъ, что предлагаемыя группы составляютъ лишь *зачатки* классовъ, не связанные въ одно стройное цѣлое. Авторъ останавливается на первой стадіи работы, дѣлая незначительные и невѣрные шаги въ дальнѣйшемъ направленіи. Онъ только размѣщаетъ явленія по группамъ, но правильно *не организуетъ* этихъ послѣднихъ. Относительно организаціи онъ ограничивается тѣмъ, что указываетъ въ нихъ центральные признаки, но не исполняетъ другой необходимой половины работы: не устанавливаетъ *соотвѣтствія*

между своими признаками, безъ чего нѣтъ классификаціи, а есть только разобщенные классы. Правда, у Моля замѣчается нѣкоторое стремленіе избѣжать этого недостатка: оно выражается въ его обращеніи къ государственнымъ цѣлямъ, *откуда* возникаютъ *различныя* дѣленія и, въ зависимости отъ нихъ, *частныя связи* между отдѣльными группами. Но онъ не находитъ *общаго высшаго признака*, разновидности котораго присутствовали бы во *всѣхъ* размѣщаемыхъ явленіяхъ, служа основою классификаціи. Вслѣдствіе этого попытка его представляетъ нѣчто недодѣланное и безформенное въ логическомъ отношеніи. По той же причинѣ она не даетъ увѣренности, что группы безъ остатка захватываютъ дѣлимый матеріалъ и что части его не повторяются въ нихъ. Личный примѣръ автора еще болѣе усиливаетъ сомнѣніе: первопачально Моль установилъ только четыре группы, къ которымъ впослѣдствіи вынужденъ былъ присоединить двѣ новыя,—патріархій и античныхъ государствъ [1]).

Мы сказали выше, что Моль исполняетъ только начало работы, довольствуясь распредѣленіемъ явленій по группамъ, образующимъ зачатки классовъ. Прибавимъ къ этому, что самое распредѣленіе производится имъ точно также, какъ оно дѣлается другими писателями того же направленія: группы пріурочиваются къ культурнымъ состояніямъ народа, отъ которыхъ онѣ заимствуютъ свои черты. Въ результатѣ получается также не столько классификація государствъ, сколько дѣленіе исторіи по эпохамъ, считаемымъ типическими.

Какъ *дѣленіе исторіи*, группы Моля далеки отъ того, чтобы обозначать собою послѣдовательныя ступени культурнаго развитія. По замѣчанію Форлендера, только патріархальныя и патримоніальныя государства совпадаютъ, пожалуй, съ особыми состояніями народной культуры, но никакъ не остальныя группы, изъ которыхъ деспотіи, напр., встрѣчаются въ различныя эпохи [2]) Самъ Моль не рѣшается говорить о подобномъ совпаденіи, хотя и утверждаетъ въ другомъ мѣстѣ, что правильная классификація

---

[1]) См. *Stahl.* Philosophie des Rechts; II-er Bd., 2-e Abth., S. 219.

[2]) *Vorländer.* Die Staatsformen in ihrem Verhältniss zur Entwicklung der Gesellschaft; S. 146—147 (XV-er Bd.).

должна опираться на стадіи народнаго развитія [1]). Не совпадая съ ступенями культуры, группы автора являются *бытовыми картинами* жизни, отвѣчающими отдѣльнымъ періодамъ исторіи. И нужно отдать справедливость нѣмецкому ученому: картины его выбраны удачно и выполнены прекрасно. Въ этомъ отношеніи Моль далеко оставляетъ позади другихъ писателей; но, тѣмъ не менѣе, онъ предлагаетъ только *уединенныя* картины, не связывая ихъ и не опредѣляя послѣдовательной преемственности между ними.

Въ качествѣ *классификаціи государствъ* группы Моля не имѣютъ достоинствъ. Яркія и отчетливыя, какъ картины исторіи, онѣ тусклы и неопредѣленны, какъ картины *политическаго* строя. Чтобы убѣдиться въ этомъ, пусть читатель попробуетъ отдѣлить въ изображеніяхъ автора черты, характеризующія государство, отъ признаковъ, рисующихъ вообще бытъ народа: состоянія послѣдняго отражаются на общежитіи столь слабо, что самый важный признакъ, полагаемый авторомъ въ основу дѣленія, оказывается недостаточнымъ для различенія группъ, какъ это мы уже видѣли выше.

Не станемъ останавливаться на частныхъ недостаткахъ классификаціи Моля, выясненныхъ литературною критикою [2]). Обратимся къ изложенію взглядовъ Форлендера, у котораго находимъ послѣднюю попытку основать размѣщеніе государствъ на различіяхъ культурныхъ состояній народа [3]).

Обсуждая существующія классификаціи, Форлендеръ приходитъ къ выводу, что всѣ онѣ заключаютъ въ себѣ нѣкоторую долю истинности, но страдаютъ *односторонностью*: онѣ берутъ за основаніе какой-нибудь отдѣльный признакъ, игнорируя остальные [4]).

---

[1]) *Mohl.* Geschichte und Literatur der Staatswissenschaften; I-er Bd. S. 261 sq.

[2]) Кромѣ Форлендера и Шталя, на которыхъ мы ссылались выше, см. также критическія замѣчанія у *Вайтца*: Grundzüge der Politik; S. 111—114.

[3]) *Vorländer.* Die Staatsformen in ihrem Verhältniss zu der Entwicklung der Gesellschaft (Zeitschrift für die gesammte Staatswissenschaft, 1858, XIV-er Bd; 1859, XV-er Bd.).

[4]) *Ibid.*; S. 296 sq. (XIV-er Bd.).

Въ этомъ отношеніи писатели грѣшатъ всего болѣе тѣмъ, что обыкновенно не принимаютъ во вниманіе *общественной* организаціи, столь тѣсно связанной съ политическими формами жизни [1]). Замѣтимъ мимоходомъ, что въ критическомъ выводѣ автора содержится объясненіе характернаго пріема, который, какъ увидимъ позднѣе, онъ употребляетъ при построеніи своего размѣщенія, желая обосновать его всесторонне.

Форлендеръ думаетъ, что истинная классификація требуетъ научнаго опредѣленія размѣщаемыхъ явленій, изъ котораго должны быть выведены основныя ихъ различія. Поэтому, чтобы установить правильное дѣленіе *государственныхъ формъ*, необходимо, по его мнѣнію, отправляться отъ *понятія* о государствѣ [2]). Вновь замѣтимъ вскользь, что ни съ рекомендуемымъ *пріемомъ*, ни съ *постановкою* вопроса согласиться нельзя. Пріемъ, указанный авторомъ, есть, въ сущности, невозможный путь отъ *результатовъ* работы къ *самой работѣ*: нельзя образовать требуемаго общаго понятія, не произведя предварительной группировки явленій, хотя можно, конечно, начать изложеніе обобщеніемъ, какъ это дѣлаетъ, между прочимъ, и Форлендеръ. Но не слѣдуетъ смѣшивать *способа изложенія* со *способомъ изслѣдованія*,—промахъ, часто встрѣчаемый у писателей различныхъ направленій.—Относительно постановки вопроса ошибка заключается въ томъ, что классифицируются не *самыя* государства, а государственныя *формы*, что въ особенности странно встрѣтить у писателя, который хочетъ принять во вниманіе всѣ факторы политической жизни при построеніи классификаціи. Ошибка, впрочемъ, значительно умѣряется тѣмъ, что понятію государственной формы дается самое широкое толкованіе [3]).

Слѣдуя своему плану, Форлендеръ начинаетъ съ опредѣленія государства. При этомъ, избѣгая односторонности своихъ предшественниковъ, онъ заботливо констатируетъ вліяніе общественныхъ элементовъ на политическую организацію, чтобы позднѣе принять ихъ въ соображеніе при установленіи группъ. Если мы

---

[1]) *Vorländer.* Die Staatsformen, etc.; S. 323 (XIV-er Bd.).
[2]) *Ibid.*; S. 294.
[3]) *Ibid.*

вѣрно поняли нѣсколько запутанное изложеніе автора,—главныя положенія его сводятся къ слѣдующему.

Форлендеръ опредѣляетъ государство, какъ особый союзъ, поставленный въ среду другихъ общественныхъ союзовъ, отъ которыхъ онъ отличается формою *личнаго господства*, надѣленнаго силою. Его призваніе состоитъ въ служеніи общимъ потребностямъ, которыя не могутъ быть удовлетворены усиліями отдѣльныхъ лицъ и общественныхъ сочлененій. Въ противоположность другимъ союзамъ, имѣющимъ въ виду частныя потребности и исполняющимъ спеціальныя назначенія, государство обнимаетъ собою всѣ цѣли и стороны жизни, а, слѣдовательно, и всѣ другія общественныя соединенія, поскольку они соприкасаются съ упомянутыми общими потребностями. А такъ какъ эти потребности, условливаясь степенью развитія народа и особенностями его культуры, способны къ безконечному разнообразію, то нѣтъ никакой возможности намѣтить сколько-нибудь точныя границы государственныхъ цѣлей: въ зависимости отъ мѣста и времени политическая жизнь можетъ принимать самыя разнообразныя направленія. Но какъ бы многосторонни и различны ни были цѣли, преслѣдуемыя государствомъ, оно всегда должно представлять собою живое цѣлое, въ которомъ отдѣльныя учрежденія, съ ихъ особыми функціями, согласованы между собою и проникнуты одною общею жизнью. Цѣлесообразно устроенное, оно является сложнымъ организмомъ, въ которомъ многоразличныя потребности удовлетворяются соотвѣтственными органами [1]).

Государство, какъ цѣлое, опредѣляется въ своемъ строеніи *двумя* сторонами, присущими всякому общежитію: организаціею *политическою* въ тѣсномъ смыслѣ и *общественною*. Обѣ стороны находятся въ постоянномъ и непремѣнномъ взаимодѣйствіи, формы котораго устанавливаются исторіею [2]).

Сущность *политической* организаціи заключается въ организаціи власти, снабженной силою и дѣйствующей въ различныхъ направленіяхъ. Сообразно потребностямъ и цѣлямъ общежитія, различаются виды военной, правительственной и судебной дѣя-

---

[1]) *Vorländer.* Die Staatsformen, etc.; S. 148—150 (XV-er Bd.).

[2]) *Ibid.*; S. 295 (XIV-er Bd.), 153 (XV-er Bd.).

тельности, которыя обыкновенно требуютъ особыхъ для себя органовъ. Чѣмъ болѣе развивается государственный организмъ, тѣмъ болѣе вѣтвятся и расходятся виды его дѣятельности, вызывая соотвѣтственныя измѣненія въ своихъ органахъ. Съ тѣмъ вмѣстѣ и въ той же мѣрѣ всѣ эти органы, отправляющіе свои особыя функціи, нуждаются въ высшемъ личномъ органѣ, который служилъ бы для нихъ средоточіемъ: чтобы удержать органическое единство цѣлаго, всѣ они должны быть подчинены верховной центральной власти. *Подчиненіе* является, такимъ образомъ, *основнымъ принципомъ* политической организаціи, который выражается въ двоякой формѣ: повиновенія подданныхъ власти и низшихъ ея органовъ—высшимъ. Въ начальныхъ стадіяхъ общежитія преобладаетъ личный характеръ подчиненія, въ высшихъ—оно переходитъ мало-по-малу, параллельно культурному развитію населенія, въ повиновеніе закону, никогда, впрочемъ, не утрачивая вполнѣ своего личнаго момента. Кромѣ того, характеръ подчиненія зависитъ отъ того или другаго вида государственной дѣятельности: личное подчиненіе выступаетъ всего рѣзче въ военной сферѣ, слабѣе—въ области управленія и почти совсѣмъ исчезаетъ въ судѣ [1]).

Общественная организація выражается въ различныхъ формахъ общественныхъ соединеній. На низшихъ ступеняхъ развитія преобладаютъ формы естественныхъ соединеній, покоящихся на родствѣ: изъ семействъ возникаютъ роды и племена, которые составляютъ отдѣльныя единицы, связанныя внутри общностью языка, религіи и нравовъ; изъ отдѣльныхъ племенъ постепенно выростаетъ народъ, или посредствомъ соединенія родственныхъ элементовъ, или посредствомъ усвоенія элементовъ чуждыхъ [2]). Позднѣе, вслѣдствіе различія въ занятіяхъ, образуются сословія и классы, которые съ теченіемъ времени пріобрѣтаютъ рѣзкія очертанія. Дѣля населеніе на группы, они придаютъ этимъ послѣднимъ болѣе или менѣе замкнутыя и упругія формы, сообщающія имъ своеобразный характеръ. На высшихъ ступеняхъ развитія сословныя и классныя раздѣленія утрачиваютъ вновь свои рѣзкія осо-

---

[1]) *Vorländer.* Die Staatsformen, etc.; S. 153—155 (XV-er Bd.).

[2]) *Ibid.;* S. 162.

бенности. Вмѣстѣ съ тѣмъ на первый планъ выступаютъ формы свободныхъ союзовъ, возникающихъ ради общихъ интересовъ и цѣлей отдѣльныхъ лицъ. Всѣ эти формы общественныхъ соединеній вызываются потребностью общенія, которая, проявляясь въ различныхъ условіяхъ мѣста и времени, приводитъ къ той или другой конструкціи общества. Такимъ образомъ, *общеніе* (Gemeinschaftbildung) является *принципомъ* общественной организаціи, дѣйствующимъ тѣмъ напряженнѣе и сильнѣе, чѣмъ развитѣе и образованнѣе данный народъ [1]).

Какъ замѣчено выше, политическая и общественная организаціи находятся въ постоянномъ и непремѣнномъ взаимодѣйствіи. Что общественныя соединенія, какую бы форму они ни носили, подлежатъ воздѣйствію государственной власти,—ясно само собою: государство есть высшій союзъ, обнимающій всѣ другіе и господствующій надъ ними. Но, съ другой стороны, будучи высшимъ союзомъ, въ своей политической организаціи оно зависитъ отъ организаціи общества, надъ которымъ господствуетъ. Общественные элементы представляютъ собою не только предметъ, на который направлена его дѣятельность, но вмѣстѣ и тотъ необходимый матеріалъ, изъ котораго оно создаетъ свои органы. Очевидно, что свойства матеріала значительно вліяютъ на архитектуру постройки. «Въ общемъ зависимость государства отъ свойствъ общества признана положеніемъ, что политическіе союзы никогда не бываютъ лучше людей, ихъ образующихъ, и что наилучшія учрежденія мало помогаютъ, если люди становятся дурными» [2]).

Опредѣляя форму государства въ цѣломъ, политическая и общественная организаціи сами, въ свой чередъ, опредѣляются многочисленными и разнообразными факторами: личными свойствами правящихъ и управляемыхъ, религіею, нравами, степенью культуры, природными условіями страны, характеромъ занятій, и т. д. Останавливаясь на этихъ факторахъ, Форлендеръ дѣлаетъ по-

---

[1]) *Vorländer.* Die Staatsformen, etc.; S. 336 (XIV-er Bd.), 163—164 (XV-er Bd.).

[2]) *Ibid.*; S. 152 (XV-er Bd.). На страницахъ своей монографіи Форлендеръ часто и охотно ворочается къ вопросу о вліяніи общества на государственный строй, посвящая этой темѣ даже особую и объемистую главу. См. S. 323 sq. (XIV-er Bd.), 162 sq. (XV-er Bd.).

пытку указать ихъ вліяніе на строеніе общежитія [1]). Намъ нѣтъ надобности слѣдовать здѣсь за нимъ, тѣмъ болѣе, что анализъ его отличается нѣкоторою поверхностностью. Достаточно замѣтить, что множественность и разнообразіе помянутыхъ факторовъ, въ связи съ тѣмъ или другимъ историческимъ расположеніемъ ихъ, производятъ безконечное разнообразіе формъ государственнаго устройства.

Въ изложенныхъ соображеніяхъ Форлендеръ находитъ *достаточныя данныя* для правильнаго рѣшенія вопроса о классификаціи государственныхъ формъ. Для него ясно, что существенныхъ различій между ними, какъ основаній для обособленія группъ, нельзя искать въ отдѣльныхъ факторахъ, вліяющихъ на политическую или общественную организацію: теряясь во множествѣ другихъ подобныхъ различій, они неспособны характеризовать политическій строй во всей полнотѣ и объемѣ, чего требуетъ правильная классификація. По его мнѣнію, такое различіе заключается въ «*ступеняхъ политическаго и общественнаго развитія*»; оно, поэтому, и должно быть положено въ основу искомаго размѣщенія. Другое существенное различіе, уступающее въ значеніи только тому первому, состоитъ въ *преобладаніи* политическаго принципа *подчиненія* надъ соціальнымъ принципомъ *общенія*, или обратно,—различіе, которое должно служить для дальнѣйшаго подраздѣленія высшихъ группъ [2]).

Среди историческихъ народовъ Форлендеръ различаетъ *три* ступени политическаго и общественнаго развитія, образующія три основныя формы государствъ.

а) Первая ступень характеризуется слабымъ обособленіемъ политическихъ и общественныхъ функцій, обусловливающимъ слабое обособленіе сословій и классовъ. Политическія функціи, которыя сводятся здѣсь преимущественно къ военнымъ занятіямъ, еще не отдѣлены отъ жреческихъ и хозяйственныхъ. Домовладыка, занимающійся во главѣ своихъ слугъ или рабовъ скотоводствомъ и земледѣліемъ, является въ то же время воиномъ и членомъ народнаго собранія, обсуждающаго общія дѣла; онъ же со-

---

[1]) *Vorländer*: Die Staatsformen, etc.; S. 156 sq. (XV-er Bd.).

[2]) *Ibid.*; S. 165.

вершаетъ религіозныя требы. Если и бываютъ жрецы,—они не образуютъ еще замкнутаго сословія. Для военныхъ цѣлей и рѣшенія спорныхъ дѣлъ отдѣльныя группы населенія,—роды и племена,—выбираютъ себѣ начальниковъ, которые, впрочемъ, не имѣютъ большаго политическаго значенія. Тѣмъ не менѣе, отвѣчая потребностямъ жизни, уже на первой ступени развитія обозначаются различныя государственныя формы; но онѣ не обладаютъ устойчивостью и легко переходятъ другъ въ друга. Это—тѣ формы, которыя называются обыкновенно, хотя и не вполнѣ точно, патріархіями и которыя мы застаемъ у культурныхъ народовъ передъ выступленіемъ ихъ на историческую сцену [1]).

б) Вторая ступень развитія характеризуется раздѣленіемъ политическихъ и общественныхъ функцій, сопровождающимся обособленіемъ сословій и классовъ. Появляются военное и жреческое сословія, каждое въ своей самостоятельной роли. Оба вмѣстѣ противополагаются остальному населенію, посвящающему себя хозяйственной дѣятельности. Послѣднее, въ свою очередь, распадается на отдѣльныя группы, соотвѣтственно возрастающему различію въ занятіяхъ. Но, съ другой стороны, внутри отдѣльныхъ группъ и сословій устанавливается болѣе тѣсное общеніе, вызываемое одинаковостью интересовъ и цѣлей? Съ успѣхами хозяйственной дѣятельности развивается образованіе: досугъ, обезпеченный благосостояніемъ, благопріятствуетъ наукамъ и искусствамъ, возникшимъ первоначально изъ практическихъ потребностей. Въ связи съ этими условіями, политическая организація становится болѣе опредѣленною по сравненію съ тою, какой она была на первой ступени: государство получаетъ отчетливыя и устойчивыя формы. Положеніе верховной власти и ея отношеніе къ подчиненнымъ властямъ и народу опредѣляются точно. Если верховный произволъ не ограниченъ учрежденіями и законами, то фактическое ограниченіе онъ встрѣчаетъ въ сопротивленіи высшихъ сословій,—дворянства или духовенства, или обоихъ вмѣстѣ. Функціи управленія развиваются во всѣхъ направленіяхъ, создавая сложную систему правительственныхъ органовъ. Для содержанія ихъ требуются значительныя матеріальныя средства, завѣ-

---

[1]) *Vorländer*. Die Staatsformen, etc; S. 166—161 (XV-er Bd.).

дываніе которыми поручается особому учрежденію. Къ государствамъ второй ступени, рѣзко отличающимся между собою по своимъ формамъ, принадлежатъ всѣ культурныя государства древности и среднихъ вѣковъ [1]).

в) Третья ступень развитія отличается отъ второй болѣе широкимъ и напряженнымъ общеніемъ, которое настолько сглаживаетъ раздѣленія и обособленія предыдущей стадіи, что они начинаютъ мало-по-малу исчезать въ высшемъ политическомъ организмѣ. На второй ступени рѣзкія сословныя и классныя различія вызывали нѣкоторое несовершенство государственнаго строя, обнаруживавшееся всего нагляднѣе въ неравенствѣ политическихъ правъ. Кромѣ того, отдѣльный городъ (Аѳины, Римъ), или отдѣльный народъ (напр., персы) составляли тамъ зерно политической организаціи, къ которому примыкали остальные города и народы только въ качествѣ составныхъ частей государства. Въ этомъ заключалась одна изъ главныхъ причинъ, почему государства второй ступени не достигли болѣе совершенной формы. Другія причины ихъ несовершенства лежали въ культурныхъ условіяхъ жизни. Религіозное, нравственное и умственное развитіе населенія не достигало той высоты, при которой оно смягчало бы сословныя и классныя разграниченія и парализовало вражду между отдѣльными народами, племенами и ихъ развѣтвленіями. Провозвѣстникомъ новыхъ и высшихъ началъ жизни явилось христіанство, а практическое осуществленіе ихъ выпало на долю европейскихъ народовъ новаго времени. Впрочемъ, еще и теперь высшая ступень развитія не заключена; но основанія слагающагося государственнаго строя уже достаточно обозначились. Въ общественной жизни онъ характеризуется дѣятельнымъ и широкимъ общеніемъ на почвѣ разнообразныхъ культурныхъ интересовъ; въ области политической—уравненіемъ правъ гражданъ и возрастающею сложностью государственной организаціи, отвѣчающей растущимъ потребностямъ современнаго общежитія [2]).

Высшія родовыя группы, опирающіяся на ступени политическаго и общественнаго развитія, подраздѣляются, каждая, на *два*

---

[1]) *Vorländer.* Die Staatsformen, etc.; S. 167 — 168 (XV-er Bd.).

[2]) *Ibid.;* S. 168—169.

вида, смотря потому, преобладаетъ ли въ государствѣ политическій принципъ подчиненія, или—соціальный принципъ общенія. Это существенное различіе сопровождается, по мнѣнію Форлендера, различіями во всемъ строѣ общежитія. Такъ, принципъ подчиненія, взятый въ своей исключительности, требуетъ строгаго проведенія начала личнаго руководства; поэтому, тамъ, гдѣ по условіямъ жизни принципъ этотъ получаетъ перевѣсъ, устанавливается форма *монархіи* или *королевства*. Наоборотъ, тамъ, гдѣ принципъ общенія беретъ верхъ надъ политическимъ принципомъ, водворяется форма *народовластія* или *республики*. Обѣ формы различаются между собою не однимъ численнымъ составомъ верховной власти, но общимъ планомъ государственной организаціи. Въ монархіи снизу и доверху господствуетъ іерархическая зависимость органовъ управленія, оканчивающаяся въ лицѣ государя, который сосредоточиваетъ въ своихъ рукахъ верховную власть. Республика также обладаетъ правительственною системою, имѣющею свой центральный органъ, ибо безъ этого не можетъ обойтись никакое благоустроенное общежитіе; но здѣсь верховныя права принадлежатъ народу, волѣ котораго подчинены всѣ правительственные органы. Поэтому, отношенія подданныхъ къ верховной власти тамъ и здѣсь совершенно различны: тамъ господствуетъ начало безусловнаго повиновенія волѣ монарха, здѣсь сами подданные являются носителями верховной воли. Въ монархіяхъ, далѣе, порядокъ поддерживается государственною властью, твердо и прочно организованной; въ республикахъ, гдѣ власть подвержена колебаніямъ, онъ покоится въ нравахъ населенія. Въ соотвѣтствіи съ этимъ, личной энергіи, достоинству и авторитету правителей отвѣчаютъ въ монархіи чувства зависимости, повиновенія и вѣрности подданныхъ; въ республикахъ же преобладаютъ преданность общимъ интересамъ и любовь къ родинѣ. Наконецъ, обѣ формы вызываются различными условіями и потребностями: монархія, при слабости и разрозненности высшихъ сословій,—потребностью въ надежной защитѣ отъ внѣшнихъ враговъ и обезпеченномъ внутреннемъ порядкѣ; республика—потребностями среднихъ сплотившихся классовъ, первенствующихъ среди остальнаго населенія [1]).

[1]) *Vorländer*. Die Staatsformen, etc; S. 170—172 (XV-er Bd.).

Подъ установленные виды монархій и республикъ Форлендеръ подводитъ всѣ формы государственнаго устройства. Оспаривая тѣхъ, которые считаютъ *аристократію* особою и самостоятельною формою, онъ относитъ ее къ республиканской группѣ. Если принципъ аристократіи заключается въ господствѣ лучшихъ, то этотъ принципъ,—утверждаетъ авторъ,—не стоитъ въ противорѣчіи съ существомъ демократіи, ибо здѣсь правятъ также лучшіе, каковыми являются средніе классы. Правда, въ одномъ случаѣ лучшіе образуютъ небольшую группу людей, тогда какъ въ другомъ—неопредѣленное множество; но этому различію Форлендеръ не придаетъ значенія. Гораздо важнѣе въ его глазахъ то обстоятельство, что въ аристократіяхъ принципъ общенія беретъ перевѣсъ надъ политическимъ принципомъ подчиненія, сообщая государственнымъ учрежденіямъ республиканскій характеръ. Если, однако, этотъ принципъ не выражается здѣсь такъ ярко, какъ въ демократіяхъ, то потому, что аристократіи представляютъ низшія переходныя стадіи развитія народовластія, въ которыхъ средніе классы, уступая первенство дворянству, еще не успѣли вполнѣ сложиться. Возможно, конечно, что при благопріятныхъ условіяхъ дворянство надолго удержитъ за собою преобладаніе, задерживая свободное развитіе среднихъ классовъ, какъ то, напр., было въ Спартѣ и Венеціи. Но подобныя явленія, будучи исключительными, не должны служить основаніемъ для сужденія объ аристократіяхъ вообще [1]).

Попытка Форлендера служитъ наиболѣе послѣдовательнымъ и крайнимъ выраженіемъ ложнаго взгляда на значеніе классификаціи, укоренившагося въ германской политической литературѣ. Въ этомъ взглядѣ, требующемъ отъ размѣщенія не пособія при изученіи явленій, а полныхъ и всесторонннихъ свѣдѣній о нихъ, скрывается общій источникъ важнѣйшихъ промаховъ автора. Ошибочно понимая свою задачу и настойчиво преслѣдуя ее, Форлендеръ сбивается съ дороги и блуждаетъ по сторонамъ. Въ его уклоненіяхъ отъ истиннаго направленія укажемъ два главныхъ поворота, составляющихъ ключъ для критической оцѣнки проэктируемой классификаціи.

---

[1]) *Vorländer.* Die Staatsformen, etc.; S. 172—174 (XV-er Bd.).

Одно уклоненіе выражается въ любопытной *непослѣдовательности* автора. Полагая, что размѣщеніе должно опираться на общее понятіе о размѣщаемыхъ явленіяхъ, онъ начинаетъ свое изслѣдованіе опредѣленіемъ государства, которое, по его мнѣнію, есть *особый видъ* союза среди многихъ общественныхъ соединеній, существующихъ въ данномъ народѣ. Находясь въ тѣсномъ взаимодѣйствіи съ этими послѣдними, вліяя на нихъ и само испытывая на себѣ ихъ вліяніе, государство является, тѣмъ не менѣе, самостоятельною величиною. Ничѣмъ инымъ оно, разумѣется, и быть не можетъ, если опредѣленіе должно согласоваться съ дѣйствительностью. Однако, нѣсколько позднѣе Форлендеръ *отступаетъ* отъ этого опредѣленія, значительно расширяя его. Политическая организація, которая, очевидно, совпадаетъ съ прежнимъ союзомъ, разсматривается уже, какъ отдѣльная *сторона* государственной организаціи, другую сторону которой образуютъ общественныя соединенія. Различіе между государствомъ, какъ особымъ союзомъ, и остальными союзами внутри народа сглаживается и исчезаетъ. Государство уже представляетъ нѣчто такое, что̀ обнимаетъ собою *всѣ проявленія* коллегіальной жизни. Принципы политическаго подчиненія и соціальнаго общенія служатъ его непосредственными принципами. Короче, государство и народъ *сливаются* въ одно цѣлое. Причина такого сліянія понятна: производя его, авторъ создаетъ чрезвычайно выгодное положеніе для желательнаго рѣшенія задачи. Теперь уже всѣ отличія и особенности, которыя онъ наблюдаетъ въ народѣ, обозначаютъ собою отличія и особенности государства, а ступени развитія перваго являются стадіями роста втораго. Не произведи онъ упомянутаго сліянія,—пришлось бы довольствоваться при классификаціи государствъ признаками, которые вызываются въ нихъ, какъ *особыхъ* союзахъ, различными состояніями народа; сами же по себѣ эти признаки далеки отъ того, чтобы всесторонне характеризовать общежитіе, чего добивается авторъ. Такимъ образомъ, если у предшествующихъ писателей стремленіе обнаружить всѣ важнѣйшія различія политическихъ союзовъ при помощи размѣщенія оканчивалось смѣшеніемъ понятій государства и народа,—то же стремленіе приводитъ Форлендера къ полному *отожествленію* этихъ понятій, позволяющему видѣть въ культурныхъ состояніяхъ населенія типическія фор-

мы общежитія. Увлекаясь преслѣдованіемъ своей цѣли, авторъ просматриваетъ при этомъ, какъ далеко отступаетъ онъ отъ своего первоначальнаго опредѣленія государства, предназначавшагося служить исходнымъ положеніемъ изслѣдованія.

Другое уклоненіе Форлендера еще характернѣе и поучительнѣе. Критикуя существующія классификаціи, онъ находитъ ихъ односторонними. Съ его точки зрѣнія, главный недостатокъ ихъ состоитъ въ томъ, что онѣ избираютъ основаніемъ дѣленія одинокіе признаки, тогда какъ правильное размѣщеніе должно принять во вниманіе *всѣ стороны* государства, характеризуя политическій строй во всей полнотѣ и объемѣ. Чтобы рѣшить эту неразрѣшимую и невозможную задачу, авторъ прибѣгаетъ къ крайнему и, по истинѣ, отчаянному средству. Онъ указываетъ основаніе классификаціи въ „ступеняхъ политическаго и общественнаго развитія," не замѣчая, что рекомендуетъ *пріемъ*, невыполнимый вообще и не выполняемый имъ въ частности. Будучи *сложнымъ* понятіемъ, ступени развитія не составляютъ *отдѣльныхъ* признаковъ, на которыхъ могли бы покоиться группы. Каждая ступень, какъ сложное цѣлое, содержитъ въ себѣ великое множество самыхъ разнообразныхъ признаковъ, часто не связаныхъ между собою непосредственно. Въ отдѣльности эти признаки способны быть опорою многочисленныхъ самостоятельныхъ дѣленій; но въ совокупности они *не могутъ* установить *одного* размѣщенія, что̀ требовало бы, чтобы всѣ они проводили одинаковыя линіи по размѣщаемому матеріалу и въ этомъ смыслѣ совпадали другъ съ другомъ. Подобно Хэрену, Форлендеръ смѣшиваетъ сложное понятіе съ его *составными* частями и, пользуясь этими послѣдними, думаетъ, что имѣетъ дѣло съ *цѣлымъ*. Въ дѣйствительности не ступени развитія служатъ основаніемъ его классификаціи; напротивъ, онѣ сами являются *слѣдствіемъ* дѣленія, которое основано на признакѣ обособленія политическихъ и общественныхъ функцій, выражающагося въ обособленіи сословій и классовъ. Если этотъ признакъ не указывается, какъ дѣйствительное основаніе классификаціи, то потому, что самъ по себѣ онъ не освѣщаетъ государства сверху и донизу, что̀ вмѣняется въ обязанность размѣщенію. Отдѣльно взятый, онъ не отвѣчаетъ широкимъ требованіямъ автора, который удовлетворяется имъ только благодаря тому, что ошибочно разсматриваетъ

его въ соединеніи со множествомъ другихъ признаковъ, образующихъ ступени развитія. Разнообразныя черты группъ Форлендеръ принимаетъ за отдѣльный обособляющій признакъ и за ихъ совокупностью не видитъ, насколько дѣйствительное основаніе размѣщенія не похоже на то, кокого онъ ищетъ.

Ступени развитія Форлендера, образуя родовыя группы его классификаціи, являются прежде всего *дѣленіемъ исторіи* на культурныя эпохи, характеризуемыя различною напряженностью обособленія сословій и классовъ. Нельзя отказать этому дѣленію въ томъ, что оно вѣрно отмѣчаетъ *нѣкоторыя* историческія черты въ жизни народовъ; но, заключая въ себѣ долю истины, оно едва ли можетъ претендовать на *большое* значеніе. «Съ точно такою же долею истины,—говоритъ Моль, который не остается въ долгу передъ своимъ критикомъ,—можно представить десятокъ другихъ историко-философскихъ схэмъ развитія и при нѣкоторомъ остроуміи связать ихъ потомъ съ различіями государственнаго строя. Но этимъ способомъ можетъ быть получено только эфемерное построеніе, увеличивающее собою и безъ того слишкомъ большое число существующихъ мнимо-научныхъ попытокъ.» [1]) Между прочимъ, Форлендеръ приводитъ въ своемъ изслѣдованіи образчики подобныхъ попытокъ, которыя ничѣмъ не уступаютъ его собственной. Въ послѣдней Молю особенно не нравится утвержденіе, что древнія и средневѣковыя государства принадлежатъ къ одной стадіи развитія. Это утвержденіе, отличаясь, дѣйствительно, произвольностью, является тѣмъ неожиданнѣе, что самъ авторъ открываетъ между ними такія глубокія различія, передъ которыми указанныя имъ сходства отступаютъ на второй планъ. [2])

Если въ ступеняхъ развитія Форлендера видѣть *классификацію государствъ* и съ этой стороны обсуждать родовыя группы,—попытка его утрачиваетъ и ту долю значенія, какую можно признать за нею въ качествѣ дѣленія исторіи. Отыскивая всесторонее основаніе для размѣщенія, авторъ, въ сущности, не даетъ *никакого*. Онъ ограничивается тѣмъ, что отмѣчаетъ въ политическихъ союзахъ нѣкоторые признаки, служащіе отраженіемъ куль-

[1]) *Mohl.* Encyklopädie der Staatswissenschaften; S. 112—113.

[2]) *Vorländer.* Die Staatsformen, etc.; S. 333 sq. (XIV-er Bd.).

турныхъ состояній народа, съ чертами которыхъ они переплетаются. Отдѣленные отъ посторонней примѣси, признаки эти оказываются поразительно слабыми и поверхностными. Почти все, что̀ говорится о государствѣ, состоитъ въ томъ, что на первой ступени оно организовано смутно и подвижно, на второй организація его становится устойчивѣе, опредѣленнѣе и сложнѣе, а на третьей она представляется болѣе совершенною. Въ дополненіе и поясненіе къ этому приводятся частныя указанія, отъ которыхъ, однако, дѣло выигрываетъ немного. Съ точки зрѣнія классификаціи государствъ, недостаточность родовыхъ группъ обнаруживается особенно наглядно, если сравнить ихъ съ *видовыми* подраздѣленіями, заимствованными у Аристотеля: слабые и поверхностные признаки первыхъ совершенно теряются передъ отчетливыми и важными чертами послѣднихъ. Въ этомъ отношеніи, слѣдя за изложеніемъ автора, невольно убѣждаешься въ томъ, что онъ гораздо сильнѣе аргументируетъ въ пользу древняго размѣщенія, нежели своего собственнаго. Показывая, какія существенныя различія во всемъ политическомъ строѣ кроются за дѣленіемъ Аристотеля, онъ предлагаетъ въ дѣйствительности нѣсколько хорошихъ страницъ для доказательства вѣрности пути, проложеннаго греческимъ философомъ.

Форлендеръ, впрочемъ, *отступаетъ* частію отъ древняго дѣленія. Вмѣсто трехъ формъ онъ устанавливаетъ только *двѣ*, соединяя аристократіи и демократіи, по примѣру другихъ писателей, въ одну общую республиканскую группу. Соединеніе производится при помощи тѣхъ же пріемовъ и соображеній, съ которыми мы встрѣтились выше, у Халлера [1]). Новаго мы находимъ здѣсь только противоположеніе политическаго принципа подчиненія соціальному принципу общенія, что̀ обусловливается отожествленіемъ государства и народа. Постановка этого противоположенія, объясняющаго стремленіе автора сократить число древнихъ формъ, вызываетъ недоумѣнія. Такъ, непонятно, почему личное подчиненіе считается спеціально политическимъ принципомъ, когда оно, во 1-хъ, является непремѣннымъ началомъ всѣхъ выраженій кол-

[1]) См. выше, гл. IX, с. 224.

легіальной жизни и, во 2-хъ, на высшихъ ступеняхъ развитія въ самомъ государствѣ замѣщается, по Форлендеру, повиновеніемъ закону. Съ другой стороны, также непонятно, почему общеніе есть исключительно соціальный принципъ, между тѣмъ какъ оно служитъ необходимымъ предположеніемъ всякаго союза, пріобрѣтая господство въ наиболѣе совершенныхъ политическихъ организмахъ.

Обзору классификацій, опирающихся на культурныя состоянія народа, мы предпослали общее критическое замѣчаніе въ началѣ предыдущей главы. Заключимъ нашъ обзоръ другими общими замѣчаніями, основанными на ближайшемъ знакомствѣ съ этими классификаціями.

Всѣ писатели даннаго направленія *близко сходятся* между собою въ выборѣ обособляющихъ признаковъ. Исключеніе составляетъ одинъ Форлендеръ, который, вмѣсто отдѣльнаго признака, предлагаетъ сложное понятіе, какъ основаніе обособленія. Другіе поступаютъ иначе. Желая проникнуть во внутреннее существо государства, чтобы тамъ открыть все объясняющій признакъ дѣленія, Велькеръ останавливается на законахъ духа, Ромеръ—на основныхъ направленіяхъ дѣятельности, Дуденъ—на стремленіяхъ, опредѣляющихъ волю, Моль—на міросозерцаніи, обусловливающемъ цѣли жизни. Всѣ они, слѣдовательно, находятъ основаніе классификаціи въ *духовной природѣ* человѣка, какъ составной единицы общежитія, вліяющей на его характеръ. Но сходство между ними идетъ глубже: избираемые признаки въ существенныхъ чертахъ совпадаютъ другъ съ другомъ, хотя и носятъ разныя названія. Чѣмъ, напр., «законы духа» Велькера не тѣ-же «направленія» Ромера, а эти послѣднія—не «стремленія» Дудена, весьма приближающіяся къ «міросозерцанію» Моля? Различія, какія можно здѣсь указать, имѣютъ второстепенное значеніе. Они подавляются основнымъ сходствомъ, которое, очевидно, не *случайнаго* происхожденія, ибо оно обнаруживается въ самомъ существѣ дѣла, не смотря на то, что писатели слѣдуютъ неодинаковыми путями. Сходство объясняется тѣмъ, что они обращаются за основаніями дѣленій къ состояніямъ народа, какъ общей и послѣдней причинѣ особенностей политическаго строя. Ставъ на эту точку зрѣнія, они вынуждены сдѣлать шагъ далѣе и отъ народа

спуститься до отдѣльнаго человѣка, такъ какъ культурныя состоянія перваго опредѣляются духовными свойствами втораго. Такимъ образомъ, постановка вопроса приводитъ ихъ съ роковою необходимостью къ *психологическимъ основаніямъ* классификаціи. Какъ мы уже видѣли, эти основанія не могутъ дать ничего иного, кромѣ дѣленія исторіи по ступенямъ культуры, ибо духовныя особенности отдѣльныхъ лицъ, образующихъ народъ, не составляютъ непосредственныхъ признаковъ государства.

Но, независимо отъ этого, психологическія основанія дѣленія *неспособны* служить цѣлямъ классификаціи по другой причинѣ. Внутреннія и скрытыя, распознаваемыя по отдѣльнымъ проявленіямъ, они не обладаютъ *наглядностью*, составляющею непремѣнное условіе правильнаго размѣщенія. Благодаря своему скрытому характеру и, еще болѣе, своей подвижной природѣ, они отличаются шаткостью, неопредѣленностью и нѣкоторою неуловимостью. Между прочимъ, отсюда проистекаютъ постоянные споры писателей, куда относить тотъ или другой политическій союзъ, и взаимные упреки въ ошибочномъ распредѣленіи явленій, съ точки зрѣнія избраннаго основанія дѣленія. Въ этихъ спорахъ и упрекахъ уже заключается осужденіе предлагаемыхъ ими размѣщеній. Въ самомъ дѣлѣ, на что̀ нужна классификація, если она вызываетъ затрудненія при группировкѣ явленій, не только подлежащихъ еще изученію, но уже изученныхъ и извѣстныхъ, и не въ рѣдкихъ, исключительныхъ случаяхъ, а сплошь и рядомъ? Въ роли перваго пріема, съ которымъ приступаютъ къ занятіямъ, она должна быть настолько проста и удобна, чтобы давать легкую возможность распредѣлять предлежащій матеріалъ по группамъ. Въ противномъ случаѣ она не имѣетъ никакой цѣны, какъ пріемъ изученія, которымъ нельзя пользоваться. Зоологическое размѣщеніе, напр., основанное на важныхъ внутреннихъ различіяхъ, было-бы, по мнѣнію логиковъ, совершенно безполезно, если бы требовало предварительно убить животное, чтобы потомъ отнести его къ извѣстной группѣ [1]). Между тѣмъ, въ разсматриваемыхъ классификаціяхъ дѣло поставлено гораздо хуже. Даже при ближайшемъ ознакомленіи съ явленіями онѣ часто не позволяютъ

---

[1]) См. выше, гл. IV, с. 111.

указать точное мѣсто государству въ системѣ группъ, обозначенныхъ колеблющимися чертами. Внутреніе признаки духовнаго состоянія населенія, на которыхъ онѣ покоятся, не всегда поддаются опредѣленію. Для этого нужно, чтобы состояніе народа, обусловливаемое его культурою, выражалось съ достаточною полнотою и законченностью, чего нельзя требовать отъ всѣхъ стадій растущаго общежитія.

Вытекая изъ ложнаго взгляда на значеніе классификаціи, обсуждаемое направленіе вполнѣ отвѣчаетъ духу германской науки, ревниво поддерживающей метафизическія традиціи. Въ общемъ это глубоко нѣмецкое направленіе имѣетъ чисто отрицательное значеніе внушительнаго *предостереженія*, чего и какъ не слѣдуетъ дѣлать при рѣшеніи вопроса о классификаціи государствъ. Положительная сторона его заключается въ немногихъ частныхъ указаніяхъ, которыя, однако, заслоняются ошибочностью общей мысли.

ГЛАВА ЧЕТЫРНАДЦАТАЯ.

Частныя параллельныя классификаціи государствъ.

Разнородныя и совмѣстныя дѣленія.—Дѣленія Роттека, Цахаріэ, Лео и Вайтца.—Бѣглыя замѣчанія объ этихъ дѣленіяхъ.

Подъ именемъ *частныхъ параллельныхъ классификацій* мы разумѣемъ попытки писателей, которые, вмѣсто одного размѣщенія государствъ, предлагаютъ нѣсколько или даже много самостоятельныхъ дѣленій, не имѣющихъ никакого отношенія другъ къ другу. Мы называемъ эти дѣленія *частными*, ибо не можетъ быть болѣе одной общей классификаціи данныхъ явленій, и—*параллельными*, ибо они поставляются рядомъ, какъ независимыя размѣщенія, что̀ въ дѣйствительности не мѣшаетъ имъ имѣть различное значеніе.

Существуя совмѣстно, многія самостоятельныя дѣленія устанавливаютъ, каждое, свои пограничныя линіи, которыя, пересѣкаясь, идутъ въ разнообразныхъ направленіяхъ. Группы, образуемыя ими, толпятся безпорядочно и громоздятся другъ на друга, при чемъ одни и тѣ же явленія занимаютъ одновременно различныя положенія, входя въ составъ различныхъ обособленій. Въ цѣломъ получается невообразимая путаница, въ которой нѣтъ никакой возможности разобраться. Понятно, что эта безпорядочная смѣсь группъ не можетъ составить общей классификаціи; сами же по себѣ разнородныя дѣленія представляютъ мало интереса, ибо по бо́льшей части они являются или заимствованными, или крайне слабыми и недостаточными въ томъ или другомъ отношеніи. Если, тѣмъ не менѣе, мы удѣляемъ нѣкоторое мѣсто названнымъ попыткамъ, то для того лишь, чтобы полнѣе охарактеризовать состояніе литературной обработки изучаемаго вопроса:

попытки эти служатъ лучшимъ образчикомъ общаго пренебреженія логическими требованіями въ дѣлѣ, въ которомъ послѣднія должны бы играть главную роль. Читатель, котораго предыдущее изложеніе достаточно убѣдило въ этомъ, можетъ спокойно пропустить настоящую главу.

Было бы безполезно и утомительно перечислять всѣхъ писателей, предлагающихъ частныя параллельныя дѣленія. Болѣе чѣмъ достаточно, если мы остановимся на четырехъ наиболѣе выдающихся попыткахъ этого рода, излагая ихъ въ хронологическомъ порядкѣ и сопровождая изложеніе бѣглыми попутными замѣчаніями. Съ этою цѣлью мы избираемъ дѣленія Роттека, Цахаріэ, Лео и Вайтца.

Роттекъ раздѣляетъ на группы историческія и мыслимыя государства, чтобы среди нихъ найдти правомѣрное устройство, покоющееся на общей волѣ народа [1]). Авторъ думаетъ при этомъ, что «различныя дѣленія могутъ быть равно цѣлесообразны», хотя лучшими изъ нихъ являются тѣ, которыя проникаютъ въ существо государства [2]). Онъ дѣлитъ:

I) *На основаніи внѣшнихъ признаковъ*: А) По *воплощенію* власти, т.-е. по числу лицъ субъекта верховныхъ правъ: монархіи, аристократіи и демократіи; двѣ первыя могутъ быть, сверхъ того, по *способу пріобрѣтенія* власти или наслѣдственными, или избирательными. Б) По *формѣ передачи* власти народомъ: а) передача ограниченная, или неограниченная, б)—съ раздѣленіемъ, или безъ раздѣленія верховныхъ правъ и в)—съ участіемъ населенія въ дѣлахъ государственныхъ, или безъ участія.

II) *На основаніи внутреннихъ признаковъ*: А) По *правомѣрности* или *неправомѣрности* устройства: республики, гдѣ господствуетъ общая воля, деспотіи, гдѣ господствуетъ воля правителей,—одного, нѣсколькихъ, многихъ,—и анархіи, гдѣ господство принадлежитъ частной волѣ членовъ общежитія. Сюда же причисляется дѣленіе Аристотеля на правильныя и искаженныя формы.

---

[1]) *C. v. Rotteck.* Lehrbuch des Vernunftrechts, 1829—1835; II-er Bd., S. 173 sq..

[2]) *Ibid.*; S. 177.

Б) По *прочности*: представляющія и не представляющія гарантіи оной [1]).

Роттекъ относится весьма высокомѣрно къ нѣкоторымъ почтеннымъ попыткамъ построенія классификаціи, не называя намѣренно ихъ авторовъ, въ томъ числѣ—Шлейермахера, Бера, Велькера [2]). Но его собственная попытка стоитъ неизмѣримо ниже тѣхъ, которыя онъ покрываетъ презрѣніемъ: она представляетъ кучу жалкихъ лоскутьевъ, среди которыхъ все наиболѣе цѣнное взято у другихъ писателей. Отыскивая правомѣрное устройство, Роттекъ преслѣдуетъ частную цѣль, которой подчиняетъ свои дѣленія. Это заставляетъ его размѣщать существующія формы наравнѣ съ мыслимыми. Обособляющіе признаки, принадлежащіе собственно автору, или не имѣютъ значенія, или неуловимы, или и то и другое вмѣстѣ. Встрѣчаются, сверхъ того, противорѣчія: считая, напр., деспотіи фактическимъ (?), а не государственнымъ состояніемъ общежитія, Роттекъ, тѣмъ не менѣе, включаетъ ихъ въ составъ своихъ группъ, что не мѣшаетъ ему въ другомъ мѣстѣ упрекать за это Хэрена [3]).

Цахаріэ классифицируетъ государственныя *правленія* (Staatsverfassungen), подъ которыми разумѣетъ совокупное выраженіе идеи политическаго господства въ лицѣ верховнаго субъекта и органовъ, осуществляющихъ права его полновластія (Machtvollkommenheit-суверенитетъ) [4]). Онъ различаетъ правленія:

I) По *субъекту* полновластія: 1) народъ самъ управляется—*демократія*, 2) народомъ управляютъ: а) или одно физическое лицо—*монархія*, б) или лицо моральное, выдѣлившееся изъ остальнаго населенія,—*аристократія*.

II) По *юридическому основанію* или *титулу*, въ силу котораго пріобрѣтается полновластіе: основаніемъ служитъ или: 1) *законъ*, какъ, напр., въ наслѣдственныхъ монархіяхъ, или 2) *фактъ*, какъ въ монархіяхъ избирательныхъ.

III) По *отправленію* полновластія: 1) или самъ субъектъ осуществляетъ свои верховныя права—*автократія*, 2) или перено-

---

[1]) *Rotteck.* Lehrbuch des Vernunftrechts; S. 182—201.

[2]) *Ibid.*; S. 181.

[3]) *Ibid.*; S. 180.

[4]) *K. Zachariä.* Vierzig Bücher vom Staate, 1839—1843; III-er Thl., S. 1—2.

сить осуществленіе ихъ на другихъ лицъ—*представительное правленіе.*

IV) По *силѣ* субъекта верховной власти, который, въ нужныхъ случаяхъ, принуждаетъ къ повиновенію: 1) или *собственными* средствами, 2) или при *помощи народа.* Въ монархіи и аристократіи принудительная сила можетъ существовать въ обоихъ видахъ, какъ potentia privata или potentia publica; въ демократіяхъ имѣетъ мѣсто только послѣдній видъ. Средствами принужденія служатъ: сила оружія, разума или денегъ.

V) По *праву на верховную власть:* 1) *деспотіи,* опирающіяся не на право, а на страхъ населенія предъ правителемъ; 2) *теократіи,* покоящіяся на божественномъ правѣ, и 3) государства, власть которыхъ основывается на свѣтскомъ правѣ: а) или воля правителя почитается наиболѣе справедливою—*отеческія правленія,* б) или его воля есть воля большинства—*республиканскія правленія* или *свободныя государства* [1]).

Не довольствуясь приведенными дѣленіями, Цахаріэ устанавливаетъ, далѣе, въ видѣ приложеній, еще слѣдующія группы:

а) *Смѣшанныя правленія,* которыя соединяютъ въ себѣ монархическую, аристократическую и демократическую формы, или только двѣ изъ нихъ, такъ что полновластіе принадлежитъ частію одному лицу, частію извѣстной группѣ населенія, а частію всему народу. Примѣрами такого устройства могутъ служить: римское свободное государство и конституціонныя монархіи [2]).

б) *Сложныя правленія,* въ которыхъ полновластіе суверена ограничено въ извѣстной области государства или въ разныхъ частяхъ территоріи ограничивается различно; напр., Россія и Польша по акту Вѣнскаго конгресса, или Великобританія до присоединенія шотландскаго и ирландскаго парламентовъ къ англійскому [3]).

в) *Метрополіи* и *колоніи* (Mutter-und Tochterstaaten), пока послѣднія, образуя особыя общежитія, не порвали своей естественной связи съ первыми [4]).

---

[1]) *Zachariä.* Vierzig Bücher vom Staate; III-er Th., S. 4—7.
[2]) *Ibid.;* S. 8 sq..
[3]) *Ibid.;* S. 10 sq.
[4]) *Ibid.;* S. 13 sq.

Дѣленія Цахаріэ еще многочисленнѣе дѣленій Роттека. Для чего они нужны автору,—остается загадкою. Такою же загадкою представляется у него ихъ взаимное отношеніе. Изъ дальнѣйшаго изложенія можно заключить съ нѣкоторою вѣроятностью, что авторъ отдаетъ предпочтеніе дѣленію государствъ по субъекту полновластія на демократіи, аристократіи и монархіи, къ которымъ присоединяется группа смѣшанныхъ правленій. Заключеніе основывается на томъ, что при ближайшемъ изученіи политическихъ формъ онъ пользуется именно этимъ дѣленіемъ [1]). Въ немъ, поэтому, слѣдуетъ видѣть общую классификацію, а остальныя—разсматривать какъ вспомогательныя, способныя исполнять спеціальныя назначенія. Но въ качествѣ общей классификаціи упомянутое дѣленіе есть простое повтореніе древняго размѣщенія, съ обычнымъ присоединеніемъ къ нему формы Полибія. Что касается другихъ дѣленій, то, не останавливаясь на нихъ особо, замѣтимъ вообще, что они или захватываютъ только части дѣлимаго, или опираются на признаки второстепенные, или являются заимствованными.

Въ своемъ «естественномъ ученіи о государствѣ» Л е о отвергаетъ человѣческое происхожденіе политическихъ союзовъ. «Рѣчи объ изобрѣтеніи государства и установленіи общежитія,—говоритъ онъ,—всегда производили на меня такое же впечатлѣніе, какъ похвала Санчо-Панса изобрѣтенію сна». Подобно языку, государство появляется вмѣстѣ съ появленіемъ человѣка. Оно—«художественное созданіе божественнаго происхожденія,—тѣмъ болѣе чистое, чѣмъ менѣе овладѣла имъ свободная рефлекція, чѣмъ натуральнѣе было его развитіе». Различные естественные и духовные элементы образуютъ въ немъ своего рода систему сосудовъ, въ которыхъ заключается и движется духъ народа, какъ кровь въ сосудахъ организма. Характеръ соединенія этихъ элементовъ и самые элементы могутъ быть различны, что̀ обусловливаетъ различіе государствъ [2]).

---

[1]) *Zachariä.* Vierzig Bücher vom Staate; XVI—XIX Bücher.

[2]) *H. Leo.* Studien und Skizzen zu einer Naturlehre des Staates, 1833; I-te Abth., S. 1—3.

По *характеру соединенія* государства раздѣляются на органическія и механическія, съ одной стороны,—систематическія и несистематическія, съ другой.

а) *Органическими государствами* называются такія, въ которыхъ члены союза связаны внутреннимъ духовнымъ единствомъ и проникнуты общею жизнью. Нормы, опредѣляющія ихъ взаимныя отношенія, вытекаютъ сами собою, естественно, изъ условій совмѣстнаго существованія. Таковы первоначальныя общежитія, безсознательно выростающія изъ непосредственнаго общенія людей.

б) *Механическія государства*, въ противоположность органическимъ, представляютъ такіе союзы, члены которыхъ связываются въ одно цѣлое внѣшнею силою. Нормы создаются произвольно и поддерживаются принудительно. Онѣ устанавливаются обыкновенно или подъ вліяніемъ сильнаго по себѣ интереса, или—такого, который признается важнымъ сильными людьми. Механическія общежитія всегда возникаютъ изъ первоначальнаго органическаго строя жизни. Это происходитъ вслѣдствіе различныхъ причинъ: односторонняго или болѣзненнаго развитія общества, усиленія энергіи, поддерживаемой внѣшними условіями, подчиненія чужестранцу-побѣдителю, и т. п.. [1]).

Иная основа дѣленія государствъ на систематическія и несистематическія, хотя это дѣленіе опирается также на характеръ соединенія.

а) *Несистематическими государствами* являются такія, въ которыхъ: 1) или не существуетъ раздѣленія труда и сословій, что наблюдается, напр., въ кочевыхъ государствахъ; 2) или одно направленіе дѣятельности получаетъ перевѣсъ надъ всѣми другими, что, напр., имѣетъ мѣсто въ военныхъ государствахъ; 3) или, наконецъ, хотя уже произошло раздѣленіе труда и сословій, но каждое сословіе представляетъ собою замкнутую единицу, ничѣмъ не связано внутренно съ другими сословіями и въ своихъ соприкосновеніяхъ съ ними подчиняется высшей посредствующей власти, свѣтской или духовной. Несистематическими эти общежитія слѣдуетъ называть потому, что въ нихъ или *одно* направленіе дѣятельности исключаетъ систему, или *многія* различныя на-

---

[1]) *Leo.* Studien und Skizzen, etc.; S. 3—5.

правленія, слагаясь въ упругія формы кастъ, образуютъ лишь внѣшній общій порядокъ [1]).—Къ слову, замѣтимъ отъ себя, что отсутствіе системы, которую Лео считаетъ существеннымъ моментомъ понятія о государствѣ, казалось бы, должно исключать описываемыя явленія изъ сферы разсмотрѣнія автора, какъ союзы негосударственные; но Лео обходитъ молчаніемъ это затрудненіе.

б) *Систематическія государства* находятъ свое выраженіе въ союзахъ, въ которыхъ различныя направленія дѣятельности уже дѣлятъ населеніе на сословія, но не обособляютъ его въ уединенныя другъ отъ друга касты. Напротивъ, сословія находятся въ непосредственномъ взаимодѣйствіи, связываются сложною системою отношеній и въ совокупности образуютъ живое цѣлое, единство котораго скрѣпляется еще болѣе высшею властью [2]).

Продолжая свою классификацію, Лео выдѣляетъ, далѣе, группу *элементарныхъ* государствъ, составляющихъ одинъ изъ видовъ неспематическихъ союзовъ, при чемъ, однако, не указываетъ другихъ соотвѣтствующихъ видовъ. Элементарными онъ называетъ тѣ общежитія, которыя даютъ одностороннее преобладаніе какому-либо одному направленію дѣятельности, какъ основному принципу даннаго общественнаго строя. Эту роль можетъ играть, конечно, лишь такая дѣятельность, которая имѣетъ общее отношеніе къ жизни и потребностямъ человѣка настолько, чтобы служить средствомъ соединенія людей. Предметы, составляющіе цѣль подобной дѣятельности, являются элементами, на которыхъ покоится политическая жизнь [3]). По *различію этихъ элементовъ*, которые могутъ быть органическими или механическими, разсматриваемыя государства дѣлятся на слѣдующія группы.

а) *Органическіе элементы:* 1) семейство и родъ въ соединеніи съ движимою собственностью (стадами): *кочевыя государства* патріархальнаго строя (древне-еврейское); 2) семейство и родъ въ соединеніи съ недвижимою собственностью: *земледѣльческія государства* патріархальняго строя (древне-германскія марки и древне-кельтскіе кланы).

---

[1]) *Leo.* Studien und Skizzen, etc.; S. 5.
[2]) *Ibid.;* S. 6.
[3]) *Ibid.;* S. 6—7.

3) *Механическіе элементы*: 1) религіозный страхъ: *іерархіи* или *жреческія государства* (Египетъ, Мероэ); 2) абстрактное мышленіе: *идеократіи* (государство Робеспьера, Сенъ-Симона); 3) внѣшняя сила: *военныя государства* (имперіи римская и Наполеоновская); 4) деньги: *торговыя государства* (Флоренція при первыхъ Медичахъ). [1])

Односторонее господство одного изъ этихъ элементовъ держитъ жизнь въ узкихъ рамкахъ и стѣсняетъ ея развитіе. Если другіе элементы, прежде подавленные, начинаютъ настойчиво предъявлять свои требованія, то завязывается борьба, исходъ которой можетъ быть двоякій: или вновь возьметъ перевѣсъ какой-либо одинъ элементъ, или всѣ элементы найдутъ соотвѣтствующее выраженіе въ жизни. Въ первомъ случаѣ политическій союзъ попрежнему останется элементарнымъ; во второмъ—возникнетъ *органическо-систематическое государство*, какъ болѣе совершенная форма общественной жизни. [2])

Какъ видитъ читатель, Лео предлагаетъ два главныхъ дѣленія, которыя покоятся на характерѣ соединенія государственныхъ элементовъ и образуютъ группы органическихъ и механическихъ, систематическихъ и несистематическихъ союзовъ. Ясно, что между этими дѣленіями нѣтъ никакой связи: въ основаніи перваго лежитъ понятіе объ организмѣ, въ основаніи втораго—понятіе о системѣ. Будучи самостоятельными размѣщеніями, оба дѣленія путаются между собою. Органическія и механическія государства обнимаютъ многія явленія несистематической группы; систематическіе союзы находятъ своихъ представителей среди органическихъ государствъ, и т. д. Въ общемъ группы представляютъ безпорядочную смѣсь, ни мало непохожую на правильное размѣщеніе.—Изъ среды несистематическихъ союзовъ авторъ обособляетъ, далѣе, элементарныя государства, т. е. начинаетъ новое дѣленіе, которое тотчасъ же оставляетъ, какъ скоро образована первая группа. Точно также онъ поступаетъ съ органическо-систематическими государствами: это опять начало новаго дѣленія, не имѣющаго продолженія.

---

[1]) *Leo.* Studien und Skizzen, etc.; S. 7—21.

[2]) *Ibid.*; S. 21—24.

Обособляющіе признаки Лео отличаются слабостью и неопредѣленностью, или искусственностью и произвольностью. Органическія государства противополагаются механическимъ, смотря по тому, связаны ли члены общежитія внутреннимъ духовнымъ единствомъ, или внѣшнею силою. Что̀ понимаетъ авторъ подъ системою, различая систематическіе союзы отъ несистематическихъ,—объ этомъ предоставляется догадываться самому читателю. Лучше другихъ обособляющіе признаки элементарныхъ государствъ; но кромѣ искусственности, которою страдаютъ нѣкоторые изъ нихъ, они не могутъ служить цѣлямъ общей классификаціи уже по тому одному, что встрѣчаются только среди несистематической группы, да и то не во всѣхъ ея представителяхъ.

Вайтцъ видитъ въ государствѣ *организацію* народа, который оно представляетъ. Поэтому, именно въ организаціи политическихъ союзовъ онъ думаетъ искать основаній для ихъ классификаціи, что̀ даетъ ему возможность упростить задачу, сводя ее на размѣщеніе *формъ* государственнаго устройства.

Два признака, по его мнѣнію, самыхъ существенныхъ, должны быть взяты въ основу дѣленія: во-первыхъ, *степень сложности* государственной организаціи и, во-вторыхъ, *взаимное отношеніе* народа и верховной власти [1]).

I) По *степени сложности организаціи* Вайтцъ различаетъ: а) *Единичныя государства* (Einheitsstaaten), въ которыхъ «государственная власть имѣетъ центральный пунктъ внутри государства». б) *Сложныя государства* (Gesammtstaaten), къ которымъ относятся разнообразныя формы соединенія политическихъ союзовъ. Изъ нихъ наиболѣе характерными служатъ: реальная унія, гдѣ отдѣльныя государства объединяются общностью учрежденій, и личная унія, гдѣ одно и то же лицо является верховнымъ главою различныхъ государствъ, что̀, впрочемъ, не исключаетъ и нѣкоторой общности учрежденій. в) *Союзныя государства*, представляющія двойственную организацію народа. Обособленное въ отдѣльныхъ своихъ частяхъ, населеніе образуетъ нѣсколько государствъ, самостоятельныхъ въ своей сферѣ, которыя соединяются въ одно цѣлое съ союзною властью во главѣ, вѣдающею ихъ общія дѣла.

---

[1]) *G. Waitz*. Grundzüge der Politik, 1862; S. 35, 119—120, 122—123.

Эта двоякая организація народа въ цѣломъ и отдѣльныхъ частяхъ, составляющая союзное государство, можетъ быть весьма различна. Существенно при этомъ только то, чтобы во внѣшнихъ сношеніяхъ союзное государство выступало, какъ единое цѣлое, а во внутреннемъ строѣ характеризовалось самостоятельностью властей, центральной и составныхъ государствъ. Кругъ дѣятельности этихъ властей опредѣляется условіями конкретнаго случая. г) *Союзы государствъ*, выражающіеся въ соединеніи ихъ между собою на болѣе или менѣе продолжительное время для достиженія какихъ-либо важныхъ общихъ цѣлей. Формы союзовъ могутъ быть также чрезвычайно различны [1]).

II) По *взаимному отношенію народа* и *верховной власти* Вайтцъ различаетъ теократіи, республики и королевства. Внутри этихъ группъ онъ придаетъ, далѣе, нѣкоторое значеніе древнему дѣленію государствъ на монархическія, аристократическія и демократическія [2]).

а) *Теократіи* суть тѣ формы, въ которыхъ судьбы государства ввѣряются божественному промыслу. При этомъ теократія можетъ носить *демократическій* характеръ, если народное собраніе видитъ въ себѣ истолкователя божественныхъ предначертаній, или если въ подобной роли выступаютъ изъ толпы отдѣльныя лица, какъ вдохновляемыя свыше. Она можетъ быть *аристократическою*, если государственная власть принадлежитъ жреческому сословію, являющемуся выразителемъ божественной воли. Она можетъ быть также и *монархическою*, если во главѣ государства стоитъ лицо, разсматриваемое какъ представитель божества или даже какъ само божество [3]).

б) *Республики* характеризуются тѣмъ, что верховная власть принадлежитъ въ нихъ народу, который или самъ держитъ ее въ своихъ рукахъ, или ввѣряетъ своимъ избранникамъ. Республика является *демократическою*, если между гражданами господствуетъ равенство, сопровождаемое непосредственнымъ участіемъ ихъ въ государственныхъ дѣлахъ; при чемъ на отдѣльныхъ лицъ власть

---

[1]) *Waitz.* Grundzüge der Politik; S. 42—46.
[2]) *Ibid.;* S. 36, 126.
[3]) *Ibid.*; S. 36—37.

переносится въ незначительномъ объемѣ и на короткое время. Республика носитъ *аристократическій* характеръ, если власть размѣщается въ ней по сословіямъ. Этотъ характеръ всего рѣзче выраженъ тамъ, гдѣ политическія права присвоиваются немногимъ знатнымъ родамъ, которые, однако, пользуются властью не во имя своего права, а по народному полномочію, хотя бы неизмѣнно переходящему изъ поколѣнія въ поколѣніе; самое же право на власть всегда остается здѣсь за народомъ [1]). Наконецъ, республику можно назвать *монархическою*, если верховная власть передается одному лицу [2]).

в) *Королевства*, т.-е. тѣ государства, въ которыхъ верховная власть, въ цѣломъ или въ значительной части, принадлежитъ одному человѣку, владѣющему ею по своему праву. Съ этимъ соединяется обыкновенно переходъ власти по наслѣдству, что всего болѣе отвѣчаетъ истинной природѣ королевства. Впрочемъ, иногда она пріобрѣтается избраніемъ, если только послѣднее не создаетъ самой власти, а лишь облекаетъ ею данное лицо [3]). Королевство является *неограниченнымъ*, если государственный строй не полагаетъ предѣловъ единовластію. Оно носитъ *аристократическій* отпечатокъ, если, рядомъ съ королемъ, извѣстная, незначительная часть народа не только пользуется привиллегіями, но и принимаетъ участіе въ управленіи. Оно отличается *демократическимъ* характеромъ, если право участія въ дѣлахъ государственныхъ распространяется на всѣхъ гражданъ безъ различія. Вообще слѣдуетъ замѣтить, что для королевства вовсе несущественно, чтобы власть главы государства была неограниченна [4]); важно только, чтобы она принадлежала ему по собственному праву, а не по уполномочію, что не исключаетъ совмѣстнаго права другихъ составныхъ частей общежитія [5]).

Точно также какъ и Лео, Вайтцъ предлагаетъ два главныхъ дѣленія, образующихъ совершенно самостоятельныя классифика-

---

[1]) *Waitz.* Grundzüge der Politik; S. 125—126.
[2]) *Ibid.;* S. 37—38.
[3]) *Ibid.;* S. 124.
[4]) *Ibid.;* S. 123.
[5]) *Ibid.;* S. 38—42.

ціи. Оба вмѣстѣ они не даютъ ничего, кромѣ путаницы; но и въ отдѣльности оба они имѣютъ важные недостатки.

Первое дѣленіе по степени сложности политической организаціи, опираясь на признакъ болѣе или менѣе случайный, проводитъ столь неопредѣленныя линіи, что распредѣленіе явленій по группамъ встрѣчаетъ серьезныя затрудненія. Какъ, напр., отличить союзное государство отъ сложнаго, если и то, и другое характеризуется общностью верховной власти и учрежденій?—Кромѣ того, непонятно, почему союзъ государствъ, хотя бы и на продолжительное время, считается особымъ государствомъ? И насколько длиненъ долженъ быть срокъ для этого? — Не говоримъ уже о странномъ опредѣленіи единичнаго государства, вытекающемъ изъ особенностей размѣщенія.

Второе дѣленіе носитъ сборный характеръ: оно заимствовано по частямъ у разныхъ писателей. Такъ, подражая Хэрену, Вайтцъ желаетъ основать обособленіе родовыхъ группъ на отношеніи верховной власти къ народу; но, за невозможностью сдѣлать это, онъ, подобно своему предшественнику, вынужденъ избрать одинъ изъ признаковъ, образующихъ сложное отношеніе. [1]) Замѣняя одно основаніе другимъ и не замѣчая этой замѣны, онъ останавливается на признакѣ принадлежности власти божеству, народу или отдѣльному лицу и получаетъ, такимъ образомъ, теократіи, республики и королевства. Двѣ послѣднія группы взяты, очевидно, у Аристотеля, при чемъ, по примѣру другихъ писателей, авторъ относитъ къ республикамъ аристократіи и демократіи, искажая отчасти древнія понятія. [2]) Присоединеніе же теократій къ формамъ Аристотеля въ качествѣ ихъ параллельной группы заимствуется у Блюнчли. Повторяя его ошибку, авторъ въ дѣйствительности обособляетъ теократіи по основанію, на которомъ покоится власть, ибо по принадлежности верховныхъ правъ, т. е. по составу высшаго органа, онѣ подводятся подъ греческое дѣленіе. [3]) Поэтому, становясь на точку зрѣнія Вайтца, мы находимъ у него, въ сущности, только двѣ Аристотелевскія группы, принявшія

---

[1]) См. выше, гл. XI, с. 268 sq.

[2]) Ibid.; гл. IX, с. 223 sq.

[3]) Ibid.; с. 234 sq.

повыя названія республикъ и королевствъ,—выводъ, отъ котораго недалекъ самъ авторъ. [1]) Тѣмъ съ большею неожиданностью встрѣчаемъ далѣе тѣ-же древнія группы въ положеніи видовыхъ подраздѣленій, откуда возникаетъ множество несообразностей, совершенно запутывающихъ размѣщеніе. Появляются республики аристократическія, гдѣ власть принадлежитъ народу, но передается наслѣдственно въ знатныхъ семействахъ (Венеція), и—монархическія, въ примѣръ которыхъ приводятся Соединенные Штаты [2]); рождаются затрудненія, къ королевствамъ или республикамъ отнести римскую и французскую имперіи [3]), и т. д. Эти несообразности наглядно показываютъ достоинства предлагаемаго размѣщенія.

Попыткою Вайтца мы заключаемъ обзоръ литературы, посвященной классификаціи государствъ. Наша работа подвинулась настолько, что отъ критической ея части мы уже можемъ перейдти къ конструктивной.

---

[1]) Ср. *Waitz.* Grundzüge der Politik., S. 122.
[2]) *Ibid.*; S. 38—39, 125, 127.
[3]) *Ibid.*; 124.

ГЛАВА ПЯТНАДЦАТАЯ.

Проэктируемая классификація государствъ.

Опредѣленіе размѣщаемаго матеріала. — Обособленіе и организація родовыхъ группъ.—Сравнительная оцѣнка обособляющихъ признаковъ Аристотеля и Канта.—Обособленіе и организація видовыхъ группъ.—Терминологія классификаціи.—Расположеніе явленій и группъ іерархическими рядами.

Оглядываясь на пройденный путь, намъ остается подвести итоги изслѣдованію. Критическая оцѣнка государственныхъ классификацій, предлагаемыхъ политическою литературой, привела насъ къ отрицательному выводу: ни одна изъ нихъ не удовлетворяетъ вполнѣ своему назначенію. Это обязываетъ насъ попытаться указать правильный выходъ въ вопросѣ, имѣющемъ столь важное научное значеніе.

Само собою разумѣется, что мы далеки отъ мысли искать, во что бы то ни стало, оригинальнаго рѣшенія задачи. Попытокъ въ этомъ направленіи сдѣлано достаточно, и нѣтъ никакой нужды увеличивать ихъ число. Нѣтъ въ томъ и особой заслуги: стоитъ взять любой общій признакъ государства, еще не испробованный, чтобы на его разновидностяхъ основать новое дѣленіе. Но этимъ легкимъ способомъ получаются только спеціальныя размѣщенія, которыя, впрочемъ, на своемъ мѣстѣ могутъ быть весьма полезны. Они съ успѣхомъ способны служить тѣмъ или другимъ частнымъ цѣлямъ; кромѣ того, они могутъ имѣть цѣну и какъ вспомогательныя средства при установленіи общей классификаціи [1]). Въ этомъ отношеніи нельзя отказать въ большомъ значеніи существующимъ попыткамъ, какъ подготовительнымъ работамъ, об-

[1]) См. выше, гл. III, с. 92.

легчающимъ рѣшеніе главнаго вопроса. И мы широко воспользуемся этими попытками, обставляя сложное дѣло *построенія общей классификаціи* гарантіями, которыми вооружаетъ насъ логика.

Приступая къ выполненію задачи, мы должны прежде всего обозначить съ возможною точностью *кругъ явленій*, подлежащихъ размѣщенію. Другими словами, необходимо начать съ установленія *высшей группы*, обнимающей весь размѣщаемый матеріалъ [1]). Этотъ первый шагъ влечетъ за собою важныя послѣдствія. Мы знаемъ, что высшая группа обусловливаетъ болѣе или менѣе выборъ обособляющихъ признаковъ и самый составъ дальнѣйшихъ подраздѣленій и что она является наиболѣе слабымъ пунктомъ всякой частной классификаціи, въ которомъ сосредоточивается главная опасность ошибокъ [2]). Поэтому, слѣдуетъ внимательно озаботиться, чтобы она была *обособлена* и *организована* правильно. Со стороны обособленія она должна представлять собою *естественную* группу въ логическомъ смыслѣ, т.-е. такую, которая обладаетъ множествомъ признаковъ. Со стороны организаціи въ ней долженъ быть указанъ *основной признакъ*, наиболѣе постоянный и неподвижный, который служилъ бы критеріемъ при распредѣленіи отдѣльныхъ явленій,—для рѣшенія вопроса, какія изъ нихъ принадлежатъ къ составу группы и какія исключаются изъ нея [3]).

Въ данномъ случаѣ матеріаломъ для размѣщенія являются *государства*. Что они образуютъ особую и самостоятельную группу, обладающую многочисленными общими признаками,—излишне доказывать: среди общественныхъ явленій трудно найдти другую группу, которая была бы болѣе *естественною*. Остается, слѣдовательно, указать въ ней основной признакъ, чтобы закрѣпить ея обособленіе. Такимъ признакомъ, безспорно, служитъ *верховная власть*, съ появленіемъ или исчезновеніемъ которой появляются или исчезаютъ политическіе союзы: государство немыслимо, какъ скоро нѣтъ этого признака, точно также какъ немысленъ самый признакъ, какъ скоро нѣтъ государства. Обязательно повторяясь

---

[1]) См. выше, гл. V, с. 155 sq.
[2]) Ibid.; с. 142 sq., 157—158.
[3]) Ibid.; с. 156; ср. гл. IV.

во всѣхъ размѣщаемыхъ явленіяхъ и присутствуя въ каждомъ изъ нихъ во все продолженіе его существованія, верховная власть составляетъ *отличительную* принадлежность государства, выдѣляющую его изъ другихъ общественныхъ соединеній [1]). Въ исторіи политической мысли, отъ Аристотеля и до настоящаго времени, не смотря на пестрое разнообразіе государственныхъ теорій, относительно этого вопроса не существуетъ различія мнѣній. Правда, есть писатели, которые, связывая съ терминомъ «государство» какое-либо специфическое значеніе, считаютъ нѣкоторые союзы недостойными носить это имя; однако, они не отрицаютъ за ними, какъ за историческими явленіями, совершенно исключительнаго положенія въ ряду другихъ выраженій коллегіальной жизни. Для насъ, чуждыхъ всякаго намѣренія производить качественную сортировку явленій, эта точка зрѣнія не имѣетъ, конечно, никакого значенія. Каково бы ни было достоинство государственныхъ формъ, признакъ верховной власти отчетливо обособляетъ ихъ отъ остальныхъ общественныхъ соединеній. Говоря это, мы, разумѣется, не устраняемъ общей оговорки, предполагаемой всякимъ обособленіемъ. Мы знаемъ, что, какъ бы правильно ни была организована группа, она никогда не можетъ быть избавлена отъ неопредѣленныхъ *переходныхъ* явленій, лежащихъ на ея границахъ [2]). Такъ точно и въ настоящемъ случаѣ. Въ процессѣ постепеннаго осложненія жизни нѣтъ возможности опредѣлить, съ какого момента общежитіе становится государствомъ. Благодаря послѣдовательности развитія, неопредѣленныя пограничныя состоянія здѣсь должны быть необходимо, и логика считаетъ праздным споръ объ отнесеніи ихъ къ той или другой категоріи. Какъ рѣшить, напр., слѣдуетъ ли признавать государствомъ полукочевое независимое племя съ шаткою общею властью и шаткими учрежденіями? или осѣдлую первоначальную общину со смутными зачатками политической организаціи? Но во всякомъ случаѣ подобныя переходныя состоянія являются сравнительно немногочисленными исключеніями. Въ огромномъ же большинствѣ случаевъ признакъ верховной власти достаточно отграничиваетъ

---

[1]) Ср. выше, гл. IV, с. 121 sq.

[2]) См. выше, гл. V, с. 138.

политическіе союзы отъ прочихъ общественныхъ сочлененій. Внѣшній и внутренній суверенитетъ, какъ двѣ стороны этого признака, точно обозначаютъ кругъ явленій, составляющихъ разновидности государства.

Вслѣдъ за опредѣленіемъ границъ размѣщаемаго матеріала нашею ближайшею задачею должно быть установленіе *высшихъ родовыхъ группъ* классификаціи. Эта трудная задача облегчается работами писателей, съ которыми насъ ознакомили предшествующія критическія главы. Въ неудачно названныхъ *деспотіяхъ* и *республикахъ* Канта мы имѣемъ готовыя родовыя группы, а въ признакѣ *раздѣленія властей*, который онъ указываетъ,—основаніе для правильной организаціи ихъ. Оцѣнку этого признака съ логической точки зрѣнія мы дадимъ ниже, при сравненіи его съ обособляющимъ признакомъ Аристотеля; здѣсь же скажемъ нѣсколько словъ о самихъ группахъ.

Канту собственно принадлежитъ только проведеніе генеральной межи, раздѣляющей названныя группы, чѣмъ онъ обязанъ своему признаку; но обособленіе ихъ сдѣлано было гораздо ранѣе. Смѣшанныя формы, проходящія черезъ всю исторію политической литературы, представляютъ собою ничто иное, какъ республики Канта. Неопредѣленно и слабо намѣченныя Полибіемъ, онѣ всегда противополагались совокупности формъ Аристотеля, отвѣчающихъ деспотіямъ германскаго философа. Сзади этого противоположенія стояло темное сознаніе, что между смѣшанными и простыми формами существуютъ важныя и глубокія различія, какихъ нѣтъ внутри этихъ группъ, изобилующихъ общими признаками. Со времени Монтескьё, освѣтившаго внутренній строй смѣшанной формы, это сознаніе росло и крѣпло въ ея сторонникахъ, пока, наконецъ, не выразилось отчетливо въ новой постановкѣ группъ Канта, за которымъ послѣдовали Хэренъ и Беръ. Съ нѣкоторыми частными отклоненіями тѣ же группы были предложены Де-Траси, Ланжюинэ и Пасси. Во многовѣковомъ тяготѣніи къ противоположенію смѣшанныхъ формъ простымъ и, позднѣе, въ открытомъ разграниченіи ихъ нельзя не видѣть вѣскаго указанія на то, что первыя образуютъ *естественную* группу политическихъ союзовъ, параллельную группѣ, образуемой вторыми. Косвенныя подтвержденія этого находимъ, сверхъ того, у многихъ

другихъ писателей. Шлейермахеръ, который отвергаетъ классификаціи Канта и его послѣдователей, вынужденъ, однако, сознаться, что новыя государства, имѣя смѣшанное устройство, не подходятъ подъ группы Аристотеля, различающіяся другъ отъ друга менѣе, нежели отъ соотвѣтственныхъ современныхъ типовъ. Та же мысль объ особомъ характерѣ новаго общежитія побуждаетъ Блюнчли установить «побочныя формы», Велькера и Моля—«правовыя государства», Форлендера—политическіе союзы высшей ступени развитія, и т. д.. Словомъ, нѣтъ недостатка въ подтвержденіяхъ этого рода, которыя служатъ косвенными доказательствами въ пользу Кантовскаго обособленія.

Однако, установленіе родовыхъ группъ мы основываемъ не на однѣхъ ссылкахъ, болѣе или менѣе авторитетныхъ. Дѣленіе государствъ на простыя и смѣшанныя формы,—удержимъ пока эти названія,—намъ представляется, по существу дѣла, *наилучшимъ*, какое можно предложить для группировки политическихъ союзовъ. Между общежитіями того и другаго типа лежитъ цѣлая *пропасть*, образуемая *яркими* и *глубокими* различіями, превосходящими всѣ другія особенности государствъ. Среди этихъ различій первое мѣсто занимаетъ, конечно, самое основаніе обособленія: раздѣленіе властей. Подобно основанію Аристотеля, оно покоится въ высшемъ органѣ государства, составляющемъ его центральный, отличительный признакъ, какъ мы только-что видѣли. Въ этомъ смыслѣ оно касается послѣднихъ *устоевъ* государства, какъ такового, и опирается на самую *важную* ихъ сторону, вслѣдствіе чего имѣетъ множество производныхъ и сопутствующихъ признаковъ, служащихъ дальнѣйшими различіями простыхъ и смѣшанныхъ формъ. По удачному указанію Хэрена, Кантовское основаніе дѣленія прекрасно характеризуетъ *взаимное отношеніе* верховной власти и подчиненнаго ей населенія, т.-е. двухъ необходимыхъ половинъ всякаго политическаго общежитія. Въ связи съ тѣмъ, раздѣлены, или нѣтъ, верховныя права, различно рѣшаются вопросы первостепенной важности: всѣ-ли элементы государства представлены въ его высшемъ органѣ или только нѣкоторые; принимаетъ ли народъ участіе въ законодательствѣ, контролируетъ ли онъ дѣйствія правительства; пользуются ли отдѣльныя лица только гражданскими или, сверхъ того, и политическими правами; являются

ли они въ положеніи подданныхъ или свободныхъ гражданъ союза, и т. д.. Короче, признакъ раздѣленія властей, вмѣстѣ съ производными и сопутствующими признаками, проводитъ ясныя и рѣзкія различія *сверху* и *снизу* между государствами простаго и смѣшаннаго устройства,—различія, проникающія какъ общественную, такъ и частную жизнь, налагая на ту и другую своеобразный отпечатокъ. Получаются, такимъ образомъ, *естественныя* группы, богатыя общими и важными характеристическими чертами, имѣющія *преимущество* въ этомъ отношеніи передъ другими возможными обособленіями. Разумѣется, мы не въ состояніи обнаружить ихъ преимущества съ наглядною точностью, ибо для этого нужно было бы показать, что данное размѣщеніе надѣляетъ свои группы бо́льшимъ числомъ и болѣе важныхъ признаковъ, чѣмъ всякое другое дѣленіе. Въ свою очередь, такая задача требовала бы перечисленія и сравненія отдѣльныхъ признаковъ различныхъ классификацій; что̀ само по себѣ невыполнимо, если только мы имѣемъ, дѣйствительно, естественныя группы, въ которыхъ нѣтъ конца общимъ свойствамъ. Но чего мы не можемъ сдѣлать въ настоящемъ случаѣ, того не можетъ каждый классификаторъ. Ему, какъ и намъ, по необходимости приходится довольствоваться заключеніемъ, что избранное основаніе дѣленія *лучше* другихъ основаній и что за многими извѣстными признаками образуемыхъ группъ слѣдуетъ *предполагать* множество другихъ неизвѣстныхъ [1]). А на подобное заключеніе мы уже имѣемъ нѣкоторое право въ виду изложенныхъ выше соображеній. Къ тому же, въ подкрѣпленіе этихъ соображеній, мы надѣемся, во 1-хъ, доказать вскорѣ превосходство обособляющаго признака Канта надъ признакомъ Аристотеля, — единственнымъ, который можетъ съ нимъ конкуррировать; во 2-хъ,— отмѣтить попутно другія важныя черты группъ, не претендуя, конечно, исчерпать общія свойства ихъ.

Двѣ высшія родовыя группы простыхъ и смѣшанныхъ государствъ должны, очевидно, подлежать *дальнѣйшему дѣленію:* онѣ заключаютъ въ себѣ слишкомъ глубокія различія и слишкомъ яр-

---

[1]) Ср. выше, гл. IV, 118—119.

кія сходства, чтобы можно было игнорировать ихъ при изученіи. И здѣсь работы политическихъ писателей облегчаютъ нашу задачу.

Что касается простыхъ формъ, то мы находимъ *превосходное рѣшеніе* вопроса въ классификаціи Аристотеля. Господствующее положеніе, занимаемое сю въ литературѣ въ теченіе многихъ вѣковъ, одно ручается за ея достоинства. Солидность ея основаній была испробована съ самыхъ разнообразныхъ точекъ зрѣнія и всегда выдерживала испытаніе. Возраженія, какія были направлены противъ нея, оказывались обыкновенно несостоятельными, кромѣ упрека въ неполнотѣ. Наконецъ, даже ея противники никогда не отвергали ея безусловно: нѣтъ писателя, который не признавалъ бы за древнимъ дѣленіемъ великой важности [1]).

Но здѣсь мы должны вернуться нѣсколько назадъ. Въ виду высокаго научнаго значенія и безспорныхъ достоинствъ классификаціи Аристотеля невольно рождается мысль, не слѣдуетъ ли, при установленіи высшихъ родовыхъ группъ, *удержать* древнее основаніе дѣленія, отдавая ему *предпочтеніе* предъ основаніемъ Канта. Что это возможно,—въ томъ, казалось-бы, достаточно убѣждаютъ послѣдователи греческаго философа, на сторонѣ которыхъ доселѣ остается большинство политическихъ писателей, часто весьма авторитетныхъ. Поэтому, для рѣшенія вопроса необходимо *разсмотрѣть основанія* того и другаго дѣленія, *сравнивъ* ихъ между собою при помощи указаній логики. Это разсмотрѣніе будетъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, и рѣшеніемъ другаго вопроса объ *организаціи* высшихъ предлагаемыхъ группъ; оно же объяснитъ *взаимное отношеніе* древняго и новаго размѣщенія, что̀, какъ мы видѣли, оставалось или темнымъ, или запутаннымъ у Канта и его сторонниковъ.

Разсмотрѣть и сравнить основанія дѣленій значитъ разсмотрѣть и сравнить *обособляющіе признаки* образуемыхъ группъ. Эти признаки должны удовлетворять многимъ требованіямъ, которыя намъ нужно теперь принять во вниманіе.

Припомнимъ, что, если размѣщаемый матеріалъ представляетъ естественную группу, установленную съ соблюденіемъ логическихъ условій, то въ ея обособляющемъ признакѣ мы имѣемъ право предполагать *основной признакъ* изучаемыхъ явленій [1]). Эти условія

---

[1]) См. выше, гл. IV, с. 122—123.

мы выполнили выше, показавъ, что основнымъ признакомъ государства служитъ верховная власть.

Припомнимъ, далѣе, что для дѣленія естественной группы, установленной указаннымъ способомъ, *обособляющихъ* признаковъ слѣдуетъ искать прежде всего въ ея *основномъ* признакѣ. [1]) Въ данномъ случаѣ, слѣдовательно, нужно прежде всего обратить вниманіе на то, нельзя ли воспользоваться въ цѣляхъ дѣленія *верховною властью*, какъ основнымъ признакомъ.

Наконецъ, припомнимъ, что обособляющіе признаки должны соотвѣтствовать другъ другу и раздѣлять размѣщаемый матеріалъ безъ остатка, такъ чтобы части порознь были менѣе цѣлаго, а вмѣстѣ равнялись послѣднему. Отвѣчая этимъ требованіямъ, упомянутые признаки должны быть отчетливо выраженными *различными состояніями* общаго высшаго признака, т. е. его *разновидностями*, взятыми безъ пропуска и положенными въ основу образованія группъ. [2]) Поэтому, при размѣщеніи политическихъ союзовъ необходимо взглянуть, не представляетъ ли верховная власть, какъ высшій признакъ, *разновидностей*, которыя могли-бы стать основаніемъ обособленія.

Примѣняя эти требованія къ обособляющимъ признакамъ Аристотеля и Канта, находимъ, что оба философа ищутъ основаній дѣленія въ верховной власти. Съ этой стороны, оба они *одинаково* удовлетворяютъ логическимъ условіямъ задачи. За-то въ другомъ отношеніи между ними *большая разница*, дающая важное преимущество новому мыслителю передъ древнимъ.

Верховная власть есть сложный признакъ, въ составъ котораго входятъ многіе признаки, образующіе свои особые ряды разновидностей. Поэтому, каждый составной признакъ, являясь одною изъ сторонъ верховной власти, своими разновидностями способенъ дать основаніе самостоятельному обособленію. Могутъ, стало-быть, существовать *многія* размѣщенія, которыя опираются на различныя стороны верховной власти, имѣя *неодинаковое* логическое достоинство и значеніе. [3]) Разсматривая вопросъ съ

---

[1]) См. выше, гл. V, 146.

[2]) Ibid.; с. 133—134.

[3]) Ibid.; с. 140.

этой точки зрѣнія, нельзя не отдать *предпочтенія* классификаціи Канта. Онъ беретъ основаніемъ дѣленія ту сторону высшаго признака, которая сопутствуетъ ему на *всемъ* пространствѣ дѣлимаго матеріала; между тѣмъ, Аристотель останавливается на такой сторонѣ, которую онъ (признакъ) удерживаетъ только въ извѣстной *части* этого матеріала. Отсюда выходитъ, что разновидности Канта захватываютъ *всѣ* размѣщаемыя явленія, тогда какъ разновидности Аристотеля—только *отдѣльную* группу ихъ. Въ самомъ дѣлѣ, обращаясь къ раздѣленію властей [1]), какъ къ обособляющему признаку, мы находимъ здѣсь двѣ разновидности: верховная власть или распредѣляется между различными органами, или сосредоточивается въ одномъ. Сообразно этому, получаемъ группы простыхъ и смѣшанныхъ формъ, подъ которыя безъ труда *подводятся* всѣ историческія государства. Напротивъ, избирая обособляющимъ признакомъ составъ верховной власти, въ предположеніи, что она представлена однимъ нераздѣльнымъ органомъ, какъ это дѣлаетъ Аристотель, мы, очевидно, ограничиваемъ дѣленіе простыми формами, *исключая* изъ сферы классификаціи всѣ политическіе союзы смѣшаннаго устройства. Попытка же распространить дѣленіе на эти союзы можетъ повести или къ путаницѣ, какую видимъ у сторонниковъ Канта, или къ отрицанію несомнѣнныхъ фактовъ, что́ замѣчаемъ у противниковъ смѣшанной формы. Подгоняя подъ рубрики Аристотеля явленія новѣйшей исторіи, послѣдніе вынуждены утверждать, что дѣленіе верховной власти невозможно, ибо противорѣчитъ началу государственнаго единства, и что смѣшанное устройство представляетъ собою не дѣленіе, а только ограниченіе верховныхъ правъ. Насколько основательно это утвержденіе,—мы уже имѣли случай говорить выше [2]).—Такимъ образомъ, обособляющіе признаки Канта удовлетворяютъ *всѣмъ* логи-

---

[1]) Во избѣжаніе недоразумѣній замѣтимъ, что подъ этимъ терминомъ мы разумѣемъ распредѣленіе верховной власти по отдѣльнымъ органамъ, владѣющимъ ею въ силу *своего* права или права *составныхъ частей* населенія. Отсюда исключаются, слѣдовательно, новѣйшія демократіи, гдѣ верховная власть *нераздѣльно* принадлежитъ народу *въ цѣломъ*, хотя и вѣряется различнымъ органамъ.

[2]) См. выше, гл. IX, с. 230—232.

ческимъ требованіямъ, тогда какъ признаки Аристотеля нарушаютъ *важнѣйшія* изъ нихъ, оказываясь недостаточными для образованія высшихъ группъ.

Но возвратимся къ вопросу о *видовыхъ подраздѣленіяхъ*. Не устанавливая родовыхъ группъ, древняя классификація, какъ мы замѣтили, даетъ прекрасное рѣшеніе задачи относительно размѣщенія *простыхъ* формъ. Послѣ всего, сказаннаго о ней на страницахъ нашего изслѣдованія, было бы излишне доказывать здѣсь, что она въ этой части размѣщаемаго матеріала выполняетъ всѣ условія правильнаго дѣленія. Поэтому, мы можемъ спокойно перейдти къ установленію и организаціи видовъ *смѣшанной* формы. Но предварительно сдѣлаемъ одно необходимое замѣчаніе.

Какъ мы уже много разъ упоминали, смѣшанныя формы представляютъ собою явленія новѣйшаго времени. Своимъ распространеніемъ онѣ обязаны, главнымъ образомъ, текущему столѣтію. Естественно, поэтому, что онѣ не успѣли выработать такихъ яркихъ и отчетливыхъ различій, какими отдѣляются другъ отъ друга простыя формы. Намъ думается, однако, что уже и здѣсь достаточно обозначились нѣкоторыя черты, способныя послужить основаніемъ обособленія. Разумѣется, черты эти не имѣютъ законченной опредѣленности, ибо онѣ находятся въ процессѣ образованія; ихъ относительная слабость вытекаетъ, кромѣ того, изъ самой идеи новаго государственнаго устройства, на что̀ укажемъ ниже. Въ виду этого мы предлагаемъ дѣленіе смѣшанныхъ формъ только *условно*, хорошо сознавая его слабыя стороны.

Въ цѣляхъ дѣленія мы воспользуемся счастливой, по нашему мнѣнію, мыслью Рошера, который, какъ видѣлъ читатель, держится классификаціи Аристотеля, но исправляетъ ея основаніе. Исправленіе вызвано, повидимому, желаніемъ дать такую постановку древнему размѣщенію, при которой смѣшанныя формы подходили бы подъ его группы безъ натяжекъ и затрудненій. Это заставляетъ Рошера утверждать, что исторія не знаетъ простыхъ формъ въ *чистомъ* видѣ, но что въ каждомъ общежитіи существуютъ монархическіе, аристократическіе и демократическіе элементы, которые могутъ находиться въ разнообразныхъ *сочетаніяхъ*, всегда, впрочемъ, съ ясно выраженнымъ *преобладаніемъ* одного изъ нихъ надъ остальными. По преобладающему элементу

различаются монархіи, аристократіи и демократіи,—группы, въ которыя умѣщаются всевозможные политическіе союзы [1]). Примѣнительно къ государствамъ вообще мысль Рошера мы нашли ложною; но по отношенію къ смѣшаннымъ формамъ она, намъ кажется, имѣетъ право на признаніе. Дѣленіе власти выражается здѣсь въ сложномъ составѣ верховнаго органа, части котораго представляютъ собою особые органы. Эти *составные* органы отвѣчаютъ обыкновенно *монархическому*, *аристократическому* и *демократическому* элементамъ, которые присутствуютъ или всѣ вмѣстѣ, что̀ чаще, или въ нѣкрыхъ соединеніяхъ. Въ различныхъ государствахъ положеніе и значеніе этихъ элементовъ *неодинаково*; но одинъ изъ нихъ *непремѣнно* преобладаетъ надъ остальными, придавая общежитію *особый* характеръ [2]). Это до того справедливо, что противники смѣшанныхъ формъ, желая остаться при группахъ Аристотеля, въ одномъ этомъ находятъ убѣжище. Всѣ они, въ сущности, разсматриваютъ отвергаемыя формы съ точки зрѣнія, какую усвоиваетъ Рошеръ, но не ставятъ вопроса столь опредѣленно, какъ онъ. Чаще всего они дѣлятъ простыя государства на «чистыя» и «умѣренныя», разумѣя подъ послѣдними такое устройство, въ которомъ господство одного элемента сдерживается другими; а въ этомъ именно и заключеатся мысль Рошера.

Такимъ образомъ, высшую группу смѣшанныхъ государствъ мы можемъ раздѣлить на *монархическія*, *аристократическія* и *демократическія* формы. Въ отличіе отъ древняго размѣщенія, дѣленіе основывается не на *юридическомъ*, а на *политическомъ* началѣ,—не на томъ, кому *по праву* принадлежитъ верховная власть, а на томъ, какой государственный элементъ *фактически* занимаетъ господствующее положеніе среди другихъ элементовъ, входящихъ въ составъ верховнаго органа. Этимъ объясняется, между прочимъ, почему обособляющіе признаки являются здѣсь не столь отчетливыми и наглядными, какъ въ соотвѣтствующемъ дѣленіи простыхъ формъ; по той же причинѣ они и не столь устойчивы, какъ тамъ.

---

[1]) См. выше, гл. IX, с. 221 sq.

[2]) Ср. *Vorländer*. Die Staatsformen in ihrem Varhältniss zur Entwicklung der Gesellschaft; S. 313 (XIV-er Bd).

Съ методологической точки зрѣнія это, конечно, недостатки; но съ ними приходится мириться, ибо другихъ болѣе наглядныхъ и устойчивыхъ основаній дѣленія мы здѣсь не видимъ: за отсутствіемъ безусловно лучшаго слѣдуетъ довольствоваться относительно хорошимъ.

Указанные недостатки обособляющихъ признаковъ имѣютъ свое историческое объясненіе, на которомъ мы должны на минуту остановиться. Помимо непосредственной цѣли, эта остановка дастъ намъ возможность, съ одной стороны, указать новыя, важныя различія между простыми и смѣшанными формами, съ другой,—найдти основаніе для терминологіи предлагаемой классификаціи.

Рошеръ въ заключительной мѣрѣ правъ, утверждая, что монархическіе, аристократическіе и демократическіе элементы составляютъ принадлежность всякаго общежитія [1]). Если чѣмъ грѣшитъ его утвержденіе, то—излишнею безусловностью. Оно вѣрно только въ примѣненіи къ государствамъ съ *долгимъ* историческимъ прошлымъ, что̀ отчасти сознаетъ и самъ авторъ, оговариваясь относительно начальныхъ состояній общежитія. Въ государствахъ же, имѣвшихъ продолжительное существованіе, мы обыкновенно встрѣчаемся, дѣйствительно, съ тремя названными элементами, образующими своего рода наслоенія въ населеніи. Иногда нѣкоторые элементы бываютъ слабо развиты; но въ большинствѣ случаевъ всѣ они рѣзко выдѣляются. Въ зависимости отъ мѣста и времени, аристократическіе и демократическіе слои народа принимаютъ то неподвижный характеръ кастъ, то упругій складъ сословій, то, наконецъ, шаткія очертанія общественныхъ классовъ. Въ эпохи, когда простыя формы служатъ самымъ распространеннымъ типомъ государства, эти элементы являются въ бо́льшей или меньшей *односторонней исключительности*: править или одинъ, или аристократическое меньшинство, или, по опредѣленію Аристотеля, бѣдное большинство населенія [2]). Ко всѣмъ другимъ элементамъ господствующій относится *отрицательно* въ томъ смыслѣ, что не допускаетъ ихъ участія въ отправленіи функцій верхнов-

---

[1]) Ср. *Fröbel.* Theorie der Politik; I-er Bd., S. 216 sq.

[2]) *Политика*; кн. III, гл. V, с. 138—139.

ной власти. Поэтому, общежитіе отличается сравнительною *элементарностью* устройства, позволяющею проводить точныя линіи дѣленія, основываясь на количественномъ составѣ высшаго органа. Но съ теченіемъ времени политическій строй осложняется мало-по-малу. Элементы, стоявшіе въ сторонѣ, постепенно получаютъ признаніе. Шагъ за шагомъ они отвоевываютъ себѣ политическія права и, съ тѣмъ вмѣстѣ, предъявляютъ претензіи на участіе въ дѣлахъ государственныхъ. Исключительное господство одного политическаго фактора уступаетъ мѣсто *совокупному* дѣйствію нѣсколькихъ, между которыми *распредѣляются* верховныя права; простое устройство высшаго органа замѣняется *сложнымъ*. Всѣ ли элементы входятъ въ его составъ, участвуютъ ли въ немъ только нѣкоторые, какому изъ нихъ принадлежитъ преобладаніе, какъ раздѣлена и организована верховная власть,—все это вопросы, рѣшаемые исторіею даннаго народа. Несомнѣнно, однако, что политическое положеніе того или другаго элемента опредѣляется его *фактическимъ* положеніемъ въ жизни,—силою, какою онъ располагаетъ,—мѣрою его величины и тяжести среди другихъ государственныхъ факторовъ. А такъ какъ эта мѣра можетъ постоянно измѣняться, то, соотвѣтственно этому, должно измѣняться и взаимное отношеніе составныхъ частей верховной власти. Ясно, что при такихъ условіяхъ избранный нами признакъ дѣленія, касаясь существа разсматриваемыхъ формъ, не можетъ не страдать нѣкоторою *слабостью* и *шаткостью*: то и другое вытекаетъ изъ основной идеи организаціи государства, въ верховномъ органѣ котораго отражаются всѣ живыя и дѣятельныя силы народа.

Ясно также историческое *положеніе* простыхъ и смѣшанныхъ формъ. Элементарное устройство первыхъ служитъ указаніемъ, что мы имѣемъ здѣсь дѣло съ *низшими* и *первичными* образованіями; наоборотъ, сложность вторыхъ является признакомъ ихъ *высшей* и *позднѣйшей* организаціи, въ которой развитіе, какъ и повсюду, сопровождалось осложненіемъ. Съ этой стороны, предлагаемыя группы въ общемъ отвѣчаютъ *историческому росту* общежитій, на необходимости чего такъ настаиваютъ Моль и Форлендеръ: простыя формы относятся къ сложнымъ, какъ *низшія ступени* развитія къ *высшимъ*. Онѣ представляютъ собою два глубоко различныхъ состоянія государства, изъ которыхъ одно

предшествуетъ другому. Связанныя преемственностью, эти состоянія предполагаютъ, конечно, *промежуточныя* стадіи развитія, которыя дѣлаютъ переходъ между ними постепеннымъ и непримѣтнымъ.

Наше бѣглое историческое замѣчаніе дастъ возможность установить *терминологію* предлагаемой классификаціи.—Относительно высшихъ *родовыхъ* группъ мы находимъ неудачнымъ названіе «смѣшанной» формы, данное Полибіемъ: оно содержитъ въ себѣ ложное указаніе на строеніе государства. Названія «деспотій» и «республикъ», принятыя Кантомъ, намъ кажутся также неудовлетворительными, ибо обыкновенный смыслъ этихъ словъ упрочившійся за ними, совершенно не отвѣчаетъ характеру группъ новаго дѣленія. Гораздо лучше термины Хэрена: «автократіи» и «республики»; но послѣдній изъ нихъ опять произвольно измѣняетъ установившееся значеніе слова. Наконецъ, по той-же причинѣ мы не можемъ одобрить названій Бера: «монархіи» и «діархіи», которыя, сверхъ того, грѣшатъ нѣкоторою вычурностью. Слѣдуя правилу, что denominatio fit a potiori, мы оставимъ за первою группою, обнимающею формы Аристотеля, обычный терминъ *простыхъ государствъ*; вторую же группу, характеризующуюся раздѣленіемъ властей, назовемъ *сложными государствами*. Эти названія мы предпочитаемъ другимъ потому, что они указываютъ на различное устройство общежитій той и другой группы, въ чемъ заключаются отличительные ихъ признаки. По взаимному положенію этихъ группъ въ исторіи мы могли-бы назвать ихъ также *элементарными* и *производными* или *первичными* и *вторичными* формами; но первыя названія намъ представляются болѣе мѣткими.—Относительно терминологіи *видовъ* простыхъ государствъ мы находимъ всего цѣлесообразнѣе удержать названія Аристотеля, получившія всеобщее распространеніе и признаніе; для сложныхъ-же государствъ—употреблять тѣ-же названіе въ сочетаніи съ именемъ ихъ родовой группы.—Такимъ образомъ, классификація въ общемъ приметъ слѣдующій видъ:

А) П р о с т ы я ф о р м ы, съ нераздѣльнымъ органомъ верховной власти: а) *монархіи*, б) *аристократіи* и в) *демократіи*.

Б) С л о ж н ы я ф о р м ы, верховной органъ которыхъ дѣлится на составные органы: а) *монархическія*, б) *аристократическія*

и в) *демократическія сложныя государства* (или: сложныя монархіи, аристократіи и демократіи).

Проэктируемая классификація, ограничиваясь обособленіемъ родовыхъ и видовыхъ группъ, конечно, можетъ быть *продолжена* внизъ: виды могутъ подлежать дальнѣйшимъ дѣленіямъ и подраздѣленіямъ. Но это выходитъ уже за предѣлы нашей задачи, состоящей въ проведеніи основныхъ линій размѣщенія. Замѣтимъ, однако, что для простыхъ формъ мы считали бы полезнымъ сохранить дѣленіе ихъ на *правильныя* и *искаженныя*, установленное Аристотелемъ. Что касается сложныхъ государствъ, то дальнѣйшее обособленіе мы находимъ здѣсь пока излишнимъ. «Излишнимъ» и «пока» намъ кажется такое обособленіе потому, что сложныя формы государствъ, какъ замѣчено выше, еще недостаточно развѣтвились, чтобы требовать, въ интересахъ изученія, многочисленныхъ группъ.

Наша классификація государствъ удовлетворяетъ, повидимому, всѣмъ требованіямъ, установленнымъ въ первомъ отдѣлѣ изслѣдованія. На выполненіе важнѣйшихъ требованій мы уже указали; соблюденіе остальныхъ предлагаемъ повѣрить читателю, чтобы не затягивать изложенія. Въ заключеніе намъ остается остановиться на вопросѣ о *взаимномъ расположеніи* размѣщаемыхъ явленій и образуемыхъ группъ.

Въ своемъ мѣстѣ мы видѣли, что логика рекомендуетъ расположеніе изучаемаго матеріала *рядами*, по степени наибольшаго сходства сосѣднихъ членовъ, будутъ-ли то отдѣльныя явленія или цѣлыя группы. Ряды могутъ принять линейный или іерархическій видъ. Въ послѣднемъ случаѣ они особенно благопріятствуютъ изученію, допуская примѣненіе метода сопутствующихъ измѣненій [1]). Намъ кажется, что наше размѣщеніе позволяетъ не только линейное расположеніе, которое болѣе или менѣе всегда возможно, но даже и *іерархическое*, что въ общихъ классификаціяхъ встрѣчается рѣдко [2]). Съ этою цѣлью мы воспользуемся работою Шлейермахера и нѣкоторыми указаніями другихъ писателей.

Относительно *простыхъ формъ* Шлейермахеръ обнаруживаетъ съ большимъ искусствомъ, что за количественными признаками

---

[1]) См. выше, гл. VII, с. 167 sq..

[2]) Ibid; с. 174 sq.

греческаго дѣленія скрываются глубокія различія политическихъ союзовъ по степени напряженія *государственнаго* начала, составляющаго основной нервъ общежитія. Эти признаки служатъ внѣшнимъ и наглядным выраженіемъ силы, съ какою данное политическое тѣло воплощаетъ въ себѣ принципъ государственнаго единства,—противоположеніе частей цѣлому,—образующее центральный узелъ другихъ отличительныхъ его признаковъ. Съ этой точки зрѣнія, демократіи проводятъ начало единства, caeteris paribus, всего слабѣе, а монархіи—всего сильнѣе; средину между ними занимаютъ аристократіи. Выходя изъ иныхъ основаній, ту же самую мысль защищаютъ Тренделенбургъ и Пасси, при чемъ послѣдній подкрѣпляетъ ее богатымъ запасомъ историческихъ наблюденій [1]); она же является у Форлендера подъ формою политическаго и соціальнаго принциповъ подчиненія и общенія.

Если теперь мы попробуемъ расположить явленія и группы по *возрастающей* или *убывающей* силѣ государственнаго начала, отраженнаго въ органахъ верховной власти, то получимъ *іерархическій рядъ простыхъ государствъ*, въ которомъ демократіи примыкаютъ къ аристократіямъ, а послѣднія—къ монархіямъ. Сосѣдніе члены этого ряда обладаютъ высшимъ взаимнымъ сходствомъ. Внутри отдѣльныхъ группъ явленія распредѣляются въ порядкѣ медленно наростающихъ различій, которыя выражаются въ демократіяхъ и аристократіяхъ сокращеніемъ или умноженіемъ лицъ, надѣленныхъ верховными правами, въ монархіяхъ—усиленіемъ или ослабленіемъ власти главы государства. Съ другой стороны, переходъ между самими группами представляется столь же непримѣтно-послѣдовательнымъ. Что таковымъ онъ является между демократіями и аристократіями,—ясно съ перваго взгляда: съ постепеннымъ уменьшеніемъ числа лицъ, образующихъ державный народъ, демократіи мало-по-малу приближаются къ аристократіямъ и сливаются съ ними. Между прочимъ, отсутствіе отчетливой черты, раздѣляющей эти формы, заставляетъ нѣкоторыхъ писателей, съ Халлеромъ во главѣ, относить ихъ къ одной общей республиканской группѣ. Что переходъ отъ аристократій къ мо-

---

[1]) *Trendelenburg.* Naturrecht; S. 488 sq. — *Passy.* Des formes de gouvernements; p. 17 sq., 458 sq.

нархіямъ характеризуется точно такою же послѣдовательностью,— опять очевидно само собою: съ дальнѣйшимъ уменьшеніемъ числа державныхъ гражданъ-аристократовъ верховная власть сосредоточивается все болѣе и болѣе, а съ выдѣленіемъ лицъ или родовъ, занимающихъ преобладающее положеніе, она принимаетъ монархическій оттѣнокъ, пока, наконецъ, государство не превращается въ дѣйствительную монархію, какъ это хорошо указано Шлейермахеромъ.

Еще легче установить *іерархическое расположеніе* среди *сложныхъ формъ* государства при помощи того же пріема. Распредѣляя явленія по *возрастающей* или *убывающей* силѣ государственнаго начала, выраженнаго въ *преобладающемъ* элементѣ сложнаго органа верховной власти, мы получимъ непрерывный рядъ звеньевъ въ порядкѣ ихъ послѣдовательнаго отклоненія другъ отъ друга: демократическія, аристократическія и монархическія сложныя государства. Постепенность перехода между членами ряда представляется здѣсь еще непримѣтнѣе, чѣмъ въ простыхъ государствахъ, благодаря бо́льшей подвижности и гибкости политическихъ формъ.

Наконецъ, нетрудно *связать* два пока разорванные ряда простыхъ и сложныхъ государствъ. Представимъ себѣ, что первыя изъ нихъ распредѣлены по степени *возрастающей* силы государственнаго начала, а вторыя—въ *обратномъ* порядкѣ;—получимъ слѣдующую *общую цѣпь* явленій: демократіи, аристократіи, монархіи, сложныя манархическія, аристократическія и демократическія государства. Чтобы убѣдиться, что эта общая цѣпь отвѣчаетъ требованіямъ *іерархическаго* размѣщенія, намъ нужно указать только постепенность перехода отъ простыхъ монархій къ сложному виду ихъ. А что такой переходъ, дѣйствительно, существуетъ, необходимо слѣдуетъ изъ предыдущаго: строго монархическія простыя формы превращаются мало-по-малу въ сложныя, по мѣрѣ признанія политическихъ правъ за составными частями населенія.

Всматриваясь во взаимное расположеніе явленій общей цѣпи, нельзя не замѣтить, что государственное начало, слабо развитое въ первыхъ звеньяхъ, постепенно усиливается и крѣпнетъ въ дальнѣйшемъ слѣдованіи; въ среднихъ монархическихъ звеньяхъ оно достигаетъ высшаго напряженія и потомъ вновь начинаетъ ослабѣвать и падать въ звеньяхъ противоположнаго конца цѣпи.

Если мы дадимъ себѣ отчетъ въ этомъ прогрессирующемъ и регрессирующемъ движеніи государственнаго начала, то найдемъ, что установленный іерархическій рядъ характеризуется борьбою двухъ основныхъ принциповъ общежитія, опредѣляющихъ его историческія формы. Рядъ этотъ начинается господствомъ принципа личной *свободы*, который, вступая въ борьбу съ принципомъ *порядка*, шагъ за шагомъ отступаетъ передъ нимъ и очищаетъ для него мѣсто. Послѣдній одерживаетъ полную побѣду и достигаетъ исключительнаго преобладанія, чтобы, вслѣдъ за тѣмъ, начать, въ свою очередь, точно такое же отступленіе передъ ростущею силою своего побѣжденнаго противника, который вновь беретъ надъ нимъ перевѣсъ.—Однако, здѣсь мы уже выходимъ за границы нашей непосредственной темы, вступая въ область выводовъ, къ которымъ могла бы привести проэктируемая классификація, приложенная къ изученію размѣщаемыхъ явленій. Но это—совершенно особая задача, которой не имѣетъ въ виду наше методологическое изслѣдованіе.